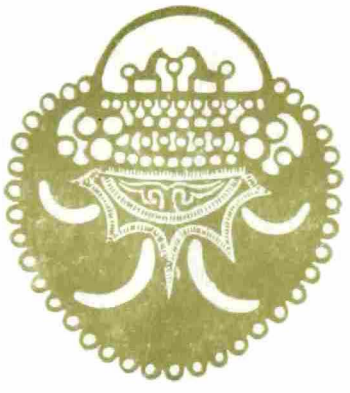
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1968

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, М. К. Каргер,
Е. И. Крупнов, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *С. А. Плетнева*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Статьи

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

КУЛЬТУРА ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ НА СЕВЕРЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В результате многолетних археологических изысканий на территории севера и северо-запада европейской части Советского Союза стало известно, что в эпоху неолита эти области были заселены племенами, изготовлявшими керамику с ямочно-гребенчатой орнаментацией. Расселившись по огромной территории, эти племена не могли сохранить неизменным облик своей материальной культуры, поскольку в различных районах сталкивались с различной обстановкой, которая накладывала определенный отпечаток на их хозяйственную деятельность и идеологические представления. Все это и послужило причиной того, что культура племен, изготовлявших ямочно-гребенчатую керамику, распалась на ряд вариантов, вопрос о выявлении которых уже поставлен советскими археологами [1].

Целью настоящей работы является уточнение границ локальных вариантов памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на основе материалов, полученных за последние годы, и сравнение этих ареалов с территориями распространения известных в данных районах комплексов каменных орудий. В работе анализируются материалы неолитических памятников, раскопанных в Эстонии, Южной Карелии, Ленинградской области, на беломорском побережье, а также в бассейнах рек Печоры и Вычегды. Керамика, собранная при исследовании неолитических поселений на этой территории, представляла собой фрагменты больших остродонных сосудов «открытой» формы, изготовленных из глины с примесью дресвы, кварца или крупнозернистого песка.

Орудия изготовлялись из сланца, кремня и кварца и представлены различными типами наконечников стрел и копий, долот, топоров, ножей, скребков, проколок и т. п.

1

Наибольшее количество интересующих нас памятников известно на территории южной Карелии и Ленинградской области, где проводили исследования экспедиции А. Я. Брюсова, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной и др.

В 1928 г. вышла в свет первая работа по хронологии неолитических памятников Карелии и Ленинградской области [2]. Ее автор, Б. Ф. Земляков, основываясь на различных относительно уровня моря высотных от-

[1] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; М. Е. Фосс. Неолитические культуры Севера европейской части СССР. СА, IX, 1947, стр. 29—46; его же. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952; Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961.

[2] Б. Ф. Земляков. Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время. ДАН СССР, Л., 1928, стр. 85—90.

метках поселений на этой территории, разбил их на три фазы, в которые были включены стоянки с ямочно-гребенчатой и асбестовой керамикой. Поселение с ямочно-гребенчатой керамикой он отнес к первым двум фазам, дав при этом краткое описание обнаруженных на них материалов. Периодизация Б. Ф. Землякова, в основном не вызывающая сомнений, имела ряд отдельных неточностей, что, по-видимому, можно объяснить отсутствием в те годы в Карелии и Ленинградской области полностью исследованных поселений. Придавая большое значение геологическим данным, Б. Ф. Земляков недостаточно внимания уделял анализу археологических материалов. Это привело к тому, что Б. Ф. Земляков считал синхронными и разновозрастные, как выяснилось позже, стоянки (имеются в виду поселения Вознесенье и Негежма). Все это было учтено Н. Н. Гуриной, которой принадлежит вторая, более полная, периодизация неолита южной Карелии и Ленинградской области [3].

Согласно имеющимся в настоящее время данным, наиболее ранние памятники с ямочно-гребенчатой керамикой в южной Карелии и Ленинградской области близки по способу украшения сосудов поселениям льяловской культуры. Орнаментальные мотивы состоят из сочетаний конических ямок и поясков гребенчатого штампа, наклонных оттисков гребенки, ногтевидных и ромбических вдавлений, а также нарезок. Подобная керамика была найдена на стоянках Вой-Наволок № 5 в Карелии и Вознесенье (ранний комплекс) в Ленинградской области [4]. В более позднее время орнаментация керамики заметно усложняется. Так, на керамике поселения Сосновая гора в Ленинградской области кроме древних простейших ямочно-гребенчатых мотивов мы видим узоры в виде ромбов, широких зигзагообразных линий, полос, выполненных гребенчатым штампом и расположенных наклонно от венчика к донышку сосуда [5]. Аналогичные узоры отмечены на керамике Приладожских и других стоянок этого времени, исследованных в Ленинградской области [6].

Знакомясь с материалами неолитических памятников южной Карелии, мы наблюдаем тот же путь развития орнаментации. На этой территории раскопан ряд поселений, которые дали керамику, знаменующую собой процесс возникновения особого орнаментального стиля, получившего в литературе название «геометрического». На поселении Кемь I, например, мы видим появление композиций из треугольников, зигзагообразных линий [7]; на стоянке Курмойла I, кроме простых сочетаний конической ямки и оттисков штампа, можно отметить широкие зигзагообразные полосы, ромбы [8]; на стоянках Вой-Наволок 9 [9] и 1-й Сунской [10] — линии, выполненные гребенкой, протянутые наискось от венчика по дну сосуда и т. д. Кульминационный пункт развития «геометрического» орнаментального стиля знаменуют собой такие памятники, как стоянки Оров-Наволок [11] и Негежемская [12] в южной Карелии и поселение Усть-Рыбежна I [13] в Ленинградской области. На обломках сосудов, собранных при исследовании этих памятников, наряду с простыми орнаментальными мотивами, которые сближают

---

[3] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, 20, 1951, стр. 77—142.

[4] Н. Н. Гурина. Там же, стр. 96—101; ее же. Керамика неолитического поселения у села Вознесенье на р. Свири. СА, V, 1940, стр. 224, табл. I—III.

[5] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 436—437.

[6] Там же, стр. 402.

[7] Там же, стр. 227—229.

[8] Там же, стр. 261—262.

[9] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 109, рис. 20, *1—22*.

[10] А. Я. Брюсов. Археологические памятники III—I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР. «Археологический сборник». Петрозаводск, 1947, стр. 11, рис. 2.

[11] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 120, рис. 28, *3—11*; стр. 122, рис. 29, *1—13*.

[12] Там же, стр. 123, рис. 30, *1—9*.

[13] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 230—288.

эту керамику с керамикой более ранних поселений (ямки, расположенные в шахматном порядке, пояски гребенчатого штампа, нарезки, сочетания конических ямок и рядов слегка наклонных оттисков гребенки и т. п.), обнаружена керамика с гораздо более сложными — «геометрическими» мотивами. Это фрагменты, украшенные узорами в виде «уточки» [14], оттисками гребенки, расположенными в вертикальном или наклонном положении, прочерченными линиями, которые составляют узор из рядов наклонных оттисков, заключенных между поясками, идущими вокруг сосуда, зигзагов, треугольников с заполнением внутреннего поля оттисками гребенки, ромбов, широких линий, выполненных горизонтальными отпечатками штампа и идущими наискось от венчика ко дну сосуда, рамчатого штампа и т. п. (рис. 1, *16—29*). В эпоху металла ямочно-гребенчатая керамика со стоянок Карелии и Ленинградской области продолжает видоизменяться, но мы не затрагиваем данного вопроса, оставаясь в рамках неолита.

На территории Эстонии памятники с ямочно-гребенчатой керамикой стали известны благодаря исследованиям Л. Ю. Янитса и Н. Н. Гуриной, работы которых позволяют создать полное представление о поселениях той эпохи. Следует отметить, что стоянок, керамика которых была бы аналогичной керамике самых ранних поселений южной Карелии и Ленинградской области, в Эстонии в настоящее время еще не обнаружено. Однако здесь известны памятники с керамикой, орнаментация которой точно так же, как в Карелии и Ленинградской области, отражает процесс возникновения «геометрического» стиля. К поселениям данного типа относятся такие памятники, как Нарва-Рийгикюла I и II в восточной части республики, исследованные Н. Н. Гуриной [15]. На обломках обнаруженных здесь сосудов мы видим пояски, выполненные гребенчатым штампом, зигзагообразные линии, ромбы, рамчатый штамп. Основная масса керамики украшена простейшими мотивами, состоящими из конических ямок, расположенных в шахматном порядке, несложными сочетаниями ямок и оттисков гребенки или нарезок, ромбическими ямками и т. п. Как видно из приведенного перечня орнаментальных мотивов, стоянки с керамикой данного типа близки неолитическим памятникам южной Карелии и Ленинградской области, где, как мы уже видели, также существовала группа стоянок с керамикой, орнаментация которой свидетельствует о возникновении композиций так называемого «геометрического» стиля (стоянки Приладожские, Сосновая гора, Кемь I, Курмойла I, Вой-Наволок № 9, 1-я Сунская и др.).

К более поздней фазе неолита Эстонии относятся такие стоянки, как Акали, Кулламяги [16], Вилла [17], Валма [18] и др. Керамика, собранная на этих поселениях, украшена уже сложившейся «геометрической» ямочно-гребенчатой орнаментацией, знакомой нам по памятникам Карелии и Ленинградской области. Здесь представлены изображения схематической «уточки» [19], широкие и узкие зигзагообразные линии, выполненные гребенчатым штампом, узоры из рядов нарезок, заключенные между прочерченными линиями, опоясывающими сосуд, рамчатый штамп и треугольники с оттисками гребенки по внутреннему полю, ромбы и широкие линии, оттиснутые гребенчатым штампом, идущие сверху вниз по полю сосуда. Все эти мотивы, как правило, сочетаются с глубокими коническими ямками и дополнены простыми мотивами, характерными для керамики

---

[14] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 36.

[15] Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии. Сб. «Древние поселения и городища», Таллин, 1955, стр. 155 сл. Имеется в виду керамика с примесью зерен кварца.

[16] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 127 сл.

[17] Л. Ю. Янитс. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Сб. «Древние поселения и городища», стр. 176—201.

[18] Л. Ю. Янитс. Неолитическое поселение Валма. Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 32—75.

[19] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 36.

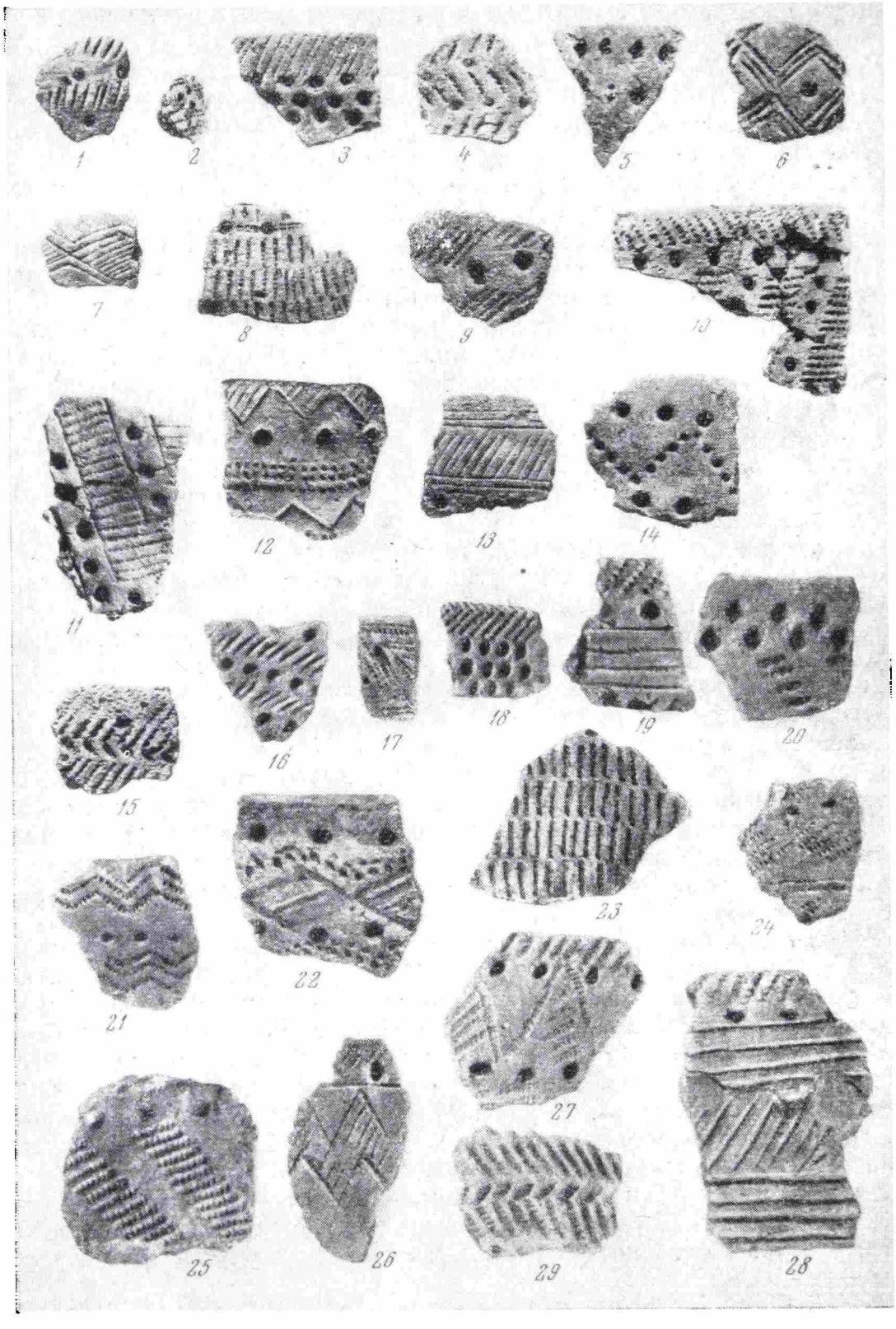


Рис. 1. Ямочно-гребенчатая керамика «геометрического» стиля

1 — Ягала; *2-6, 8, 9, 12* — Акали; *7* — Вилла; *10, 11, 15* — Кулламяги; *13, 14* — Валма; *16-17, 19-29* — Усть-Рыбежна I; *18* — Вознесенье (*16-29* — по Н. Н. Гуриной)

более древних стоянок (рис. 1, *1—15*). В эпоху металла ямочно-гребенчатая керамика на поселениях Эстонии претерпевает ряд упрощений в своей орнаментации (Ундва, Тамула и др.). Но, поскольку задачей настоящей статьи является обзор неолитической керамики, мы оставляем в стороне связанные с этим вопросы.

Нетрудно заметить, что орнаментация ямочно-гребенчатой керамики на территории Ленинградской области, южной Карелии и Эстонии в эпоху неолита развивалась одинаково: от более простых композиций — к сложным, «геометрическим». Причем наблюдается распространение одних и тех же мотивов (рис. 1, *1—15*, ср. рис. 1, *16—29*), что позволяет объединить все неолитические поселения на упомянутой территории в группу однородных памятников. Редкие специфические для некоторых стоянок типы орнамента (овальные ямки на керамике поселения Вой-Наволок 9 [20]; треугольники из ямок на сосудах стоянки Оров-Наволок [21]; волнистый орнамент на керамике, собранный со стоянки Глиняный ручей [22], и др.) вряд ли могут поколебать это предположение, поскольку составляют лишь исключения из отмеченного выше перечня орнаментальных мотивов, не нарушая общей линии их развития [23].

Несмотря на единство развития орнаментальных мотивов на территории южной Карелии, Ленинградской области и Эстонии, техника изготовления орудий в этих районах складывалась далеко не одинаково. Благодаря исследованиям А. Я. Брюсова, Н. Н. Гуриной, Л. Ю. Янитса и других археологов мы можем составить довольно полное представление о бытовавших здесь типах каменных орудий. Рассматривать орудия труда мы будем без разделения их на ранние и поздние, поскольку у нас нет для этого достаточно твердых стратиграфических и каких-либо иных данных.

В Эстонии коллекции каменных орудий собраны при раскопках уже упоминавшихся стоянок: Акали, Кулламяги, Вилла, Валма, Нарва-Рийгикюла I и II. Особенно интересными представляются три поселения: Нарва-Рийгикюла II, где каменные орудия сочетаются с чистым комплексом ямочно-гребенчатой керамики, Акали и Кулламяги, давшие наиболее богатые коллекции изделий из камня. На стоянке Нарва-Рийгикюла II найдены наконечники стрел черешковой и листовидной формы, проколка, скребки округлой и подтреугольной формы. Кроме этих орудий на поселении собраны: скребок из кварца, шлифовальные плиты и обломок кварцитовой пилы [24]. Как мы видим, на стоянке сохранилось очень мало каменных орудий, поэтому вряд ли мы будем правы, закончив на этом перечень орудий труда, известных неолитическим обитателям Эстонии в эпоху существования ямочно-гребенчатой керамики. Все это и заставляет нас обратиться к материалам стоянок Акали и Кулламяги. При раскопках этих поселений были собраны многочисленные коллекции каменных орудий, что, по-видимому, свидетельствует о том, что на этих стоянках представлены основные, а может быть и все типы каменных орудий, которыми пользовались в неолитическое время. Кроме того, присутствие на поселениях керамики предшествующей (нарвская керамика) и последующих эпох (шнуровая, поздняя ямочно-гребенчатая, перерастающая в «сетчатую», «сетчатая» керамика) предохраняет нас от возможности пропустить значительную группу орудий труда, известных изготовителям неолитической ямочно-гребенча-

---

[20] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 109, рис. 20, *13, 14, 22*.

[21] Там же, стр. 120, рис. 28, *3, 4*.

[22] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 421, рис. 161, *16*.

[23] Данные этнографии свидетельствуют о том, что обитатели каждого поселка из группы селений, принадлежащих одному племени, могут иметь некоторые особенности в своей культуре, которые, однако, не нарушают единства облика культуры всей этнической группы. А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 76 сл.

[24] Н. Н. Гурина. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии, стр. 157.

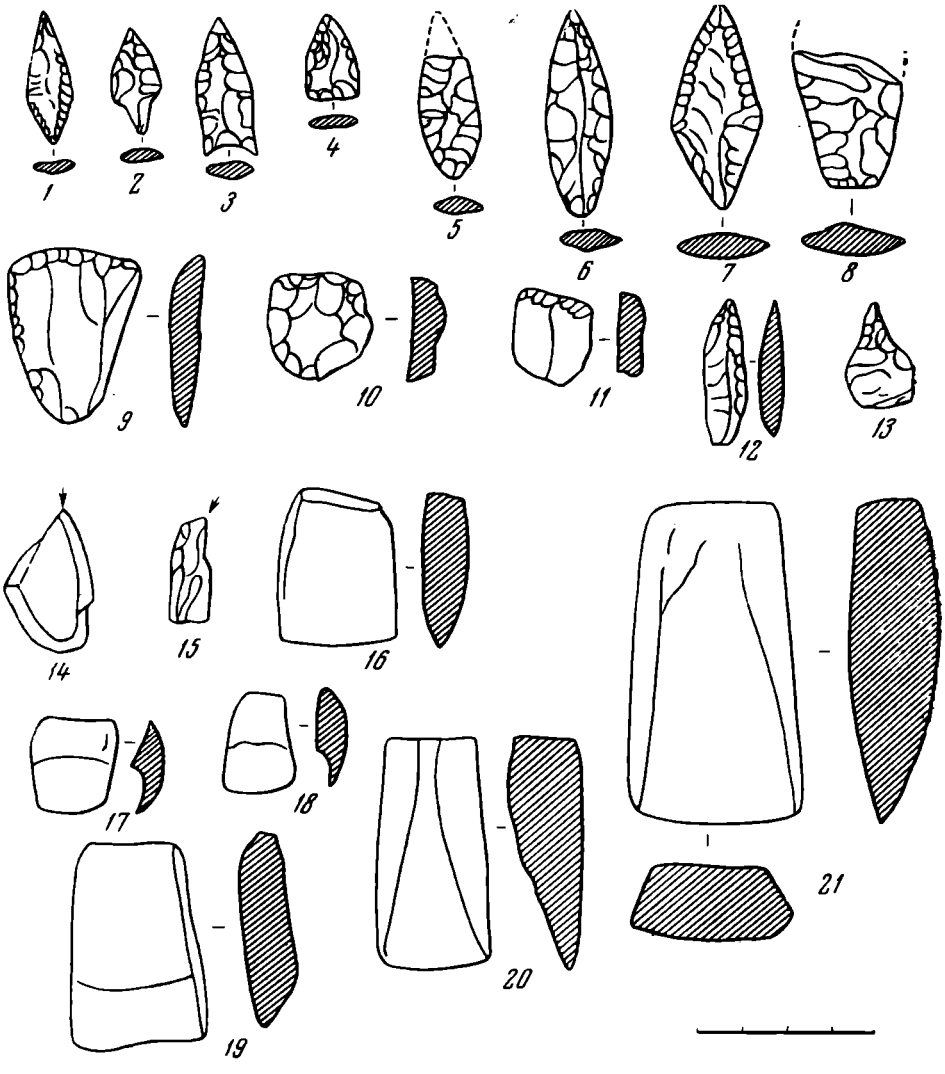


Рис. 2. Каменные орудия неолитических памятников Эстонии

1-4, 7, 8, 10-12, 14, 16-21 — Акали; *13* — Валма; *5, 6, 9, 15* — Кулламяги (по Л. Ю. Янитсу)

той керамики. На поселениях Акали и Кулламяги[25] были найдены листовидные, ромбические, треугольно-черешковые, миндалевидные, треугольные, с вогнутым основанием и ланцетовидные наконечники стрел. Статистические подсчеты, произведенные Л. Ю. Янитсом, показывают, что наиболее характерны для времени существования неолитической ямочно-гребенчатой керамики листовидные (заостренно-овальные), ромбические и треугольно-черешковые наконечники стрел, которые встречены в горизонтах, где преобладает эта керамика. Другие типы наконечников обнаружены выше, где кроме ямочно-гребенчатой керамики, как правило, позднего облика, находились фрагменты со шнуровым и текстильным орнаментом[25]. Остальные типы кремневых орудий представлены подтреугольными, округлыми или концевыми скребками, проколками и остриями, а также резцами. Из сланца изготовлялись топорики, долота со скошенным лезвием, орудия, несколько напоминающие топоры русско-карельского типа, «круммайзели». Кроме того, найдены инструменты (отбойники, сланцевые пилы, наковальни и т. п.), применявшиеся при изготовлении орудий (рис. 2, *1—21*). Как уже упоминалось, на поселениях Акали и Кулламяги кроме неолитической ямочно-гребенчатой керамики были собраны фрагменты сосудов других

[25] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, стр. 179—272.

[26] Там же, стр. 189.

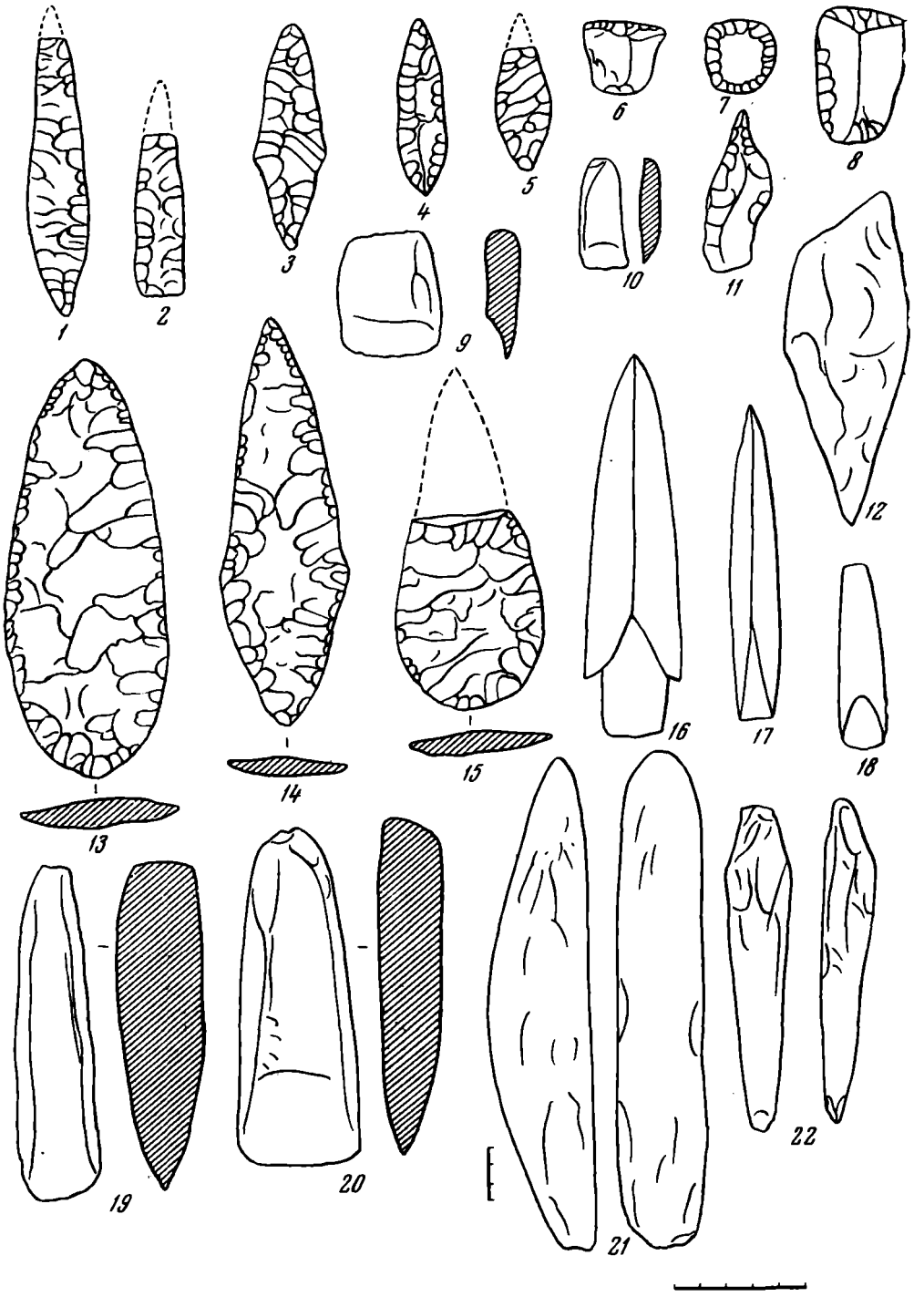


Рис. 3. Каменные орудия неолитических памятников Карелии и Ленинградской области

1-8, 10, 11, 13-15, 19, 20 — Усть-Рыбежна I; *9* — Кемь I; *12* — Вой-Наволок 9; *16, 17* — Бесовы следки; *18* — Вознесенье; *21* — стоянка № 2 (Олонецкий р-н); *22* — Сунская стоянка (по А. Я. Брюсову, Н. Н. Гуриной, П. С. Ямпольскому)

типов, следовательно, не исключено, что не все перечисленные выше типы орудий следует связывать с ямочно-гребенчатой керамикой, однако для нас важно и то, что мы не пропустили тех или иных типов орудий, которые бытовали в эпоху существования ямочно-гребенчатой керамики, доказательством чему служат материалы остальных памятников с керамикой этого типа на территории Эстонии (Валма, Вилла, Нарва-Рийгикюла I и др.), которые не дают каких-либо иных типов каменных орудий.

Переходя к обзору орудий труда на территории южной Карелии и Ленинградской области, где в эпоху неолита бытовала близкая эстонской ямочно-гребенчатая керамика, мы видим совершенно иные типы каменных орудий. К сожалению, несмотря на многолетние археологические исследо-

вания, до сих пор нет достаточно полной сводной таблицы каменных орудий, характерных или для всей этой области, или для отдельных ее районов. В одной из последних работ Н. Н. Гуриной была сделана попытка составить такую таблицу [27], однако в ней представлены далеко не все типы орудий. В таблице помещены кремневые наконечники стрел листовидной, черешковой, лавролистной и некоторых промежуточных форм, нож, скребки сегментовидные, подчетырехугольные и концевые, сланцевые кирки русско-карельского типа, «круммайзели», долотца и русско-карельские топоры. Между тем типы каменных орудий с поселений южной Карелии и Ленинградской области разнообразнее. Мы находим на них и целые серии орудий из кварца — наконечники стрел, сверла, скребки и др., которые бытовали как на поселениях с ранней ямочно-гребенчатой керамикой (стоянки Тарховка [28], Вознесенье [29]), так и в более позднее время — в эпоху появления (поселение Вой-Наволок № 9 [30]) и широкого распространения «геометрического» стиля (Оров-Наволок [31]). Так же широко в течение долгого времени были распространены сланцевые стамески (вторая Сунская стоянка [32], поселение Оров-Наволок), кварцитовые пилы (стоянки Тарховка, Вой-Наволок № 9, Оров-Наволок), желобчатые долота (поселения Вознесенье и др.), кремневые проколки (стоянки Тарховка, Усть-Рыбежна I [33]). Единичными экземплярами на поселении Бесовы Следни представлены сланцевые граненые наконечники стрел [34]. Интересно появление на поздних этапах существования ямочно-гребенчатой керамики («геометрической») округлых скребков и ланцетовидных наконечников стрел (поселение Усть-Рыбежна I).

Таким образом, перечень каменных орудий, находимых на неолитических стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой на территории южной Карелии и Ленинградской области, довольно обширен (рис. 3, *1—22*) и значительно отличается от орудий с аналогичных стоянок в Эстонии, где каменные орудия, как мы наблюдали, гораздо беднее в смысле разнообразия их типов. В Эстонии нет такого количества кварцевых орудий, подчетырехугольных скребков из кремня, лавролистных и ланцетовидных наконечников стрел (в Эстонии известен лишь один обломок ланцетовидного наконечника стрелы на стоянке Акали [35]). Кроме того, в Эстонии нет топоров и кирок русско-карельского типа, сланцевых стамесок, желобчатых долот. На поселениях же Карелии и Ленинградской области почти нет орудий типа «круммайзель», резцов, треугольных наконечников стрел и т. п. Следовательно, поселения с однородной неолитической керамикой по обнаруженным на них орудиям можно разделить на две группы: первая из них находится в современной Эстонии; вторая — в пределах южной Карелии и Ленинградской области.

2

Теперь рассмотрим неолитические памятники на берегах Белого моря, где исследование интересующих нас стоянок связано с именами К. П. Ревы, В. А. Городцова, А. Я. Брюсова. Большую роль в изучении неолита в этой области сыграл В. И. Смирнов, предложивший на основе топографических

---

[27] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., таблица после стр. 48.
[28] Там же, стр. 422—430.
[29] Н. Н. Гурина. Орудия Вознесенской стоянки. МИА, 2, 1961, стр. 169—181.
[30] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 101—118.
[31] Там же, стр. 118—128.
[32] А. Я. Брюсов. Археологические памятники III—I тысячелетий до нашей эры..., стр. 20, рис. 11.
[33] Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада..., стр. 338 сл.
[34] А. Я. Брюсов. Археологические памятники III—I тысячелетий до нашей эры..., стр. 11, рис. 3; стр. 12, рис. 4.
[35] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги, стр. 187, рис. 19, *13*.

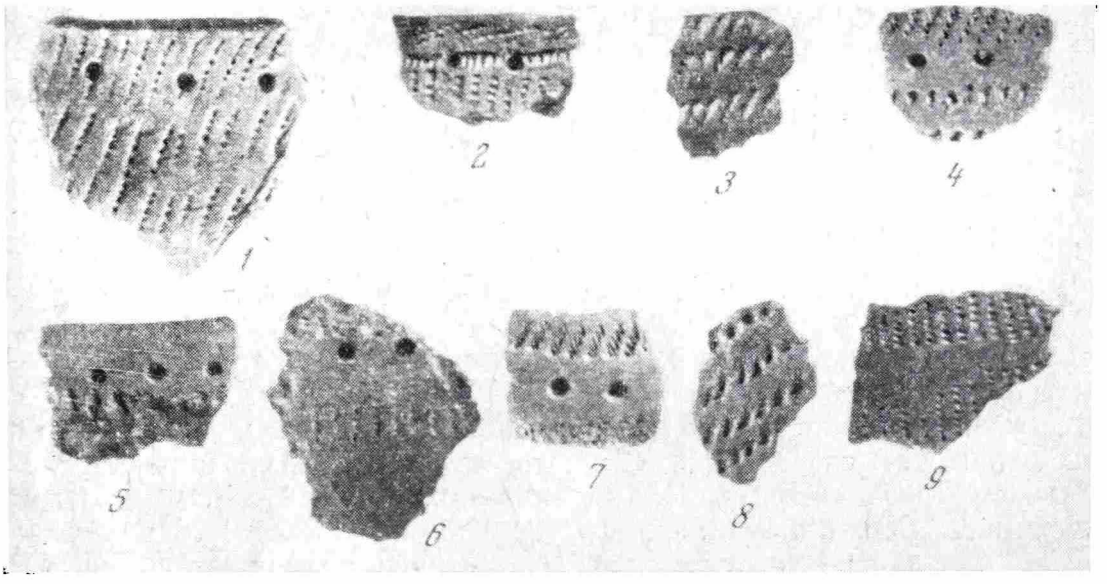


Рис. 4. Гребенчато-ямочная керамика беломорских и печорских стоянок
1 — Галдерея II; *2-9* — Печорская стоянка (по М. Е. Фосс, Н. Н. Гуриной)

данных и типологического сравнения материала первую периодизацию беломорских поселений, начиная от неолита и кончая эпохой металла [36]. Неолитические стоянки были им разделены на две разновременные группы. Более ранние поселения характеризовались ямочно-гребенчатой керамикой с очень несложной орнаментацией. Последняя была найдена, по словам В. И. Смирнова, на таких памятниках, как Галдарея I, Бык, Зимняя Золотица и Сопки Неноксы, причем первые две стоянки содержали чистые комплексы этой керамики. Краткое и точное описание ее орнаментации мы находим в работе В. А. Городцова: «Узор покрывал всю поверхность сосудов; обыкновенно отдельные виды орнамента в узоре располагались поочередно полосами или зонами, расположенными горизонтально или параллельно верхнему обрезу сосудов. Зоны нередко отделялись друг от друга вытесненными зубчатыми или простыми линиями. В более распространенных узорах с начала, от края, идет полоса, выполненная тесными рядами более или менее наклоненных зубчатых линий, затем следует полоса энергично вдавленных точек (ямок — *В. Г.*), расположенных в шахматном порядке. Нередко даже между рядами точек проводились ломаные линии зубчатого чекана, придававшие особую пестроту рисунку» [37]. В отношении керамики со стоянки Галдарея I М. Е. Фосс писала: «На Галдарее I керамика типично ямочно-гребенчатая. Узоры ее состоят из конических ямок, расположенных в шахматном порядке и покрывающих всю поверхность сосуда. Ямки представляют собой глубокие конические углубления. Этот орнамент разделяется на зоны поясками из коротких прямых или косых полос, нанесенных гребенчатым штампом; пересекающиеся полосы образуют ромбы» [38]. По четкости нанесения орнамента и по орнаментальным композициям описанная керамика близко напоминает льяловскую, на что совершенно справедливо и было указано М. Е. Фосс [39].

В более позднее время ямочно-гребенчатая керамика на поселениях с побережья Белого моря изменяется. К этому периоду относятся такие

[36] В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников беломорского побережья Северной области. СА, IV, 1937, стр. 203.

[37] В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках Белого моря. «Древности», XIX, 2, М., 1901, стр. 76.

[38] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 122, 125.

[39] М. Е. Фосс. Неолитические культуры Севера европейской части СССР. СА, IX, 1947, стр. 37—38.

памятники, как Ненокса, Пушлахта, Зимняя Золотица, Катериниха на р. Тове, Галдарея II, Верхняя Лопшеньга и некоторые другие [40]. Мы видим резкое возрастание роли гребенчатых узоров и уменьшение ямок при украшении керамики. Узоры остаются несложными: это вертикальные зигзаги, выполненные гребенчатым штампом, идущие от венчика к донышку и покрывающие всю поверхность сосуда; ряды наклоненных оттисков гребенки, также заполняющие все стенки сосудов; редкие конические ямки (рис. 4, *1*).

Обзор каменных орудий с беломорских неолитических стоянок можно провести лишь в целом, без подразделения на ранние и поздние комплексы, поскольку ранние памятники с однородной керамикой (Галдарея I и Бык) не содержат каменных орудий (лишь на стоянке Галдарея I обнаружен листовидный наконечник стрелы [41]), а два других поселения (Зимняя Золотица и Сопки Неноксы) кроме ранних содержат фрагменты и позднеонеолитических сосудов с гребенчато-ямочной орнаментацией. Чистые комплексы гребенчато-ямочной керамики отмечены М. Е. Фосс на трех памятниках: Верхняя Лопшеньга, Пушлахта и Галдарея II. На поселении Галдарея II орудия отсутствуют [42]; на стоянках Верхняя Лопшеньга [43] и Пушлахта [44] — представлены единичными экземплярами. Несколько больше их на поселении Сопки Неноксы [45]. Наиболее богатая коллекция собрана при обследовании Зимней Золотицы, памятника, содержащего и раннюю и позднюю неолитическую керамику [46]. Состав орудий, обнаруженных на каждой из отмеченных памятников, представлен в таблице.

Стоянки	Наконечники стрел								Скребки		Проколки	Ножевидные пластины с ретушью	Топоры
	листовидные	лавролистные	черешковые	сейминские	ромбические	ланцетовидные	с выемкой в основании	миндалевидные	из отщепов	из пластин			
Зимняя Золотица	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Сопки Неноксы	+			+		+	+		+		+	+	
Верхняя Лопшеньга			+			+			+	+	+	+	
Пушлахта		+							+				+

Как можно судить по данной таблице, на неолитических поселениях беломорского побережья находят наконечники стрел листовидной, черешковой, ланцетовидной, с выемкой в основании, «сейминской», миндалевидной, ромбической и лавролистной форм; скребки из отщепов и массивных пластин округлой, подтреугольной и подчетырехугольной форм, ножи из удлиненных пластин, проколки, рубящие орудия. Как отмечает М. Е. Фосс, рубящие орудия на беломорских стоянках встречаются в виде исключения, а основными категориями орудий являются наконечники стрел и скребки [47] (рис. 5, *1—11*).

Ставя вопрос о территории распространения того и другого комплекса керамики с беломорских стоянок, следует отметить, что в настоящее

[40] В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников беломорского побережья Северной области, стр. 203; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 123.

[41] В. И. Смирнов. Там же, стр. 233.

[42] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 233.

[43] Там же, стр. 238—239.

[44] Там же, стр. 242—244.

[45] В. И. Смирнов. Обзор археологических памятников..., стр. 187—188.

[46] Там же, стр. 176—184.

[47] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 122.

время мы не имеем достаточного количества данных для его решения в отношении ранней (с преобладанием ямочной орнаментации) керамики, поскольку сейчас известны лишь единичные пункты с чистым комплексом подобной керамики вне беломорского побережья. Однако сравнение материалов ранненеолитических беломорских стоянок и поселений Вой-

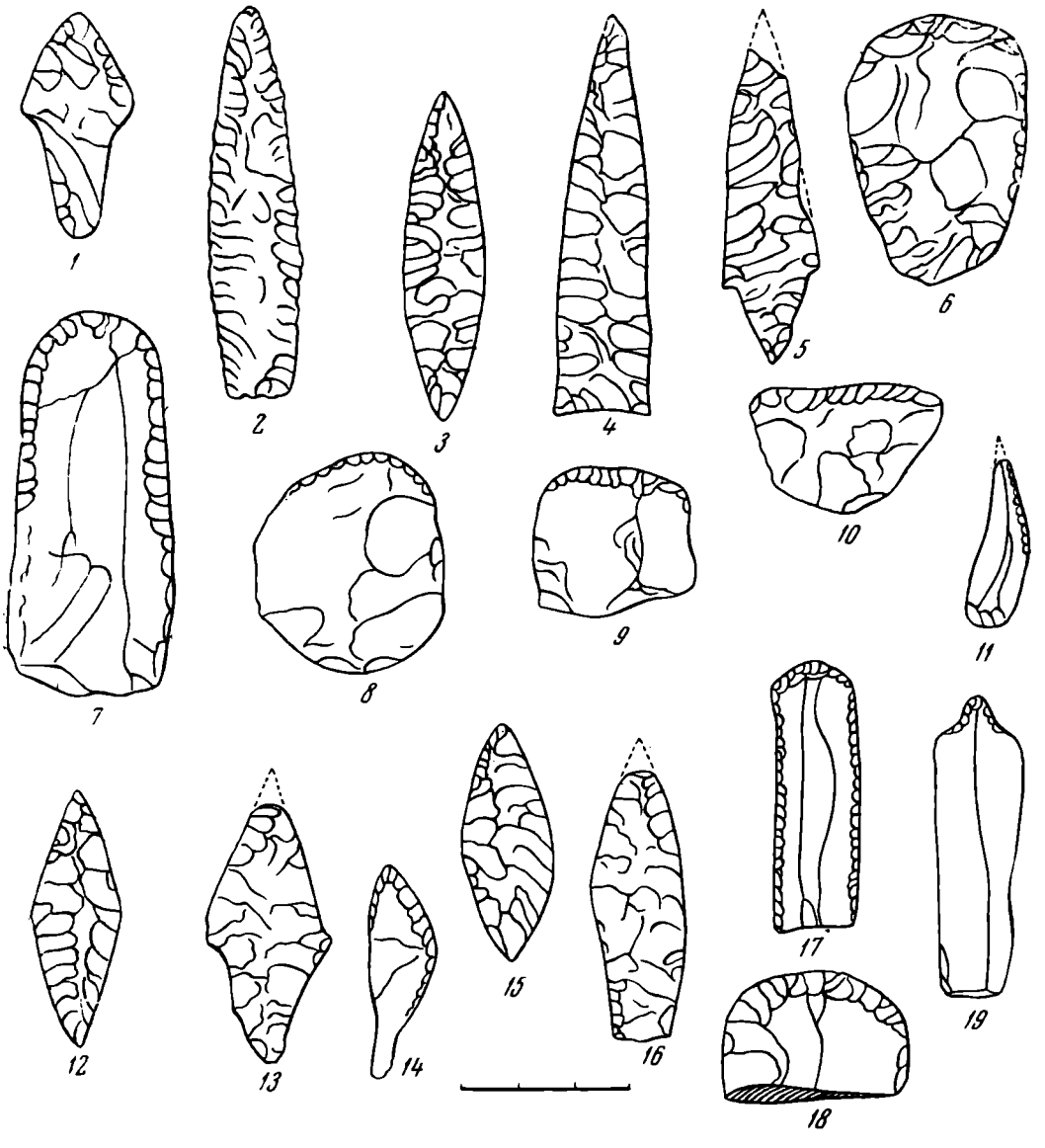


Рис. 5. Каменные орудия беломорских и печорских стоянок

1-11 — Зимняя Золотица; *12-19* — Печорская стоянка (по В. И. Смирнову, М. Е. Фосс, Н. Н. Гуриной)

Наволок 5 в Карелии позволяет сделать интересное предположение. Несмотря на общность орнаментации керамики, каменные орудия указанных поселений совершенно не похожи между собой. При исследовании стоянки Вой-Наволок 5 были обнаружены топоры русско-карельского типа, сланцевые кирки, полукруглые в сечении, кварцевые скребла дисковидной формы, грузила для сетей, изготовленные из крупных галек, лавролистные наконечники стрел [48]. Как можно отметить, за исключением наконечников стрел, ни одно из перечисленных выше орудий не встречается на беломорских стоянках, хотя там и была распространена ямочно-гребенчатая керамика льяловского типа. Недостаток материала не дает права делать решительные выводы, однако не лишено вероятности предположение, что с накоплением данных по раннему (льяловскому) неолиту в Карелии, Эстонии и на Белом море, здесь можно будет выделить отдельные области со

[48] Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита..., стр. 96—97.

специфической каменной индустрией, несмотря на общность орнаментации сосудов.

Прослеживая территорию распространения более поздней беломорской неолитической керамики (с преобладанием отпечатков гребенки), следует обратить внимание на области, расположенные к востоку от беломорского побережья. Здесь, в бассейне р. Печоры, известно несколько пунктов, где собрана керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией с преобладанием оттисков гребенчатого штампа. В этом районе, не считая единичных находок неолитической керамики (Шренк-Ярей [49], пункты № 5, 10, 40 на берегу р. Адзьвы — приток р. Печоры [50]), известны три поселения, где были собраны значительные серии фрагментов сосудов и каменных орудий. Первая из них была открыта И. И. Красновым в 1934 г. на берегу р. Ижмы (приток р. Печоры). Здесь в хорошо сохранившемся культурном слое были обнаружены осколки кремня и керамика, украшенная гребенчатым орнаментом [51]. В 1956 г. Г. А. Черновым были опубликованы материалы Мишь-Ваньской стоянки на р. Лае (приток р. Печоры). На этом поселении были найдены несколько фрагментов, украшенных рядами ямок и оттисками гребенчатого штампа [52]. Но наибольший интерес представляет собой Печорская стоянка, опубликованная Н. Н. Гуриной [53]. Это поселение было обнаружено в низовье р. Печоры около г. Нарьян-Мара. Коллекция находок включает около 100 фрагментов керамики, покрытых гребенчатыми и гребенчато-ямочными узорами. Композиции состоят из рядов вертикальных или слегка наклонных оттисков гребенчатого штампа, поясков, окружающих сосуд, или овальных вдавлений, также выполненных гребенкой. Иногда эти мотивы дополняются рядами конических ямок (рис. 4, *2—9*). Керамику всех трех указанных памятников объединяет несложность орнаментации и преобладание гребенчатого орнамента над ямочным. Нетрудно заметить, что эти же черты были присущи и неолитической керамике беломорского побережья (второй этап, по В. И. Смирнову; первый этап беломорской культуры, по М. Е. Фосс), и поэтому можно согласиться с Н. Н. Гуриной, объединяющей беломорские и печорские поселения по керамике в одну группу [54].

По мнению Г. М. Бурова, стоянки с аналогичной гребенчато-ямочной керамикой были обнаружены и в бассейне р. Вычегды [55]. В этом районе исследованы пять поселений с неолитической керамикой: Вис I, II, III (древнейшие слои), Керчемья и Ягкодж I. Керамика украшена ямочно-гребенчатой орнаментацией с некоторым преобладанием оттисков гребенки. Ямки, округлой или овальной формы, располагаются рядами, опоясывая сосуд. Узоры, выполненные штампом, разнообразны: здесь и «шагающая» гребенка, и ромбы, и ряды вертикально или наклонно нанесенных оттисков гребенки. Кроме того, часть неолитической керамики вычегодских стоянок украшена отпечатками веревочки, намотанной на конец палочки или шнур (рис. 6, *1—10*) [56]. Уже один перечень узоров на неолити-

---

[49] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР, стр. 141, рис. 77, *4*.

[50] Г. А. Чернов. Стоянки в бассейне р. Адзьвы (Большеземельская тундра). Материалы по археологии европейского северо-востока, I, Сыктывкар, 1962, стр. 99, табл. XV, *1, 5*; стр. 100, табл. XVI, *2, 4*.

[51] И. И. Краснов. Неолитическая стоянка на р. Ижме, БКИЧП, 6—7, М.— Л., 1940, стр. 35—36.

[52] Г. А. Чернов. Новые археологические находки в печорском бассейне, КСИИМК, 64, 1956, стр. 107—108.

[53] Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР, СА, 1957, 2, стр. 115—120.

[54] Там же, стр. 120.

[55] Г. М. Буров. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края, ВАУ, I, Свердловск, 1961, стр. 101.

[56] Г. М. Буров. Долговременное поселение на р. Вис (бассейн Вычегды). Материалы по археологии европейского северо-востока, I, стр. 12, 23, 26; его же. Стоянки

ческой керамике Вычегодского края показывает, что в эпоху неолита древнее население этой области выработало более богатые орнаментальные мотивы, чем их северные соседи, что заставляет выделить вычегодские поселения в особую локальную группу, в отличие от беломорско-печорских памятников.

Познакомимся с каменными орудиями печорских стоянок. На Мишваньском поселении были обнаружены скребки округлой и подчетырехугольной формы, два резца и обломки наконечников стрел неясных очер-

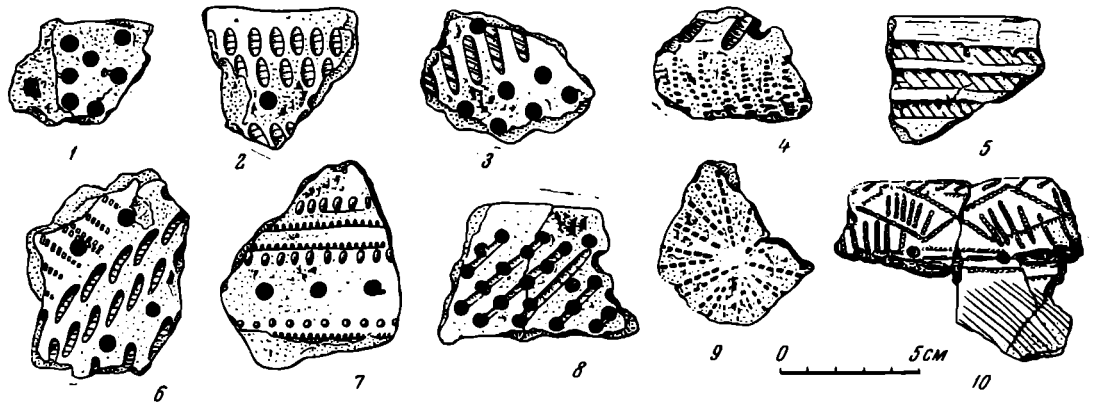


Рис. 6. Ямочно-гребенчатая керамика вычегодских стоянок.
1, 3-9 — Вис II; *2* — Вис I; *10* — Ягкодж I (по Г. М. Бурову)

таний. Печорская стоянка представлена наконечниками стрел ромбической, листовидной и близких им форм, концевыми скребками и массивными скребками с округлым рабочим краем, резчиками и ножами (рис. 5, *12—19*). Сравнивая состав орудий печорских и беломорских поселений, можно отметить целый ряд отличий: в бассейне р. Печоры неизвестны такие «беломорские» орудия, как наконечники стрел лавролистной, ланцетовидной, с выемкой в основании, «сейминской» и некоторых других форм. Нет в этой области и подтреугольных скребков. В то же время на неолитических стоянках побережья Белого моря не встречаются резцы и резчики. Эти различия в орудиях труда позволяют разделить однородные по керамике памятники на две территориальные группы: беломорскую и печорскую [57].

Подводя итоги данной работы, можно отметить, что, несмотря на некоторую ограниченность известных в настоящее время материалов, мы можем прийти к определенному выводу, а именно: на севере и северо-западе европейской части СССР в эпоху неолита территории распространения того или иного типа керамики не соответствовали ареалам известных здесь комплексов каменных орудий. Так, в эпоху раннего неолита поселения с одинаковой льяловской керамикой были известны и в Карелии, и на беломорском побережье, но орудия труда в том и другом районе отличаются друг от друга. В более позднее время на севере и северо-западе европейской части СССР по керамике выделяются две локальные группы памятников: а) на территории Эстонии, южной Карелии и Ленинградской области (с керамикой, украшенной орнаментацией геометрического стиля), б) на беломорском побережье и в бассейне р. Печоры (с керамикой, украшенной преимущественно оттисками гребенки).

Анализ же орудий дает возможность разделить каждую из отмеченных групп на два варианта.

у с. Вольдино и эпоха металла на Вычегде. Тр. Коми ФАН СССР, 9, Сыктывкар, 1960, стр. 109—113; его же. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде. Историко-филологический сборник, 5, Сыктывкар, 1960, стр. 100—102; его же. Новые стоянки в долине р. Вычегды. Историко-филологический сборник, 7, Сыктывкар, 1962, стр. 141—148; его же. Вычегодский край. М., 1965, стр. 60—66.

[57] Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР, стр. 120.

И. Н. ШАРАФУТДИНОВА

К ВОПРОСУ О САБАТИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В период поздней бронзы территорию степной части Северо-Западного Причерноморья — от нижнего Дуная до Днепра — и примыкающего к нему Приазовья и Степного Крыма занимали племена, оставившие памятники, которые выделяются в особую сабатиновскую группу (рис. 1). Их соседями на западе являлись племена культуры Ноа, а на позднем этапе — племена, оставившие памятники фракийского Гальштатта. На севере, на стыке степи и лесостепи, проходила граница сабатиновских племен с позднекомаровскими, а затем — с белогрудовскими племенами; на востоке — с племенами, оставившими памятники срубной культуры.

Изучение памятников эпохи бронзы в Северо-Западном Причерноморье началось с раскопок курганов в середине прошлого века. В результате исследований, осуществленных во второй половине XIX в. П. Савельевым, Д. Я. Самоквасовым, О. П. Бурачковым, Г. Л. Скадовским, Н. Е. Брандебургом, А. А. Спицыным, И. А. Стемпковским, Д. И. Эварницким и др., был накоплен большой материал. Однако только в 1901—1903 гг. А. В. Городцову удалось (применительно к донецким курганам) выделить памятники различной хронологической и культурной принадлежности: ямной, катакомбной и срубной культуры. Позже это деление было перенесено на более широкую территорию, включавшую и Северо-Западное Причерноморье. Поселения эпохи бронзы долгое время оставались неизвестными. Первые из них были открыты В. И. Гошкевичем и И. В. Фабрициус лишь в 20-е годы на Кардашинских кучугурах близ Херсона [1] и А. В. Добровольским на Ингульце [2]. Однако эти работы были очень незначительны по объему. Большой археологический материал был получен только в конце 20-х годов в связи со строительством Днепрогэса. В районе Надпорожья, кроме многочисленных курганов, были исследованы также поселения с остатками каменных сооружений у с. Вовниг, хут. Божкова, на о-вах Хортица, Дубовом и пр.[3] Впервые здесь открыты и погребения под каменными закладками, часть из которых также датирована концом эпохи бронзы. Эти материалы значительно были дополнены в послевоенное время [4]. В 1947—1948 гг. Е. Ф. Лагодовская и А. В. Добровольский продолжали начатые еще перед войной исследования поселения у с. Сабатиновка на Южном Буге [5]. В это же время О. А. Кривцова-Гракова раскопала поселение у Белозерского лимана (с. Каменка-Днепровская, на левом берегу Днепра) [6].

[1] І. Фабриціус. Кучугурна рекогносцировка. Літопис музею, 1927—1928 рр., 9, Херсон, 1929, стр. 32—38.

[2] А. В. Добровольський. Древние земледельческие поселения на берегах Ингульца. ВОКК, Одесса, 1926, 2—3, стр. 77—79.

[3] А. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП, II, 1949, стр. 191—200.

[4] О. Лагодовська. Кам'яні закладки в Надпоріжжі. АП, II, стр. 153 сл.

[5] А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, 1952, стр. 78—88.

[6] О. А. Кривцова-Гракова. Поселение бронзового века на Белозерском лимане. КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 76.

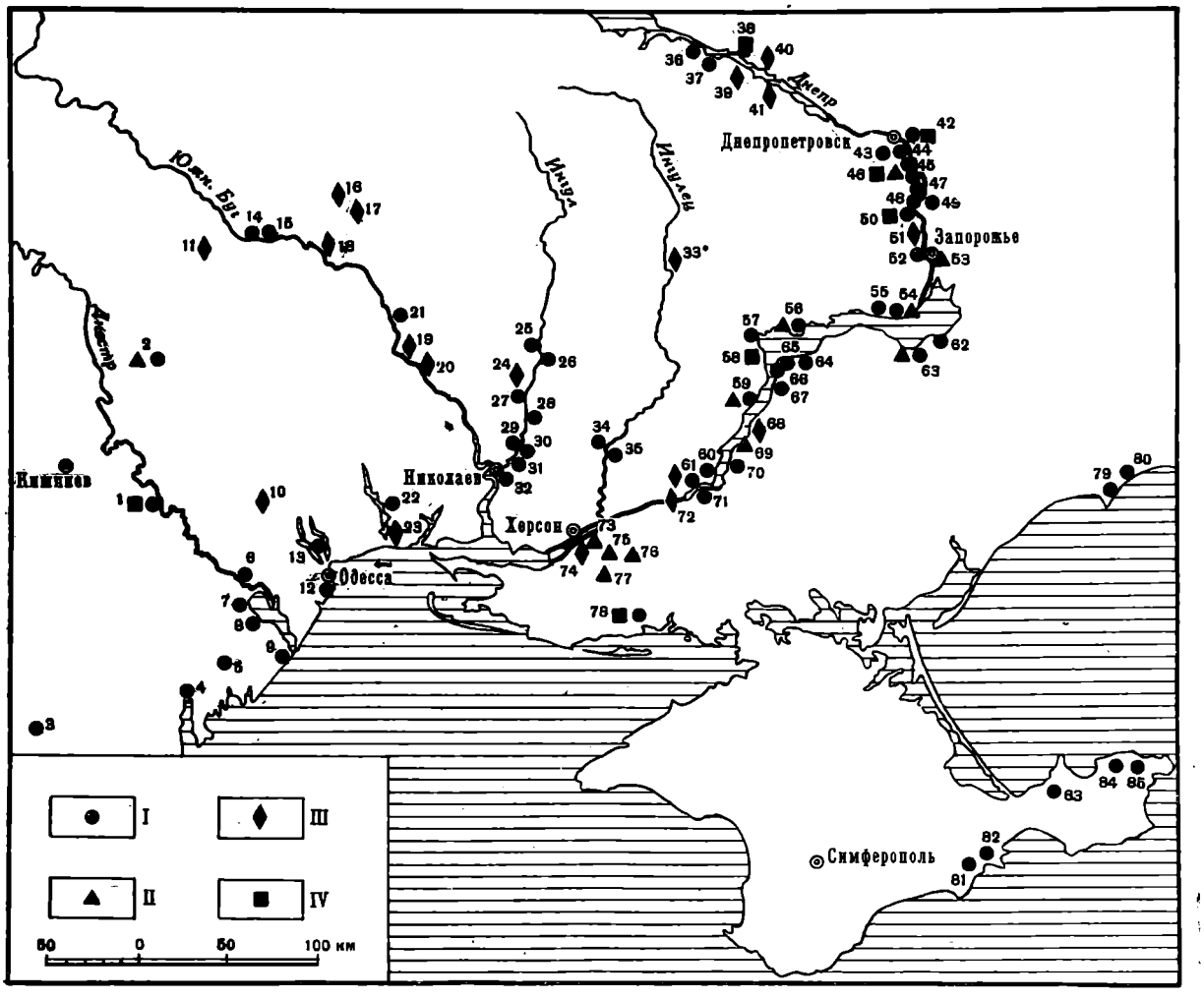


Рис. 1. Карта основных сабатиновских памятников.

I — поселения, *II* — бронзолитейные мастерские, *III* — клады бронзовых изделий, *IV* — бескурганные могильники.

1 — Калфа, *2* — Красные Маяки, *3* — Болград, *4* — Заречное, *5* — Колесное, *6* — Тудорово, *7* — Красная Коса, *8* — Пивденное, *9* — Затока, *10* — Бецилово, *11* — Пужайково, *12* — Усатово, *13* — Черевичное, *14* — Сабатиновка, *15* — Червоное озеро, *16* — Журавлинка, *17* — Добрянка, *18* — Орлово, *19* — Вознесенск, *20* — Ново-Григорьевка, *21* — Кременчуг, *22* — Анатольевка, *23* — Коблево, *24* — Антоновка, *25* — Новопетровка, *26* — Анновка, *27* — Новопетровское, *28* — Марьевка, *29* — Пересадовка, *30* — Михайловка-Ларино, *31* — Калиновка, *32* — Дикий Сад, *33* — Кривой Рог, *34* — Снигиревка, *35* — Отбедо-Васильевка, *36* — Чикаловка, *37* — Дереивка, *38* — Компанийцы, *39* — Мишурин Рог, *40* — Кабаковы хутора, *41* — Бородаевка, *42* — Игрень, *43* — Старый Кодак, балка Сажавка, *44* — Днепровское, балка Демская, *45* — устье р. Суры, *46* — Волошское, *47* — Майорка, балка Званецкая, *48* — Вовниги, *49* — о. Дубовый, *50* — Федоровка, *51* — Авраамовка, *52* — Хортица, *53* — Вознесенка (Запорожье), *54* — Верхне-Тарасовка, *55* — Ильинка, *56* — Капуловка, *57* — Марьинское, *58* — Осокоровка, *59* — Ново-Александровка, *60* — Змеевка, *61* — Берислав, *62* — Скельки, *63* — Златополь, *64* — Ушкалка, *65* — Бабино IV, *66* — Нижний Рогачик, *67* — хут. Шевченко, *68* — Князь-Григорьевка, *69* — Завадовка, *70* — Каиры, *71* — Каховка, *72* — Дремайловка, *73* — Цюрупинск, *74* — Солонцы, *75* — Кардашинка I—III, *76* — Раденск, *77* — Малые Копани, *78* — Широкое, *79—80* — Обиточное 20 и 12, *81* — Челки, *82* — Слюсарево, *83* — Кирово, *84* — Киммерик, *85* — Каменка

В связи со строительством Каховского гидроузла в 1951—1955 гг. проводились большие археологические работы в зоне Каховского водохранилища, где исследованы как курганы и каменные закладки, так и поселения конца эпохи бронзы: Бабино[7], Змеевка[8], Берислав[9]. Особого внимания заслуживает двуслойное поселение у с. Ушкалка, исследованное в 1954 г.[10] Такие же поселения в 1956—1959 гг. были открыты по Ингулу и Тилигуло-Березанскому лиману. Из них раскопано два —Анатольевка

[7] **В. А. Ильинская. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино. КСИА,** 5, 1955, стр. 19.

[8] А. В. Бураков. Поселення епохи бронзи біля с. Зміївка. АП, X, 1961, стр. 26—39.

[9] **Раскопки Е. В. Махно и В. А. Мизина. Материал не опубликован, хранится в ИА АН УССР.**

[10] Д. Я. Телегін. Питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. «Археологія», XII, Київ, 1961, стр. 3—15.

и Пересадовка [11]. Большой интерес представляют и поселения у с. Тудоров на Днестре [12]. В последние годы начались исследования сабатиновских памятников к юго-западу от Одессы, на побережье Хаджибейского и Днестровского лиманов, а также в междуречье Днестра и Дуная (хутор Черевичный, Колесное, Тузлы, Красная Коса, Заречье, Пивденное и др.) [13]. Обнаружены близкие к поднепровским и ингулецким поселения с каменными сооружениями и на Керченском полуострове — Сазоновка, Каменка, Кирово, Слюсарево [14]. В послевоенные годы были частично исследованы грунтовые могильники у с. Федоровка [15], у с. Волошского, в урочище Пидкова, на Игренском полуострове — в Надпорожье, могильники у с. Компанийцы близ Кременчуга [16], у с. Широкое под Скадовском [17].

В музеях республики хранится большое количество кладов бронзовых изделий и литейных форм, происходящих с территории Северо-Западного Причерноморья: находки клада литейных форм на поселении эпохи поздней бронзы в Ново-Александровке на Нижнем Днепре [18], остатков мастерской литейщика на Волошском поселении близ Днепропетровска [19], Красномаяцкой мастерской на поселении у с. Маяки Котовского района Одесской обл.[20], литейных матриц на поселениях у с. Капуловка, Верхне-Тарасовка [21] и Златополь, близ Никополя [22], а также находки отдельных металлических изделий в комплексах поселений и могильников позволяют связать с сабатиновской культурой большинство известных в Северо-Западном Причерноморье бронзовых изделий и литейных форм.

---

[11] Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК, 77, 1959, стр. 21; их же. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1959 г. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 6; Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области. КСИИМК, 78, 1960, стр. 74; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле. СА, 1960, 4, стр. 76—80; ее же. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1958 году. КСИА, АН СССР, 83, 1961, стр. 110.

[12] А. И. Мелюкова. Работы в Поднестровье в 1958 г. КСИА АН СССР, 84, 1961, стр. 113—124.

[13] М. С. Синицин. Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджибейського лиману Одеської обл. МАПП, II, Одесса, 1959, стр. 135—150; И. Т. Черняков. Археологические разведки 1961 г. в юго-западных районах Одесской области. КС ОГАМ, 1961, Одесса, 1963; его же. Слой поздней бронзы Болградского поселения. КСИА АН СССР. 106, 1966, стр. 99; Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Археологические исследования в зоне строительства Придунайской оросительной системы в 1964—1965 гг. Тезисы докладов на Пленуме ИА АН СССР. М., 1966.

[14] И. Т. Кругликова. Исследования сельской территории Европейского Боспора. СА, 1957, 1, стр. 220—223; ее же. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 80—88; А. М. Лесков, В. Г. Збенович. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г. «Археология Боспора», II, Симферополь, 1962, стр. 268; В. Д. Рыбалова. Отчет Восточно-Крымского археологического отряда ЛГУ о раскопках в окрестностях г. Керчи, близ поселка Каменка в 1962 г. Архив ИА АН УССР, д. № 4272.

[15] О. В. Бодянський. Розкопки Мар'їнського та Федорівського могильників у Надпоріжжі. АП, VI, 1956, стр. 181, 182.

[16] Раскопки Е. В. Махно 1961—1965 гг. Материал не опубликован, хранится в фондах ИА АН УССР.

[17] А. М. Лесков. Основные итоги полевых исследований в зоне строительства Краснознаменской оросительной системы в 1961—1963 гг. Доклад на XII научной конференции ИА АН УССР в 1964 г.

[18] А. Добровольський. Талькові ливарні матриці бронзової доби з Херсонщини. «Археологія», Київ, IV, 1950, стр. 163—170.

[19] А. В. Бодянский. Археологические исследования в пределах порожистой части Днепра, 1947—1948 гг. АП, IV, стр. 169—175.

[20] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1957, стр. 37—39; И. Т. Черняков. Красномаяцкий клад литейщика. КС ОГАМ за 1963 г., Одесса, 1965, стр. 87—123.

[21] И. Н. Шарафутдинова. Литейные матрицы на поселениях эпохи бронзы в Нижнем Поднепровье. КСИА, 10, 1960, стр. 59—64.

[22] Сборы А. В. Бодянского. Материал не опубликован, хранится в фондах ИА АН УССР.

В свое время А. В. Добровольский, исследовавший немало памятников эпохи поздней бронзы в Надпорожье, по Ингульцу и на Южном Буге, отмечал их своеобразие и считал, что они принадлежат местному земледельческому населению [23]. В дальнейшем О. А. Кривцова-Гракова, располагая материалами Белозерского и Сабатиновского поселения, совершенно справедливо определила существенные различия между ними, отметив определенное сходство Белозерского поселения с позднесрубными и даже андроновскими. Взяв Белозерку и Сабатиновку в качестве «эталонов», О. А. Кривцова-Гракова разделила памятники поздней бронзы на две группы — белозерскую и сабатиновскую, отражавшие, по ее мнению, два этапа позднесрубной культуры в Северо-Западном Причерноморье. По О. А. Кривцовой-Граковой, пришлые с Волги срубные племена оставили памятники белозерского типа. На следующем этапе, при известной изолированности Северо-Западного Причерноморья от восточных связей и влияний, возникают памятники сабатиновского типа, значительно отличные от срубных [24]. Стратиграфия поселения в Ушкалке (Верхне-Рогачикский район Херсонской обл.), где нижний слой аналогичен комплексу сабатиновского, а верхний — белозерского поселения, заставили пересмотреть культурно-хронологическую схему, предложенную О. А. Кривцовой-Граковой [25]. Находка в комплексе сабатиновского поселения псалия показала, что сабатиновское поселение может быть датировано XIII—XI вв. до н. э.[26] Определенная близость Белозерского поселения поселениям у селений Бабино, Змеевка, Тудорово, а через них и могильникам у селений Федоровка, Широкое, погребению у хут. Лукьяновка и др., а также кладам позволяет датировать его XI—VIII вв. до н. э. Таким образом, само Сабатиновское поселение безусловно древнее Белозерского.

В настоящее время все исследователи признают членение памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья, Поднепровья и Степного Крыма на два хронологических этапа: ранний и поздний, за которыми утвердились названия сабатиновский и белозерский [27]. Однако некоторые авторы (О. А. Кривцова-Гракова, А. И. Тереножкин, А. М. Лесков) считают их позднесрубными, оставленными продвинувшимися сюда с востока носителями срубной культуры. По мнению других (В. Д. Рыбалова, Н. Н. Погребова) [28], к которым присоединяется и автор статьи, между Белозерским и Сабатиновским поселением существуют не только хронологические, но и культурные отличия. Если само Белозерское и синхронные ему поселения, расположенные к востоку от Днепра, на территории, издавна занятой срубными племенами, являются непосредственным продолжением и развитием срубной культуры, то поселения, синхронные Белозерскому, но расположенные на территории, занятой сабатиновскими памятниками, в значительной степени отличны от собственно Белозерского и являются непосредственным развитием собственно Сабатиновки.

Сабатиновские памятники можно разделить на два хронологических этапа. К первому, более раннему, относятся на Днепре поселения у селений Волошское, Чикаловка, Капуловка-4, нижний слой Ушкалки и др. К ним близки поселения у с. Анатольевка на Тилигульском лимане, Саба-

---

[23] А. В. Добровольський. Кам'яні споруджения... стр. 200.

[24] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1953, стр. 117.

[25] Д. Я. Телегин. Ук. соч., стр. 14.

[26] А. И. Тереножкин. Бронзовый псалий с городища Кюзели-Гыра в Хорезме. КСИЭ, XXX, 1958, стр. 34—39; его же. Основы хронологии предскифского периода. СА, 1965, 1, стр. 69.

[27] А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев. 1961. стр. 192, 193.

[28] В. Д. Рыбалова. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа. Исследования по археологии СССР. Сборник статей в честь М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 81; Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение..., стр. 90.

тиновка на Южном Буге, поселения в Болграде и Колесном в низовьях Дуная. К этой группе также относятся волошская и красномаяцкая мастерские, клады бронзовых изделий из Солонца под Херсоном, Ингульский (у с. Антоновка на притоке Ингула Громоклее) [29] и др. Этим памятникам соответствует часть погребений, обычно впущенных в насыпи курганов и сопровождающихся остроребериыми сосудами и сосудами, орнаментированными налепным валиком под венчиком.

Ко второму, более позднему, этапу относятся поселения на Днепре у селений Бабино, Верхне-Тарасовка, верхний слой Ушкалки и др. Они имеют много общего с поселением у с. Тудорово на нижнем Днестре. Этим поселениям соответствуют бескурганные могильники у селений Федоровка и Волошское, Компанийцы и Широкое, а также часть погребений, впускных в насыпи курганов. Находки на поселениях металлических предметов, типологически совпадающих с кладами бронзовых изделий или литейными формами, позволяют относить к этой группе такие клады, как Ново-Александровский, Кардашинские I и II, клады у с. Завадовка, в кургане Солоха, у с. Златополя и др.

Вместе с тем целый ряд памятников мог существовать продолжительное время, охватывающее полностью или частично оба этапа: например, поселения у сел. Змеевка, Кирово, включающие признаки и ранних, и поздних памятников.

Поселения сабатиновской культуры располагались по краю первой надпойменной террасы, чаще на пологих мысах балок или в устьях рек (Волошское поселение — у балки Звонецкой в Надпорожье, Ушкалка и Бабино — на Нижнем Днепре, Анатольевка — на Тилигуло-Березанском лимане, Пересадовка — на Ингуле). Известно несколько поселений на днепровских островах — Дубовый, Хортица. Нередко поселения эпохи бронзы занимали возвышенные места в поймах больших рек (поселения у с. Чикаловка под Кременчугом и у с. Марьинское в пойме р. Базавлука под Никополем). Поселения не укреплены. Размер их площади, по определению исследователей, колеблется от 0,5 до 3—4 *га*.

Для сабатиновских поселений характерны жилища различного типа: преимущественно наземные и слегка углубленные полуземлянки, реже — землянки. По планировке различаются: прямоугольные жилища, размеры которых колеблются от 9—12 до 60—80 $м^2$, и многокамерные сооружения, состоящие из нескольких разных по величине и форме помещений, соединенных между собой или находящихся на близком друг от друга расстоянии. Жилища первого типа обычно располагались в один или два ряда вдоль берега реки или балки, как это наблюдается в Сабатиновке [30]. Поселение находилось на левом берегу Южного Буга, поблизости от впадения в него р. Спицы. Здесь открыты остатки восьми наземных жилищ, располагавшихся в один ряд вдоль берега реки. Четырехугольные в плане помещения были обращены узкой стороной к реке. Размеры их различны. Максимальная площадь жилищ — около 100 $м^2$. Сохранились остатки глинобитых полов со следами обжига. Стены, по-видимому, также были сложены из глины. Высота их, по мнению А. В. Добровольского, исходившего из размеров завала, не превышала 1,5—2 *м*. Крыши сооружались из дерева и хвороста, остатки которого прослеживались в верхней части завала. Такого же типа поселение исследовано у с. Чикаловки [31]. Оно располагалось на небольшом возвышении в пойме Днепра и занимало площадь 350×100 *м*. На поселении обнаружено 22 жилища, расположенных

[29] А. І. Тереножкін. Поховання епохи бронзи біля с. Солонець. «Археологія». XVI. Київ, 1964, стр. 202; Э. А. Сымонович. Ингульский клад. СА, 1966, 1, стр. 127—142.

[30] А. В. Добровольський. Перше Сабатинівське поселення. АП, IV, стр. 77, 78.

[31] І. М. Шарафутдінова. Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 153—159.

двумя рядами, расстояние между которыми составляло 12—20 *м*. Исследовано пять жилищ, из них два оказались наземными и три слегка углубленными. Все жилища прямоугольной формы, площадью от 35 до 80 $м^2$. Стены, вероятно, были глиняными на деревянном каркасе. В одном из жилищ при сооружении стен использовали щебень.

Характерной особенностью сабатиновских поселений является широкое использование камня в строительстве жилых и хозяйственных помещений. На многих поселениях прослежены развалы каменных стен. Лучше других строительные остатки сохранились на поселении Змеевка, где открыты остатки десяти сооружений [32]. Здесь отмечены однокамерные прямоугольные сооружения с более сложной планировкой: к прямоугольному помещению площадью 40—42 $м^2$ пристроены с одной или двух сторон узкие продолговатые помещения типа коридора (помещение 9 на раскопе № 1, 4—5 — на раскопе № 2). Вскрыты также фундаменты многокамерных сооружений, состоящих из нескольких примыкающих друг к другу помещений, часто неправильной формы. В ряде случаев отмечены неоднократные перестройки. К жилищам пристраивались дополнительные помещения. На месте разрушенных возводились новые. Почти все сооружения в Змеевке имели каменные основания стен. При этом обычны кладки из небольших камней, чаще положенных плашмя по два-три камня в ширину и по одному-два в высоту, реже сохранились основания из одного ряда камней, поставленных на ребро. Такие невысокие основания стен прослежены в балке Звонецкой, на о-ве Хортица, на хут. Божковом и др. В Вовнигах (Кирово) местами сохранились более высокие и мощные кладки в пять-шесть рядов до 60 *см* в высоту. В Анатольевке в одном из помещений сохранилась стена, сложенная из 10 рядов камней, общей высотой около 1 *м* [33]. Следовательно, в некоторых может быть не столь частых случаях, из камня сооружали всю стену (а не только основание). Для большинства же поселений характерны постройки с глиняными на деревянных каркасах или деревянными стенами на каменных основаниях. Известны случаи, когда при сооружении глиняных стен использовали мелкий щебень, как это отмечено в Чикаловке и некоторых жилищах Змеевки. В Анатольевке часть сооружений отличалась и способом кладки стен, которые были сложены из рваного известняка в системе двух панцирей с забутовкой мелким камнем [34].

Пол в жилищах обычно земляной, иногда обмазан жидкой глиной, изредка со следами обжига. Этот прием отмечен в Змеевке, Ушкалке, Чикаловке, Сабатиновке и др. Внутри жилищ обнаружены следы открытых очагов из камня и глины, в больших помещениях оказалось по два-три очага. В Чикаловке, Ушкалке, Тудорово наряду с открытыми очагами сохранились остатки печей с куполами. Внутри змеевских сооружений, за исключением одного, очаги не прослежены, однако почти у каждого дома снаружи, у двери, отмечены очаги, сложенные из мелких камней. Во дворе, за пределами жилищ, каменные очаги открыты также в Сабатиновке, Бабино.

Погребальные памятники конца эпохи бронзы в Северо-Западном Причерноморье представлены впускными погребениями в насыпях более древних курганов и бескурганными могильниками. Лучше изучены погребения в насыпях курганов. Какой-либо закономерности в расположении их в кургане не наблюдается. Ямы в тех случаях, когда это можно проследить, имели овальную или прямоугольную с закругленными углами форму. В местах, где есть выходы камня, значительная часть погребений была перекрыта каменными вымостками или находилась в каменных

[32] А. В. Бураков. Ук. соч.

[33] Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Работы в Тилигуло-Березанском районе в 1954 г. КСИА АН СССР, 89, стр. 8.

[34] Н. Н. Погребова и Л. В. Кондрацкий. Археологическая разведка..., стр. 79.

ящиках (Кичкас, Привольное[35], Борисовка[36] и др.). В восьми случаях известны погребения в срубах — Кичкас, Долгая Могила[37], Малые Копани[38] и др. Наблюдается перекрытие могил деревянным накатом — обычай, распространенный на этой территории и в ямной культуре.

В исключительно редких случаях погребения поздней бронзы были основными в курганах: это известное погребение у хут. Лукьяновки[39], в Широком кургане у с. Малая Лепетиха[40], у селений Первомаевка[41], Борисовка Татарбунарского района и некоторые др. Эти погребения совершены в больших ямах длиной до 3 *м*, перекрытых накатом из больших бревен. Иногда прослеживаются столбы для поддержки перекрытия и пр. Захоронения сопровождаются сравнительно богатым инвентарем: кроме сосудов, в этих могилах найдены бронзовые двулезвийные ножи и кинжалы, фибулы, бусы.

Бескурганные могильники делятся на обычные грунтовые без внешних признаков и могильники под каменными закладками. Последние, как и в насыпях курганов под закладками, распространены главным образом в Надпорожье — у селений Привольное, Алексеевка, Войсковое и др., и в Нижнем Поднепровье —у селений Михайловка и Осокоровка[42]. До недавнего времени наименее изученную и самую малочисленную группу составляли бескурганные могильники без внешних признаков, которые известны в Надпорожье на о-ве Виноградном[43], у с. Волошского на Игренском полуострове, у с. Компанийцы под Кременчугом и в Приазовье — у с. Широкого. Из них лучше исследован последний, где открыто 130 погребений в грунтовых ямах, расположенных несколькими рядами. Известны могильники, в которых часть погребений находится в обычных грунтовых ямах, а часть — под каменными закладками или в каменных ящиках, таковы могильники в балке Жучей[44], в урочище Круглик у с. Федоровка[45]. К ним, по-видимому, следует отнести и часть погребений у ст. Калфа[46].

Для всех видов могильников характерно скорченное положение погребенных, преимущественно на левом, реже на правом боку, с согнутыми в локтях руками и положенными перед лицом кистями рук. Ориентация преимущественно восточная, с отклонением к северу и югу. Незначительная часть самых поздних погребений в курганах и бескурганных могильниках была ориентирована на запад или юго-запад.

Чаще всего покойника сопровождал один сосуд, поставленный у головы или перед лицом. В курганных могильниках преобладают сосуды баночных форм, реже — остроребериые типа срубных и позднемноговаликовые, а также «цилиндрошейные» и черпачки. Для бескурганных могильников характерны черпачки с петельчатыми ручками и кубки с высокой прямой шейкой и приземистым туловом. Меньшую часть посуды составля-

[35] П. Смолічев. Археологічні розкопи на терені Дніпрельстану в с. Кічкасі. Збірник ДКІАМ, І. Дніпропетровськ, 1929, стр. 182.; А. В. Добровольский. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Надпоріжжя в межах Запорізької області. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 84, 85.

[36] Н. М. Шмаглий, И. Т. Черняков. Ук. соч.

[37] Древности Геродотовой Скифии. I, СПб., 1866, стр. 26, 27.

[38] І. В. Фабриціус. Літопис Херсонського музею. 8, Херсон, 1927, стр. 16, 17.

[39] І. Фабриціус. Ук. соч., стр. 8, 9, рис. 6, 7.

[40] Н. И. Веселовский. Раскопки в 1916—1917 гг. СГАИМК, 1, Л., 1926, стр. 200—204.

[41] В. А. Іллінська, Г. Т. Ковпаненко, Є. О. Петровська. Розкопки курган в епохи бронзи поблизу с. Первомаївки. АП, IX, 1950, стр. 138.

[42] О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. АП, II, стр. 160, 161; А. В. Добровольський. Матеріали..., стр. 83, 84; В. Д. Рибалова. Могильник епохи бронзи в с. Осокорівці. АП, IX, стр. 5—13.

[43] А. В. Добровольський. Матеріали..., стр. 83.

[44] О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя..., стр. 160.

[45] О. В. Бодянський. Розкопки..., стр. 181, 182.

[46] Г. Ф. Чеботаренко. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 101—108.

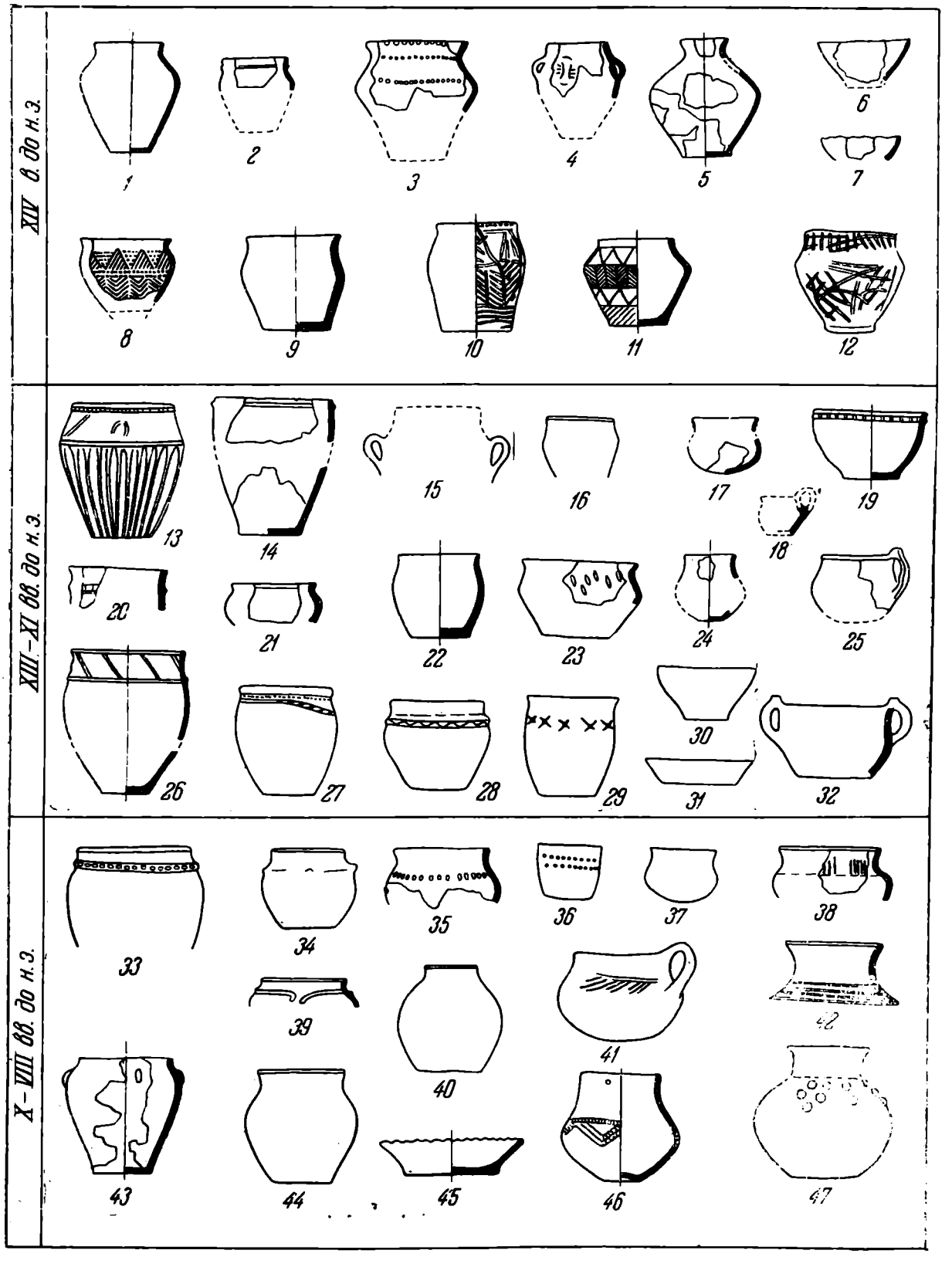


Рис. 2. Керамика многоваликовой и сабатиновской культуры

1—8 — Бабино III; *9—11* — Калфа; *12* — Кабаковский клад; *13, 14, 19, 23, 26, 27, 29, 31, 32* — Чикаловка; *15, 17, 18, 20, 22, 24, 25* — Сабатиновка; *16, 21* — Ушкалка I; *28* — Анатольевка; *30* — Пересадовка; *33, 34, 38, 39, 42, 44, 45* — Тудорово; *36, 37, 40* — Змеевка; *35, 43* — Ушкалка II; *41* — Каховка; *46* — Федоровка; *47* — Бабино IV

ют горшки баночных форм. Из других находок в погребениях следует отметить бронзовые ножи, костяные пряжки с большим отверстием посредине и малым сбоку, бронзовые височные кольца типа белогрудовских с завитками в разные стороны, изредка металлические и костяные пуговицы, еще реже различные бусы из кости и камня. Из импортных украшений внимания заслуживают находки бронзовых смычковых фибул (курган у хут. Лукьяновка, могильник у с. Широкое).

Наиболее массовый материал на поселениях и в погребениях — керамика. По назначению различаются посуда кухонная, столовая, а также корчаги для хранения пищевых запасов. Особенностью сабатиновской керамики является лощение. Лощеная посуда составляет от $^1/_3$ до $^1/_4$ части всей керамики. Основную часть находок составляет кухонная посуда. При изготовлении кухонной посуды и корчаг в глину добавляли песок, толченый кварц, шамот, а при изготовлении сковород и жаровен — толченый известняк или ракушки. Поверхность сосудов относительно грубая, шершавая, часть сосудов хорошо заглажена и подлощена. Цвет сосудов чаще серый, реже коричневый, излом черный. По определению специалистов, температура обжига составляет 700—750° С. По форме кухонная посуда делится на сосуды баночного профиля («тюльпановидные»), реберчатые и горшки с округлым туловом, а также сковороды и крышки.

На таких памятниках, как Сабатиновка, Чикаловка, Анатольевка, абсолютно преобладают:

1. Сосуды баночного типа сравнительно вытянутых пропорций, у которых диаметр венчика чуть больше диаметра днища. Среди них можно выделить: а) банки с прямыми стенками (рис. 2, *20*), б) со слегка расширяющимися кверху стенками (рис. 2, *14*), в) горшки без шейки с плавным «боченковидным» профилем (рис. 2, *26*, *27*).

Сосуды группы 1 обычно орнаментированы налепным валиком, расположенным под венчиком, редко со спускающимися концами (рис. 2, *27*). В некоторых случаях рядом с валиком располагается ряд наколов (рис. 2, *27*). Нередко встречается типично многоваликовая орнаментация (рис. 2, *13*, *26*), которая составляет от 5% (Чикаловка) до 17% (Сабатиновка) керамики, собранной на раннесабатиновских поселениях. Изредка, в частности на Сабатиновке, встречались фрагменты сосудов с петельчатыми ручками (рис 2, *15*), с налепами на плечиках (рис. 2, *43*).

2. Горшки со слегка отогнутым венчиком, высоко расположенными более или менее реберчатыми плечиками и почти ровными стенками, сужающимися ко дну (рис. 2, *13*, *16*, *43*).

3. Небольшую группу (до 7%) на этих поселениях составляют сосуды, приближающиеся по форме к тюльпановидным. Максимальный диаметр их приходится на середину высоты. Для этих сосудов характерен прочерченный или гребенчатый орнамент в виде елочки или косых насечек. Часто наблюдается гребенчатое заглаживание поверхности (рис. 2, *29*).

4. Горшки с резко отогнутыми венчиками и невысокой изогнутой, иногда совсем узкой шейкой, переходящей в закругленное тулово. Максимальный диаметр этих горшков приходится на середину высоты. На ранних поселениях, как правило, эти сосуды немногочисленны, например в Чикаловке они составляют около 7%. Несколько увеличивается их количество на поздних поселениях (верхний слой Ушкалки, Тудорово и др.) (рис. 2, *21*, *40*).

5. В комплексах поздних поселений довольно значительную группу составляют широко открытые горшки с относительно высокой прямой шейкой, которая резким уступом отделена от выпуклого тулова. На месте перехода шейки к плечикам обычно проходит налепной валик, нередко со спускающимися концами. Эти сосуды более характерны для таких поздних памятников, как Бабино IV, Тудорово, но в небольшом количестве они входят и в коллекции керамики из раннесабатиновских поселений (Нижняя Ушкалка, Анатольевка и др.) (рис. 2, *28*, *34*, *35*).

6. К числу редких форм для раннесабатиновских памятников следует отнести остроребериые сосуды низких пропорций, которые обычно представлены единичными находками: в Чикаловке — обломок одного сосуда, в Сабатиновке и Ушкалке — от двух сосудов. Несколько больше фрагментов, примерно от 9—10 остроребериых сосудов обнаружено в Пересадовке (рис. 2, *23*). Для этих сосудов характерен веревочный, реже прочерченный орнамент, образующий треугольники или ромбы.

7. Сковороды-жаровни — это круглые или овальные в плане толстостенные сосуды с прямыми невысокими стенками (5—7 *см*) расширяющимися кверху. Диаметр днищ их колеблется в пределах 15—24 *см*. Срез венчика нередко бывает орнаментирован косыми оттисками палочки, гребенки или отпечатками пальцев. Встречаются жаровни, разрезанные на части в виде полукруга или четверти круга. На ранних памятниках жаровни, как правило, представлены единичными находками, а на поздних составляют до 15% всей посуды (рис. 2, *31*, *45*).

8. В незначительном количестве, преимущественно на поздних поселениях, найдены глиняные крышки.

Для хранения запасов употреблялись большие сосуды, повторяющие форму кухонных, слабопрофилированных сосудов боченковидного профиля (Красное озеро, Чикаловка), а также в форме горшков с сильно выпуклыми боками (Кирово). От обычной кухонной посуды корчаги отличаются прежде всего размерами. Их высота — от 45 до 60 *см*. В Болграде, по определению И. Т. Чернякова, сохранились развалы больших сосудов типа пифосов диаметром 80—120 *см*.

Столовая посуда составляет примерно пятую часть (20—22%) всей посуды на поселениях. Она отличается от кухонной не только формами и размерами, но также и составом глиняной массы, которая всегда хорошо отмучена, с мелкими примесями. Эта посуда тонкостенная, тщательно заглаженная, в большинстве случаев подлощенная. Орнамент также отличен, это отпечатки мелкозубчатого штампа, проглаженные линии. Формы столовой посуды на сабатиновских памятниках также достаточно разнообразны — чаши, банки, кубки и черпаки, двуручные чаши и пр.

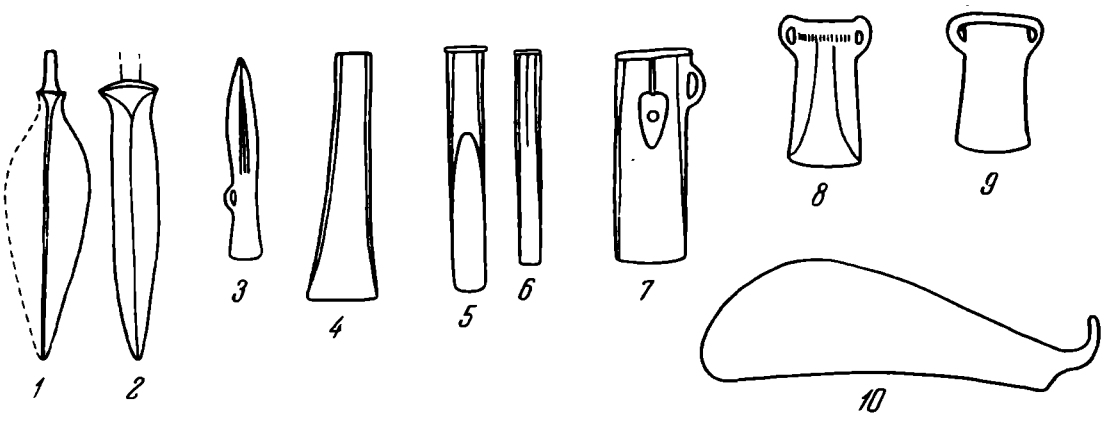
1. Черпачки — обычно небольшие сосуды для питья с прямой шейкой и округлым корпусом. Край венчика прямой или слегка отогнут наружу. Дно маленькое, уплощенное с небольшим углублением в центре, которому изнутри сосуда соответствует выступ-бугорок. Над краем сосуда поднимается небольшая петельчатая ручка, часто украшенная цилиндрическим или коническим выступом в верхней части. Ручки в разрезе бывают округлые, овальные или пятигранные (рис. 2, *18*, *25*, *41*).

2. Кубки делятся на две группы: а) близкие к черпачкам, со сравнительно низкой прямой шейкой, округлым корпусом и углублением в центре дна (рис. 2, *17*, *37*) и б) кубки с высокой узкой цилиндрической шейкой и широким закругленным туловом. Край венчика прямой или слегка отогнут. Переход к тулову бывает плавный, тогда сосуды приобретают форму «грушевидных», иногда обозначен небольшим уступом. Дно обычно уплощено, часто с углублением (рис. 2, *24, 46, 47*). Для черпачков и кубков характерен орнамент в виде треугольников, заполненных прочерченными линиями, мелкозубчатым штампом, последний в сочетании с косыми наколами тонкой палочкой, для кубков шишечки и каннелюры.

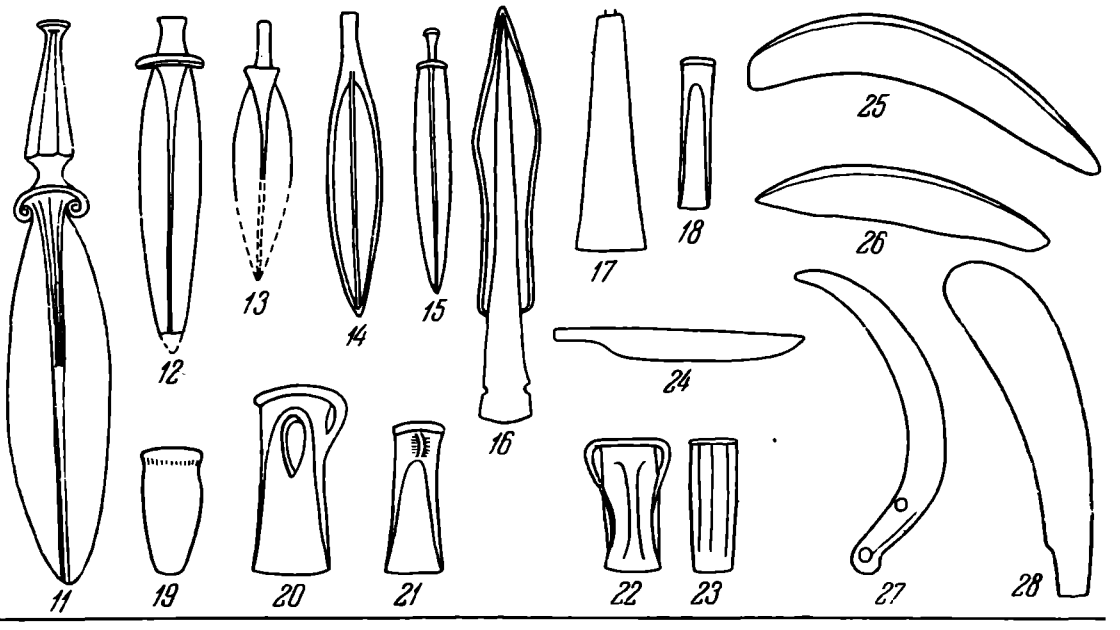
3. Чаши: а) по отдельным находкам (Сабатиновка, могильник у с. Широкое) известны близкие по форме к кубкам широко открытые невысокие чаши с прямой шейкой и округлым дном. Иногда они украшены каннелюрами. Диаметр их — 18—20 *см*; б) единичными находками на раннесабатиновских поселениях являются двуручные вазы — широко открытые овальные в плане сосуды с выделенной шейкой, отогнутым венчиком, выпуклым корпусом и небольшим дном. Над венчиком поднимаются две ручки с цилиндрическими или треугольными выступами (рис. 2, *32*). Этот тип сосудов хорошо известен в памятниках культуры Ноа; в) на Са-

Орудия труда и оружие

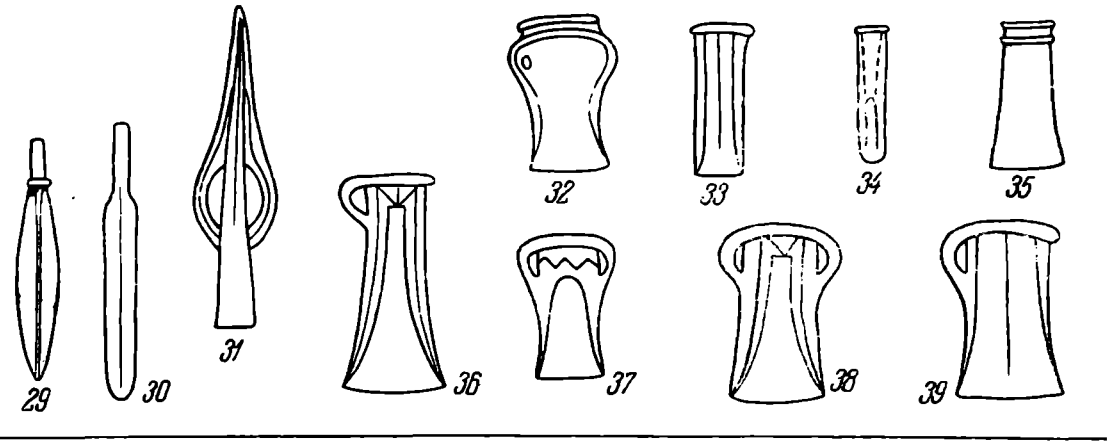
XIV в. до н.э.



XIII–XI вв. до н.э.



X–VIII вв. до н.э.



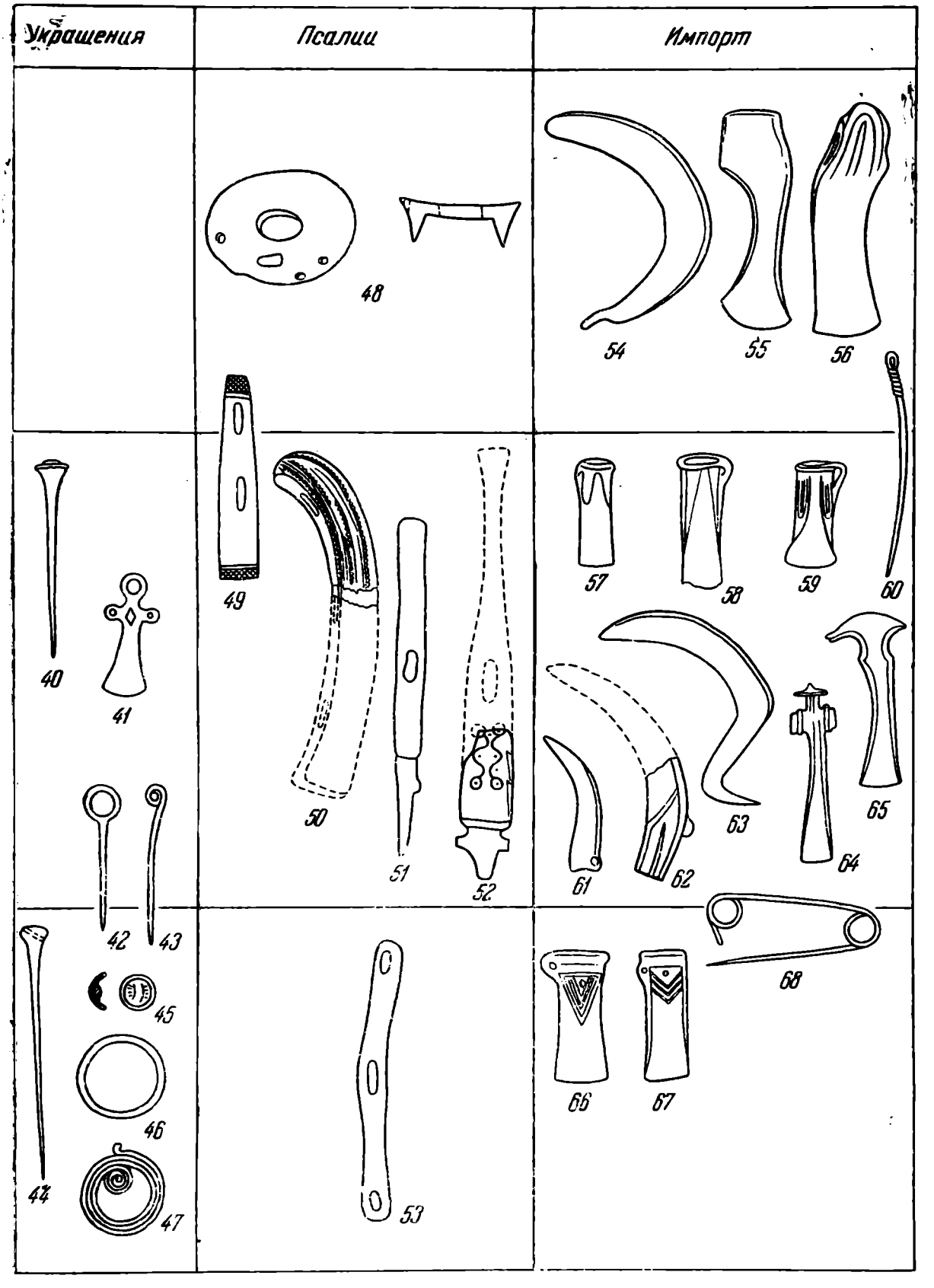


Рис. 3. Основные типы предсабатиновских и сабатиновских бронзовых изделий и костяные псалии

По литейным формам: *1—7* — Малые Копани; *12, 16, 19—21, 40* — Красный Маяк; *13—15, 17, 20—24* — Волошское; *25* — Вовниги; *29, 37, 44* — Ново-Александровка; *30, 34, 44* — Кардашинка I; *32, 46* — Кардашинка II; *33, 36, 38, 39* — Завадовка; *35* — Цюрупинск. По кладам: *8—10* — Кабаковский; *11, 26, 27, 41, 57—59, 62* — Ингульский (с. Антоновка); *28* — Князь-Григорьевка; *54—58* — Берислав; *63—65* — Журавлинка; *66—67* — Ново-Григорьевка. По находкам на поселениях и могильниках: *42—43* — Анатольевка; *45* — Волошское, могильник; *47* — Игрень, могильник; *48* — Каменка; *49, 60* — Сабатиновка; *50* — Чикаловка; *53* — Усатово; *68* — Лукьяновка

батиновском, Чикаловском и других поселениях выделяются сосуды типа глубоких чаш с плавно закругленными стенками.

4. Банки. Часть столовой посуды совпадает по форме с кухонными, это небольшие баночки с прямыми стенками, у которых диаметр венчика совпадает или слегка превосходит диаметр дна. Орнамент на этих сосудах встречается редко и всегда расположен в верхней части. Это отпечатки веревочки, прочерченные елочки и треугольники, отпечатки перышка или полого изнутри стебелька, редко жемчужины. Эти сосуды представлены не только на поселениях, но и в погребениях. В отличие от находок в погребениях, где банки всегда нелощенные, на поселениях не менее половины подлощенных.

Перечисленные формы сосудов встречаются как на ранних, так и на поздних сабатиновских памятниках. Однако соотношение их на разных хронологических этапах различно. На ранних памятниках (Сабатиновка, Чикаловка, нижний слой Ушкалки, Анатольевка и др.) преобладают сосуды типа 1, в том числе с многоваликовой орнаментацией, мало горшков с отогнутым венчиком и округлым туловом (тип 4), единичны находки остореберных «срубных» горшков (тип 5), мало сковород-жаровен. Из столовой посуды преобладают черпачки с выступами на ручках, баночки и чаши, мало «цилиндрошейных» кубков, единичны двуручные вазы (рис. 2, *13—32*). На поздних поселениях (Бабино IV, Тудорово, верхний слой Ушкалки и др.) преобладают горшки с округлым туловом (типы 3 и 4), хотя наряду с ними продолжают существовать и сосуды типа 1, но в меньшем количестве, совсем исчезают из употребления «реберчатые» сосуды высоких и низких пропорций, увеличивается в обиходе количество сковород-жаровен, крышек. Происходят некоторые изменения в ассортименте столовой посуды: бытуют черпачки, но преимущественно с петельчатыми овальными в разрезе ручками без выступов. Исчезают двуручные вазы. Увеличивается количество «цилиндрошейных» кубков (рис. 2, *33—47*).

Для сабатиновских памятников характерен своеобразный комплекс металлических предметов, известных по находкам кладов бронзовых изделий и набору каменных матриц из бронзо-литейных мастерских. В них представлены орудия труда — ножи, серпы и кельты различных типов, оружие — наконечники копий, кинжалы, украшения. По количеству находок одно из первых мест принадлежит серпам. В настоящее время на территории Северо-Западного Причерноморья, преимущественно в степи, известно около 250 серпов, а в музеях Украины хранится не менее 10 матриц для их отливки. Различаются серпы коленчатые, широкие с сильно расширенным закругленным носком и маленьким крючком, овально изогнутые с отверстиями или с шишечкой для крепления рукояти и др. (рис. 3, *10, 25—28, 54, 61—63*).

Рубящие орудия представлены шестигранными, реже овальными в сечении кельтами с различными вариациями в оформлении широких сторон: в виде арки, треугольника и т. д. Значительную часть кельтов составляют двуушковые (рис. 3, *7—9*, *19—23*, *32*, *33*, *35—39*).

Известны три типа наконечников копий: I — втульчатые лавролистные, с двумя отверстиями в нижней части втулки для прикрепления к древку; II — с узкими в основании лопастями, образующими к острию ромбовидное расширение (рис. 3, *16*); этот тип характерен в основном для сабатиновских памятников и за пределами Правобережной Украины и Поднепровья почти не встречается; III — наконечники с большими прорезями на широких в основаниях лопастях (рис. 3, *31*). Эти наконечники, возможно, появляются еще на ранних сабатиновских памятниках (находка в с. Волошском), но массовое их употребление приходится на поздний этап, о чем свидетельствуют клады литейных форм из Завадовки и Солохи [47].

[47] А. М. Лесков. Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 63—67, рис. 22; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., рис. 34, *33*.

Кинжалы также представлены несколькими типами: I — кинжалы «киммерийского» типа листовидной формы с нервюрой по клинку и круглым упором, отделяющим лезвие от рукоятки,— литейные формы из Малых Копаней, Волошского и Ново-Александровки (рис. 3, *1, 13, 29);* II — массивные листовидной формы кинжалы, с нервюрой, переходящей в дуговидное перекрестие, с коротким широким черенком для насада — Красные Маяки (рис. 3, *2, 12*); III — кинжалы-мечи больших размеров (длина их достигает 35—38 *см*), с тройной нервюрой и дугообразным перекрестием — форма из Красномаяцкой мастерской, Ингульский клад, погребение в Борисовке близ Татарбунар (рис. 3, *11*). По оформлению перекрестия кинжалы II и III типов близки к сосново-мазинским, хотя и не идентичны им. В позднейших памятниках известен IV тип кинжалов — сравнительно небольших, с параллельными лезвиями и продольной нервюрой. Среди них выделяются совсем маленькие (длиной до 10 и даже до 8 *см*), которые, возможно, употреблялись в качестве бритвы. Литейные формы найдены в Кардашинке, Завадовке, Цюрупинске, готовые изделия — в Змеевке (рис. 3, *30*).

Из украшений следует назвать браслеты, булавки с полой головкой и сквозными проколами, булавки с кольцевидной головкой, в том числе и с крестообразными подвесками, пуговицы, височные кольца (рис. 3, *40—47*).

Изобилие металлических изделий, наличие большого количества литейных форм свидетельствуют о местном производстве основных бронзовых орудий труда и оружия. Химический анализ металла, по определению Е. Н. Черных, указывает, что он относится к тому же кругу, что и металл комаровской культуры и культуры Ноа [48]. Наряду с бронзовыми изделиями местного производства в Северо-Западном Причерноморье известны импорты из Семиградья — кельты старшего семиградского типа, коленчатые серпы, серпы с шишечкой, с реберчатой рукоятью (клады из Ново-Григорьевки, Журавлинки, находки из Николаева, часть изделий Ингульского клада [49]; рис. 3, *57—59, 61—67*). В меньшей мере представлены изделия из Прикубанья и Северного Кавказа (серпы и вислообушные топоры из Бериславского клада; рис. 3, *54—56*). С другой стороны, бронзовые изделия, изготовленные в сабатиновских мастерских, распространялись и за пределами сабатиновской культуры. Так, свидетельством торговли сабатиновских племен с племенами белогрудовской культуры являются находки в Среднем Поднепровье двуухих кельтов с гладкими широкими и оформленными в виде листа ивы узкими сторонами, а также кельтов «восточносемиградского» типа [50], литейные формы которых представлены в сабатиновских мастерских (Красные Маяки, Волошское).

В целом комплекс металлических изделий эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье достаточно своеобразен, что дало возможность А. В. Городцову определить его как киммерийский [51]. Позже, исходя из многочисленности бронзовых изделий, своеобразия их форм и обилия мастерских, А. А. Иессен совершенно справедливо выделил особый причерноморский очаг металлообработки [52].

Разнообразны и каменные изделия. Из них наибольшего внимания заслуживают литейные формы, представленные в таких кладах, как Красно-

[48] Е. Н. Черных. К химической характеристике металла Ингульского клада. СА, 1965, 1, стр. 149; его же. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. Сб. «Археология и естественные науки», М., 1965, стр. 102, карта 3.

[49] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Київ, 1951, стр. 83, табл. XIX, *23*; П. В. Харлампович. Три скарби мідяно-бронзової доби. Архив ИА АН УССР, ВУАК, № 572.

[50] А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. стр. 121—126.

[51] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. СА РАНИОН, секция археологии, II, М., 1928, стр. 46—59.

[52] А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 27—29.

маяцкий, Кардашинские, Малокопаневский, Ново-Александровский, Волошский, Завадовский и др. Матрицы изготавливались преимущественно из термолитовых и тальковых сланцев — пород мягких, сравнительно легко поддающихся резьбе, шлифовке, но в то же время и достаточно огнеупорных. Выходы этих пород, которые могли быть доступны для древних обитателей, известны на Ингульце, близ Кривого Рога и в Надпорожье. Из других каменных орудий очень распространены крупные привязные топоры-молоты, различные песты. На каждом поселении и почти в каждом жилище находят целые или разбитые зернотерки, обычно овальной формы, различные терочники. Из кремневых орудий встречаются вкладыши для серпов (Волошское, Кардашинские кучугуры и др.). В целом же кремневые серпы заметно уступают в числе бронзовым.

На всех поселениях, особенно на ранних, сохранились разнообразные костяные изделия — трехгранные и многогранные наконечники стрел, втульчатые и с черенком, различные проколки, «трепала» из челюсти коня, лощила, «коньки» из берцовых костей коня, гарпуны и другие предметы, широко распространенные в эпоху поздней бронзы на всей территории степи от Дуная[53] до Казахстана[54]. Исключение составляют лишь костяные поделки из лопатки быка или коня с зубцами по краю, которые встречаются только в сабатиновских памятниках и в культуре Ноа. Назначение этих изделий не совсем ясно. Вероятнее всего, они использовались при обработке кожи.

Большой интерес вызывают находки костяных и роговых псалиев нескольких типов: типа Тосег С (Сабатиновка; рис. 3, *49*), с «молоточковидными» выступами на конце (Волошское, Скельки, Кирово; рис. 3, *51, 52*), с тремя отверстиями в одной плоскости (Чикаловка, Дериевка, Усатово; рис. 3, *53*).

Расположение поселений на удобных для земледелия местах, наличие на всех поселениях зернотерок и особенно обилие и разнообразие форм бронзовых серпов, обнаруженных как в культурном слое поселений, так и в кладах, свидетельствуют о земледельческо-скотоводческом характере хозяйства сабатиновских племен. Об этом же говорит и остеологический материал. На поселениях Чикаловка, Пересадовка, Нижняя Ушкалка, Анатольевка крупный рогатый скот составлял почти половину стада — от 40 до 56%. Второе и третье место обычно принадлежит мелкому рогатому скоту и лошади. В среднем на их долю приходилось по 23% поголовья, хотя количество костей лошади на поселениях колеблется больше, чем количество костей овец (от 9 до 26%). Исключением является только состав стада Анатольевского поселения, где лошадь и крупный рогатый скот представлены одинаковым количеством особей (по 38%). Свиньи составляли до 10% стада. Таким образом, состав стада типичен для земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Для датировки сабатиновской культуры важны некоторые металлические изделия, костяные псалии, которые дают возможность синхронизировать сабатиновские памятники с хорошо датированными комплексами соседних культур: Ноа, белогрудовской и срубной. Весь период сабатиновской культуры определяется примерно пятью-шестью веками — от XIII до IX—VIII вв. до н. э. Для раннесабатиновского этапа в качестве датирующих вещей выступают прежде всего кинжалы Краснomаяцкого и Ингульского клада с тройной нервюрой и дугообразным перекрестием, которые имеют ближайшее сходство с сосново-мазинскими находками. Клад из Сосновой Мазы по аналогии с находками из Талыша датируется XIII, во

---

[53] Adrian C. Florescu. Contributii la cunoaşterea culturi Noua. «Archeologia Moldovei», II—III, 1964, стр. 171—175.

[54] С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960, стр. 55, 56; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, М., 1948, стр. 123.

всяком случае не позже XII в до н. э.[55] К этому или очень близкому времени относятся и Красномаяцкий и Ингульский клады. Костяные псалии с молоточковидными выступами, найденные на поселении в Волошском и Скельках, имеют широкий круг аналогий в Центральной Европе, где датируется Гальштатом А[56], а также на I Сусканском поселении, которое относится к IV этапу срубной культуры и синхронно приказанским поселениям займищенского типа и кладу из Сосновой Мазы, а следовательно, датируется в пределах 1400—1200 гг. до н. э.[57] Псалий из Сабатиновского поселения по форме и орнаментации ближе всего к роговым венгерским псалиям типа Тосег С и может быть датирован не позже 1100 г. до н. э. Близость, а порой идентичность инвентаря сабатиновских памятников и памятников культуры Ноа, проявившаяся в формах и орнаментации кухонной посуды, в тождестве столовой посуды и костяных изделий и, наконец, в общих формах металлических орудий труда — кельтов, серпов, в сходстве украшений — булавки с крестовидными подвесками и др., позволяет говорить об одновременности раннесабатиновских памятников и памятников культуры Ноа, которую румынские исследователи в последних работах относят к концу XIV—XII вв. до н. э.[58] Таким образом, ранний этап сабатиновской культуры датируется примерно XIII—XI вв. до н. э.

Дата позднего этапа сабатиновской культуры определяется прежде всего смычковыми фибулами, дважды встреченными в погребальных комплексах (в Лукьяновском кургане и в могильнике близ с. Широкого; рис. 3, *67*). Подобные фибулы известны в восточных комплексах — в Гаме (гробница VIII), в Абу-Хаваме (слой III)[59], а также в Австрии (Грюнбахгеленд, Альтмюнстер). Эти находки датируются в пределах 1200—925 гг. до н. э.[60] Близки к ним и фибулы типа пескьеры из субмикенских могильников в Сицилии, которые датируются XI—IX вв. до н. э.[61] Кинжалы и кинжальчики с прямыми параллельными лезвиями и нервюрой посредине клинка, известные на поселениях в с. Змеевка, Дереивка, в могильнике у с. Первомаевка и в Широком, в кургане близ с. Малая Лепетиха, а также по литейным формам II и III Кардашинской и Завадовской мастерских, позволяют сопоставить эти памятники с такими, как Кишиневское поселение, которое на основании псалия, лощеной посуды и бронзовых пилочек датируется второй половиной VIII до н. э.[62] Наличие в некоторых погребениях и поселениях височных колец одного типа с белогрудовскими, а также известная близость кубков и черпачков позволяет синхронизировать эти памятники с белогрудовской культурой. Таким образом, поздний период сабатиновской культуры приходится на XI—VIII вв. до н. э.

Сходство сабатиновских памятников с позднесрубными сказывается в топографии, отчасти в планировке поселений. Наблюдаются некоторые общие черты в планировке жилищ (несколько очагов), в близости погребального обряда. Для сабатиновских и позднесрубных погребений характерно скорченное положение покойников преимущественно на левом боку.

[55] Н. Я. Мерперт. О луристанских элементах в кладе из Сосновой Мазы. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 134.

[56] O. Kytlicová. Hromadny nález bronzů od Stárého Sedla. PA, XLVI, č. 1, 1955, стр. 64; A. Mozsolics. Mors en bois de cerf sur le territoire du bassin des Carpathes. AAH, III, Budapest, 1953, стр. 81—84; R. Pittioni. Urgeschichte des Österreichischen Raumes. Wien, 1954, стр. 474—476.

[57] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА 61, 1958, стр. 140; его же. Срубная культура южной Чувашии. МИА, 111, 1962, стр. 16.

[58] М. Петреску-Дымбовица. Конец бронзового и начало железного века в Молдавии. «Dacia», IV, 1960, стр. 151; Adrian C. Florescu. Ук. соч., стр. 201, 202.

[59] R. Pittioni. Ук. соч., стр. 420 сл.

[60] Y. Schaeffer. Statigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948, стр. 113.

[61] H. Müller-Karpe. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Berlin, 1959, стр. 35.

[62] А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в Лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961, стр. 46.

Однако в сабатиновских памятниках это, как правило, впускные погребения в насыпи ямного времени, в то время как в Поволжье срубные погребения конца II — начала I тысячелетия часто основные в курганах. В материальной культуре черты сходства проявляются в керамике. Для большой территории от Казахстана до Дуная в эпоху поздней бронзы характерны горшки, орнаментированные налепным валиком, а также различные баночные сосуды. Изредка в Поволжье (в небольшом количестве) встречаются сковороды и крышки, которые являются массовыми находками в Северо-Западном Причерноморье. Бронзовые изделия, изготовленные в мастерских раннесабатиновского этапа, в ряде случаев повторяют или дальше развивают типы орудий и особенно оружия, характерного для приуральского металлургического центра. Это кинжалы «киммерийского» типа, происходящие, как считают исследователи, от срубных ножей с перекрестием; кинжалы из красномаяцкой мастерской, являющиеся дальнейшим развитием сосново-мазинских; наконечники копий с ушком, близкие с сеймпнским (рис. 3, *3*). Один из пяти типов серпов, известных в сабатиновских комплексах,— большой слабоизогнутый серп с крючком — также представлен в срубных памятниках Поволжья и андроновских Казахстана. Некоторые типы причерноморских кельтов заимствованы (кельты с оформлением узких сторон в виде листа ивы; рис. 3, *22*, *32*) или испытали влияние приуральских, что сказывается в наличии двух боковых ушек, в наличии ушка посредине широкой стороны кельта (рис. 3, *21*), изредка в орнаменте (рис. 3, *8*). Одинаковые костяные орудия труда — лощила, гарпуны, проколки, «коньки» и различные наконечники стрел — предметы универсальные для эпохи поздней бронзы от Сибири до Семиградья.

В то же время для сабатиновских памятников характерны черты, в значительной степени отличающие их от позднесрубных. Все сабатиновские поселения — неукрепленные, а среди позднесрубных появляются укрепленные (Сусканское поселение). Наряду с углубленными жилищами, столь характерными для срубной культуры, на сабатиновских поселениях широко распространены наземные. Отличительной чертой сооружений является широкое использование камня в строительстве — традиция, идущая от предшествующих культур на этой территории — ямной и культуры многоваликовой керамики (Михайловка, сад Шевченко, о-в Виноградный). Наблюдаются особенности внутренней планировки — многокамерность жилищ.

В идеологии сабатиновских племен удается проследить некоторые особенности по находкам вблизи от очагов глиняных шариков, «хлебцев», «зооморфных» фигурок, обычно связываемых с культом огня, домашнего очага, с идеей возрождения и плодородия. Подобные находки неизвестны в срубных памятниках, но зато обычны для правобережных культур конца эпохи бронзы — начала железа: Ноа, белогрудовской, высоцкой.

Отличия наблюдаются в формах керамики и прежде всего в столовой посуде (кубки, черпачки, чаши и т. д.), в обработке поверхности посуды: на сабатиновских поселениях лощеная посуда составляет от $^1/_4$ до $^1/_3$ всей керамики. Особенностью сабатиновской керамики является орнамент, преимущественно в виде налепного или оттянутого валика (60—80% всей орнаментированной посуды), в то время, как на синхронных позднесрубных памятниках орнаментированная валиком посуда не превышает 5% (Сусканское поселение). Раннесабатиновская керамика отличается многоваликовой орнаментацией, а также наличием высоких остроребериых сосудов, переживших комплекс многоваликовой культуры. На сабатиновских поселениях, особенно поздних, значительную часть керамики составляют сковороды-жаровни и крышки, которые на позднесрубных памятниках известны лишь по единичным обломкам. Совсем не известны в позднесрубных комплексах жаровни с обрезанным краем.

Из бронзовых изделий, характерных для сабатиновских памятников и неизвестных в приуральском очаге металлургии и срубной культуре,

прежде всего выделяются серпы нескольких типов: узкие овальноизогнутые серпы с одним или двумя отверстиями для крепления рукояти (литейные формы из Черного леса, Ингульский клад; рис. 3, *27*); серпы коленчатые, — вероятно, импорт из Семиградья (рис. 3, *63*); серпы с «кнопкой» (рис. 3, *61*); серпы с ребристой рукоятью, хорошо известные по находкам в Центральной Европе (рис. 3, *62*). Среди кельтов также можно выделить отличные от срубных типы. Это совершенно оригинальный массивный шестигранный кельт с параллельными гранями (рис. 3, *7*), «мешковидные» кельты (рис. 3, *19*), кельты восточносемиградского типа с рельефной аркой и овальным отверстием на широкой стороне (рис. 3, *20*), затем импорт из Семиградья — кельты с рельефными треугольниками, спускающимися по бокам широких сторон (рис. 3, *57—59*, *66*, *67*). Из оружия в сабатиновских памятниках оригинальны копья с ромбовидными лопастями, а в поздних комплексах — кинжалы с параллельными лезвиями (рис. 3, *15, 16, 30*).

Совершенно отличны от позднесрубных украшения — булавки с кольцевидной головкой, с головкой в виде шляпки гвоздя, булавки с расплющенным концом, свернутым в полтора-два оборота, булавки с полой головкой и отверстием в ней; пуговицы с петельчатым ушком; крестовидные подвески, подвески с концами, закрученными спиралью, и другие предметы, распространенные также в культурах поздней бронзы лесостепного Правобережья и культуре Ноа (рис. 3, *40—47*).

Не известны в срубных памятниках и характерные для сабатиновских кремневые вкладыши серпов.

Вместе с тем, в сабатиновской культуре достаточно четко проявляются черты, общие с культурой Ноа. Сходство проявляется в неукрепленных поселениях (хотя и отличающихся характером зольников), в наземных жилищах с печами и очагами, в наличии бескурганных могильников. Более яркое сходство проявляется в керамике: баночные сосуды и горшки, орнаментированные валиком, в частности сосуды с петельчатыми ручками, почти вся столовая посуда (черпачки, чаши с двумя ручками), за исключением мисок, одинаковы с сабатиновскими, хотя в комплексах они отличаются от сабатиновских количественным соотношением различных типов посуды. Аналогичен сабатиновскому и костяной инвентарь, однако в целом он одинаков с позднесрубным и андроновским. Только костяные «штампы» встречены лишь в памятниках Ноа и сабатиновских (преимущественно ранних). Одного типа и кремневые вкладыши для серпов. Из металлических орудий труда широко распространены те же типы кельтов, что и в сабатиновских памятниках: кельты старшего семиградского типа и восточносемиградские. Все украшения, встреченные в сабатиновских комплексах, есть и в комплексах Ноа, в том числе и крестовидные подвески, пока не известные в других культурах. Об общих идеологических представлениях и определенных культовых церемониях свидетельствуют одинаковые находки глиняных «хлебцев» и фигурок животных в комплексах культуры Ноа и Сабатиновки.

Подводя итоги, необходимо отметить, что материал сабатиновских памятников в известной степени противоречив: с одной стороны, в нем имеется ряд признаков, сближающих его с материалом срубной и даже андроновской культур, с другой — наблюдается близость его с культурой Ноа. И в то же время имеется комплекс признаков, позволяющих ставить вопрос о самостоятельной группе памятников или отдельной культуре.

Наиболее сложен и наименее разработан вопрос о происхождении сабатиновской культуры. Раннесабатиновские памятники непосредственно следуют за памятниками с многоваликовой керамикой. Хотя культура многоваликовой керамики исследована еще недостаточно, однако на территории, занятой сабатиновской культурой, известно значительное количество памятников этого периода. Из них исследованы лишь поселение Бабино III, поселение Каменка и частично поселение у хут. Кременчук.

На этой территории известно также несколько случайно открытых погребений в насыпях курганов (у с. Чапаевка близ Кременчуга, у с. Белозерка в устье Ингульца [63]) и бескурганных (у ст. Калфа под Кишиневом [64] и пр.). Анализ материальной культуры, и прежде всего керамических комплексов Сабатиновского поселения, нижнего слоя Ушкалки, Чикаловки, обнаруживает определенную близость к многоваликовой керамике и преемственность ее, что проявляется в формах сосудов и характере орнаментации (рис. 2, ср. *1—12* и *13, 15, 16, 19, 22, 26, 30, 31*). Традиции каменного зодчества, ярко проявившиеся в памятниках сабатиновской культуры, также, по-видимому, связаны с предшествующими периодами. Преемственность наблюдается и в древних традициях погребального обряда: погребения впускные в насыпи древних курганов и бескурганные могильники, наличие каменных закладок и ящиков.

С другой стороны, в сложении сабатиновских памятников безусловно участие срубной культуры, что находит отражение в наличии остроребер-ных и баночных форм сосудов, некоторых видов металлических изделий (часть кельтов, широкие крюкастые серпы), в костяном инвентаре. Раннее проникновение носителей срубной культуры прослеживается по очень немногочисленным погребениям в срубах, а также впускным погребениям в насыпи курганов, сопровождающимся остроребернрй посудой, бронзовыми ножами с перехватом и ромбовидным расширением на рукоятке — вещами, характерными для срубной культуры середины II тысячелетия до н. э. Это позволяет утверждать, что проникновение срубных племен на Правобережье Днепра в среду носителей многоваликовой культуры происходило в середине II тысячелетия до н. э.

Наряду с традициями, идущими от культуры многоваликовой керамики и срубной, в сабатиновской культуре очень ярко проявляются черты, общие с культурой Ноа, которые нельзя объяснить только взаимовлияниями синхронных культур. Очень вероятно предположение, что эти культуры имели и общую подоснову в виде западных культур эпохи средней бронзы, возможно Монтеору или белопотокской группы комаровской культуры. К сожалению, в степях западнее Буга период, предшествующий сабатиновскому, изучен пока недостаточно.

Судя по экономическому развитию (по количеству металлических орудий труда и оружия, по количеству бронзолитейных мастерских, по широким связям с окружающими племенами), сабатиновские племена были одними из наиболее экономически развитых и могущественных в предскифское время. По всей вероятности, они входили в состав первого, известного по письменным источникам большого объединения Причерноморья, киммерийского племенного союза, время которого совпадает с концом сабатиновской культуры.

---

[63] С. С. Березанская. О погребениях культуры многоваликовой керамики. МАСП, 4, Одесса, 1962, стр. 5—15.

[64] Г. Ф. Чеботаренко. Ук. соч.

П. М. КОЖИН

ГОБИЙСКАЯ КВАДРИГА

Изображение повозки [1] на скалах Хобдо-Сомона (Южная Гоби) пока уникально. А. П. Окладников датировал его эпохой бронзы, связал с солнечным культом, указал на обширный круг аналогий [2]. Обоснование этих выводов может быть расширено.

Четырехколесная повозка [3] с четырехконной запряжкой (квадрига) [4] (рис. 1) составляет часть сложной композиции. Однако включенные в композицию фигуры людей и животных могут быть использованы лишь для трактовки мифологических сюжетов, представленных во всем комплексе изображений Хобдо-Сомона. Повозка же представляет самостоятельный объект исследования.

Рис. 1. Изображение колесницы из Хобдо-Сомона, Гоби (по А. П. Окладникову)

Датировка повозки эпохой бронзы может опираться на даты основной массы евразийских находок колесниц, их моделей и изображений. Одинаковое конструктивное решение основных деталей древнейших повозок в пределах Евразии убеждает в существовании единого центра происхождения для колесных экипажей с лошадиной запряжкой. Из этого априорно можно сделать вывод о хронологическом параллелизме в локальных изме-

[1] А. П. Окладников. Олень золотые рога. Л.— М., 1964, рис. после стр. 208.

[2] Там же, стр. 210, 211.

[3] Передняя ось не вполне параллельна задней. Учитывая, что на оси между передними колесами помещена еще одна окружность, можно было бы полагать, что повозка имела вращающийся передок. Но тогда передние колеса не могли бы быть больше задних. Отмечая, что соединение передней и задней осей не вполне ясно, можно предположить, что здесь представлены две двухколесные повозки. Дышло задней из них обращено вверх или вбок. В том, что длинная жердь, изображенная перед задними колесами, могла служить дышлом второй повозки, убеждает наличие зооморфного навершия (F. Hančar. Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien — München, 1955. табл. VIII, *23*; A. Salonen. Die Landfahrzeuge des Alten Mesopotamien. Helsinki, 1951, табл. XXXVIII, *1, 2*), а также два кольца под этим навершием по обе стороны дышла. Они напоминают типичные в ближневосточных памятниках распределители для вожжей (C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie occidentale. London, 1948, рис. 82, *17*; U. Popplow. Pferd und Wagen im Alten Orient. Berlin, 1934, стр. 53, рис. 3; стр. 61, рис. 24; A. Salonen. Ук. соч., табл. XLVIII—L). Так как рядом с правой крайней лошадью видна фигура человека с натянутым луком, нельзя исключить, что здесь изображена батальная сцена: момент столкновения двух боевых колесниц. Аналогичные ситуации представлены среди изображений битвы при Кадеше в Луксоре и Абу-Симбеле (Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical Lands, I, Jerusalem, 1963, стр. 108, 109).

[4] Самым надежным указанием на то, что в колесницу запряжены именно лошади, являются, как отметил А. П. Окладников, длинные хвосты упряжных животных.

нениях конструкции повозки, что и позволяет привлекать для подтверждений датировок территориально далекие образцы повозок. Дату подтверждают: колеса со спицами [5], количество спиц [6], близкое сходство передней части повозки с иньским иероглифом, обозначающим колесницу [7], отчасти дышловой способ запряжки [8], распределитель для вожжей [9], четырехконная упряжка, где две лошади идут в ярме, а две в пристяжке [10], и изображение колесницы в плане [11]. Комплекс этих признаков указывает на датировку в широких пределах бронзовой эпохи. Уточняют дату аналогия с иньским иероглифом и количество спиц в колесах. Исследование ближневосточных колесниц показало, что количество спиц возрастает от четырех до восьми в течение второй половины II тысячелетия до н. э. [12]. Дальнейшее увеличение числа спиц происходит в основном уже в I тысячелетии до н. э., особенно ближе к его середине. У модели колесницы из Аму-Дарьинского клада колеса имеют до десяти спиц [13]. Большое число спиц имеют повозки с высокими колесами из погребений в Лчашене [14]. В трактате «Дао дэ цзин» упоминается уже о 30 спицах [15]. Количество

Впрочем, короткие понурые шеи также типичны для упряжных лошадей древности (В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 192), а представленный на изображении тип экипажа неразрывно связан с лошадьми.

[5] Колеса со спицами первоначально фиксируются лишь у повозки с лошадиной запряжкой. Все повозки, запряженные быками, вплоть до начала II тысячелетия до н. э. имели сплошные дисковые колеса различных конструкций (П. М. Кожин. О глиняных моделях колес из Балановского могильника. СА, 1966, 4).

[6] Придавая этому признаку ведущее хронологическое значение, необходимо считаться с тем, что на некоторых изображениях колеса и многие другие детали колесниц могут быть сильно схематизированы (Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 152). Замечание, сделанное Б. Б. Пиотровским по поводу схематизации в изображении колес повозки на поясе из Ахталинского могильника, может быть распространено и на четырехспицые колеса колесницы, гравированной на поясе из Тлийского могильника (Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из с. Тли (Юго-Осетия). СА, 1961, 4, стр. 135, рис. 7, *3*, стр. 137), особенно близкой по общему облику к урартским и ассирийским колесницам (B. Hrouda. Der assyrische Streitwagen. Iraq, XXV, pt. 2, London, 1963).

[7] F. Hančar. Das Pferd..., стр. 266, рис. 9A; W. Böttger. Die ursprünglichen Jagdmethoden der Chinesen. Berlin, 1960, стр. 90. Колеса в идеограммах повозки изображены с четырьмя спицами. Это также схематизация: все известные иньские и чжоуские повозки имеют высокие многоспицые колеса. Символичность идеограммы в дальнейшем возрастает: четырехколесные повозки и повозки с оглобельной запряжкой обозначают тем же иероглифом.

[8] Появление упряжки с оглоблями зафиксировано на западе в римское (J. A. Potratz. Das Pferd in der Frühzeit. Rostock, 1938, стр. 39), а на востоке — в ханьское время. Древнейшее пока изображение оглобельной запряжки представлено в золотой модели колесницы из Аму-Дарьинского клада. Ф. Ганчар ошибается, считая, что повозка, изображенная на стеле из Знаменки, снабжена оглоблями и запряжена лошадьми (F. Hančar. Ук. соч., стр. 279; М. И. Артамонов. К истории средств передвижения. ПИМК, 1933, 5, 6, стр. 31; М. П. Грязнов. Писаница эпохи бронзы из д. Знаменка в Хакассии. КСИИМК, 80, 1960).

[9] См. сн. 3. В «Шицзин» также упоминается кольцо для вожжей (Шицзин. М., 1957, стр. 154). По традиции, созданной китайскими комментаторами, принято считать, что все шесть вожжей продевались в одно кольцо, которое свободно висело на них, не будучи закреплено на дышле (S. Couvreur. Cheu King. Ho Kien fou, 1896, стр. 136, 137). Но в таком случае это кольцо не могло нести никаких распределительных функций. Вероятнее, что оно все же крепилось к дышлу.

[10] Ярмо из лошадиной упряжи не исчезает очень длительное время, хотя упряжь с ярмом, вредно отражаясь на здоровье лошадей, к тому же не допускала увеличения нагрузки на них (Lefebure des Noëttes. La force motrice animale a travers les âges. Paris, 1924). Переход от запряжки под ярмо к современным типам упряжки, очевидно, начинается со времени утверждения оглобельной запряжки.

[11] П. М. Кожин. Кносские колесницы. «Археология Старого и Нового Света». М., 1966, стр. 81.

[12] F. Studniczka. Der Rennwagen im syrisch-phönikischen Gebiet. JDAI, XXII (1907), Berlin, 1908.

[13] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1926, табл. IV.

[14] С. А. Есаян. Оружие и военное дело древней Армении (III—I тысячелетие до н. э.). Ереван, 1966.

[15] Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.— Л., 1950, стр. 121.

спиц определялось конструкцией втулки и диаметром колеса. Например, колеса повозки VII в. до н. э. из могилы 3 у Саламиса (Кипр) высотой в 85 *см* имеют восемь спиц [16]. Колеса же повозки из пятого Пазырыкского кургана имеют 34 спицы при высоте около 1,6 *м* [17]. Оба признака тесно взаимосвязаны. В этом смысле показательна колесница из могилы 175 у дер. Да Сыкун [18] с большим диаметром колес и значительным числом спиц [19]. Связь между конструкцией втулки и количеством спиц подтверждается находкой шестиспицего колеса в гробнице Аменхотепа III [20]. Это, к сожалению, единственный случай исследования колеса египетской колесницы. В работе А. Лукаса [21] производство колес не рассматривается, несмотря на изобильный, хотя и трудный для исследования, археологический материал, а также ряд изображений колесного производства на фресках из гробниц XVIII династии [22]. Это является недостатком работы, так как производство колес было одной из наиболее сложных и специализированных отраслей деревообделочного ремесла [23], а сами колеса находили применение также и в гончарном производстве (круг) и при создании ирригационных сооружений. У колеса из могилы Аменхотепа III втулка и спицы составлены из шести деревянных V-образных сегментов. Стороны двух сегментов, соприкасаясь, образуют одну из шести спиц, а вершины всех шести сегментов собираются во втулку. Колесо после проклейки фиксировалось ремнями из сырой кожи, которые, высыхая и затвердевая, становились надежным креплением [24]. Применение обособленной ступицы с пазами для спиц ускорило развитие колеса. Только при такой втулке стало возможно конструирование высоких многоспицых колес иньских колесниц. Эти колесницы по основному комплексу признаков имеют западное происхождение. Само по себе единство комплекса конструктивных особенностей евразийских колесниц не может служить доказательством возникновения повозки с конной запряжкой на западе. Доказательством могут служить особенности упряжки. Стойкое применение ярма в конной упряжи восходит к бычьей и воловьей запряжке, которая возникает в Месопотамии [25]. Уже в шумерийском обществе возникает представление о ярме как символе угнетения [26]. Это представление, распространенное среди италийских народов, вместе с римским культурным наследием входит и во все современные европейские языки. Различные культовые и символические трактовки ярма на западе очень многочисленны. На востоке, в частности в Китае, где пахота на быках распространяется очень поздно и где ярмо известно лишь в колесничной запряжке, оно не сохра-

[16] V. Karageorghis. Recent Discoveries at Salamis (Cyprus). Arch. Anz. Berlin, 1967, (1966), 3, стр. 236.

[17] С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 232, 233.

[18] Ма дэ-чжи, Чжоу Юн-чжэнь, Чжао Юнь-пэн. Отчет о раскопках 1953 г. в дер. Да Сыкун, Аньян. «Каогусюэбао», 9, 1955; W. Watson. Archaeology in China. London, 1960; Chêng Té-k'un. Archaeology in China. II Shang China. Cambridge, 1960.

[19] Принято считать, что колеса этой повозки имели по 18 спиц, на фотографиях погребения их можно насчитать больше.

[20] Г. Картер. Гробница Тутанхамона. М., 1959, стр. 143.

[21] А. Лукас. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958.

[22] Y. Yadin, Ук. соч., стр. 202; В. И. Авдиев. Военная история Древнего Египта, II. М., 1959, стр. 34. На изображениях, правда, представлено производство четырехспицых колес.

[23] A. Wąsowicz. Obrobka drewna w starożytnej Grecji. Wroclaw — Warszawa — Kraków. 1966, стр. 161—170.

[24] Сведения о способе изготовления колес для колесниц микенской и гомеровской Греции еще более малочисленны и неотчетливы. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.— Л., 1957, стр. 332, 333; M. Lejeune. Essais de philologie mycenienne. «Revue de philologie», XXIX, II, Paris, 1955, стр. 156.

[25] П. М. Кожин. К проблеме происхождения колесного транспорта у народов Евразии. Тезисы на конференции «Этническая история и современное национальное развитие народов мира». М., 1967, стр. 45.

[26] A. Salonen. Hippologica accadica. Helsinki, 1956, стр. 101—103, 286.

нило символической роли, которую ярмо имело на западе. Кроме того, из двух конструкций ярма, известных в Западной Азии и Европе, в Китае иньской и чжоуской эпох применялась только одна. Вторая была известна, но лишь в виде миниатюр. Путь колесниц на восток до сих пор терялся в песках и скалистых плоскогорьях Центральной Азии. Находка гобийской квадриги с ее восьмиспицыми колесами является первым достоверным свидетельством непосредственных связей между западно- и восточноазиатскими колесницами. Для закрепления восьми спиц уже требуется обособленная втулка. Переход к многоспицей системе таким образом упрощался. Иньские колесницы в наиболее широких пределах могут датироваться XIV—XI вв. до н. э. [27]. Гобийскую находку следует отнести к началу этого периода, руководствуясь прежде всего тем фактом, что у иньских колесниц колеса имеют значительно большее число спиц, чем на гобийском изображении. Связь между гобийской и иньскими колесницами утверждается еще прочнее, если учесть, что гобийские районы богаты находками бронз карасукского времени [28]. Ведь одним из существенных компонентов иньских погребальных комплексов с колесницами являются предметы, аналогичные карасукским бронзам [29].

Наличие в самой карасукской культуре колесного транспорта также несомненно, учитывая находки конских удил в Хакасско-Минусинских степях [30]. Возможно, существовали и колесницы, аналогичные гобийской [31]. Этот вывод подтверждается одной специфической формой бронзовых изделий, сходной в карасукской и иньской культурах. В иньских могилах с колесницами встречаются предметы, которые могут быть трактованы как вальки для закрепления постромок в конской упряжи. Эти предметы представляют собой широкую овальную пластинку, на узких концах ее припаяны два массивных полукольца, завершающихся на концах бубенчиком или изображением лошадиной головы. В целом они представляют миниатюрную модель упряжного ярма. Обычно их находят в ограбленных богатых иньских могилах с колесницами. По расположению этих предметов в комплексе неограбленной могилы 175 из могильника у дер. Дасыкун я считаю их вальками для закрепления постромок. Эти же предметы (так называемые «предметы неизвестного назначения», «модели ярма», «навершия шаманских посохов») встречены в карасукских памятниках [32]. Они

---

[27] Так датируются комплексы с колесницами из Аньяна. Chêng Tē-k'un. Ук. соч.

[28] Э. А. Новгородова. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири. «Монгольский археологический сборник», М., 1962, стр. 12, 13.

[29] M. Loehr. Weapons and Tools from Anyang, and Siberian Analogies. AJA, LIII, 2, 1949, стр. 127; B. Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dynasty. BMFEA, XVII, 1945; Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, стр. 27 сл.

[30] Н. Л. Членова. Карасукская культура в Южной Сибири. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964, стр. 264, 265.

[31] О существовании колесного транспорта в Хакасско-Минусинских степях в эпоху, предшествующую карасукской, свидетельствует изображение фургона на стеле из могилы у дер. Знаменка. Но в качестве упряжных животных там изображены быки. Однако о применении лошади во всяком случае с конца афанасьевского времени свидетельствуют находки псалиев. Л. А. Иванова. Некоторые проблемы изучения афанасьевской культуры. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. Л., 1967, стр. 22, 23. Карасукская культура в Монголии пока известна лишь по случайным находкам, но идентичность большинства из них изделиям из карасукских памятников Хакассии делает правомерным и предположение о возможном сходстве повозок на этих территориях в карасукское время.

[32] В основном это случайные находки, но две «модели ярма» найдены А. Н. Липским в карасукских комплексах на Абакане. Приношу глубокую благодарность А. Н. Липскому за возможность ознакомиться с этими предметами. Один из них, из могилы у Бейской шахты, описан С. В. Киселевым, который впервые высказал предположение, что эти предметы клали в могилы колесничих. С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4, стр. 260, 262; его же. К изучению минусинских каменных изваяний. Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 59—61.

переходят в виде миниатюр в тагарскую культуру [33], доживая до таштыкской [34], что может свидетельствовать о непосредственной преемственности определенных категорий изделий в этих трех культурах [35].

Рассмотрение гобийской квадриги и ее датировки приводит к выводу, что центрально- и восточноазиатские колесницы могут быть непосредственно связаны с культурами карасукского времени и типа. Быстрое распространение колесниц объясняется прежде всего их применением в качестве боевого оружия [36]. Это, возможно, способствовало их распространению в разноэтничной среде. Правда, такому распространению могли препятствовать некоторые обстоятельства. В частности, нежелание победителей знакомить побежденных со своим оружием [37], недостаток технического опыта [38], отсутствие необходимых материалов для сооружения колесниц [39] или отсутствие коневодства [40], а порою невежество и страх перед новшествами [41]. Вероятно, поэтому особенно эффективно могли распространяться колесницы в этнически родственных группах. Характерно, что и в разноэтничной среде, какой представляется население Ближнего Востока и Египта, основная терминология, связанная с повозками и колесницами, имеет повсеместно очень большое сходство [42]. Распространение лошади на территории Восточной Европы и Западной Сибири в срубно-андроновское время, быть может, и происходило столь быстро и интенсивно, что обе культуры были взаимосвязаны в своем генезисе.

Интерпретация гобийской квадриги как солнечного символа относится уже к совершенно иной сфере аналогий и проблем. Древние письменные памятники, связанные с солнечной мифологией, могут быть разбиты на

---

[33] В тагарской культуре эти предметы особенно многочисленны, но представляют миниатюры реальных предметов, что характерно для погребального инвентаря тагарской культуры, особенно в позднее время. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.— Л., 1951, стр. 267.

[34] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960, стр. 89, 90, рис. 32.

[35] Прямые параллели в бронзовых изделиях между этими тремя последовательно занимавшими Хакасско-Минусинские степи культурами свидетельствуют о непрерывном развитии и совершенствовании бронзолитейного производства этих районов, а также о сосуществовании культур на определенных этапах.

[36] F. Schachermayr. Agäis und Orient. Wien, 1967, стр. 29, 60, 61. Преуменьшение роли колесниц в бою в гомеровскую эпоху вряд ли правомерно. Утверждать, что они в это время служили лишь для выезда героев к месту битвы, что практика применения колесничного строя, известная во время фиванской войны, уже вышла из употребления (С. Я. Лурье. Язык и культура Микенской Греции. М.— Л., 1957, стр. 330), пожалуй, нет оснований. Ведь в «Илиаде» V, 192—203 описаны сражения на колесницах, различные эпизоды массового боя с применением колесниц. Дж. Томсон. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958, стр. 554.

[37] Библия. Книга Царств первая, 13, 19—22.

[38] Г. Чайльд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 232; Египет поставляет колесницы в Палестину (А. Лукас. Материалы и ремесленные производства..., стр. 665), а Крит, вероятно,— на Греческий материк (П. М. Кожин, Кносские колесницы..., стр. 80).

[39] Например, производство колесниц в Египте основано на широком применении импортных пород дерева (А. Лукас. Материалы и ремесленные производства..., стр. 647, 655, 663). На Крите при производстве колесниц применялась слоновая кость (С. Я. Лурье. Язык и культура..., стр. 333, 373, 374). Но это было время, когда огромные территории Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья были связаны сложной системой торговых взаимоотношений, отдаленные династии вступали в родственные отношения и дипломатия процветала (R. A. Kitchen. Suppiluliuma and the Amarna Pharaons. Liverpool, 1962, стр. 39—50 сл.), хотя часто поддерживалась угрозой войск, иногда и вторжениями на чужую или вассальную территорию (Б. А. Тураев. История Древнего Востока, I. Л. 1935, стр. 266—268, 276—281, 304—307; В. И. Авдиев. Военная история Древнего Египта, II, стр. 97—178).

[40] В Египет лошади часто доставлялись вассальными малоазийскими правителями (F. Hančar. Das Pferd..., стр. 478) и вообще не были известны до конца гиксосского времени (H. von Deines. Die Nachrichten über das Pferd und den Wagen in den ägyptischen Texten. Mitteilungen des Instituts füs Orientforschung der Deutschen. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, I, Berlin, 1953, 1, стр. 6).

[41] Библия. Книга Иисуса Навина, II, 4—6, 9.

[42] A. Salonen. Landfahrzeuge...; его же. Hippologica Accadica...

две основные группы. В древнейшей из них выражено представление о солнечной ладье, о барке, на которой солнце совершает свой дневной и ночной путь [43]. В более поздней появляется колесница солнца [44]. Символом, связанным с представлением о солнечной колеснице, становится в основном четырехспицее колесо. Таким образом, можно составить представление о солнечной колеснице как о легкой повозке с конной запряжкой [45] Этим определяется время сложения солнечного колесничного мифа — II тысячелетие до н. э. [46]. Он определенно возникает у народов, для которых колесный экипаж с лошадьми был распространенным средством передвижения [47]. Египет, где колесница появляется неожиданно, где ее возникновение не подготовлено никакими внутренними условиями и где она появляется извне [48], до конца своей истории сохраняет изображение солнца в виде плоского диска, иногда с крыльями [49], либо во времена Эхнатона с руками, подающими фараону небесные блага [50]. Изображения солнца на повозке встречаются редко. Пожалуй, наиболее достоверным изображением солнечной колесницы является бронзовая модель повозки из Тронхольма [51], на которую указывает А. П. Окладников. Вдоль длинной оси этой повозки укреплен вертикально большой бронзовый диск, покрытый обычным для поздних периодов североевропейского бронзового века орнаментом из сложных спиралей и окружностей, располагающихся концентрическими зонами. Одна из поверхностей диска позолочена. Чаще солнечный диск на наскальных изображениях представлен в виде четырехспицего колеса (рис. 2). Это, пожалуй, наиболее характерный случай замены pars pro toto: колесо вместо солнечной колесницы. Колесо может быть по-

---

[43] E. Hahn. Die Entstehung der Pflugkultur. Heidelberg, 1909, стр. 47.

[44] H. Mötefindt. Der Wagen im nordischen Kulturkreise zur vor — und fruhgeschichtlichen Zeit. Festschrift Eduard Hahn zum LX. Geburtstag. Stuttgart, 1917, стр. 227—233; J. Bing. Germanische Religion der älteren Bronzezeit. «Mannus». VI. Würzburg, 1914; его же. Gotterwagen. Там же, стр. 261—282. H. Kühn. Die Felsbildern Europas. Stuttgart, 1952, стр. 164, 165.

[45] Все усилия древних конструкторов конных колесниц были направлены на то, чтобы сделать повозку возможно более легкой и прочной. Примитивный способ запряжки, как уже указывалось, исключал большие нагрузки. Собранную колесницу могли свободно носить, как видно на изображениях (F. Schachermayer. Ук. соч., рис. 221), один-два человека (A. Salonen. Landfahrzeuge..., табл. XXXVIII, *2*). Облегчение веса шло в значительной мере за счет усовершенствования конструкции колеса, перехода к колесу со спицами. Однако такое колесо способствовало в значительной мере и возрастанию скорости движения, ибо его упругая конструкция легче противостояла разнообразным напряжениям и ударам, возникающим при движении даже на ровной местности.

[46] Повозки для перевозки статуй божеств при участии их в торжественных процессиях в древней Месопотамии появляются и раньше. Эти повозки часто соединяли в себе колесницу и ладью божества (A. Salonen. Landfahrzeuge..., стр. 66—79). Модель такой ладьи-повозки найдена недавно в Южном Ираке (H. Lenzen. New Discoveries at Warka in Southern Iraq. «Archaeology». Washington, 1964, 17, 2, стр. 131). Относится она уже к VII—VI вв. до н. э. Эти повозки служили для транспортировки статуй различных божеств, а не только бога солнца.

[47] Наиболее полно он представлен в «Ведах» и греческой мифологии (A. Jeremias. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur. Leipzig, 1913, стр. 250, 251), т. е. у народов, широко применявших конный колесный транспорт, знавших «колесничный бой» (Ilias, XVI, 775, 776; Odyss, XXIV, 39, 40).

[48] Вопрос о том, что колесница в Египте появляется благодаря гиксосам, приходится оставить открытым. Достоверные сведения о колесницах появляются лишь в конце господства гиксосов. F. Schachermayr. Streitwagen und Streitwagenbild im Alten Orient und bei den Mykenischen Griechen. «Anthropos», 46, 5-6, 1951.

[49] R. Th. Rundle Clark. Myth and Symbol in Ancient Egypt. London, 1959. В связи с Эхнатоном появляется, впрочем, такой образ: «Воссияние величества его на колеснице большой светлого золота, подобно Йоту (т. е. Атону по старому чтению.— *П. К.*), (когда) восходит он на небосклоне (и) наполняет землю любовью к себе». Ю. Я. Перепелкин. Переворот Амен-хотпа IV. I. М., 1967, стр 147.

[50] Ю. Я. Перепелкин. Ук. соч., II, стр. 151.

[51] В обеих указанных уже статьях Ю. Бинга есть воспроизведение этой модели. Она есть и в статье Г. Мэтефиндта.

мещено на ладью [52], что отражает уже какой-то синкретизм в мифологических представлениях: солнечная колесница соединяется с солнечной баркой. Аналогичное явление отразилось в греческой мифологии: колесница Гелиоса за ночь переправляется через океан на ладье или в котле [53].

Замена солнечной колесницы символом колеса отразилась в сравнительно поздних европейских народных ритуалах, в частности в сожжении колес или имитирующих их кружков в ночь празднования солнцеворота. Эти колеса скатывали с гор или берегов либо бросали в воздух. Церковные хронисты сохранили сведения об этом языческом обряде, относящиеся к X—XIII вв. Он известен и позже [54].

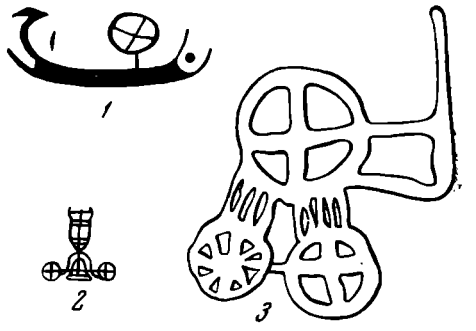


Рис. 2. Колесо и колесница в наскальных изображениях Северной Европы (по Кюну)

1 — Химмельстадлунд, Остерготланд, Швеция; *2* — Френнарп, Остерготланд, Швеция; *3* — Дисосен, Богуслен, Швеция

Вполне вероятно, что солнечный символ отражен в круге с четырьмя спицами, находящемся между передними колесами гобийской колесницы. Правда, аналогичный круг в иньском иероглифе изображает площадку кузова колесницы (рис. 3) и с солнечной символикой не связан. Но если на гобийском изображении этот круг представляет собой солнечный символ, то наиболее близкой параллелью ему, более близкой, чем даже Трондхольмская колесница, является одно из шведских наскальных изображений, где на повозке с восьмиспицым (которые сами по себе в европейских памятниках являются свидетельством позднего возраста памятника в пределах бронзового века [55]) и четырехспицым колесами утверждено четырехспицее колесо [56]. Впрочем, трактовка гобийской колесницы как символа солнца нуждается еще в тщательном подтверждении.

[52] H. Kühn. Ук. соч., рис. 124, 125, стр. 165; А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, стр. 42, 43, рис. 15.

[53] PWK, VIII, Stuttgart, 1913, стр. 92. Котел, который упомянут здесь, как «сосуд» для ночного путешествия солнца через Океан, заставляет вспомнить об одном древнем греческом обряде, связанном с очищением огня. Этот обряд зафиксирован С. Я. Лурье в пилосской надписи PY Va 15. По более поздним данным, этот огонь привозили в треножнике (т. е. в котле на трех ножках) из Дельф (С. Я. Лурье. Ук. соч., стр. 319—322). Вывод А. П. Окладникова (А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, I—II, МИА, 18, 1950, стр. 344) о прямой связи в древней мифологии огня земного с огнем небесным позволяет по-новому оценить не столько этот ритуал, сколько роскошные модели повозок с установленными на них котлами. Такие повозки, правда немногочисленные, встречены в разных районах Северной и Средней Европы и относятся к концу бронзовой эпохи (H. Mötefindt. Ук. соч., 233—237; N. Aberg. Bronzezeitliche und früheisenzeitliche Chronologie, V. Stockholm, 1935, стр. 51, рис. 86—88). Не только заманчиво, но и естественно видеть в них модели колесниц, служивших при обряде очищения огня. Еще одна форма металлического жертвенника на четырех колесах — это четырехугольный ящик с невысокими бортами. Дно его изготовлено из перекрещивающихся металлических пластин. Он представляет собой сравнительно частую находку в этрусских погребениях (P. Bargellini. Die Kunst der Etrusker. Hamburg — Wien, 1960, стр. 133, рис. 74; W. Llewellin-Brown. The Etruskan Lion. Oxford, 1960, табл. XXXVII *b*, XLIV *a* I). Аналогичные жертвенники встречены в скифских курганах. На одной из мозаик в мавзолее Галлы Плацидии в Равенне (V в.) изображен совершенно аналогичный алтарь, под которым разведен огонь (Y. Lassus. Craticula habebat Rotas. Cahiers Archeologiques fin de l'Antiquité et Moyen Age. Paris, 1966, XVI, стр. 5—8, рис. 1). Столь же естественно видеть в этих жертвенниках принадлежность очистительного обряда, а таким образом, и косвенно связывать их с солнечным культом, тем более что все они представляют собой разновидность моделей колесных экипажей.

[54] H. Kühn. Felsbilder Europas..., стр. 166, 167.

[55] Достоверно датированное изображение повозки с восьмиспицыми колесами относится лишь к гальштатскому времени (F. Felgenhauer. Eine hallstättische Wagendarstellung aus Rabensburg, N.-Ö. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. XCII, Wien, 1962.

[56] H. Kühn. Felsbilder Europas..., стр. 163, рис. 122 (изображение из Дисосен).

Китай, например, по сути не знает солнечного мифа, связанного с повозкой. В «Лицзи» указано, что императорская колесница запрягалась в разные периоды года конями различных мастей. В одном варианте год делится на пять сезонов, а масти коней соответствуют классической пятитоновой цветовой гамме [57], в другом — сезонных запряжек четыре [58]. Даже у греков, у которых солнечный колесничный миф хорошо разработан, колесница ассоциировалась непосредственно не с солнцем, а с созвездием Большой Медведицы [59]. Впрочем, самый факт изображения гобийской квадриги в плане, т. е. сверху или снизу, подтверждает связь этого изображения с небесной сферой, со светилами. Именно такой принцип изображения повозок встречается у определенных групп населения эпохи бронзы, в частности североевропейских [60], у которых колесный транспорт не мог особенно широко распространяться, стать повсеместным средством связей и передвижения в силу бездорожья, трудных климатических условий и других причин [61]. Повозка чаще использовалась этим населением в культовых целях [62]. Тацит указывает [63], что наибольшим спросом у германцев пользовались старые римские монеты — серраты и бигаты. Первые имели зубчатый край, напоминающий обод колеса, на вторых изображалась колесница с двухконной запряжкой (бига). Приверженность к монетам этих типов, возможно, объясняется не особенностями монетного обращения в древней Германии, а распространением там экипажей, применявшихся в культовых целях.

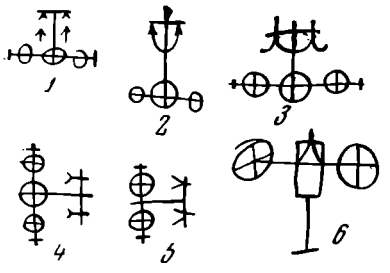


Рис. 3. Символические изображения колесниц

1—5 — в иньской иероглифической письменности (по Ши Чжан-жу и Ф. Ганчару); *6* — в этрусской надписи (Corpus Inscriptionum etruscarum. Roma, 1964, № 4706)

Возвращаясь к памятнику, открытому А. П. Окладниковым, следует повторить, что среди свидетельств о древнем распространении колесного транспорта в Центральной и Восточной Азии гобийская квадрига занимает совершенно уникальное место: она представляет собой одно из важнейших звеньев в распространении транспортных средств с конной запряжкой на восток [64].

---

[57] Число пять занимает особое место в системе древнекитайских философских воззрений, будучи связано с пятью первоэлементами, пятью стихиями (усин); Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957, стр. 51, 52; Suetoshi Ikeda. The Origin and Development of the Wu-hsing (Five Elements) Idea: a Preliminary Essay. East and West. Нов. сер., 16, 3—4, 1966, стр. 297—309.

[58] S. Couvreur. Li Ki. Ho Kien-fou, 1913, I, стр. 340, 347, 354, 372, 374, 379, 385.

[59] E. Hahn. Die Entstehung der Pflugkultur. Heidelberg, 1909, стр. 44. Впрочем, представление о связи созвездия Большой Медведицы с повозкой могло возникнуть лишь в связи с употреблением письменного знака, изображающего двухколесную повозку в профиль, т. е. знака, по типу своему соответствующего идеограмме 242 критской линейной письменности B (П. М. Кожин. Кносские колесницы..., стр. 77, рис. 1, *3*).

[60] П. М. Кожин. Кносские колесницы..., стр. 81.

[61] П. М. Кожин. О глиняных моделях колес из Балановского могильника..., стр. 176.

[62] J. Smolian. Vehicula religiosa. «Numen», 10, 3, Leiden, 1963, стр. 202—227; R. Pittioni. Grächwil und Vix handelgeschichtlich gesehen. Helvetia antique. Festschrift E. Vogt. Zürich, 1966, стр. 123—128; P. Sartori. Der Seelenwagen. Festschrift E. Hanhn zum LX. Geburtstag. Stuttgart, 1917, стр. 241—249.

[63] Tacitus. De origine et situ germanorum, 5, 3. D. R. Sear. Roman Coins and their Values. London. 1964, N 146, 152, 160.

[64] W. Watson. Рец. на M. von Dewall. Pferd und Wagen im frühen China. Bonn, 1964. «Antiquity», v. XLI, N 162; M. A. Littauer. The Funcion of Yoke Saddle in Ancient China. «Antiquity», v. XLII, N 165; V. Sümeghi. Das Problem der Wagengefässe. Bericht über den V. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte Hamburg 1958. Berlin, 1961, N 257. Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968, стр. 24, 25, 28—33 и др. Своеобразно описание древнеиндийских колесниц в статье В. И. Кальянова. Некоторые военные вопросы в древнеиндийском эпосе. «Махабхарата, книга IV. Виратапарва». Л., 1967, стр. 135, 146—148.

Н. С. БЕЛОВА

К НАДПИСИ Ios PE, II, 8

Посвятительная надпись IosPE, II, 8 (КБН, 9) уже давно привлекла внимание исследователей Боспора: она послужила основанием для гипотезы о разделении территории государства после смерти Левкона I между его сыновьями Спартоком II и Перисадом I. Эта гипотеза, принятая в настоящее время подавляющим большинством ученых, рассматривается в научной литературе в связи с вопросом о совместном правлении на Боспоре в IV в. до н. э. царя-отца с сыновьями и братьев после смерти отца. Изучение данного вопроса в целом не входит в задачу настоящей работы. Цель последней уже: исследовать надпись IosPE, II, 8, поскольку интерпретация этого памятника неизбежно отражается на понимании сущности явлений соправительства.

Привожу текст и перевод надписи по IosPE (рис. 1):

1. Φαινίππου ἀ[νάθημα ὑπερ τοῦ]
ἀδελφοῦ Ἀρτε[μιδώρου? τοῦ.....]
..]ο(υ), ἀρχοντος Παιρ[ι]σάδ[εος Θεοδο]
σίης καὶ βασιλεύοντος Σινδ[ῶν
5. καὶ Μαϊτῶ?]ν καὶ Θατέων.

Перевод: Посвящение Фэниппа за брата Артемидора (?), сына ..... а, при Пэрисаде архонте Феодосии и царе Синдов,[Маитов?] и Фатеев.

В датировочной формуле надписи Перисад I, ко времени которого надпись справедливо была отнесена всеми издателями, имеет титул архонта Феодосии и царя синдов, маитов и фатеев. Во всех остальных боспорских лапидарных посвящениях он называется архонтом Боспора и Феодосии и царем таких-то племен. Необычный пропуск слова Βοσπόρου в титуле Перисада и привлек внимание ученых к этому памятнику.

Надпись была найдена, по словам керченского жителя И. С. Томазини, в Керчи, около 1850 г. при рытье фундамента его дома на углу бывш. Воронцовской ул. и Предтеченской площади (теперь улица и площадь носят имя В. И. Ленина[1]) и в 1874 г. передана в местный музей[2].

Впервые издана Е. Люценко[3] со следующим описанием внешнего вида камня: «Подножие серого мрамора, с углублениями для ног статуи на верхней его плоскости, с карнизами, длиной..., имеет выступ, на котором начертана надпись». Так как поверхность надписи повреждена, текст потребовал дополнений, которые Люценко не удались. Однако он обратил внимание на укороченный титул Перисада и отсутствие места на выступе

[1] Найдена вместе с почетной надписью, поставленной Марком Ульпием Примом в 97 г. н. э. (КБН, М.—Л., 1965, 43). В этом же дворе в 1888 г. найдена строительная надпись с именем царя Тиберия Юлия Дуптуна (КБН,67).

[2] Хранится в Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина (в Царском кургане).

[3] Е. Люценко. О двух мраморах, с эллинскими надписями, открытых в 1874 г. в Керчи. ЗООИД, IX, Одесса, 1875, стр. 375.

Рис. 1. Надпись IosPE, II, 8

для включения слов Βοσπόρου καὶ. Затем памятник публикует Л. Стефани [4], используя, по-видимому, лишь воспроизведения надписи. Стефани отмечает, что на лицевой стороне постамента «...выступает полоса в $13^1/_4$ вершков ширины, которая пересекает карниз и содержит надпись...», и дополняет только названия Феодосии и синдов в конце строк 3 и 4. А. Шефер попытался восстановить в строках 3—5 полный титул Перисада I с упоминанием слова «Боспор» [5]. Однако Стефани, указав на то, что сохранившиеся боковые грани выступа, на котором вырезана надпись, ограничивают ее площадь, тем самым решительно воспрепятствовал дополнениям, требующим продления строк в какую-либо сторону [6]. Тогда Шефер отказался от своего дополнения и предложил другое толкование текста, поставив его в связь с афинским декретом 346 г. в честь Спартока, Перисада и Аполлония, сыновей Левкона (IG, II², 212 = Syll³., 206). Придя к выводу, что в декрете отражен факт пятигодичного совместного правления на Боспоре Спартока и Перисада [7], Шефер предположил, что керченская надпись относится к периоду соправления братьев. В этом случае отсутствие в титуле Перисада имени Боспор, по мнению Шефера, могло объясняться тем, что в то время как Феодосия и племена подчинялись Перисаду, Боспор находился под властью Спартока [8]. К точке зрения Шефера присоединился В. В. Латышев, опубликовавший надпись в IosPE с камня («exscripsi»). В описании памятника В. В. Латышев последовал за Стефани и дополнил все строки надписи, исходя из размеров выступа. Издание В. В. Латышева легло в основу позднейших публикаций, в том числе и в КБН [9]. Гипотеза Шефера, названная С. А. Жебелевым прекрасной [10], была принята подавляющим большинством исследователей. побудив некоторых из них рассматривать и другую надпись — Демарха, сына Скифа (КБН, 1111), в которой Левкон I назван только архонтом Бос-

---

[4] ОАК за 1875 г., стр. 87.

[5] A. Schaefer. Zu den griechischen Inschriften. RhM, XXXIII, 1873, стр. 606.

[6] ОАК за 1876 г., стр. 8, сн. 2 и стр. 223.

[7] A. Schaefer. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos. RhM., XXXIII, 1873, стр. 418—433.

[8] A. Schaefer. Die Regierungszeit des Königs Paerisades I von Bosporos. RhM., XXXVIII, 1883, стр. 310—313.

[9] Издание в КБН выполенено по сверке с камнем (КБН, стр. 10). О переизданиях надписи см. лемму КБН, 9. Имеющиеся разночтения, впрочем незначительные, приводятся ниже.

[10] Архив АН СССР, ф. 729, оп. 1, № 8.

пора и Феодосии, как свидетельство территориального раздела также и между Левконом и Горгиппом[11]. Таким образом, надписи IosPE II, 8 было придано значение одного из основных документов, которыми располагают историки Боспора по вопросу об устройстве государственной власти ранних Спартокидов.

Между тем заслуживает внимания замечание Э. Миннза[12] о том, что гипотеза Шефера находится в противоречии с находкой надписи в Керчи. Это обстоятельство исключает возможность датировки документа именем правителя другой области. Сторонники гипотезы о разделении земель между братьями объясняют это противоречие по-разному. Одни думают, что надпись была вырезана на подвластных Перисаду землях и лишь позднее попала в Пантикапей[13]. Другие считают, что территориальное разделение власти между Спартоком и Перисадом носило формальный характер и фактическим правителем всего Боспора был Перисад, но титулатура его представлена в соответствии с юридической стороной дела[14]. Эти чисто умозрительные соображения представляются маловероятными: каждое из них опирается на предположение о какой-то особо сложной, исключительной ситуации. Весьма сомнительно, например, что власть перешла в руки младшего брата — Перисада при жизни старшего, являвшегося официальным преемником Левкона, не говоря уже о беспрецедентной путанице положений de jure и de facto при установке и датировании посвятительной надписи. Реальнее всего, пожалуй, было бы предположение Миннза о пропуске в надписи названия Боспор по ошибке резчика[15], отвергнутое, впрочем, большинством исследователей. Но и оно могло бы объяснить укороченный титул Перисада лишь в том случае, если бы другие строки надписи не вызывали сомнений.

Следует подчеркнуть, что дополнения, предложенные В. В. Латышевым, при данных размерах площади под надпись, по-видимому, являются единственно возможными. И все же они далеко не бесспорны. Родительный падеж собственного имени, вырезанного в строке 1, исключает восстановление обычной для посвятительных надписей конструкции со сказуемым ἀνέθηκε (ν) «посвятил». Это и заставило В. В. Латышева предложить грамматически оправданное дополнение Φαινίππου ἀ[νάθημα][16].

Слово ἀνάθημα означает «священное приношение», «жертвенный дар», «посвящение»[17]. Правда, в лапидарной эпиграфике Боспора, да и Северного Причерноморья вообще, оно пока не засвидетельствовано. Но важнее другое. Этот термин широко употребляется в различных эпиграфических памятниках, контекст которых требует упоминания о каком-либо сделанном пожертвовании. Достаточно вспомнить, например, отчеты гиеропеев с перечислением подношений святилищам Делоса от городов и отдельных лиц в бесконечно повторяющейся формуле «такого-то ἀνάθημα»: φιάλη Ἀμύντα ἀνάθημα[18], στεφάνος Χρυσοῦς Λυσάνδρου Λακεδαιμονίου ἀνάθημα[19],

---

[11] В. В. Латышев. Понтика. Спб., 1909, стр. 76; М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, 1, стр. 36; К. Э. Гриневич. Юз-Оба. Сб. «Археология и история Боспора», Симферополь, 1952, стр. 138; И. Б. Брашинский. О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов. ВДИ, 1965, 1, стр. 121.

[12] E. N. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 577.

[13] И. Б. Брашинский. Ук. соч., стр. 122. Там же автор высказывает еще менее вероятное предположение: надпись могла относиться ко времени вскоре после смерти Спартока, но титулатура Перисада отражала юридическое положение, существовавшее еще при совместном правлении его с братом.

[14] Комментарий КБН, 9.

[15] E. N. Minns. Ук. соч., стр. 577.

[16] О трудностях при дополнении этой надписи В. В. Латышев писал: «Titulus ad restituendum perquam est difficilis» (IosPE).

[17] PWK., I., стлб. 2069; Der kleine Pauly Lexikon der Antike. I., Stuttgart, 1964, стлб. 334.

[18] IG, XI. 2, 145, стк. 47.

[19] IG, XI, 2, 161B, стк. 59.

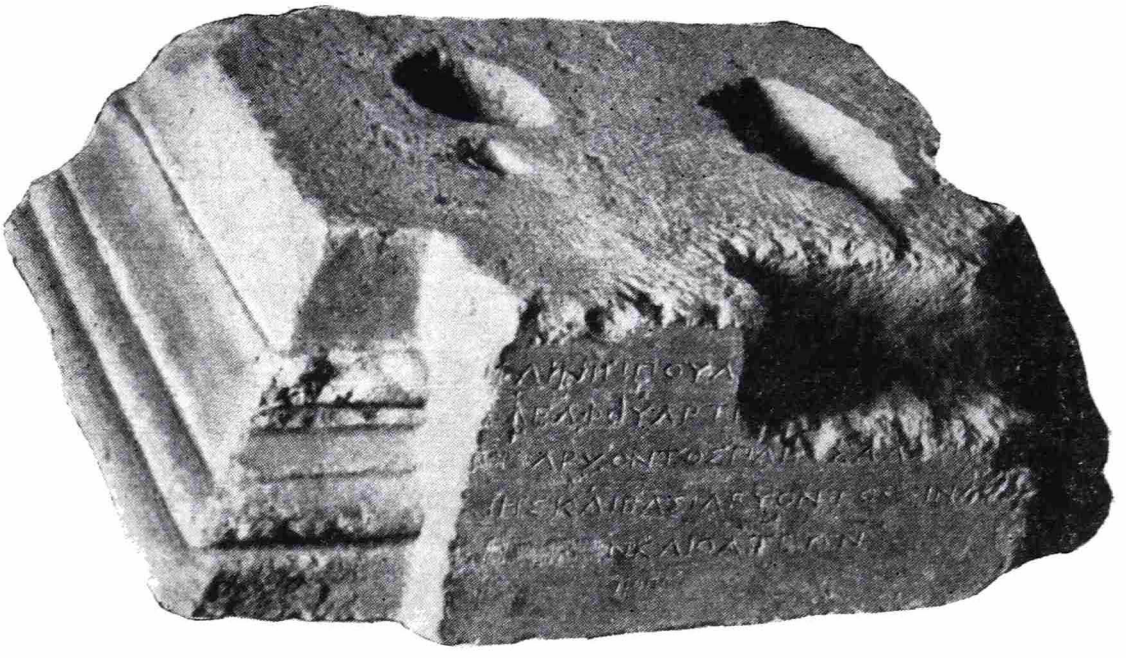


Рис. 2. Общий вид памятника

φιάλη ἀνάθημα βασιλέως Παιρισάδου [20] и т. д. Разумеется, в качестве «посвящения такого-то» в инвентарях храмового имущества фигурируют не только драгоценности ἀπ' ἀνδριάντων, но и статуи, например: ἄγαλμα λί[θινον ἐμπλιν] θείωι, ἀνάθεμα Πτολεμαίου τοῦ βασιλέως Λυσιμάχου [21]. Однако в самих посвятительных надписях к статуям [22] термин ἀνάθημα не встречается [23].

Приведенные соображения делают очевидным, что и исследуемая посвятительная надпись не могла начинаться Φαινίππου ἀ[νάθημα]. Для боспорских лапидарных посвящений такое начало кажется тем более странным, что в надписях спартокидовского периода при имени посвятителя стоит имя отца в родительном падеже. Исключение составляют лишь керченская надпись Маниса, IV в. до н. э. (КБН, 16), и отнесенная В. В. Латышевым к пантикапейским надпись Плусии, II в. до н. э. (КБН, 27). При данном в IosPE восстановлении на выступе рассматриваемого памятника не остается места для имени божества, которому посвятитель адресует свой дар. Между тем для боспорских посвятительных надписей это является правилом: кроме надписи IosPE, II, 8, имя божества отсутствует только в двух — фрагментированных (КБН, 19 — из Керчи и 1042 — из Тамани).

---

[20] IG, XI, 2, 287 B, стк. 126.

[21] ID, 1417 A, стк. 9. В годичных отчетах афинских управителей храмового имущества (ID, 1400—1479) упоминания о посвященных статуях встречаются значительно чаще, нежели в отчетах гиеропеев, что объясняется, как известно, различными системами инвентаризации.

[22] Речь идет о прозаических посвятительных надписях. Лексика стихотворных, как известно, значительно богаче. А. Раубичек, например, издавая посвятительные надписи афинского акрополя VI—Vвв. до н. э., восстанавливает ἀναθήματα в тексте одной — метрической, но не настаивает на своем восстановлении. Antony E. Raubitschek. Dedications from the Athenian Acropolis. Cambridge, 1949. Надпись 241, стк. 2 и стр. 430.

[23] Отсутствие этого термина в самих посвятительных надписях характерно не только для надписей на пьедесталах статуй, но и для посвятительных граффити. Ср. граффити на драгоценных ἀναθήματα, приведенные в тех же отчетах гиеропеев, например, в ID, 442 B, стк. 17—19, 33, 40—43, 45—54, 72, 78, 81, 83, 102—105 и др. Исследуя боспорские граффити И. И. Толстой читает ἀνάθημα на фрагменте донышка чернолакового сосуда V в. до н. э., но не в самом посвящении, а в дополнительной строке: [τοῦτο τὸ ἀνάθη]μα μὴ σ[ινάθαι]. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 145, № 251.

Наконец, еще одно наблюдение: лакуна в начале стк. 5 дополнена В. В. Латышевым [καὶ Μαιτῶ?]ν. Во всех случаях перечисления племен в титуле боспорского правителя названия их либо соединяются союзом καί [24], либо перечисляются без него [25]. Оба варианта формулы в одном документе не встречаются. На камне с надписью IosPE, II, 8 перед Θατέων вырезано καί. Поэтому дополнение этого союза перед упоминанием меотов, предложенное В. В. Латышевым, вполне закономерно. Однако на выступе в начале стк. 5 для καί совершенно нет места, что хорошо заметно и на фото (рис. 1).

Как видно, в надписи отсутствует ряд слов, которые составляют формулу боспорских лапидарных посвящений и должны были содержаться в тексте. Отсутствие их на камне может быть вызвано только одним обстоятельством: IosPE II, 8 дошла до нас не в полном, но в фрагментированном виде. Следовательно, объяснение укороченного титула Перисада нужно искать не в исторических ситуациях, но в состоянии самого памятника. С этой целью летом 1966 г. мной было произведено новое обследование надписи и памятника в целом, к описанию которых теперь следует перейти.

Постамент крупнозернистого серого мрамора, общие очертания его подчинены форме прямоугольной в плане усеченной пирамиды (рис. 2). Обе боковые, задняя и частично передняя его стороны сложно профилированы. Спереди профилировка доходит до расположенного посредине выступа, на лицевой поверхности которого вырезана надпись. Длина камня 0,98, высота 0,32, ширина 0,68 *м*. Длина выступа 0,59, толщина внизу 0,045, вверху 0,145 *м*. Выступ находится на 0,21 *м* от левого края камня (по низу) и на 0,18 *м* от правого (рис. 3, *1*) [26]. Боковые стороны выступа, как и профилировка, окружающая постамент, хорошо обработаны. Профиль, впрочем, сильно оббит. Сколы и выбоины, повредившие надпись, имеются и на лицевой поверхности выступа в начале строк 3 и 5, по правому краю площади и справа сверху. Последнее повреждение — глубокий скол, длиной 0,33, высотой 0,065, глубиной 0,125 *м*, вертикальная стенка которого имеет следы дополнительной обработки. Верхняя и нижняя поверхности постамента гладкие, но на верхней имеются два углубления от ног статуи и часть какого-то паза у правого края камня (рис. 3, *2*).

Пятистрочная надпись вырезана по линейкам (в строках 2—4 линейки прочерчивались по нескольку раз) красивыми аккуратными буквами, высотой 1—2, шириной 1,1—2,1 *см*, глубина врезов до 0,15 *см*. Сохранившаяся часть надписи читается хорошо и разночтений с IosPE не вызывает. Остановлюсь лишь на моментах, требующих особого рассмотрения.

Стк. 1. Буква *фи* начинается на 0,5 *см* от края выступа (рис. 4).

Стк. 2. Верхушка первой буквы *альфы* находится у самого края выступа так, что на камне имеется только правая наклонная черта буквы и более половины поперечной. Невозможно представить себе, чтобы резчик, ограниченный слева краем поля под надпись, начиная строку, стремился «втиснуть» букву. Если даже мастер был вынужден это сделать по каким-то особым причинам, он имел возможность сдвинуть *альфу* к последующей *дельте*. Промежуток между *альфой* и *дельтой* здесь, однако, не меньше остальных — 1,1 *см*. Правая наклонная *альфы* начала строки вырезана под тем же углом, что и у *альфы* других строк. Следовательно, эта буква должна была быть той же ширины, что и в других местах надписи, т. е. 2—2,1 *см*. При этом условии левая наклонная *альфы* начала строки уходит за край выступа на 0,4—0,5 *см*. По-видимому, стк. 2, а следовательно, и

---

[24] Найденные в Керчи: КБН, 8, 10, 11, 25 (последняя — II в. до н. э.), 40 (времени Аспурга); в пос. Сенная: КБН, 971; в Тамани: КБН, 1037—1040; у Ахтанизовского лимана: КБН, 1014, 1015.

[25] Найденные в Керчи: КБН, 6, 6а, 8; в пос. Сенная: КБН, 972.

[26] Чертежи выполнены архитектором В. Г. Лазаревой.

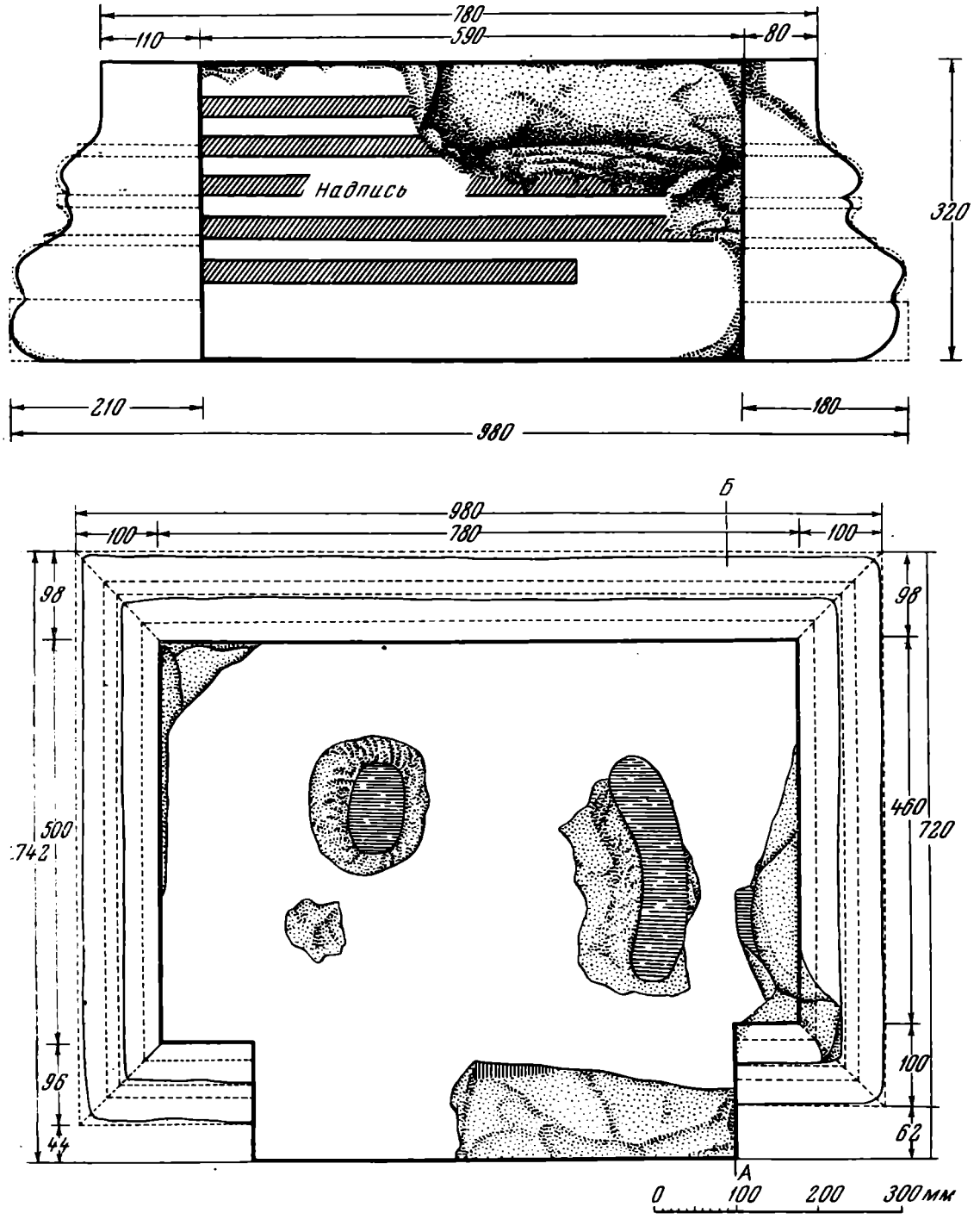


Рис. 3. Камень с надписью IosPE, II, 8

1 — вид спереди, *2* — вид сверху, *3* — разрез по *А — Б*

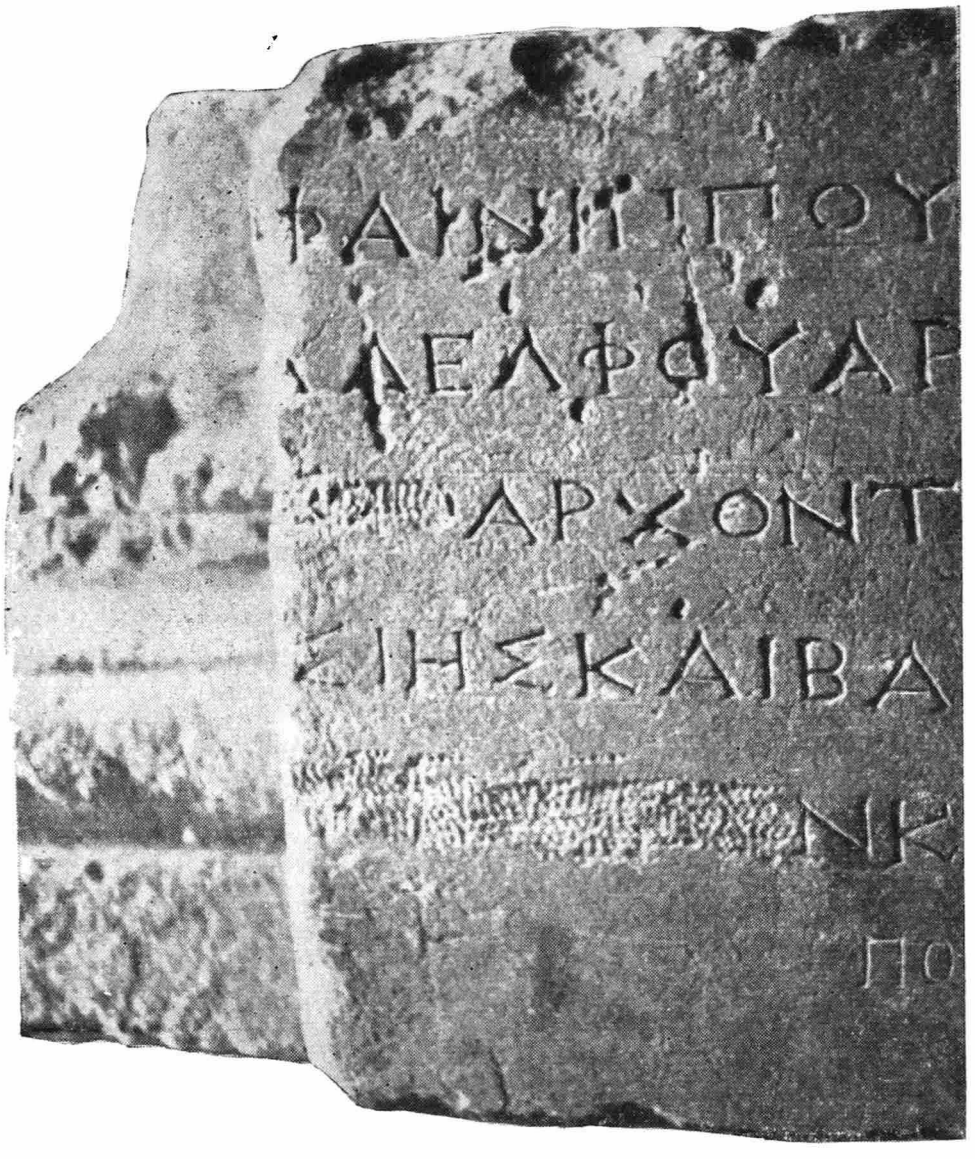


Рис. 4. Левая сторона надписи

все поле под надпись первоначально продолжались влево, т. е. левый край надписи срезан позднее.

Начало стк. 3 сбито. При этом уничтожены две-три буквы. Последняя из утраченных букв ясно видна — это *омикрон*, с чем согласны все издатели. Перед *омикрон*, в 0,5 *см* до него, на камне можно рассмотреть одну вертикальную черту и вторую в 0,8 *см* левее первой, ближе к краю. А. И. Болтунова предложила читать перед *омикрон* букву *пи* (КБН, 9). Однако у *пи* других строк надписи правая гаста укорочена. В данном месте вертикаль достигает нижнего уровня, общего и другим буквам стк. 3. Скорее всего, перед *омикрон* была вырезана *иота*, а до нее частично срезанная краем выступа буква *ню*, от которой осталась лишь правая вертикаль; это тем более вероятно, что нижний конец ее слегка приподнят над линейкой и не имеет следов апекса[27].

Стк. 5. Начало сбито. Несколько большая ширина букв стк. 5 позволяет думать, что на этом отрезке было уничтожено пять-шесть букв.

---

[27] Чтение χο (*хи* без знака повреждения) в КБН сопровождается указанием на соответствие камню. Между тем, сверку с камнем при переиздании надписи в КБН производила А. И. Болтунова (см. КБН, стр. 10), прочитавшая, как было отмечено выше, перед *омикрон* букву *пи*. Не ясно, на каком основании редакторы надписи дают указанное чтение и как оно согласуется с комментарием?

Таким образом, становится ясно, что надпись, бесспорно, фрагментирована слева, а вероятно, и справа. Это заставляет обратиться к форме пьедестала и профилю его сторон.

Как уже было сказано, общие очертания камня имеют форму прямоугольной в плане усеченной пирамиды. Она состоит из плинта с валом, скоции, обрамленной полочками, вала меньшего размера с полочкой сверху и выкружки (рис. 3, *3*). Последовательность элементов профиля и вся форма камня ясно говорят о том, что в настоящем своем виде камень представляет собой архитектурную деталь. Назначение ее характеризуется наличием выступа, служившего для закрепления детали в стене здания. Очевидно, перед нами аттическая база антового пилястра от крупной постройки.

По-видимому, история пьедестала такова: первоначально это был прямоугольнй блок под статую с надписью на лицевой стороне. После того как надпись утратила свое значение, памятник использовали вторично как архитектурную деталь. При этом стороны постамента профилировали, а на одной из них оставили зуб для закрепления базы при анте. Этой стороной оказалась та, которая имела надпись. Что касается времени изготовления базы, то вряд ли это могло произойти еще в период правления династии Спартокидов. За позднеэллинистический период или за первые века нашей эры говорит и известная схематичность линии профиля базы и некоторая неряшливость в соблюдении ее пропорций: левая сторона длиннее правой (низ: левая 0,742, правая 0,72 *м*; верх: левая 0,5, правая 0,46 *м*), а зуб находится не строго посредине камня. Впоследствии этот памятник, по-видимому, пытались еще раз переделать, для чего начали сбивать выступ справа сверху: линия сбоя по вертикали приближается к линии верхнего вала, а вертикальная стенка сбоя частично дополнительно обработана[28].

Как бы то ни было, несомненно одно, что профилировка постамента, появившаяся в результате вторичной обработки памятника, уничтожила боковые части надписи, сохранив лишь среднюю часть текста. Итак, первоначальная длина всего пьедестала была не менее 1 *м*, причем слева была утрачена площадь, длиной не меньше 0,21 *м*, справа — 0,18 *м*. Так как наличие боковых полей и их ширина неизвестны, примерную длину строк надписи следует попытаться установить на основании самого текста.

Стк. 1, несомненно, начиналась с имени посвятителя в именительном падеже. Так как имя Фенипп стоит в родительном, то посвятителем должен быть его сын (дочь или жена). Есть основания полагать, что Фенипп — лицо уже известное по другим эпиграфическим памятникам. В свое время Ю. Ю. Марти обратил внимание на близкие по времени надписи, главным образом таманского происхождения, в которых встречается имя Фенипп. Марти предположил, что под Фениппом в этих документах следует подразумевать одно и то же лицо и речь в них идет о членах одного гермонасского рода[29]. Новая надпись, найденная в 1965 г. при раскопках Гермонассы, сделанная от имени Фениппа, сына Артемона, подкрепляет предположение Марти, а сопоставление всех надписей позволяет восстановить имена двух сыновей Фениппа—'Αρτέμων и Φαίδιμος[30]. Поскольку в стк. 2 сохранилась часть имени одного из братьев и его, по-видимому, следует читать 'Αρτέ[μωνος], логично думать, что посвятителем был младший —

---

[28] Е. Люценко пишет, что выступ «...в верхней своей части поврежден преднамеренно сделанною высечкою...» (Е. Л ю ц е н к о. Ук. соч., стр. 375).

[29] Ю. Ю. М а р т и. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, 104, М.—Л., 1934, стр. 60.

[30] Н. С. Б е л о в а. Новая надпись из Гермонассы. ВДИ, 1967, 1, стр. 66. В этой статье, восстанавливая родственные связи Фениппа, я писала, что Артемон, имя которого я дополнила в КБН, 9, стк. 2, являлся братом Фениппа, т. е. дядей сыновей Фениппа — Федима и Артемона. Соображения, приводимые в настоящей работе, заставляют меня отказаться от попытки восстановить боковую линию этого рода.

Федим. Имя Φαίδιμος состоит из восьми букв, занимающих с промежутками отрезок в 18 *см*. На это расстояние, очевидно, и следует продлить строку влево от существующего ныне края выступа.

Сохранившаяся на выступе часть стк. 4 начинается буквами σίης, которые бесспорно остались от слова Θευδοσίης. Между названием этого города и именем Перисада, вырезанного в стк. 3, в формуле датировки не могло стоять ничего, кроме слов Βοσπόρου καὶ. Так как все строки надписи, по-видимому, начинались по одной вертикали, следует полагать, что союз καί был вырезан в стк. 4 перед названием Феодосии, заполняя лакуну от начала строки в 8 букв.

Дополнение конца стк. 3 Παιρ.[ι]σάδεο[ς Βοσπόρου] удлиняет стк. 3, а вероятно, и другие строки (кроме стк. 5) от правого края выступа на 8 *см*. Следовательно, общая длина каждой из первых четырех строк должна была быть около 82 *см*. На этом отрезке могло разместиться 35—36 букв [31]. Исходя из количества недостающих букв и опираясь на стандартные формулы лапидарных посвящений времени Перисада I, можно восстановить полный текст надписи.

Стк. 1. Как отмечалось, должна была начинаться с имени посвятителя Φαίδιμος. После патронимика перед лакуной от последующего слова на камне сохранилась *альфа*. Здесь, конечно, было вырезано обычное ἀ[νέθηκεν] или ἀ[νέθηκε]. Далее, вероятно, было названо имя божества, которое не поддается восстановлению [32].

Стк. 2. В начале строки, несомненно, стояли слова [ὑπὲρ τοῦ] ἀδελφοῦ «за брата», который, по-видимому, носил имя — Артемон.

Наибольшие трудности представляют дополнения конца 2-й и начала 3-й строк. После утраченных шести-семи букв начала стк. 3, различимые на камне буквы νιο, могут относиться только к личному мужскому имени, оканчивающемуся в родительном падеже на *омикрон* (Ἀπολλωνίο, Νεομηνίο и др.). Написание в одной и той же надписи родительного падежа на ο и на ου в IV в.до н.э. засвидетельствовано в ряде боспорских эпиграфических документов (КБН, стр. 801, § 4, п. 2). Если в начале стк. 3 стояло имя какого-то лица, то это лицо должно было быть непосредственно связано с Артемоном, а не с Федимом. Тогда указание на его родственные отношения должны были содержаться в конце стк. 2. При необходимости заполнить конец стк. 2 после имени Артемона еще 11—12 буквами, наиболее подходящим вариантом представляется дополнение καὶ υἱοῦ αὐτοῦ.

Стк. 3. Из личных имен, состоящих в родительном падеже из восьми-девяти букв и оканчивающихся на νιο, можно остановиться на имени Ἀπολλώνιος, упомянутом, в частности, в списке гермонаситов (КБН, 1056, стб. 2, строки 1 и 3). Однако наличие и других примеров не позволяет на этом настаивать. В конце строки после имени Перисада было вырезано Βοσπόρου, а в начале стк. 4 [καὶ Θευδο] σίης [33].

В перечне племен титула Перисада после слова Σίνδ[ων] в стк. 4, несомненно, следовал союз καί, заполняющий лакуну до конца строки.

---

[31] Так как левый край выступа находится в 0,21 *м* от левого края постамента, а правый в 0,18 *м* от правого, то при продлении строк влево на 0,18, а вправо на 0,08 *м*, с обеих сторон остаются поля; слева — шир. 0,03, справа — 0,10 *м*. Возможно, что левое боковое поле, первоначально более широкое, было обрезано при вторичной обработке пьедестала.

[32] При одинаковой длине стк. 1 с последующими имя божества должно было занимать 25—26 *см*, т. е. состоять из 10—11 букв. Этому условию не отвечает ни одно из имен божеств, встречающихся в надписях спартокидовского Боспора, за исключением Μήτηρ Φρυγία (КБН, 21, 23). Однако дополнению Μητρὶ Φρυγίαι препятствует статуарный тип памятника; на постаменте стояла, скорее всего, мужская фигура с выдвинутой вперед левой ногой и правой, опирающейся на носок.

[33] Написание Θευδοσίη для времени Перисада I засвидетельствовано всеми посвятительными надписями этого периода, за исключением надписи Местора, сына Гиппосфена (КБН, 1039), где употреблена форма Θεοδοσίη.

Рис. 5. Опыт реконструкции посвятительной надписи Федима, сына Фениппа, по сохранившейся ее части

В стк. 5 перед конечным καὶ Θατέων, вероятно, было вырезано [Μαϊτῶν πάντω] ν. Это обобщающее название для меотских племен в надписях времени Перисада I вполне уместно в сочетании с названием фатеев и хорошо подходит к размерам лакуны [34].

При предлагаемых дополнениях строки 2—4 имеют почти равное количество букв: стк. 2—35 (в строке часто повторяются широкие буквы строки 3 и 4 — по 36 (рис. 5). Текст:

1 [Φαίδιμος] Φαινίππου ἀ[νέθηκεν 10—11]
[ὑπὲρ τοῦ] ἀδελφοῦ Ἀρτέ[μωνος καὶ υἱοῦ αὐτοῦ?]
[Ἀπολλω?] νίο ἄρχοντος Παιρ.[ι] σάδε̣ῳ [ς¯βοσπόρου]
[καὶ Θευδο] σίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδ[ων καὶ]
5 [Μαϊτῶν πάντω]ν καὶ Θατέων.

Перевод: «Федим, сын Фениппа, посвятил [такому-то божеству] за брата Артемона [и сына его? Аполлония?] при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии и царствующем над синдами, всеми маитами и фатеями».

Таким образом, перед нами рядовая посвятительная надпись с именем и полным титулом Перисада I в качестве даты. Порядок перечисления племен в титуле ранних Спартокидов, как известно, позволил ученым установить некоторую хронологическую последовательность самих надписей. Судя по титулу Перисада, в котором названы синды, все меоты и фатеи, надпись Федима должна быть одновременна посвящению Комосарии, жены Горгиппа и дочери Перисада, в котором в том же порядке упомянуты те же племена (КБН, 1015). По времени оба документа, по-видимому, должны следовать за теми, где в титул Перисада включены синды и все меоты (КБН, 10, 11, 971, 1040), но до надписи Кассалии, дочери Посия (КБН, 972); в последней к именам синдов, меотов и фатеев добавлены досхи.

Что касается посвятителя надписи Федима, сына Фениппа, то он принадлежал к богатому и знатному роду, происходящему из Гермонассы [35],

[34] В начале строки до сохранившейся на камне буквы *ню*, как заметил В. В. Латышев, имеется «выскобленное место». Аналогичный характер носит повреждение начала стк. 3 В обеих строках выскабливание производилось троянкой; следы троянки отчетливо видны и на остальных плоскостях базы. В известных на Боспоре других случаях уничтожения отдельных строк надписи или всего текста стесывание выполнялось острым инструментом, оставлявшим частые косые насечки (примеры см. А. И. Болтунова. Неизданные надгробия в фондах Керченского и Херсонского музеев. Нумизматика и Эпиграфика, IV, 1964, стр. 100—102. См. также надпись времени Савромата I — КБН, стр. 936, add., 1) Было ли выскабливание в строках 3 и 5 рассматриваемой надписи сделано в уничтожение текста или оно отвечало каким-либо строительным целям во время вторичной обработки постамента — решить трудно.

[35] Ю. Ю. Марти. Ук. соч., стр. 60.

возможно, влиятельному и в Пантикапее. Рассмотренная надпись — второе посвящение, сделанное от его имени и, вероятно, более позднее, так как в найденном в Тамани (КБН, 1038) не упоминаются фатеи.

Если восстановление полного текста керченского посвящения Федима, сына Фениппа, может быть принято, то вывод о разделении царства между Спартоком II и Перисадом I теряет почву. Вместе с тем окончательно лишается оснований и предположение об официальном разделе боспорских владений между Левконом I и Горгиппом, коль скоро титул Левкона в надписи Демарха (КБН, 1111) был истолкован в развитие гипотезы Шефера [36]. Таким образом, в распоряжении исследователей не остается ни одного документального подтверждения тому, что одновременное правление членов спартокидовской династии могло сопровождаться запечатленным в их титулах разделением территории государства. Естественно, это положение должно в какой-то мере отразиться и на наших представлениях о совместной деятельности не только Спартока II и Перисада I, но и других членов правящего рода Спартокидов. Этот вопрос, безусловно, заслуживает дальнейшего и специального изучения, но тем самым он выходит за рамки данной работы.

---

[36] Интерпретация надписи Демарха, предложенная В. В. Латышевым, была уже отвергнута С. А. Жебелевым и другими учеными, которые справедливо указали на несоответствие такого понимания памятника месту его находки на азиатской стороне Боспора. С. А. Жебелев. Северное Причерноморье, стр. 171. сл.: Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1940. стр. 221: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 518, примеч. 154 и др.

Е. А. ЦЕПКИН, В. А. МОГИЛЬНИКОВ

РЫБОЛОВСТВО У НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСНОГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ЖЕЛЕЗА

Вопросам хозяйства, и в частности рыболовства, древнего населения Западной Сибири в литературе уделяется мало места. Между тем, не изучив в должной степени хозяйственные занятия, невозможно представить в полной мере уровень развития производительных сил общества, его социальный строй. Данная статья является первой работой, специально посвященной рыболовству — одной из важнейших отраслей хозяйства племен, населявших обширные пространства лесной полосы и северной лесостепи Западной Сибири. На основании исследования остеологического материала и других находок из культурного слоя городищ Омского и Тобольского Прииртышья мы ставим задачу показать роль рыболовства в хозяйстве населения этого района в эпоху железа, которая для территории Западной Сибири хронологически определяется от второй четверти I тысячелетия до н. э. до середины II тысячелетия н. э. Кроме того, мы должны выяснить те изменения, которые произошли в промысловой фауне рыб Иртыша под влиянием развития рыболовства и хозяйственной деятельности человека вообще.

Для решения поставленных задач мы привлекаем материал из раскопок В. Н. Пигнатти на городище Искер[1], В. П. Левашовой и П. А. Дмитриева на Вознесенском городище на р. Оми[2], раскопок и сборов авторов настоящей статьи на городищах Новоникольском, около устья р. Ишима[3], I Безымянном, неподалеку от устья р. Тары[4], у сел Лежанка и Качесово. Большереченского района Омской области[5]. Кости рыб с городищ Новоникольского и Безымянного относятся к началу II тысячелетия н. э., точнее к XII—XIV вв. Костные остатки с городища Искер не могут быть точно датированы, так как поселение здесь существовало длительное время, начиная с эпохи раннего железа до XVI в. Точная хронологическая принадлежность остатков рыб, собранных в обнажении культурного слоя городищ у сел Качесово и Лежанка, не установлена ввиду того, что на этих городищах не производились раскопочные работы. Можно пока только утверждать, что они относятся к эпохе железа.

---

[1] В. Н. Пигнатти. Искер. Ежегодник ТГМ, XXV, Тобольск, 1915, стр. 13. О находках на городище Искер костей рыб, в том числе осетра, стерляди и карповых; см. также И. С. Поляков. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. СПб., 1877, стр. 9—10.

[2] В. П. Левашова. Вознесенское городище. Изв. Зап. Сиб. музея, 1, Омск, 1928, стр. 90—95; ее же. О городищах Сибирского Юрта. СА, XIII, 1950, стр. 347.

[3] В. А. Могильников. Работы Иртышского отряда. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 94—97.

[4] Его же. Работы Иртышского отряда в 1962 году. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 135—141.

[5] Кости рыб собраны в обнажении культурного слоя Е. А. Цепкиным. Материал в ИА АН СССР.

Все указанные поселения, за исключением Вознесенского городища, находятся на высокой террасе правого коренного берега Иртыша и в настоящее время, кроме I Безымянного городища, интенсивно разрушаются обрывом со стороны реки. Исследование указанных и ряда других памятников показало, что хозяйство населения лесного Прииртышья в эпоху железа было комплексным и базировалось на сочетании скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства, а также домашних ремеслах, среди которых ведущее место занимали металлургия, прядение и ткачество, обработка кожи и кости. Усиленное проникновение тюрок в лесное Прииртышье в XIII в.[6], видимо, несколько повысило роль скотоводства, но не привело к коренному изменению хозяйственных занятий. Письменные источники XVII—XIX вв. свидетельствуют о большой роли рыболовства и охоты в хозяйстве тобольских и тарских татар. Такая направленность хозяйственной деятельности объясняется спецификой природных условий лесного Прииртышья, а также особенностями этногенеза, проникших в угорскую среду тюрок. Войдя в тесный контакт с уграми и ассимилировав их значительную часть, тюрки восприняли от них вековые традиции и навыки ведения хозяйства в лесной полосе, особенно относящиеся к добыче зверя и рыбы. Более того многие древние способы лова дожили в Приобье до конца XIX в. Отсутствие существенных изменений в технике рыболовства племен Западной Сибири в эпоху железа позволяет предполагать отсутствие значительных изменений количества вылавливаемой рыбы. Указанные обстоятельства позволяют нам рассматривать рыболовство у населения Прииртышья за довольно значительный отрезок времени.

Переходим к анализу остеологического материала. Специальных исследований остатков рыб из культурных слоев поселений древнего человека Западной Сибири до сих пор не проводилось. Кстати сказать, вообще ископаемая фауна рыб голоцена азиатской части СССР изучена значительно меньше, чем позднечетвертичная ихтиофауна континентальных водоемов европейской территории Союза. Между тем работами ряда авторов[7] показана важность подобных исследований, представляющих непосредственный интерес для различных специалистов — археологов, ихтиологов, палеоклиматологов, палеогеографов и др.

Нами проведен анализ значительного количества остеологического материала — 1056 экземпляров костей и около 5000 экз. чешуи. Ниже излагаем результаты наших исследований по каждому виду рыбы в отдельности.

Семейство осетровых — *Acipenseridae*

Сибирская стерлядь — *Acipenser ruthenus marsilii Br.* Среди остатков рыб, найденных при раскопках на Новоникольском городище, обнаружен обломок жучки. Длину рыбы восстановить не удалось, но, по-видимому, она была около 50—60 *см.* Значительно более многочисленны костные остатки стерляди, найденные в обнажении культурного слоя городища у с. Качесово на правом берегу Иртыша. Здесь были обнаружены следующие остатки сибирской стерляди: *marginale, parasphenoideum, operculum, cleithrum, clavicula,* жучки, обломки покровных костей черепа — всего 74 экз. В уловах жителей данного городища преобладала

---

[6] В. А. Могильников. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы. СА, 1965, 1, стр. 275—282.

[7] Г. В. Никольский. Краткий обзор ископаемой четвертичной фауны пресноводных рыб СССР. ИВГО, 5, 1945, стр. 288—292; В. Д. Лебедев. Пресноводная четвертичная ихтиофауна европейской части СССР. М., 1960; Е. А. Цепкин. Древняя промысловая фауна рыб реки Аму-Дарьи. «Вопросы ихтиологии», 1964, IV, 2, стр. 280—288 и др.

крупная стерлядь длиной до 75 *см*, в среднем 53,2 *см*:

Длина тела, *см*	Число экз.	Длина тела, *см*	Число экз.
30—35	6	55—60	2
35—40	5	60—65	—
40—45	6	65—70	6
45—50	7	70—75	2
50—55	5		

M = 53,2

Обычные размеры обской и иртышской стерляди в современных уловах значительно ниже — 33—40 *см*, а особи длиной около 70 *см* и более крупные представляют или помесь стерляди с осетром, или редкие случаи гигантизма, но так или иначе в промысле встречаются редко[8]. В настоящее время в Иртыше в пределах Омской области стерлядь весьма немногочисленна и за последние годы практически утратила промысловое значение. Однако еще в конце прошлого столетия в бассейне Иртыша было очень много стерляди[9]. Сокращение численности иртышской стерляди, наряду с уменьшением ее средних размеров в современном промысле, несомненно явилось следствием интенсивного лова. Немалую роль в уменьшении количества стерляди в Иртыше сыграло загрязнение реки сточными водами промышленных предприятий.

Семейство щуковых — *Esocidae*

Щ у к а — *Esox lucius L.* В коллекции из Новоникольского и I Безымянного городищ обнаружено четыре костных остатка. Размеры двух особей 34 и 85 *см*. У городища близ с. Качесово найдено 19 экз. костей. Размеры щук колеблются от 22 до 56 *см*, средняя длина 40,8 *см* (восстановлено по восьми костям). Особенно много костных остатков щуки найдено в обвалах и осыпях коренного берега Иртыша у городища близ с. Лежанка. Всего 256 экз. Размеры щук, восстановленные в 66 случаях, колебались от 10 до 85 *см*; средняя длина равна 33,6 *см*:

Длина тела, *см*	Число экз.	Длина тела, *см*	Число экз.
10—15	1	40—45	5
15—20	2	45—50	1
20—25	15	50—55	1
25—30	22	55—60	14
30—35	2	60—65	1
35—40	1	80—85	1

M = 33,59

В настоящее время щука является весьма обычным видом в бассейне Иртыша, основные места обитания ее приурочены главным образом к пойменным и материковым озерам. В бассейне Иртыша численность щуки подвержена довольно значительным колебаниям, которые бывают связаны с изменениями величины весеннего паводка, определяющего урожайность других видов рыб (елец, плотва и др.), составляющих основную пищу щуки. Наиболее крупные экземпляры щуки бассейна Иртыша достигают длины 105 *см*, однако в промысле преобладает мелкая щука размером от 30 до 40 *см*[10]. В бассейне Оби и Иртыша промысел щуки

[8] П. А. Д р я г и н. Промысловые рыбы Обь-Иртышского бассейна. Изв. ВНИОРХ, XXV, 2, 1948.

[9] Н. С т е п а н о в. Путевые записки, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховья рек Тартаса и Тары. Зап. ЗСОРГО. VIII, 1, Омск, 1886; И. К у з н е ц о в. Заметки о рыболовстве в р. Иртыше близ г. Омска. Вестник рыбопромышленности, 11, год 5, 1890; П. И г н а т о в. К познанию фауны рыб нижнего течения Иртыша и некоторых его притоков. Тр. Отд. ихтиологии Русск. общества акклиматизации животных и растений, II. М., 1897.

[10] А. И. Е ф и м о в а. Щука Обь-Иртышского бассейна. Изв. ВНИОРХ, XXVIII, 1949.

стал развиваться сравнительно недавно. Как отмечает А. И. Ефимова, в прошлом веке щуку добывали в большом количестве лишь в Тобольской губернии, откуда ее вывозили в мороженом виде на внутренние рынки России.

Семейство карповых — *Cyprinidae*

Сибирская плотва — *Rutilus rutilus lacustris (Pall.)* Костные остатки плотвы обнаружены среди остатков других видов рыб из городища у с. Лежанка. Плотве принадлежали 10 экз. глоточных костей. Размеры рыб, восстановленные по 9 экз., колебались от 18,5 до 32,5 *см*; средняя длина рыб равнялась 26,9 *см*. Размеры современной иртышской плотвы, как правило, также не превышают 30—33 *см*. В настоящее время в бассейне Иртыша плотва распространена весьма широко, встречается как в самой реке, так и в озерах.

Язь — *Leuciscus idus (L.)*. В коллекции из Новоникольского городища обнаружено около 5 тыс. обломков чешуи и 20 экз. костей язя, из I Безымянного городища — один экземпляр тазовой кости и несколько обломков чешуи. Размеры рыб удалось восстановить в 18 случаях. В уловах жителей Новоникольского городища попадался язь длиной от 30 до 44 *см*, в среднем — 40,4 *см*:

Длина тела, *см*	Число экз.
30—32	1
38—40	4
40—42	12
42—44	1

M = 40,4

Среди остатков рыб из городища у с. Качесово найдено 17 экз. костей язя. Размеры рыб (9 экз.) колеблются от 21 до 33 *см*; средняя длина 26,1 *см*. В коллекции остатков рыб из городища у с. Лежанка обнаружено семь костей язя. Размеры 7 экз. колеблются от 17 до 56 *см*; средняя длина 31,5 *см*.

Обский и Иртышский язь из современных уловов имеет весьма близкие размеры — 32—33, реже 40—50 *см*. Наиболее крупные экземпляры язя достигают длины 60 *см* [11]. В настоящее время язь, как и щука, является одной из важнейших промысловых рыб Западной Сибири. В бассейне Иртыша и Средней Оби язь наиболее многочислен. В отдельные годы он составлял до 75% всего улова рыбы на Иртыше [12].

Карась — *Carassius sp.* В коллекции из городища у с. Качесово обнаружено 15 экз. костей. Размеры рыб колеблются от 12,5 до 32,5 *см*; средняя длина 19,1 *см*.

В коллекции из городища у с. Лежанка карась был представлен 131 экз. В уловах жителей данного городища попадались караси размером от 15 до 45 *см*, в среднем 24 *см*:

Длина тела, *см*	Число экз.
15—20	7
20—25	25
25—30	17
30—35	2
35—40	—
40—45	1

M = 28,04

---

[11] А. Н. Гундризер. Биология и промысел язя Западной Сибири. Изв. ВНИОРХ, XLIV, 1958.

[12] М. И. Меньшиков. К биологии промысловых рыб р. Иртыша и его пойменных водоемов в пределах Уватского района. Изв. Биол. НИИ, при Пермском ун-те, X, 4—5, 1936.

Размеры карася в современном промысле Обь-Иртышского бассейна колеблются от 13 до 24 *см*, в среднем 22,5 *см*. Наиболее крупные караси имеют длину 34 *см*[13]. В бассейне Иртыша карась встречается почти исключительно в пойменных и материковых озерах и с давних пор является одним из важных объектов местного промысла[14].

Семейство тресковых — *Gadidae*

Налим — *Lota lota* (*L.*). Костные остатки налима обнаружены лишь в коллекции из городища у с. Качесово — 257 экз. костей. По 36 костям удалось восстановить размеры рыб. В уловах жителей данного городища попадался налим длиной от 35 до 125 *см*, в среднем 58,8 *см*:

Длина тела, *см*	Число экз.	Длина тела, *см*	Число экз.
35—40	2	70—75	1
40—45	4	75—80	—
45—50	4	80—85	3
50—55	10	85—90	1
55—60	3	90—95	1
60—65	3	95—100	1
65—70	2	120—125	1

M = 58,84

В современном промысле нижнего течения Иртыша преобладает налим длиной от 51,6 до 61,3 *см*. В уловах попадаются более крупные экземпляры размером около 1 *м* и более[15]. В настоящее время в бассейне Иртыша налим является одним из самых распространенных видов, имеющих промысловое значение. В недалеком прошлом численность налима в Иртыше была, по-видимому, весьма значительной. П. С. Паллас[16] во время своего путешествия по Западной Сибири заметил, что «...налимов в Иртыше великое множество и оные бывают длиною в три аршина».

Семейство окуневых — *Percidae*

Окунь — *Perca fluviatilus L.* В коллекции из I Безымянного городища обнаружены 4 экз. Найдено также несколько обломков чешуи. Размер рыбы удалось восстановить по одной кости — 27 *см*. В коллекции из городища у с. Качесово найдено 10 костей окуня. Размеры рыб колеблются от 10 до 33 *см*; средняя длина 22,3 *см* (восстановлено по 5 экз. костей). Среди остатков рыб из городища у с. Лежанка обнаружено 32 экз. костных остатков этого вида. Размеры 10 экз. колеблются от 17,5 до 40 *см*; средняя длина рыб 26,9 *см*.

Окунь из современных уловов в бассейне Оби и Иртыша имеет весьма близкие размеры, а именно от 10 до 40 *см*, обычно — 17—23 *см*[17]. В настоящее время в бассейне Иртыша окунь распространен повсеместно, особенно многочислен он в озерах.

Исследование остеологического материала показывает, что в эпоху железа население указанных городищ добывало не менее семи видов рыб: сибирская стерлядь, щука, сибирская плотва, язь, карась, налим и окунь. Все эти виды встречаются в бассейне Нижнего Иртыша и в настоящее

---

[13] П. А. Дрягин. Ук. соч.
[14] Н. Степанов. Ук. соч.
[15] П. А. Дрягин. Ук. соч.
[16] П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства. II, 2, СПб., 1786, стр. 109.
[17] П. А. Дрягин. Ук. соч.

время. Однако значение их в современном промысле этого района существенно изменилось:

Виды рыб	Соотношение видов в уловах, %		
	Качесово	Лежанка	бассейн Иртыша в пределах Омской обл. [18]
Сибирская стерлядь	19,4	—	0,5 (стерлядь, осетр, нельма)
Щука	5,0	57,3	
Язь	1,8	3,8	8,5 (щука, язь, налим)
Налим	67,3	—	
Карась	3,9	29,5	
Плотва	—	2,2	91,5 (карась, плотва, окунь, линь)
Окунь	2,6	7,2	
Всего:	100,0	100,0	100,0

Приведенные данные показывают, что сибирская стерлядь, одна из наиболее ценных рыб, в современных уловах на Иртыше (Омская область) составляет вместе с осетром и нельмой всего лишь 0,5%, т. е. практически не имеет промыслового значения. Основу современного промысла здесь составляют карась, плотва, окунь и линь (91,5%); в меньшем количестве (8,5%) добываются щука, язь и налим. В промысле жителей городища у с. Качесово на долю стерляди приходилось 19,4% уловов, налима — 67,3 и остальных видов — 13,3%. Изменение соотношения видов в современном промысле бассейна Нижнего Иртыша, несомненно, произошло под влиянием хозяйственной деятельности человека (интенсивный нерациональный промысел, загрязнение Иртыша сточными водами промышленных предприятий и т. п.).

Различие в видовом составе и соотношении отдельных видов рыб в уловах жителей городищ у сел Качесово и Лежанка связано с тем, что население указанных городищ промышляло рыбу в водоемах разного типа. Жители городища у с. Качесово добывали рыбу в самом Иртыше. В их уловах преобладают (86,7%) типично речные виды — стерлядь и налим. У населения второго городища промысел был сосредоточен в придаточной системе Иртыша, на что указывает преобладание в их уловах (86,8%) щуки и карася, населяющих главным образом озера и старицы.

Многочисленные находки на городищах остатков рыб, которые иногда образуют целые пласты в культурном слое [19] и даже в обвалах и осыпях культурного слоя, встречаются в значительном количестве и убедительно свидетельствуют о большой роли рыболовства в хозяйстве племен Прииртышья в эпоху железа. Рыбные богатства Оби и Иртыша, несомненно, издавна привлекали внимание человека. О широком развитии рыбного промысла у аборигенов Западной Сибири в конце XVI в. и более позднее время свидетельствуют различные литературные источники. Сибирские летописи, например, повествуют: «В жилищах же их велие множество всякого зверя... рыбы всякой також де бесчисленно: осетров, стерлядей, щук, тайменей, карасей. линей, плотиц...» [20].

Указывая на большую роль рыбы в питании остяков, Николай Спафарий называет их рыбоядцами: «Сей народ есть, который от греческих и римских историков именуется ихтиофагами (хотя об них они только слухом

[18] П. К. Ракиеров. Промысловый лов рыбы в водоемах Омской области. Омск, 1955, стр. 1—40.

[19] На 1 Новоникольском городище мощность пласта, состоявшего в основном из чешуи и костей рыб, достигала 0,2 *м*.

[20] Описание Сибири по списку императорской публичной библиотеки. «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 378.

слышали), се есть рыбоядцы, потому что все остяки ловят рыбу всякую множество много, и иные сырую едят, а иные сушат и варят...»[21].

Рыба давала не только продукты питания. Из костей, чешуи и плавательного пузыря рыб приготовлялся клей[22], который использовался при изготовлении сложных луков и других изделий. Из внутренностей рыб вытапливался жир, а рыбьи кожи шли на изготовление одежды. Вот что сообщает о последнем Гр. Новицкий: «Одежда их обще из кожей рыб, найпаче с налима иже, подобен сому; тожде с осетра и стерлядей одерше кожу, толико трудами своими умягчевают, яко могут все одеяние себе из них сошити; обще же, из налимей кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги себе утворяют»[23].

По-видимому, рыбная ловля неоднократно спасала население некоторых районов Западной Сибири от голода. В сибирских летописях упоминается о голоде, бывшем в Тобольске зимой 1582 г.; местные жители возлагали надежды на весну, когда «... быть рыболовство велие... и от рыб со всякое доволство изобилно»[24]. Довольно ярким отражением большой роли рыболовства в хозяйстве являются следы почитания некоторых рыб (щуки, налима, язя) в религии хантов[25].

Успех промысла в значительной степени обеспечивался благодаря изобилию рек Сибири рыбой, на что неоднократно указывали различные авторы[26]. Некоторое представление о размерах добычи рыбы и ее обилии в бассейне Оби и Иртыша, кроме пластов чешуи и костей в культурном слое, дает этнографический материал. В хантыйском сказании говорится, что улов неводом за одну тоню составлял 500 пудов[27]. Несмотря на известное истощение рыбных запасов Среднего и Нижнего Иртыша, рыбаки Прииртышья в настоящее время ловят рыбу в значительном количестве. По сообщению жителей дер. Малые Мурлы, находящейся около устья р. Тары, в половодье один человек сетями добывает за сутки до 200 *кг* рыбы. При учете сокращения количества рыбы в водоемах можно утверждать, что в прошлом лов был еще более эффективным.

Видовой состав уловов жителей городищ Прииртышья эпохи железа свидетельствует о том, что рыбу в то время добывали самыми разнообразными способами, используя различные орудия рыболовства: добывали сетями (ставными и калыданными), острогой, крючками, а также различного рода запорами, мордами, вершами и другими ловушками. Щуку и карася, видимо, промышляли весной во время нереста. Стерлядь и налима — ранней весной, поздней осенью и зимой. Причем рыбу ловили как в Иртыше, так и в озерах. Особенно много рыбы добывалось с помощью забоек (запоров). В описаниях рыбных ловель на Иртыше, относящихся к 1704 г., говорится: «...саипы — сети ж, ставят в запорах, и рыба идет вниз рекою и в саип валитца»[28]. В культурных слоях нескольких городищ найдены фрагменты орудий лова. На городище Искер встречены грузила от сетей[29], на Вознесенском городище — деревянный обгорелый поплавок сети[30] (рис. 1), на I Новоникольском городище представлены камни-грузила калданных сетей (рис. 2). Последние использовались преимущественно для добычи ценной крупной рыбы. По данным этнографии

---

[21] Николай Милеску Спафарий. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960, стр. 63.

[22] U. T. Sirelius. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Helsingfors. 1903.

[23] Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884, стр. 38.

[24] «Сибирские летописи», стр. 77.

[25] Г. Старцев. Остяки. Л., 1928, стр. 80.

[26] Николай Милеску Спафарий. Ук. соч., стр. 40—41; И. С. Поляков. Ук. соч., стр. 8, 30—33, 80, 81.

[27] В. Н. Чернецов. О проникновении восточного серебра в Приобье. Тр. ИЭ, нов. сер., 1, М., 1947, стр. 127.

[28] Н. Н. Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), 1, М., 1895, стр. 68—69.

[29] В. Н. Пигнатти. Искер, стр. 13.

[30] В. П. Левашова. Вознесенское городище..., стр. 90, табл. III, *16*.

в 70-х годах XIX в. один остяк за лето добывал колыданом до 200—300 муксунов. Кроме муксунов попадались осетры, нельма и другие рыбы [31]. Известно об изготовлении хантами камней для колыдана и грузил для неводов [32]. Для изготовления сетей, по-видимому, использовались конский волос и крапивное волокно, прядение которого было распространено у хантов и селькупов. Новицкий следующим образом описывает обработку крапивы хантами в начале XVIII в.: «Жены их, не имея конопель, нужду и недостаточество свое удовлетворяют полным зелием, от кропивы бо зельныя хитростное истягивают нити, из сих холсты утворяют,... сшивают же себе и рубашки от тогожде кропивного холста и украшают я различными пестротами, вышивая нитми разные взоры» [33]. Расщепление крапивных стеблей производилось при помощи заостренных метакарпальных костей лося и лошади, концы которых зашлифованы от длительного употребления. Такие орудия встречены в культурных слоях городищ вместе с пряслицами из глины, головок кости и рога лося. Для лесостепной полосы XIII—XIV вв. можно говорить об использовании конопляной пряжи для вязания сетей. Находка зерен конопли в землянке Вознесенского городища [34] свидетельствует о возделывании этого растения. Возможно также, что для изготовления сетей употреблялись волокна тальникового корня. Для сооружения различного рода заколов и езов материал в виде дерева и кустарника всегда имелся в достаточном количестве.

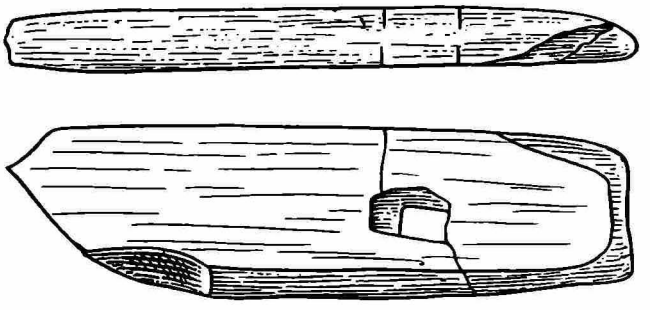


Рис. 1. Деревянный поплавок сети (Вознесенское городище)

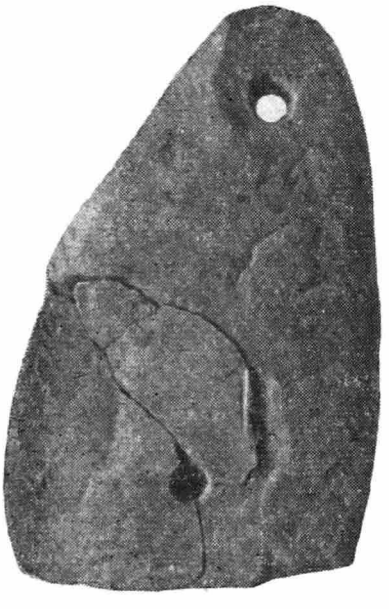


Рис. 2. Каменное грузило калданной сети (I Новоникольское городище)

Для ловли рыбы, несомненно, применялась и крючковая снасть. При раскопках поселений ввиду ограниченности размеров вскрытой площади крючки не были встречены. Однако само по себе отсутствие находок крючков еще не говорит о том, что крючки не использовались в рыболовстве. При недостатке металла, по-видимому, широко употребляли деревянные крючки. По сообщению В. Н. Чернецова, деревянные крючки у обских угров применялись вплоть до настоящего времени. Не исключено применение и деревянной остроги. Подобные остроги известны уже в эпоху энеолита и бронзы, о чем свидетельствует находка этого орудия в Горбуновском торфянике [35]. Аналогичного типа деревянные остроги с железными зубьями, по наблюдениям В. Н. Чернецова, были распространены у манси до недавнего времени.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что основная масса рыбы мелких и средних размеров добывалась главным образом сетями и запорными ловушками, которые бытуют в Приобье и сейчас.

[31] И. С. Поляков. Ук. соч., стр. 44.
[32] Там же, стр. 112.
[33] Гр. Новицкий. Ук. соч., стр. 38.
[34] В. П. Левашова. Вознесенское городище..., стр. 89.
[35] П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе. ИГАИМК, 106, М.— Л., 1935, рис. 27.

О. М. РАПОВ

ЗНАКИ РЮРИКОВИЧЕЙ И СИМВОЛ СОКОЛА

«Загадочные фигуры» на монетах и печатях Рюриковичей, на перстнях и подвесках, принадлежавших князьям и их дружинникам, на кирпичах Десятинной церкви, а также на других предметах, являвшихся собственностью рода, возглавлявшего феодальную верхушку в Киевской Руси, давно уже вызывают массу всевозможных споров и толкований. Подробный историографический обзор вопроса о сущности знака Рюриковичей содержится в работах И. И. Толстого и А. В. Орешникова [1]. Упоминания о различного рода дешифровках знака имеются в трудах Н. П. Лихачева и Б. А. Рыбакова [2]. Ниже мы приводим краткий перечень всех существующих мнений по данной проблеме.

М. Н. Карамзин в «Истории государства Российского» назвал знак, изображенный на монетах Рюриковичей, «трезубцем» [3]. Нумизматы XIX в. — А. Воейков, Я. Я. Рейхель, И. П. Сахаров, С. И. Шодуар, Ф. Ф. Шуберт — считали, что «фигура» является изображением древнего светильника — трикирия или паникадила [4]. Я. Волошинский, Ф. А. Жиль, А. Тильзеус фон Тильнау, к мнению которых примыкал вначале И. И. Толстой, видели в знаке изображение хоругви [5]. С. Г. Строгонов в письме к Л. А. Кунику отмечал, что знак Рюриковичей «не что иное, как церковный портал» [6]. И. А. Бартоломей предлагал считать «фигуру» якорем [7]. Известный археолог XIX в. А. А. Уваров утверждал, что знак есть искаженное изображение верхней части особого византийского скипетра [8]. К такому же выводу в 1884 г. пришел и И. И. Толстой, по мнению которого, этот византийский скипетр был доставлен на Русь из Царьграда царевной Анной Владимиру [9]. Б. В. Кёне и А. А. Куник видели в знаке изображение птицы. Б. В. Кёне считал, что на монете изображен ворон [10]. А. А. Куник заявлял, что «загадочная фигура» — голубь, символизирующий святого духа [11]. Позднее А. А. Куник под влиянием доводов А. А. Уварова и И. И. Толстого, которые указывали, что в Византии вплоть до XIII в. голубь изображался летящим или парящим головою вверх, отошел от своего первоначального мнения и стал считать знак

[1] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882, стр. 165—183; А. В. Орешников. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах. АИЗ, М., 1894, 10, стр. 301—311.

[2] Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2, Л., 1928; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. СА, VI, 1940, стр. 230, 231, 233.

[3] И. И. Толстой. Ук. соч., стр. 165.

[4] Там же, стр. 165, 166.

[5] Там же, стр. 166, 180.

[6] Там же, стр. 166.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] И. И. Толстой. Знамя первых наших христианских великих князей. Тр. VI, АС, Одесса, 1886, стр. 269.

[10] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты..., стр. 62—65.

[11] Там же, стр. 166.

изображением державы — символом власти киевских князей [12]. Известный шведский ученый Т. Арне, который исследовал подвески со знаками Рюриковичей, найденные в Швеции, пришел к выводу, что на них изображена «птица с распущенными крыльями» — «знаменитый родовой знак Ярославова серебра, повторяющий схематично такой же родовой знак Св. Владимира» [13]. К. Болсуновский видел в знаке Рюриковичей зашифрованное слово βασιλευς [14]. П. Н. Милюков в статье «Норманский знак на монетах Великого княжества Киевского» (1889 г.) писал о сходстве «загадочной фигуры» со шлемами, изображенными на ковре из Байе [15]. Впоследствии мнение П. Н. Милюкова было подвергнуто сокрушительной критике со стороны А. В. Орешникова [16]. Д. Я. Самоквасов предлагал считать знак Рюриковичей скипетром, форма которого заимствована из скифских курганов [17]. Вятский статистик П. М. Сорокин усмотрел в знаке изображение топора с двумя лезвиями — франциску. Сравнивая родовой знак Рюриковичей с родовыми знаками вотяков, П. М. Сорокин полагал, что первый должен изменяться при переходе от князя к князю [18]. А. В. Орешников считал, что П. М. Сорокин наиболее близко подошел к объяснению знаков на монетах и присоединился к мнению последнего [19]. Дальнейшие исследователи знака Рюриковичей и его эволюции отказались как-либо толковать данную фигуру в своих работах.

В историографическом обзоре следует привести одну фразу из книги С. А. Гедеонова «Варяги и Русь». Он писал: «Изображенная на игоревой гривне птица с поднятыми кверху когтями может быть сокол-рерик» [20]. О какой «игоревой гривне» идет речь — непонятно. Одна из древнейших русских монет (или печатей?) с изображенным на ней знаком Рюриковичей в XIX в. приписывалась князю Игорю. Может быть, ее имел в виду С. А. Гедеонов?

Классификация знаков Рюриковичей была впервые создана А. В. Орешниковым [21]. Впоследствии в нее трижды вносили поправки — один раз Б. А. Рыбаков [22] и дважды В. Л. Янин [23]. В основу своей классификации А. В. Орешников положил принцип «образования знака из простого в более сложный» [24]. Так как на серебре Ярослава Мудрого изображен «трезубец», то он предположил, что знак отца Ярослава — Владимира был проще — двузубец, имеющийся на одной из древних печатей [25]. Принцип, на котором зиждется классификация А. В. Орешникова, вызывает серьезные возражения. Если мы обратимся к статье В. Л. Янина [26], то убедимся, что знаки князей XI—XII вв. намного проще и схематичнее древних.

А. А. Ильин и Н. П. Бауэр считали принадлежащим Владимиру Святославичу те знаки, которые А. В. Орешников приписывал Владимиру

---

[12] Там же, стр. 183.

[13] T. I. Arne. Fornvännen meddellanden från K. Vitterhets historie och antikvitets Akademien. 1911—12, 47.

[14] К. Болсуновский. Родовой знак Рюриковичей, великих князей Киевских. Киев, 1908, стр. 4—6.

[15] А. Орешников. Ук. соч., стр. 304.

[16] Там же, стр. 304.

[17] Там же.

[18] Там же, стр. 305—308.

[19] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936, стр. 33.

[20] С. Гедеонов. Варяги и Русь. II. СПб., 1876, стр. XXXIV.

[21] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси.

[22] Б. А. Рыбаков. Ук. соч.

[23] В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X в. КСИИМК, 57, 1955; его же. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956.

[24] А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси, стр. 35.

[25] Там же.

[26] В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, 62, 1956.

Мономаху [27]. Б. А. Рыбаков также высказывал сомнения по поводу «первого знака А. В. Орешкикова». Он отмечал, что «...в ряде случаев монеты Владимира („Владимирово серебро") находят с вещами XI в., например в радимчском кургане XI в. близ с. Вотня на Днепре, в Липлявском могильнике XI—XII вв. с западной монетой, современной Владимиру Святославичу, и т. д. (отметим, что в обоих случаях монета уже успела превратиться в подвеску к ожерелью). В пользу этого взгляда (взгляда

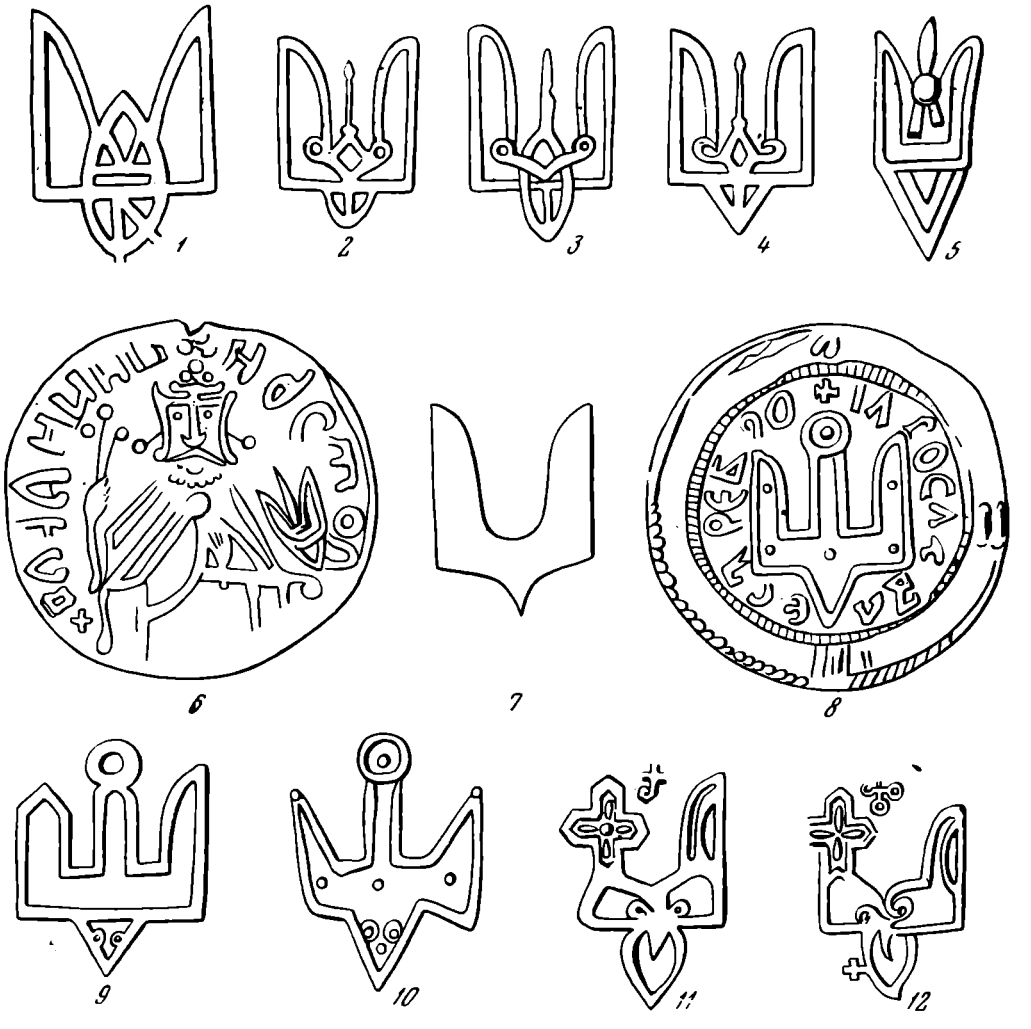


Рис. 1. Знаки Рюриковичей

1 — знак на кирпиче Десятинной церкви; *2—5* — знаки на монетах Владимира Святославича; *6* — монета Владимира Святославича со знаком: *7* — знак на одной из древнейших печатей; *8* — монета Ярослава Мудрого со знаком Рюриковичей; *9* — знак на подвеске, опубликованной Т. Арне; *10* — знак на стокгольмском экземпляре Ярославова серебра; *11, 12* — родовые знаки князей X—XI вв.

А. А. Ильина и Н. П. Бауэра.— *О. Р.*) говорит и нахождение монет в кладах не позднее середины XI в., да и палеографический анализ букв указывает скорее на раннюю дату» [28].

Бесспорно принадлежащим Владимиру Святославичу Б. А. Рыбаков считает знак, изображенный на кирпиче от Десятинной церкви, так как не кто иной, а именно Владимир был строителем этого первого русского христианского храма [29].

Если мы сравним знаки, которые А. В. Орешников приписывал Владимиру Мономаху, со знаком на кирпиче от Десятинной церкви (рис. 1, *2—5* и рис. 1, *1*), то убедимся, что сходство их очевидно. Различаются

[27] А. А. Ильин. Топография кладов древнерусских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924. Табл. I; Н. П. Бауэр. Древнерусский чекан конца X — начала XI в. ИГАИМК, 1927, стр. 315.

[28] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 231.

[29] Там же, стр. 247.

они лишь тем, что у знака на кирпиче не имеется отростка от среднего зубца, да в средней части знака некоторые весьма незначительные детали (которые, кстати сказать, на всех имеющихся монетах с именами Владимира и Ярослава изображаются по-разному, а иногда и вовсе отсутствуют) изображены несколько иначе. Таким образом, принадлежность Владимиру Святославичу знаков, классифицированных А. В. Орешниковым как знаки Владимира Мономаха, не вызывает никаких сомнений. Если внимательно присмотреться к знакам Владимира, то создается впечатление, что «фигура» все время совершенствовалась в период чекана монеты. Однако в какую сторону она совершенствовалась — упрощалась или усложнялась,— сказать трудно. Скорее всего, изменения в «фигуре» происходили в сторону упрощения знака.

Рассмотрим «загадочную фигуру», изображенную на монетах Владимира и Ярослава Мудрого (рис. 1. *2—6, 8*). Знаки представляют собой какие-то необычные трезубцы. Крайние зубцы больше всего напоминают лезвия ножей или крылья какой-то птицы. Средний зубец резко отличается от двух крайних — на большинстве знаков Владимира он состоит из двух неравных частей (рис. 1, *2—5*): нижней — утолщенной, и верхней — более тонкой. Средний зубец знака, нанесенного на кирпич Десятинной церкви, имеет только нижнюю утолщенную часть (рис. 1, *1*). На монете Ярослава Мудрого (рис. 1, *2*) средний зубец не имеет двойного деления, а завершается кружком. Три верхних конца трезубца упираются в поперечную перекладину, от которой книзу опускается четвертый зубец. Этот зубец на одних знаках Владимира слегка закругляется, на других, так же как и на знаках Ярослава, выступает в виде равнобедренного треугольника. На некоторых знаках Владимира (рис. 1, *2—4*) от средней части «фигуры» на крайние зубцы вынесены какие-то странные «крючки».

Г. Н. Анпилогов убедительно доказал, что многие из знаков собственности, нанесенные на владельческие борти, представляют собой изображение вил, топоров, плугов и многих других предметов [30]. Он указывает, что рисунки на бортях настолько точно передают сущность предметов, что по ним можно изучать уровень развития материальной культуры того времени, когда они были изображены. Исследователь добавляет, что нередко к этим реалистическим рисункам «... делались различного рода дополнения в виде крестов, отдельных черточек и т. п.» [31]. Вероятно, знаки Рюриковичей, которые также являются знаками собственности, должны характеризоваться теми же признаками, которые Г. Н. Анпилогов выявил при анализе бортных знамен, а именно: возможны некоторые посторонние дополнения и небольшие отклонения от нормы, но в основном рисунок должен передавать самые существенные черты изображенного предмета.

Для определения сущности «фигуры» очень важно рассмотреть стокгольмский экземпляр Ярославова серебра. Его первым отыскал и опубликовал Б. В. Кёне [32]. Правда, Б. В. Кёне представил стокгольмское серебро как монету князя Олега. Он утверждал, что знак на «монете Олега» есть изображение ворона — древнейшего герба Дании. Надпись по краю монеты Б. В. Кёне считал латинскою и читал ее OLEG REX, произвольно расставляя буквы, а также приняв один из крестов, нанесенных на поверхность, за букву X [33]. Против такого чтения надписи выступил А. А. Куник, доказав, что «латинская надпись» сделана русскими буквами и читается как О ГЕОРГІ (агиос Георгий), а надпись на обратной стороне монеты совершенно ясно читается как: ЯРОСЛАВЛЕ

---

[30] Г. Н. Анпилогов. Бортные знамена как исторический источник. СА, 1964, 4, стр. 154—156 и др.

[31] Там же, стр. 168.

[32] В настоящее время имеется шесть экземпляров, подобных стокгольмскому. Поэтому само название «стокгольмский экземпляр» чисто условно.

[33] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты..., стр. 62—69.

СРЕБРО[34]. Таким образом, монета принадлежит не Олегу, а Ярославу. С чтением А. А. Куника согласились все крупнейшие нумизматы XIX и XX столетий. А. А. Куник считал, что на монете христианского князя не могло быть такого языческого изображения, как ворон. Вместе с тем, он, в свою очередь, подметил, что на стокгольмском экземпляре Ярославова серебра на нижнем зубце «фигуры» имеются какие-то кружки (рис. 1, *10*), очень похожие на глаза птицы. Это дало ему повод утверждать, что «загадочная фигура» изображает живое существо, но не ворона, как думал Б. В. Кёне, а «голубя, олицетворяющего святого духа»[35].

Впоследствии А. А. Куник под влиянием доводов А. А. Уварова и И. И. Толстого отошел от своего первоначального мнения. Стокгольмский экземпляр был признан грубым скандинавским подражанием серебру Ярослава Мудрого. На эту монету перестали обращать внимание при расшифровке знака Рюриковичей. Однако уже в XX в. такие авторитетные ученые, как Н. П. Бауэр и Н. П. Лихачев, решительно высказались против того, чтобы считать стокгольмский экземпляр подражанием монетам Ярослава[36].

Т. Арне, опубликовавший найденные на территории Швеции подвески, изображение знака на которых почти аналогично изображению на Ярославовом серебре и на стокгольмском экземпляре (на подвесках «птица» так же, как и на стокгольмском экземпляре, изображена с глазами), признал их по происхождению русскими[37]. Предположение, что где-то в Бирке или в Росскилле понадобилось кому-то в XI в. (!) подделывать серебро под монету Ярослова Мудрого и при этом писать на нем русскими буквами О ГЕОРГІ, ЯРОСЛАВЛЕ СРЕБРО, лишено, на наш взгляд, всякого здравого смысла. Нет никакого сомнения в том, что стокгольмский экземпляр — русская монета, хотя ее и могли отчеканить за границей по заказу Ярослава Мудрого.

Знак, изображенный на стокгольмском экземпляре и особенно на подвесках, опубликованных Т. Арне, очень напоминает летящую птицу. Впрочем, знаки, нанесенные на монеты Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, также чрезвычайно похожи на изображение летящей птицы: массивная голова, опущенная книзу, острые крылья, короткое туловище, к которому примыкает тонкий хвост (на монетах Владимира), и целостность туловища и хвоста (на монетах Ярослава). Похож на изображение летящей птицы и знак на кирпиче Десятинной церкви (рис. 1, *1*). Отличие последнего от первых в том, что «птица», нанесенная на кирпич, не имеет хвоста. Отметим, что длина крыльев — боковых зубцов на знаках Владимира значительно превосходит длину тела «птицы» — нижнюю половину среднего зубца.

Посмотрим теперь на знаки, изображенные на рис. 1, *11*, *12*. Эти знаки обычно приписывают князьям X—XI вв. Почему-то все исследователи, пытавшиеся расшифровать «загадочную фигуру» не обратили на них никакого внимания. Между тем, эти знаки являются важным связующим звеном при определении сущности «фигуры». На нижней части обоих знаков ясно видна передняя часть головы хищной птицы: длинный клюв, маленькие круглые глаза, обведенные дополнительными кружками, низкий, большой по размерам лоб. Туловище у птицы отсутствует. Над головой ее с левой стороны поднимается крыло — почти точная копия крыльев, изображенных на знаках Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, с правой стороны возвышается крест. Между крылом и крестом имеется какой-то завиток (на другом знаке, рис. 1, *12*, крест без верхнего конца; другой крестик примыкает к клюву птицы). Знаки отличаются друг от друга

[34] И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты..., стр. 72—74.

[35] Там же, стр. 167, 168.

[36] Н. П. Бауэр. Ук. соч., стр. 316, 317; Н. П. Лихачев. Ук. соч., 2, стр. 178, 179, 183.

[37] Т. I. Arne. Ук. соч., стр. 47.

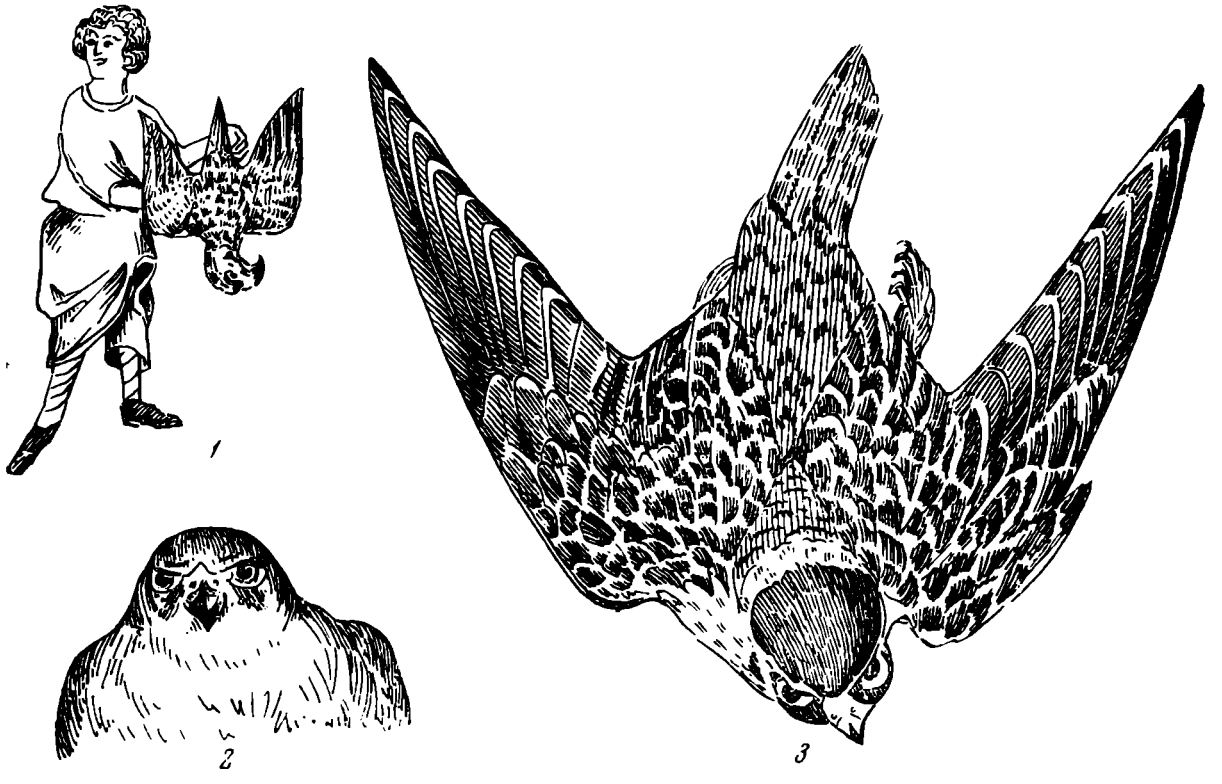


Рис. 2.

1 — сокольник с соколом (миниатюра из охотничьей книги Фридриха II); *2* — голова сокола; *3* — сокол в полете

лишь в мельчайших деталях, сущность их остается одной и той же — изображение птицы.

Передняя часть головы птицы ни в коей мере не напоминает передней части головы голубя. Голубь не имеет такого длинного, возможно, даже слегка загибающегося клюва. У голубя довольно высокая лобная часть, а глаза сильно сдвинуты к бокам. Таким образом, вероятность изображения голубя отпадает. Еще менее похожа голова птицы на голову ворона. А пропорции тела летящей птицы не имеют ничего общего с пропорциями тела летящего ворона. Слабенькие, почти совсем рельефно не выделяющиеся на фоне тела плечи ворона не могут иметь никакого сравнения с могучими плечами птицы, изображенной на рис. 1, *1—6*, *8—10*. Передняя часть головы птицы, изображенной на монетах Рюриковичей, может принадлежать только одному из видов боевых птиц: орлу, ястребу или соколу. Однако и орел, и ястреб обладают «тупыми» и короткими крыльями по отношению к длине своих тел [38], в то время как на монетах Рюриковичей птица изображена с острыми и длинными крыльями. «Фигура», изображенная на монетах Рюриковичей, больше всего напоминает летящего сокола (рис. 2, *3*).

Сокол имеет короткое плотное туловище, большую массивную голову, довольно длинную шею, которая при полете вбирается в плечи, острые и длинные крылья, значительно превосходящие длину тела птицы, короткий мощный хвост, примыкающий к туловищу (иногда он несколько заострен на конце, но чаще оканчивается закруглением в виде лопаточки), который вместе с туловищем образует при полете птицы третий средний зубец «трезубца». Глаза у соколов окаймляются дополнительными кружками, получающимися в результате того, что птица в этих местах не имеет растительного покрова. Ничего похожего ни у ворона, ни у голубя нет. Зато этот признак сокола очень четко зафиксирован на знаках Рюриковичей, изображенных на рис. 1, *9—12*. Основные характерные черты сокола на монетах Рюриковичей X—XI вв. прослеживаются хорошо, хотя нередки и

[38] А. Э. Брем. Жизнь животных. СПб., 1903, стр. 692, 717.

некоторые «излишние» добавления к рисункам в виде крестов, кружков и т. п. Этими добавлениями, так же как и надписями по ободку монет, денежные знаки одного князя отличались от денежных знаков других князей. Сущность же знака, по крайней мере для X—XI вв., оставалась одной — изображение сокола. На кирпиче от Десятинной церкви характерные черты сокола также хорошо прослеживаются.

Сокол на монетах Владимира отличается от сокола на монетах Ярослава тем, что птица изображена в различных ракурсах. На монетах Владимира чеканщик воссоздал птицу, какой она бывает видна, если смотреть за ее пикированием снизу, с земли. Поэтому-то на знаках Владимира не изображены глаза сокола, зато хорошо видны ноги птицы, вынесенные под крылья, а также деление «среднего зубца» на две части — на туловище и на примыкающий к нему хвост. На монетах Ярослава летящий сокол изображен таким, каким он виден, если смотреть на птицу сверху. При таком ракурсе мы не увидим ни его ног, ни деления средней части, зато может видеть глаза птицы.

Знаки, которые исследователи относят к концу XI—XII вв., очень далеки от своего прототипа. На некоторых из них (например, на знаке, который приписывают Всеволоду Большое Гнездо), невозможно найти не только характерных черт сокола, но вообще черт птицы. Трансформированы позднейшие знаки до такой степени, что возникает сомнение: действительно ли это знаки Рюриковичей? Несколько особняком стоит знак, изображенный на древнейшей, по мнению некоторых исследователей русской печати[39]. Он имеется на обеих ее сторонах. Верхний средний зубец у этого знака полностью отсутствует (рис. 1, 7). Надпись на монете не читается. А. В. Орешников, как уже было сказано выше, приписывал этот знак Владимиру Святославичу. Возможно, что нанесенная на печать «фигура» также является изображением летящего сокола, ибо несмотря на недостающие элементы — отсутствие хвоста и задней части туловища,— пропорции тела этой птицы до некоторой степени передаются.

Когда сокол пикирует на свою жертву, задняя часть его туловища и хвост поднимаются кверху, и их далеко не всегда можно увидеть с земли. Поэтому возможно, что в случае с «двузубцем» мы имеем не случайное, а специальное искажение (если это только можно назвать искажением) тела птицы. При рассмотрении знаков Рюриковичей важно учитывать, под каким углом художник решил изобразить летящего сокола.

Однако принадлежность этого знака Владимиру Святославичу крайне сомнительна, ибо почти аналогичный знак (тоже «двузубец») был найден на фрагменте гончарного сосуда XI—XII вв. при раскопках Изяслава (Рогнедина).

* * *

Образ сокола в Киевской Руси употреблялся часто. Если мы обратимся к нашим древнейшим былинам, то увидим, что Вольга обладает способностью оборачиваться то птицей — соколом, то рыбой — щукой, то серым волком[40]. Так же и Волхв Всеславич перевоплощается в волка, в тура «золотые рога», в ясного сокола[41]. Особый интерес вызывает былина «Вольга», записанная А. Ф. Гильфердингом и прокомментированная Б. А. Рыбаковым[42]. В ней рассказывается о борьбе Вольги с Санталом.

[39] Н. П. Лихачев. Ук. соч., 2, стр. 173; В. Л. Янин считает древнейшей русской печатью печать новгородского князя Изяслава Владимировича. Знак на этой печати очень похож на знак, изображенный на кирпиче Десятинной церкви: сокол на нем также не имеет хвоста. В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, 57, 1955, стр. 40.

[40] Былины. I, М., 1958, стр. 318.

[41] Там же, стр. 10, 11.

[42] А. Ф. Гильфердинг. Собрание сочинений. I, СПб., 1884, стр. 247—248; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь (сказания, былины и летописи). М., 1963, стр. 54—58.

«Поезжае Вольга в Волгугород, видела царица нехороший сон: бьется сокол да с черным вороном, перебил сокол да черна ворона. Ясный тот сокол — Вольга богатырь, черный тот ворон — то сам Сантал»[43]. Б. А. Рыбаков убедительно доказал, что эта былина повествует о реальных исторических событиях, которые происходили на Руси во второй половине X в. Вольга — древлянский князь Олег Святославич борется с могущественным варягом Санталом — Свенельдом («черным вороном»[44]). Названия «сокол» и «черный ворон», применительно к этим историческим лицам, по-видимому, не случайны. Древним гербом датчан, как мы уже указывали выше, был ворон, а на монетах киевских князей изображался сокол.

В других былинах Владимирова цикла рассказывается о том, как Илья Муромец и Добрыня Никитич «ходят — гуляют» по синему морю Хвалынскому на «Соколе» — корабле, на который нападают «черные вороны» — в одном случае турки, в другом — татары. После того, как Илья Муромец разбивает врагов, «Сокол» благополучно возвращается па Русь. Турки и татары в данном случае являются позднейшей подстановкой. Во времена Владимира ни те, ни другие не вышли еще на мировую арену. В XII в. «черными воронами» называли половцев, а соколами по-прежнему русских князей. Вероятно, тут сказывалась уже народная традиция называть всех врагов, которые посягали на Русскую землю, «воронами».

В «Слове о полку Игореве» термины «сокол» и «соколич» служат для обозначения князей Рюриковичей — Игоря, Всеволода, Владимира и др. «Не буря соколы занесе через поля широкая, галицы стады бежать к Дону Великому»[45]. Под «соколами» здесь подразумевается «Ольгово хороброе гнездо», а под галицами — половцы, что видно из контекста. После описания поражения войска Игоря певец восклицает:

«О! Далече зайде сокол птиць бья к морю: а Игорева храброго пълку не кресити!»[46]. Бояре говорят Святославу Киевскому: «Уже, княже, туга умь полонила; се бо два сокола слетеста с отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а либо испити шеломомь Дону. Уже соколама крильца припешали поганных саблями, а самаю опуташа в путины железны»[47]. После бегства Игоря из плена (он «полете соколом под мьглами»[48]) Гзак говорит Кончаку: «Аже сокол (Игорь.— *О. Р.*) к гнезду летит, соколича (Владимира. — *О. Р.*) ростреляеве своими злаченьми стрелами»[49]. В «Слове о полку Игореве» даже половцы называют князей Рюриковичей «соколами».

Возникает вопрос: каким образом сокол «залетел» на монеты и печати Рюриковичей, в русские былины, в «Слово о полку Игореве»?. Почему именно сокол, а не орел, не ястреб, не ворон? Сокол не был древним божеством ни у славян, ни у скандинавских народов. Да с принятием христианства ни одному языческому богу и не осталось места в русском религиозном пантеоне, хотя пережитки язычества еще сохранялись долго. Тот факт, что князья из дома Рюриковичей называются былинами и «Словом о полку Игореве» «соколами», говорит за то, что сокол был эмблемой, гербом рода, возглавлявшего феодальную верхушку Киевской Руси. Возможно, что сокол в глубокой древности был тотемом рода, из которого происходила княжеская семья. Следы тотемизма нередко проявляются в культе животных, в геральдике, в фольклоре спустя несколько веков после принятия новой религии.

---

[43] А. Ф. Гильфердинг. Ук. соч., стр. 247, 248.
[44] Б. А. Рыбаков. Древняя Русь..., стр. 55.
[45] Слово о полку Игореве сына Святославля внука Ольгова М., 1954, стр. 4.
[46] Там же, стр. 6.
[47] Там же, стр. 18.
[48] Там же, стр. 32.
[49] Там же, стр. 34.

В. П. ДАРКЕВИЧ

РОМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ИСКУССТВЕ И ИХ ПЕРЕРАБОТКА

В средневековье известный универсализм культуры, в основе которого лежала общность форм идеологии, сочетался с первыми ростками национальных культур и созданием местных художественных центров. Сравнительное изучение культуры романского Запада и домонгольской Руси и исследование взаимосвязей между ними необходимо как для установления закономерностей развития средневековой культуры вообще, так и для выяснения черт своеобразия культуры древнерусской.

Важным источником для изучения этих проблем служат произведения западного прикладного искусства, которые были привезены на Русь [1]. Изучение их сюжетов и стиля помогает определению удельного веса романских элементов в древнерусском изобразительном искусстве второй половины XII — первой половины XIII в.

Действительное значение и удельный вес заимствований в формировании средневекового искусства Европы, пожалуй, до сих пор не получили теоретического обоснования. Дореволюционное искусствоведение приписывало влияниям Востока (Е. Виолле ле Дюк, В. В. Стасов), Византии (Н. П. Кондаков), стран Балканского полуострова (Ф. И. Буслаев), Грузии, Армении, Западной Европы и т. д. едва ли не решающую роль в сложении древнерусского изобразительного искусства. «То Сирия, то Персия, то Малая и Средняя Азия выступают.... руководителями русской культуры» [2]. Зачастую исследователи ограничивались констатацией формального сходства разновременных и удаленных друг от друга памятников без анализа причин их близости. По Н. П. Кондакову, влияние византийской культуры на Руси определялось тем, что «жизнь свежей национальности в соседстве с гражданski развитым обществом направляет всю чуткую восприимчивость ее в сторону заимствования...», в чем якобы и состоит прогресс «варварской» культуры [3]. Тезис о цивилизующей миссии «высших культур» (Н. П. Кондаков) оставался в силе и при изучении романских черт во владимиро-суздальской архитектуре (С. Строганов [4], А. С. Уваров [5], Д. Н. Бережков [6], А. И. Некрасов [7]).

---

[1] В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, Е1-57, М., 1966.

[2] Н. П. Кондаков. Русские клады, I, СПб., 1896, стр. 29.

[3] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, СПб., 1897, V, стр. 48.

[4] С. Строганов. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849.

[5] А. С. Уваров. Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве. Тр. I. АС, I, М., 1871, стр. 252.

[6] Д. Н. Бережков. О храмах владимиро-суздальского княжества (XII—XIII вв.). Тр. Вл. УАК, V. Владимир, 1903.

[7] А. И. Некрасов. Из владимиро-суздальских впечатлений. «Среди коллекционеров», 1924, 3-4, 5-6.

Н. П. Кондаков видел своеобразие владимирских рельефов в слиянии собственно романских и греко-восточных образцов [8], то есть в механическом соединении разнородных элементов. Их отличие от германских и ломбардских объяснялось лишь различием «образцов» и разным временем сравниваемых памятников [9]. Высказанное вскользь важное замечание Н. П. Кондакова о том, что сходство архитектурного декора на больших территориях вытекает из общности «художественно-промышленного движения Средней России и Западной Европы в эту эпоху» [10], осталось нераскрытым. Работы зарубежных исследователей владимиро-суздальской скульптуры ограничиваются в вопросе о влияниях частными сопоставлениями, поисками не всегда убедительных аналогий [11].

То же ошибочное понимание влияний как одностороннего воздействия «высших культур» на «низшие» ведет к преуменьшению роли романских заимствований или полному отрицанию их. Только в последние годы в трудах М. В. Алпатова [12], Н. Н. Воронина [13] и В. Н Лазарева [14] вопрос о проникновении западных мотивов в архитектурный декор Владимира-Суздаля начинает разрабатываться по-новому, с учетом конкретно-исторических условий эпохи. Согласно Н. Н. Воронину романские архитектурные детали были первоначально привнесены мастерами из Германии, призванными Андреем Боголюбским. С другой стороны, в пластике они появились в результате работы местных резчиков по западным «образцам» [15].

Взаимоотношения романского и древнерусского искусства изучены недостаточно. Не выявлена идеологическая основа взаимовлияний (общность средневековой эстетики), не вполне ясен механизм влияний, не определены пути и причины переработки романских мотивов древнерусскими художниками.

Раннесредневековое искусство Европы вплоть до XIII в. обогащалось заимствованиями, комбинируя элементы различного происхождения. «Декоративное искусство средневековья началось с имитации» [16]. Произведения Ближнего Востока и Византии были хорошо знакомы меровингским и каролингским мастерам. Под сильнейшим воздействием восточных моделей (шелковые ткани, керамика, золотые и серебряные сосуды, ларцы из слоновой кости и т. д.) сложился репертуар романской скульптуры XI—XII вв.[17] «Восток отметил искусство XII в. неизгладимым отпечатком». Он «воспитал наших (французских,— *В. Д.*) декораторов XII в., сформировал их интеллект, приучил к симметрии, пробудил в них геральдический гений» [18]. Мифологические звери, восходящие к образотворчеству древних цивилизаций Месопотамии и Ирана: симметричные львы и птицы, стоящие по сторонам «древа жизни», монстры с двойным туловищем и общей головой, птицы с переплетенными шеями — появляются на капителях французских церквей [19]. Романские скульпторы имитировали античные саркофаги, статуи и барельефы [20], находимые в земле украше-

---

[8] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности..., VI, СПб., 1899, стр. 55.
[9] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности..., стр. 33, 47.
[10] Там же, стр. 49.
[11] Fanina W. Halle. Die Bauplastik von Vladimir-Susdal. Russische Romanik. Berlin — Wien — Zürich, 1929; D. B. Buxton. Russian Mediaeval Architecture. Cambridge, 1934.
[12] M. Alpatov. Geschichte der altrussischen Malerei und Plastik. В кн. M. Alpatov, N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932.
[13] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., I, М., 1961.
[14] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. «История русского искусства», I, М., 1953.
[15] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 329. сл.
[16] É. Mâle. L'art religieux du XIII-e siècle en France. Paris, 1910, стр. 66.
[17] M. Aubert. La sculpture français au Moyen-Age, Paris, 1947, стр. 12, 13.
[18] É. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle en France. Paris, 1922, стр. 359, 362.
[19] Там же, стр. 363.
[20] J. Abhémar. Influences antiques dans l'art du Moyen âge français. London. 1937.

ния «варваров», англосаксонские миниатюры и т. д. Та же картина наблюдается и в других странах средневековой Европы.

В романскую эпоху формальные заимствования извне в большинстве случаев определялись не различной степенью культурного развития контактирующих стран, а напротив, универсализмом общеевропейской культуры. Ее целостность вытекала из общности господствующего мировоззрения, которое было по преимуществу теологическим. «...Верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было... необходимым следствием того положения, которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»[21]. Единообразие средневековой культуры облегчало передвижения ремесленников разных специальностей из страны в страну. В Венгрии в XIII в. работали французский зодчий Виллар де Оннекур[22] и золотых дел мастер Вильгельм родом из Парижа, которого Рубрук встретил в ставке хана Мункэ в Каракоруме. В середине XII в. нижнелотарингские литейщики меди были призваны Сугерием для украшения аббатства Сен-Дени. Итальянский скульптор Джованни Пизано работал во Франции[23]. В XI—XII вв. переселенцы из Лотарингии основывали бенедиктинские аббатства в Польше. Изготовлением бронзовых врат из Гнезно руководил маасский литейщик[24]. Невозможно исключать или недооценивать и взаимовлияния культур Западной Европы и Руси, которые, находясь в многообразных связях, никогда не отгораживались друг от друга. Религиозная нетерпимость по отношению к «иноверному» Западу не была характерна для домонгольского времени.

Официальное искусство средневекового города, которое в XI—XII вв. находилось почти всецело в руках духовенства, подчинялось выработанным им эстетическим нормам. С каролингской эпохи считалось, что назначение искусства — отражение трансцендентных божественных идей. Оно должно быть зеркалом исторических, моральных и религиозных истин, находящихся вне чувственного познания. Бесконечно разнообразные формы материи, в том числе образы искусства — только символы абстрактных категорий и событий «священного писания». Для ученого-богослова важно не изучение вещей и явлений, но истолкование скрытых уроков, которые бог вложил в эти «символы», общезначимые для христианских толкователей[25]. Символизм мышления, особенно сильный в XII в., отсутствие концепции природы как конкретной реальности привели к новому (по сравнению с античностью) пониманию формы в искусстве и, следовательно, к изменению методов работы художника. Верность в передаче натуры приносится в жертву абстрактно-идейной значимости произведения. Вместе с падением интереса к природе понижается и умение ее передачи[26]. Уходят в прошлое заботы о живописности сцен и пластичности фигур. Мастер руководствуется теперь не эмпирическим изучением органической и неорганической природы (анатомии человеческого тела, ландшафта и архитектуры, законов перспективы и т. д.), а работает по «образцам», следуя традиционным иконографическим канонам. Увлечение формой как таковой вызывало резкую оппозицию догматически настроенных церковников[27].

[21] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, М., 1956, стр. 360, 361.

[22] A. Darcel. Album de Villard de Honnecourt architecte du XIII siècle. Paris, 1958.

[23] L. Réau. Histoire de l'expansion de l'art français, 3, Paris, 1933, стр. 33.

[24] M. Morelowski. Drzwi ghieźnieńskie, ich związki ze sztuka obca a problem rodzimości. «Drzwi gnieźnieńskie», I, Wroclaw, 1956, стр. 197 сл.

[25] «Видимые формы, созерцаемые либо в природе, либо в святейших таинствах божественного писания, не ради них самих созданы..., но являются образами незримой красоты» (Эригена, IX в.). См. О. В. Трахтенберг. Очерки по истории западно-европейской средневековой философии. М., 1957, стр. 42.

[26] М. Дворжак. Очерки по искусству средневековья. Л., 1934, стр. 84 сл.

[27] Пронизанная символизмом фантазия романских скульпторов все же намного перекрывала требования клира. Глава «теократической партии» во Франции Бернар

При таком идеалистическом понимании задач искусства, при схематизации его форм (локализация цвета и нейтральность фона в живописи, преобладание рельефа в архитектурной резьбе, отсутствие пространственной глубины) необычайно возросла роль наиболее емких по содержанию и яркости образа символических композиций и сюжетов, которые, ограничивая творчество художника, с легкостью переходили из страны в страну, из мастерской в мастерскую, становясь «бродячими». Эта «экспансия» образов придавала искусству раннего средневековья общеевропейский характер. Черпая из источников различного (зачастую иноземного) происхождения, пользуясь установившимися изобразительными формулами, средневековый художник, который заботился не столько о внешнем правдоподобии, сколько о высшем смысле изображаемого, вынужден был говорить на общесредневековом языке. В основе заимствований лежит взращенный христианством антииндивидуализм средневекового искусства, его типизация, обусловленные единством спиритуалистического мировоззрения [28].

Вместе с общей ориентацией средневекового искусства возрастает значение «образцов» (ткани, керамика, драгоценная утварь и украшения, резная кость, миниатюры манускриптов, альбомы образцовых чертежей и т. д.), которыми руководствовался художник в создании нового произведения. Как показывает сравнительное изучение памятников, наши ювелиры и резчики по камню в своей работе охотно пользовались, в частности, и западно-европейскими моделями.

Романские образцы могли воспроизводиться как древнерусскими ремесленниками, так и западными мастерами, приносившими их на Русь. В первом случае модели могли подвергаться коренной переработке, во втором — копии сохраняли значительно больше черт своего оригинала. В определении происхождения прототипов следует руководствоваться как спецификой самого сюжета, так и особенностями его трактовки, сохраненными при воспроизведении.

На серебряном с чернью наруче из Тверского клада 1906 г. в арочку верхнего яруса [29] вписан кентавр (рис. 1, *1*) [30]. Его торс обращен назад. Левая рука поднята кверху, правая с отставленным большим пальцем согнута в локте. Необычность позы станет понятной, если обратиться к изображениям кентавра в романском искусстве. Как воплощение демонических сил он часто предстает в виде вооруженного луком адского охотника. Обернувшись назад, кентавр выпускает стрелу в оленя — символ христианской души (рис. 1, *2*) [31]. Действительно, на браслете в соседней с кентавром арочке помещен олень. Образ духа соблазна, поражающего неосторожное сердце, был чужд местному ювелиру. С выпаде-

---

Клервосский горячо выступал против «странной безобразной красоты» и «красивого безобразия» в убранстве церквей.

[28] Там, где пробуждается интерес к краскам и формам окружающего мира и возрастает роль опыта в познании природы, т. е. вместе с развитием индивидуального творчества, роль влияний («образцов») значительно ослабевает (готика, особенно искусство Возрождения). Теоретики готической эпохи в отличие от романской видели в материально красивой форме выражение духовных преимуществ (см. М. Дворжак. Ук. соч., стр. 119). Скульпторы готических соборов стремятся к раскрытию индивидуальных черт духовной личности. Они вдохновляются растительным миром, который видят вокруг, воспроизводя реальные формы листьев и цветов. Они же предстают как наблюдательные анималисты (см. Е. Mâle. L'art religieux du XIII-e siècle..., стр. 69 сл.). «Мерилом художественного достижения является сейчас не отыскиваемая художественной работой поколений норма, а вновь приобретаемые постоянно наблюдение и опыт. Субъективное становится важнейшим исходным пунктом художественного творчества» (М. Дворжак. Ук. соч., стр. 123).

[29] Возможно, аркатурные пояски, характерные для орнаментации широких браслетов, берут свое начало в романских декоративных аркадах. На эмалевых накладках крышки ларца 1186 г. из Кельна в арочки, как и на браслетах, заключены фантастические звери и птицы (O. Falke, H. Frauberger. Deutsche Schmelzarbeiten des Mittelalters. Frankfurt am Main, 1904, табл. XXI).

[30] Тверской клад 1906 года. ЗОРСА, XI, Птгр., 1915, табл. II, *2*.

[31] R. Julliаn. Les sculpteurs romans de l'Italie Septentrionale. Paris, 1952, табл. XXXIV, *5*.

Рис. 1. Романские мотивы в древнерусском искусстве

1 — серебряный наруч, XII—XIII вв., фрагмент; *2* — капитель собора в Парме, 1117 *3* — изображение барана на стене Дмитриевского собора во Владимире; *4* — костяная шк ка, XII в.; *5* — львинач маска в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском; *6* — питель церкви Сен-Этьен в Тулузе

нием из рисунка «стрел лукавого» композиция потеряла церковно-символический смысл.

Использование романских моделей заметно и во владимиро-суздальской фасадной скульптуре. Западное происхождение обнаруживают «сирены» в виде монстров с человеческим торсом, передними ногами лошади, крыльями птицы и змеиным закрученным в узел хвостом. Одна из них сражается с барсом (Дмитриевский собор, среднее прясло западной стены). «Бегущий» баран (Дмитриевский собор, западное прясло северной стены), возможно, скопирован с костяной шашки XII в., где его поза определялась круглым обрамлением [32] (рис. 1, *3*, *4*). В центре дуги архивольта южного портала Дмитриевского собора помещен персонаж в короне, восседающий на двух сросшихся львах [33]. Возможно, резчик видоизменил и переосмыслил романский оригинал, где был изображен легкий стул, украшенный резными головками львов на концах косых перекладин (faldistorium). Этот тип церемониальных сидений часто воспроизводился на средневековых королевских печатях и миниатюрах. Орнаментация боковых пилястр притворов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, где в сплетающиеся медальоны помещены птицы, львы и фантастические животные, по-видимому, подражает узору на шкатулке конца XII — начала XIII в. [34] (рис. 2). В один из медальонов вписан вооруженный топориком кентавр, как в романской церкви в Обетоне во Франции, где два кентавра сражаются друг с другом [35].

Кроме произведений прикладного искусства, владимирские строители и резчики по камню, по-видимому, использовали альбомы образцовых чертежей и рисунков, подобные единственному дошедшему до нас альбому французского архитектора Виллар де Оннекура (около 1225 г.). Он содержит планы и чертежи зданий, разрезы отдельных архитектурных частей и деталей. Сюда же включены рисунки пропорций человеческого тела как на отдельных фигурах, так и на групповых композициях. Например, группа из двух борцов вписана в круг. Сегменты круга отмечают пропорции членов тела. Равносторонний треугольник, заключенный в круг, определяет основные линии композиции. В альбоме помещены и выполненные с натуры рисунки животных и птиц [36]. Если применение западноевропейских альбомов образцовых чертежей во Владимиро-Суздальской Руси XII в. не может быть доказано, то только при участии западноевропейских зодчих во владимирскую архитектуру времени Андрея Боголюбского могли проникнуть такие романские декоративные детали, как аркатурно-колончатые пояса, пилястры с полуколоннами, цоколи и базы аттического профиля с угловыми рогами — грифами, перспективные порталы, капители западных форм и т. д. Некоторые из таких деталей, став традиционными, проходят через всю историю древнерусской архитектуры, сохраняясь вплоть до XVII в.

В Дмитриевском соборе размещение некоторых рельефов, воспроизводящих западные образцы, соответствует их месту в романской, в частности западнофранцузской, архитектуре (Самсон со львом, борцы и другие). Но если при базиликальном типе романских церквей, где в системе скульптурного убранства основную роль играет портал, они располагались над входом, по сторонам его завершения или в центре дуги ар-

---

[32] O. M. Dalton. Catalogue of the Ivory Carvings of the Christian Era. British Museum. London, 1909, табл. L, *178*.

[33] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 17, *3*.

[34] A. Goldschmidt. Die Elfenbeinsculpturen aus der Romanischen Zeit. XI—XIII Jahrhundert, III. Berlin, 1923, табл. L, 152; O. Falke, E. Meyer. Bronzegeräte des Mittelalters. Berlin, 1935, рис. 164, *C*; Minnekästchen im Mittelalter von Heinrich Kohlhaussen. Berlin, 1928, табл. 5; O. Falke. H. Frauberger. Ук. соч., табл. XXI. Орнаментация подобных ларцов вдохновляла и романских скульпторов. H. Beenken. Romanische Sculptur in Deutschland. Leipzig, 1924, табл. 30.

[35] J. Adhémar. Ук. соч., стр. 181.

[36] A. Darcel. Ук. соч.; Б. Ференци. Очерки по искусству средневековья Франции. Л., 1936, стр. 124—128.

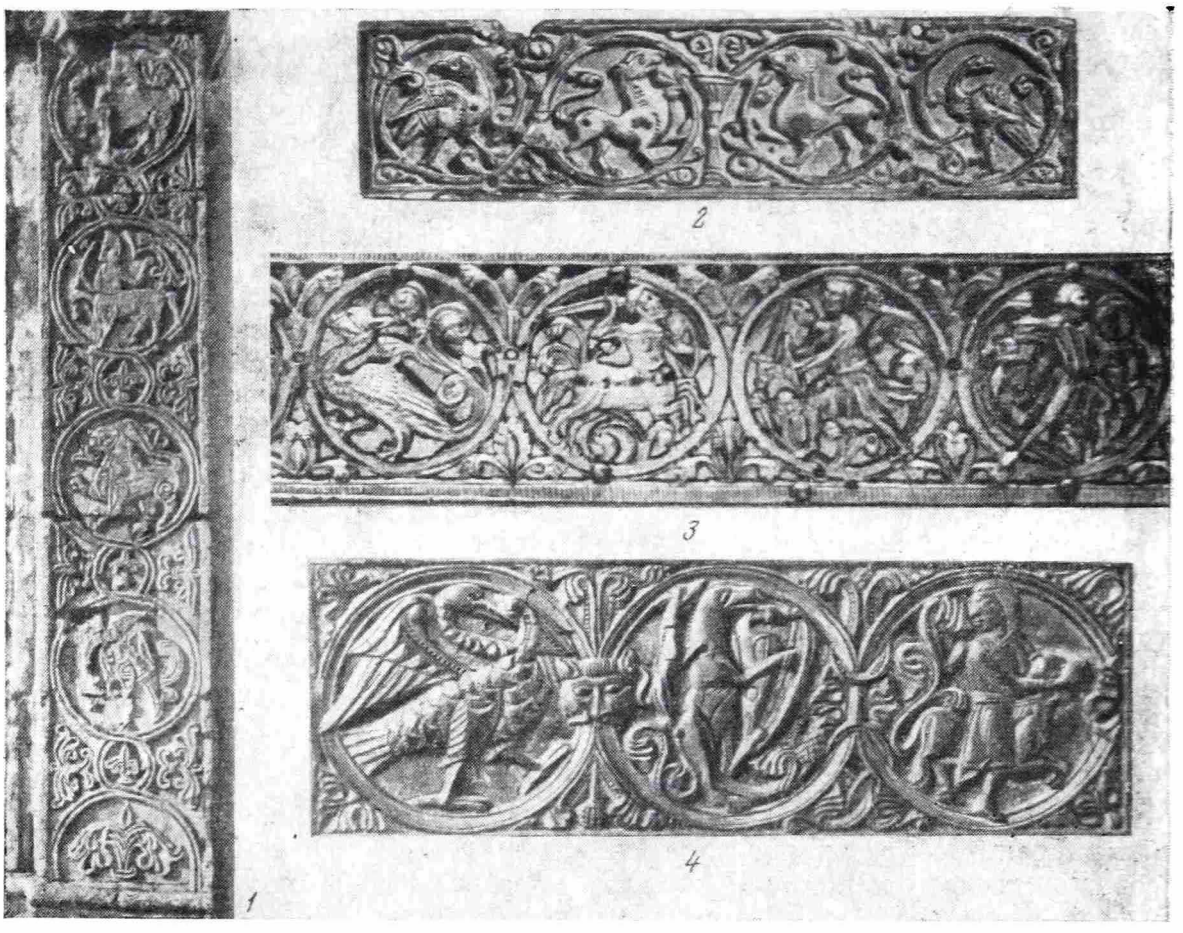


Рис. 2. Романские элементы в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском

1 — пилястра южного притвора Георгиевского собора; *2* — костяная пластинка от ларца, Рейнская область (?), XII в.; *3* — тисненный из золота фриз реликвария работы Николая Верденского, конец XII в., фрагмент; *4* — деревянная шкатулка (боковая стенка), Северная Франция или Рейнская обл., начало XIII в.

хивольта [37], то в Дмитриевском соборе, где смысловые центры тяготеют к закомарам, они помещены по сторонам окон или над ними (рис. 3). Например, поза двух вздыбленных львов с общей головой, очень искусственная в изолированном виде, определялась центральным положением в архивольте романского портала, где эта осевая композиция была сжата идущими по дуге соседними рельефами (рис. 3, *5*) [38]. Таким образом, следуя местной системе декора Дмитриевского собора, резчики, возможно, пользовались каким-то западноевропейским комплектом рисунков и чертежей, где было указано расположение определенных мотивов. Мотив льва с двойным туловищем и общей головой (Дмитриевский и Суздальский соборы) применялся на Западе главным образом в церковной скульптуре. Особенно интересен один рельеф из этой серии (Дмитриевский собор). Он находится на среднем прясле северной стены, справа от окна. Между передними лапами двух львов с общей головой помещена человеческая маска. Это одна из разновидностей излюбленной в романском искусстве сцены терзания львом человека. Композиция представляет собой как бы развертку на плоскости романской капители [39]. При этом голова львов п

[37] J. Baum. Romanische Baukunst in Frankreich. Stuttgart, 1910, табл. 147; R. Bernheimer. Romanische Tierplastik und die Ursprünge ihrer Motive. München, 1931, табл. X, 31; R. Jullian. Ук. соч., табл. XXXIII, 1; Porter A., Kingsley. Romanesque Sculpture of the Pilgrimage Roads. Boston, 1923, т. VII, *962*.

[38] Если на Западе львы как символы духовной бдительности (по «Физиологу») изображались по сторонам портала, во владимиро-суздальской архитектуре они фланкируют окна (Покров на Нерли, Дмитриевский собор).

[39] W. Deonna. Salve me de ore leonis. Revue belge du Philologie et d'Histoire. XVIII, *2*, Bruxelles, 1950, стр. 480, табл. I, *1*.

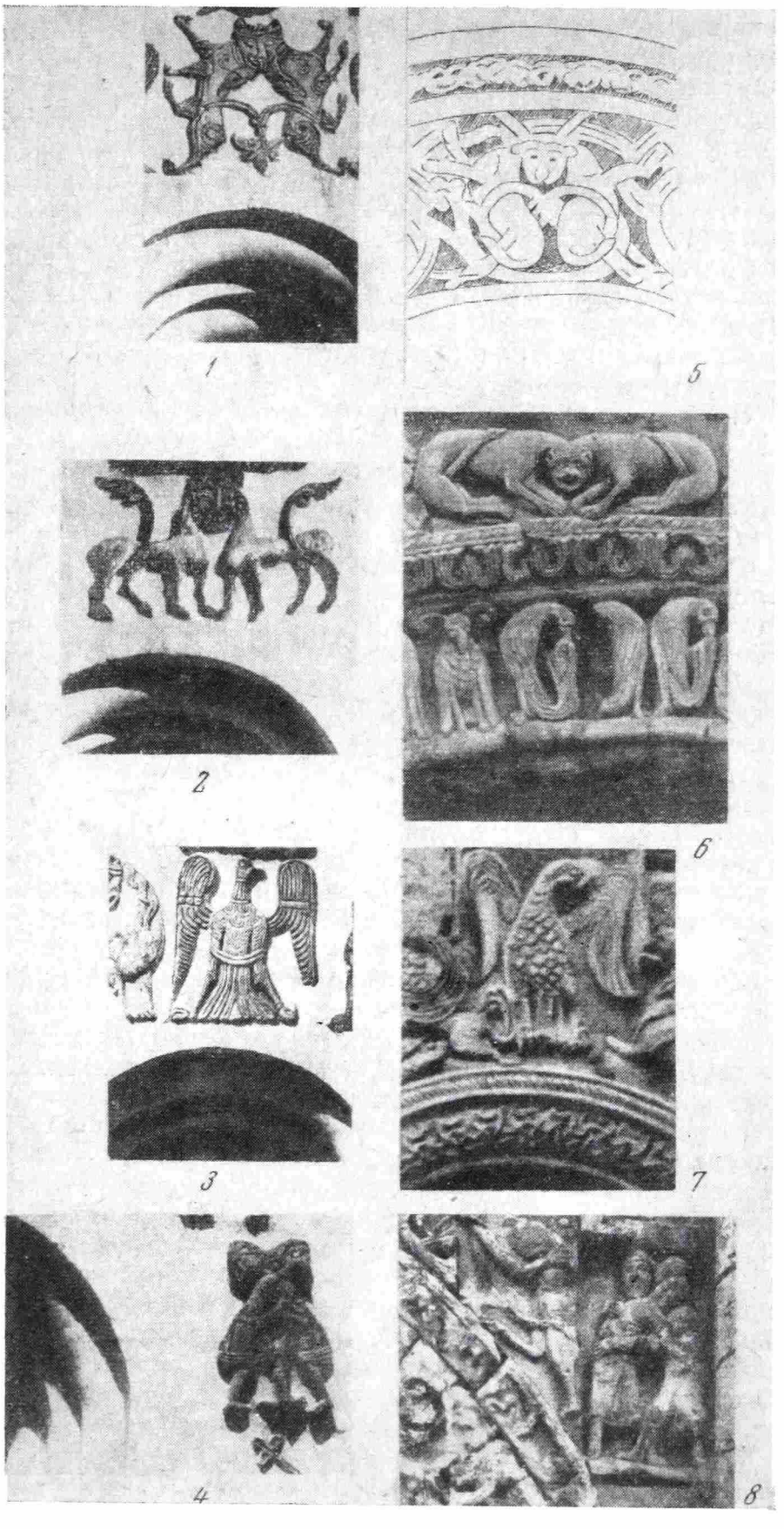


Рис. 3. Мотивы романского происхождения в резьбе Дмитриевского собора во Владимире

1 — два льва с общей головой, западная закомара северной стены; *2* — средняя закомара северной стены; *3* — фронтальный орел, западная закомара южной стены; *4* — борцы, средняя закомара южной стены; *5* — два льва с общей головой, церковь в Лишере (Шаранта, Зап. Франция), западный портал; *6* — Нотр-Дам в Пуатье (Пуату, Зап. Франция), портал; *7* — фронтальный орел, церковь в Форново, XII в. (Эмилия, Сев. Италия), боковой портал; *8* — борцы, Нотр-Дам в Пуатье, портал западного фасада

человеческая маска приходились на ее угол. У львов по одной передней лапе, что на капители создавало иллюзию четвероногих животных. Резчик перенес этот сюжет на стену храма, сохранив все особенности оригинала.

Если памятники времени Андрея Боголюбского в отдельных деталях обнаруживают связь с архитектурой Лотарингии и междуречья Рейна-Эльбы [40], то некоторые особенности резного убранства Дмитриевского собора находят аналогии в памятниках Пуату (западная часть центральной Франции) (рис. 3). Особенность школы Пуату XII в. заключается в обилии скульптурного убранства западного фасада с ярусами аркатурно-колончатых фризов со статуями святых в нишах (собор Сен Пьер в Ангулеме окончен в 1128 г., церковь Нотр-Дам ла Гранд в Пуатье окончена к концу XII в.) [41]. Образ сирены — птицы со змеиным хвостом (Дмитриевский собор) получает с конца XII в. особое развитие во французской скульптуре [42]. Гораздо сложнее выделить романские черты в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Львиные маски с выходящими из их пастей растительными побегами широко применялись в романской скульптуре [43] (рис. 1, *5*, *6*).

Романские декоративные детали в каменном строительстве Владимиро-Суздальского княжества восходят к зодчеству Франции, Лотарингии и Рейнской области. В храмах Новгорода XIV—XV вв. отразились некоторые особенности романской архитектуры Германии и Швеции (украшение апсид тонкими полуколонками, соединенными арочками) и готических зданий Швеции, Готланда и Прибалтики (перспективные порталы со стрельчатыми арками) [44]. Эта дифференциация вызвана различием исторически сложившихся направлений связей с Западом. Однако все сказанное отнюдь не означает возвращения к старой «теории» романских влияний.

Выявление романских мотивов в древнерусском искусстве приводит к выводу, что их формальное усвоение было ограничено как территориально, так и хронологически (вторая половина XII— начало XIII в.). Заимствовались лишь те сюжеты, которые находили почву в идеологии местного общества, где они интерпретировались по-своему. Зодчие «изо всех земель», работавшие во Владимире, следовали русскому типу зданий, внося в них лишь некоторые декоративные детали западного происхождения.

Проникавшие на Русь западные мотивы перерабатывались в местной художественной среде как со стороны формы, так и содержания. Древнерусский художник никогда не ограничивался пассивным копированием или эклектическим сочетанием разнородных элементов. Доля воображения также была велика. Воспринимая, мастер адаптировал модель и в свою очередь творил. Образы иноземного происхождения компонуются по-новому и преобразуются под влиянием иного стиля. Сквозь эту трансформацию с большим трудом распознаются прототипы изображений. Кроме того, при взаимовлиянии разных видов русского искусства заимствованные некогда мотивы множились и варьировались беспредельно, приобретая национальный отпечаток. Вместе с развитием русской белокаменной скульптуры влияние романских «образцов» делается все менее ощутимым. Если оно заметно в резьбе Дмитриевского собора во Владимире, то в уб-

[40] Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 332 сл.

[41] Всеобщая история искусств, II, 1, М., 1960, стр. 258—260, рис. 194. Не исключено, что этот прием скульптурной декорации аркатурно-колончатого пояса возник во Владимире самостоятельно. На северном фасаде Успенского собора 1158—1160 гг. между колонками пояса были открыты фресковые изображения пророков в рост. См. Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 170.

[42] J. Adhémar. Ук. соч., стр. 183.

[43] W. Blankenburg. Heilige und dämonische Tiere. Leipzig, 1943, табл. 37, *57*. Этот сюжет обильно представлен в миниатюрах Франции и Валлонии; M. Morelowski. Ук. соч., стр. 98.

[44] П. Н. Максимов. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XVI веков. «Архитектурное наследство», 12, М., 1960, стр. 36, 37.

ранстве Георгиевского собора в Юрьеве-Польском оно почти не ощущается. Местная интерпретация иноземных моделей происходила в ряде направлений.

1. Создание новых композиций, иное размещение фигур на заполняемой плоскости, определяемое:

а) новым содержанием (переосмыслением) композиции, идейной связью между всеми ее компонентами;

б) требованиями симметрии, т. е. стремлением к устойчивости, стабильности фигур; симметрия может быть смысловой, если между частями композиции существует идейная связь (Александр Македонский, возносящийся на грифонах, Даниил во рву львином), или формальной (орнаментальные осевые композиции двух противопоставленных животных или птиц); в последнем случае удваивание фигур животных может привести к их полному слиянию и созданию сложных «монстров» (двуглавых орлов, парных львов с общей головой и др.);

в) общей системой заполнения декорируемой площади, где отдельные элементы узора подчинены ритму целого. В архитектурном декоре размещение фигур на больших площадях может диктоваться кладкой стены и архитектурными линиями здания (Дмитриевский собор) [45], на частях здания — их формой и конфигурацией. Например, орнамент шкатулки из горизонтального ряда медальонов при воспроизведении на пилястре располагается вертикально. В обрамлении портала изображения следуют по дугам архивольта. На металлических украшениях размещение фигур подчинено форме этих украшений или ритму обрамляющих фигуры орнаментальных мотивов (например, арочек на широких браслетах).

2. Видоизменение иконографии — поз, жестов, пропорций и атрибутов персонажей:

а) при переосмыслении сюжета или при механическом воспроизведении местным мастером непонятой чужой модели (см. пример с изображением кентавра на браслете);

б) при изменении конфигурации полей, заполняемых фигурами; так, тела животных на вытянутых в длину прямоугольных плитах растягиваются, на вытянутых в высоту — сжимаются, приобретая гротескный вид (рис. 4); форма медальона определяет концентрацию композиции (декоративные керамические плитки Галича с рельефными изображениями животных и птиц в кругах), во фризах, наоборот, она растягивается; в тимпанах закомар фигуры уменьшаются от центра к краям, чем подчеркивается важная роль центрального персонажа (Дмитриевский собор во Владимире); вместе с тем древнерусскому искусству не свойственна характерная для романского стиля «тирания» обрамления, то есть полное подчинение поз, жестов и пропорций фигур, их числа и взаимного расположения архитектурным формам (капителям, дугам архивольта, карнизам, тимпанам, колоннам, консолям и т. д.);

в) при переходе от объемных фигур к их плоскостной передаче или наоборот. Парные львы, общая голова которых приходилась на угол капители, при развертке на плоскости превращаются в фантастического монстра (Дмитриевский собор). Рисунок рукописи или гравировка на серебре при воспроизведении в камне получают трехмерность;

г) при реализации изображения в другой технике, когда в зависимости от фактуры обрабатываемого материала изменяется детализация фигур. Имитация в камне более мелкой вещи (образка, костяной шкатулки) ведет к схематизации.

3. Наконец, все сюжеты связываются единством оригинального русского стиля. Такие его особенности, как орнаментальная плоскостность, связь звериных мотивов с плетением, впервые прослеживаются в резьбе по дереву (колонна X—XI вв. из раскопок в Новгороде). В XII — первой поло-

[45] Н. Н. Воронин. Ук. соч., I, стр. 431.

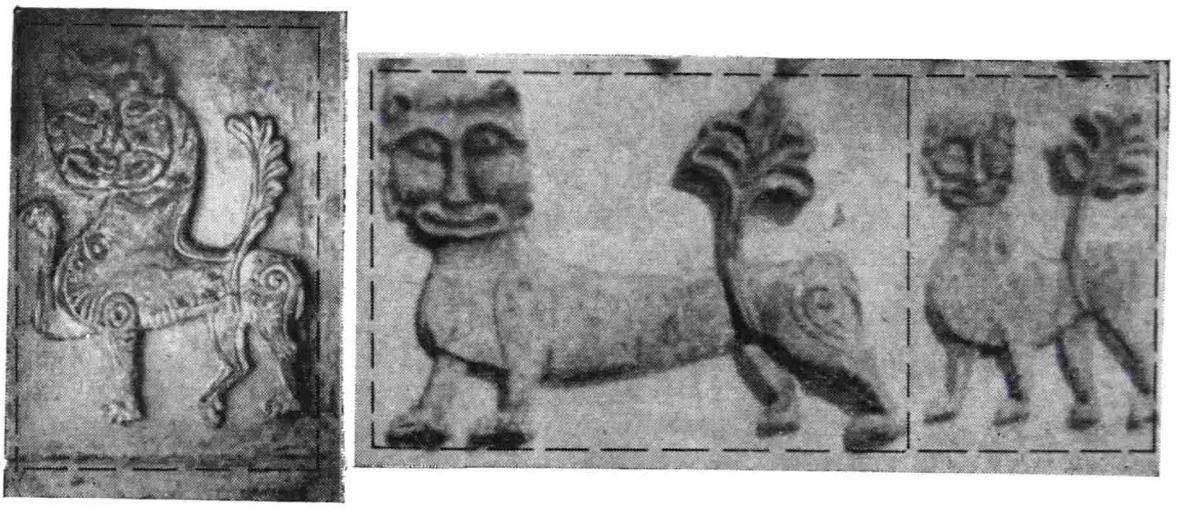


Рис. 4. Влияние формы обрамления на пропорции фигур. Львы в резьбе Дмитриевского собора

вине XIII в. этот стиль проникает в ювелирное искусство, архитектурный декор, живопись, миниатюры рукописей.

а) Отличает этот стиль тенденция к декоративности и плоскостной трактовке фигур, к достижению общего художественного эффекта. Если в романской архитектуре скульптура группируется в определенных частях здания (порталы, капители и т. д.), во Владимиро-Суздальском зодчестве нарастает стремление к упорядоченному заполнению рельефами больших декоративных площадей, что закономерно приводит к сплошной ковровой резьбе [46]. Иногда каменные рельефы раскрашивались [47] или здание облицовывалось разноцветными поливными плитками с рельефными изображениями (храмы Галича) [48]. Условна и орнаментальна разделка туловищ зверей и птиц (обозначение перьев, шерсти, мускулов). В металле это точки или короткие штрихи, в камне — скобковидные концентрические врезы, спиральные завитки (на лапах), чешуйчатый орнамент (на шее), кружки с точкой в центре, сетчатая штриховка и т. д. Шеи перехвачены декоративными обручиками. Крылья разделяются узорной поперечной полоской. Наконец, детализация плоскостно переданных фигур двойным контуром и слияние с геометрическими и растительными плетениями довершают их линейно-орнаментальное оформление [49]. Эта декоративность трактовки сюжетов воплощает древнерусское понимание прекрасного как нарядного, красочного, узорчатого.

б) Как и в литературе XII—XIII вв. (особенно в «Слове о полку Игореве»), в изобразительном искусстве нарастает тенденция к слиянию всех форм органического мира (переданных в условной стилизованной форме). Человеческая фигура переходит в растение или опутывается им. Звери и птицы чередуются со стилизованными деревьями, размещаются на их ветвях или укрываются под развесистой кроной. Иногда ветви растений завершаются головами животных (Георгиевский собор), хвосты и крылья птиц и фантастических зверей переходят в пальметки или пыш-

[46] Н. Н. Воронин. Ук. соч., I, стр. 432.

[47] Ипатьевская летопись, 1259 г. ПСРЛ, II, СПб., 1908, стлб. 844.

[48] В. К. Гончаров. Археологічні дослідження древнього Галича у 1951 р. АП, V, 1955, табл. II.

[49] А. С. Гущин. Древнерусский звериный орнамент. (Тезисы). Л., 1928. Та же тенденция к орнаментальности отличает древнерусскую монументальную живопись второй половины XII—XIII в.; В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, стр. 59—61, 72; Н. Н. Воронин. Ук. соч., стр. 492, 493. В миниатюрах новгородских рукописей расцвет тератологических плетений приходится на XIV в. По сравнению со стилем домонгольского времени здесь нарастают тенденции к абстрагированию, зооморфные и человеческие формы растворяются в причудливой игре линий. См. А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 43.

ные растения. Иногда стебли вырастают из пастей животных или из зева львиной маски. Деревья образуют ось композиции из симметричных животных.

Иносказательным языком орнамента здесь как бы провозглашена созвучная (но не тождественная) языческому мировоззрению пантеистическая концепция природы как источника неувядаемой красоты. В XII—XIII вв. в городской культуре все большее звучание получают светские жизнеутверждающие тона. Особенно привлекает полный «многих красот» чувственный мир с его «озерами многими, реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями чудными, зверьми различными и птицами бесчисленными...» («Слово о погибели Русской земли») [50].

Этому пониманию природы не противоречило и учение восточного христианства, которое впитало элементы неоплатонизма [51]. В отличие от ортодоксального католицизма, резко противопоставлявшего грозного карающего бога греховному миру, оно устанавливало гармоническую, неразрывную связь между богом и материальным миром как его творением [52]. Созданная для человека природа универсальна и гармонична. Все ее звенья — люди, животные, растения — одинаково значительны и взаимосвязаны [53].

Чуждое узко-сословной идеологии восприятие природы во всем ее многообразном единстве сливается с народным миропониманием. Эта общность эстетических взглядов древней Руси (а не пережитки язычества как религии) объясняет близость городского искусства второй половины XII — первой половины XIII в. духу народного творчества. «... В резном уборе Георгиевского собора не только получила ясное выражение церковная тема, но и резко усилились народные, русские черты. Они сказались в фольклорном переосмыслении образов звериной орнаментики, в сказочной фантастике бесконечно разнообразного узорочья...» [54]. На той же основе в феодально-аристократическую культуру проникают элементы народной культуры, например, дружинная литература заимствует формы устной народной поэзии.

Указанные особенности стиля развиваются с XII в. вместе с постепенным оформлением эстетических идеалов древней Руси [55]. Их синтез и наивысшее проявление находим в резьбе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1234).

Коренная переработка западных моделей определялась прежде всего различием идеологических концепций, лежавших в основе романского и древнерусского искусства. Эти различия легче всего выявляются на примере «звериного» декора, развитого художниками высокого средневековья.

Тенденция к орнаментальности отличает древнерусскую пластику от романской, где фантастические образы ввиду повышенной экспрессивности и натуралистической передачи произвольно комбинируемых элементов тел приобретают видимость реальности. Это правдоподобие вымысла особенно характерно для «звериной» орнаментики, которая во многом определила облик романского искусства XII в. В древнерусском декоре плоскостные профильные фигуры зверей и птиц статичны. Напротив, романские мастера «создали целый мир ужасных существ, но они их представили так правдоподобно, что их монстры кажутся жившими в доисторическую эпо-

---

[50] Сб. «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков». М., 1957, стр. 253.

[51] М. В. Алпатов. Всеобщая история искусств. I. М.— Л., 1948, стр. 307.

[52] В. Н. Лазарев. Мозаики Софии Киевской. М., 1960, стр. 17, Fanina W. Halle. Ук. соч., стр. 62, 63.

[53] Это отражено в Поучении Владимира Мономаха. ПВЛ, М.— Л., 1950, стр. 357.

[54] Н. Н. Воронин. Владимир. Боголюбово. Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 316.

[55] К. В. Шохин. Проблема прекрасного в эстетических воззрениях древней Руси (XI—XIII вв.). Сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья». М., 1961.

ху [56]. Растительные и геометрические мотивы играют здесь только подчиненную роль.

Сознание человека, создателя этих химерических форм, находилось под гнетом апокалипсических видений конца света, веры в могущество сил зла. В западном христианстве в XI—XII вв. большое звучание получает дуалистическая доктрина, согласно которой в мире идет нескончаемая борьба духа и плоти, светлых сил церкви и Христа с воинством Сатаны. Мир возникает и существует в результате борьбы двух противоположных начал. В этот период вера в сильных и влиятельных бесов становится всеобщей [57]. Романский художник, кругозор которого был зачастую замкнут стенами монастыря, мыслил себя в окружении многообразных демонов, нередко принимавших звериный облик. Эти образы экстатических грез бесконечно многолики, как и преследующие человека силы зла: войны, неурожаи, голод, опустошительные эпидемии. Романская фауна, порожденная изощренным воображением, хотя во многих случаях не поддается конкретному объяснению, верно отражает умонастроение эпохи, когда религиозность временами доходила до исступления. Гибридные уродливые существа окружают человека, опутывают его, человеческие и звериные деформированные члены образуют странные сочетания. Как и в западноевропейских житиях святых, драматическая борьба с могущественным миром нечистой силы — лейтмотив романского изобразительного искусства.

В соответствии с дуалистической концепцией мира животные романского бестиария делятся на воплощающих силы добра: Христа, церковь, богоматерь, добродетели и на персонифицирующих дух зла: Сатану, пороки [58]. При безраздельном господстве церковной догмы, когда естествознание превратилось в одну из отраслей богословия, животные и приписываемые им свойства (зачастую курьезные) служили лишь общеупотребительными символами христианских догматов и нравственных качеств. Этим объясняется огромная популярность на Западе «Физиолога» и бестиариев, в которых «соединяются античная наука, самая несовершенная, и христианское толкование, самое спорное» [59]. Образы символических животных использовали с дидактической целью в церковной литературе, проповеди, изобразительном искусстве, которое питалось теологическими построениями (скульптура, живопись, литургическая утварь).

Таким образом, как и в средневековой философии, в романской тератологии сосуществовали два основных направления: мистическое и схоластическое, четкой грани между которыми, впрочем, не было.

Мир романских чудищ был чужд древнерусскому искусству. Сам характер русского православия не мог способствовать развитию демонологии в домонгольское время. Не устрашение именем бога, не подавление сознания нездешней грандиозностью или чудовищностью образов, не приверженность к спекулятивно логическим рассуждениям схоластов, а стремление тоньше проникнуть в миропонимание народа, сделать культ близким и понятным ему, то есть как бы низвести на землю неизменно милостивое к людям божество — вот методы древнерусских церковников. На Руси церковная теория дьявола не могла стать столь популярной в народе, как на христианском Западе. Бес занимает место рядом с мелкими и безобидными божествами народного пантеона. В русских сказках он лишен всяких признаков демонического духа зла и ада [60]. Сюжеты, которые на Западе

[56] É. Mâle. L'art religieux du XIII-e siècle..., стр. 43.

[57] Демонология, развившаяся на почве дуалистического мировоззрения, особенно распространяется на Западе после 1000 года — даты предполагавшейся гибели мира. См. Д. Н. Егоров. Культурная история средних веков. М., 1918, стр. 152 сл. Чудовищный образ Сатаны, созданный монахами-скульпторами в XI в., достигает особой выразительности в романском монументальном искусстве XII в. É. Mâle. L'art religieux du XII-e siècle..., стр. 370—372.

[58] L. Réau. Iconographie de l'art chrétien, I, Paris, 1955, стр. 78.

[59] É. Mâle. L'art religieux du XIII-e siècle..., стр. 66.

[60] Н. М. Никольский. История русской церкви. М., 1930, стр. 40.

воплощали силы князя тьмы, при переходе в русскую орнаментику теряют это зловещее значение. В переработке русского ювелира кентавр лишается атрибутов адского стрелка. Лев с человеческой головой в когтях (олицетворение дьявола) превращается в Дмитриевском соборе в декоративный мотив, затерявшийся среди других рельефов. В резьбе Дмитриевского собора находим и «складкогласных» сирен романского бестиария, которые в соответствии с их демонической природой изображены с хвостом змеи. Здесь, лишенные первичного символического содержания, они вкраплены в общую декоративную плоскость стены.

Все сказанное не означает того, что скульптурные мотивы Владимиро-Суздальской Руси были полностью лишены символического содержания, но символизм их был несколько иного рода.

В домонгольской Руси не мог получить развития тот церковный зоологический символизм, который расцвел на Западе с его изощренностью теологической мысли, где схоластическая проповедь охотно пользовалась символическими образами Библии и Физиолога. Физиолог, хотя и был известен на Руси, вероятно, уже в X—XI вв., широкого распространения в домонгольское время не получил, именно ввиду своей иносказательности. Дошло ничтожное число списков русского Физиолога. Он не был переработан, как на Западе, в бестиарии, сильно раздвинувшие рамки Физиолога [61]. В древнерусском искусстве XII—XIII вв. отсутствует большинство баснословных и реальных животных, связанных со сказаниями Физиолога: слепая ящерица, которая ищет сторону, где восходит Солнце (как грешник ищет помощи у бога); пеликан, питающий птенцов своей кровью (символ жертвенной смерти Христа); птица феникс, которая возрождается из пепла (символ воскресения). Нет и других представителей «божьего зверинца»: единорога, ласки, бобра, гиены, ежа, лисы, черепахи, обезьяны и т. д. В тех случаях, когда изображено животное, известное и Физиологу, его теологический смысл никак не подчеркнут. Лев не оживляет дыханием мертвых львят (образ воскресения), олень не пьет из источника (символ души, тянущейся к богу), орел не возносится к солнцу (символ вознесения). Не обнаруживают связи со сказаниями Физиолога такие сюжеты, как слоны, сирены, кентавры, павлины.

В отличие от могущественной церковной теократии Запада церковь в домонгольской Руси занимала подчиненное положение по отношению к княжеской власти, которая была сильнее и в хозяйственном и в организационном отношении [62]. Церковная идеология в этот период не претендует на подчинение себе светской культуры, не противопоставляет себя ей. Напротив, в религиозной оболочке (в литературе и изобразительном искусстве) массам прививаются актуальные политические идеи, направленные на усиление княжеской власти, как это было, например, во Владимиро-Суздальской земле. Во владимирской пластике христианские композиции наполняются, в сущности, светским содержанием. Св. Георгий — патрональное изображение великого владимирского князя Георгия Всеволодовича [63] — держит щит, на котором высечен лев — эмблема суздальских князей. В различных христианских композициях Георгиевского собора проводилась идея божественного патроната суздальским князьям [64]. Драконы у подножия «Святославова креста» могли означать иноверцев: болгар, побежденных в походе 1220 г.[65] и т. д. Образы хищных животных и птиц,

[61] А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, стр. 30, 31; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 42.

[62] Н. М. Никольский. Ук. соч., стр. 46.

[63] Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора. СА, 1961, 3, стр. 92.

[64] Г. К. Вагнер. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964.

[65] Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. СА, 1962, 1, стр. 148.

постепенно кристаллизующиеся в геральдические эмблемы, символизировали силу и могущество князей [66].

Таким образом, мы вправе заключить, что в процессе становления древнерусского искусства XII — начала XIII в. мотивы романского стиля играли известную вспомогательную роль на правах своего рода «общесредневекового языка». Их усвоение несомненно способствовало выходу владимиро-суздальской архитектуры и скульптуры на мировую арену. Но, как и во всяком средневековом обществе, эта вспомогательная роль обуславливалась и строго ограничивалась внутренними потребностями местной культурной жизни. Все так называемые романские мотивы, по существу, были органической частью собственно древнерусской художественной культуры.

---

[66] В отличие от церквей и дворцов княжеского строительства монастырские храмы Владимира на Клязьме полностью лишены резного декора, в том числе и звериного. См. Н. Н. Воронин. Зодчество..., I, стр. 432.

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

БЕЛОРУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. [1]

Реформаторская деятельность Александра II начала его царствования продолжалась недолго. Ссылкой Н. Г. Чернышевского на каторгу (1862), подавлением польского восстания 1863 г. и разгромом «Земли и воли» (1864—1866) в России открылся период нового террора, закончивший «эпоху великих реформ». Началась «задавленная беспросветная подобострастно-покорная жизнь, жизнь пресмыкающаяся, запуганная и забитая грубой авторитарностью... послушная окрику свыше» [2]. Пришедшая на смену дворянской новая мыслящая разночинная интеллигенция начала поиски выхода. Более революционно настроенная ее часть открыла эпоху «хождения в народ», менее действенная и более созерцательная ушла с головой в науку. В результате на конец XIX и начало XX в. падает расцвет русской дореволюционной научной мысли.

Стремясь укрепить монархический патриотизм, правительство стало больше поощрять изучение отечественных древностей, но по-прежнему с оговорками. «Восстановление древних памятников и храмов,— писал царю К. П. Победоносцев,— важное дело. Но еще важнее устройство церквей для удовлетворения первой потребности бедного непросвещенного народа...» [3]. В 70—80-х годах в России начинается пора интенсивных раскопок, многочисленных археологических открытий. Если раньше вся археологическая деятельность падала лишь на три центральных учреждения: Русское археологическое общество (основано в 1846 г.), Археологическую комиссию (основана в 1859 г.) и Московское археологическое общество (основано в 1864 г.), то теперь создается сеть таких обществ в провинции [4]. Кроме обществ чисто археологических возникают близкие к ним церковно-археологические (например, при Киевской духовной академии — с 1873 г.) и др. К раскопкам обращаются также губернские архивные комиссии и частные лица. Создается Археологический институт в Петербурге (1877), а в целях организации раскопок Археологическая комиссия получает право выдачи Открытых листов (1889). В Москве по постановлению городской думы (1874) на Красной площади строят Исторический музей.

После подавления Польского восстания 1863 г. в Западно-русском крае началась интенсивная русификация. Правда, М. Н. Муравьев был смещен (1865), но его политическая линия еще долго не умирала. Некоторые изменения наметились при генерал-губернаторе А. Л. Потапове (1868—

[1] Настоящая статья является продолжением ранее напечатанной (Л. В. Алексеев. Очерк истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х гг. XIX в. СА, 1967, 4).

[2] Т. Манн. Слово о Чехове. Собр. соч., X, М., 1961, стр. 519.

[3] Письма Победоносцева к Александру III, II, М., 1926, стр. 177.

[4] Общество любителей Кавказской археологии (1873—1881 гг.), ОАИЭ при Казанском университете (с 1878 г.), Псковское археологическое общество (с 1880 г.) и др.

1874). Вопиющее положение дел в крае потребовало от него принятия некоторых оздоровительных мер.

Была введена строгая законность, сменен полностью муравьевский аппарат, удалены приглашенные им, но не оправдавшие надежд виленский губернатор И. А. Шестаков и попечитель округа П. Н. Батюшков, муравьевская ревизия Виленского музея была объявлена ненаучной и вредной, 256 изъятых предметов[5] ему были возвращены, а для управления разгромленным музеем в 1871 г. была назначена особая Временная комиссия[6]. Как и следовало ожидать, в Петербурге вскоре решили, что такое изменение политики нежелательно[7], и в 1870 г. А. Л. Потапову было предложено изменить установленный им курс[8], а в 1874 г. он был переведен в Петербург. Возвращенный в Вильно П. Н. Батюшков провел ряд реакционных мероприятий, возобновил «русификацию» Виленского музея, передав «польскую» часть коллекции в Москву[9].

В эпоху Александра III (1881—1894) реакция в стране особенно усилилась. В Западном крае по-прежнему насильственно насаждалось православие. Политика русификации теперь представляла строго жестокую, последовательно-реакционную систему, применяемую правительством равномерно во всех национальных окраинах. Посетив Полоцк и Витебск в 1887 г., К. П. Победоносцев обратил внимание царя и на древности. Однако не уникальные памятники XI—XII вв. привлекли внимание царского сановника, а Николаевский и Успенский соборы XVIII в., «замечательные громадностью и красотой... размера»[10]. Насильственная русификация Западного края и поиски в нем всего русского имели лишь ту положительную сторону, что в крае оживились архивные поиски, и Виленская археографическая комиссия, основанная в 1864 г., смогла издать 39 томов, Витебский центральный архив — около 30 томов и т. д.[11].

В 70-х годах в Белоруссии формируются отдельные музеи и производятся незначительные по охвату раскопки. Краеведческая жизнь пульсирует лишь все в тех же трех центрах западнорусских губерний: Вильно, Минске и Витебске. В Могилевской и особенно в Гродненской губерниях она ощущается гораздо менее[12]. С 70-х годов в Минске начала формироваться и коллекция Г. Х. Татура, составившая позднее большой частный музей. Официальный археолого-этнографический музей минского статистического комитета был организован в Минске при доме губернатора, по-видимому, тоже в 70-х годах. Во всяком случае в 1878 г. он уже существовал[13]. Позднее, в 80-х годах, неоднократно поднимался вопрос о создании в древнейшем городе Белоруссии Полоцке археологического кружка или даже общества, однако, несмотря на усиленные ходатайства А. М. Сементовского, организовано оно все же, по-видимому, не было[14]. Помимо музеев интерес к древностям побуждает к устройству археологических выставок (в Минске Художественно-археологическая выставка 1871 г., там же — частная выставка 1880 г., где демонстрирова-

[5] Л. В. Алексеев. Очерк истории белорусской археологии..., стр. 159 сл.

[6] Циркуляр по Виленскому Учебному Округу. Вильно, 1871, 9, стр. 337—340.

[7] С. Невединский. Катков и его время. СПб., 1888. стр. 281, 282.

[8] А. В. Никитенко. Дневник, III, М., 1956, стр. 445.

[9] Каталог отделения древностей Московского публичного и Румянцевского музеев. а) Древности христианские. б) Коллекция Виленского музея. М., 1906.

[10] Письма Победоносцева..., стр. 154. Вспомним, что К. П. Победоносцев много занимался историческими исследованиями (К. П. Победоносцев. Исторические исследования и статьи. СПб., 1876) и, по свидетельству знавших его, был самым образованным и культурным русским государственным деятелем! (С. Ю. Витте. Воспоминания, III, М., 1960, стр. 59).

[11] В. И. Пичета. Белоруссия и Литва. М., 1961, стр. 420 сл.

[12] На обе эти губернии правительством вообще обращалось, по-видимому, меньше внимания. Там долго не открывались, например, народные училища. И. Корнилов. Русское дело в С/З крае. СПб., 1901, стр. 89.

[13] Мин. ГВ, 1878, № 4—11, 13.

[14] Вит. ГВ, 1886, № 73; «Минский листок», 1886, № 59; «Древности», XII, М., 1888. протоколы, стр. 54.

лись в изобилии материалы раскопок Г. Х. Татура, и др.) [15]. Есть сведения о раскопках в Белоруссии в конце 60 — начале 70-х годов Яна Завиши, более известного своими палеолитическими исследованиями в Малой Польше [16]. Это был первый археолог в Белоруссии, занявшийся специально раскопками городищ: у дер. Кухтичи Игуменского у. [17] (1868—1869), городище и каменные могилы на оз. Свитязь и городище у дер. Чурилово в Игуменском у. и у дер. Зборск Бобруйского у. [18]

В 70-х годах начинается самостоятельная археологическая деятельность в Белоруссии известного археолога Н. М. Турбина [19]. Исследования белорусских курганов он начал с Быховского у., где обнаружил, между прочим, уникальную монету Владимира Святого [20], вел исследования в Заславле под Минском и раскопал интересные курганы на южной границе кривичей у дер. Дымово (совр. Шкловский р-н) [21]. Помимо археологии Н. М. Турбин интересовался нумизматикой, был основателем и первым председателем Московского нумизматического общества, изучал укрепления Псковского кремля [22]. Сам он публиковал мало, но его материалы, широко представленные в ГИМ, имеют большое значение для науки.

В это же время выделяются имена М. Ф. Кусцинского, Г. Х. Татура и Р. Г. Игнатьева. М. Ф. Кусцинский [23], однокашник графа А. С. Уварова по университету, начал свою деятельность с верховьев Волги, Двины и Днепра, как считалось, прародины кривичей, где в общей сложности раскопал не один десяток курганов и исследовал два городища. Ему же принадлежат первые раскопки Гнездовского могильника. В последующие годы исследователь обратился к курганам Лепельского уезда и составлял археологическую карту [24]. Подобно Тышкевичам М. Ф. Кусцинский вел дневники раскопок, которые затем передавал в Московское археологическое общество. Вещи из раскопок также передавались музеям [25]. «Изучив фотографическое искусство, как вспомогательное средство для археоло-

[15] «Древности», т. III, М., 1873, протоколы, стр. 322, 323; Мин. ГВ, 1880, № 16.

[16] Stefan Nosek. Zarys historii badań archeologicznych w Malopolsce. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, стр. 31, 36, 39 и др.

[17] Slownik geograficzny, IV, Warszawa, 1884, стр. 838. Подробнее — «Biblioteka Warszawska». 1871, IV, стр. 40—48; его же. Poszukowania archeologiczne w Czurylowskiej puszczy. Там же, 1871, IV, ч. 10, стр. 40, 43—50.

[18] Jan Zawisza. Mereczawskie okopisko i jesioro Świtiez. «Biblioteka Warszawska», 1872, III, 9, стр. 444, 445.

[19] Николай Матвеевич Турбин (1832—1913), профессионал-военный, во время службы в Минске и Могилеве увлекся археологией и производил многочисленные раскопки курганов в Белоруссии. Родился в г. Ельце. Окончил Павловский кадетский корпус в Петербурге и Академию генерального штаба. В западнорусских землях служил в Вильно, в Минске, Могилеве и Двинске. В 1878 г. был избран действительным членом МАО, а в 1913 г.— почетным членом Общества изучения Могилевской губернии (ИМАО в первое пятидесятилетие своего существования, II, М., 1915, стр. 370, 371).

[20] «Древности», IV, М., 1874, протоколы, стр. 51, 52; VIII, М., 1880, протоколы, стр. 33, 34, 37.

[21] Н. М. Турбин. Раскопки 1885 г. «Древности», XI, 2, М., 1886, стр. 83—86; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 47.

[22] Н. М. Турбин. О кладе монет Михаила Федоровича, найденном в Можайском у. «Древности», XI, 2, М., 1886, протоколы, стр. 228; его же. Городская стена в Пскове. Там же, стр. 227.

[23] Кусцинский Михаил Францевич (1828—1905) — белорусский археолог. После Виленского дворянского института окончил юридический факультет Петербургского университета. Под влиянием своего товарища по факультету А. С. Уварова начал заниматься раскопками (с 1852 г.). С 1855 г. поселился в лепельском родовом имении (Завидичи), где стал собирать археологическую коллекцию. Между 1860 и 1890 г. занимался раскопками главным образом в Витебской губ. «Виленский Вестник», 1960, № 12; М. Ф. Кусцинский. Опыт археологических исследований в Лепельском уезде. Вит. ГВ, 1865, № 20; его же. Заметка о находках в Витебской губ. в курганах с сожжением. Тр. I АС, 1871, стр. XX—XXVI; его же. Из заметок о курганах Лепельского у. Пол. ЕВ, 1903, № 7, стр. 232—235.

[24] Есть сведения о посылке такой карты в ОЛЕАЭ (ИОЛЕАЭ, XXVII, М., 1878, стр. 316, 317).

[25] Отчет Витебского губ. статистического комитета за 1889 г. Витебск, 1890, стр. 11—13.

гии», он впервые в Белоруссии начал составлять фототеку памятников старины Витебской и смежных губерний, куда предполагал ввести фотографии курганных вещей частных коллекций (К. П. Тышкевича и др.) [26]. Однако в какой степени был осуществлен этот замысел, осталось неизвестным. Им также изучались Борисовы (или Двинские) камни [27]. К 1878 г. М. Ф. Кусцинский раскопал в Белоруссии и в соседних землях 100 курганных насыпей [28]. Приходится жалеть, что почти полное отсутствие публикаций обесценило материал для науки.

Иными причинами объясняется исчезновение результатов раскопок другого коллекционера-любителя, члена Минского статистического комитета Г. Х. Татура (ум. в 1907 г.) [29]. Он собирал древности с 14 лет, но относился к ним своеобразно. По свидетельству В. И. Срезневского, осмотревшего коллекцию Г. Х. Татура в 1907 г., последний скупал за бесценок все попадающиеся древности, оставляя себе то, что относится к Белоруссии, прочее же продавал наивным любителям втридорога [30]. В приходно-расходных книгах, которые Г. Х. Татур вел с завидной тщательностью, В. И. Срезневский видел записи о тысячных продажах и здесь же о грошовых выручках от продажи... старых калош! Этот своеобразный человек, одержимый страстью коллекционера, крайне ограниченный и научно невежественный [31], занимался еще и раскопками. По его вине в Белоруссии пропало для науки много сотен (судя по скудным и суммарным описаниям) превосходных курганных захоронений [32] и много частных коллекций, купленных и перепроданных Г. Х. Татуром куда-то. Так погибла, например, замечательная коллекция К. П. Тышкевича из Логойска. Г. Х. Татур обладал несомненно большими, хотя и специфическими знаниями археологических древностей Белоруссии, которые он предполагал со временем обобщить в «особом, значительных размеров сочинении» [33]. Рассылая по Минской губернии специальные анкеты [34], он составил археологическую карту Минской губернии [35]. Г. Х. Татур сделал наблюдение, что по течению Березины распространены курганы конусообразной, остроконечной формы, там же, а также по верхнему течению р. Птичи

[26] Тр. I АС, М., 1869, стр. XX, XXI.

[27] Там же, стр. XXI сл.

[28] ИОЛЕАЭ, XXVII.

[29] Мне не удалось собрать какие-либо достоверные сведения о Г. Х. Татуре. Судя по тому, что, по одним свидетельствам, он собирал древности с 14 лет, по другим — занимался этим в течение 30 лет, а наиболее ранний год его раскопок — 1874 (Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск, 1892, стр. 87), можно полагать, что раскопочно-коллекционерская деятельность заняла не всю его жизнь. Так как никаких сведений о ней нет после IX АС, можно полагать, что критика деятельности Г. Х. Татура на этом съезде и уничтожающая критика его книги в печати («Этнографическое обозрение», СПб., 1894, стр. 178—180) заставили «исследователя» в 90-х годах прекратить раскопки.

[30] З. І. Даугяла. Матар'ялы аб музеі Г. Х. Татура у Менску. Запіскі аддзела гуманітарных навук, 8, Менск, 1929, стр. 554.

[31] Познания Г. Х. Татура в области археологии были столь примитивны, что многие типично дреговичские курганы (например, в им. Полелеевка) он относил к бронзовому веку и не соглашался с возражениями специалистов. По его мнению, курганы бронзового века отличались от железного наличием «позумента» и отсутствием бус (Известия IX АС, 14, Вильно, 1893, стр. 2), а также трупоположением в яме, в то время как в железном веке труп якобы клали на поверхность земли (К. К. Случевский. По северо-западной России, II, СПб., 1897, стр. 514). Выставки, устраивавшиеся в Минске из материалов Г. Х. Татура, носили анекдотический характер. Демонстрировался, например, картофель из «кургана бронзовой эпохи». Там же.

[32] О количестве раскопанных им курганов можно судить по следующим цифрам: в 1891 г. он раскопал 120 курганов (по 60 в м. Дулебы и Негониничи Игуменского у.), в 1892 г.— 40 (дер. Станьково Минского у.), в 1893 г.— также 40 (им. Прилуки того же уезда). А. П. Смородский. Девятый археологический съезд. Минск, 1893, стр. 8.

[33] Г. Х. Татур. Очерк..., стр. 263.

[34] Анкета: Минский губернатор, 1882, 30 сентября. «Минской губернии волостным писарям и учителям народных училищ волостей Минской губернии». Минск, 1882.

[35] Г. Х. Татур. Очерк..., стр. 264.

встречается форма четырехугольной и усеченной пирамиды, «треугольная форма пирамиды очень редка, замечена только на правом берегу Березины, в Игуменском уезде», а «валики (т. е. длинные курганы.— *Л. А.*) встречаются только у верховьев Березины» [36], в чем он был абсолютно прав. Без сомнения, Г. Х. Татур хорошо знал погребальный обряд различных местностей, места с наибольшим количеством вещей в курганах, однако, по понятным причинам, этого не осветил. Знал он и городища в Минской губернии: «В самом большом количестве и самые замечательные укрепления,— писал он,— находятся по течению Березины и притоков ее, особенно с правой стороны, среди озер у верховьев этой реки в северной части Борисовского уезда и среди болот довольно редки и менее сильны. Следуя вверх по течению р. Случи, они снова встречаются в большом количестве и в более представительных размерах» [37].

В начале 90-х годов деятельность Г. Х. Татура распространилась и за пределы Минской губернии. Несмотря на свое католическое вероисповедание, Г. Х. Татур получил в Св. Синоде Открытый лист на оказание содействия его деятельности по «церковной археологии», проник в Витебскую губернию и, представившись губернатору и архиерею, приступил к безвозмездному изъятию из церквей всего наиболее ценного в археологическом отношении. В результате, «когда А. П. Сапунов и Е. Р. Романов посетили витебские церкви с целью отобрать для учреждавшегося церковного археологического музея предметы старины, то убедились, что их труд значительно облегчил Татур...», все самое ценное им было вывезено [38].

Собственная коллекция Г. Х. Татура, оцененная в 200 тыс. рублей (!) и содержащая кроме археологической части уникальную библиотеку, не была завещана городу. После смерти ее владельца (1907) отчаянные письма преподавателя минской семинарии Д. В. Скрынченко не спасли коллекцию. Московское археологическое общество, сославшись на отсутствие его председателя графини П. С. Уваровой, отказалось от покупки, известный собиратель Щукин был болен, Исторический музей предложил купить только отдельные предметы [39], а Академия наук выделила лишь тысячу рублей за библиотеку, оцененную А. А. Шахматовым в семь раз дороже. В результате все было продано на сторону [40]. Лишь незначительная часть вещей из раскопок Г. Х. Татура случайно сохранилась в двух шкафах канцелярии Минского статистического комитета [41]. Стоит ли говорить, что «обобщающий труд» этого псевдоученого, изданный им к IX археологическому съезду, был написан на крайне низком научном уровне [42]. Попытки систематизировать памятники в нем смешны, а отсутствие конкретных описаний курганных комплексов, рисунков и карты совершенно его обесценивает [43]. Лишь несколько наблюдений автора, хорошо знавшего курганы губернии, представляют некоторый интерес.

На антропологической выставке 1879 г. в Москве раскопки Минского статистического комитета представляло новое, еще не встречавшееся нам

[36] Г. Х. Татур. Очерк..., стр. 30.

[37] Г. Х. Татур. Археологическое значение Минской губернии. ПКн. МинГ. на 1878 г., II, Минск, 1878, стр. 112.

[38] П. М. Красовицкий. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение. «Полоцко-Витебская старина», I, Витебск, 1911, стр. 34.

[39] «Минская старина», I, Минск, 1909, стр. 7.

[40] З. І. Даугяла. Ук. соч. Коллекция была куплена неким Владиславом Тышкевичем из-под Вильно (им. Красный Двор), якобы для «Виленского музея искусств и наук». Дальнейшая судьба ее пока неизвестна. Часть коллекции Г. Х. Татура (между прочим, коллекция знаков масонских лож) попала в публичную библиотеку Вроблевских в Вильно (E. Chwalewik. Zbiory polskie, II, Warszawa, 1927, стр. 482). Есть сведения, что коллекция позднее была продана в Германию (Працы I зьезда дасьледчыкаў..., Менск, 1926, стр. 21).

[41] Памятники старины. Газ. «Минское слово», 1909, № 775.

[42] Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск, 1892.

[43] Ср. рецензии на кн. Г. Х. Татура в «Виленском вестнике», 1892, 252; в «Этнографическом обозрении», 1894, 3, стр. 173—180 и др.

лицо, известное, правда, тогда по историко-археологическим изысканиям в других губерниях[44]. Это был Р. Г. Игнатьев, приглашенный в 1877 г. переведенным в Минск бывшим уфимским генерал-губернатором В. И. Чарыковым[45]. Заняв должность редактора Минских Губернских Ведомостей и став членом Минского статистического комитета, Р. Г. Игнатьев ревностно приступил к изучению края. В том же году начали выходить его статьи по местному краеведению[46]. Он изучает древности города и округи, копает курганы; ему, ученику А. Е. Варламова, окончившему к тому же Парижскую консерваторию, ассигнуют специальные средства для сбора музыкального фольклора в белорусских деревнях[47]. Однако широким замыслам исследователя — пройти «плугом науки» по «невозделанному белорусскому полю» — сбыться было не суждено. Неблагоприятная обстановка, сложившаяся вокруг Р. Г. Игнатьева в Минске, вынудила его через три года возвратиться в Уфу. Все же широта его интересов, серьезная увлеченность исследованием и научное трудолюбие, выразившееся в многочисленных публикациях, обеспечили Р. Г. Игнатьеву довольно заметное место в белорусском историческом краеведении.

Среди местных краеведов начиная с конца 70-х годов стал выделяться образованием, эрудицией и стремлением к научной работе учитель радомской женской гимназии Л. С. Паевский[48]. Позднее как член Московского археологического общества он участвует в работах VIII (1893), IX (1895), X (1897) и XV (1911) съездов. На IX и XV съездах он выступает с чте-

---

[44] Мин. ГВ, 1879, № 18, стр. 278; № 19, стр. 20.

[45] Игнатьев Руф Гаврилович (1829—1886) — архивист, этнограф, археолог, музыкант и композитор. Окончил Лазаревский ин-т восточных языков в Москве и консерваторию в Париже. Обладая исключительно разносторонними дарованиями, сочетающимися со светлым умом и подвижностью мысли, Р. Г. Игнатьев был глубоким знатоком народной музыки, отличным певцом, а также в совершенстве владел фортепьяно и еще четырьмя инструментами (ИМАО за первые 25 лет существования. М., 1880, стр. 303—305). Собирая музыкальный фольклор, увлекся древностями и археологией. Служа в Старой Руссе, а затем в Уфе, был тесно связан с ИАО и МАО, членом которого одно время даже состоял (Записки ИАО, IV, СПб., 1852, перечень заседаний, стр. 5, 29, 31). Опубликовал сведения о курганах Новгородской губернии (Новг. ГВ, 1853, № 11, 12, 34, 49, 1854, № 1, 2) и подготовил материалы для археологической карты Оренбургского края (ИАК, 5, СПб., 1903, стр. 65—69). В 1877—1879 гг. служил в Минске, написал большое число работ по местному краеведению. Всего из-под его пера вышло свыше 500 статей историко-археологического содержания (см. предисловие В. Витебского к посмертной работе Р. Г. Игнатьева «Башкир Салават Юлаев», ИОАИЭКУ, XI, 2, стр. 147—158).

[46] Р. Г. Игнатьев. Хроника событий Минской губернии. Мин. ГВ, 1877, № 23, 24 (издание было продолжено посмертно Мин. ГВ, 1892, № 20, 21, 23, 25—29, 31—35, 40); его же. Археологическое обозрение церквей г. Минска. Там же, 1877, № 13, 15—22, 24, 34—36, 41—44, 46, 50; его же. Раскопки курганов в м. Заславле Минского у. Там же, 1877, № 49—51, 1878, № 24—27; его же. Курганы и городища Минской губернии. Там же, 1878, № 51, 52; 1879, № 1—8, 10, 11, 14, 17, 18; его же. Местечко Заславль. Там же, 1878, № 1, 2; его же. О памятниках древности Минской губ. ИОЛЕАЭ, XXXV, М., 1879, 3, 1, стр. 221—223; его же. О памятниках народного творчества Минской губ. Там же, 1880, XXXV.

[47] Мин. ГВ, 1879, № 18. Таким образом, А. Н. Пыпин ошибается, считая, что первый опыт записи белорусской песенной музыки принадлежит Зинаиде Радченко. З. Радченко. Сборник малорусских и белорусских песен Гомельского уезда, вып. 1. СПб., 1881; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, IV, СПб., 1892, стр. 162, прим.

[48] Лев Семенович Паевский (1852— 1919) — краевед и историк белорусских древностей. Родился в г. Люблине, в бедной семье. Окончил духовную семинарию, где и был оставлен преподавателем истории. Став священником (этот сан давал возможность получить небольшой земельный надел), перевелся в Белоруссию, где служил в Гродненской губернии (Радоме, Янове, с. Щитниках, г. Слониме и т. д.). Живя постоянно среди народа, всегда интересовался его жизнью, а за «опасные» беседы с населением был даже неоднократно оштрафован. Организовал «подвижные» школы (каждый день в другой хате), которые «при своей бездомности и беспатентности (были) не хуже любой народной школы в здешнем крае» (из письма Л. С. Паевского к В. П. Кулину от 15 III 1887.— И. П. Корнилов. Русское дело в северо-западном крае. СПб., 1901, стр. 236). Умер в 1919 г. в Тифлисе.

нием рефератов [49]. Его перу принадлежит свыше 18 работ на различные, главным образом археолого-исторические темы [50]. После X археологического съезда Л. С. Паевский решился и на собственные раскопки [51]. Будучи членом Уваровской археологической комиссии, Л. С. Паевский в 1904 г. ездил по ее поручению в Тверь, где проводил изыскания в архивах [52]. В Белоруссии Л. С. Паевский способствовал восстановлению древних архитектурных памятников и, в частности, реставрации известной башни XII в. в г. Каменце [53].

К 80-м годам относятся первые работы крупнейших белорусских ученых-краеведов А. П. Сапунова и Е. Р. Романова. По подсчетам Н. Дорофеенко, за 10 лет — с 1883 по 1893 г.— А. П. Сапуновым [54] было опубликовано четыре тысячи книжных страниц, что составляет 250 печатных листов! [55]. Крупнейшим предприятием ученого было издание документов по истории Витебщины, задуманное в шести томах («Витебская старина»), и огромный труд «Река Западная Двина». По плану автора, первый том «Витебской старины» должен был охватить историю Витебска, второй — Полоцка, третий — различных городов Витебщины (Велиж, Невель и др.), четвертый (в двух частях) — историю Полоцка в период господства Грозного (1563—1580) и Полоцкого и Витебского воеводств в период правления царя Алексея Михайловича (1654—1667), пятый — историю Витебщины в период воссоединения униатов с православными в 1839 г; в шестом предполагалось представить синтез из предыдущих томов. Как видим, издание было задумано широко, средства же на его осуществление добывались А. П. Сапуновым главным образом преподавательской и литературной деятельностью [56], тираж был невелик (500 экз.), и не удивительно, что из печати вышло всего три тома [57]. Несмотря на некоторые недостатки, это издание не потеряло своего значения и до сего дня. В книге «Река Западная Двина» впервые начинают встречаться указания на археологические памятники [58]. Как известно, специально раскопками А. П. Сапунов не за-

---

[49] Л. С. Паевский. Жировицкий и Брестлитовский архивы. Тр. IX АС, I, М., 1895, стр. 299—308; его же. Город Брест-Литовск и его древние храмы. Там же, стр. 309—349; его же. Сближение старой Литвы с древним Новгородом. Тр. XV АС, I, 3, М., 1914, стр. 176.

[50] Л. С. Паевский. О церквах брестской капитулы начала 2-й половины XVIII в. Вильно, 1887; его же. Из поездки в Москву на VIII Археологический съезд. Гродно, 1893; его же. Наши провинциальные архивы и их значение для западнорусского края. Гродно, 1894 (Значительная часть работ Л. С. Паевского погибла у него в Каменце при пожаре 1893 г.). В сборе сведений о Л. С. Паевском автору помогали Т. Л. Гайдукевич (дочь Л. С.) и особенно А. В. Паевская (внучка), которым автор крайне признателен.

[51] ОАК за 1898 г. СПб., 1901, стр. 93, 173; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1898—177. Раскопки в Брестском уезде Гродненской губ.

[52] Л. С. Паевский. Церковь Белой Троицы в Твери (исторический очерк). Эту книгу в Москве разыскать не удалось.

[53] Материалы семейного архива Паевских.

[54] Алексей Парфеньевич Сапунов (1852—1924) — крупнейший историк и краевед Витебщины. Родился в небогатой семье в м. Усвят. Окончив Петербургский университет (1873), был оставлен В. И. Ламанским при кафедре. Став учителем древних языков в Витебской мужской гимназии (1879), 45 лет трудился в области народного просвещения. В 1897—1901 гг. работал в Московском университете, а затем снова в Витебской гимназии. В 1901—1917 гг.— секретарь Витебского губ. стат. комитета. Член Государственной думы третьего созыва от партии октябристов (М. М. Бойович. Члены Государственной Думы. Третий созыв (1907—1912). М., 1910, стр. 28). В 1917—1921 гг.— преподаватель, а затем профессор (с 1913 г.) Витебского отделения Московского археологического ин-та. В 1918 г.— зав. губернским отделом статистики. В 1923/24 г. читал курс лекций по краеведению в Витебском высшем педагогическом ин-те (Ил. Барашка. Алексей Парфеньевич Сапуноў (некролог). «Сав. Беларусь», 1924, № 231; Н. Дарафеенка. Выдатны гісторык Віцебшчыны. «Віцебскы рабочы», 1957, 26 июля).

[55] Н. Дарафеенка. Выдатны...

[56] В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, стр. 425.

[57] А. П. Сапунов. Витебская старина, I, Витебск, 1883; IV, Витебск, 1885; V, Витебск, 1888.

[58] А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, стр. 372 и др.

нимался, но относился к археологии с большим интересом [59]. Совместно с Е. Р. Романовым он составлял археологические анкеты, неоднократно публиковал сведения о городищах и курганах, открыл новые Борисовы камни, а также собирал археологическую коллекцию [60]. В последующие годы издательская деятельность А. П. Сапунова перестала быть столь интенсивной, однако значение его работ для развития интереса к Витебщине было по-прежнему велико.

Рис. 1. Е. Р. Романов

6 сентября 1901 г. министр внутренних дел обратился к губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам с циркуляром, воспрещающим «разрушать остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности», и возложил на них обязанности по надзору. «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство,— говорилось далее в циркуляре,— составить и доставить мне точный список имеющихся во вверенной Вам губернии таковых памятников с приложением подробных их описаний и указаний о том, когда и кем памятники сооружены, на чей счет и в чьем ведении находятся, на какие средства поддерживаются» и т. д. В ответ на это требование министра А. П. Сапуновым была опубликована в виде приложения к «Памятной книжке Витебской губернии на 1903 г.» отдельная работа о древних памятниках Витебской губернии [61]. Позднее появилась его брошюра о древней церкви Ильи Пророка в Витебске [62] и др. А. П. Сапунов работал над описанием некоторых белорусских архивов, над списком населенных мест Витебской губернии, продолжал публиковать документы, связанные с историей Витебщины, занимался историей Витебского статистического комитета [63]. Последний год своей жизни (1924), потеряв зрение, А. П. Сапунов диктовал свою работу «История Витебска», которая не была закончена и вышла уже посмертно.

Археологическая деятельность другого крупного белорусского ученого — Е. Р. Романова (рис. 1) [64] еще ждет своего описания. Здесь мы можем

[59] Е. Р. Романов. Раскопки в им. Каховка Витебского уезда. «Древности», XVI, М., 1900, стр. 80.

[60] Е. Р. Романов и А. П. Сапунов. Список вопросов для составления археологической карты Витебской губернии. Вит. ГВ, 1790, № 5; [А. П. Сапунов]. Археологические находки в Виленской губернии. Вит. ГВ, 1894, № 81; Отчет Витебского губ. стат. комитета за 1890 год. Витебск, 1891, стр. 14, 15.

[61] А. П. Сапунов. Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск. 1903.

[62] А. П. Сапунов. Церковь во имя св. пророка Ильи в Витебске. Витебск, 1904.

[63] А. П. Сапунов. Архивы в городах Могилевской губернии и в Минске. М., 1902; его же. План г. Витебска. Памятная Книжка Витебской губернии на 1905. Витебск, 1905; его же. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906; его же. Исторический очерк 50-летия Витебского Губернского Статистического Комитета. Витебск, 1913.

[64] Романов Евдоким Романович (1855—1922) — крупнейший белорусский краевед, фольклорист, этнограф и археолог. Родился в с. Белица Гомельского у. По окончании Гомельской прогимназии (1870) служил народным учителем в Оршанском и Сенненском уездах и уделял много времени белорусскому фольклору и этнографии. Став инспектором народных училищ Витебской (1886—1894), Могилевской (1895—1906) и Виленской (1907—1914) губерний, продолжал те же занятия и занимался раскопка-

отразить ее весьма кратко. Краеведением Е. Р. Романов начал заниматься с 17 лет — с начала своей трудовой деятельности. Он сразу завязывает связи с северо-западным отделом Русского географического общества в Вильне, которому поставляет различные этнографические сведения [65]. Став учителем уездного училища в г. Сенно Могилевской губернии (1876), Е. Р. Романов приступает к составлению белорусского словаря и белорусской грамматики и в 1877 г. знакомит с результатами этой деятельности Академию наук в Петербурге [66]. В 70-х годах он приступает к раскопкам и разведкам [67]. Уже его первые археологические статьи обнаруживают широту знаний по археологии Белоруссии и соседних земель. В 1886 г. началась двадцатилетняя служба Е. Р. Романова в Витебске в качестве инспектора народных училищ. Работая над «Белорусскими сборниками» (первый вышел в Киеве в 1886 г.), исследователь продолжает занятия археологией. В 1886 г. в разведках он открывает новый Борисов камень XII в., приступает к составлению археологической карты Могилевской губернии, материалы для которой он собирал в предыдущие годы [68]. В 1887 г. им проводятся раскопки в ряде уездов Могилевской губернии [69]. Продолжая исследования Могилевщины и в следующем, 1888 г.[70], Е. Р. Романов вырабатывает свой метод исследования курганов. Раскопки производились «самым медленным способом,— пишет он,— послойною съемкою земли. В малых курганах снимался один слой в половину высоты, в больших — два, каждый в треть высоты. Затем с С. и Ю. сторон площади в расстоянии одного аршина от краев прокапывались траншеи В-З через весь курган, глубиною до материка. Потом рабочие, стоя в траншеях, срезывали или, вернее, соскабливали тонкими слоями насыпь до могилы...» [71]. Конечно, современному исследователю такой способ раскопок курганов не кажется правильным, так как не позволяет изучить историю возведения памятника, однако вспомним, что еще в 20-х годах нашего века курганы копались колодцами. Успешные исследования Е. Р. Романова в области археологии позволили ему тогда же баллотироваться и быть избранным в члены-корреспонденты Московского археологического общества [72].

В конце 80-х годов на окраине г. Люцина при земляных работах был открыт принадлежавший древним латгаллам знаменитый Люцинский могильник, вещи из которого начал скупать местный обыватель Фохт. «Эта коллекция сделалась известной неутомимому исследователю Витебской губернии... Е. Р. Романову, который принял немедленные меры к охранению Люцинского могильника от произвольных раскопок и затем по поручению ИАК приступил к его систематическому исследованию, что и выполнено было им с совершенным успехом»,— писал А. А. Спицын, публикуя результаты раскопок [73]. Люцинским могильником Е. Р. Романов занимался два года (1890—1891), вскрыл площадь в 812 кв. сажень, на которой обнаружил 293 погребения. Двукратные работы на Люцинском могильнике в 1891 г. не помешали Е. Р. Романову провести в том же году раскопки курганов в имении А. П. Сапунова [74]. Ко времени организации IX археоло-

ми. В последние годы (1914—1922), тяжело заболев, продолжал работать, но публиковал уже мало. Умер в крайней нужде. В. К. Бандарчык. Е. Р. Раманаў. Минск, 1961.

[65] В. К. Бандарчык. Еўдакім Раманавіч Раманаў, стр. 68.

[66] Там же, стр. 70.

[67] В. Н. Майнов. Описание черепов из курганов Витебской губернии (раскопки Е. Р. Романова). ИОЛЕАЭ, XXXI, М., 1878—1879, стр. 118—119; Вит. ГВ, 1884, № 78.

[68] Е. Р. Романов. Борисов камень в с. Высоком Городце Сеннинского у. Мог. ГВ, 1886, № 42; «Древности», XIII, М., 1889.

[69] «Древности», XII, М., 1888, стр. 55.

[70] Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 году. «Древности», XIII, М., 1889, стр. 129—153.

[71] Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губ., стр. 130.

[72] «Древности», XII, М., 1888, протоколы, стр. 72.

[73] Люцинский могильник. МАР, 14, СПб., 1893, стр. 1—3.

[74] О раскопках курганного кладбища в им. Каховка, произведенных Е. Р. Романовым, см. Вит. ГВ, 1891, № 70; «Древности», XVI, М., 1900, протоколы, стр. 71—80.

гического съезда Е. Р. Романов приобрел большие знания археологических древностей Витебской и Могилевской губерний [75]. В течение ряда лет он составлял археологическую карту Витебской губернии, которую должен был представить IX археологическому съезду [76]. Исключительно ценные материалы были получены исследователем при раскопках в Спицах, Вядце, Лукомле, Закурье, Черцах Сенненского уезда [77], но полной публикации их также не последовало. Переехав в Могилев в 1895 г., Е. Р. Романов продолжал прежние работы, но археологии уделял внимания несколько меньше. Он по-прежнему занимался составлением археологических карт Могилевской, Витебской, а с 1894 г.— и Гродненской губерний [78]. В печати получили освещение археологические раскопки Е. Р. Романова могилевского периода в Мигове (1895), у Лукомля (1898), в им. Чирчине (1899), в Брусневичах (1900), в Радомле (1903), а также у Нов. Быхова и по Днепру [79] (1905). Не устарели до наших дней и результаты разведок ученого в Могилевской губернии [80].

С переездом в Вильно (1907) условия сложились так, что Е. Р. Романов не мог уделять много времени археологии и тем более производить раскопки [81]. Однако ежегодно из-под его пера выходили статьи, отражающие накопленный им в прошлые годы материал [82]. Наиболее важная археологическая работа этого времени, вышедшая в 1908 г., содержит сведения о городищах и курганах в Белоруссии, указывает их число по губерниям и т. д. Статья эта не потеряла значение и до наших дней [83]. Работая в Вильне, Е. Р. Романов организовал третий в своей жизни церковно-археологический музей (1910), куда передал оставшуюся у него археологическую коллекцию. С возобновлением деятельности северо-западного отдела ИРГО (1910 г.), где он был избран заведующим секцией этнографии и археологии, Е. Р. Романов получил возможность несколько активизировать свою полевую деятельность и выехать в ряд мест для археолого-этнографических работ (м. Здитов Виленского у., дер. Камень Вилейского у.). Однако возникшие материальные трудности заставляют его искать другой деятельности. Он пытается переехать в г. Петриков (Польша), но подорванное здоровье и неожиданная болезнь (инсульт с параличом ног) заставляют его вернуться в Вильно (1911), где он остается до 1914 г. и продолжает работать над VIII и IX «Белорусскими сборниками». По подсчетам В. К. Бондарчика, в виленский период (1907—1914) Е. Р. Романов напечатал 34 работы по этнографии, фольклору и археологии Белоруссии [84].

---

[75] Е. Р. Романов. Заметка о дополнительных местонахождениях (Приложение к протоколу 5 заседания ВОМК). Тр. ВОМПК, Вильно, 1892; Вит. ГВ, 1892, № 18.

[76] Материалы карты Е. Р. Романова частично просочились в печать. А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893, примечания № 202, 206, 247; К. Т. Аникиевич. Сенненский у. Могилевской губ. Могилев, 1907, стр. 60—65 и др.

[77] Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении З. Двины. Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 289—291.

[78] В. К. Бандарчык. Еудакім Раманавіч Раманаў, стр. 110; Е. Р. Романов. Очерки Витебской губернии. Витебск, 1898.

[79] Е. Р. Романов. Раскопка в Мигове. Гродн. ГВ, 1895, № 42; его же. Археологические находки. Мог. ГВ, 1898, № 38—41; его же. Раскопка в им. Чирчине. Мог. ГВ, 1899, № 37 ; его же. Пробная раскопка в Брусневичах Могилевского уезда 15—16 июля 1900 г. Мог. ГВ, 1900, № 59, 60; его же. Две археологические разведки, Мог. ГВ, 1903, № 76; ИАК, 9, СПб., 1904, стр. 46, 47; ИАК, 18, СПб., 1906, стр. 24.

[80] Археологические разведки в Могилевской губернии. Зап. С/З ОИРГО, 2, Вильно, 1912, стр. 33—63.

[81] В. К. Бандарчык. Ук. соч.

[82] Е. Р. Романов. Краткие указания для совершения археологических экскурсий. Циркуляры Виленского уч. округа. Вильна, 1909; его же. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки С/З отд. ИРГО, 1, Вильна, 1910, стр. 97—128; его же. Археологические разведки в Могилевской губ. Там же, 3, Вильна, 1912, стр. 33—63 (о работах 1905 г.).

[83] Е. Р. Романов. Старина доисторическая в Северо-Западном крае. Виленский календарь на 1908 год. Вильно, 1908.

[84] В. К. Бандарчык. Ук. соч., стр. 147.

Конец жизни Е. Р. Романова напоминает трагический конец А. К. Киркора. После второго инсульта Е. Р. Романов при приближении фронта к Вильно был эвакуирован в Одессу (1914), где напечатал труд, в который вошли некоторые предыдущие работы. Уволенный в 1916 г. со службы, в поисках работы он переезжает в Витебск, затем в Могилев, а затем в Ставрополь, где пишет свою последнюю работу о говорах Могилевской губернии, вышедшую посмертно (1928). В Ставрополе ученый оказался в особенно тяжелом положении. Попытка Наркомпроса БССР вывезти его в Минск (1921) [85] не удалась, и он умер в Ставрополе, где погиб и его архив.

Археология западнорусских земель, в частности Белоруссии, получила особенно сильное развитие в начале последнего десятилетия XIX в., когда Московское археологическое общество провело подготовку к IX археологическому съезду в Вильно. Подробное изучение работы съезда — особая тема. Здесь мы остановимся только на той стороне работы этого съезда, которая непосредственно касалась Белоруссии. Вся громадная работа по подготовке IX съезда была поручена Виленскому отделению Московского предварительного комитета под председательством А. П. Тыртова и при непосредственном участии неоднократно приезжавшей в Вильно П. С. Уваровой. На 16 заседаниях отделения (1891—1893) были решены все вопросы, связанные с организацией предсъездовских археологических исследований в Западном крае. По предложению П. С. Уваровой, отделением была образована специальная комиссия для разработки систематического плана раскопок, «имеющих производиться для Виленского съезда в течение 2-х лет». Комиссия должна была определить задачи раскопок и разработать рекомендации для их осуществления. Главным, по ее мнению, было определение погребальных обрядов прибалтийских племен. Рекомендовалось начинать изучение с заведомо известных литовских центров: Керно, Старые Троки и т. д., и переходить далее на периферию. В Белоруссии, по мнению комиссии, в первую очередь следовало изучать древности ятвягов в Гродненской губернии и течение Березины в Минской, так как вдоль этой реки шел древний путь с юга на север. Составив предварительные археологические карты западнорусских губерний и наметив, таким образом, районы, наиболее заселенные в древности, комиссия указала на желательность раскопок в Борисовском, Игуменском, Бобруйском и Речицком уездах. Рекомендовалось также исследование городищ, так как по представлению науки того времени там «могут встретиться предметы языческого культа» [86]. Не все лица, привлекавшиеся к этим раскопкам, были достаточно квалифицированы. Как можно понять из протоколов Виленского отделения, настоятельная необходимость выработки специальной инструкции для раскопок в Западном крае диктовалась тем, что в раскопках будут принимать участие «люди, не совсем привыкшие к подобным исследованиям» [87]. Работы отделения приобрели широкий размах. По специальным программам, публиковавшимся в местной прессе, был начат сбор сведений об археологических памятниках [88]. Ряд лиц обязался составить археологические карты губерний [89]. Трудами

---

[85] Н. Б. Пераезд ў Менск Беларускага этнографа Е. Р. Раманава. «Сав. Беларусь». Менск, 1921, № 165.

[86] «Древности», XVI, М., 1900, протоколы, стр. 71—80.

[87] Там же, стр. 103.

[88] Список вопросов, по которым желательно было бы получить ответы для составления археологической карты северо-западного края России. Мог. Е. В., 1892, № 9, стр. 97—100 и др.

[89] Ф. В. Покровский составлял карту Виленской и Гродненской губерний, Е. Р. Романов — Витебской и Могилевской, А. П. Смородский (учитель Минской гимназии) — Минской. Над археологической картой Виленщины работал Э. А. Вольтер (Э. А. Вольтер. Материалы для составления археологической карты Виленской губ. Виленский Вестник, 1890, № 20, 21). Большой материал представили в ВОМПК лесничие Виленского, Ковенского и Минского управлений государственных имуществ. Тр. ВОМПК, Вильно, 1893, стр. 93, 94.

В. З. Завитневича, Ф. В. Покровского, М. В. Фурсова и С. Ю. Чоловского в крае впервые проводились целенаправленные раскопки[90]. Наконец, к началу съезда был издан ряд специальных исторических и археологических трудов[91]. Однако не все намеченное было, к сожалению, выполнено. Археологические карты западнорусских губерний были составлены лишь Ф. В. Покровским[92]. Е. Р. Романов и А. П. Смородский своих карт так и не опубликовали, хотя во всяком случае первый спешил с ее подготовкой[93]. Намеченные археологические исследования в Витебской губернии также не были выполнены.

Рис. 2. Ф. В. Покровский

IX археологический съезд открылся в Вильне 1 августа 1893 г. Археологию Белоруссии представляли на нем раскопки В. З. Завитневича и Ф. В. Покровского, М. В. Фурсова, В. Шукевича, Э. А. Вольтера и др. Первым за три года раскопок в Мозырском, Речицком и Бобруйском уездах (1889, 1890, 1892), т. е. в тех уездах, которые и рекомендовались ВОМПК, было раскопано 647 курганов, из которых 627 с признаками захоронения. Оставляя в стороне все вопросы хронологии, В. З. Завитневич приводил на съезде ряд выводов, вытекающих, как он считал, из процентного соотношения раскопанных курганов (наблюдения над обрядом), смешивая несомненно разновременные памятники[94]. Иным было направление работ Ф. В. Покровского[95], исследовавшего на границе современных литовского и белорусского народов курганы, которые почти сплошь оказались литовскими, что свидетельствовало о заселении этих земель некогда Литвой. Тщательные раскопки и детальные наблюдения выделяют исследования Ф. В. Покровского. Однако в вопросах хронологии, которые он осторожно пытался разрешить, еще преобладали отвлеченные выкладки, исходившие из предполагаемой постройки Браслава в XI в. и предполагаемой одновременности с ней ок-

---

[90] В. З. Завитневич. ЧИОНЛ, II, Киев, 1888, стр. 270—280; ОАК за 1892, СПб., 1894, стр. 124—153; Ф. В. Покровский. Тр. ВОМПК, I, стр. 45—48, 122—133, 136—146, отдел II, стр. 1—164; Тр. IX АС, I, М., 1895, стр. 166—220; Тр. IX АС, II, М., 1897, стр. 138—196.

[91] А. М. Сементовский. Белорусские древности. СПб., 1890; Н. Мышенков. О курганах Минской губ., М., 1890; Г. Х. Татур. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии. Минск, 1892; А. П. Сапунов. Река Западная Двина. Витебск, 1893.

[92] Опубликованы в Трудах ВОМПК и в трудах IX АС.

[93] Письмо Е. Р. Романова в Археологическую комиссию. Архив ЛОИА, ф. 1, 1893 — 7. Карты Е. Р. Романова и А. П. Смородского, по-видимому, все же были представлены отделению (см. тр. ВОМПК, I, стр. 75 и 104).

[94] В. З. Завитневич. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии. Тр. IX АС, I, стр. 221—235.

[95] Покровский Федор Васильевич (1854—1903). Окончив Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата (1879), переехал в Вильно, где безвыездно служил в одном из училищ. Являлся хранителем Виленского музея и более всего занимался археологией, за что был награжден Большой серебряной медалью Русского археологического общества. Скончался на родине, в с. Подольском Костромского у., где обычно проводил летние каникулы. Виленский Календарь на 1904 г. Вильно, 1903, стр. 379, 380.

ружающих его курганов. Археологические карты Виленской и Гродненской губерний, представленные Ф. В. Покровским IX съезду, были необычайно точны, что подтвердилось при дальнейших исследованиях [96]. Археологические раскопки М. В. Фурсова и С. Ю. Чоловского в Могилевской губернии, о которых докладывалось на съезде, проводились со значительно меньшей тщательностью, чем В. З. Завитневичем и Ф. В. Покровским, и в науке оставили след небольшой. Соображений о датировках в них также не было, выводы общего характера были голословны [97].

Работа IX и X (в Риге) археологических съездов (и подготовка к ним) вызвала большой резонанс и стимулировала научно-краеведческую деятельность местной интеллигенции. В результате в местной печати стали появляться статьи (иногда и небольшие книги) историко-краеведческого характера. Их писали преподаватели местных гимназий: М. В. Фурсов — директор могилевской гимназии [98], инспектор белостокской гимназии Н. П. Авенариус [99], преподаватель белостокского реального училища, В. Г. Краснянский [100], преподаватель минской гимназии уже упоминавшийся А. П. Смородский, педагоги Полоцкого кадетского корпуса И. И. Долгов, А. К. Морель, Л. Л. Кирпичов [101]. Это были учителя народных училищ: Ив. Горбачевский (из Крейцбурга), К. Т. Аникиевич (с. Ивановка Витебской губ.), первоначально помогавшие при раскопках Е. Р. Романову [102]. Были и просто лица, стремившиеся помочь развитию археологии составлением местной археологической карты [103].

Виленский съезд имел колоссальное значение для развития русской дореволюционной археологии. К массовым раскопкам, подчиненным теперь единому плану, были привлечены лучшие силы Белоруссии, которые, войдя в контакт с передовыми археологическими учреждениями, финансирующими, инструктирующими и контролирующими их, получали необходимые научные навыки в практике полевых исследований. Все раскопки в Белоруссии с 90-х годов и позднее ведутся на совершенно ином уровне, а дельцы-дилетанты типа Г. Х. Татура в значительной мере исчезают с археологического горизонта. Все же следует отметить, что если научная ценность курганных раскопок в это время была общепризнана, то значение городищ (исследование которых еще только начиналось) недооценивалось

---

[96] Е. и В. Голубовичи, составившие археологическую карту западных областей БССР, не обнаружили у Ф. В. Покровского ошибок (КСИИМК, XI, 1945, стр. 126). Таким образом, нападки на Ф. В. Покровского С. А. Тараканової не обоснованы (КСИИМК, 57, 1955, стр. 101). Не найденные ею три группы курганов за 58 лет были просто уничтожены. Карты Ф. В. Покровского помещены в Трудах ВОМПК (Виленская губ.) и в Тр. IX АС (Гродненская губ.).

[97] М. В. Фурсов. Курганные раскопки в пяти уездах Могилевской губернии. Тр. IX АС, стр. 236—245.

[98] Исторический Вестник, 85, СПб., 1901, стр. 380, 381.

[99] Н. П. Авенариус читал на съезде небольшую статью о дрогичинских пломбах. Тр. IX АС, II, М., 1897, стр. 325—328.

[100] ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 45. Позднее В. Г. Краснянский стал известен прекрасной книгой о Мстиславле (оттиск из С/З отд. ИРГО, Вильно, 1912, 3), работой о чертеже Витебска 1664 г. (БАН. Запіскі адзела гуманітарных навук, I, 6, Минск, 1928) и др.

[101] И. И. Долгов. Наш Край. Вит. ГВ, 1898, № 113—114; его же. Прошлое и настоящее Белоруссии. Там же, 1897, № 19; А. К. Морель. О былом Полоцка. Там же, 1892, № 83—85, 90; его же. Монетный клад. Там же, 1893, № 56; его же. Еще о находках монет в пределах Витебской губ. Там же, 1894, январь. О деятельности И. И. Долгова как краеведа и археолога см. Д. Леонардов. Памяти д. ч. Витебск. учен. ком. И. И. Долгова. «Полоцко-Витебская старина», II, Витебск, 1911, стр. 1—13; Л. Л. Кирпичов. Г. Полоцк. Военный сборник, СПб., 1885.

[102] Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1893—7, л. 21. Позднее ими были написаны самостоятельные труды: Ив. Горбачевский. О волоках Великого водного пути из варяг в греки. Вит. ГВ, 1894, № 72, 73 (есть отд. оттиск); его же. Лепельский уезд Витебской губ. Витебск, 1895 (оттиск из Вит. ГВ); К. Т. Аникиевич. Сенненский уезд Могилевской губ. Могилев, 1907 (рец.: «Живая старина», 4, СПб., 1908, стр. 511—513.

[103] «Древности», X, М., 1894, протоколы, стр. 30; там же, XVI, М., 1900, проток. стр. 58 и др.

даже в центральных археологических учреждениях. Так, в Белоруссии ровно через пять лет после съезда возник вопрос о срытии Замковой горы в Витебске, которая якобы «только обезображивала местность и причиняла вред прекрасному зданию гимназии» [104]. После длительной переписки и борьбы (памятник ревностно защищался вице-губернатором Мамчичем) древнее городище — этот важнейший памятник истории города — был почти полностью срыт с разрешения Петербургской археологической комиссии.

Большое значение для развития белорусской археологии имели статьи А. А. Спицына 90-х годов, посвященные археологическому обозрению белорусских губерний [105]. Это были первые и крайне удачные попытки подведения итогов раскопок в крае. В пределах губернии автор группировал материал в хронологическом порядке, начиная с каменного века и кончая средневековьем, впервые пытался разделить курганные древности на более ранние и более поздние. По сводкам А. А. Спицына можно впервые получить представление о том, как развивалась раскопочная деятельность в Белоруссии в последние три десятилетия XIX в.

Начало XX в. принесло с собой некоторый количественный спад археологических исследований в Белоруссии. К тому же как раз в это время скончались: М. В. Фурсов (1901), Ф. В. Покровский (1903), Н. П. Авенариус (1903), М. Ф. Кусцинский (1905). Раскопки Е. Р. Романова были эпизодичны, и центр исследований переместился в Гродненскую губернию. Здесь еще с 80-х годов вели систематические раскопки местный помещик В. Шукевич и петербургский профессор Э. А. Вольтер. Тридцатипятилетние исследования первого подробно освещены [106], и на них мы остановимся кратко. Раскопки в Пузеле каменных могил в 1884 г., по-видимому, навсегда определили научные интересы В. Шукевича. По приложению к работе Ф. Д. Гуревич можно подсчитать, что за 35 лет В. Шукевичем было изучено свыше 392 погребений, из которых 376 составляли каменные могилы и лишь 16 — курганы. Копая методически правильно, не чуждаясь широких исторических вопросов, В. Шукевич подробно освещал свои исследования в печати, и серьезность его работ ставилась ему в заслугу уже современниками [107]. Э. А. Вольтер копал в Белоруссии меньше [108]. Ему, однако, принадлежит важное описание частных коллекций, следы которых давно утерялись [109]. Наконец, отметим, что в начале XX в. в Витебщине была сделана первая в Белоруссии попытка исследования раннего городища. Харьковский профессор Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич, копавший многочисленные курганы в Городокском и Себежском уездах, открыл городище дьякова типа у дер. Юпино Березовской волости и заложил там несколько «канав» (траншей) [110]. Наконец, велись эпизодические раскопки Е. Р. Романова в Могилевщине [111] и С. Яроцкого в Ошмянском у. [112].

---

[104] Л. В. Алексеев. К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, 1; его же. Археологические памятники..., стр. 288—289.

[105] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении (Могилевская губерния — ЗРАО, VIII, СПб., 1896, 1—2; Витебская губерния — ЗРАО, IX, СПб., 1897); Минская, Гродненская и Виленская губернии — ЗРАО, XI, 1—2, СПб., 1899).

[106] Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 7—8.

[107] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 8.

[108] Подробнее см. Ф. Д. Гуревич. Ук. соч.

[109] Э. А. Вольтер. Археологические коллекции частных лиц в с/з крае. Вильна, 1889.

[110] Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечения из Отчета об исследованиях в Витебской губернии. ИАК, 6, СПб., 1904, стр. 2.

[111] Е. Р. Романов. Раскопки в им. Чирчино. «Могилевская старина», 1, 1900; его же. Пробные раскопки в Брусневичах. Там же, 2, 1901, стр. 34—38; его же. Две археологические разведки. Там же, 2, 1903, стр. 124—127. О его разведках в 1905 г. см.: Зап. ИРГО, 3, Вильно, 1912, стр. 33—63.

[112] S. Jarocki. Kurhany i cmentarzysko w pow. Oszmiańskim. «Swiatowit», IX, 1911, стр. 1—21.

Говоря о начале нашего века, нельзя не упомянуть имя недавно умершего слонимского археолога и краеведа И. И. Стабровского (рис. 3) [113], первая археологическая работа которого увидела свет в 1899 г. [114]. С этого времени И. И. Стабровский с увлечением стал заниматься историей и археологией края, проводил многочисленные археологические раскопки в Гродненской и соседних губерниях.

Новый подъем археолого-краеведческой деятельности в Белоруссии, начавшийся в конце 10-х годов нашего столетия, объясняется, по-видимому, открытием здесь ряда соответствующих ученых обществ, музеев и т. д. Если раньше, в 1895 г., попытка создания археологического общества в Витебске сорвалась [115] и имела успех только в Могилеве (1898), вероятно, не без участия Е. Р. Романова [116], то теперь подобные общества возникают в Минске (1908, «Археологическое общество») [117], в Витебске (1909, «Архивная комиссия») [118]. Наибольшее значение для местной археологии и краеведения имело перед войной 1914 г. северо-западное отделение ИРГО, открытое в 1910 г. в Вильно после 35-летнего перерыва. Вышедшие четыре тома его «Записок» под редакцией Д. И. Довгялло содержали разделы по археологии, этнографии, географии, геологии края и др. [119] Здесь публиковались материалы раскопок Е. Р. Романова и П. С. Рыкова, работы по этнографии Белоруссии, исторические очерки городов Мстиславля, Климович и т. д. «Записки» также рецензировали выходящую литературу о северо-западном крае.

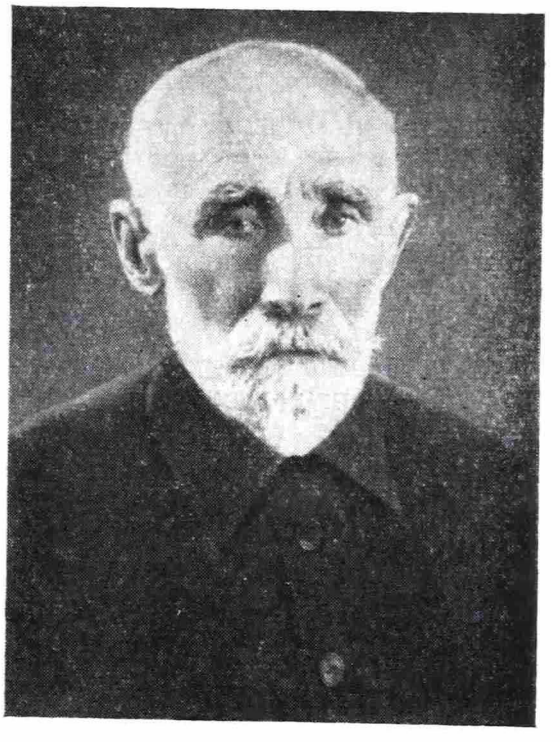


Рис. 3. И. И. Стабровский

Образование историко-краеведческих научных обществ, естественно, влекло за собой организацию новых или перестройку старых хранилищ

[113] Стабровский Иосиф Иосифович (1870—1968). Родился в Слониме. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Московский археологический ин-т и Высшие археологические курсы при Саратовском ун-те со званием канд. археол. наук. С начала века приступил к составлению коллекции книг и археологических предметов, относящихся к истории края, что позволило ему в 1924 г. основать существующий и поныне Слонимский краеведческий музей. Во время немецкой оккупации И. И. Стабровскому удалось сохранить не только археологическую коллекцию музея, но и (с опасностью для жизни) всю его советскую литературу (С. Новик-Паюн. Памяці І. І. Стаброўскага. «Ніва», Белосток, 1968, 6). Скончался И. И. Стабровский 15 января 1968 г. на 99-м году жизни в Слониме, до последней минуты не переставая работать над историей Слонимщины. Материалы архива И. И. Стабровского любезно предоставлены мне генерал-лейтенантом запаса Е. В. Леошеней, которому автор приносит самую искреннюю признательность.

[114] И. И. Стабровский. К вопросу об ископаемых стеклянных шарах. Исторический Вестник. СПб., 1899, март, стр. 1104—1105. Здесь идет речь также о семи римских монетах из Новогрудка, не известных в специальной литературе (В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР. САИ, Г4—4, М., 1961).

[115] АИЗ, М., 1895, стр. 373—374.

[116] Мог. ГВ., 1898, № 86.

[117] Мин. ГВ, 1908, № 3, 4, 6, 7, 17; «Минская старина», вып. 1, 1909, стр. 10—27.

[118] Тр. Вит. УАК, 1, 1910; последующая три тома вышли там же под наименованием «Полоцко-Витебская старина», 1, 1911; 2, 1912; 3, 1913; 4, 1914. В течение трех лет Вит.УАК просила открытые листы на раскопки, но ни разу ими не воспользовалась. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1910—16, 1912—168, 1913—349.

[119] Зап. С/З ОИРГО выходили в Вильне в 1910, 1911, 1912, 1914 гг.

местной старины. В Витебске с 90-х годов существовало два музея: культурно-исторический (сменивший в 1894 г. музей Витебского статистического комитета) [120] и церковное «древлехранилище», организованное в архиерейском доме Е. Р. Романовым при участии А. П. Сапунова [121]. В 1911 г. первый был реорганизован Витебской архивной комиссией в историко-археологический музей, основу коллекции которого составили пожертвования А. П. Сапунова (материалы раскопок Е. Р. Романова и В. И. Сизова из Люцинского могильника), а также предметы, найденные при разрушении остатков Замковой горы [122]. Музеем были изданы два каталога [123]. В Могилеве в 1891 г. существовал Историко-этнографический музей [124], а с 1897 г. и Церковное древлехранилище, реорганизованное затем в Церковно-археологический музей (1904 г.) [125]. В Минске на смену жалким остаткам музея Г. Х. Татура в 1908 г. был организован новый Церковный историко-археологический музей [126], который вел самостоятельные раскопки в Пинске и Турове [127]. К описываемому времени относится и организация музея в Гродно (1913) [128].

Оживление историко-краеведческой деятельности в Белоруссии в предвоенные годы отразилось, естественно, и на раскопках. С 1910 по 1918 г. серьезные исследования вел в Ошмянском, Двинском, Режицком и Люцинском уездах П. С. Рыков (первоначально хранитель Виленского музея, в 1914 г. переведенный в Режицу [129]), продолживший работы Ф. В. Покровского [130]. В Гродненской губернии вели исследования курганов С. Круковский (1908), С. А. Дубинский (1910—1912), в Минской губернии — Ю. Шавельский (1915) [131] и другие лица. Война и последующие революционные события прервали многие намечавшиеся работы.

* * *

Мы проследили развитие белорусской археологии и исторического краеведения до 1917 г. Видели, как постепенно рос интерес к местным белорусским древностям, как белорусская историко-краеведческая мысль с помощью общерусской науки к открытию Виленского съезда (и особенно после него) стала на прочные научные рельсы. Однако все раскопки предреволюционной поры все же страдали односторонностью, так как были посвящены лишь исследованию погребений и широких исторических задач не ставили. Только в послереволюционный период, когда методически исследовались поселения, когда создавались специальные учреждения (Инбелкульт, секция археологии БАН и т. д.) и многочисленные краеведческие музеи, возникшие во всех районных центрах республики в 20-х годах, пришло время подлинного развития белорусской археологии, способной изучить действительную историю дописьменного периода страны. Но это тема специальной статьи.

---

[120] «Минский листок», 1894, № 23.

[121] А. Сапунов, Е. Романов, В. Говорский. Примерные основания учреждения церковно-археологического музея в Витебске. Пол. ЕВ., 1893, № 9, стр. 379—392.

[122] Новый историко-археологический музей в Витебске. Зап. ИРГО, 2, Вильно, 1911, стр. 361; Л. В. Алексеев. К истории и топографии...

[123] К. А. Змигродзский. Каталог монет и медалей музея ВУАК. Витебск, 1911; его же. Каталог музея ВУАК. Витебск, 1912.

[124] Могилевский историко-этнографический музей. Каталог. Могилев, 1891; «Первое...», «Второе...», «Третье дополнение к каталогу Могилевского музея». Могилев, 1891, 1892, 1893.

[125] Археологическая хроника. АИЗ, V, 7, 8, М., 1897, стр. 234, 235; ИАК, 14, СПб., 1905, стр. 25—26.

[126] Мин. ЕВ, 1908, прил. к № 6, стр. 1—2.

[127] «Минская Старина», 1910, 2, стр. 235—268.

[128] ИАК, 56, Птг., 1914, стр. 69.

[129] ОВПБМ за 1914 г. Вильно, 1915, стр. 4.

[130] Зап. ИРГО, 4, стр. 7—22; ОАК за 1913—1915 гг., Птг., 1918, стр. 230.

[131] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 9; о раскопках С. А. Дубинского — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1910—79; ОАК за 1912 г., Птг., 1916, стр. 98—103; о раскопках Ю. В. Шавельского — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1915—91.

К 60-летию С. Н. БИБИКОВА

В сентябре 1968 г. исполняется 60 лет со дня рождения Сергея Николаевича Бибикова — советского археолога, члена-корреспондента Академии наук Украинской ССР. Юбиляр принадлежит к плеяде ученых, с именем которых связано развитие и успехи советской археологии. Это поколение ученых, восприняв от своих учителей лучшие традиции дореволюционной археологии, создавало основы советской науки.

Сергей Николаевич Бибиков родился в Севастополе в семье служащего. В 1927 г. он окончил среднюю школу, а в 1931 г.— этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета. Почти три года после окончания университета он служил авиатехником в Красной Армии и учился в школе летчиков.

В юношеском возрасте С. Н. Бибиков начал увлекаться краеведением и археологией. Учеником средней школы он после уроков работал практикантом в Центральном музее Тавриды, а в летнее время принимал участие в археологических экспедициях под руководством Н. Л. Эрнста и Г. А. Бонч-Осмоловского. В 1926 г. С. Н. Бибиков опубликовал свою первую научную работу по археологии — «Раскопки кургана у дер. Красная Горка близ Симферополя», за которую был избран членом-соревнователем в Таврическое общество истории, археологии и этнографии, позднее избравшее его в действительные члены.

Археологом по профессии Сергей Николаевич стал в 1938 г., когда после демобилизации поступил на работу в Государственную Академию истории материальной культуры. С этого времени за 35 лет работы Сергей Николаевич прошел большой и почетный путь ученого. Он написал более 70 научных работ, в 1941 г. защитил кандидатскую, а в 1953 г.— докторскую диссертации. В 1958 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР. Работал он в должности научно-вспомогательного сотрудника, младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, ученого секретаря Института истории материальной культуры АН СССР, заместителя директора этого Института. Сергей Николаевич Бибиков долго возглавлял второй по значению научный археологический центр в стране — Институт археологии Академии наук УССР.

Круг научных интересов С. Н. Бибикова широк. Но в основном его научные работы можно разделить на три группы, соответственно трем важным проблемам археологической науки. Первую составляют исследования памятников верхнего палеолита, мезолита и отчасти неолита, преимущественно Крыма. В этих работах рассматриваются вопросы культурно-исторического развития и своеобразия мезолитических племен южной приледниковой зоны, даются фактические сведения о памятниках, обосновывается их датировка (Отчет о работах Крымской экспедиции. Труды Сов. секции МА ИЧПЕ. Главного геол. управления, вып. II, 1936; Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940; Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и в гроте Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, XIII, 1946; Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13/85, 1949; Позднейший палеолит Крыма. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, 1950 и др.). Предложенные С. Н. Бибиковым признаки для определения хронологии памятников получили всеобщее признание.

С. Н. Бибиков совместно с С. А. Трусовой и Е. В. Жировым обнаружил первые в СССР мезолитические погребения в скалистых убежищах Фатьма-Коба и Мурзак-Коба. Среди мезолитических памятников Крыма автор впервые выделил памятники, принадлежащие неолиту, и увязал их с южноукраинскими местонахождениями (К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, IV, 1940). Анализируя мезолитическое хозяйство, С. Н. Бибиков показывает кризисное состояние его в разных зонах и закономерность появления новых форм экономики, связанных с началом животноводства и земледелия в южных ареалах мезолита и усилением роли рыболовства в северных зонах (раскопки в навесе Фатьма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма. МИА, 126, 1966).

К трудам, посвященным изучению палеолита, относятся также работы по Среднему Поднестровью, в которых, кроме публикации фактического материала, автор рассматривает вопросы периодизации палеолита днестровской культурно-исторической области (Верхньопалеолітичні знаходища на Середньому Подністров'ї. АП, II, 1949).

В довоенные годы С. Н. Бибиков произвел исследования пещер Южного Урала. Результаты исследований автор издал позже в специальных работах (Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала. СА, XII, 1950; Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала. СА, XIII, 1950). Опубликованные материалы были первыми на Южном Урале. В этих работах вводится в научный обиход большой фактический материал и дается периодизация памятников и их оригинальная историческая интерпретация.

Следует отметить серию работ С. Н. Бибикова о первичном заселении Восточной Европы. Опираясь на комплексные данные, автор выдвинул гипотезу о заселении Восточной Европы в древнем палеолите обществами, двигавшимися с Кавказа. Вместе с тем автор не исключает и западных инфильтраций населения, культура которых придала черты некоторой синкретичности облику древне- и позднепалеолитических культур Восточной Европы (Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, 4; О южных путях заселения Восточной Европы в эпоху древнего палеолита. Сб. «Четвертичный период». К VI Конгрессу ИНКВА, 13, 14, 15, Киев, 1961).

К естественно-исторической проблематике примыкают работы С. Н. Бибикова, касающиеся геологии четвертичного периода и трактующие условия жизни и деятельности людей в плейстоценовое и голоценовое время (О датировке и реконструкции палеолитических убежищ в Крыму. БКИЧП, 21, 1957; О времени образования надпойменного уступа в долине Среднего течения Днестра. СА. 1958, 3).

Вторую группу составляют работы С. Н. Бибикова, посвященные изучению истории ранних земледельческо-скотоводческих племен юго-восточной Европы. В течение ряда лет он изучал памятники энеолита Среднего Поднепровья и Поднестровья. В своих работах автор показывает конкретную историю племен эпохи раннего металла на юго-востоке Европы, раскрывает связи их с центрами древних мировых цивилизаций Средиземноморья и Востока, освещает их хозяйство, быт и идеологические представления (Поселение Лука-Врублевецкая и его значение для истории земледельческих племен юго-востока Европы. СА, XI, 1951; Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы. СА. 1962, 3; О некоторых вопросах синхронизации и расселения трипольских племен. Доклады на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов, 1964; О хронологическом разделении памятников Триполья-А и типа Гумелницы (Альден II) на юго-западе СССР. Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков, 1966).

Проблеме истории трипольской культуры посвящен большой труд С. Н. Бибикова «Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческих племен на юго-востоке Европы», удостоенный премии Президиума АН СССР. В этом труде помимо рассмотрения многих вопросов культурно-исторического плана большое внимание уделяется проблеме идеологических представлений и социальному устройству у ранних земледельческо-скотоводческих племен. С. Н. Бибиков на обширном археологическом и этнографическом материалах раскрывает содержание верований и обрядностей, их происхождение, календарное исполнение культов плодородия и отражение в них положительных знаний, завуалированных фантастическими, иррациональными формами мышления. Автор выдвигает гипотезу о патриархальном укладе в социальном устройстве общества.

Третью группу составляют обобщающие работы методического и методологического характера. В них автор дает оценку современного состояния археологической науки, намечает пути дальнейшего развития ее, выдвигает новые проблемы и научные направления (Стан та завдання археологічної науки на Україні. Вісник АН УРСР; 6, 1956; Деякі вузлові питання археологічної науки на Україні, Вісник АН УРСР, 6, 1957; Сорокоріччя археологічної науки на Україні. Сб. «Розвиток науки на Україні за 40 років», 1957; За глибоке і всебічне вивчення історії стародавнього суспільства. Укр. істор. журнал 2, 1960; К 50-летию археологической науки на Украине. СА, 1967, 3).

Особого внимания заслуживают работы С. Н. Бибикова палеоэкономического направления. В этих работах автор применяет новую методику анализа археологического материала, сочетающую принципы археологического и экономического исследования. В их основу С. Н. Бибиков положил комплексный метод: установление хозяйственных основ изучаемого общества, восстановление величины поселений, жилищ и хозяйственных сооружений, разработку демографических данных, определение объема потребляемого продукта, обеспечивающего жизнедеятельность общества, и многие другие слагаемые, способствующие раскрытию древней экономики. В результате такого комплексного подхода к изучению памятников удается установить не только род занятий древних обществ, но и определить экономический потенциал производства, взаимосвязь и взаимозависимость между отдельными отраслями хозяйства, уточнить техническое состояние производств и степень участия каждого из них в общественном производстве. Располагая относительной полнотой сведений об экономике древних обществ, оказывается возможным уточнить и расширить знания об их социальном устройстве и идеологии. Этот метод автор применял при изучении материалов Мезинской палеолитической стоянки, трипольских поселений в Среднем Поднепровье, кремневых выработок энеолитического

времени на Днестре (Опыт палеоэкономического моделирования в археологии. Доклад на сессии Отделения исторических наук АН СССР. Кишинев, 1967; Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1965, 1; Древние кремневые выработки в Среднем Поднестровье). За внедрение в археологическую науку новых методов, позволяющих получить более полные и конкретные данные об экономической жизни коллективов первобытного общества, Президиум АН УССР специальным постановлением выразил С. Н. Бибикову благодарность.

Исследования С. Н. Бибикова пользуются известностью в СССР и за рубежом. О значении его работ свидетельствуют не только многочисленные отклики на его труды в специальных изданиях, но и в учебной и обобщающей историко-археологической литературе. Значительны заслуги С. Н. Бибикова в популяризации достижений археологической науки. Этой теме он посвятил десятки научно-популярных статей, помещенных в различных журналах.

Как полевой работник С. Н. Бибиков обладает большим опытом, острой наблюдательностью, постоянным стремлением к совершенствованию методики раскопок. Более 40 сезонов провел С. Н. Бибиков в поле и в подавляющем большинстве — как руководитель работ. Его ученики, уже давно ведущие самостоятельные полевые исследования, благодарны ему за желание поделиться опытом и знаниями.

Научным наследием С. Н. Бибикова можно считать также и его учеников — многочисленных аспирантов и диссертантов, которыми он руководил официально, и еще более многочисленных молодых ученых в области палеолита и энеолита, которые воспитывались на его работах. Многие из его воспитанников уже успели сказать свое слово в науке.

Труд ученого С. Н. Бибиков сочетает с большой научно-организационной работой, чрезвычайно важной для развития науки и требующей очень много времени и энергии. Почти 30 лет назад С. Н. Бибиков занял пост ученого секретаря ИИМК АН СССР и с тех пор не оставляет своих научно-организационных обязанностей. Результатом этой стороны его деятельности является создание серии «Кратких сообщений ИИМК». Под его редакцией вышло несколько крупных монографий и обобщающая коллективная работа украинских археологов — «Нариси стародавньої історії УРСР». С. Н. Бибиков является членом редколлегии журнала «Советская археология», председателем научно-методического совета охраны памятников при Президиуме АН УССР, членом научно-методического совета охраны памятников при Министерстве культуры СССР, членом Президиума республиканского правления Украинского добровольного общества охраны памятников. С. Н. Бибиков имеет правительственные награды: орден «Знак почета» и три медали.

Много сделал наш юбиляр для советской археологической науки. Пожелаем ему доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов.

В. И. Довженок,
Ю. Н. Захарук,
А. И. Тереножкин

Р. Р. ФАСМЕР

(1888—1938)

В текущем году исполняется восемьдесят лет со дня рождения и тридцать лет со дня смерти профессора Романа Романовича Фасмера, крупнейшего советского исследователя восточных монет.

Р. Р. Фасмер родился в Санкт-Петербурге 21 октября 1888 г. Высшее образование он получил на факультете Восточных языков Санкт-Петербургского университета под руководством акад. В. В. Бартольда и профессоров Н. А. Медникова, В. А. Жуковского, Н. Д. Смирнова и П. К. Коковцева. Как специалист по истории мусульманского востока, владевший арабским, персидским, турецким, древнееврейским, латинским, греческим и несколькими западными языками, в 1910 г. он был приглашен в Эрмитаж для инвентаризации восточных монет. Научная деятельность Романа Романовича протекала в Эрмитаже, в отделе нумизматики, а после возвращения с военной службы в 1918 г. также и в Академии истории материальной культуры, где с 1919 по 1929 г. он состоял научным сотрудником и секретарем Постоянной комиссии (потом секции) нумизматики и глиптики. В 1920 г. Р. Р. Фасмер заменил в Эрмитаже своего покойного учителя А. К. Маркова в заведывании отделением восточных монет. Подготовивший до того 8 томов рукописного каталога куфических монет Эрмитажа, Р. Р. Фасмер уже тогда был одним из сильнейших специалистов своего времени в этой области. После осуществления первой в нашей стране выставки монет Ближнего, Среднего и Дальнего Востока и европейских колоний на Востоке (Эрмитаж, 1925 г.) Р. Р. Фасмер, продолжая инвентаризацию многочисленных новых поступлений, с увлечением отдался научно-исследовательской работе.

В середине 1920-х годов как всеми признанный крупный специалист он был приглашен к участию в ряде зарубежных нумизматических журналов. Огромная эрудиция Романа Романовича позволила ему подготовить на высоком уровне все статьи по нумизматике Ближнего, Среднего и Дальнего Востока для нумизматического словаря, изданного в 1930 г. под общей редакцией Ф. Шреттера[1]. Роман Романович живо откликал-

[1] F. von Schrötter. Wörterbuch der Münzkunde. Berlin — Leipzig, 1930.

ся на все нумизматические новинки и возникавшие научные вопросы и оставил более 55 работ, из которых 51 напечатана. Широкий объем его научных интересов отразился на тематике его статей, посвященных не только куфической нумизматике, но также монетам Сасанидов, Золотой Орды, иранских шахов, Греко-Бактрии и Индии.

Самым большим делом его жизни было исследование куфических кладов на основе новой, разработанной им методики изучения кладов по их составу. Периодизация куфических кладов, обнаруженных на европейской территории Советского Союза, данная Романом Романовичем, постоянно подтверждается новыми находками. Начатая им большая работа по подготовке топографии куфических находок в нашей стране осталась незаконченной[2]. Роман Романович скончался в Ташкенте от воспаления легких 27 декабря 1938 г.

Теперь, более чем через четверть века после того как оборвалась творческая мысль Р. Р. Фасмера, особенно четко вырисовывается значительность оставленного им научного наследия — органического продолжения и развития крупных свершений русских нумизматов-востоковедов XIX и начала XX вв. В славной плеяде Х. Д. Френа, П. С. Савельева, В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова Р. Р. Фасмеру принадлежит равноправное и почетное место.

А. А. Быков

---

[2] Р. Р. Фасмер. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. Изв. АН СССР. Отд. обществ. н., 1933, 6—7, стр. 473—484.

Публикации

Е. М. ТИМОФЕЕВ

УСТЬ-КУЛОМСКАЯ МУСТЬЕРСКАЯ СТОЯНКА НА ВЫЧЕГДЕ

Как известно, фаунистические и археологические данные широко используются исследователями в целях выяснения палеографии четвертичного периода. При этом основные этапы развития первобытного человека и фауны млекопитающих выделены на основании изучения соответствующих материалов по южным областям европейской части СССР [1].

Север до сих пор остается почти не исследованным в этом отношении. Одной из причин такого отставания является слабая геологическая изученность северных районов. Главная же причина, которая тормозит проведение исследований в этом направлении, заключается в глубоко укоренившемся у большинства исследователей убеждении, что на севере Русской равнины в ледниковое время существовали огромные покровные ледники, оттеснявшие далеко к югу древнего человека и млекопитающих. Поэтому север европейской части СССР считается неперспективным районом в смысле обнаружения стоянок палеолитического человека и значительных скоплений ископаемой фауны млекопитающих.

В последние годы (1961—1967) параллельно с изучением четвертичных отложений бассейнов Камы, Вычегды и Печоры автор занимался поисками палеолитических памятников и изучением геологических условий некоторых захоронений ископаемой фауны млекопитающих. В начальный период поиски носили несистематический характер. После открытия в 1961 г. палеолитической стоянки у дер. Бызовой на Печоре [2] дальнейшие поиски проводились ежегодно по методике, в основу которой были положены некоторые новые представления о палеогеографии плейстоцена северо-востока европейской части СССР [3].

Так, за последние пять лет (с 1962 по 1967 г.) было открыто около 40 местонахождений плейстоценовой фауны, часть из них несомненно связана со стоянками и временными поселениями древнего человека (рис. 1).

Наиболее древней из вновь открытых в бассейне Печоры является мустьерская стоянка Коровий Ручей, культурный слой которой залегает под морскими бореальными отложениями (эемскими). Самым древним палеолитическим памятником в бассейне Вычегды является Усть-Куломская стоянка позднемустьерского человека.

Усть-Куломская стоянка открыта в июле 1963 г. Она располагается на высоком правом берегу Вычегды, почти в центральной части с. Усть-Кулом. Стоянка находится в приустьевой части небольшого сухого лога,

[1] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Института геологических наук АН СССР, 64, геол. сер., 17, М., 1948.

[2] Б. И. Гуслицер, В. И. Канивец, Е. М. Тимофеев. Стоянка Бызовая — палеолитический памятник у полярного круга. СА, 1965, 2.

[3] Е. М. Тимофеев. К вопросу о происхождении некоторых аккумулятивных форм рельефа в бассейнах Печоры и Вычегды. Сб. «Геология кайнозоя севера европейской части СССР», М., 1966.

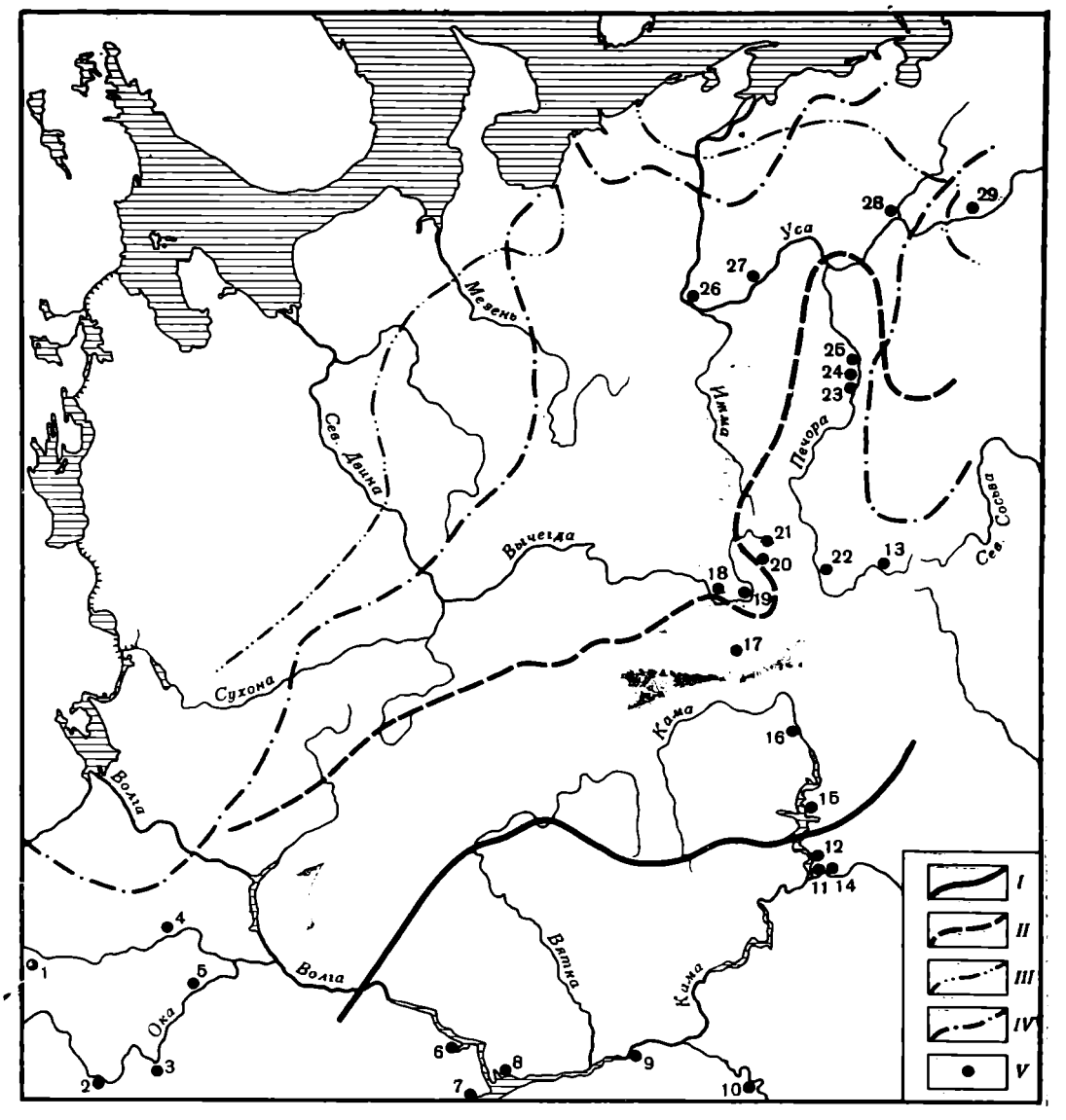


Рис. 1. Карта палеолитических памятников северной части Восточной Европы

I—IV — границы распространения ледников: *I* — максимальное оледенение; *II* — первое постмаксимальное (московское) оледенение; *III* — второе постмаксимальное (калининское) оледенение; *IV* — калининское оледенение (по карте четвертичных отложений СССР, изд. ВСЕГЕИ); *V* — местонахождения и стоянки палеолитического человека:

1 — Сходненское местонахождение; *2* — Ясаковская стоянка; *3* — местонахождение в Подсосенке Верхней; *4* — Сунгирьская стоянка; *5* — Карачаровская стоянка; *6* — Улянское местонахождение; *7* — Ундорское местонахождение; *8* — Мысовское местонахождение; *9* — Деуковское местонахождение; *10* — Горновское местонахождение; *11* — стоянка Талицкого; *12* — Демидковское местонахождение; *13* — стоянка Медвежья пещера; *14* — местонахождение Пещерный лог; *15* — Слудкинское местонахождение; *16* — Гремячевское местонахождение; *17* — Канавинское местонахождение; *18* — Усть-Куломская стоянка; *19* — местонахождение в устье Лолью; *20* — Каманъёльское местонахождение; *21* — пещерная стоянка Ожерелье; *22* — Якшинское местонахождение; *23* — Бызовская стоянка; *24* — стоянка Бызовая II (Крутая Гора); *25* — местонахождение Печора-Канин (пристань); *26* — стоянка Коровий Ручей; *27* — местонахождение Мутный материк; *28* — Усть-Адзьвинское местонахождение; *29* — стоянка Мамонтовая курья

открывающегося на юг, в долину Вычегды, принимающей здесь правобережный приток р. Кулом-Ю (в ее устье располагается с. Усть-Кулом) и образующей крутую излучину.

Остатки культурной деятельности позднемустьерского человека погребены под мощной толщей (более 15 *м*) песчано-глинистых пород различного возраста и генезиса и не связаны ни с одной из развитых на правом берегу реки террас, а относятся к древнему погребенному рельефу. Осадки, вмещающие культурный горизонт, заполняют древний лог, выработанный в терригенных красноцветных отложениях татарского яруса верхней перми, и в разрезе прислонены к более древним отложениям днепровской и московской моренам.

Описываемая толща пород, так же как и более древние, повсеместно перекрыта маломощным чехлом (до 10 *м*) верхнеплейстоценовых отложений, слагающих верхнюю (аккумулятивную) часть горизонтальных и слабонаклонных террас, имеющих абсолютные высоты 150—140, 130—125 и 120—118 *м*.

На стоянке была произведена зачистка, которая дала следующую стратиграфию.

1. Современный культурный слой — 0,5 *м*. 2. Песок разнозернистый с преобладанием мелкозернистого, буровато-желтый, наклоннослоистый (слоистость облекающего типа), с гравием и галькой — 4,5 *м*. 3. Гравийно-галечный слой — 0,3 *м*. 4. Ритмичное переслаивание песка мелкозернистого, иловатой супеси и серого опесчаненного мореноподобного грубослоистого суглинка — 4,2 *м*. 5. Суглинок тяжелый, буровато-серый, грубый (мореноподобный) с железистыми конкрециями — 1,0 *м*. 6. Сложное чередование прослоев серого и голубовато-серого грубослоистого мореноподобного суглинка, голубовато- и зеленовато-серых ленточнослоистых глин, супесей и песков, содержащих линзы (до 0,5 *м*) гравийно-галечно-валунного материала — 2,5 *м*. 7. Суглинок серый, грубый (мореноподобный), неслоистый, содержащий линзы и маломощные прослои ленточнослоистых глин и супесей, а также линзы валунно-галечного материала, растительный детрит, древесину и аллохтонный торф — 4,0 *м*. 8. Суглинок тяжелый темно-серый, прослоями буровато-серый, мореноподобный, в нижней части слоя обогащенный песчаным, гравийно-галечным и валунным материалом. В более опесчаненной части слоя встречены скопления костей млекопитающих и рыб, обломков раковин моллюсков, мелко раздробленный древесный уголь, а также кремневые орудия мустьерского человека — 1,5 — 2,0 *м*. 9. Галечник, представленный крупной, хорошо окатанной галькой кварца, кремня, известняка и кварцитов. Заполнитель — сильно глинистый песок. В слое встречен окатанный зуб мамонта [4] — 0,5 *м*. 10. Суглинок серый, грубый (мореноподобный), содержащий линзы торфа, растительные остатки и щебенку красноцветных пермских пород — 0,3 *м*. 11. Красноцветные глины и алевролиты татарского яруса верхней перми. Вскрытая мощность — 0,5 *м*.

Второй и третий слои, судя по находкам в них на левом берегу Вычегды остатков лошади (Equus caballus L.) и мамонта (Mammuthus primigenius Blum) [5], датируются второй половиной верхнего плейстоцена. Нижележащие осадки, характеризующиеся удивительной пестротой фаций, частым замещением одних отложений другими, четкими контактами тонко- и ленточнослоистых илистых, неслоистых и грубослоистых мореноподобных, галечных и песчаных пород, датируются первой половиной верхнего плейстоцена.

Культурный слой мустьерского человека, залегавший на глубине 17,8—18,5 *м*, в слое сильно опесчаненного мореноподобного суглинка, был вскрыт на полную мощность и прослежен на протяжении около 7 *м* (рис. 2). Из 178 костей, собранных в культурном слое, 170 принадлежало мамонту (*Mammuthus primigenius Blum*), две — волку (*Canis sp.*) [6] и остальные шесть — рыбам. Кости мамонта принадлежали двум особям — взрослой и молодой. Остатки последней представлены одним фрагментом трубчатой кости, остатки взрослой особи — крупными обломками черепа, фрагментами бивней, обломками зубов, ребер и трубчатых костей.

Кости волка (обломок ребра и один зуб) найдены в небольшом углублении (очажном?), заполненном мелкими осколками костей, перемешанными с суглинком и крошкой древесного угля. Кости млекопитающих хорошей сохранности и не окатаны.

---

[4] Определение Э. А. Вангенгейм.
[5] Определение Э. А. Вангенгейм.
[6] Определение Э. А. Вангенгейм

Среди остатков рыб В. Д. Лебедевым определены: осетр (род Acipenser), язь и елец (?). Два последних вида рыб широко распространены в настоящее время в бассейне Вычегды, осетр для этой территории неизвестен[7]. Кроме того, в культурном слое были найдены единичные раковины морских моллюсков — *Mytilus sp. (cf. edulis L.)*, *Cyprina islandica* (?)[8], а также неопределимые обломки гастропод и двустворок. В нижней части слоя опесчаненного суглинка (примерно на одном уровне) вместе со скоплениями костей млекопитающих обнаружено несколько десятков крем-

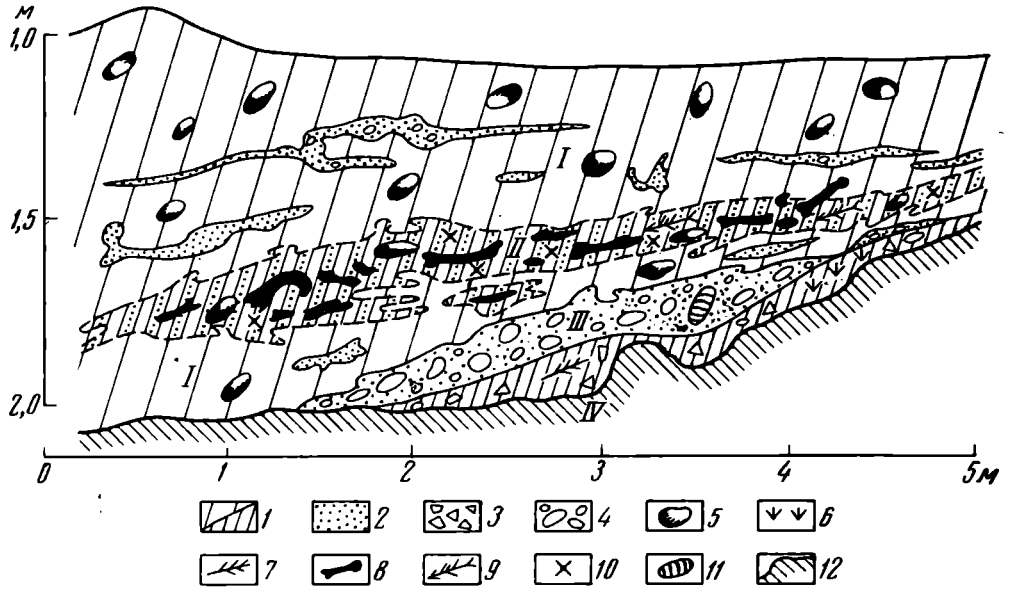


Рис. 2. Усть-Куломская стоянка. Продольный разрез нижней части раскопа

1 — суглинок; *2* — песок; *3* — щебень; *4* — галька и гравий; *5* — валуны; *6* — торф; *7* — растительные остатки; *8* — кости млекопитающих; *9* — кости рыб; *10* — скопления кремневых орудий; *11* — зуб мамонта; *12* — верхнепермские отложения. Горизонты: *I* — суглинок с валунами и линзами песчано-гравийного материала; *II* — суглинок опесчаненный с валунами и галькой; *III* — гравийно-галечные отложения с песчаным заполнителем; *IV* — суглинок с торфом, растительными остатками и щебнем

ней, часть которых носит следы искусственных расколов и преднамеренной обработки. Кремневый инвентарь представлен дисковидными нуклеусами, ручными остроконечниками, рубильцами, отщепами, скребками и т. д. (рис. 3). Присутствие нуклеусов свидетельствует о том, что обработка камня производилась здесь же, на стоянке. Изучение палеолитических изделий показало, что часть из них несет на себе черты некоторой архаичности.

Отдельные отщепы отличаются массивностью, присутствием галечной корки на спинке, сильной волнистостью отбивной поверхности. По заключению археологов (С. Н. Бибикова, В. Н. Даниленко, И. В. Шовкопляса), характер кремневых изделий Усть-Куломской стоянки позволяет уверенно датировать ее позднемустьерским временем.

Сложная по фациальному и литологическому составу толща ранневерхнеплейстоценовых отложений, вмещающих культурные остатки древнего человека, оказалась столь же сложной по палеоботанической характеристике. Взятые из рядом пробуренных скважин образцы были подвергнуты спорово-пыльцевому и ботаническому анализам, на основании которых можно сделать выводы о характере растительного покрова и климатических условиях, существовавших во время накопления осадков. Толща, вскрытая скважиной 106[9], формировалась в условиях неоднократно пре-

[7] Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. II, М.— Л., 1949.
[8] Определение В. С. Зархидзе.
[9] Скважина пробурена Печорской экспедицией 2-го ГГУ.

рывавшегося процесса осадконакопления. По письменному заключению М. П. Гричук (ГИН АН СССР), для суглинков нижней части разреза характерно господство безлесных пространств, покрытых травянистой и кустарничковой растительностью. Среди последних преобладает карликовая березка, ива, ольховник, а в составе трав — злаковые и осоковые. Характерно присутствие *Selaginella siberica* (до 18%), *Rubus chamaemoris*, *Ly-*

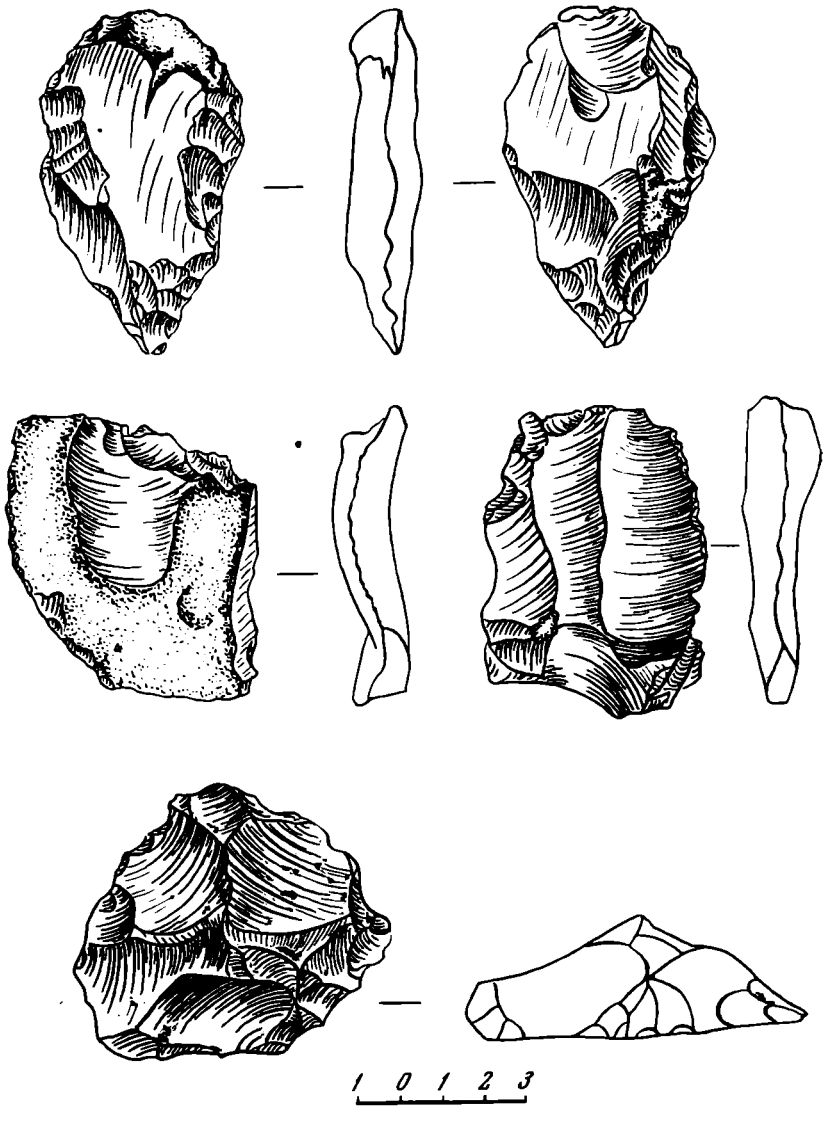


Рис. 3. Кремневые изделия из Усть-Куломской стоянки

copodium pungens. Вышележащие галечники, в которых в слое 9 раскопа найден окатанный зуб мамонта, формировались в условиях господства темнохвойной еловой тайги. В небольшом количестве (до 1%) в этих отложениях встречена пыльца липы и вяза. В составе аллохтонных гипновых торфов, вскрытых в скважине 106 на глубине 17,2 *м*, сотрудниками Торфяного института определены остатки *Carex sp., Colliergon cuspidatum, C. tribarium, C. cordibolim, Drepanocladus bluitanus*.

Накопление толщи, лежащей выше, проходило в условиях существования разреженных березовых лесов. В составе пыльцы древесных постоянно присутствуют вяз и липа (до 1—3%), что позволяет говорить о захождении их ареала к северу. Постоянное присутствие пыльцы широколиственных пород в отложениях, залегающих несколько выше культурного слоя, отмечено также палинологом Л. С. Тюриной (Гидропроект), анализировавшей образцы соседних скважин.

Таким образом, спорово-пыльцевые анализы свидетельствуют о том, что в период обитания позднемустьерского человека климат в бассейне

Верхней Вычегды был достаточно умеренным, во всяком случае, близким к современному.

По данным геологов Всесоюзного научно-исследовательского геологического института, в отдельных прослоях синих и серых глин, развитых в районе с. Усть-Кулом, были определены морские диатомовые *Melosira sulcata (Ehr.) Ktz., M. sulsata var. siberica Grun, Stephanopyxis turris (Grew et Arn.) Ralfs.* Присутствие типичных морских диатомовых в совокупности с удивительной изменчивостью фаций по вертикали и горизонтали, присутствие перемытых торфов свидетельствуют о формировании толщи в литоральной зоне опресненного морского бассейна, вблизи устья реки Пра-Кулом-Ю.

О существовании в описываемом районе сильно опресненного морского залива говорят также находки на стоянке среди кухонных остатков раковин *Mytilus sp.* В долине р. Кулом-Ю, в нескольких километрах от стоянки, в дельтовых отложениях этого же времени (тонкозернистые пески с прослоями суглинков и торфов) найден комплекс лагунных и пресноводных видов моллюсков: *Viviparus contectus Millet, V. fasciatus Müll., Unio tumidus Phil., Unio sp., Mytilus sp.*

Первый из вышеназванных моллюсков является формой озерно-речной, но заходящей в опресненные участки внутренних и эпиконтинентальных морей (Каспийского, Азовского, Балтийского). Другая форма — *Viviparus contectus* — обычно тяготеет к озерно-болотным биотопам. По заключению А. Л. Чепалыги и А. А. Стеклова, совместное нахождение перечисленных видов моллюсков говорит о том, что формирование осадков происходило в дельте реки, вблизи морского побережья.

Таким образом можно определить, что временная охотничья стоянка позднемустьерского человека, жившего в логу, располагалась вблизи устья древней реки, впадавшей в морской залив. Тяготение палеолитических стоянок к устьям рек является, как известно, характерной особенностью поселений древнего человека. При повышении уровня бореального моря, вызванном общим опусканием суши, и затоплении территории древний человек был вынужден покинуть стоянку. Видимо, по этой причине Усть-Куломская мустьерская стоянка отличается бедностью остатков материальной культуры. Частая смена процессов размыва и аккумуляции, отмеченная для разреза отложений над культурным слоем, четко зафиксировала дальнейшие колебания уровня трансгрессировавшего бассейна, а преобладание в разрезе глинистых прослоев, содержащих морскую флору диатомовых, свидетельствует о том, что речные и озерно-речные условия сменились дельтовыми или лагунными. По-видимому, некоторую роль в накоплении осадков в древнем логу играли также процессы делювиального сноса со склонов.

Исходя из геологической ситуации стоянки, а также учитывая результаты палинологических анализов толщи, вмещающей культурный слой, время обитания позднемустьерского человека на Вычегде определяется конечной стадией рисс-вюрма. Не исключено, правда, что стоянка относится к более позднему времени, к самому началу вюрмской ледниковой эпохи. Об этом как будто бы говорит некоторое похолодание климата, отмеченное, по данным палинологических анализов, для низов разреза, ниже культурного слоя. С другой стороны, время обитания мустьерского человека на стоянке, по-видимому, совпало с одной из последних фаз бореальной (верхнечетвертичной) трансгрессии, распространявшейся по долине Вычегды до устья Северной Кельтмы. В заключительную фазу трансгрессии уровень бассейна достигал абсолютных отметок 130—140 *м*. По А. С. Лаврову [10], уровень бореального моря в период максимума трансгрессии достиг-

[10] А. С. Лавров. Новые данные о границах распространения бореальной трансгрессии и калининского ледникового покрова в бассейнах Печоры и Вычегды. Сб. «Верхний плейстоцен. Стратиграфия и абсолютная геохронология», М., 1966.

гал отметок 120—125 *м*, а собственно морской залив распространялся по долине Вычегды до с. Усть-Кулом.

Все это по-новому освещает проблему соединения в верхнем плейстоцене бассейнов Вычегды и Камы (через сквозные долины Северной и Южной Кельтмы). После соединения бассейнов этих рек произошло проникновение в долину Вычегды понто-каспийского осетра, остатки которого были найдены на палеолитической стоянке в с. Усть-Кулом. На Верхней Каме в это время также существовал обширный озерновидный бассейн, где накапливались болотные и озерные отложения. В основании последних в районе пос. Гремячево геологи издавна находили кости млекопитающих, относящихся к обедненному хозарскому фаунистическому комплексу (мамонт раннего(?) типа, сайгак, зубр, северный олень, лошадь и т. д.). В 1965 г. автор обнаружил здесь же мустьерские орудия (ручной остроконечник и архаичные отщепы). К исходным по облику и литологическому составу отложениям приурочены находки орудий мустьерского человека в Пещерном логу, в устье р. Чусовой. Приуроченность мустьерских местонахождений к определенному комплексу водных осадков — дельтовых на Вычегде и озерных на Каме — позволяет считать другие участки современных долин, в пределах которых развит комплекс аналогичных отложений, перспективными в отношении возможности находок мустьерских стоянок. Открытие стоянки позднемустьерского человека на Вычегде дает много нового для пересмотра вопроса о времени первоначального заселения первобытным человеком северных районов Русской равнины.

М. П. АБРАМОВА

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Летом 1966 г. производилось доследование расположенного на городище Нижний Джулат древнего могильника, разрушаемого в ходе работ по добыванию глины.

В настоящее время на восточных склонах холма, занимаемого городищем, находится несколько обширных карьеров, примыкающих друг к другу, причем последний из них, работы на котором велись в 1966 г., находится уже на территории укрепленного поселения монгольского времени, примыкающего к цитадели городища. Культурный слой в этой части городища достигает 1,5—2 *м* и содержит большое количество остатков различных ремесленных мастерских и хозяйственных ям, которые очень четко прослеживаются в срезе карьера. При разработке карьера культурный слой срезается бульдозером до уровня материковой глины [1], которая уже затем выбирается экскаватором, причем происходит разрушение древнего могильника. Удалось доследовать 24 могилы, в том числе 13 катакомб аланского времени и 11 грунтовых могил, большинство из которых относится к сарматской эпохе, менее всего изученной на территории Северного Кавказа. К этому времени можно отнести девять погребений Нижне-Джулатского могильника (№ 7 — 10, 12, 13, 19, 21, 23).

Погребение 7 (рис. 1, *1*). Могильная яма прямоугольной формы была вытянута с юго-востока на северо-запад, юго-восточная часть ямы срезана экскаватором. Ширина ямы 0,95, глубина 1,20 *м*, сохранившаяся длина — 1,30 *м*. На дне лежал скелет взрослого человека на спине, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, так что кисти лежат у плечей; ноги согнуты в коленях. Возле правого плеча стоял лепной сосуд баночной формы (рис. 2, *1*); в области грудной клетки найден втульчатый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 3, *12*). Ближе к юго-западной стене обнаружены кости ног и лежащий на голени обломок таза от второго скелета, по-видимому, мужчины. Положение погребенного определить не удалось. В западном углу могилы найдена сердоликовая бусина.

Погребение 8 (рис. 1, *2*). На глубине 2,50 *м* лежал костяк мужчины в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Над костями встречались угли и обломки дерева. В области пояса найдена железная пряжка (рис. 3, *6*), у левой локтевой кости стояли кувшин и миски (рис. 2, *3*, *9*). Контуры могильной ямы проследить не удалось.

Погребение 9. Могильная яма вытянутой овальной формы была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Сохранившаяся длина ямы — 1,70, наибольшая ширина — 1, глубина 1,35 *м*. Судя по оставшимся костям, в яме лежал скелет в вытянутом положении, головой на юго-

[1] Вследствие этого все замеры глубины могил производились от уровня поверхности материка.

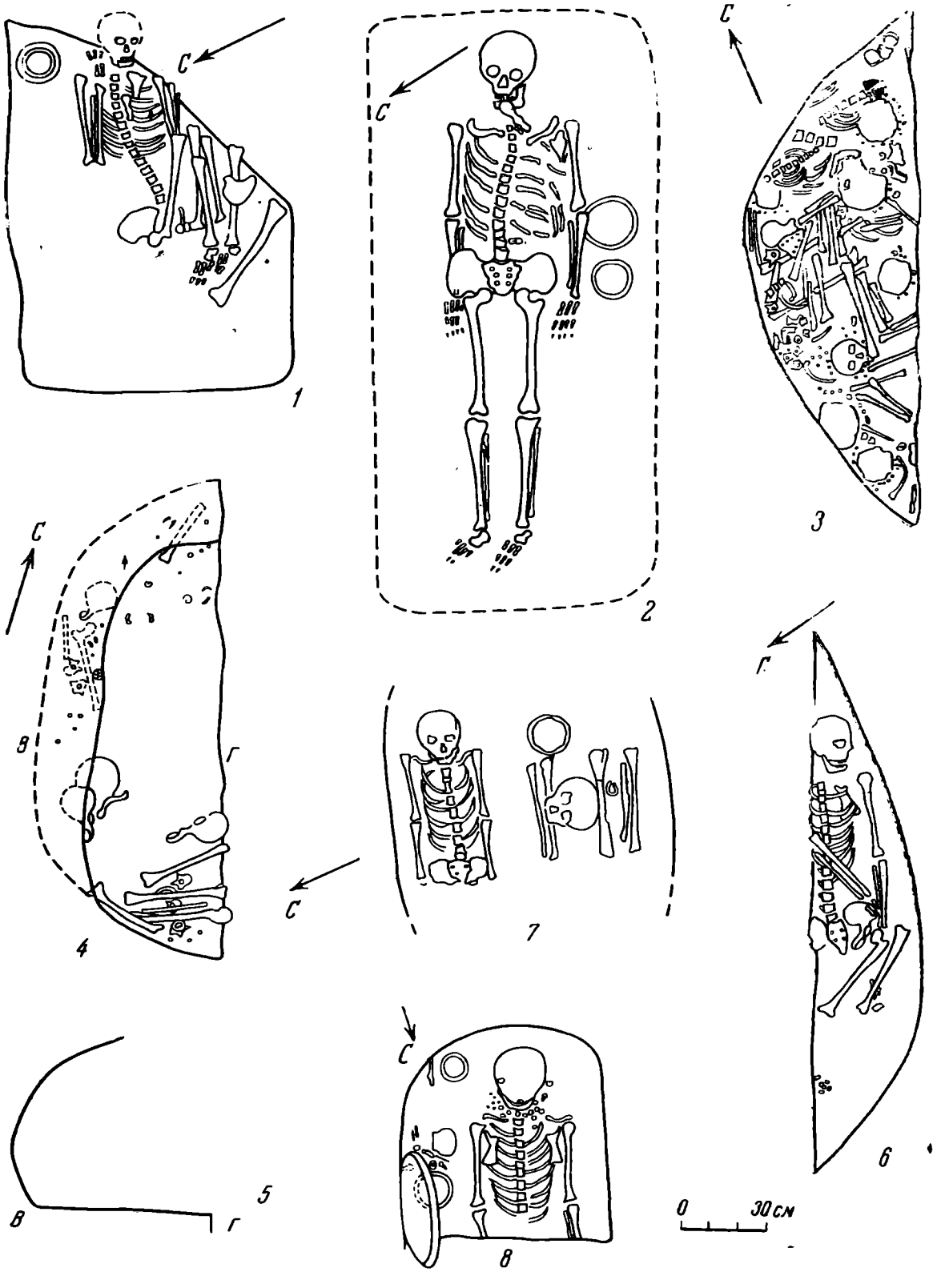


Рис. 1. Планы и разрезы могил

(*1* — погр. № 7; *2* — погр. № 8; *3* — погр. № 12; *4, 5* — погр. № 23; *6* — погр. № 21; *7* — погр. № 19; *8* — погр. № 13)

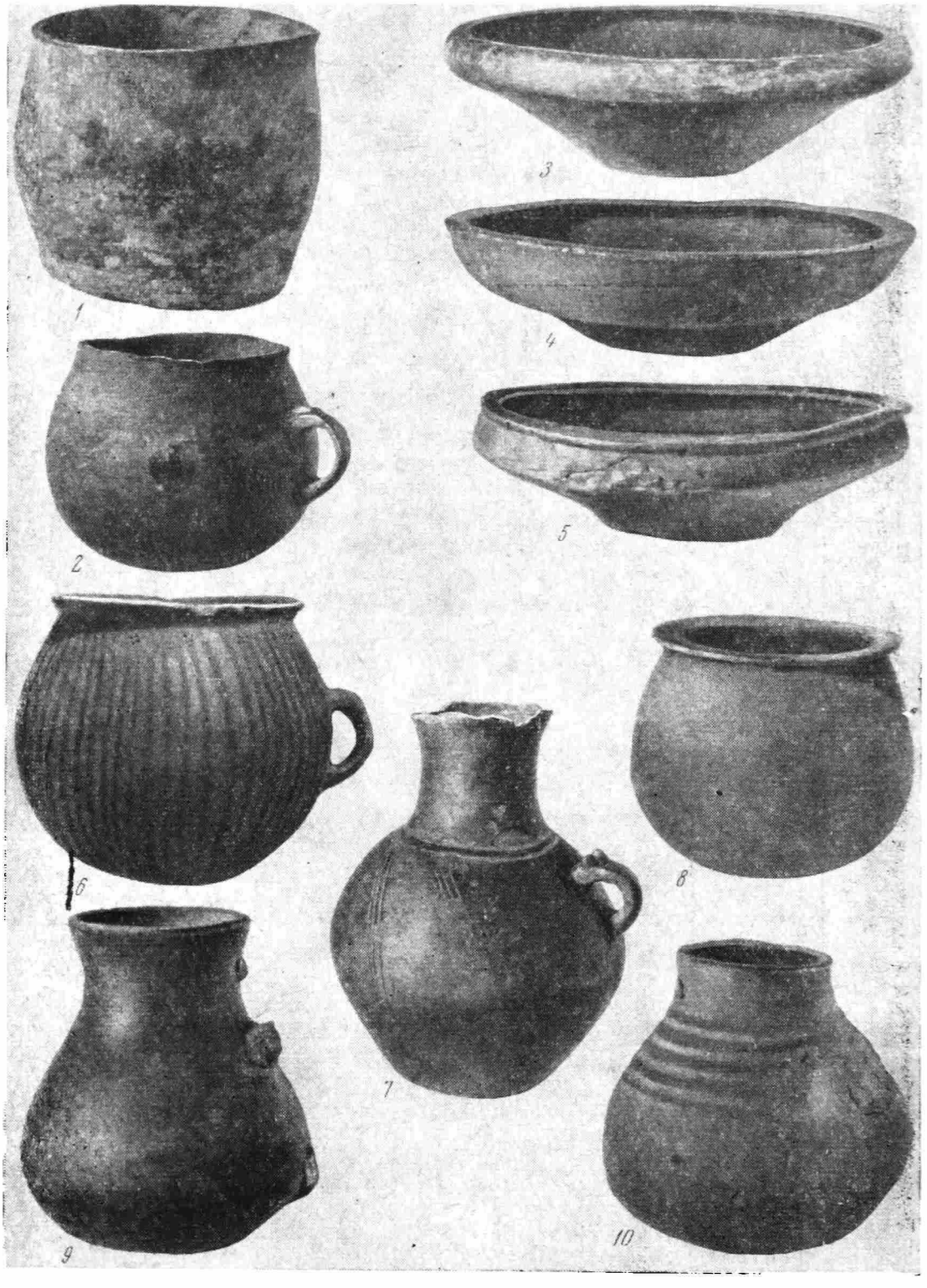


Рис. 2. Глиняные сосуды

(*1* — погр. № 7; *3*, *9* — погр. № 8; *6* — погр. № 9; *5*, *8*, *10* — погр. № 13; *4* — погр. № 19; *2*, *7* — из разрушенных могил)

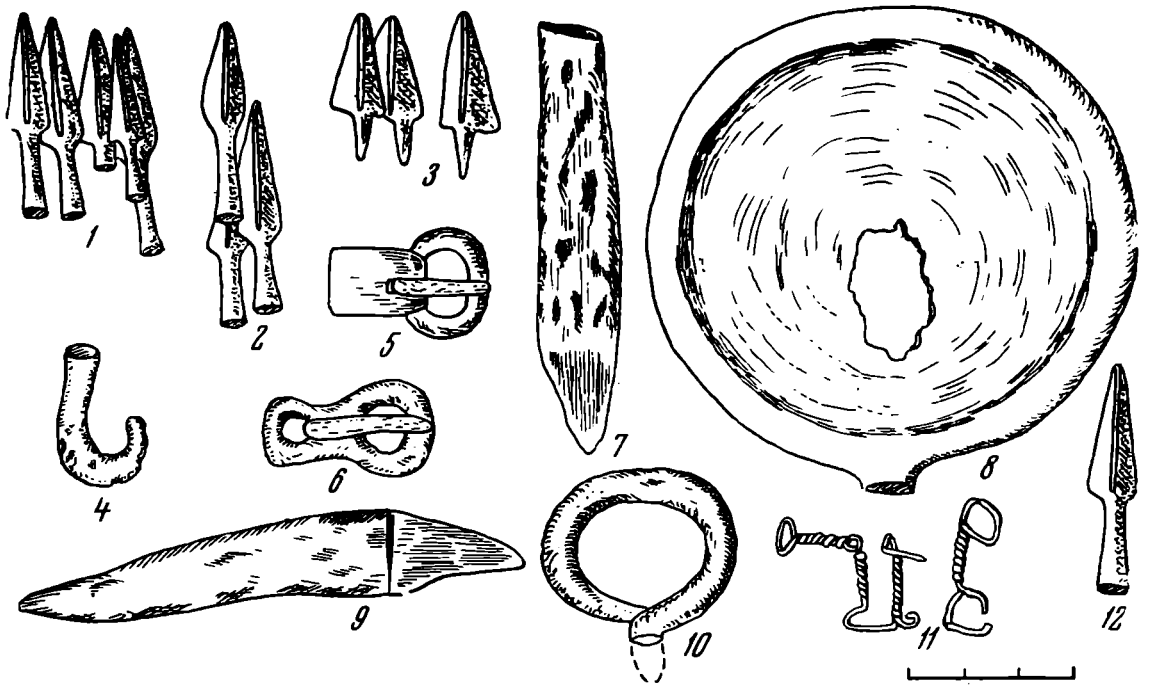


Рис. 3. Вещи из погребений

(*1—4, 6, 7, 9, 10, 12* — железо; *5, 8, 11* — бронза; *1—5, 7* — погр. № 9; *6* — погр. № 8; *9, 10* — погр. № 19; *11* — погр. № 21; *12* — погр. № 7; *8* — из разрушенной могилы)

восток. При погребении найдены глиняный сосуд, бронзовые пряжки и железные черешковые наконечники стрел (рис. 3, *3, 5*); у пояса находился железный крючок, по-видимому, от колчана; у левого бедра 17 скипевшихся железных втульчатых наконечников стрел, лежащих остриями к ступне. У правой голени находился железный нож (рис. 3, *1, 2, 4, 7*). В северо-восточной части могилы удалось проследить подбой глубиной 0,40, высотой 0,50 *м*.

Погребение 10. Сохранилась незначительная северо-западная часть могилы длиной 0,30—0,50 *м*. Глубина — 1,65 *м*. В могиле были найдены бисер, плоская стеклянная подвеска и раковины каури.

Погребение 12 (рис. 1, *3*). Яма подпрямоугольной формы была направлена с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Большая часть ее была срезана экскаватором (сохранившаяся длина — 1,40, ширина — 1,10, глубина 2,10 *м*). В заполнении ямы встречались угли. На дне могилы находились кости не менее 7 скелетов, преимущественно детских; 7 черепов лежали в разных концах могилы, между ними в кучи были сложены длинные кости от разных скелетов, несколько ребер и позвонков. Один детский скелет очень плохой сохранности (без рук и ног) лежал в северо-западном углу могилы в вытянутом положении, головой на запад. Считать эту могилу разрушенной грабителями нельзя, так как около каждого черепа были сосредоточены находки: бронзовые или серебряные привески в 1,5 оборота, бронзовая булавка (рис. 4, *9—13*) и особый для каждого черепа набор бус (рис. 5, *1—2*).

Погребение 13 (рис. 1, *8*). Могильная яма, наполовину срезанная экскаватором, была ориентирована к северо-востоку на юго-запад. Сохранившаяся длина ее 0,80, ширина — 0,70—0,80, глубина 1,55 *м*. На дне ямы лежал костяк, по-видимому, молодой женщины, в вытянутом положении на животе, головой на юго-запад. У шеи погребенной были рассыпаны бусы от ожерелья (главным образом ребристые, гешировые). У черепа найдены две золотые привески в 1,5 оборота и серебряная позолоченная фибула (рис. 6, *6, 10—12*). Слева от черепа находились маленький сероглиняный сосуд (рис. 2, *8*) и железный нож. У северо-восточной стенки могилы лежала хорошо обработанная овальная плита из светлого камня,

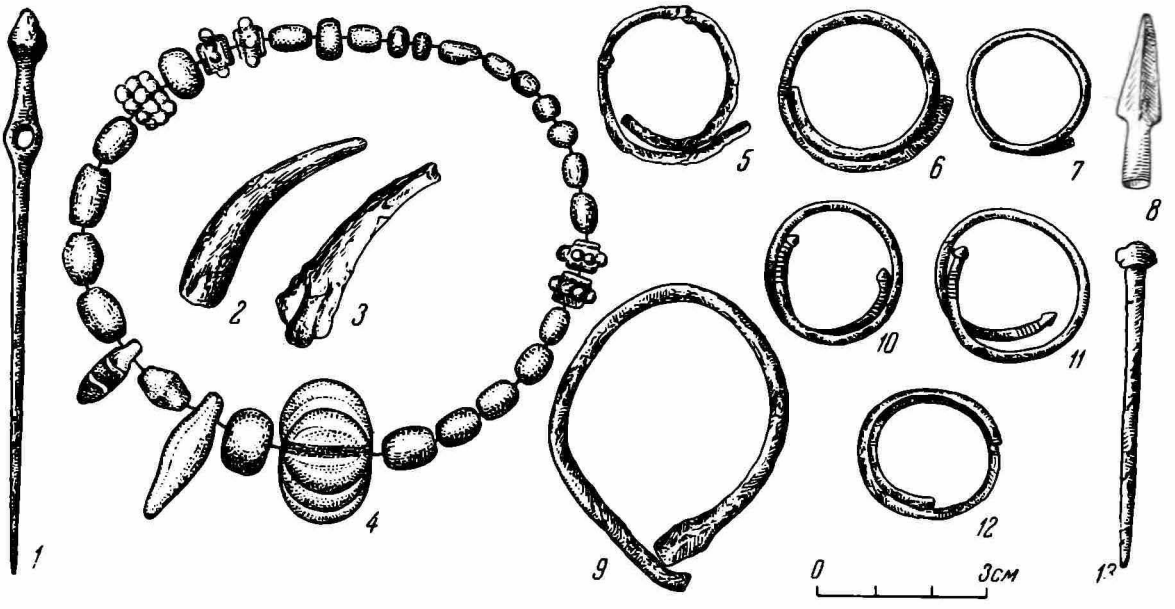


Рис. 4. Вещи из погр. № 12 и 23

(*1 –8* — погр. № 23; *9—13* — погр. № 9; *1, 2, 3, 5—7, 9, 12, 13* — бронза; *10, 11* — серебро; *8* — железо; *4* — бусы из стекла и сердолика)

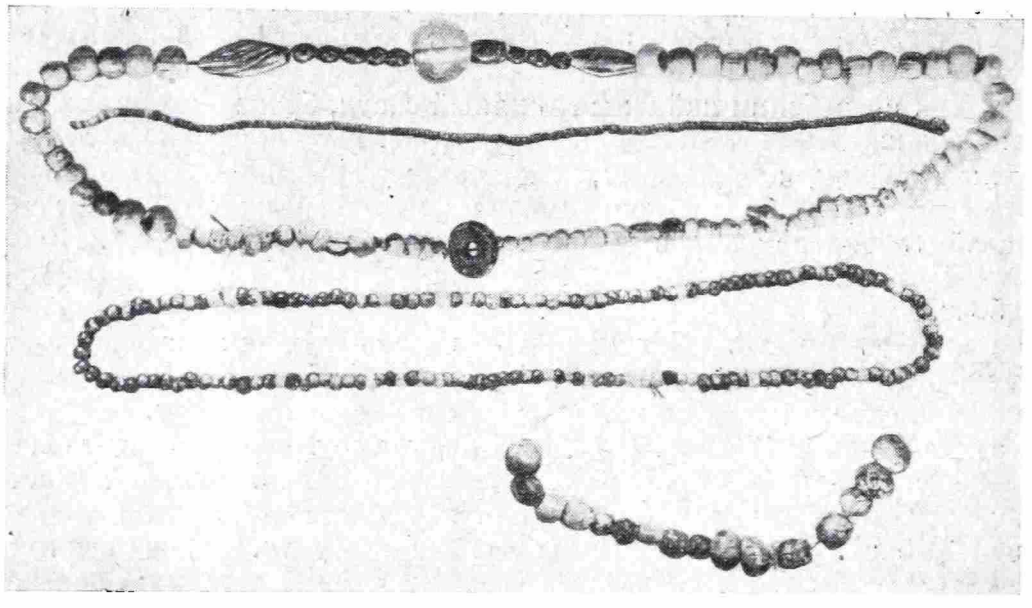


Рис. 5. Бусы из погр. № 12 (*1, 2*) и из могилы «Н» (*3*)

а под ней — бронзовая, костяные и каменные просверленные привески (рис. 6, *1—5, 7—9*), глиняная миска и два сосуда (рис. 2, *5, 10*).

Погребение 19 (рис. 1, *7*). Вскрытая часть могильной ямы была вытянута с юго-востока на северо-запад, в ней лежал костяк подростка на спине, головой на юго-восток. Слева от него найдены длинные кости взрослого и положенный на них лицом вверх череп. У среза могилы прежде стоял глиняный сосуд, от которого сохранилось только дно. Между длинными костями взрослого найдена железная пряжка с неподвижным язычком (рис. 3, *10*). К этому погребению относится также сероглиняная миска, в которой лежали кости барана и железный нож (рис. 2, *4*; рис. 3, *9*).

Погребение 21 (рис. 1, *6*). От могильной ямы, вытянутой овальной формы, направленной с востока-юго-востока на запад-северо-запад, сохранилась часть длиной 1,90, шириной 0,40, глубиной 1,90 *м*. У южной стенки ямы лежал костяк подростка. Верхняя часть его туловища лежала в

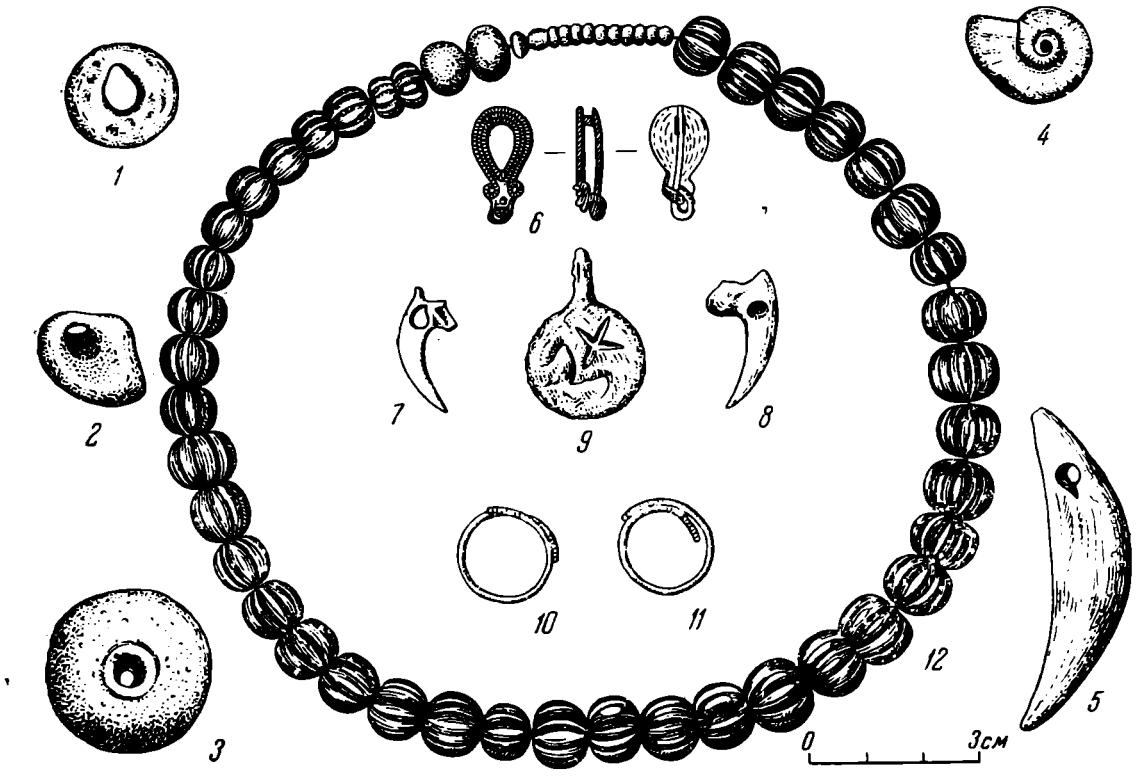


Рис. 6. Вещи из погр. № 13

(*1—5, 7—9* — привески: *1, 3, 4* — окаменелости; *2* — камень; *5* — клык животного; *7, 8* — когти животного; *9* — бронза; *6* — серебряная позолоченная фибула; *10, 11* — золотые височные привески; *12* — бусы из гешира, халцедона и стекла)

вытянутом положении на левом боку, головой на юго-восток. Правая рука согнута, кисть на тазовых костях. В ногах костяка найдены обломки деревянного предмета, скрепленного бронзовыми перевитыми проволоками и бронзовой обоймой (рис. 3, *11*).

Погребение 23 (рис. 1, *4, 5*). Могильная яма овальной формы была вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Длина 1,70, в сохранившейся части — ширина 0,60 глубина — 1,90 *м*. В отличие от других могил, заполненных очень плотной глиной, эта яма на 0,40—0,50 *м* от дна была засыпана рыхлой землей, перемешанной с человеческими костями от трех скелетов (два взрослых и один детский). В северо-северо-западной и юго-юго-восточной стенках прослежен подбой, однако первоначальные размеры его установить не удалось, так как часть его была срезана при расчистке. В разных частях могилы найдены — бусы (рис. 4, *4*), две бронзовые височные привески в 1,5 оборота, обломки привесок с утолщенными концами, железный наконечник стрелы, бронзовая булавка (рис. 4, *1—3, 5—8*). У дна могилы встречались угли.

Таким образом, ориентировка ям и погребений довольно устойчивая: преобладающее направление могил с юго-востока на северо-запад, погребенные ориентированы головой на юго-восток. Лишь могила 13 была направлена с юго-запада на северо-восток и костяк в ней лежал головой на юго-запад. В могилах находилось по одному (погр. № 8, 9, 13, 21) или несколько костяков — от двух (погр. № 7 и 19) до семи (погр. № 12). Преобладало вытянутое на спине положение костяка (погр. № 8, 9, 19), но есть и вытянутое на животе (погр. № 13), вытянутое на боку (погр. 21), скорченное на спине (погр. 7).

Обычай погребения покойников в грунтовых ямах хорошо известен на Центральном Кавказе в скифо-сарматское время. Это погребения Моздокского могильника[2] в северных районах Северной Осетии; в южных горных районах Центрального Кавказа погребения такого типа известны

[2] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Эрмитажа, I, Л., 1940.

в памятниках позднекобанской культуры (Корца, Кобань — северное и западное кладбища и др.), особенностью горных районов является засыпка грунтовых могил камнями [3].

В могильнике Нижний Джулат в двух погребениях (№ 9 и 23, относящихся к I в. до н. э.—I в. н. э.) удалось проследить наличие ниши или подбоя. К сожалению, из-за почти полной их разрушенности не удалось установить первоначальную форму могил. Были ли это катакомбы, подбойные погребения или небольшие подбои в грунтовой яме — определить сейчас нельзя. Против устройства катакомбы в мог. № 9 говорит очень незначительная глубина ее залегания (1,35 *м*), тогда как средняя глубина залегания камер катакомб обычно равна 3—3,3 *м*. Кроме того, яма была заполнена плотной материковой глиной, так же как и все другие грунтовые могилы. Более вероятно наличие подбоя или катакомбы в мог. № 23, которая в отличие от других ям была заполнена у дна мешаной рыхлой землей. Катакомбы на Северном Кавказе исследователями связываются с сарматами, и действительно, ранние катакомбы и по положению костяка и по инвентарю обычно близки к сарматским погребениям. Здесь же положение костяков определить не удалось, а инвентарь (булавка и привески) находят ближайшие аналогии в позднекобанских комплексах. Уточнить устройство могил этой группы, очень важной для решения этнических вопросов, смогут лишь дальнейшие раскопки этого могильника.

Отмеченные выше некоторые различия в погребальном обряде не могут быть объяснены хронологически, так как подавляющее большинство могил датируется в основном одним временем — рубежом нашей эры. Более широкая дата некоторых погребений может быть объяснена невыразительностью их инвентаря.

Рубежом нашей эры можно датировать погр. № 9, 12, 13 и 23. В погр. № 9 найдены железные наконечники стрел, железный крючок, бронзовые пряжки с обоймой и глиняный сосуд. Наконечники стрел — втульчатые (в подавляющем большинстве) и черешковые (рис. 3, *1—3*). Черешковые наконечники стрел появляются на Северном Кавказе в I в. до н. э. [4] Втульчатые наконечники бытуют со скифского времени вплоть до рубежа нашей эры, возможно, заходя в I в. н. э. Железный крючок (рис. 3, *4*), по-видимому, от колчана, имеет близкие аналогии в сарматских памятниках Поволжья, где они особенно распространены в III—II вв. до н. э. [5] Бронзовые пряжки с подвижным язычком (рис. 3, *5*) появляются с I в. до н. э., а пряжки такого типа с пластинчатой обоймой распространяются на рубеже и в первых веках нашей эры [6]. Характерны они и для многих памятников первых веков нашей эры на Северном Кавказе [7]. Лощеный глиняный сосуд шаровидной формы с отогнутым венчиком и петлевидной ручкой (рис. 2, *6*) близок к сосуду из погребения III—I вв. до н. э. из Батумского могильника [8]. Учитывая наличие пряжки с обоймой, погребение должно быть датировано рубежом нашей эры, возможно, началом I в н. э. Инвентарь погр. № 9 характерен для памятников рубежа нашей эры на широкой территории. Этого нельзя сказать об инвентаре погр. № 12 и 23, который носит явно местный, кавказский облик. В обоих этих погребениях найдены височные привески из круглой проволоки

[3] В. И. Долбежев. Журнал раскопок, произведенных в Терской области в 1891 и 1892 г. Архив ЛОИА, ф. 1, д. 1891—13; ф. 1, д. 1892—16.

[4] Курган у ст. Воздвиженской I в. до н. э.; ГИМ, инв. № 42418; Усть-Лабинский могильник, см. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 191.

[5] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ-Д1-10, М., 1963, стр. 35, табл. 20.

[6] М. П. Абрамова, Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. СА, 1959, 1, стр. 63.

[7] О Таркинском могильнике см. Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, стр. 27, рис. 8, 2; о катакомбах у Братска см. Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии СА, 1965, 2, стр. 177, рис. 3. *1*.

[8] Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 175, рис. 1, *2*.

в 1,5 оборота (в мог. № 23 — бронзовые, в мог. № 12 — бронзовые и серебряные — с насечками и коническими утолщениями на концах) (рис. 4, *5—7, 10—12*). В этих погребениях найдены обломки, очевидно, браслетов или привесок с бочковидными утолщениями на концах (рис. 4, *2—3, 9*), а также бронзовые булавки с конической головкой (рис. 4, *1, 13*). Весь этот набор предметов очень характерен для памятников позднекобанской культуры горных районов Северной Осетии рубежа нашей эры (Западное кладбище Кобани, Корца и др.), где точно такого же типа булавки и привески с утолщенными концами найдены вместе с зеркальцами-привесками сарматского типа I в. до н. э.—I в. н. э.[9] Круглопроволочные привески в 1,5 оборота из бронзы, серебра или золота характерны для памятников второй половины I тысячелетия до н. э. на широкой территории: они хорошо известны и для сарматов Поволжья с раннесарматского времени вплоть до рубежа нашей эры[10], обычны они и в памятниках этого времени, принадлежащих местным племенам Северного Кавказа (Усть-Лабинский могильник, могильник Елизаветинского городища, Танаис, могильник Закуты из Кабардино-Балкарии и др.), где они часто имеют на концах кольцевые нарезки[11], что характерно и для некоторых привесок Нижне-Джулатского могильника (погр. № 12 и 13). В Филимоновском погребении Кобани, относящемся к рубежу нашей эры, найдены серебряные привески с коническими утолщениями на концах[12], подобные серебряным привескам из погр. № 12. Найденные здесь довольно крупные округлые, а также биконические стеклянные бусы имеют внутреннюю позолоту (рис. 5,*1*). Бусы такого типа получают распространение в эпоху эллинизма[13]. В обоих погребениях хорошо представлены сердоликовые бусы бочковидной формы. Сердолик темный, прозрачный, сверление двустороннее. Такие бусы с надпилами с обеих сторон наиболее характерны для эпохи эллинизма[14], особенно широко они распространены в памятниках II—I вв. до н. э. В погр. № 23 найдены подвески-слезки из прозрачного зеленоватого стекла, а также мелкие светлые бусы с бородавчатыми налепами (рис. 4, *4*). Оба эти типа бус распространены в памятниках эллинизма и римского времени[15].

Время погр. № 23 уточняет втульчатый трехлопастной железный наконечник стрелы, который при наличии вышеприведенных аналогий, в частности набора бус, бытовавших не ранее II в. до н. э., позволяет отнести эту могилу к I в. до н. э.,— I в. н. э. Среди бус из погр. № 12 найдены желтые непрозрачные бусы неправильно-округлой формы, точная аналогия которым находится в большом количестве в погребениях Корцы, где эти бусы являются, очевидно, изделиями местного производства. Наиболее хорошо эти бусы известны там в погребениях рубежа нашей эры, где их сопровождают бронзовые зеркальца-привески сарматского типа[16].

Большой интерес с точки зрения погребального инвентаря представляет мог. № 13. Найденная здесь хорошо обработанная плоская овальная каменная плита относится, возможно, к разряду сарматских каменных ритуальных блюд, а именно ко второй группе, выделенной К. Ф. Смирновым (блюда без ножек), которые доживают у сарматов

---

[9] Корца. Раскопки В. И. Долбежева 1892 г. у подножия бугра — мог. № 3 и 6, на лесной поляне — мог. № 3 и 4. ГИМ — 28556—28560.

[10] И. В. Синицын. Древние памятники саратовского Заволжья. Археологический сборник. Саратов, 1966, стр. 16.

[11] Елизаветинский могильник, 1935 г., погр. 23, МАЭ, № 5338—1298; Закуты, раскопки Е. И. Крупнова 1947 г., погр. 1, ГИМ — 82350.

[12] ГИМ, инв. № 54746.

[13] Н. Н. Погребова. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского. МИА, 96, 1961, стр. 164.

[14] Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. КСИИМК, XVIII, 1947, стр. 29—30.

[15] Н. Н. Погребова. Ук. соч., стр. 164, 169.

[16] Раскопки В. И. Долбежева 1892 г. ГИМ, инв. № 28557.

вплоть до III в. до н. э.[17] В Прикубанье каменные плиты неправильной формы, обычно со сглаженной верхней поверхностью, встречаются в погребениях III—I вв. до н. э., где они также имели культовое назначение[18]. У сарматов эти блюда сопровождают всегда женские, довольно богатые погребения[19], очевидно таким погребением и является мог. № 13. Ритуальный характер этой плиты подтверждается найденными под ней, сложенными вместе различными магическими подвесками, среди которых просверленные клыки и когти животного, просверленные окаменелости (рис. 6, *1—5, 7—8*), а также круглая плоская бронзовая привеска с тамгообразным знаком — типа «сарматского знака», столь широко распространенного в Северном Причерноморье в первые века нашей эры[20] (рис. 6, *9*). Рисунок на привеске состоит из двух частей: внизу помещен знак в виде дуги с загнутыми концами, который, по мнению Э. И. Соломоник, можно рассматривать как стилизованную голову рогатого животного[21]. Рельефные знаки такого типа на керамике известны на Северном Кавказе в эпоху бронзы и в скифское время[22]. Над ним изображен знак в виде «птичьей лапы». Знаки такого типа не характерны для Северного Кавказа, но довольно часто встречаются на изделиях (курильницах, костяных гребнях) сарматских племен прохоровской культуры IV—II вв. до н. э.[23] Со II в. н. э. этот знак встречается довольно широко, в частности на зеркалах-привесках, однако аналогии сочетанию этих знаков нам найти не удалось. Кроме того, привеска из погр. № 13 отличается от круга бронзовых изделий с «сарматскими знаками» тем, что знак на ней резной, а не рельефный.

В этой же могиле найдены золотые привески в 1,5 оборота, аналогичные привескам из мог. № 12 и 23. Так же как в мог. № 12, на концах привесок имеются нарезки (рис. 6, *10, 11*). Серебряная позолоченная фибула из мог. № 13 орнаментирована по краю тремя рядами тонкой припаянной проволоки, покрытой насечками (рис. 6, *6*). Фибула относится к разряду фибул-брошей с «шарниром» в виде проволочной петли. Такие фибулы наиболее характерны для северо-западного Кавказа, где они встречаются главным образом в памятниках II—I вв. до н. э.[24] С рубежа нашей эры они заменяются брошами с шарнирами из двух стоек[25].

Чернолощеная мисочка на кольцевом поддоне из мог. № 13, на плоском горизонтальном бортике, имеет нанесенный лощилом орнамент в виде зигзага (рис, 2, *5*). Миски с плоским, слегка отогнутым бортиком характерны в основном для памятников конца I тысячелетия до н. э. Они довольно широко распространены в сарматских погребениях Поволжья в IV, а особенно в III—II вв. до н. э.[26], и обычно имеют вид грубых плошек, выполняющих роль курильниц. Миски такого типа встречаются в сарматских погребениях вплоть до рубежа нашей эры[27], имея

---

[17] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 164—165, рис. 75.

[18] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник, стр. 188.

[19] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 166.

[20] Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, рис. 108—119.

[21] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 21.

[22] В. И. Марковин. Новые памятники эпохи бронзы в горной Чечне. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, стр. 95, 112, рис. 27, *17*; Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Археологические памятники близ села Карабудахкент. МИА, 68, 1958, стр. 151, 152, рис. 4, 5, *1—2*; Е. И Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, XVII, М., 1947, стр. 23—24, рис. 20, *8*.

[23] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 11, *8, 21*; табл. 26, *15*.

[24] А. К. Амброз. Фибулы Юга Европейской части СССР. САИ-Д1-30, М., 1966, стр. 30—31, табл. 14, *18, 19, 21, 23—25*, табл. 15, *1*.

[25] Там же, стр. 31.

[26] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 11.

[27] П. Бережковский мог. к 43; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 45, рис. 16, *8*; Молчановка, II, к. 1, п. 4; И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 131, рис. 44, *3*.

в большинстве случаев на срезе венчика орнамент в виде зигзага. Характерны миски с плоским бортиком и для памятников последних веков до нашей эры Прикубанья[28] и Северного Кавказа[29]. Сероглиняные миски с кольцевым поддоном бытуют в основном до рубежа нашей эры; уже с конца I в. до н. э. господствуют миски (и другие сосуды) с плоским дном[30]. Кроме того, фибула данного типа не позволяет датировать эту могилу позже I в. до н. э. С другой стороны, присутствие среди инвентаря могилы подвески с так называемым «сарматским знаком», распространение которых относится к первым векам нашей эры, а появление — к I в. до н. э. (знаки на кубанских котлах I в. до н. э.)[31] не позволяет отнести это погребение ко времени ранее I в. до н. э.

Следующие две грунтовые могилы (№ 7 и 19) также можно отнести к концу I тысячелетия до н. э., но из-за значительной разрушенности могил и бедности сохранившегося инвентаря они имеют более широкую дату — очевидно, III—I вв. до н. э.

Железный втульчатый трехлопастной наконечник стрелы из погр. № 7 (рис. 3, *12*) по своей форме аналогичен наконечникам из мог. № 9. Найденная в погр. № 7 бусинка из темного с прожилками прозрачного сердолика бочковидной формы с надпилами у обоих отверстий, как уже отмечалось, характерна для эллинистических погребений III—I вв. до н. э.[32] Такие бусы мы уже рассматривали в погребениях I в. до н. э. Нижне-Джулатского могильника.

Сосуд из этой же могилы, сделанный из коричневой глины с примесью черного песка, относится к разряду грубых кухонных сосудов и имеет простейшую баночную форму, небольшая ручка в верхней части сосуда обломана (рис. 2, *1*). Сосуды такого типа бытовали на широкой территории в течение длительного времени и вряд ли могут являться датирующим материалом.

В погр. № 19 найдено дно лепного сосуда (горшка или кувшинчика) грубой глины, которая так же как и в посуде из погр. № 7, имеет значительную примесь довольно крупного черного песка. Здесь же найдена железная пряжка с неподвижным язычком, конец которого обломан, с остатками ткани. Кольцевые пряжки такого типа, сделанные из железа, характерны для сарматских погребений Поволжья и Приуралья IV—II вв. до н. э., наибольшее распространение они получили в III—II вв. до н. э.[33] Глиняная миска из того погребения (рис. 2, *4*) — лепная, сделана из коричневой грубой глины с примесью черного песка (аналогична сосуду из погр. № 7 и сосуду из погр. № 19). Миска имеет серую неровную, слабо лощеную поверхность, довольно широкий (до 1,5 *см*) плоский горизонтальный бортик, плоское дно и вогнутые в нижней части стенки. Миска несомненно местного кавказского типа. Подобной формы миски, правда без широкого плоского бортика, известны из Лугового могильника VI—V вв. до н. э.[34] Как уже отмечалось, миски с плоским бортиком наиболее характерны для последних веков нашей эры.

Железный нож (рис. 3, *9*), лежавший в миске, имеет горбатую спинку. Ножи такого типа на Северном Кавказе характерны в основном для

---

[28] Ст. Кубанская, к. 6 — ГИМ № 48478; ст. Казанская, ГИМ, 42381; Усть-Лабинский мог. № 2; Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 176, рис. 8, *3, 5, 8*; стр. 178, рис. 9, *1, 2, 4*.

[29] Например, ст. Мекенская (Чечено-Ингушетия) к. 5, погр. № 3; Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у ст. Мекенской. Древности Чечено-Ингушетии, стр. 31, рис. 12, *2*.

[30] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 191.

[31] Э. И. Соломоник. Ук. соч., стр. 17.

[32] Г. Г. Леммлейн. Ук. соч., стр. 30.

[33] М. Г. Мошкова. Ук. соч., табл. 25, *1—3, 8—14*.

[34] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник. Древности Чечено-Ингушетии, 449, рис. 5, *5—8*.

памятников середины и второй половины I тысячелетия до н. э.[35], в памятниках первых веков нашей эры бытуют в основном либо прямые, либо серповидно-изогнутые ножи[36].

В целом относительно маловыразительный материал этого погребения позволяет датировать его довольно широко — III—I вв. до н. э. Что касается обычая положения в миску мяса животного вместе с ножом, то у сарматских племен он распространяется с рубежа нашей эры и бытует в основном в первые века нашей эры[37], тогда как у меотов Прикубанья случаи нахождения мяса животного в миске типичны для погребений с III в. до н. э. по II в. н. э.[38]

Грунтовые погребения № 8 и 21 относятся, очевидно, к первым векам нашей эры. В погр. № 8 кроме железной пряжки с подвижным язычком (рис. 3, *б*) были найдены сероглиняные лепные лощеные сосуды: кувшин и миска, последняя имеет плоское дно, вогнутые в нижней части стенки и загнутый внутрь край (рис. 2, *3*). Миски такого типа являются местными кавказскими. Лощеные миски с загнутым внутрь краем характерны для памятников кобанской культуры, миски, найденные на Змейском поселении X—VIII вв. до н. э., обычно украшены резным орнаментом[39]. В это же время начинает появляться прогиб стенок у дна миски[40] — черта, наиболее характерная для сосудов (в том числе и мисок) кобанской культуры скифского времени (например, Нестеровский[41], Луговой могильники[42]). Большое распространение миски такого типа (с вогнутыми у дна стенками и загнутым внутрь краем) получают в первые века нашей эры, когда они имеют свои отличительные черты — более резкий переход от вогнутой нижней части к выпуклой верхней, причем этот переход располагается теперь в верхней части миски, почти у ее края. Миски такого типа в первые века нашей эры встречаются в позднесарматских погребениях[43] и особенно характерны для Северного Кавказа[44], где они доживают до начала II тысячелетия н. э.[45]. Кувшин с воронкообразным горлом и грушевидным туловом (рис. 2, *9*), судя по сохранившимся трем отросткам, имел на боку ручку в виде фигуры животного с вытянутым туловищем, с загнутой к горлу сосуда тонкой мордой. Сосуды аналогичных форм с подобной ручкой характерны для памятников Северного Кавказа I—II вв. н. э.[46]. Этим временем мы и можем датировать погр. № 8.

Бронзовые перевитые проволочки с петлями на концах, подобные найденным в погр. № 21, известны в сарматских погребениях Украины первых веков нашей эры[47], а также в памятниках Северного Кавказа рубе-

---

[35] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 167, рис. 4, *11*; стр. 188, рис. 13, 12; стр. 201; Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 144, рис. 9, *11*, стр. 177, рис. 23, *11*.

[36] К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у ст. Карабудахкент. МАД, Махачкала, II, 1961, стр. 189, рис. 19; стр. 202, рис. 26, стр. 210, рис. 35; Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, 23, стр. 217, рис. 8, 9.

[37] П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933—1934 гг. СА, 1, 1936, стр. 153, рис. 22.

[38] Н. В. Анфимов. Ук. соч., стр. 189, 202.

[39] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 148—150, табл. XXII; Д. В. Деопик, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. МАДИСО, I, Орджоникидзе, 1961, стр. 23, рис. 6.

[40] Е. И. Крупнов. Ук. соч., табл. XXII, *4*.

[41] Там же, табл. LVIII, табл. LV, *9*.

[42] Р. М. Мунчаев. Луговой могильник, стр. 149, рис. 5, *3, 7, 8*.

[43] «Три Брата», кург. II-24; П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 153, рис. 22.

[44] Например, катакомба II—III вв. у с. Алхасте. ГИМ, инв. № 79845.

[45] В. Б. Деопик. Змейское средневековое селище. МАДИСО, 1, стр. 48, рис. 8.

[46] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 26.

[47] М. І. Вязьмітіна, В. А. Іллінська, Е. Ф. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Г. Ковпаненко. Курганы біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень». АП, VIII, Київ, 1960, стр. 73, рис. 59, *2*; стр. 82, рис. 66, *2*.

жа и первых веков нашей эры [48]. Поэтому предположительно погр. № 21 можно отнести к I—III вв. н. э.

Кроме доследованных нами погребений в могильнике целый ряд грунтовых могил был полностью разрушен экскаватором. Некоторые вещи из этих могил (в подавляющем большинстве сосуды) удалось сохранить. Часть из них также относится к сарматской эпохе.

Для погребений последних веков до нашей эры характерен тонкостенный чернолощеный шаровидный сосуд с петлевидной ручкой и слабо отогнутым венчиком (рис. 2, *2*), по форме почти аналогичный сосуду из мог. № 9. Сходный по форме сосуд известен и из погребений III—I вв. до н. э. Бамутского могильника (Чечено-Ингушетия) [49].

К первым векам нашей эры относятся сосуды из разрушенной грунтовой могилы «в»: миска с загнутым внутрь краем и сосудик типа кружки с прямым горлом, расширяющимся книзу туловом и петлевидной ручкой [50]; кувшин из могилы «д»; два кувшина с воронкообразным горлом, аналогии которым известны из Моздокского могильника [51]; сероглиняный лощеный кувшин прикубанского типа с зооморфной ручкой (рис. 2, *7*), бусы из могилы «н» (рис. 5, *3*) и др. По-видимому, к рубежу нашей эры относится бронзовое зеркало со слабо выраженным валиком по краю и плоской ручкой (рис. 3, *8*).

Таким образом, группа погребений сарматского времени представлена в Н. Джулатском могильнике довольно выразительно. Подавляющее большинство захоронений совершено в простых грунтовых ямах — обряд, известный для местных племен кобанской культуры в скифо-сарматское время. Поэтому можно утверждать, что эти погребения принадлежали племенам — носителям Кобанской культуры на позднем ее этапе. Об этом говорят некоторые элементы обряда (форма могильной ямы, вытянутое и скорченное положение костяков, наличие углей в могиле) и инвентаря (бронзовые булавки и привески кобанского типа и др.), т. е. все черты, характерные и для племен кобанской культуры горных районов (Корца, Северное и Западное кладбища Кобани и др.) [52]. Однако можно отметить и ряд черт, свидетельствующих о влиянии меотской и сарматской культуры на эти местные племена. За это говорят некоторые элементы в керамике, а также другие черты, что прослеживается, в частности, в богатом погребении молодой женщины с жертвенником и магическими привесками, на одной из которых имеется изображение «сарматского знака» (погр. № 13).

Меотское влияние прослеживается в основном на типах некоторых вещей, в частности сосудов, что является, по-видимому, свидетельством наличия торговых связей между местными племенами и меотами, вполне закономерных, учитывая близость их друг к другу. Сосуды и другие изделия из Прикубанья — крупного торгово-ремесленного центра того времени, были хорошо известны и в гораздо более отдаленных областях, например, у сарматов Поволжья.

Вопрос о сарматском влиянии гораздо более сложен, особенно если пытаться определить, какое в данном случае сарматское племя — аорсы или сираки — оказывали влияние на местные племена.

Решение вопроса о локализации того или иного племени возможно с учетом археологических данных и сведений древних авторов. В послед-

---

[48] К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, стр. 260, 262, рис. 18, *14*; Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии. СА, 1965, 2, стр. 177, рис. 3, *5*.

[49] Р. М. Мунчаев. Ук. соч., стр. 175, рис. 1, *2*.

[50] Аналогии ему имеются на Ц. Дону, см., например, Кобяковский могильник, 1957 г., п. 38, II—III в. н. э. Архив ИА, д. № Р-1, 1684, табл. XXIII, *4*.

[51] К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода Тр. ОИПКЭ, I, Л., 1941, табл. XII, *2*.

[52] В. И. Долбежев. Ук. соч.

ние годы появился ряд работ В. Б. Виноградова, который, используя оба эти компонента, пришел к выводу о том, что в II—I вв. до н. э. территорию Терско-Сунженского междуречья заселяло сарматское племя сираков[53]. Для подкрепления своего вывода археологическими материалами В. Б. Виноградов использует данные раскопок на р. Маныче, которую он связывает с сиракским Ахардеем Страбона, и на основании наличия там погребений с западной ориентировкой считает, что погребения с той же ориентировкой в Терско-Сунженском междуречье также могут быть отнесены к сиракам. На Маныче действительно найден целый ряд сарматских погребений последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры. Однако все ли они имеют западную ориентировку, как об этом пишет В. Б. Виноградов[54]? К III—II вв. до н. э. относится одно погребение у хут. Веселого, оно действительно ориентировано на запад (юго-западо-запад)[55]. К этому времени, вероятно, относится разрушенное погребение из кургана Шахай. Обряд погребения неизвестен. Следующая группа сарматских погребений найдена у хут. Спорного. К рубежу нашей эры относятся два погребения из кург. 3 (№ 16 и 28), оба они ориентированы на юго-восток. В этой группе имеются лишь два погребения с западной ориентировкой (кург. № 2, п. 39 и кург. № 3, п. 25)[56], но оба они не имели инвентаря и, являясь скорее всего савроматскими, были совершенно справедливо включены К. Ф. Смирновым в их число[57].

Еще одно погребение рубежа нашей эры найдено у х. Тузловки (между ст. Манычской и х. Веселым)[58], однако детали обряда этого погребения, в том числе и его ориентировка, неизвестны.

Таким образом, группа манычских погребений последних веков до нашей эры и рубежа нашей эры содержит фактически лишь одно погребение с западной ориентировкой. Можно ли на основании этого утверждать, что западная ориентировка является характерным признаком сиракских погребений? Очевидно, такая постановка вопроса преждевременна. Первые сарматские погребения в Северном Причерноморье были открыты В. А. Городцовым в самом начале XX в.[59], однако изучение и систематизация этих памятников могли быть проведены лишь в сравнительно недавнее время, только после того, как была изучена собственно сарматская культура Поволжья, откуда и происходило расселение сарматских племен на запад. Точно так же, прежде чем браться за уточнение границ сиракского племенного союза, надо изучить исконную его территорию, выделить характерные для этого племени черты. Предпринятая В. Б. Виноградовым попытка установить характерные черты обряда для отдельных сарматских племен (подбои — аорсы, грунтовая яма с западной ориентировкой — сираки, диагональные погребения — роксоланы)[60] не может считаться удачной. Дело в том, что хорошо изученные области сарматского Поволжья и Приуралья показали невозможность выделить различные племена, используя только какую-либо одну особенность погребального обряда. Каждое из называемых древними

---

[53] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963; его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965, 1, стр. 108 сл.; его же. Локализация Ахардея и сиракского союза племен. СА, 1966, 4, стр. 38 сл.

[54] В. Б. Виноградов. Сиракский союз племен..., стр. 108.

[55] М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г., СА, XI, 1949, стр. 313.

[56] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937.

[57] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ-Д1-9, М., 1963, стр. 10.

[58] Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938—1939 гг. Сб. «Памятник древности на Дону». Ростов на/Д, 1940, стр. 19—21.

[59] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. Тр. XIII АС, I, М., 1907.

[60] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 93—98.

авторами племенных наименований (аорсы, сираки, языги, роксоланы, аланы) было по существу крупным союзом большого числа более мелких племен. Отсюда необычайная пестрота погребального обряда, наблюдаемая у сарматских племен, и наличие сходных типов погребений у разных племен в разные времена. В частности, подбойные могилы, которые, по мнению В. Б. Виноградова, являются характерным признаком для аорсов, встречаются как в прохоровское время, так и в более поздние эпохи. Они являются одним из погребальных типов, характерных для территории расселения роксоланских племен, и становятся ведущей формой могильного сооружения у сарматских племен Северного Причерноморья и Поволжья аланского времени (II—IV вв. н. э.) [61]. Следовательно, такой принцип выделения племен является неверным, тем более если принять во внимание и слабую в археологическом отношении изученность территории северокавказских степей.

Кроме того, если обратиться к территории Северо-Восточного Кавказа, где локализует В. Б. Виноградов сираков в III—I вв. до н. э., то из 33 выделенных им сиракских комплексов [62] в 12 комплексах (№ 8. 10, 17, 18, 26—33) обряд не прослеживается, 13 комплексов (11—16, 19—25) принадлежат явно местным племенам (погребения Моздокского и Таркинского могильников). Остается 8 комплексов, из которых 5 происходят из северных районов (Ачикулак, Ставропольского края). Из них одно погребение (комплекс 1), судя по отчету Е. И. Крупнова, имеет юго-западную ориентировку [63], одно погребение (комплекс 5) совершенно в могильной яме, направленной с севера на юг, два комплекса были без инвентаря, что затрудняет их датировку и делает вполне возможным считать их савроматскими, и лишь одно погребение (комплекс 4) около рубежа нашей эры было ориентировано на юго-западо-запад. Погребение из Новой Аршти (комплекс 9) имело северо-западо-западную ориентировку, но содержало всего лишь несколько фрагментов характерного для Кавказа чернолощеного сосуда. Дату погребения определить нельзя. Остались два комплекса (6 и 7) из ст. Мекенской (к северу от Терека), которые действительно имели западную ориентировку и инвентарь, датируемый последними веками до нашей эры. Если добавить к ним комплекс № 4 (Ачикулак), то получится, что мы имеем всего три комплекса (из 33), которые имеют сочетание западной ориентировки и сарматского инвентаря, относимого к концу I тысячелетия до н. э. С другой стороны, широтная ориентировка могильных ям известна для местных племен Северного Кавказа еще с эпохи бронзы [64] и характерна для многих памятников местных племен скифо-сарматского времени, в том числе для заваленных камнями грунтовых погребений племен позднекобанской культуры (Пседахе — скорченные погребения, ориентированные на восток) [65]. Северное кладбище Кобани — скорченные костяки, ориентированные на восток и запад (погр. № 1, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15), вытянутые с той же ориентировкой (погр. № 5, 6, 9, 15) [66]; могильник Закуты — три скорченных и одно вытянутое погребения с западной ориентировкой [67]. Эта же ори-

[61] В статье, посвященной разбору средневековых погребений Нижне-Джулатского могильника, была допущена опечатка. В результате получилось, что я поддерживаю мнение о гуннской принадлежности подбойных погребений II—IV вв. н. э. См. М. П. Абрамова. Раннесредневековые погребения Нижне-Джулатского могильника. Уч. зап. Каб.-Балк. НИИ, XXV, 1967, стр. 154.

[62] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа...., стр. 41—61.

[63] Е. И. Крупнов. Отчет Прикаспийской археологической экспедиции 1952 г. Архив ИА, д. Р1, № 929.

[64] В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, 93, 1960, стр. 50—51, 59, 83.

[65] ОАК за 1898 г., стр. 161—163.

[66] В. И. Долбежев. Журнал раскопок, произведенных в Терской области в 1891 г.

[67] Е. И. Крупнов. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. Каб. НИИ, т. V, 1950, стр. 231—242.

ентировка характерна для некоторых впускных погребений со скорченными костяками и инвентарем скифского времени в Кулярах [68]. Восточная ориентировка погребенных преобладает в Березовском могильнике [69], Кескеме, есть в Кисловодском могильнике (наряду с западной) [70].

Все это говорит о том, что широтная ориентировка существовала в погребениях местных племен Северного Кавказа и до появления там сарматов. Учитывая незначительное количество погребений с западной ориентировкой и инвентарем сарматского типа, нет оснований выделять эту группу как сарматскую вообще и сиракскую в частности. С другой стороны, вполне закономерен в таком случае факт преобладания в этих погребениях сосудов местных кавказских форм (комплексы 6, 8—10, 18, выделенные В. Б. Виноградовым, а также погребения Бамутского могильника из раскопок Р. М. Мунчаева в 1963 г.) [71].

Как показало исследование сарматских комплексов Северного Причерноморья, на раннем этапе своего расселения сарматские племена сохраняют сходство в инвентаре (особенно в формах лепной керамики) с собственно сарматскими памятниками Поволжья и Приуралья и лишь позднее начинается заимствование ими форм у местного населения [72].

Конечно, нельзя отрицать вообще сарматское влияние на местные племена Северо-Восточного Кавказа. Однако для раннего периода (IV—III — начало II в. до н. э.) это влияние прослеживается не на материалах Терско-Сунженского междуречья, а в более северных районах от левобережья Терека (Мекенская, Червленая) и далее к северу, включая восточные области Ставрополья (Ачикулак). Эта территория, справедливо названная «зоной контакта» степных и кавказских культур [73], была плотно заселена в эпоху бронзы племенами, оставившими многочисленные памятники смешанного характера — с сочетанием черт как степных, так и кавказских культур [74]. То же самое отмечается и для савроматской культуры Северного Кавказа К. Ф. Смирновым [75].

Нужно отметить значительный спад населения в этой области (от Калмыкии до Терека) в I тысячелетии до н. э. по сравнению с эпохой бронзы. Чем это было вызвано, сказать трудно, возможно, сменой климатических условий. Во всяком случае, последние исследования И. В. Синицына на юге Калмыкии показывают, что очень плотное население этой области в эпоху бронзы сменяется затем весьма немногочисленным савроматским населением, новый же приток населения в эти области наблюдается лишь около рубежа нашей эры (с конца II—I в. до н. э.), когда здесь появляются целые курганные группы из небольших курганов, содержащих сарматские погребения [76]. Такую же картину дают и материалы более южных областей. В конце II—I в. до н. э. появляются сарматские комплексы и в Терско-Сунженском междуречье (Алды, Ассинская, Пседах и др., по Виноградову, комплексы 31—33). Это наиболее ранние явно сарматские комплексы (основные погребения в небольших курганах), однако обряд ни в одном из них не известен.

---

[68] ОАК за 1898 г., стр. CCLXY — CCLXVIII.

[69] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 193.

[70] Там же, стр. 256—258.

[71] Р. М. Мунчаев. Новые сарматские памятники..., стр. 176—178.

[72] М. П. Абрамова. Сарматская культура..., стр. 99, 108.

[73] Е. И. Крупнов, Н. Я. Мерперт. Курганы у ст. Мекенской, стр. 45—46.

[74] Там же стр. 45—46; И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. Тр. Калмыцкого респ. краев. музея, 1, Элиста, 1963, стр. 4; И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Тр. Калмыцкого НИИ и Калм. респ. краев. музея, 2, 1966, стр. 4.

[75] К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 268—269.

[76] И. В. Синицын, У. Э. Эрдниев. Археологические раскопки..., стр. 8; их же. Новые археологические памятники..., стр. 26—27. Такую же картину дают и раскопки И. В. Синицына последующих лет.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о мощном расселении сарматов на Северном Кавказе на рубеже IV—III вв. до н. э.[77] Расселение это, по-видимому, началось во II в. до н. э. и происходило оно не с Маныча, а возможно, из северных районов, если учесть появление в это же время новой волны сарматов в Калмыкии. Исходя из этого, можно предположить, что ранние сарматские погребения Терско-Сунженского междуречья были аорскими, так как именно аорсов можно локализовать в Калмыцких степях.

Сделанный на основании археологических материалов вывод о распространении сарматов на Северном Кавказе со II в. до н. э. хорошо подтверждается и данными письменных источников, так как первое упоминание локализуемых в Предкавказье сираков и аорсов мы находим у Страбона, основывавшегося, по-видимому, в своей работе на Перипле Артемидора Эфесского (конец II в. до н. э.). Сведений об этих племенах, относящихся к более раннему времени, нет.

В подтверждение своего вывода о наличии сиракского союза племен в III—I вв. до н. э. на Северо-Восточном Кавказе В. Б. Виноградов использует, помимо археологических материалов, и данные письменных источников, причем основным аргументом для доказательства этого в его последней работе было отождествление с Тереком упоминающейся у Страбона р. Мермода или Мермадаля[78], которая, по Страбону, течет через Сиракену[79]. Можно согласиться с тем, что р. Мермод (Мермадаль) следует локализовать на Северо-Восточном Кавказе, как это следует из контекста. Однако это еще не означает того, что здесь же надо локализовать и Сиракену Страбона. Страбон пишет: «Река Мермод, с шумом низвергающаяся с гор, протекает через страну амазонок, Сиракену и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду»[80]. Поскольку Страбон считал, что р. Мермод впадает в Меотиду, значит надо исходить из того, что в его представлении она течет на запад; протекая через страну амазонок, она затем пересекает всю (очевидно, обширную) лежащую между страной амазонок и Сиракеной пустыню, а затем уже попадает на территорию Сиракены и впадает в Меотиду. Под «пустыней» Страбона следует, очевидно, подразумевать земли, не известные для Страбона и его источников. Но, предполагая, что р. Мермод впадает в Меотиду, Страбон знал, что для этого прежде она должна пересечь земли сираков, расположенные на Северо-Западном Кавказе. Если подразумевать под Спракеной территорию Терско-Сунженского междуречья, то ни о какой «пустыне» между нею и страной амазонок не может быть и речи.

Такая же западная локализация сираков дается и в другом отрывке Страбона. Описывая горные племена Западного Кавказа, сходящиеся в Диоскуриаду, из которых «одни занимают вершины гор, другие же обитают в лесных долинах»[81], Страбон продолжает: «Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков»[82].

Страбон — единственный автор, который, по мнению В. Б. Виноградова, локализует сираков на Северо-Восточном Кавказе[83]. Однако разбор вышеприведенных отрывков говорит о полной солидарности Страбона с другими авторами (Помпоний Мела, Плиний, Тацит и др.), локализующими сираков на территории Северо-Западного Кавказа.

[77] В. Б. Виноградов. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-сарматским миром. Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966, стр. 67.
[78] В. Б. Виноградов. Локализация Ахардея..., стр. 38.
[79] Страбон, XI, V, I, 2.
[80] Страбон, XI, V, 2.
[81] Страбон, XI, V, 6.
[82] Страбон, XI, V, 7.
[83] В. Б. Виноградов. Ук. соч., стр. 49.

Таким образом, основываясь на археологических данных, можно заключить, что в настоящее время нет возможности выделить черты, характерные только для сиракского или только для аорского племени. Особенно это относится к сиракскому союзу племен, чья исконная территория совершенно не изучена. Поэтому нет достаточных оснований для локализации сираков на Северо-Восточном Кавказе. Исходя из этого, следует отметить, что высказывавшаяся уже в литературе точка зрения, основанная на разборе письменных источников о возможности локализации в центральных и восточных районах Северного Кавказа сарматского племени аорсов, может считаться допустимой [84].

[84] Ю. С. Гаглоев. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1964, стр. 15—17; его же. К проблеме появления алан на Северном Кавказе. Изв. Юго-Осет. НИИ, XIII, 1964, стр. 37—45. Однако необходимо отметить, что наличие здесь аорсов не может служить подтверждением раннего появления алан на Северном Кавказе, как это считает Ю. С. Гаглоев.

Ю. Ф. БУРЯКОВ

ПСКЕНТСКИЕ НАУСЫ

Среди археологических памятников Ташкентской области особого внимания заслуживают погребальные сооружения, покрывающие равнину правобережья р. Ахангеран от Акчасая на востоке до с. Янтак на западе и носящие название «Минг-Тепе» (тысяча холмов). Наиболее крупные скопления их концентрируются в районе с. Карахтай, восточнее г. Алмалык и вокруг с. Пскент. Это лессовые холмы диаметром от 3 до 24 *м*, высотой от 0,5 до 3,5 *м*. Сооружения под этими насыпями различны.

В 1929—1930 гг. раскопками А. А. Потапова под руководством М. В. Воеводского были вскрыты среди них курганы с катакомбой, подземный склеп из сырцового кирпича со сводом и погребения в гробах-колодах [1].

Несколько групп разных типов, в том числе и так называемые «мнимокурганы», сложенные из сырцового кирпича, отмечает М. Е. Массон [2].

В 1960 г. Т. Агзамходжаевым были проведены раскопки примыкающих к описанной группе с севера туя-бугузских погребальных курганов (между р. Ахангеран и оврагом Бургалик), среди которых выявлены погребения типа наусов, датируемые автором VII—VIII вв. [3].

Объектом нашего исследования были многочисленные курганы в южной части Минг-Тепе, расположенные южнее Пскента на площади около 2 *км*. Работы наши проводились в связи с уничтожением весной 1963 г. группы холмов при планировке под распашку колхозных полей [4].

В 10 *км* к югу от Пскента справа вдоль дороги Муратали — Беговат находится несколько всхолмлений диаметром 10—24 и высотой 1,5—3,5 *м*, под которыми скрыты сырцовые сооружения типа наусов.

Обследование двух разрушенных ранее наусов показало, что они сооружены в одном случае прямо на лессе, в другом — на пахсовой подушке высотой в 20 *см*. Стены толщиной до 1,2 *м* выложены в нижней части из пахсовых блоков, в верхней — из хорошо просушенного сырцового кирпича различных размеров (от 45×24×8 до 52×27×10 *см*), с обильной примесью соломы. Внутри, в прямоугольной камере, по сообщению жителей, находились кости.

Вскрытый нами курган, расположенный между разрушенными наусами, представлял собой холм диаметром 17×19 *м* и высотой 2,8 *м* (рис. 1).

---

[1] Отчет хранится в архиве Госкомитета СМ УзССР по делам строительства и архитектуры, инв. № 53. Первая группа относится к первой половине I тысячелетия н. э.

[2] М. Е. Массон. Ахангеран, историко-топографический очерк. Ташкент, 1953, стр. 19, 24—25.

[3] Т. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 71—72; В. А. Шишкин. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1960 г. ИМКУ, 3, стр. 16.

[4] О перепланировке полей Музею истории сообщил преподаватель Н. Касымов. Обследование наусов вдоль Ташканала провели сотрудники музея Ю. Ф. Буряков, С. Х. Ишанханов, К. А. Шахурин.

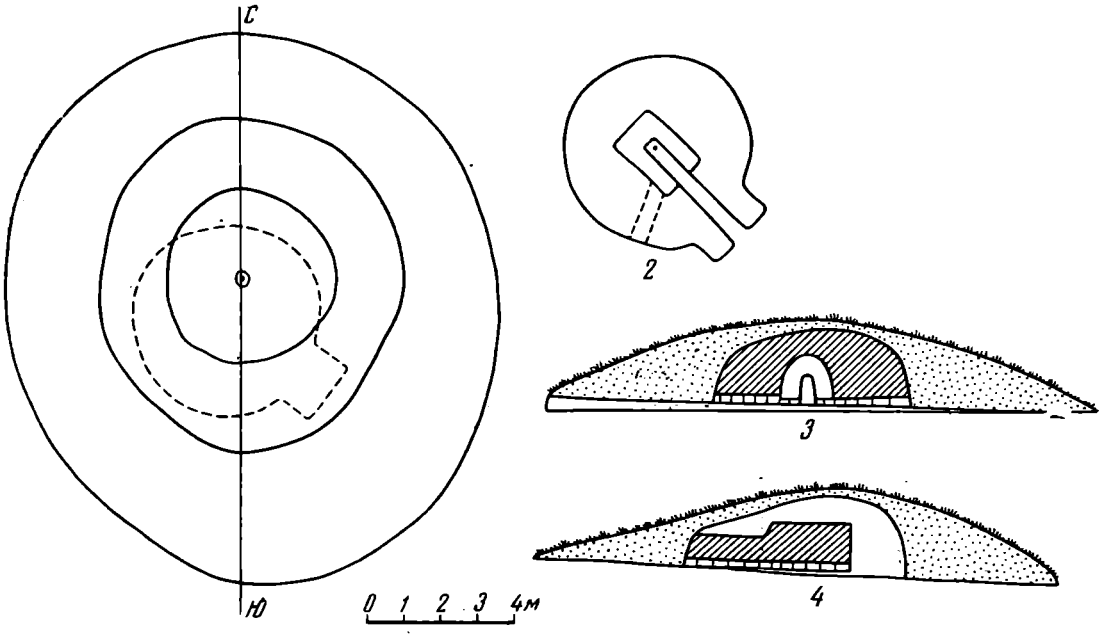


Рис. 1. Погребальное сооружение в Мурат-Али

1 — план холма, *2* — план науса, *3* — разрез по линии З — В, *4* — разрез по линии С — Ю

Под насыпью было сооружение типа науса (рис. 2) юртообразной уплощенной формы (диаметром 6,4×6,6 *м*), построенное на материковом лессе. На высоту 0,6—0,8 *м* его стены были выложены из пахсы, выше снаружи облицованы мелкими пахсовыми блоками 0,35×0,2 *м*, а изнутри — сырцовым прямоугольным разностандартным кирпичом (длина 44—48 *см*, ширина 22—30 *см*, толщина 10—15 *см*).

С юго-востока в наус вел вход с порталом, выступающим на 1,3—1,6 *м*. Ширина портала 2,6 *м* (восточный устой — 1,1 *м*, западный — 0,85 *м*, ширина прохода — 0,65 *м*). Засыпанный рыхлым лессом, вход приводил в прямоугольную камеру 2,6×1,8 *м*, перекрытую на высоте 1,6 *м* замковым сводом. Вдоль трех стен камеры располагались суфы высотой 10 *см*. Внутри лежали два костяка — взрослый и детский.

Наус был ограблен: в западной стене — грабительская мина диаметром 0,6—0,7 *м*, выходившая почти к центру камеры; костяки раздавлены и разбросаны, детский череп лежал в проходе.

Первоначально погребенные были уложены на западной и северной суфах. Камера была засыпана чистым лессом, а затем снаружи выше купола наус также был весь покрыт лессом, превратившим его в «подземное» сооружение. Следы специальной засыпки науса сохранились очень четко.

Из инвентаря, сопровождавшего погребения, сохранились две бусинки зеленого и голубого прозрачного стекла и фрагменты лепного красноглиняного горшка.

Стеклянные бусы широко распространены в Средней Азии, особенно с первых веков нашей эры [5]. Аналогии им отмечаются в Причерноморье и Крыму [6].

Из ранее разрушенного науса получен лепной широкогорлый горшок грушевидной формы (д. устья — 10,5 *см*) на плоском устойчивом дне (д — 9 *см*) высотой 19 *см*. Снаружи он слегка залощен, на плечике прилеплена вертикальная кольцевидная ручка, прямоугольная в сечении.

[5] И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг., 1952, стр. 106, табл. 1, *1*; С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-Кала. Там же, стр. 127, табл. 2, *21*.

[6] ГИМ. Материалы раскопок А. А. Бобринского в 1894 г.

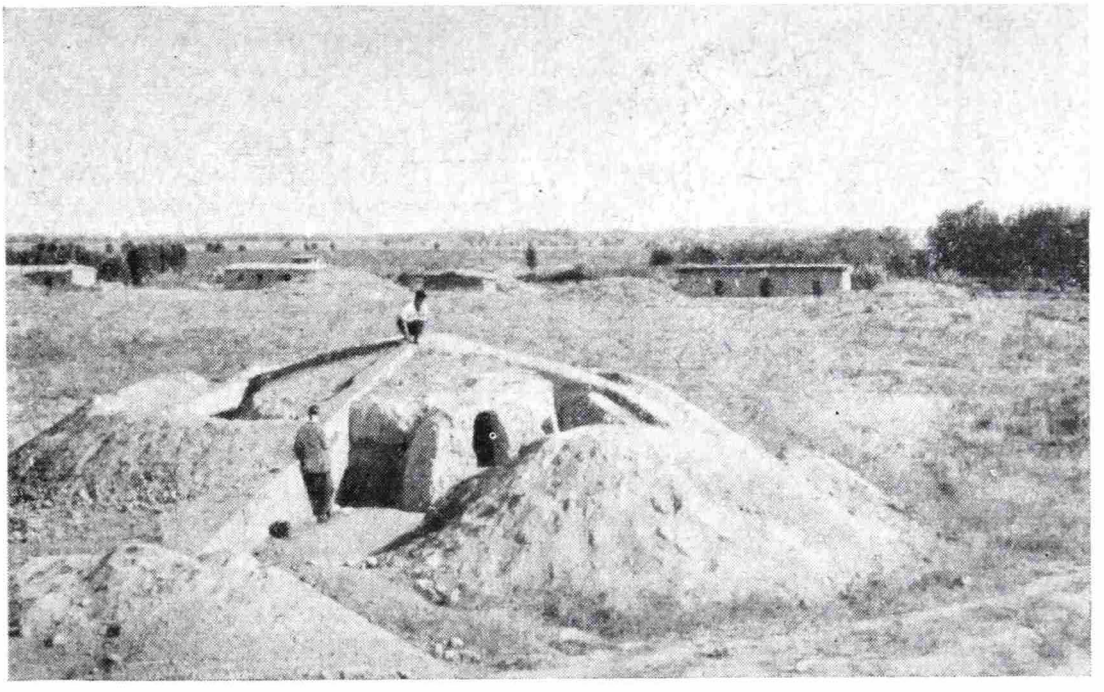


Рис. 2. Погребальное сооружение в Мурат-Али, вид с юга

Подобные сосуды характерны для позднекаунчинской культуры. В долине Ангрена они встречаются в памятниках середины I тысячелетия н. э., что позволяет отнести описанные погребения в наусе к этому же времени.

Вторая группа аналогичных погребений, насчитывающая около сотни всхолмлений, находится на правом берегу Ташканала.

Особый интерес среди них представляет наус, содержавший оссуарии. К сожалению, он был разрушен.

Снаружи этот наус так же, как и описанные выше сооружения, имел округлую форму высотой до 2,5 *м*, сложен из пахсовых блоков различной толщины. Некоторые из них по размерам приближаются к крупноформатному сырцовому кирпичу длиной около полуметра, шириной 25—30 *см*; есть и более крупные. Толщина стен 0,6—0,7 *м*, небольшой портальный вход вел в подквадратную в плане сводчатую камеру.

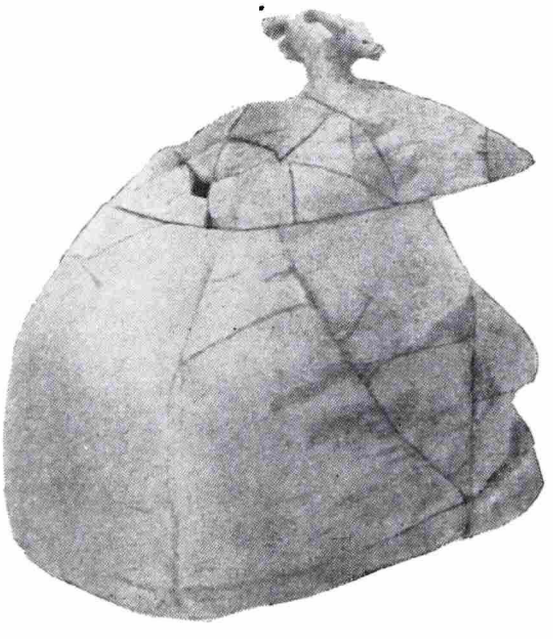


Рис. 3. Оссуарий № 1 из Пскентского науса

Внутри, на глинобитной подушке, стояли оссуарии. Сохранилось три ящичка одинаковой формы, два разбиты, у третьего повреждена лишь часть крышки. Оссуарии сформованы из плотно отмученной глины с небольшой примесью песка, обжиг хороший, толщина стенок 1,4—1,6 *см*.

Первый оссуарий (рис. 3) имеет максимальную длину 63 *см*, ширину 31 *см*, высоту без крышки 37 *см*, с крышкой до вершины ручки 56 *см*. Форма переходная от прямоугольника к овалу. Стенки конически сужаются кверху, но соединяющие их боковые ребра резко выделены. Крышка овальноподпрямоугольной формы также с резкими гранями является логическим продолжением сосуда. Наи-

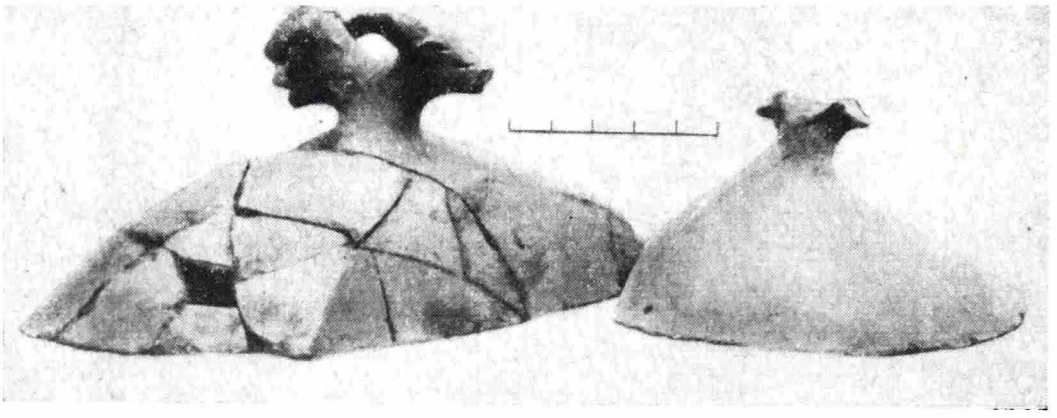


Рис. 4. Крышки оссуариев № 1 и 3

больший интерес представляет ручка в виде двух голов животных на одном тулове (рис. 4).

Одна голова — козла Capra sibirica с загнутыми назад рогами. Морда крупная с большими ноздрями и раскрытой пастью. Рога выполнены реалистично — массивные, уплощенные с подчеркнутым рубчатым строением.

Вторая более близка голове дикого барана типа Ovis archari. Рога также рубчатые, загнуты и опущены вперед, морда также большая, ноздри раздуты, рот открыт.

Аналогична форма второго оссуария, сохранившегося фрагментарно. Длина неизвестна, ширина 32,5 *см*, высота до крышки 34,5 *см*. Крышка отсутствует, сохранился лишь фрагмент ручки: отогнутый назад массивный рог и ухо козла.

Рис. 5. Оссуарий № 3 из Пскентского науса

Несколько отличен от описанных третий оссуарий, сохранившийся наиболее полно (рис. 5).

Грани нижних стенок его более мягкие, а верхняя половина полностью овальна, той же формы и крышка. Ручка ее также заканчивается двумя головками животных настолько схематичными, что определить их вид невозможно (рис. 4). Размеры оссуария: длина 61 *см*, ширина 34 *см*, высота без крышки 37,5 *см*, до вершины ручки 47,5 *см*. Внутри находились остатки костей плохой сохранности.

Форма описанных оссуариев в целом является для Ташкентской области новым вариантом, причем особый интерес представляют завершения крышек. Изображения головок животных, особенно на ручках сосудов или на подставках, известны в ряде районов Бухарской области [7], Фергане [8], Южном Казахстане [9]. Но особен-

[7] В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр (результаты раскопок 1955 г.). ИМКУ, 1, Ташкент, 1959.

[8] С. С. Сорокин. О происхождении керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 134; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962, стр. 21.

[9] Е. И. Агеева. Керамика Южного Казахстана (опыт историко-археологической периодизации). Автореф. канд. дис. Л., 1953, стр. 9.

но широко они распространены в каунчинской культуре Ташкентской области [10]. Г. В. Григорьев выделял хронологические особенности реалистических и стилизованных изображений животных, относя их в целом к Каунчи-2 [11]. Его общая датировка памятников подверглась пересмотру [12] рядом специалистов, в частности А. И. Тереножкиным и С. П. Толстовым [13], отметившими, что ручки в виде животных из Каунчи-2 можно отнести к первым векам нашей эры, а остальной материал — к середине I тысячелетия н. э. вплоть до V—VI вв. С. С. Сорокин считает ручки на кружках в форме зверька характерными для Ташкента I—II вв.[14]. Первыми веками нашей эры датируется аналогичная керамика Южного Казахстана [15], к I—IV вв. относятся сосуды с подобными изображениями из могильников в Ширин-Сае [16].

В Пскентском наусе мы видим и реалистические изображения животных, и стилизованные. Не остается постоянной и сама форма оссуариев, наблюдается постепенный переход от прямоугольной или овально-усеченной формы с резкими гранями к овальной форме. Все это позволяет отнести наус к позднему периоду бытования зооморфных изображений на сосудах — к середине I тысячелетия н. э.

Несколько слов о назначении изображений. Аналогию ручкам крышек представляет хорошо известная в каунчинской культуре группа подставок («шашлычниц») в виде спаренных головок животных.

Наличие подобных головок на оссуариях позволяет вновь подчеркнуть культовый характер данных изображений. Несомненно это животные — охранители от злых духов. Эта функция особенно четко подчеркнута у архара: раздутые ноздри, открытая пасть — выражение характерно для того момента, когда он встревожен, рассержен, готовится к борьбе. Изображения охранителей на оссуариях известны и в виде процарапанных фигур и налепов, рельефных и статуарных фигур. Это и антропоморфные и зооморфные и фантастические изображения.

В данном случае выступает культ козла и барана, почитаемых рядом народов [17]. Архар почитался в качестве оберега у сасанидов [18]. Изображение рогов барана становится впоследствии излюбленным мотивом многих среднеазиатских народов, причем этим изображениям придавалось культовое значение [19]. В первые века культ этих животных был широко распространен и в Ташкентской области.

В заключение остановимся еще раз на форме наусов. Округлые снаружи и квадратные внутри, они близки к «склепам», вскрытым А. А. Пота-

---

[10] Г. В. Григорьев, Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, стр. 14—18, 24—28; его же. Краткий отчет о работах Янгиюльской экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 8, Ташкент, 1940, стр. 34; М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 17—18.

[11] Г. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 40.

[12] А. И. Тереножкин. Рец. Г. В. Григорьев. Каунчи-Тепе, Изв. УзФАН, 8, стр. 84—87.

[13] С. П. Толстов. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, 1, стр. 173.

[14] С. С. Сорокин. Ук. соч., стр. 134.

[15] Е. И. Агеева. Ук. соч., стр. 9.

[16] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 95—97.

[17] Д. Фрезер. Золотая ветвь. IV, М., 1928, стр. 31.

[18] К. В. Тревер. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Тр. ОВЭ, III, Л., 1940, стр. 170, 171; Г. А. Пугаченкова. Материалы по восточной глиптике. Сб. «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 140, 142, 145—146.

[19] М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 28; М. Ф. Гаврилов. Орнамент киргиз Сусамыра. Ташкент, 1929, стр. 11—12.

повым и описанным М. Е. Массоном [20], к туя-бугузским и пенджикентским наусам [21].

По конструкции мураталинские наусы напоминают также каменные погребальные сооружения — мугхана, повторяя и общую форму (округлые снаружи с выделенным входом) и детали (крупные блоки основания и более мелкие — в кладке стен) [22]. Курганный, «подземный», характер мураталинским наусам придавала и искусственная засыпка лессом.

Интересным звеном, сближающим эти сооружения, являются вскрытые Т. Агзамходжаевым в верховьях р. Ахангеран подземные наусы, сложенные из каменных плит и представляющие собой опущенные в землю мугхана. В них был обнаружен большой керамический материал, включающий расписанные краской сосуды, ручки в виде животных, а в одном склепе найден оссуарий[23].

Сооружения второй пскентской группы представляют собой уже дальнейший шаг в этом отношении. Они почти аналогичны описанному выше сооружению по форме, но, судя по крутизне склонов, не были искусственно засыпаны и представляли собой наземные наусы, близкие к туя-бугузским и пенджикентским. Меняется и обряд захоронения. На смену трупоположению приходит захоронение останков сложенных в оссуариях.

Нам кажется, эти памятники представляют собой этапы трансформации погребальных сооружений племен, спускавшихся в первой половине I тысячелетия н. э. с гор в долину Ахангерана и постепенно воспринимавших новую религию — зороастризм с сохранением в большой степени старых верований, в частности веры в зооморфные силы.

Этот процесс совпадает с появлением в долине оседлых поселений, часть которых перерастает в раннефеодальные города.

---

[20] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 24—25.

[21] Т. Агзамходжаев. Ук. соч., стр. 77—79; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пенджикентский некрополь. МИА, 37, 1953, стр. 64—95.

[22] М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области. Изв. АН УзССР, 5, Ташкент, 1951, стр. 95, 97; его же. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг., Тр. Музея истории АН УзССР, 2, Ташкент, 1954, стр. 58—79; Б. А. Литвинский. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников кочевников в Кара-Мазарских горах. Тр. АН ТаджССР, LXIII, Душанбе, 1957, стр. 37—46.

[23] В. А. Шишкин. Ук. соч., стр. 16—17.

В. А. КУЗНЕЦОВ

СРЕДНИЙ ЗЕЛЕНЧУКСКИЙ ХРАМ

В 1964 г. мною была опубликована статья о северном Зеленчукском храме, расположенном на Нижне-Архызском городище X—XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук Карачаево-Черкесской автономной области. В начале статьи были сформулированы ее основные цели — привлечь внимание специалистов и широкой научной общественности к этому прекрасному памятнику архитектуры и дать о нем хотя бы начальное представление [1].

Те же цели преследует и данная статья [2], рассматривающая так называемый средний Зеленчукский храм, находящийся на расстоянии 0,8 *км* к югу от северного Зеленчукского храма, на территории упомянутого Нижне-Архызского городища. «Средним» храм именуется потому, что он расположен между северным и южным храмами, на правом берегу реки. Как и остальные храмы Б. Зеленчука, Кубани и Теберды, этот памятник до сих пор изучен плохо. Дореволюционные планы его, опубликованные братьями Нарышкиными, В. М. Сысоевым и анонимным автором, брошюры о Зеленчукском Александро-Афонском мужском монастыре [3] не точны, а описание крайне поверхностно. Попытки анализа и историко-архитектурной интерпретации среднего храма отсутствуют, хотя в старой литературе неоднократно высказывалось мнение о византийском происхождении всех Зеленчукских храмов [4].

В конце 80-х годов прошлого века средний Зеленчукский храм был «реставрирован» и частично видоизменен монахами Зеленчукского Александро-Афонского монастыря, соорудившими боковые пристройки и переложившими кровлю храма. Они же покрыли купол белой цинковой жестью и устроили в западном рукаве деревянные хоры (ныне не существующие, так же как и покрытие купола). Но более всего изучению храма мешает толстый слой штукатурки, которой монахи покрыли весь интерьер, скрыв или исказив некоторые детали здания.

В 1962 г. архитектор М. К. Каркаев, работавший в составе Зеленчукского отряда СКАЭ, произвел обмер среднего храма и выполнил публикуемый здесь чертеж (рис. 1), по которому видно, что рассматриваемый памятник (рис. 2—3) существенно отличается от северного Зеленчукского храма по своему плану. Он, как и северный, представляет собой кресто-

---

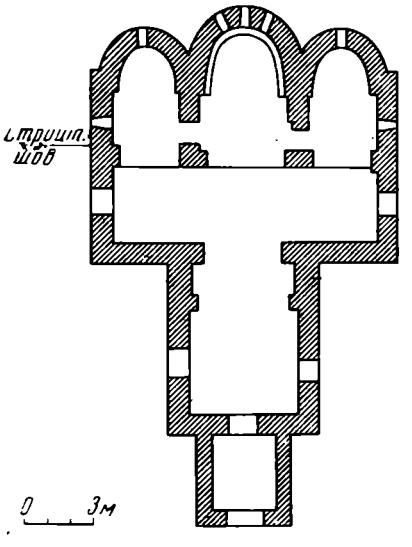
[1] В. А. Кузнецов. Северный Зеленчукский храм X века. СА, 1964, 4, стр. 137.

[2] Считаю своим долгом поблагодарить А. Л. Якобсона и Н. Г. Чубинашвили, прочитавших статью в рукописи и сделавших ряд ценных замечаний.

[3] Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. ИРАО, VIII, 4, СПб., 1876, стр. 363—366, табл. IV—VI; В. М. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 года. МАК, VII, М., 1898, стр. 123, рис. 20, табл. XV—XVI; Древнехристианские храмы и св. Александро-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела. Одесса, 1904.

[4] П. С. Уварова. Христианские памятники. МАК, IV, М., 1894, стр. 16; В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 133.

вокупольное, но бесстолпное здание. Глава его покоится на четырех устоях; двумя из них служат междуалтарные стены, вернее, их западная часть. Столбами их можно назвать условно, ибо они не отчленены от стен апсиды и отделяются от них лишь узкими проходами, ведущими в жертвенник и диаконник. Храм имеет продольный неф и трансепт, образующие в плане крест, восточный рукав которого заканчивается алтарным полукружием; по сторонам его расположены боковые апсиды. Западный рукав креста открыт (существующие здесь пристройки сооружены монастырем) и сильно вытянут за счет примыкающего с запада притвора. Таким образом, если северный Зеленчукский храм представляет собой образец вполне развитой крестовокупольной шестистолпной композиции, средний храм дает иную архитектурную композицию — крестообразную, осложненную боковыми апсидами.



Фис. 1. План среднего Зеленчукского храма. Синтрон и солея даны по архивным материалам Д. М. Струкова, пристройки конца XIX в. не показаны

Обратимся к рассмотрению некоторых деталей плана. В восточной (апсидальной) части здания, как и в восточной части северного храма, имеются три углубленные полуциркульные апсиды, средняя из которых шире боковых и выдвинута вперед по сравнению с ними. Боковые апсиды с внешней и внутренней стороны имеют небольшие выступы — заплечики, образующие угол, от которого начинаются продольные стены храма. Аналогичные выступы-заплечья видим и в средней апсиде, но здесь число их неодинаково: одно в северной и два — в южной стене. Подкупольный квадрат имеет правильную форму (каждая его сторона равна 3,80 *м*). Интересно, что западная ветвь креста здания несколько шире восточной ветви. Вероятно, зодчий стремился создать в интерьере ощущение перспективы (чего вполне и достиг).

Западный рукав креста здания, возможно, играл роль экзонартекса. К нему примыкает с запада притвор значительно меньших размеров и пристроенный позднее. Судя по старым чертежам храма, он был закрытым (притворы северного храма открытые). Такие же закрытые притворы имеет, например, Шоанинский храм на Кубани[5].

Через притвор ведет основной вход в храм. Обращает на себя внимание его высота, достигающая 5,40 *м* (рис. 4). По существу, это портал, но лишенный архитектурной разработки. Строго посередине, по высоте он разделен на две равные части горизонтально лежащей монолитной плитой толщиной 15 *см*. Собственно вход имеет ширину 1,65 при высоте 2,55 *м*; верхняя часть портала представляет собой открытый люнет высотой 2,70 *м*. В западной стене храма имеется второй аналогичный портал, по форме и размерам соответствующий описанному. Таким образом, главный вход был достаточно величественным и открывал перед зрителем внутреннюю перспективу храма вплоть до центральной апсиды. Кроме того, он имел и чисто практическое значение для освещения здания, ибо западная сторона в местных условиях (особенно в осенне-зимнее время) наиболее освещена и прогреваема солнцем.

Нужно отметить, что на фасаде притвора видны две различные системы кладки — древняя кладка тычком и ложком и более поздняя кладка обычной перевязью. Ряды древней кладки хорошо видны в юго-западном углу притвора; остальная часть фасада, по-видимому, была переложена и

---

[5] В. М. Сысоев. Ук. соч., рис. 28, табл. XIX.

Рис. 2. Восточный фасад храма. Снимок 1961 г.

Рис. 3. Южный фасад храма. Снимок 1961 г.

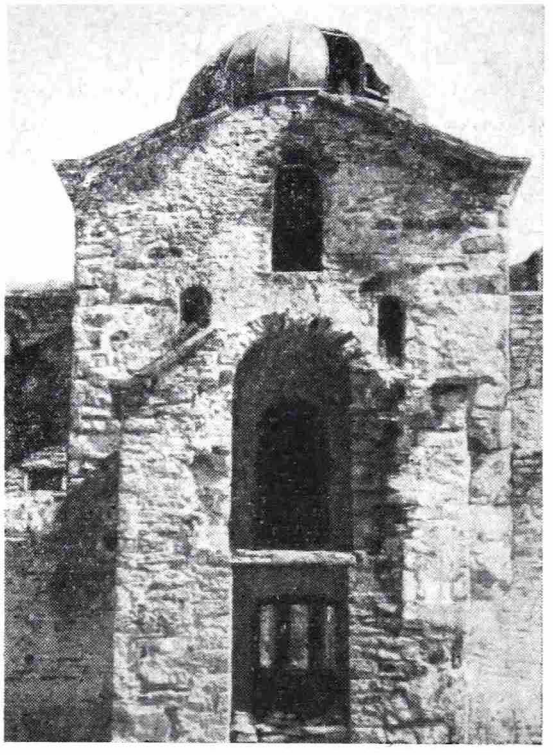


Рис. 4. Западный фасад храма. Снимок 1961 г. Крестиком отмечены пристройки конца XIX в.

обновлена монахами (кстати, эта кладка идентична кладке двух боковых пристроек, достоверно сооруженных монахами). Нет сомнения в том, что и свод притвора сооружен монахами, ибо на фотографиях Нарышкиных и Е. Д. Фелицина видно, что он обрушен[6]. На этих фотографиях не видно и горизонтально лежащей монолитной плиты, делящей портал на равные части. Отсюда можно заключить, что плита и верхняя часть портала также оформлены монахами. Но это не означает, что новые части резко отличались от первоначальных: восстановленный монахами вход должен был соответствовать порталу западной стены храма — иначе поступить в данном случае монахи не могли. Произвольно могла быть положена лишь поперечная плита, но в середине проема она выглядит вполне на своем месте.

Монахи перестроили также проемы в северной и южной стенах западного рукава, расширив их и переложив верхние части. Сейчас это двери, ведущие в боковые пристройки XIX в. Какими были эти проемы первоначально — сказать трудно. На плане Нарышкиных они изображены как окна, на плане, приложенном к статье В. М. Сысоева, их также (судя по ширине) можно принять за окна. Но на фотографии Е. Д. Фелицина ясно видно, что они расположены очень низко, почти на уровне земли, что кажется необычным для окон.

В основное помещение храма (трансепт) ведут два входа — с севера и юга. Они также подремонтированы монахами в тех местах, где оказались разрушенными участки кладки, но в целом сохранили свой первоначальный вид. Ширина проемов 1,25 *м*, высота 2,50 *м*. В верхней части входы имеют открытые люнеты подковообразной формы, отделенные от дверного проема горизонтально лежащей плитой (рис. 3).

Три пары пилястр, несущих декоративные арки, расчленяют продольный неф на четыре неравных компартимента. Пилястры, делящие западный рукав, расположены асимметрично, вследствие чего восточный компартимент крайне незначителен по размерам (с учетом пилястры он равен около одной трети длины помещения). Отметим также, что, в противоположность северному храму, декоративные арки построены не в нарастающем к центру ритме — высота их одинакова и лишь арки в северной и южной стенах трансепта выше остальных, как бы подчеркивая композиционный и конструктивный центр храма.

Храм освещается 25 узкими окнами, распределенными следующим образом: восемь окон в барабане, по три окна на северном и южном фасадах трансепта, по одному окну в северо-западной и юго-западной стенах трансепта, пять окон в апсидах, по одному окну в северной и южной стенах перед боковыми апсидами и два вероятных окна в продольных стенах западного рукава (о них было сказано выше). Наибольшее число окон — 16 — приходится на подкупольное пространство. В западную часть храма достаточно света поступало через огромные люнеты порталов.

[6] Отчет гг. Нарышкиных..., табл. I; В. М. Сысоев. Ук. соч., табл. XV.

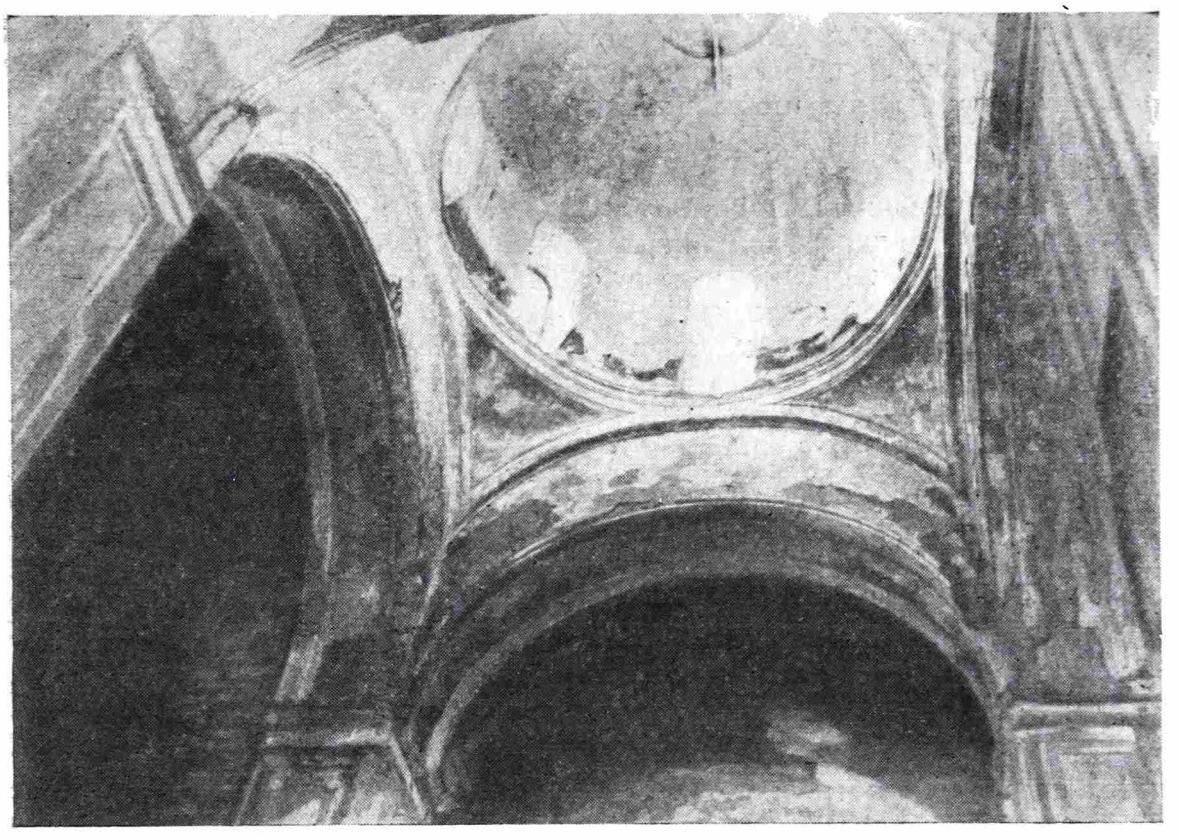


Рис. 5. Устои, подпружные арки и пандативы. Снимок 1965 г.

Пространственная композиция храма, находящаяся в строгом соответствии с планом, представляет собой крестообразный массив, доминирующий над пониженными помещениями апсид и притвора. Храм увенчан главой, состоящей из цилиндрического барабана и низкого купола шатрового типа. По конфигурации и кладке купол аналогичен куполу северного храма[7]. Глава покоится на четырех пандативах и подпружных арках (рис. 5). Пяты арок опираются на импосты из тонких каменных плит (имеющих профиль полочки), завершающие пилястры. Очертания этих полочек легко угадываются под штукатуркой XIX в. Такие же полочки-импосты имеются и на пилястрах, несущих декоративные арки.

Храм покрыт очень прочными, сохранившимися почти целиком до наших дней каменными коробовыми сводами с двускатным или односкатным покрытием, обновленными (как и карнизы над апсидами) монахами, сделавшими навесы для стока воды. Если сравнить публикуемые здесь фотографии со снимками Е. Д. Фелицина, то нетрудно заметить, что профиль кровли во всех трех щипцовых частях монахами несколько изменен — края выровнены в виде прямых полок, чего не было в оригинале. В остальном обновленные кровли близко соответствуют древним, разницу между ними можно усмотреть только в технике кладки: плиты современного покрытия положены впритык, тогда как в древнем они клались с напуском, о чем свидетельствует северный храм. Употребление черепицы нами не зафиксировано.

К. Н. Афанасьевым выявлена строгая пропорциональная соразмерность частей храма между собой. По его наблюдениям следует, что: 1) высота храма до пяты купола равна длине храма без апсиды[8], 2) высота главы

---

[7] В. А. Кузнецов. Ук. соч., рис. 3 и 5.

[8] От себя добавим, что высота храма равна также его длине без притвора, а глубина последнего с учетом стены равна глубине центральной апсиды. Кроме того, высота окон центральной апсиды приравнена к высоте северного и южного входов в поперечный неф

равна диагонали половины квадрата со стороной, равной его диаметру, 3) высота окон барабана равна радиусу купола, 4) основание барабана покоится на высоте, приравненной к длине храма без апсиды и алтарного нефа, 5) пяты подпружных арок покоятся на высоте, приравненной расстоянию от центра храма до восточной его грани, 6) пяты арок и конхи несколько приподняты над полочками-импостами, 7) высота пилястр до импостов приравнена к ширине продольного нефа и трансепта, 8) пяты (отмеченные импостами) также «подвышенных» меньших подпружных арок заложены на высоте, равной стороне подкупольного квадрата в сумме с толщиной подпружных арок[9].

Кладка среднего и северного храмов одинакова. Она состоит из крупных тесаных песчаниковых камней и квадратов на известковом растворе с бутобетонным заполнением между панцирями. Толщина стен обоих зданий одинакова —0,80 *м*. Очень характерна кладка тычком и ложком из наиболее массивных и тщательно отесанных квадров и плит. В этой технике непременно сложены все углы, включая сюда откосы окон и дверей. Кирпич почти не применялся, из него сложены только подпружные арки, арки в конхах и некоторые арочные завершения оконных и дверных проемов (в них применялся и тесаный камень). Из тесаного камня выведены люнеты над входами. Неясно, из какого материала выведены декоративные арки, так как они покрыты современной штукатуркой, но по аналогии с северным храмом они, скорее всего, сложены из профилированных каменных плит.

Архитектурный декор среднего храма очень скромен. Интерьер украшают лишь упомянутые декоративные арки продольного нефа. Внешние массы лишены каких-либо украшений, если не считать орнаментальный пояс, идущий вверху барабана под карнизом. Сейчас он скрыт в результате монашеской «реставрации», но хорошо виден на старой фотографии Е. Д. Фелицина. Судя по последней, орнамент в виде зигзагообразной сплошной линии был образован торцами плит или кирпичей, поставленных наклонно. Наличие больших свободных площадей стен свидетельствует о том, что интерьер был рассчитан на живопись. Еще в конце XIX в. от нее сохранялись довольно значительные фрагменты, опубликованные в брошюре о Зеленчукском монастыре[10]. В настоящее время можно видеть лишь жалкие остатки росписи у южного окна центральной апсиды. Они занимают площадь 0,50×0,40 *м*, поверхность сильно повреждена. Фреска была выполнена белой, черной и коричневой красками разных тональностей (подобная цветовая гамма наличествует в сохранившихся остатках фресок северного храма). Фрески наносили на левкасный слой кремового цвета с наполнителем из мелко рубленой соломы. Толщина этого слоя 1—1,5 *см*. Далее следует толстый слой светло-серого известкового раствора, нанесенный непосредственно на стены.

О характере изображения судить трудно из-за его фрагментарности, но скорее всего это одежда, ниспадающая вертикальными складками. На светло-серой вертикальной полосе (епитрахили?) был изображен черной краской крест с «процветшими» концами, типичный для X—XI вв. От него сейчас сохранился только один конец, но еще лет 10 назад крест был виден почти целиком.

В 1867 г. в среднем Зеленчукском храме небольшие любительские раскопки произвел Нарышкин. По его отчету, храм был завален слоем кизяков с мусором и камнями толщиной в 2 аршина (около 1,5 *м*). В этом слое были найдены кусочки стекла и мельничный жернов. Посреди алтаря,

---

[9] По личному сообщению К. Н. Афанасьева.

[10] По словам автора брошюры, были хорошо различимы фигуры св. Георгия и св. Димитрия Солунского на лошадях, двух молодых воинов со щитами в руках, двухъярусные групповые изображения, лики святых и т. д. Есть правоподобные сведения и о «нерусских» надписях на стенах храма. См.: Древнехристианские храмы..., стр. 13—17, рисунки там же.

т. е. в центральной апсиде, Нарышкин обнаружил четырехугольный каменный столб почти в 2 аршина высотой и 6 вершков (около 30 *см*) в поперечнике, утвержденный между четырьмя вертикальными плитами. По мнению Нарышкина, это был престол. Был также выявлен пол храма, выложенный плитами и покрытый цемянкой, которую Нарышкин называет «красноватой глиной» [11]. Плоские куски цемянки найдены археологической экспедицией Северо-Осетинского научно-исследовательского института [12] в шурфе, заложенном у основания северного предалтарного столба в сентябре 1965 г. Пол, выложенный из плит, не сохранился; вероятно, он разрушен кладоискателями.

Рис. 6. Строительный шов в северной стене храма (см. план)

Анонимный автор брошюры о Зеленчукском монастыре пишет, что в среднем храме имелась архиерейская кафедра, «седалища служащих», т. е. синтрон и ступени солеи [13]. В настоящее время ничего этого нет, хотя храм после ремонта был очищен монахами от скопившихся над полом наслоений. По-видимому, синтрон и солею уничтожили монахи. О существовании того и другого свидетельствует рисунок центральной апсиды, сделанный с натуры художником, членом Московского археологического общества Д. М. Струковым в 1886 г. На рисунке показан одноступенчатый синтрон и одноступенчатая солея, проходящая по линии предалтарных устоев [14]. Расчистка стены центральной апсиды, предпринятая нами в 1965 г., показала, что с внутренней ее стороны имеется трехступенчатый цоколь. Характерно, что к углам апсиды ступени постепенно сужаются, сходя на нет. Высота цоколя 1,0 *м*, максимальная ширина ступени достигает 24 *см*. Считать ступени синтроном нет никаких оснований: об этом говорит хотя бы то, что они почти целиком лежат ниже отметки пола.

Тогда же нами был заложен шурф у северной стены храма с внешней его стороны, между входом и окном (на расстоянии 0,90 *м* к западу от последнего). Здесь хорошо виден строительный шов между двумя кладками: справа характерная угловая кладка с чередованием камней, положенных тычком и ложком, слева рядовая кладка стен (рис. 6). От уровня современной поверхности шов идет вверх на 3,35 *м*, после чего исчезает под обычной кладкой стены в перевязь. Мы решили проследить шов в фундаменте и заодно выяснить устройство последнего. На глубине 0,90 *м* от дневной поверхности открыт двухступенчатый цоколь, сложенный из больших тесаных плит. Ширина верхней ступени 13—15 *см*, нижней — 6—8 *см*; на глубине 1,45 *м* фундамент кончается, дальше залегает суглинистый с щебнем материк. Указанный шов в цоколе не прослеживается и кончается у верхней ступени. Таким образом, общая высота прослеженного шва 4,25 *м*.

Каково происхождение и назначение шва, оказавшегося посреди стены, причем не охватывающего всю ее высоту? Внутри храма шов совпадает с

[11] Отчет гг. Нарышкиных..., стр. 366.
[12] В экспедиции участвовали В. А. Кузнецов, Б. В. Техов и А. В. Чубенко.
[13] Древнехристианские храмы..., стр. 11.
[14] Архив ЛО ИА АН СССР, Р-1, арх. № 339, л. 18.

восточной поверхностью пилястры. Напрашивается мысль, что приуроченная к пилястре угловая кладка не случайна и что в самом начале строительства предполагалось соорудить храм без боковых апсид, т. е. в виде чистого креста. Была выложена часть северо-восточного угла храма на высоту 4,25 *м*, но затем первоначальный замысел зодчего был изменен и было решено сооружать храм с тремя апсидами. После этого угловая кладка вверх уже не продолжалась, а образовавшийся угол внутри храма был превращен в пилястру. Вероятно, тем же можно объяснить асимметричность северо-восточного столба в плане (рис. 1); интересно, что он вписывается в северную стену центральной апсиды, чего нельзя сказать о другом столбе.

Высказанному предположению противоречит отсутствие шва в цоколе, чему не удается найти удовлетворительное объяснение. В самой предположительной форме можно допустить, что фундамент был переложен под швом и под него были подведены массивные плиты. Если бы это не было сделано, храм мог бы дать неравномерную осадку по шву.

В заключение описания памятника отметим еще одну интересную деталь — голосники. Без лесов или каких-либо специальных приспособлений было невозможно их обследовать. Поэтому приходится ограничиться описанием голосников лишь на основании осмотра снизу. Судя по всему, они одинаковы и представляют собой глиняные цилиндрические трубы диаметром приблизительно 15 *см*, вмонтированные в конхи боковых апсид (по 2 шт.), в стены центральной апсиды (2 шт.), в коробовый свод южного рукава креста здания (6 шт.); наибольшее число голосников замечено в своде западного рукава — 12 шт., причем 10 из них в восточном компартименте. Один из последних проходит через свод и представляет собой сквозное отверстие.

По своей архитектурной схеме средний Зеленчукский храм чрезвычайно интересен как памятник промежуточного типа между сооружениями чистого крестового плана, с одной стороны, и крестовокупольными сооружениями со столбами (т. е. типа вписанного креста) — с другой.

Можно, как было сказано, предполагать, что средний Зеленчукский храм вначале был задуман как сооружение крестообразной композиции и уже в ходе строительства был превращен в более сложный трехапсидный храм с вписанной восточной частью креста (необходимо подчеркнуть, что нет никаких оснований боковые апсиды считать пристроенными позже). Все это указывает на некоторую архаичность планового решения храма и, вероятно, на более раннее время его по сравнению с такими храмами, как северный Зеленчукский, Шоанинский на Кубани и Лыхненский в Абхазии [15]. Как известно, последние датируются X в.

Однако если и допустить возможность более ранней даты среднего храма сравнительно с названными памятниками, то хронологическая разница между ними не может быть сколько-нибудь значительна. Об этом убедительно свидетельствует близость среднего и северного храмов, прослеживаемая во многих существенных деталях. Совершенно одинакова разработка восточных апсидальных частей обоих храмов, подпружных арок и парусов, барабанов и низких куполов шатровой формы, одинаковы импосты, несущие пяты арок, декоративные арки продольного нефа. Расположение и количество окон в барабане, апсидах и щипцовых стенах трансепта также идентично. Идентично устройство входов с открытыми люнетами; толщина стен обоих памятников одинакова (0,80 *м*). Наконец, очень важно и то, что оба храма имеют одну и ту же кладку стен, арок, угловую кладку в технике чередования камней тычком и ложком. Все это окончательно убеждает в одновременности среднего Зеленчукского храма и северного храма и невозможности его отнесения, скажем, к V—VII вв.,

[15] В. А. Кузнецов. Ук. соч.; В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 125, рис. 28, табл. XIX; П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 14—16, рис. 4, табл. II, IV; Н. П. Северов. Памятники грузинского зодчества. М., 1947, табл. 96.

когда на Кавказе и в Крыму были распространены церкви чисто крестового плана [16]. Да мы и не имеем в среднем храме Зеленчука такого плана, ибо он значительно осложнен и представляет собой несомненно более позднюю ступень эволюции крестово-купольной композиции.

Представляется, что северный и средний Зеленчукские храмы почти одновременны и оба относятся к первой половине X в. Северный храм мы датировали второй четвертью X в. [17]. Средний же храм с учетом указанных особенностей планировки, по-видимому, можно отнести к несколько более раннему времени — первой четверти X в.

В связи со средним Зеленчукским храмом вполне уместно поставить более широкий и сложный вопрос о группе древних церквей Северного Кавказа, характеризуемых крестовым планом. Безусловно, что дальнейшая разработка этого вопроса была бы интересной во многих отношениях, и прежде всего в отношении хронологии. Распространено мнение о том, что церкви чистого крестового плана не сооружались позже VII в. Споря с О. И. Домбровским по поводу даты загороднего крестообразного храма Херсонеса, А. Л. Якобсон пишет: «В послеарабское время, т. е. после VII в., крестообразная композиция храмов в виде чистого креста, не вписанного в прямоугольник, не встречается вовсе» [18]. Но на Северном Кавказе есть группа храмов именно с планом в виде чистого креста, датируемых X—XI вв. Имеем в виду прежде всего Сентинский храм на р. Теберде [19] и крестообразный храм, открытый экспедицией Б. А. Рыбакова в 1954 г. в Тмутаракани [20]. Кроме того, еще в 1898 г. были опубликованы вычерченные Г. И. Куликовским планы трех крестообразных церквей, расположенных на реках Зеленчук и Кяфар [21]. Правда, датировка этих памятников осталась неустановленной, но типологическое сходство их с датированным Сентинским храмом бросается в глаза. К сожалению, эти церкви не привлекли в свое время внимания специалистов, и сейчас их следы утеряны.

Независимо от датировки последних, важно отметить, что здания крестового плана на Северном Кавказе представлены рядом памятников и это необходимо полностью учесть при анализе среднего Зеленчукского храма, как мы видим не представляющего собой единичное явление.

Вместе с тем по своему плановому решению средний Зеленчукский храм стоит несколько особняком в группе храмов верхнего Прикубанья. В этом нетрудно убедиться, сопоставив чертежи храмов. За Кавказским хребтом ряд аналогичных по принципам композиции (крестообразной, осложненной боковыми апсидами, с более или менее вытянутым западным рукавом) храмов дают западные районы Грузии. Таковы храмы X—XIII вв. Заки [22], Цкарос-Тави [23], Энирабата, Долис-хана [24], Чангло [25], Шорети [26]. Указывая на эти памятники грузинской архитектуры как на территориально и хронологически ближайшие параллели, мы, однако,

---

[16] Самцевриси (Н. П. Северов. Ук. соч., стр. 175, табл. 34); Зегани (Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, стр. 262); Талин, Лмбатованк, Аштарак (В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, табл. 29—31; Н. Г. Буниатов и Ю. С. Яралов. Архитектура Армении. М., 1950, стр. 50); Херсонес (А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 197—207) и т. д.

[17] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 149.

[18] А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 207.

[19] И. А. Владимиров. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области. ИАК, 4, СПб., 1902, стр. 1—14.

[20] Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1052, альбом, рис. 21.

[21] В. М. Сысоев. Ук. соч., стр. 124, рис. 22, 23, 26.

[22] Христианские памятники. МАК, XII, М., 1909, стр. 65, рис. 38.

[23] Там же, стр. 46, рис. 23.

[24] Христианские памятники. Исследования А. М. Павлинова, В. Ф. Миллера и Х. И. Кучук-Иоаннесова. МАК, III, М., 1893, табл. XXVI.

[25] Album d'architecture géorgienne. Tiflis, 1924, табл. 32.

[26] Там же, табл. 1; Христианские памятники, стр. 10—11.

должны подчеркнуть следующее. Совпадая с перечисленными памятниками по принципам архитектурной композиции, средний Зеленчукский храм заметно отличается от произведений собственно грузинской церковной архитектуры. Отличие состоит прежде всего в том, что средний храм Зеленчука (как и другие храмы верхнего Прикубанья) имеет апсиды, выступающие наружу в виде полукружий. Эта черта, за немногими исключениями[27], чужда грузинскому зодчеству, для него характерны апсиды, не выраженные снаружи[28]. Все перечисленные выше грузинские храмы имеют именно такие апсиды (за исключением храма Заки).

Данное обстоятельство не позволяет связать средний Зеленчукский храм с собственно грузинской церковной архитектурой, несмотря на наличие указанных параллелей. Зато прямые аналогии апсидальной части среднего храма Зеленчука мы находим в абхазской группе храмов, где выступающие наружу полуциркульные или граненые апсиды наличествуют во многих памятниках[29].

Наконец, нельзя не обратить внимания на ярко выраженные в среднем Зеленчукском храме малоазийские (византийские) черты. Здесь прежде всего следует указать на латитудинальный принцип расположения основного помещения для молящихся — трансепта, ориентированного перпендикулярно оси храма. Присутствовавшие на церковном зрелище располагались фронтом перед алтарем. Это черта определенного демократизма планировки, тесно связанная с восточной школой византийской архитектуры и совершенно не присущая столичной Константинопольской школе[30].

О малоазийской ориентации строителя среднего храма свидетельствует и традиция планового решения в виде «простого» типа креста (в отличие от «сложного» типа, характерного для Константинопольской школы[31]) без угловых компартиментов, а также бóльшая длина западной ветви креста здания по сравнению с боковыми ветвями[32]. Кладка из тесаного камня характерна для греко-восточной архитектуры[33], как и господство массивных и слабо расчлененных пилястрами стен над внутренним пространством, особенно типичное, по Г. Милле, именно для этой школы византийской архитектуры[34]. К сказанному добавим, что троечастные апсиды, выступающие в виде полукружий, имеют византийское происхождение («древний византийский обычай» по Н. П. Кондакову[35]).

Все эти факты указывают на восточновизантийские источники архитектуры среднего Зеленчукского храма. Раньше мы отмечали сильное византийское влияние, сказавшееся на северном Зеленчукском храме[36]. И то, и другое исторически вполне закономерно. В данном случае весьма примечательно то, что приведенные выше закавказские аналогии находятся либо в Абзахии, имевшей длительные и многосторонние

---

[27] Album d'architecture géorgienne, табл. 27.

[28] Н. П. Кондаков. Древняя архитектура Грузии. Древности. VI, 3, М., 1876, стр. 243; Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 93.

[29] П. С. Уварова. Ук. соч., стр. 9, рис. 1 (храм Симона Кананита); стр. 11, рис. 2 (храм в Алахадзихе); стр. 12, рис. 3 (храм на р. Бзыби); стр. 14, стр. 4 (храм в Лыхнах); Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 225 черт. 1 (Пицундский храм); А. М. Павлинов, В. Ф. Миллер, Х. И. Кучук-Иоаннесов. Ук. соч., стр. 8 рис. 7 (храм в Драндах); табл. IV (Мокви).

[30] Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, II. М.— Л., 1935, стр. 459—461, 465.

[31] Там же, стр. 487; J. Millet. L'ecole grèque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, стр. 55—56.

[32] Н. И. Брунов. Ук. соч., стр. 196.

[33] J. Millet. Ук. соч., стр. 214; Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв. ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 189.

[34] J. Millet. Ук. соч., стр. 293.

[35] Н. П. Кондаков. Ук. соч., стр. 243.

[36] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 149.

связи с восточными районами Византии, либо в Месхети в бассейне нижнего течения Чороха, т. е. на основной территории грузинского Тао-Кларджетского княжества, непосредственно соседившего с восточными провинциями Византии (в начале XI в. эта территория вплоть до Абхазии была включена в состав империи [37]). Византийское влияние в этих районах Кавказа было значительным, как и в Крыму, средневековая архитектура которого тесно связана с восточновизантийской [38]. При этих условиях появление на северном склоне Кавказа храмов византийского облика не является чем-то неожиданным.

Можно полагать, что средний Зеленчукский храм отражает византийское влияние, шедшее опосредствованно через Западную Грузию — Абхазию и достигшее в X в. верхнего Прикубанья. Возможно, что средний храм был построен в начале X в. для только что созданной Аланской метрополии. Первоначально он мог играть роль кафедрала. Несколько позже в связи с успехами христианства, значительно возросшим числом новообращенных и созданием более крупной церковной организации — епархии — он уже не мог удовлетворять сложившихся потребностей и был заменен вновь построенным северным храмом, ставшим кафедралом Аланской епархии [39]. С этих пор средний Зеленчукский храм должен был играть второстепенную роль.

Здесь уместно привести сохранившееся в литературе предание, согласно которому на Зеленчуке в древности был монастырь. Сообщивший об этом Нарышкин отметил также, что около среднего храма видны следы небольших помещений, вероятно, келий [40]. Летом 1962 г., поднявшись на скалы противоположного берега реки, мы с высоты птичьего полета ясно видели около среднего храма очертания двух разрушенных каменных зданий подковообразной формы, разделенных на равные помещения и расположенных симметрично к северу и югу от храма (на расстоянии 10—15 *м* от него). Не есть ли это, действительно, остатки монастыря X—XII вв., которому принадлежал средний Зеленчукский храм?

В заключение отметим, что развернувшееся с X в. сооружение крупных храмов в верхнем Прикубанье указывает на достаточно высокий уровень и организацию местного строительного дела и наличие здесь опытных мастеров, обладавших определенными производственными традициями, ибо вряд ли можно сомневаться в их активном участии в строительстве храмов.

---

[37] A. Philippson. Das Byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden, 1939, стр. 43, карта 3.

[38] А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму. ПИДО, 1934, 11—12, стр. 99—101; его же. Средневековый Херсонес. МИА, 17, 1950, стр. 249; его же. Средневековый Крым. М.— Л., 1964, стр. 49—53.

[39] В. А. Кузнецов. Ук. соч., стр. 149.

[40] Отчет гг. Нарышкиных..., стр. 363.

Ж. Н. ВЫЖАРОВА

ПАМЯТНИКИ БОЛГАРИИ КОНЦА VI—XI в. И ИХ ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

За последнее время болгарские археологи-мидиевисты провели большие работы в Северо-Восточной Болгарии, открыв много археологических памятников. И лишь недавно началось изучение памятников в районах Юго-Западной и Южной Болгарии[1] (рис. 1). В результате этих работ и собранных за последние годы случайных находок стало известно много неукрепленных и укрепленных поселений, древних городов и могильников. Все эти средневековые памятники разделяются на славянские и протоболгарские, третья группа относится к периоду первого болгарского государства.

Ныне на территории Болгарии известны селища и могильники древних славян (рис. 2).

В Северо-Восточной Болгарии исследованы неукрепленные поселения в Джеджови лозя, Дренчето, с. Попина, Момчила и Стареца, с. Гарван и Опашката, с. Сребырна и Юрата, с. Старо-село Силистренского района. В Северо-Западной Болгарии подобные поселения известны в Печена могила с. Вылчедрым Михайловградского района, в с. Врыв Видинского района, в Стублата с. Бежаново Ловечского района. Раскопаны также два могильника: один в Джеджови лозя, а другой в Стареца. Для неукрепленных поселений этой группы характерно расположение их на близком расстоянии друг от друга (примерно в 2—5 *км*). Таковы, например, поселения в Джеджови лозя, Дренчето, Момчила, Стареца, Опашката, расположенные на высоком надпойменном берегу над болотами или на высоком берегу реки и занимающие площадь в 67000 $м^2$.

Большинство жилищ в поселениях отстоят на 5—7 *м* одно от другого. В редких случаях жилища находятся рядом (поселения Момчила и Стареца). Общее число жилищ в одном поселении 20—30, какой-либо регулярной планировки на поселениях не наблюдается. В углу каждого жилища находится прямоугольная или квадратная в плане печка, сложенная из камней; встречаются печи, вырытые в специально сохраненном для этой цели материковом останце или же в стенке ямы жилища. В некоторых постройках прослежены ямы от столбов, поддерживавших кровлю. Пол обыкновенно обмазан глиной. Рядом с жилищем или внутри его находятся хозяйственные ямы. На местах таких поселений встречаются главным образом керамика, пряслица для веретен (асимметричные или биконические), костяные шилья, железные ножи, серпы, рыболовные

[1] Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища в българските земи от края на VI—X век. София, 1965, стр. 13 сл.; ее же. Средневековното селище в м. Стареца, с. Гарван, Силистранско. «Археология», 2, 1966; ее же. Славяните на юг от Дуная (по археологически данни). «Археология», VI, 2, 1964, стр. 23 сл.; Ст. Станчев. Старобългарската култура през VIII—X в. Тр. на ВПИ «Кирил и Методи» В. Търново. I, 1964; Ат. Милчев. Проучвания на ранносла вянската култура в България и на Плиска през последните двадесет години. «Археология», VI, 3, стр. 23 сл.

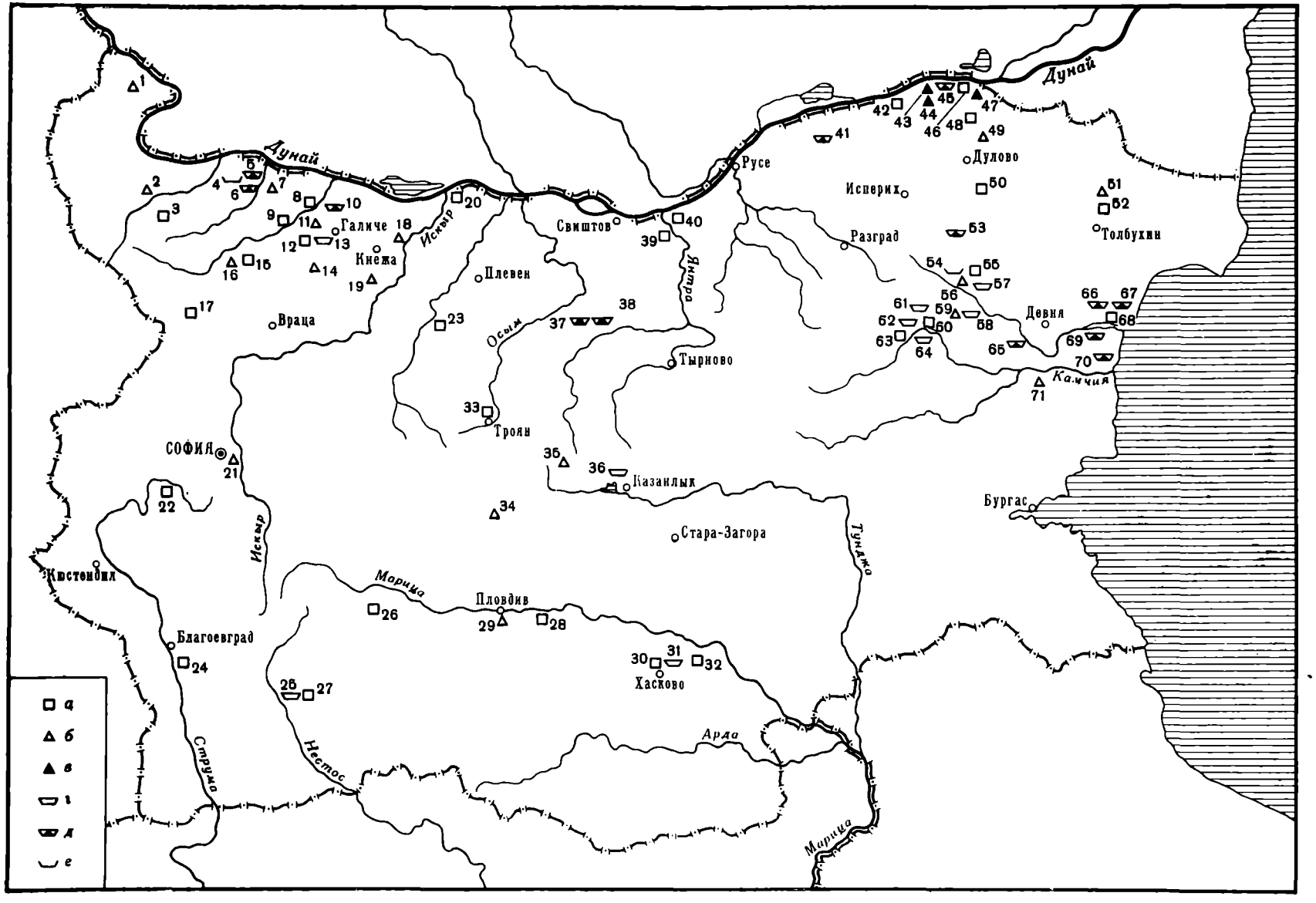


Рис. 1. Карта распространения памятников конца VI—IX вв. на территории Болгарии

а — городища конца VIII — начала IX в.; *б* — селища; *в* — селища конца VI — начала VII в.; *г* — могильники с трупоположением; *д* — могильники с трупосожжением; *е* — могильники; *1* — Врыв, *2—3* — Лом, *4—6* — Долни Цибер, *7* — Злати, *8* — Хырлет. *9* — Бутан, *10* — Буковици, *11* — Крушовица, *12, 13* — Галиче, *14* — Борован, *15, 16* — Градешница, *17* — Белоградчик, *18* — Д. Луковит, *19* — Кнежа, *20* — Гиген, *21* — София, *22* — Перник, *23* — Бежанов, *24* — Церово, *25, 27* — Абланица, *26* — Баткун, *28* — Чешнегирово, *29* — Пловдив, *30—32* — Хасково, *33* — Троян, *34* — Хисар-Момина-Баня. *35* — Бутошево, *36* — Долно Сахране, *37, 38* — Вербовка, *39* — Новград, *40* — Кривина, *41* — Юпер. *42* — Преславец, *43—45* — Гарван, *46—47* — Сребырна, *48* — Ширково, *49* — Цар Асеново, *50* — Кладбици, *51—52* — Змеево, *53* — Сини Вир, *54—56* — Плиска, *57* — Нови Пазар, *58, 59* — Мадара, *60, 62* — Цар. Крум, *61* — Коларовград, *63, 64* — Преслав, *65* — Провадия, *66—67* — Аксаково, *68* — Варна, *69* — Разделна, *70* — Блесково, *71* — Долгопол

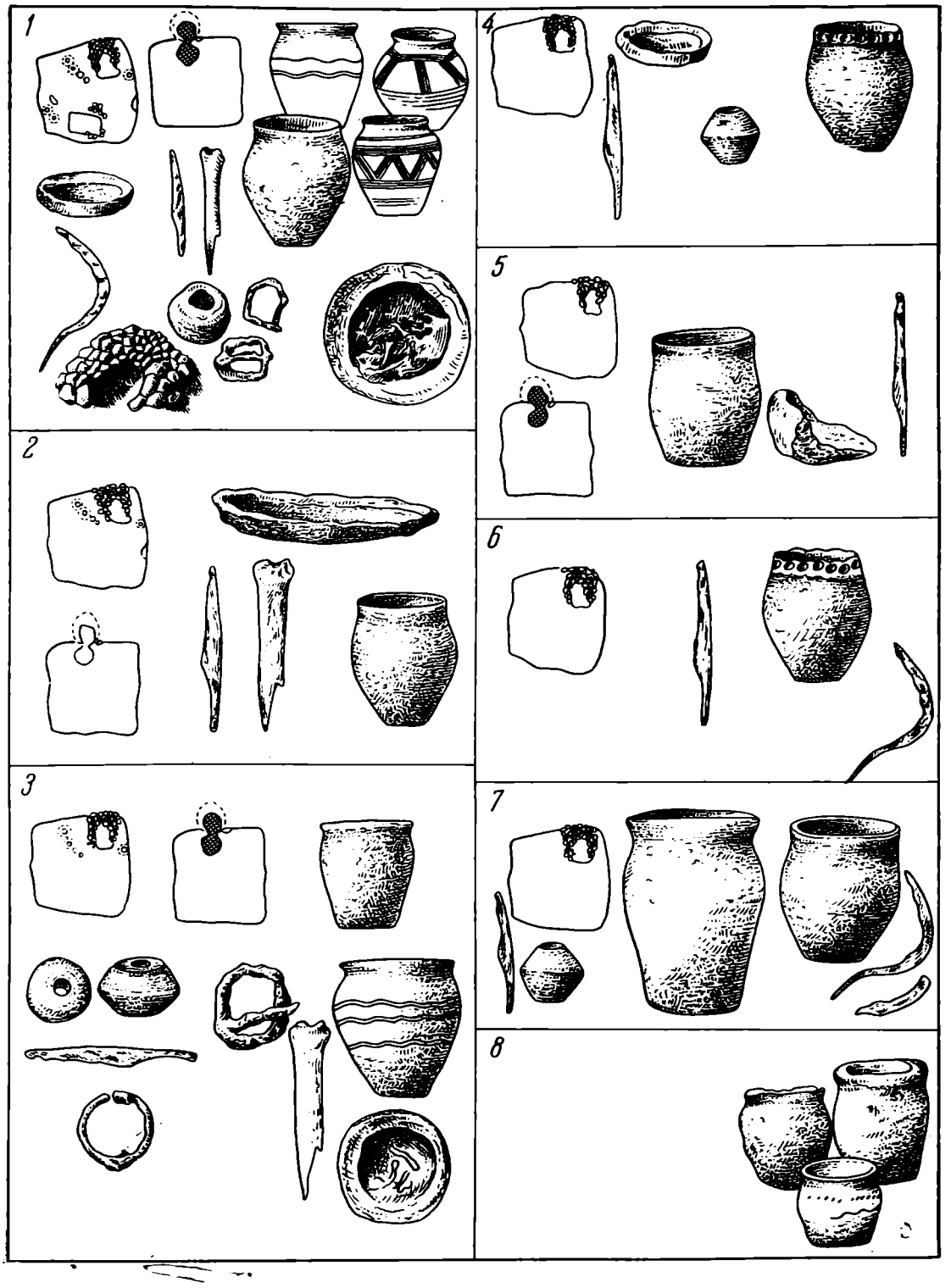


Рис. 2. Раннеславянские древности (конца VI—VIII в.) на территории Болгарии

1 — селище Джеджови лозя, с. Попина; *2* — селище м. Момчичил, с. Гарван; *3* — селище Стареца, с. Гарван; *4* — селище Опашката, с. Сребырна; *5* — селище Юрта, с. Старо-село; *6* — селище Стублата, с. Бежаново; *7* — селище Печена могила с. Волиндрын; *8* — селище у с. Врыв

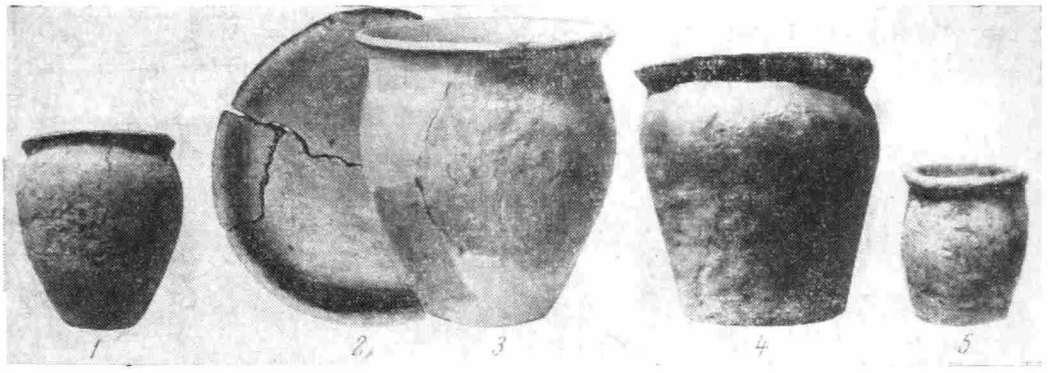


Рис. 3. Глиняные сосуды

1—3 — поселение Джеджови лозя, с. Попина-Силистренско; *4* — селище в Стареца с. Гарван-Силистренско; *5* — поселение у с. Врыва-Видинского округа

Рис. 4. Горшки из Джеджови лозя с. Попина

крючки и пр. Посуда представлена глиняными лепными горшками, обыкновенно в форме опрокинутого вниз усеченного конуса (рис. 3); в глине сосудов имеется примесь крупных кремневых зерен; обжиг плохой, цвет темно-серый или кирпично-красный. Орнамента на них нет, за исключением тех горшков, у которых по краю горла нанесены ногтевидные отпечатки или насечки. Другая форма сосудов — маленький противень с небольшими прямыми стенками, причем на некоторых из них по краю нанесен орнамент ногтем или насечкой. К противням относится также сосуд с крышкой для выпечки хлеба, редко встречаются сосуды в форме глубокой миски. Кроме лепных, на тех же поселениях встречаются горшки, сделанные на легком гончарном круге (Джеджови лозя, Стареца) (рис. 4). Они сделаны из глины с такими же примесями, как и лепные горшки, однако они асимметричны; цвет серый или кирпично-красный; венчик слегка профилированный; украшены орнаментом из единичных или собранных группами волнообразных или горизонтальных линий, нанесенных палочкой. На дне одного горшка имеется рельефное клеймо (Стареца).

Могильники[2] расположены в высокой части местности над поселением, на расстоянии 300—500 *м* от него. Основной обряд — трупосожжение. Погребение праха совершалось в урнах — лепных горшках, подобных тем, которые находятся в поселениях, а также в горшках, сделанных на гончарном круге, украшенных орнаментом в виде волнистых линий. Урны (одна или несколько) зарывались на глубину 20—80 *см* от поверхности. Среди обгоревших человеческих костей были обнаружены железный ножик, железная пряжка, бронзовое украшение (сильно разрушенное) и др.

[2] Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища..., стр. 108 сл.

Рис. 5а. Средневековые славянские и протоболгарские древности (конца VIII—XI вв.) на территории Болгарии

1 — селище Калето с. Попина; *2* — городище и селище у с. Кладенци; *3* — селище Джеджови лозя с. Попина; *4* — городище у с. Цар Асен; *5* — селище Стареца с. Гарван; *6* — городище Плиска, селище Асер-Дере; *7* — городище у с. Река Девня; *8* — городище и селище Преслав

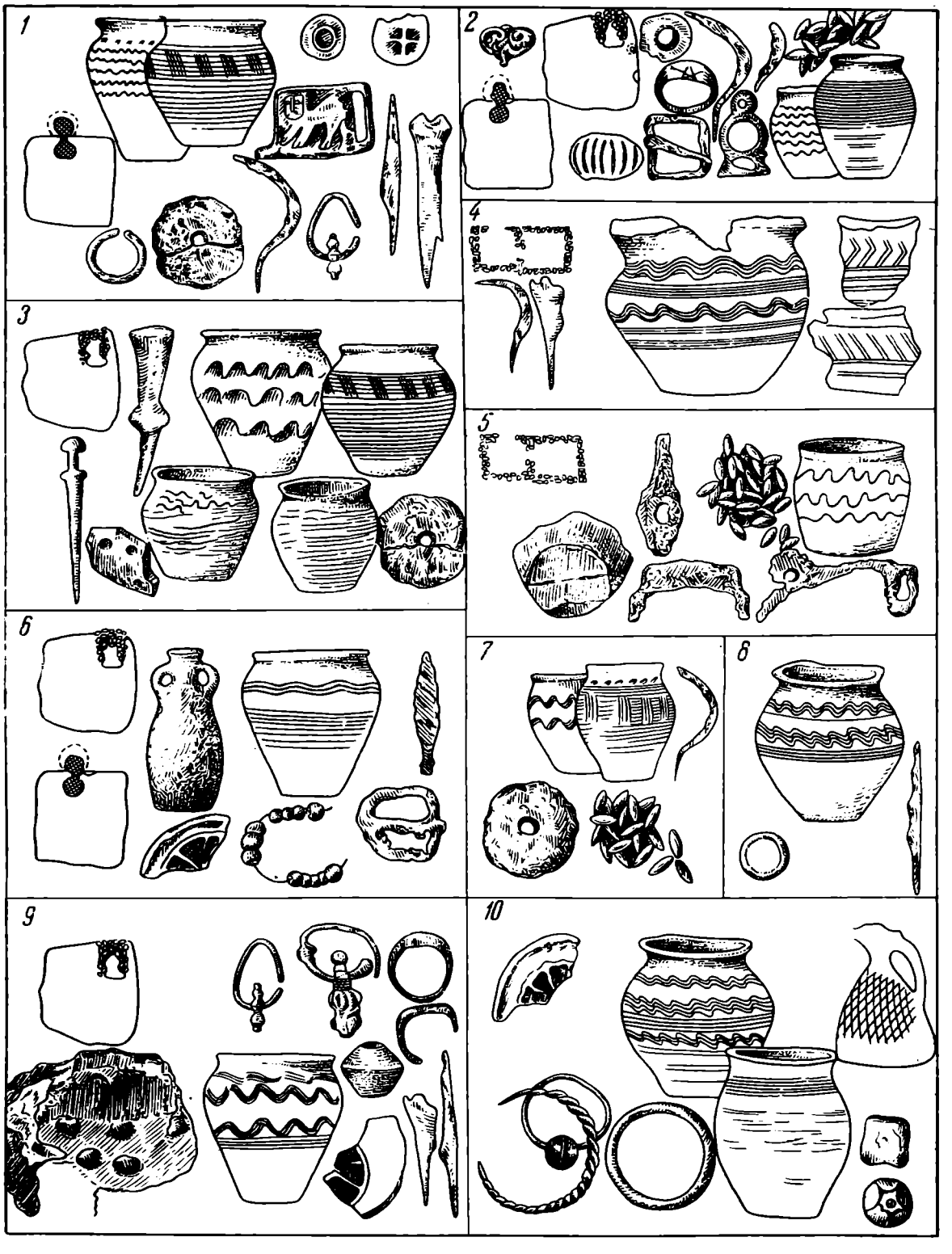


Рис. 5б. Средневековые славянские и протоболгарские древности (конца VIII—IX вв.) на территории Болгарии

1 — городище Струмен; *2* — городище Якимово II; *3* — городище Кривина; *4* — городище Кракра у с. Перник; *5* — городище у г. Благоевград *6* — городище и селище Градешница; *7* — городище у г. Гиген; *8* — городище у г. Стара Загора; *9* — селище у с. Влечелрем; *10* — городище у г. Хасково

В двухслойных археологических памятниках Болгарии (Джеджови лозя, Стареца) слой с рассмотренными выше находками залегает ниже отложений, датирующихся концом VIII—XI вв., что дает основание отнести подобные материалы в поселениях и могильниках к более раннему времени — конца VI—VII в.

Характерные элементы материальной культуры в этих памятниках не оставляют сомнения в том, что они славянские. Это именно та культура славян, носители которой были известны византийцам в конце VI в. под именами антов и склавинов.

По своей культуре эти поселения и могильники входят в круг славянских археологических памятников, распространенных севернее Дуная. Самыми близкими к ним являются поселения и могильники на территории Румынии[3], Советского Союза[4], Чехословакии[5], Польши[6], Югославии[7], известные в науке как памятники лука-райковецкой, житомирской, пражской и других культур. По форме горшков и их выработке улавливаются некоторые различия между горшками типа Джеджови лозя, с одной стороны, и пражского и житомирского типа, с другой. Мы считаем, что это различия хронологического порядка, отражающие разные этапы развития одной и той же культуры — более ранней и более поздней.

Более поздние археологические славянские памятники VIII—XI вв. (рис. 5а, 5б) известны не только в Северной, но и в Юго-Западной и Южной Болгарии. К ним относится большое число неукрепленных и укрепленных поселений в Северо-Западной Болгарии, на которых находятся жилища — полуземлянки с очагами и вкопанными печами. Там встречаются хозяйственные ямы, иногда заполненные просом, а также гончарные печи (Якимово II[8], с. Вылчедрым). Среди находок украшения, в том числе стеклянные бусы, пряжки, разнообразные предметы из железа и бронзы (Якимово II). Керамика представлена одной формой: горшки со стройным силуэтом в виде опрокинутого вниз усеченного конуса, красноватого цвета, украшенные волнистым орнаментом (рис. 6), сделанные на гончарном круге.

В Южной и Юго-Западной Болгарии до сих пор открыто и раскопано несколько славянских поселений — Благоевград[9], Перник, Хасково[10], Стара-Загора. Кроме того, известны находки отдельных горшков (София, Хисара, Пловдив, Стара-Загора). В этом районе Болгарии славянские поселения расположены на высоких берегах рек и укреплены валами,

---

[3] М. Кишваси-Комша. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI—XII вв. н. э. на территории РНР. «Dacia», 1, 1957, стр. 309; M. Petrescu-Dîmbovita. Slovanské sídliská v Moldavskej oblasti Rumunska. SA, VI—I, Bratislava, 1958, стр. 213.

[4] И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958; его же. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М. И. Артамонова. Л., 1961, стр. 203 и 206; его же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 215 сл.; А. М. Шовкопляс. Раннеславянская керамика с горы Киселевки в Киеве. МИА, 108, стр. 138 сл.; Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 145; В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, 108, стр. 283; Р. И. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетереве. МИА, 108, стр. 39.

[5] J. Poulík. Staroslovanská Morava. Praha, 1948; его же. Juzní Morava země dávnych Slovanů. Brno, 1948—1950; D. Bialeková. Záchranny výskum slovanských sídlisk v Nitriianskom Hrádku a Bešeňove okr. Surani. SA, 1958, VI, 2, стр. 390.

[6] B. Zielonka. Zabytki z osady wczesnośredniowiecznej w miejscowości Lubicz pow. Toruń. WA, XXVI, 3—4, 1959—1960, табл. LVIII; LIX; LX.

[7] Z. Vinski. Gibt et frühslawische Keramik aus der Zeit der südslawischen Landnahme? «Archeologia Jugoslavica», I, Beograd, 1954, стр. 71 сл.

[8] Ат. Милчев. Проучвания..., стр. 26 сл.

[9] Д. Стоянова-Серафимова. Разкопки на градището Долно Церово, Благоевградско. «Археология», V, 4, 1963, стр. 19 сл.

[10] Д. Аладжов. Кол. Окръжен музей. Хасково, 1964.

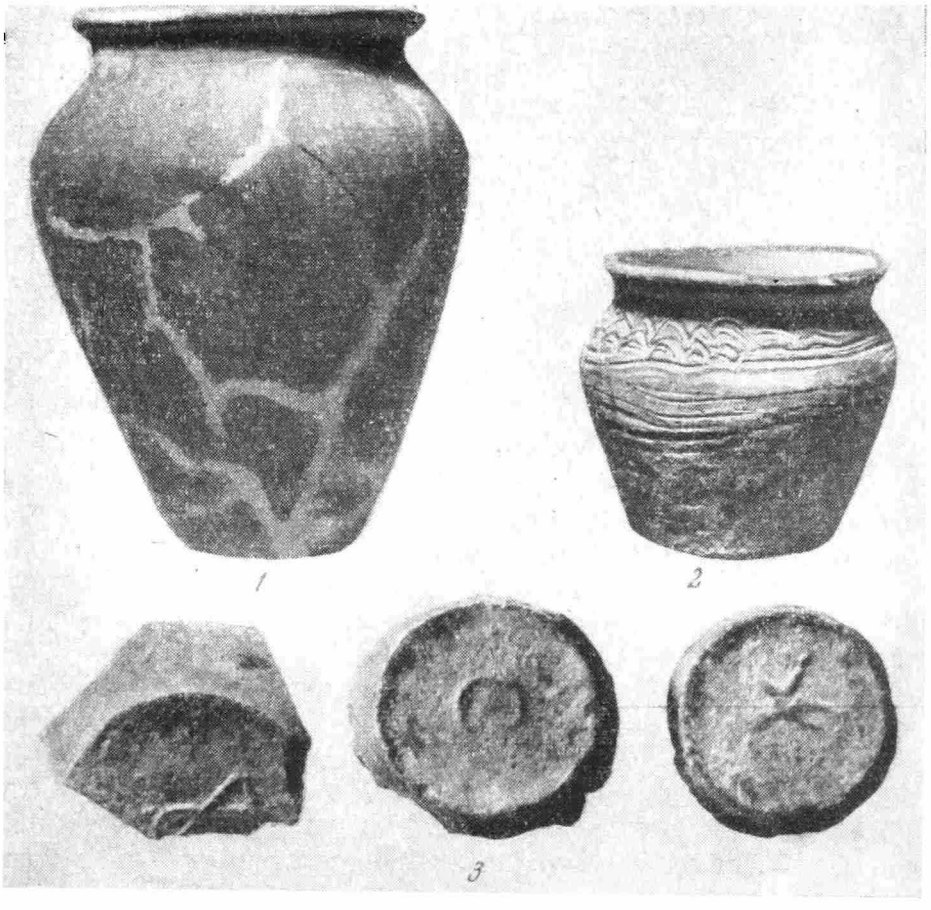


Рис. 6. Горшки из славянских поселений

1 — Преслав; *2* — Кривина; *3* — клейма на днищах

рвами и каменными стенами (городище Благоевград, Хасково). Жилища в них строились из камня, сложенного на глиняном растворе. Некоторые постройки связаны между собой. Встречаются глинобитные жилища с очагами. Открыты хозяйственные ямы, иногда заполненные просом, и цистерны для воды. В этих поселениях много находок: орудия труда, оружие и пр. Больше всего посуды (рис. 7). Это сделанные на гончарном круге горшки с волнисто-линейным орнаментом (Благоевград, Хасково, Пловдив, Хисара). Есть горшки с ручками и профилированным венчиком (Хасково), а также крышки для них. Встречаются амфоры с сетчатым орнаментом (Хасково) и глубокие чаши. Среди украшений особенно многочисленны стеклянные браслеты — овальные, плоские, витые, одноцветные и с рисунком из разноцветных стеклянных нитей, встречаются бронзовые витые браслеты и другие вещи.

Наряду со славянскими поселениями этого периода, имеются и могильники. Одни из них с трупосожжениями, а другие с трупоположением (по христианскому обряду).

Славянские могильники с трупосожжениями известны до сих пор только в Северо-Западной Болгарии (с. Буковици, с. Вырбовка). Погребения совершались в урнах (горшках без ручек) и прямо в ямах. В ямы зарывалось по одной, по две или по три урны на глубину от 20 до 20 *см*. В некоторых случаях урны покрыты частями других сосудов или камнями, а чаще всего они ничем не покрыты. Употребляемые в качестве погребальных урн горшки в этих могильниках имеют форму усеченного конуса, опрокинутого вниз, с волнисто-линейным орнаментом. На дне некоторых из них — рельефный знак, но большинство горшков без клейм.

Рис. 7. Горшки из славянских поселений конца VIII—XI вв.
1 — София; *2* — городище у г. Хасково; *3* — Хисара; *4* — Пловдив

В составе погребального инвентаря имеются ножи, серп, фибулы, бусины и другие вещи.

Много могильников открыто в Северо-Западной Болгарии[11] (Греда, Железен-мост, Ралчин Дол, Босовите камени, Буковици), в Южной и Юго-Западной Болгарии (с. Долно Сахране[12], Старозагорского, Хасково, с. Абланица[13], Гоце-Делчевско). Погребения совершались по обряду трупоположения, скелеты лежали на спине, головой на запад. Могилы прямоугольной в плане формы были впущены в материк. В насыпях их обнаружены обломки горшков, сделанных на гончарном круге, их тулово в виде усеченного конуса покрыто волнисто-линейным орнаментом. В могилах встречено много украшений: стеклянных и костяных бус, бронзовых серег, перстней, браслетов и пр. Все эти археологические памятники на основании находок монет (на городище Хасково — 50 штук, на городище Благоевград и др.), украшений, а также стратиграфических наблюдений и исторических данных датируются с конца VIII по XI в. Самые близкие аналогии всем этим поселениям и могильникам находятся у славянских народов — в Чехословакии, Югославии, Польше, СССР и др. Несомненно, что указанные памятники на территории Болгарии являются славянскими.

В Северо-Восточной Болгарии известны и изучены праболгарские могильники. Самый характерный из них находится близ Нови Пазар[14]. Он может относиться к концу VIII или началу IX в. В этом могильнике скелеты находятся в могильной яме в вытянутом положении, ориентированы ССВ—ЮЮЗ. В одном из погребений с человеком была положена лошадь. В числе погребального инвентаря были глиняные сосуды, костяные накладки лука, сабля, другие предметы, а также кости животных, горшки с яйцевидным туловом и кувшины с темно-серой матовой поверхостью, на которую нанесены лощеные полосы. Кувшины с трехсливным горлышком и сетчатым орнаментом. На дне некоторых из них имеется рельефный знак (клеймо). Обнаружен один горшок яйцевидной формы с орнаментом из врезанных линий.

---

[11] Ж. Н. Въжарова. Средневековни обекти в долините на реките Цибрица и Огоста IX—XI в. (разузнаване). ИАИ, XXVIII, 1965, стр. 237 сл.; е е ж е. Славянски и славянобългарски селища..., стр. 138 сл.

[12] Г. Гатев. Могила погребения при с. Долно Сахране, Старозагороко. ИАИ, XXVIII, стр. 219 сл.

[13] Неопубликованные материалы, хранятся в Окр. музее — г. Благоевград. Раскопки Д. Стояновой-Серафимовой.

[14] Ст. Станчев. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958.

Вероятно, праболгарам принадлежат могильники, найденные в Калето, с. Попина [15], Стареца [16], Плиска [17], где погребенные лежат на спине, головой на запад и лицом на восток. Они помещены в специальных гробницах, в плане прямоугольной формы, сложенных из плит, взятых из античных крепостей. Погребальный инвентарь бедный, состоит из перстеньков, сережек и браслетов. В засыпи могил обнаружены фрагменты горшков темно-серого цвета с полосами лощения, горшков серого цвета с врезанными линиями, горшков с маленькими ручками (могильник в Стареца). В одной из могил (Калето, с. Попина) обнаружен скелет лошади.

О праболгарской принадлежности этих могильников свидетельствует обряд погребения, а именно: положение и ориентировка человека, наличие коня, а также и устройство погребений в каменных гробницах. Посуда в них представлена только яйцевидными горшками и кувшинами с трехсливным горлышком, с матовой поверхностью и сетчатым лощеным орнаментом. Этот вид памятников имеет наиболее близкие аналогии в салтовской культуре, распространенной севернее Дуная — в Румынии и Советском Союзе.

Кроме того, в Болгарии имеются памятники, в которых сочетаются славянская и праболгарская культуры. К их числу относятся поселения и могильники в Северо-Восточной Болгарии (Добруджа), где в одном культурном слое сочетается керамика славянского и болгарского типов и где, вместе с тем, преобладает жилище в виде землянки с печкой в углу, характерное для славян. Особенно замечательны в этом отношении погребения останков трупосожжений, вложенных в сосуды праболгарского типа. Такие погребения обнаружены в могильниках [18] (Разделна, Блесково [19], Аксаково [20], Шишкина, Кипра и Орешака Варненского района и с. Юпер, Разград, с. Синивир Шуменского района). Среди погребальных урн в этих могильниках имеются типичные славянские горшки в виде опрокинутого усеченного конуса с орнаментом из волнообразных полос, наряду с ними горшки яйцевидной формы и кувшины темно-серого цвета с сетчатым орнаментом праболгарского типа. Для некоторых урн сделаны гробики (Разделна).

Такое же сочетание славянских и праболгарских элементов имеют неукрепленные и укрепленные поселения и города, до сих пор известные только в Северной Болгарии, а именно: в верхнем культурном слое Джеджови лозя, Старецы, в средневековом слое Калето с. Попина; в городище в с. Цар Асеново Шуменского района, в городище в Кривина (Ятрос), в городище и селище в с. Градешница Врацского района, в городище с. Гиген, в городище Стырмен Русенского района, в городище с. Кладенцы, в городище с. Река Девня (ант. Маркианополь) и, наконец, в Асердере-Плиска.

Они расположены или на высоком берегу реки или болотистой низины, или же в степной местности (Плиска). Некоторые укреплены земляными валами и рвами (Стырмен), а города обведены каменными стенами. Общая площадь некоторых из них превышает 8000 $м^2$. Жилища в некоторых из них — полуземлянки с печью, сложенной из камней или врытой в материк (Джеджови лозя, Старецa, Цар Аксеново, Плиска и др.). Пол вымазан глиной, имеются ямки от столбов. Другой тип жи-

---

[15] Ж. Н. Въжарова. Славянобългарското селище край с. Попина, Силистренско. София, 1956.

[16] Раскопки автора, 1965 г.

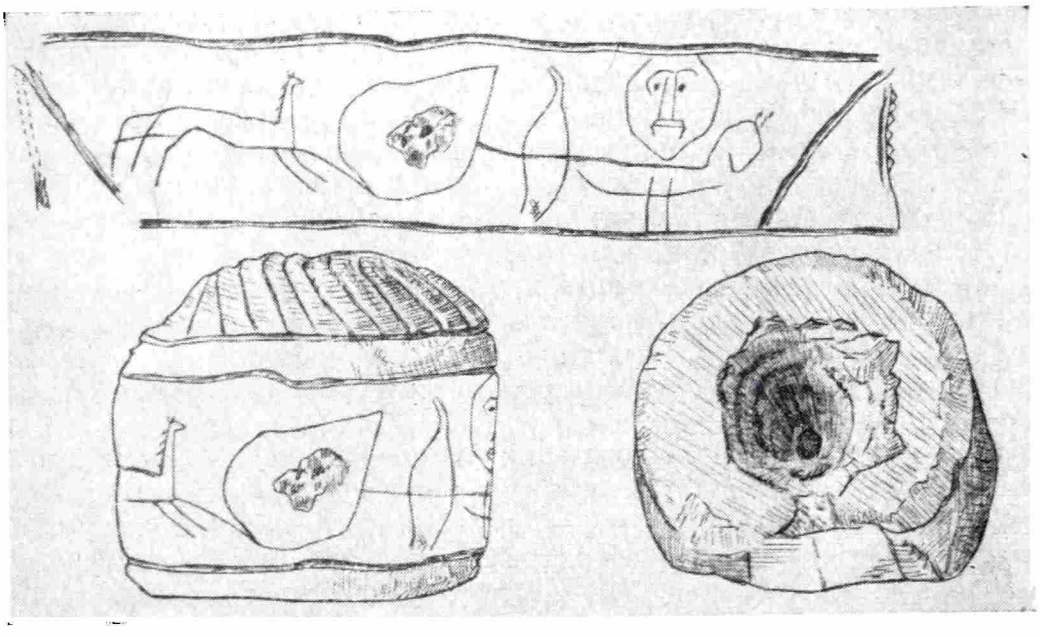
[17] Абоба-Плиска. Альбом. ИРАИ, Вена, 1905, табл. XXXI, XXXII.

[18] Ж. Н. Въжарова. Славянски и славянобългарски селища..., стр. 143 сл.

[19] Неопубликованные материалы Д. И. Димитрова, раскопки 1964—1965 гг.

[20] Д. И. Димитров. Находки от ранното средниковие във Варненски музей. ИВАД, XII, 1961, стр. 61.

а



б

Рис. 8. *а* — глиняная модель юрты с поселения у с. Река Девня Варненского округа (ант. Маркианополь); *б* — изображения на стенах глиняной модели юрты

лищ — полуземлянки с очагами (Стырмен, Кладенцы и др.). Встречена глиняная модель юртообразного жилища (рис. 8а, 8б) (городище с. Река Девня)[21]. Возле жилищ находятся хозяйственные ямы и гончарные печи. Среди находок в этих поселениях обнаружено больше всего глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге. Форма их очень разнообразная (рис. 9): горшки, кувшины, котлы с внутренними ушками, амфоры, широкие чаши, лощеные кувшины с ручкой. Некоторые из амфор такого же цвета как кувшины, и на их поверхности так же часто нанесены блестящие полосы лощения (Преслав, Калето, Джеджови лозя), встречаются котлы с внутренними ручками. Кувшины для воды с ручкой обычно покрыты зеленой поливой (Переслав, Калето), имеются также глубокие чаши (Преслав), на стенках которых, часто изнутри, нанесены горизонтальные и волнообразные линии. Характерно, что в этих поселениях Северо-Восточной Болгарии 70% посуды представлено горшками

[21] Ж. Н. Въжарова. Юрто-жилище на прабългарите модел, сб. «Преслав», София, 1966.

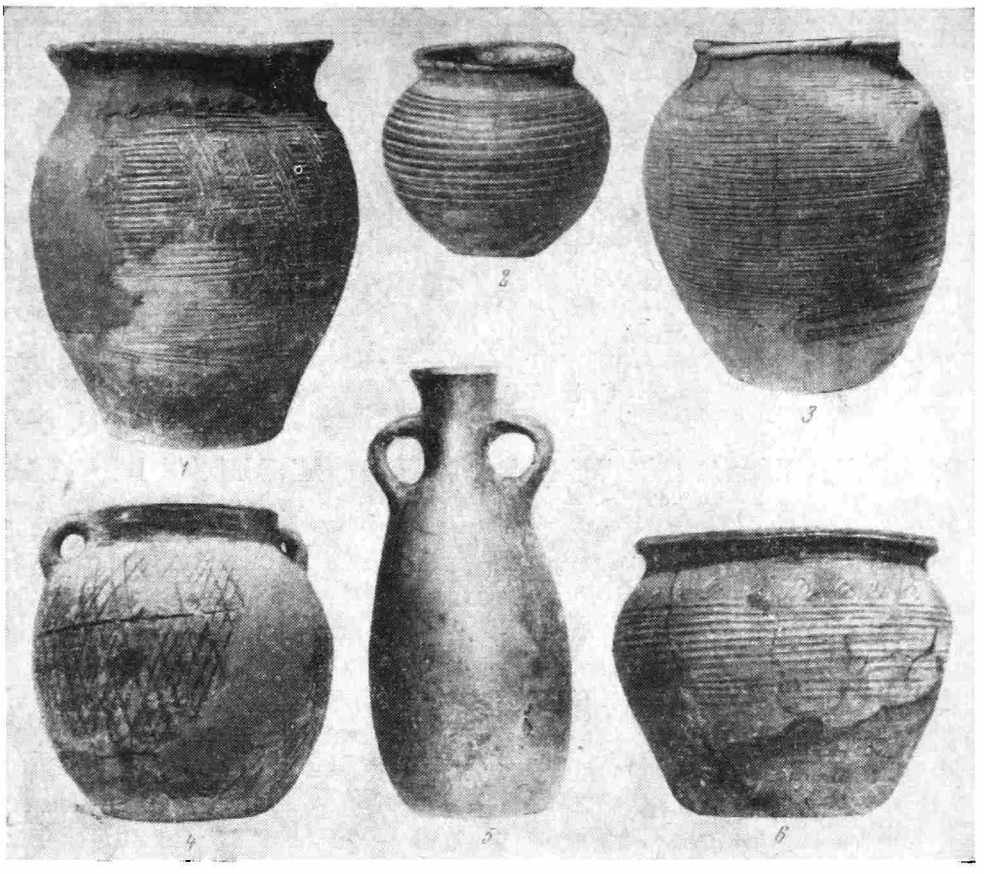


Рис. 9. Сосуды с поселений

1 — городище у с. Гиген; *2* — городище Плиска; *3* — селище Джеджови лозя у с. Попина; *4* — городище Асердере с. Цар Асеново; *5* — городище Калето у с. Попина; *6* — селище Стареца у с. Гарван

яйцевидной формы, 25% — в виде опрокинутого усеченного конуса и 5% — кувшины и горшки с лощеными полосками. Велико и разнообразно число других находок. Это бипирамидальные пряслица, орудия труда, железные ножи и изделия из бронзы — бусы, серьги, браслеты, поясные украшения и др.

Подобные этим памятникам поселения и могильники находятся севернее Дуная — в Советском Союзе и Румынии.

На основании исследований археологических памятников на болгарских землях можно сделать следующие выводы.

В Северной Болгарии известны и изучены славянские поселения и могильники с конца VI по VIII в. Славянской же культурой является и та, которая обнаружена в укрепленных и неукрепленных поселениях и могильниках с трупосожжением и трупоположением по христианскому обряду (периода VIII—XI вв.) в Северо-Западной, Южной и Юго-Западной Болгарии. В Северо-Восточной Болгарии имеются могильники конца VII—IX в., которые принадлежат праболгарам. В некоторых археологических памятниках Северо-Восточной Болгарии в укрепленных и неукрепленных поселениях, городах и могильниках с трупосожжением сочетаются элементы славянской и праболгарской культур. Это памятники периода первого болгарского государства.

С. Н. ОРЛОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ МСТЫ

В 1963—1965 гг. нами проведено сплошное археологическое обследование обоих берегов р. Мсты на участке в 12 *км*, между деревнями Самокража и Сопки Новгородского района. Обнаружен комплекс ранее неизвестных археологических памятников.

В урочище «Кобылья голова», расположенном на правом берегу р. Мсты между деревнями Полосы и Самокража проведены археологические исследования на месте поселений, грунтового могильника с трупосожжениями и раскопаны четыре кургана тоже с трупосожжениями.

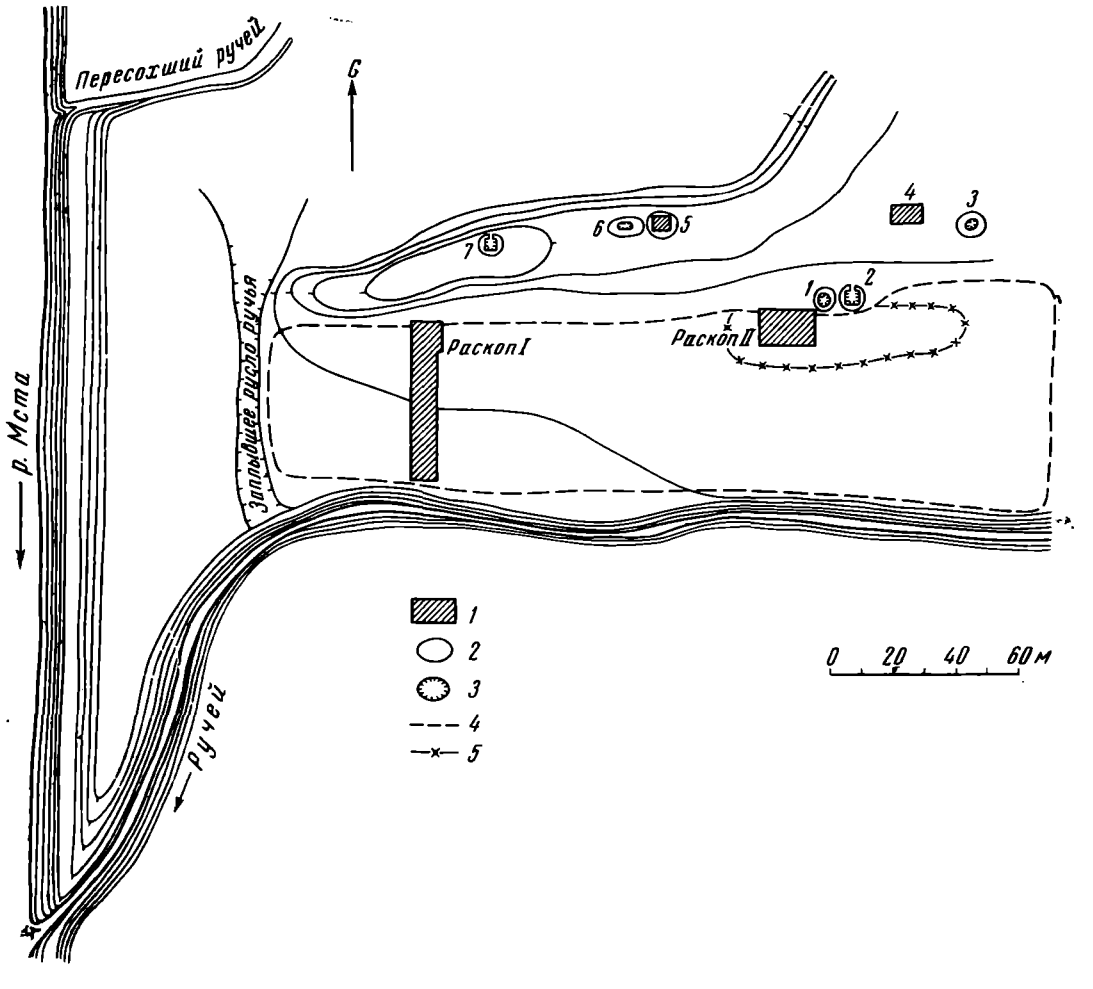


Рис. 1. План глазомерной съемки участка остатков поселений и могильников в урочище «Кобылья голова» на левом берегу р. Мсты, в 3 *км* севернее дер. Полосы

1 — места раскопов, *2* — курганы, *3* — ямы, *4* — границы пашни, *5* — границы распространения кальцинированных костей

Сигналом для раскопок послужила находка учениками Первомайской школы в полуразрушенном кургане лешного глиняного горшка с жженными костями. При обследовании места находки были обнаружены две группы курганов и остатки двуслойного поселения: верхнее поселение можно было датировать концом I и началом II тысячелетия, а нижнее — рубежом нашей эры. Раскопки велись в течение двух сезонов (1964 и 1965 гг.) совместной экспедицией Новгородского пединститута и Новгородского музея [1].

Остатки поселений расположены в 90 *м* от р. Мсты на площадке, вытянутой с востока на запад вдоль правого берега ручья, впадающего в Мсту (рис. 1). С севера площадка ограничена валообразным дюнным всхолмлением, покрытым лесом. Площадка представляет собою вспаханное поле шириной около 50—60 *м*. Почва на месте поселения и вдоль правого берега ручья состоит из светло-желтого пылеватого песка, а вдоль берега Мсты на второй террасе с поверхности выступает плотная красная глина. В западной прибрежной части вспаханного поля, на протяжении 110—120 *м* в длину, песчаная почва выделялась темно-серым цветом. На поверхности этого участка встречались обгоревшие камни, куски железного шлака, обломки глиняных лепных горшков разных эпох. Площадь поля имеет небольшой уклон с севера к югу, в сторону ручья и с востока на запад, в сторону р. Мсты.

Раскоп I был заложен в 36 *м* к востоку от западного края поля. Он прорезал поперек всю площадку с поселениями. В дли-

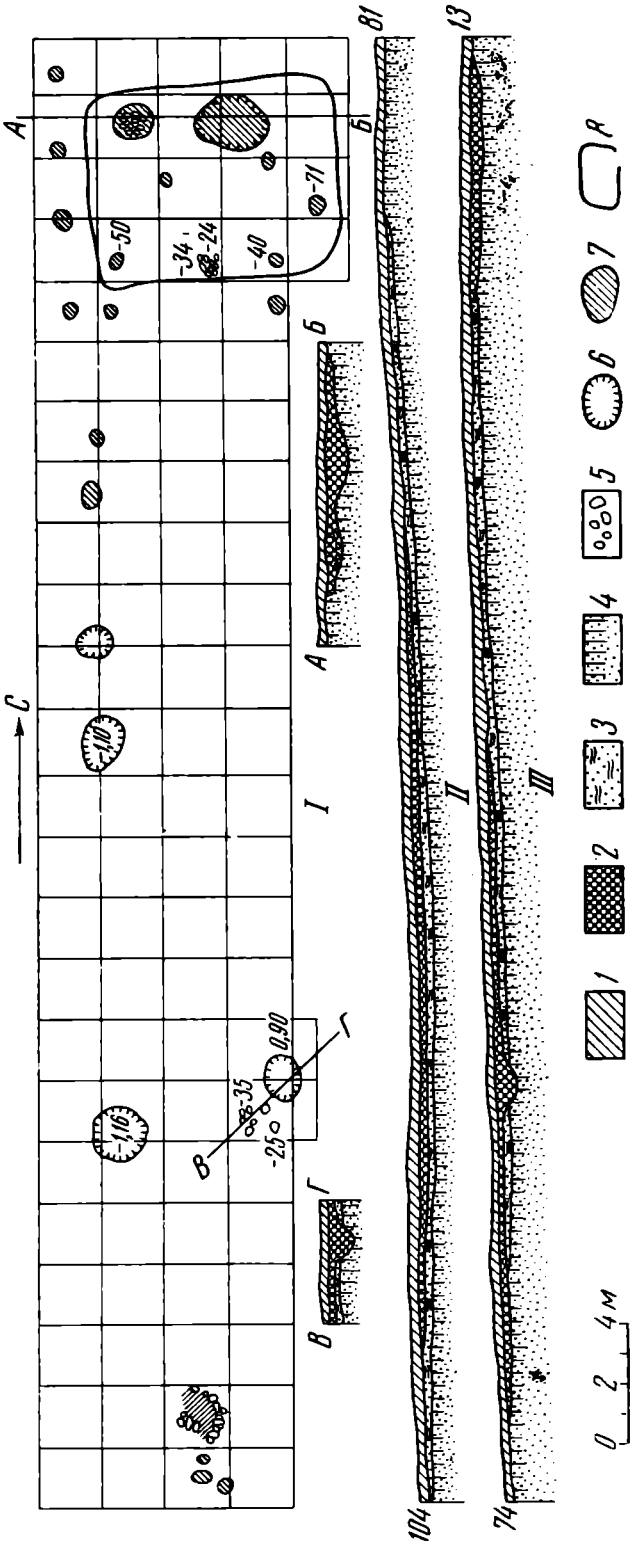


Рис. 2. Раскоп I. План и разрезы раскопа I: I — план, II — разрез западной части раскопа, III — разрез восточной части раскопа

1 — пахотный слой, *2* — темный перегной, *3* — предматериковый гумированный песок, *4* — материковый песок, *5* — камни, *6* — ямы, *7* — ямы от столбов, *8* — границы жилища

[1] Коллекция находок поступила в Новгородский музей. Большую помощь в организации экспедиции и непосредственно в исследованиях оказала учительница Е. Н. Васильева, которой мы выражаем глубокую благодарность.

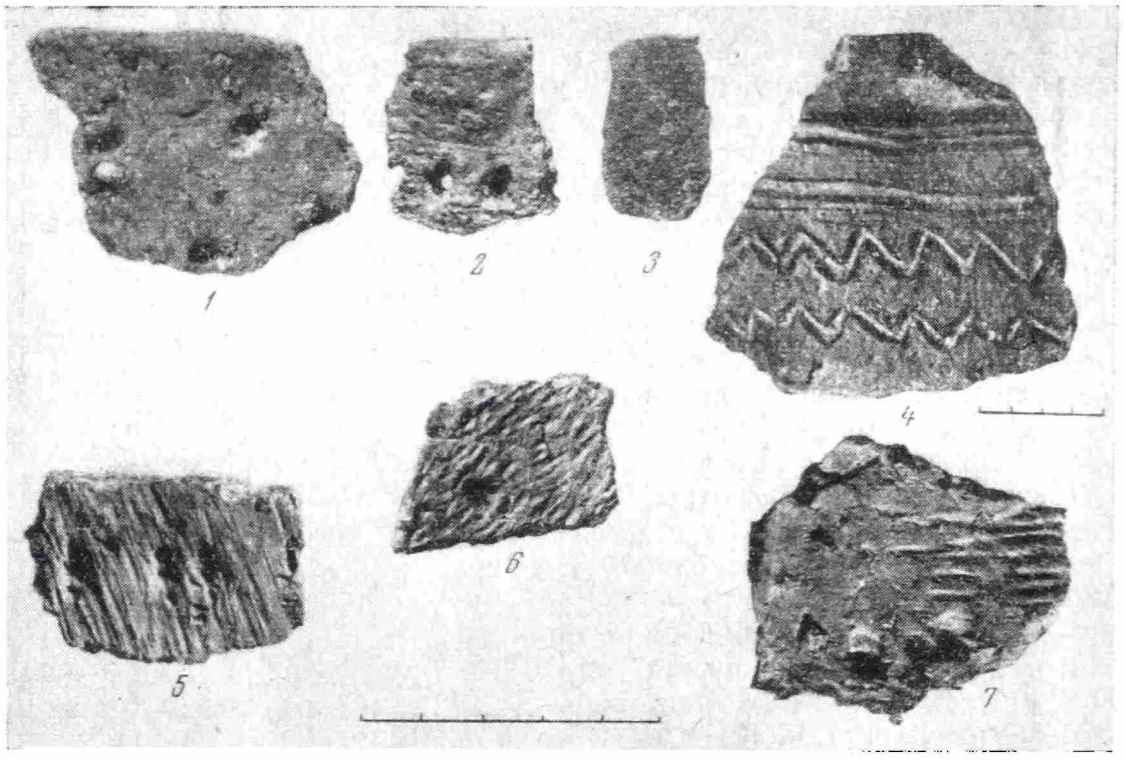


Рис. 3. Находки из раскопа I

1 — 2 — лепные горшки, *3* — обломок тигля, *4* — горшок, изготовленный на гончарном круге, *5* — лепной горшок

ну раскоп достиг 48 *м* и в ширину — 8 *м* (рис. 1 и 2). Толщина культурного слоя в средней части площадки и в понижениях достигает 0,7—0,8 *м*, а по краям площадки — не превышает толщины пахотного слоя — 0,2—0,3 *м*.

На всей площади раскопа I, с поверхности до глубины 0,3 *м*, залегал пахотный слой, перемешанный с перегноем. Ниже этого слоя, в средней части площадки прослеживалась прослойка темного плотного перегноя толщиной 0,10—0,18 *м* — остатки неразрушенного культурного слоя от верхнего поселения. Дальше, на большей части раскопа, наблюдался предматериковый слой, состоящий из светло-желтого мелкого пылеватого песка с вкраплениями пятен золы и перегноя. Толщина его — 0,08—0,15 *м*, а в отдельных местах до 0,2 *м*. От материкового светло-желтого песка он отличается аморфностью, отсутствием уплотненности. Этот слой отложился на месте более древнего первоначального поселения. В раскопе I никаких стерильных прослоек между отложениями поселений разных эпох не наблюдалось (рис. 2).

Описание результатов раскопок мы начинаем с более древнего, нижнего поселения.

Выше мы уже отмечали, что в пахотном слое, наряду с поздней керамикой, встречались отдельные фрагменты лепных горшков нижнего поселения. Они оказались наверху в результате разрушения культурных отложений пахотой. Но в средней части раскопа I, в предматериковом слое на площади около 320 $м^2$ удалось проследить ненарушенные культурные отложения древнего поселения (рис. 2). На отдельных участках было четко видно соотношение культурных остатков верхнего и нижнего поселений. Предматериковый слой поселения эпохи раннего железа залегает непосредственно под слоем темного перегноя с остатками печи-каменки, относящейся к верхнему поселению (рис. 2, разрез В—Г). В предматериковом слое на этих участках найдено семь крупных обломков от лепных горшков с орнаментом в виде редких ямок и следами штриховки изнутри и снаружи (рис. 3, *5*, *7*).

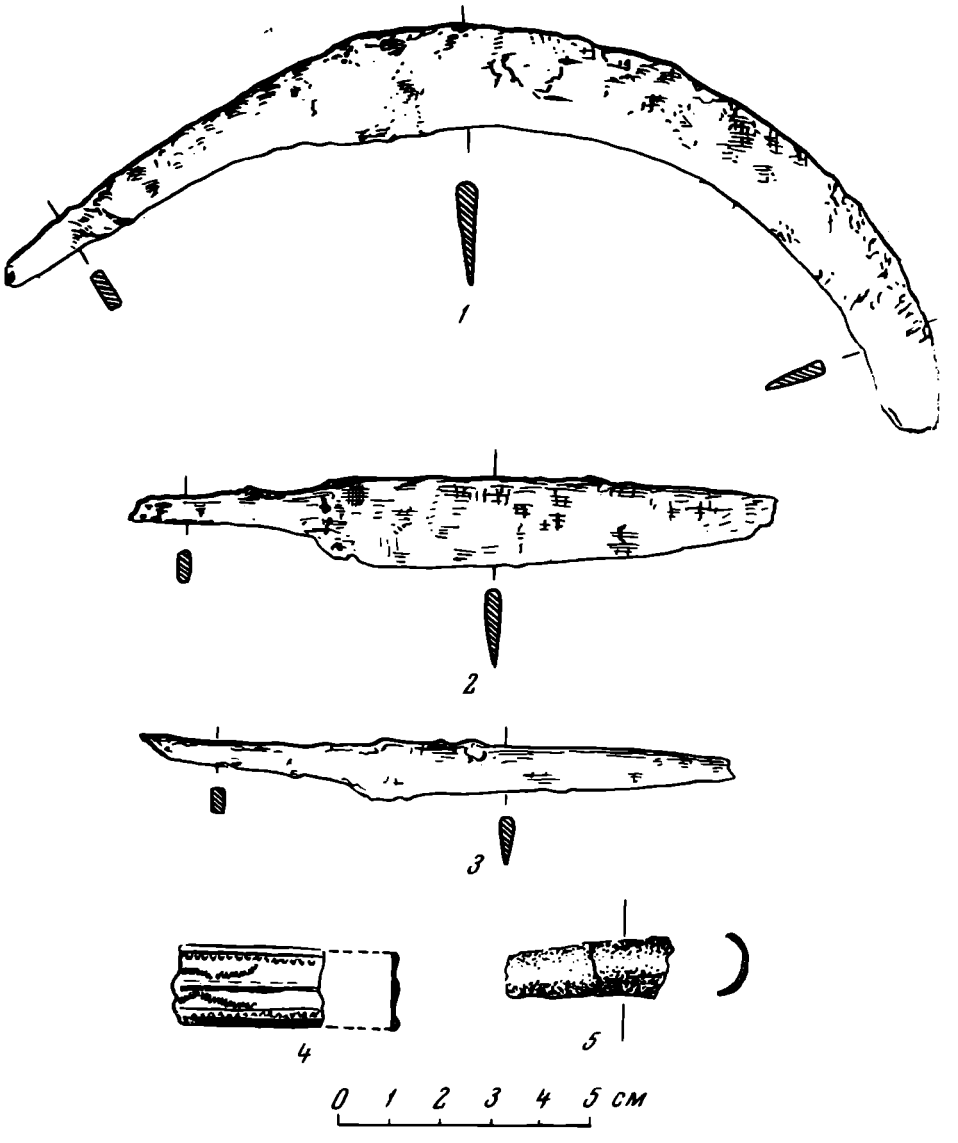


Рис. 4. Раскоп I. Находки из раскопа

1 — серп железный, *2—3* — ножи железные, *4* — серебряная пластинка, *5* — бронзовая обойма

На всей площади раскопа I, в предматериковом слое найдено свыше 90 обломков от лепных горшков этого типа. Эта посуда характеризуется грубостью изготовления, в тесте глины содержится примесь крупных зерен дресвы. Профиль горшков не выразительный, в верхней части они имеют орнамент в виде небрежных редких ямок, а по ободку венчиков иногда наносились отпечатки мелкой гребенки (рис. 3, *1*, *2*). Нижняя часть тулова горшка часто покрыта штриховкой и реже отпечатками ткани (рис. 3, *6*).

Из железных предметов в предматериковом слое найден серп архаической формы (рис. 4, *1*) и нож с прямой спинкой (рис. 4, *3*). Кроме того, в этом слое часто встречались кремневые отщепы, найден также кремневый скребок.

Весь комплекс находок, собранных в предматериковом слое, свидетельствует о том, что они относятся к поселению, имеющему аналогии в памятниках северо-запада нашей страны, датируемых рубежом и первыми веками нашей эры. Полная аналогия керамики данного типа имеется в поселениях верховьев бассейна р. Ловати и верховьев Западной Двины [2]. Такая же керамика найдена на укрепленных поселениях этого вре-

[2] Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. МИА, 76, 1960, стр. 18—95.

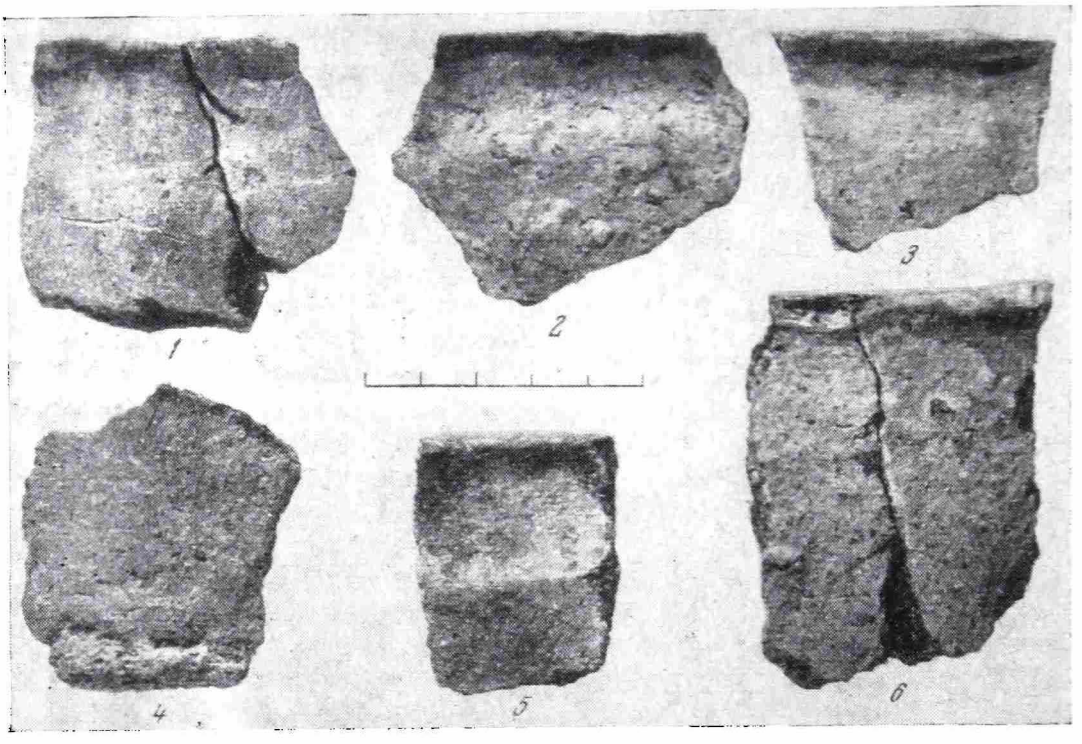


Рис. 5. Раскоп I. Образцы лепных горшков без орнамента

мени, на городище «Городок» в низовьях р. Ловати [3] и на городище у дер. Бор, в верховьях р. Луг [4]. Железные серпы архаической формы и ножи с прямой спинкой характерны для поселений этого времени в верховьях Волги [5], Днепра [6] и в северной Белоруссии [7].

Культурный слой верхнего поселения также частично сохранился в средней части площадки. Он имеет вид темного плотного перегноя с наличием угольков и перегоревших камней (рис. 2). На площади раскопа I от этого поселения сохранились остатки трех печей-каменок и основание жилища, контуры которого четко вырисовывались в северной части раскопа I в виде темного пятна на фоне светло-желтого материкового песка. Жилище было вытянуто с востока на запад и углублено в песок на 0,25—0,3 *м* от поверхности. Длина жилища около 8 *м*, ширина — около 6 *м*. Жилище, очевидно, имело столбовую конструкцию, так как нами прослежена система ямок от столбов диаметром 0,3—0,5 *м* и глубиною 0,3—0,7 *м*, расположенных вдоль стен с внутренней и внешней сторон (рис. 2).

В северо-западной части жилища обнаружены остатки печи-каменки и предпечной ямы. От печи сохранилась груда валунов, лежавших над углублением площадью 1 $м^2$, заполненным золой с угольками. Хорошо сохранилась предпечная яма длиною 2,4 *м* и шириною около 1,04 *м*, вытянутая вдоль северной стены жилища. Небольшое скопление камней и золы обнаружено около южной стенки жилища. Но это скопление не было похоже на остатки печи.

Основание площади жилища, предпечная яма и ямки от столбов были заполнены темным песком с перегноем и золой. В предпечной яме

[3] С. Н. Орлов. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати. КСИА АН СССР, 87, 1962, стр. 42—46.

[4] Материал не опубликован. См. отчет С. Н. Орлова в архиве ИА АН СССР, Р-1, 3027.

[5] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 95.

[6] П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963.

[7] К. П. Шут. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии. Сб. «Древности Белоруссии», Минск, 1966, стр. 117, рис. 7, *1—3*.

и на площади жилища попадались обломки перегоревших камней, кости животных и рыбы.

При расчистке заполнения предпечной ямы и остатков печи-каменки было найдено свыше 70 обломков от грубых лепных горшков без орнамента, тесто глины которых содержит примесь крупного песка и дресвы. Профиль горшков не выразительный (рис. 5, *1—3, 5*). Тут же найден нож железный (рис. 4, *2*), серебряная пластинка-накладка с зигзагообразным орнаментом (рис. 4, *4*) и обломок бронзовой выпуклой пластинки (рис. 4, *5*). При расчистке заполнения остальной части жилища найдены два обломка глиняных обожженных пряслиц округлой формы, куски глиняной обожженной обмазки с отпечатками прутьев, обломок пятки косы-горбуши и железный стержень. Найденные здесь обломки лепных горшков, подобны обнаруженным в заполнении предпечной ямы; некоторые черепки оплавились от пребывания в огне.

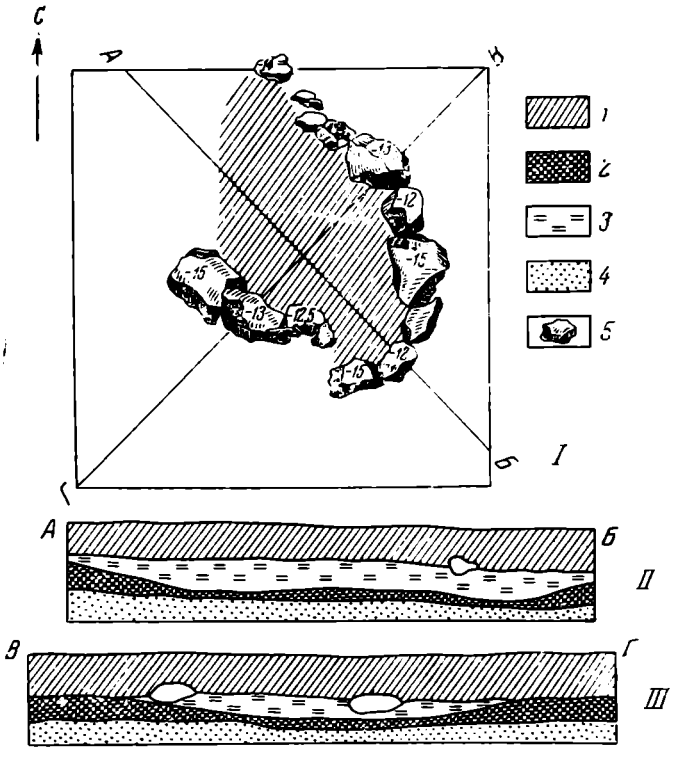


Рис. 6. Раскоп I. План I и разрезы (II, III) печи-каменки

1 — пахотный слой, *2* — культурный слой, *3* — пережженный суглинок, *4* — материк, *5* — камни

Основание второй печи-каменки частично сохранилось под пахотным слоем в южной части раскопа I (кв. 68, 69). Здесь, как уже отмечалось выше, основание печи и культурные отложения верхнего поселения залегают непосредственно на предматериковом слое с культурными остатками поселения эпохи раннего железа. При расчистке остатков печи-каменки и около них найдено девять крупных фрагментов от лепных горшков без орнамента с примесью дресвы в глине. Встречались и куски глиняной обмазки (рис. 5, *4, 6*). В 0,5 *м* к северо-востоку от остатко впечи обнаружена яма размером 1,5 × 1,10 *м* и глубиною 0,9 *м* от поверхности, заполненная светло-желтым песком, лишь слегка перемешанным с перегноем и золой, без находок (рис. 2).

Хорошо сохранились остатки третьей печи-каменки в южном конце раскопа I. Здесь, на глубине 0,25—0,30 *м* от поверхности, под пахотным слоем сохранилось основание печи в виде одного ряда валунов, лежавших в форме вытянутого полуовала, внутри которого имелся под из обожженной глины. Общая длина печи 1,7 *м* и ширина пода 0,75 *м* (рис. 2 и 6, *1*). Эта печь сооружена несколько позднее, так как ниже основания пода залегал культурный слой из темного перегноя того же времени (рис. 6, *2*). Вокруг остатков печи и на квадратах 34—35 собрано свыше 300 кусков обожженной глиняной обмазки от пазов между бревнами. Около пода печи обнаружены три ямки. Очевидно, жилище было рублено из бревен, но его форму определить не удалось, культурный слой здесь сильно разрушен пашней.

При расчистке остатков этой печи и в квадратах 41, 42, 73 и 74 найдено свыше 60 обломков от лепных горшков без орнамента с примесью дресвы; в квадрате 41 найдено глиняное обожженное пряслице оваль-

ной формы (внешний диаметр 4 *см*, диаметр отверстия — 1 *см*). Тут же находились обломки глиняных тиглей (рис. 3, *3*). При расчистке культурных отложений ниже перепаханного слоя на всей остальной площади раскопа I собрано еще около 200 обломков лепных горшков без орнамента. При расчистке пахотного слоя в раскопе I собрано некоторое

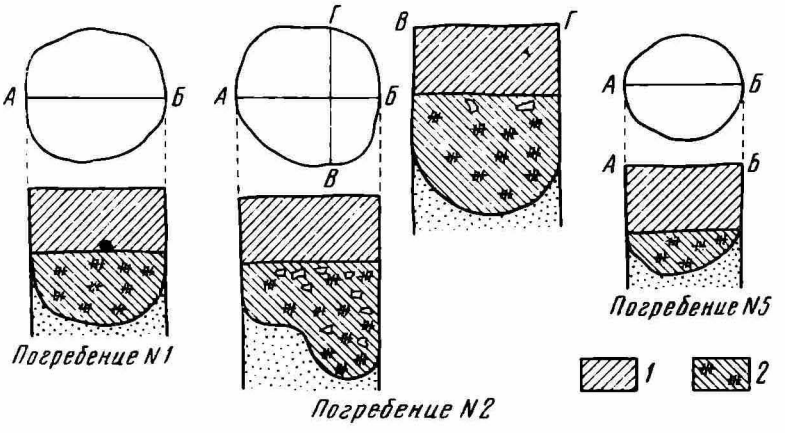


Рис. 7. Раскоп II. План и разрезы погр. № 1, 2 и 5 с трупосожжением

1 — пахотный слой, *2* — углистая масса с кальцинированными костями

количество гончарной керамики ранних типов (рис. 3, *4*) и один обломок перевитого стеклянного браслета.

Раскоп II размером 198,5 *м* был заложен в 100 *м* восточнее раскопа I у северного края площади распаханного поля, в 40 *м* севернее русла ручья (рис. 1). Здесь на поверхности пашни попадались кусочки кальцинированных костей от трупосожжений. Площадь распространения костей достигала около 70 *м* в длину и 20—25 *м* в ширину. К северу от этой площади находятся два сопкообразных кургана, насыпи которых были сильно попорчены землянками военного времени (рис. 1). После снятия пахотного слоя, толщина которого не превышает 0,2—0,3 *м*, на дне раскопа обнаружился плотный светло-желтый материковый песок, на его фоне были четко видны все углубления и ямки.

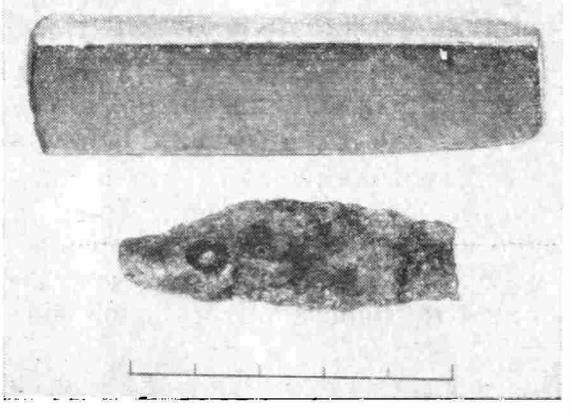


Рис. 8. Раскоп. II. Вещи из погребений № 2

1 — сланцевый брусок, *2* — кремневое орудие

Погребение № 1 открылось в кв. 101—102. Оно представляло собою ямку диаметром 0,4 *м*, с полукруглым дном, углубленную в материковый песок ниже пахотного слоя на 0,2 *м*, сплошь заполненную пережженными костями в смеси с золой и углистой жирной массой (рис. 7, *1*) (здесь собрано 150 *г* кальцинированных костей). При разборке погребения в ямке найдено кремневое орудие, сильно перегоревшее в огне. Орудие изготовлено из пластинки кремня, на одном конце слабо выражен тупой черешок, а боковые стороны обработаны ретушью и имеют вид острых лезвий. Конец орудия обломан. Длина сохранившейся части орудия 5 *см* и наибольшая ширина — 1,7 *см* (рис. 8, *2*). Орудие могло служить и как наконечник стрелы, и как режущее, двустороннее.

Погребение № 2 обнаружено на стыке квадратов 50—53 и 58, в 4,5 *м* к югу от погр. № 1, оно также находилось в грунтовой ямке ниже па-

хотного слоя. Глубина ямки 0,36 *м*, диаметр 0,40 *м*. Ямка сплошь была заполнена углистой массой, перемешанной с большим количеством перегоревших костей (рис. 7, *2*), вес которых составлял около 1,5 *кг*. Возможно, что в ямку погр. № 2 были сложены остатки сожжения нескольких трупов.

При расчистке погр. № 2, в верхнем заполнении ямки найден серый сланцевый брусок и отщеп кремня. Отщеп сильно перегорел, потрескался, а брусок не был в огне и был положен при захоронении праха. Брусок тщательно обработан, имеет идеальные заполированные грани 1,7 *см* шириной. Торцовая сторона одного конца хорошо обработана, другая имеет неровности (рис. 8, *1*). Брусок не мог служить точильным, так как на нем нет следов затачивания.

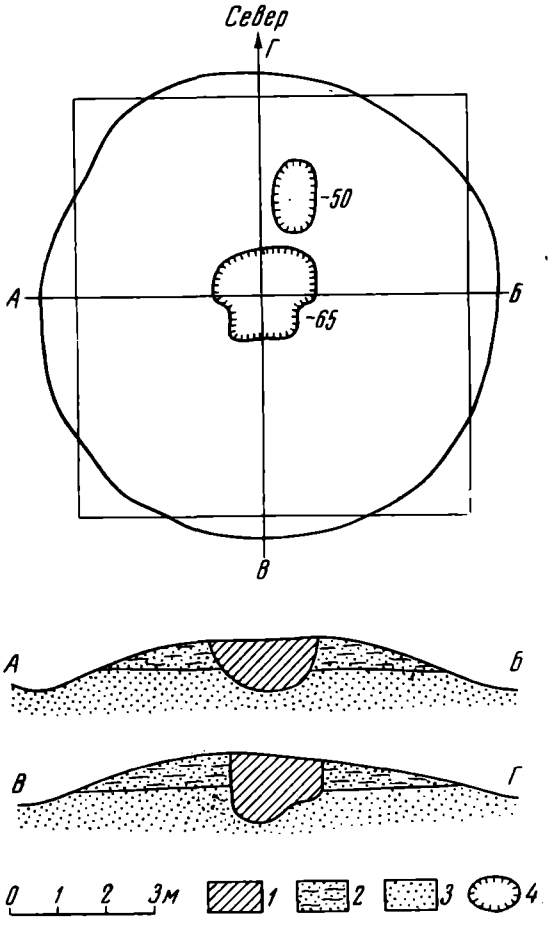


Рис. 9. План и разрезы кург. № 5
1 — заполнение ям, *2* — перемешанный песок, *3* — материковый песок, *4* — ямы

Погребение № 3 обнаружено в квадратах 119—120 0,7 *м* севернее погр. № 1. Оно разрушено пахотой, ямка не сохранилась, нам удалось проследить на материке кальцинированные кости в смеси с золой и угольками в виде пятна размером 1,30 × 0,36 *м*. Здесь собрано около 100 *г* перегоревших костей. Погребение № 4 находилось на стыке квадратов 130, 131 и 138, 139, оно также полуразрушено. На глубине 0,3 *м* от поверхности зачистилась ямка диаметром 0,25 *м* и глубиною 0,05 *м*, сплошь заполненная кальцинированными костями с золой и угольками. Находок не было.

Погребение № 5 находилось в западной части раскопа, в квадратах 184, 185 и хорошо сохранилось. На глубине 0,2 *м* от поверхности четко выступали контуры темного круглого пятна — от (рис. 7, *3*) ямки диаметром 0,32×0,34 *м*, ее наибольшая глубина 0,12 *м*. Из углистой массы заполнения ямки выбрано около 1 *кг* пережженных костей. Находок не было.

Кроме пяти погребений, на площади раскопа II были вскрыты три ямки, заполненные темным перегноем зольного цвета, но без кальцинированных костей и находок. Диаметр ямок колебался от 0,4 до 0,7 *м* и глубина от 0,30 до 0,65 *м*. По-видимому, эти ямки не относятся к могильнику. Следов наличия каких-либо насыпей над погребениями не прослеживалось, площадь поля в этой части совершенно ровная. Выпаханные на поверхность кальцинированные кости наблюдались к востоку и к западу от раскопа II. Могильник в урочище «Кобылья голова» отчасти напоминает исследованный могильник на левом берегу Волхова около Старой Ладоги[8]. Но на этих двух могильниках пока не найдено датирующих находок[9].

---

[8] С. Н. Орлов. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге. СА, 1960, 2, стр. 251—253.

[9] В погребениях могильника около Старой Ладоги найдены обломки лепного горшка без орнамента.

Нашей экспедицией раскопаны также четыре кургана с трупосожжением. Из первой группы, расположенной около поселения, раскопан кург. № 4 и доисследована насыпь кург. № 5, где школьники обнаружили трупосожжение в горшке (рис. 1). В кург. № 5 погребений обнаружено не было, но в насыпи встречались отдельные кальцинированные кости. Курган № 5, круглый в плане, имел диаметр около 10 *м* и высоту 0,6—0,7 *м* (рис. 9). Лепной грубый горшок, извлеченный школьника-

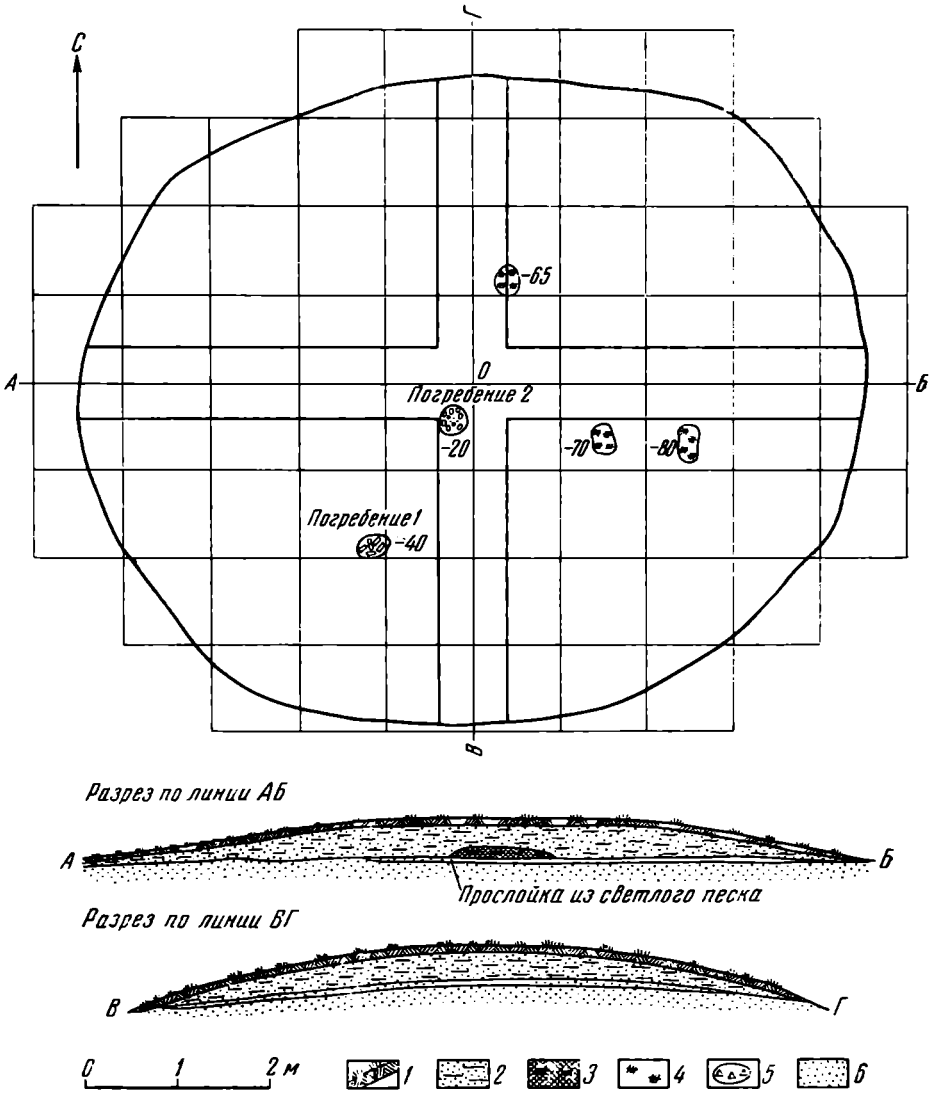


Рис. 10. План и разрезы кург. № 4

1 — дерн, *2* — песок в смеси с перегноем, *3* — зольные пятна, *4* — углистая масса с песком, *5* — погребения с трупосожжением, *6* — материк

ми, был наполнен остатками трупосожжения. Профиль горшка слабый, орнамент отсутствует.

Курган № 4 имел диаметры 9×7,5 *м* и высоту около 0,5 *м* (рис. 10). Насыпь кургана не имела повреждений, но толстые сосны корнями повредили погребения. Насыпи курганов раскапывались на снос. В кург. № 4 обнаружены два погребения в виде трупосожжений. Погребение № 1 находилось на поверхности материка под насыпью в юго-восточном секторе кургана. Кальцинированные кости, смешанные с желтым песком, залегали в виде пятна на площади 0,32×0,27 *м* (рис. 10). В погребении собрано 120 *г* кальцинированных костей. Находок нет. Особенностью погр. № 1 является то, что обломки костей все крупные, пылеобразной мелочи здесь не было. Погребение № 2 обнаружено при снятии бровки на расстоянии 0,4 *м* к юго-востоку от центра. Оно находилось в насыпи

на глубине 0,2 *м* от поверхности, в ямке глубиною 0,2 *м* и диаметром 0,3 *м*. Пережженные кости очень мелкие. Находок не было. В основании насыпи кургана на поверхности материка наблюдались три углубления, заполненные темным перегноем с наличием угольков. Кальцинированных костей и находок в углублениях не найдено.

Группа II, состоящая из двух курганов, обнаружена экспедицией в 360 *м* восточнее поселения, в лесу. Курганы были расположены на невысоком дюнном всхолмлении, около тракторной дороги.

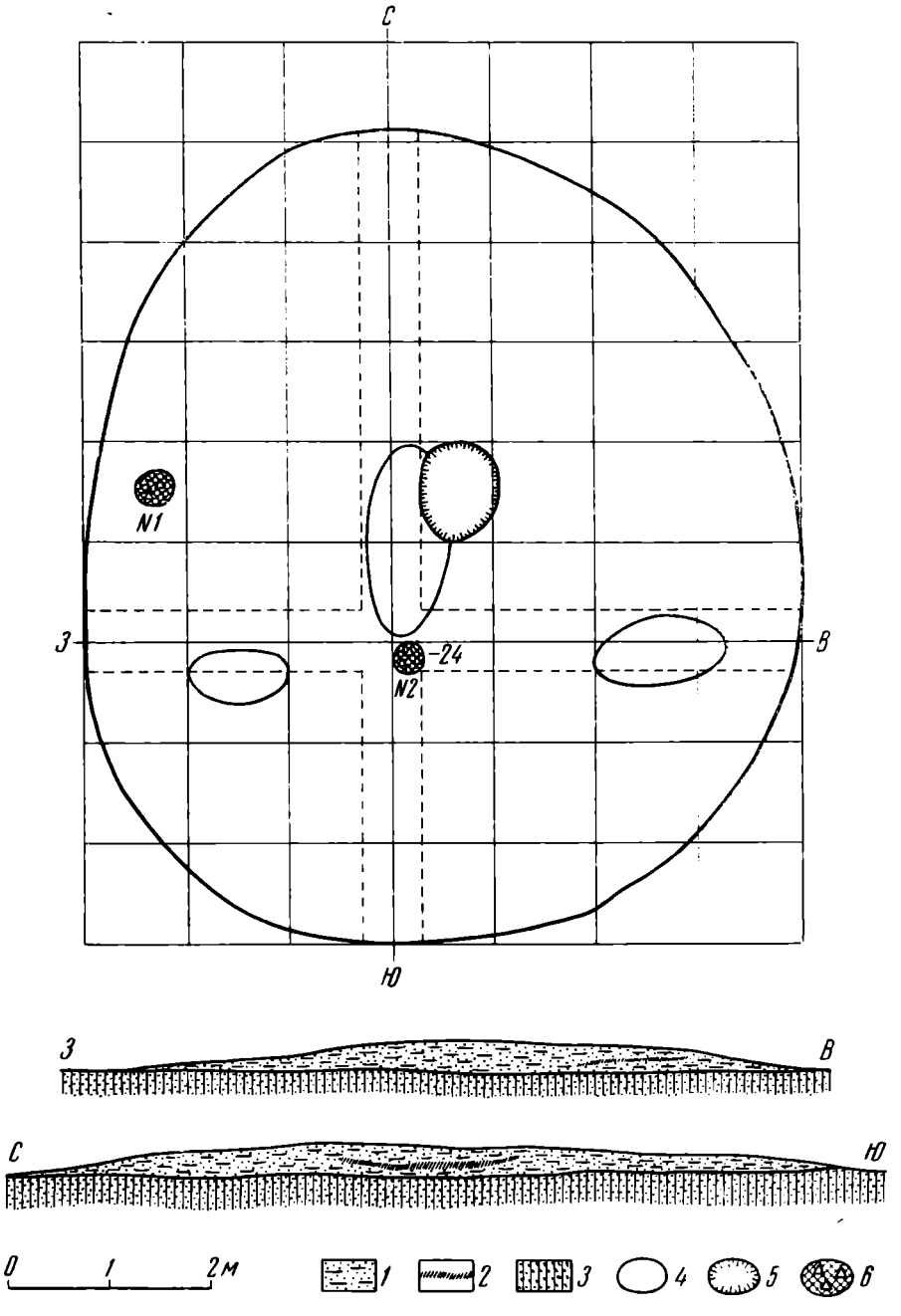


Рис. 11. План и разрез кург. № 1 из группы II

1 — насыпь кургана, *2* — зольная прослойка, *3* — материк, *4* — зольное пятно, *5* — грабительская яма, *6* — погребение

Курган № 1 имел округлую форму размером 8,1×7 *м*, наибольшая высота 0,38 *м* (рис. 11). Обнаружено два погребения в виде трупосожжений. Погребение № 1 находилось под южной полой кургана, кальцинированные кости, смешанные с золой, находились в круглой ямке диаметром 0,35 *м*, углубленной в материк на 0,15 *м*. Собрано около 100 *г* кальцинированных костей. Находок нет. Погребение № 2 находилось около центра кургана в материке. Ямка диаметром 0,27 × 0,25 и глу-

биною 0,19 *м* была заполнена кальцинированными костями (100 *г*), смешанными с углисто-зольной массой (рис. 11). Собрано около 100 *г* костей. Находок не найдено.

Курган № 2 находился на расстоянии 68 *м* к востоку от первого кургана. Он имел круглую форму диаметром 9 *м* и высотою 0,45 *м* (рис. 12). При исследовании обнаружено одно погребение в виде трупосожжения.

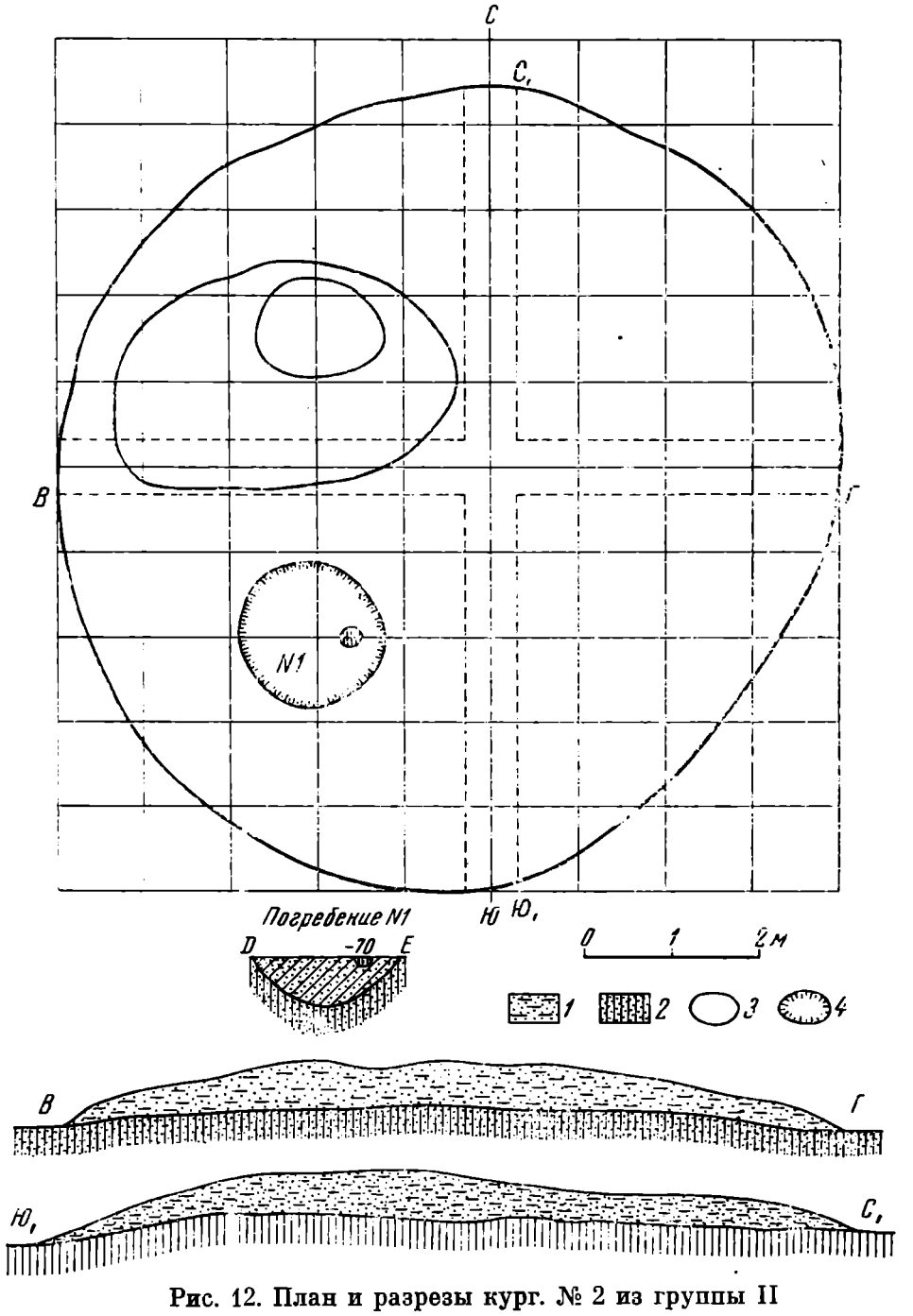


Рис. 12. План и разрезы кург. № 2 из группы II

1 — насыпь кургана, *2* — материк, *3* — зольное пятно, *4* — погребение

Кальцинированные кости (150 *г*) находились в ямке диаметром 0,23 *м* и глубиною 0,14 *м* в основании насыпи. Находок нет. Ниже погребения, под насыпью кургана оказалась большая яма размером 1,70×1,66 *м* и глубиною 0,58 *м*. Яма была заполнена песком с перегноем. Никаких находок и остатков погребений в заполнении ямы не было. По-видимому, яма к погребению не относилась. В северо-западном секторе кургана под насыпью наблюдалось большое зольное пятно, которое также не имело связи с погребением, так как не содержало никаких следов погребения.

Все исследованные курганные насыпи состояли из мелкого пылеватого светло-желтого песка, взятого на месте. Кое-где видны ровики вокруг курганов от выбранной земли для насыпи. Хотя датирующих находок в раскопанных курганах не найдено, но их формы, размеры и обряд погребения в виде трупосожжения дают основание относить их к концу I тысячелетия и связать с верхним слоем поселения времени IX—X вв.

Следовательно, есть основание полагать, что в урочище «Кобылья голова» обнаружен и частично исследован комплекс памятников от рубежа нашей эры и до X—XI вв.

В 700 *м* выше дер. Баранихи на правом берегу р. Мсты высокий обрывистый берег носит название урочища «Жальник». При опросе местных жителей установлено, что при оползнях берега обнажаются захоронения людей в виде трупоположений. При осмотре места жальника обнаружены кости скелетов и обломки гончарных горшков из серой глины XV—XVI вв.

На левом берегу р. Мсты, ниже дер. Баранихи, против дер. Малое Чурилово, обследованы остатки разрушенного жальника. Жальник расположен на песчаном вытянутом вдоль берега останце второй береговой террасы р. Мсты. Холм возвышается на 15—18 *м* над уровнем реки. Могильник занимал площадь останца длиною около 30 *м* и шириною 10—15 *м*. Южная часть холма разрушена карьерами, а прибрежная — ямами сплавщиков. В обрезах разрушений видны кости от погребений и обломки гончарных горшков XV—XVI вв. Нами расчищено одно полуразрушенное погребение без находок [10].

На правом берегу Мсты около дер. Рышево в лесу обнаружены две группы курганов. Первая группа из пяти насыпей расположена в сосновом лесу на опушке поля, в 0,5 *км* ниже по течению реки от дер. Рышево. Два кургана длинные, 14 и 20 *м* в длину при высоте около 1 *м*. Три насыпи — круглые, высотою от 1,20 до 1,50 *м*. Один курган поврежден траншеей военного времени, а остальные хорошо сохранились. Около 700 *м* к югу от этой группы курганов, на стыке дорог из деревень Плашкино и Сопки, в 1 *км* от русла р. Мсты, в сосновом лесу имеется вторая группа из 15 курганов. Курганы расположены вдоль западной стороны дороги из дер. Плашкино-Пятница в дер. Жабицы. Два кургана имеют удлиненную форму и одна сопкообразная насыпь высотою около 3 *м* и диаметром около 16 *м*. Остальные курганы небольшие, низкие, сегментовидные. Разрушенная насыпь сопки зафиксирована на левом берегу р. Мсты у дер. Глебово.

Таким образом, сплошное археологическое обследование участка долины р. Мсты на протяжении 10—12 *км* позволило выявить целый комплекс исторических памятников периода от рубежа новой эры до XV—XVI вв.

---

[10] Могильник ранее посещали школьники с учительницей Е. Н. Васильевой. Кроме обломков гончарной керамики, ими здесь найдена глиняная свистулька в виде курочки из серой обожженной глины без поливы. Размеры изделия в длину около 10 *см* и в высоту 5—6 *см*. В хвостовой части имеется отверстие, при дутье в которое издается сильный мелодичный звук. Головка игрушки утрачена. Предмет хранился в коллекции при школе в дер. Бараниха.

О. Д. БАЛДИНА

ДВЕ ИКОНЫ РОСТОВСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ

В 1963 г. в Государственной центральной художественной реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря по инициативе Н. Н. Померанцева была начата работа (реставратор В. Бажанов) по расчистке ряда икон из Ростовского филиала Ярославского музея. В эту группу вошли несколько икон, в их числе изображение Спаса и Богоматери, на которых мы и остановимся (рис. 1 и 2).

Иконы писаны на липовых досках, скрепленных врезными сквозными шпонками. Доски рубленые, тонкие, с ковчегом. Характер обработки досок, как и узкие ковчежные поля, говорит о раннем происхождении икон (тыльная сторона на всех иконах покрыта слоем масляной краски). Толщина досок колеблется от 3 до 5 *см*. Верхние поля имеют ширину от 5 до 6 *см*, нижние — от 1 до 3 *см*, вертикальные — от 1 до 4,5 *см*.

Левкас на иконах, как показал химический анализ, белый, тонкий, плотный меловой, на животном клею. Паволока частичная. Живописная поверхность икон сохранила контурную графью изображений, наряду с прочерченными вверху икон полукружиями, отметившими границу декоративно-архитектурных элементов иконостаса.

Послойная фиксация и снятие надписей в процессе реставрации позволили установить последовательную картину реставрационных чинок икон, которые начались, по-видимому, в XVI в. и продолжались в последующие столетия (XVII, XVIII, XIX вв.). За это время прописывали в основном поля и фоны (то золотом, то охрой, то темно-зеленой краской). Соответственно возобновлялись и надписи, палеография которых дает возможность проследить все реставрации икон. Помимо записей, делались небольшие вставки грунта (в нижней части фигур).

Фигуры и лики на иконах были лишь слегка прописаны. Только в XIX в. изображения записываются окончательно масляной краской с сохранением древней композиции, но без повторения в цвете.

Художественные достоинства расчищенных икон заставляют с особым вниманием отнестись ко всем фактам и сведениям, связанным с их происхождением и местом нахождения. По инвентарной книге Ростовского музея названные иконы поступили в музей в 1941 г. из ликвидированной церкви Покрова села Гуменец Ростовского района. Помимо нескольких икон, поступивших на расчистку в ГЦХРМ, в Ростовском музее находится еще целый ряд нераскрытых икон из того же села Гуменец, деисусного чина.

Имеющиеся литературные сведения о селе Гуменец не вносят большей ясности в историю происхождения чина. Известный историк Ростовского края А. А. Титов сообщает о селе следующее — «Гуменец или Гуженец, казенное село в 15-ти верстах от города... Церковь в нем каменная, одноглавая в связи с колокольней, построена прихожанами в 1809 году. На ее месте раньше стояла деревянная церковь, сгоревшая в 1802 году.

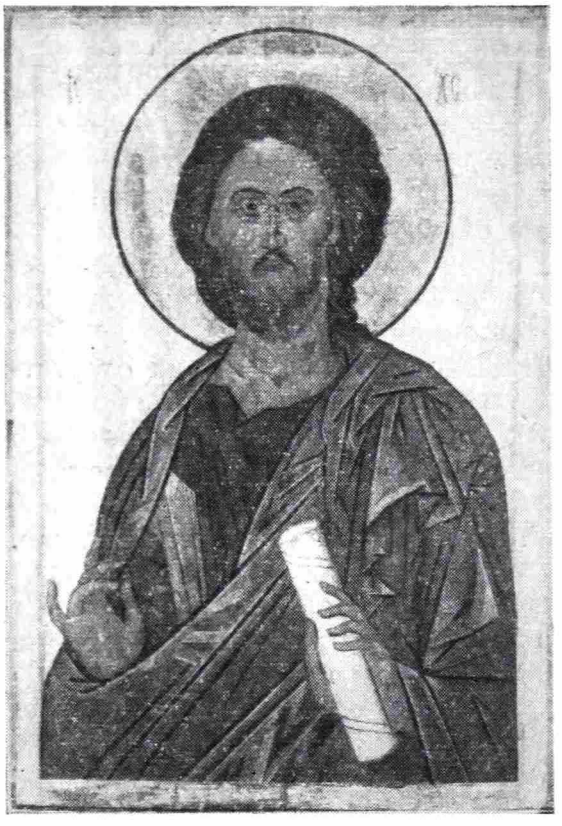


Рис. 1. Икона «Спас». Ростовская школа живописи

Рис. 2. Икона «Богоматерь». Ростовская школа живописи

Чудотворных икон и старинных предметов в здешней церкви нет» [1]. Последнее утверждение А. А. Титова позволяет считать, что названные иконы ко времени его посещения были уже записаны масляной краской и произвели на него впечатление новых. Вместе с тем А. А. Титов дополняет свое описание села известием о том, что его наименование произошло от размещавшихся здесь некогда «гумен и житниц ростовских владык» [2]. Это сообщение, по-видимому, следует считать достоверным, поскольку деисусный чин такого большого состава не мог первоначально украшать простую деревянную сельскую церковь, хотя бы и значительную по размерам. Можно также думать, что вся группа икон поступила в Гуменец из какого-то другого места, возможно даже в связи с постройкой упомянутой каменной церкви. Поскольку село Гуменец было епископским, постольку наиболее вероятным источником поступления икон следует считать Ростовскую метрополию или сам Ростов.

Из перечня сохранившихся икон деисусного чина (все нерасчищенные иконы Ростовского музея, судя по размерам, принадлежат к одному чину) видно, что недостает в данный момент парной иконы Георгия, соответствующей иконе Димитрия Солунского и иконы с изображением одного из ростовских святителей, парной имеющейся иконе с изображением Леонтия. На отсутствующей иконе могло быть помещено изображение епископа Исаии или Игнатия, признанных ростовских святых в XV в. [3].

Наличие в деисусном чине двух икон ростовских святителей указывает либо на его ростовское происхождение, либо на специальное изготовление чина для одного из храмов Ростова.

---

[1] А. Титов. Ростовский уезд Ярославской области. М., 1885, стр. 343.

[2] Там же, стр. 344.

[3] См. Послание архиепископа Вассиана Рыло Ивану III в 1480 г. ПСРЛ, XXVI, стр. 273; IV епископ ростовский — Иаков был причислен к святым лишь на Соборе 1549 г.

Следовательно, Ростовский чин состоял из 15 икон: Спас, Богоматерь, Предтеча, два архангела, апостолы Петр и Павел, четыре вселенских святителя, два ростовских святых и два мученика.

Такой большой и торжественный чин мог быть выполнен по особому заказу какого-то ростовского архиепископа для каменного храма большого размера, ширина алтаря которого равнялась бы ширине Ростовского чина, т. е. около 10 *м* (15 икон шириною 64 *см*).

Прежде чем датировать чин (беглое впечатление от характера живописи, досок и поясного чина заставляет предположить XV в.) необходимо выяснить по возможности точнее историю происхождения чина.

Исследователи ростовских древностей неоднократно отмечали отсутствие известий о Ростове и его памятниках XV в. Частые пожары, иноземные нашествия — все это способствовало гибели самих памятников и письменных источников. Однако все же имеются летописные известия, которые говорят о достаточно интенсивной духовной и художественной жизни Ростова Великого. В 1408 г. в Ростове произошел огромный пожар. «Такова пожара велика в Ростове не бывала и за двести лет» — сообщает летопись. В пожаре сгорела не только большая часть города, но и был поврежден каменный Ростовский собор XIII в., верх которого рухнул. Во время этого бедствия в соборе — «иконы и книги и сосуды... огнем все погоре!» [4]. Спустя некоторое время епископ Григорий освятил восстановленный каменный храм. В житии Леонтия это событие описывается более подробно: «...Епископ Григорий не пощаде имения своего всего на создание церковное... съделано бысть церкви в борзе... и икони исписа на злате...» [5].

Следовательно, после пожара 1408 г. возобновленный Ростовский каменный собор получил свое новое убранство, в том числе и иконы, украсившие его алтарную часть.

Исследование Н. Н. Ворониным Ростовского собора XIII в., возобновленного епископом Григорием, дает основание судить хотя бы о его первоначальном размере [6].

Для решения вопроса об иконостасе собора начала XV в. имеет значение ширина центральной апсиды и ширина западных граней восточных столбов. Данные реконструкции Н. Н. Воронина фиксируют следующие размеры: ширина абсиды примерно 7 *м*, вместе со столбами 10 *м*. Исходя из среднего размера икон Ростовского чина и их предполагаемого количества, мы имеем размер, близкий к ширине иконостаса со столбами. Другими словами, Ростовский чин мог бы разместиться в Успенском соборе.

Таким образом, можно предположить, что деисусный чин происходит из Успенского собора Ростова Великого, а поскольку в существующем соборе не раз приходилось производить обновление внутреннего убранства, вплоть до капитальной переделки иконостаса в XVIII в., то его древние иконы, не отвечавшие новым требованиям и вкусам, после замены были переданы в архиерейское село Гуменец.

В свое время так же поступали по отношению чиновных икон Андрея Рублева и Даниила Черного из Успенского собора во Владимире.

Подобная гипотеза о происхождении чина из каменного храма Ростова может оказаться вполне вероятной при соблюдении одного очень важного условия — высокого мастерства и художественной значимости всего чина.

Отвечают ли этим требованиям настоящие иконы?

Центральная икона Ростовского чина — Спас — невольно заставляет вспомнить ряд подобных икон, среди которых видное место занимает

---

[4] ПСРЛ XXV, стр. 237.

[5] А. Титов. Житие св. Леонтия, епископа ростовского. М., 1892, стр. 22.

[6] Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. I, М., 1961, стр. 187.

«Спас Вседержитель» 1360 г. из Суздаля и, конечно, Спас из Звенигородского чина. Ему подражают или просто близки Спас из «облачного» чина середины XV в., Спас из Покровского собора на Рогожском кладбище и др. Всех их объединяет очертание стройной фигуры и лица, поворот головы, изысканность колорита и высокое живописное мастерство.

Спас из Гуменца (рис. 1) свободно вписан в вытянутый прямоугольник иконной доски. Его силуэт изящен, левое плечо слегка развернуто, что придает фигуре некоторую объемность. Вместе с тем фигуру Спаса легко можно вписать в равносторонний треугольник, благодаря чему она становится уравновешенной, устойчивой, создает впечатление достоинства и покоя. Одновременно фигура Спаса как бы вырастает из нижнего ее поля, выделяясь четким силуэтом на охряном фоне. Трактовка образа Ростовского Спаса невольно заставляет вспомнить ранние образы Спаса XIV в. в Ростово-Суздальской земле и произведение Андрея Рублева, создавшего новый художественный и нравственный облик человека своего времени. Известно, что Спас из Звенигородского чина является его наиболее совершенным воплощением. Ростовский мастер идет по тому же пути. Всепонимающий проникновенный взгляд его Спаса полон сосредоточенности и внимания к человеку. Так же, как и его великий предшественник, он стремится запечатлеть на иконной плоскости образ возвышенной духовной красоты. Ростовский Спас способен не только понять, он справедлив и благожелателен[7].

Но вместе с тем неизвестный художник принес в свое произведение новую черту. В небольших спокойных глазах его Спаса, в плотно сомкнутых, чуть тронутых киноварью губах сквозит затаенная печаль. Благодаря ей Спас становится ближе человеку, понятнее, душевнее.

Ряд черт, таким образом, говорит о самостоятельности творчества ростовского художника. Разделяя художественные идеалы своих предшественников, он находил собственные средства для их выражения.

Своеобразие индивидуальности ростовского мастера выражено и в стройности принятых им пропорций, и в обострении декоративных свойств силуэта, и, что особенно важно, в колорите. Количество цветов, которыми пользуется ростовский мастер, незначительно: у него преобладают в изображении Спаса темно-коричневый, охристый, сине-зеленый. В моделировке лица применены традиционные высветления охрой. Зеленовато-коричневый санкирь (первоначальный красочный слой, покрывающий лик, шею и руки) просматривается в четко очерченных глазницах. Легкий румянец на щеках придает всему облику большую смуглость. Форма глаз, носа, бровей подчеркнуты контурной линией. Световые блики в виде тонких белильных линий, движек на лбу, возле нижних век, над бровями, кончике носа как бы создают движение света на лице Спаса. Брови чуть сдвинуты — отсюда выражение спокойной сосредоточенности.

Руки Спаса написаны плотно и объемно и здесь белильные движки моделируют пальцы, выпуклости ладоней. Темно-коричневые волосы пышной прически разделены тонкими волнистыми охряными линиями, борода же, более светлого тона, имеет темную разделку волос относительно короткими и более частыми линиями. Цвета одежд «доличное» находятся в гармонической связи с ликом Спаса — хитон темно-коричневый, а гиматий сине-зеленый с пробелами. Рисунок складок прописан темно-синим, рядом с которым проходят широкие линии пробелов. Отсюда игра сине-зеленых цветов. Складки гиматия словно играют двоякую роль. С одной стороны, они выступают как объемно-пластическое средство построения фигуры, с другой,— обостряют декоративно-орнаментальную сторону изображения, той же цели служит и белый свиток с двумя алыми полосками, и вынесен-

---

[7] Н. Демина. Троица Андрея Рублева. М., 1963, стр. 31, 32.

ный за предел фигуры палец благословляющей правой руки, и пышные волосы прически.

Декоративный линейный рисунок складок гиматия и хитона вносит в изображение своеобразный ритм, придает неподвижному в своей основе образу определенный динамизм, что выражено в переливах светлых и темных, в целом очень холодных и жестких тонов.

Преобладание графического начала над живописным в Ростовском Спасе вряд ли является случайным. Скорее всего оно предвещает те изменения, которые отчетливо наметились у подражателей и учеников Рублева. Все то, что у Рублева было обобщено, мягко и живописно, сделалось впоследствии более острым, сухим и каллиграфически четким [8]. Как известно, изменились и пропорции фигур в сторону большей их вытянутости, появилась манерность поз. Однако эти изменения будут характерны для второй половины XV в., когда «властителем дум» станет Дионисий. Этих черт мы еще не находим в Спасе, как и в остальных раскрытых иконах, что позволяет отнести их к додионисиевскому времени.

Близка к Спасу по своему исполнению икона Богоматери (рис. 2). Ростовский мастер, отталкиваясь от канонической схемы, переработал ее в сторону большего оживления образа и придал ему своеобразные черты. Тонкий прямой нос, округлые длинные брови, правильной формы глаза. маленький рот, нежная округлость лица, своеобразный плавный изгиб шеи составляют особенность иконы и находят себе соответствие в гибкой линии фигуры. В выражении лица художник достиг большой проникновенности, задушевности и той сосредоточенности, которые свойственны изображению Спаса.

Среди икон Ростова, Переяславля-Залесского и Ярославля XV и XVI вв. мы встречаем чиновые иконы Богоматери, однако чаще всего они не выходят за границы обычного канонического изображения, им свойственна большая схематичность образа. Богоматерь же Ростовского чина отличает сочетание черт мужественности с мягкостью неутраченной еще молодости облика. Невольно возникает образ идеальной русской женщины, воспетой в повестях, летописях и сказаниях.

В Ростовской Богоматери словно воплощен облик земной женщины, познавшей всю трагическую глубину жизни, умудренной, со взглядом полным надежды и ожидания.

Выразительность изображения достигнута художником средствами, аналогичными со Спасом. И в этом случае мы встречаемся с умением вписать изображение в вытянутую плоскость доски, соблюсти соотношения между фигурой и формой обрамления. Принцип «вырастания» фигур из нижнего поля иконы находит себе место и здесь, как и в остальных иконах чина. Силуэт предельно обостряет декоративные свойства формы, избегая всякой нарочитости и неоправданной растянутости.

Богоматерь облечена в темно-коричневый мафорий, местами сохранивший серебряный легкий узор. Из-за его плохой сохранности и темных разделок складок затруднительно говорить о первоначальной звучности и гармоничности цветовых сочетаний. Сине-зеленый чепец обрамляет лицо; он не только отделяет лик от мафория, но и колористически связывает темный санкирь лица с цветом одежды, оживляя изображение легким голубоватым пятном. Наручи, сине-зеленые с оранжевым ассистом, по цвету созвучны клаву на хитоне Спаса. В иконе значительную роль играет большой золотой нимб, на фоне которого особенно выразительным становится лицо Богоматери. Цвет лица приобретает бледноватый оттенок, не переходящий на щеках в румянец, как у Спаса. Белильные высветления придают лицу особую бледность, только легкое подрумянивание носа и подбородка создают иллюзию живой трепетности лица. Следует думать,

---

[8] История русского искусства. III, М., 1955, стр. 188.

что все эти приемы были применены специально для углубления смыслового характера образа.

Особенности живописи иконы, как и внутренний строй образа, дают основание предполагать, что Богоматерь писана тем же художником, что и Спас.

Рассмотренные иконы схожи между собой. Их сближает чувство цвета, построение линий, декоративность композиции. Все эти признаки позволяют говорить об особенностях определенной школы. Строгая гамма красок построена на чередовании глубоких неярких тонов. Лики также написаны в темноватых тонах, даже технологически иконы едины между собой (грунт, пигменты, олифа, паволока). Иконы сближает и моделировка ликов — красновато-коричневое охрение на зеленоватом санкире, система наложения пробелов, световые блики в виде тонких движков, обводка коричневой краской линии бровей, глаз, носа. Общая тональность неизменно холодноватая, серебристая при исключительной гармоничности колорита, сочетания цветов просты и лишены какого-либо эффекта, краски наложены ровным слоем, довольно плотно с легким просвечиванием грунта. Преобладание декоративного силуэта с его четко очерченной плавной линией, согласованность линейного построения с колоритом — все это не только составляет особенности чина, выделяет его, но и позволяет отнести его к эпохе, когда русское искусство переживало свой наивысший расцвет.

Вместе с тем при всей близости ростовских икон к иконографии московской школы их отмечает известная материальность и особая монументальность. В ликах мы не встретим московской «плави», в которой покоряют ровные незаметные переходы от одного тона к другому, при неизменном соблюдении прозрачности. Именно эти свойства живописи позволили сказать о рублевских иконах, что у них лики «дымом писаны» и одежды производят впечатление вибрирующего красочного слоя благодаря технике «в приплеск».

Если Рублев показывает красоту и сущность цвета отдельными красочными аккордами, в полной мере владея системой красочных прокладок, при которых цвета сохраняют свою чистоту, то в ростовских иконах динамика цвета сменилась статикой с преобладанием реальной вещественности. Вместе с тем в плавности их линий, в изяществе пропорций, в ритмичности их построения отчетливо ощущается воздействие московского искусства, что было столь характерно для местных иконописных школ XV в. Искусство Ростова XV в. уже не отделимо от Москвы. Его художники стремятся осмыслить все то ценное, что было достигнуто московскими живописцами. Но вместе с тем в созданных ростовчанами произведениях еще продолжают жить их собственные образы и живописные навыки, видимо, восходящие к предшествующему периоду художественной жизни Ростова. Они сказываются в некоторой «портретности» образов, в их мужественности, возможно, даже в некоторой суровости. О публикуемом чине мы не можем говорить как о произведении, стоящем на уровне высокого искусства Москвы, но все же в его иконах запечатлен тот духовный мир русского человека, высокие идейные основы его искусства, которые, влившись в московскую школу живописи, послужили делу дальнейшего развития общерусского искусства.

Описанные иконы при всей самостоятельности и оригинальности живописного мастерства их автора, как уже было сказано, обнаруживают отчетливую связь с тем направлением в русской иконописи, которое было возглавлено Андреем Рублевым. Следовательно, мы можем отнести их ко времени, довольно близкому к годам работы прославленного мастера. Для уточнения этого вопроса следует вернуться к известиям о возобновлении Ростовского собора епископом Григорием. Как уже говорилось, ростовский владыка, по житию Леонтия, пожертвовал все свое состояние, стремясь как можно быстрее восстановить соборный храм. Через три года храм был восстановлен. Для собора епископ Григорий «иконы исписа на злате».

Если принять полностью все известия о возобновлении храма, помещенные в житии епископа Леонтия, то это сообщение не относится к нашему чину, так как иконы не имеют золотого фона. К тому же, видно, речь шла здесь о местных иконах, в известной степени парадных, окруженных золотым фоном. Можно также предположить, что храм не был до конца расписан, ибо средств, по-видимому, хватило только на иконы, нужные на первое время. Поскольку к этому времени иконостас получил свое полное завершение, можно было бы ожидать иную запись, если бы его чиновые иконы заняли свое место в день освящения собора. Следовательно, Ростовский чин был написан позднее.

Предложенная в последнее время новая датировка звенигородского чина, относящая его к концу 10-х годов XV в. [9], заставляет предполагать, что Ростовский чин был выполнен позднее, при одном из преемников епископа Григория, но в пору, когда нравственные и художественные идеалы Рублева не потеряли своей силы. Думается, не будет большой ошибкой, если мы отнесем Ростовский чин ко второй четверти XV в. (1450 г.). Этой датировке не противоречит и палеография надписей [10].

Помимо этого, следует принять во внимание культурную жизнь Ростова этого времени (середина XV в.). Как ни ограничены имеющиеся сведения, но все же следует помнить не только о художественной деятельности епископа Григория, возобновившего Ростовский собор, построившего в 1412 г. каменную церковь в Дорогомилове в Москве, но и о Стефане Пермском — выходце из Ростовского монастыря, об Епифании Премудром — уроженце Ростова, об еретике Маркиане, деятельность которого падает на конец XIV в. [11]. Следовательно, Ростовский чин следует рассматривать не как исключение, а как закономерное звено в культурной жизни Ростова.

Относить чин к концу XV в. нет достаточных оснований и вот почему. Во второй половине XV в. Ростов был по-прежнему связан с Москвой и ее художественной культурой, достаточно напомнить о роли ростовского архиепископа Вассиана Рыло, автора послания Ивану III, и его пожертвования в 1481 г. для написания Деисуса с праздниками и пророками для московского Успенского собора [12]. Этот живописный чин был поручен, как известно, Дионисию и его помощникам. Если значительный по составу Ростовский чин выполняли бы примерно в то же время, то можно не сомневаться, что для его исполнения был бы приглашен тот же Дионисий или близкие ему художники, поскольку творчество Дионисия высоко ценилось современниками.

Художественные идеалы времени Рублева уступали в эти годы местоиным тенденциям в искусстве, признаки которых почти полностью отсутствуют в Ростовском чине.

Вместе с тем факт заказа Вассианом чиновых икон для столичного Московского собора три года спустя после его окончания косвенно свидетельствует и о возможности более позднего написания чина для Ростовского собора, оставшегося нерасписанным после пожара.

История древнерусской живописи XV столетия, как правило, до сих пор определяется двумя именами. Если первая половина века проходит под знаком А. Рублева, то последние десятилетия этого столетия чаще всего рассматриваются как бы через призму произведений Дионисия. Вместе с тем очевидно, что наряду с прославленными художниками работали и другие одаренные мастера. Летопись и другие источники называют изредка их имена. Некоторые из мастеров были достаточно самостоятель-

---

[9] М. Ильин. О датировке «Звенигородского чина». Сб. «Древнерусское искусство XV—XVI вв.». М., 1963, стр. 91.

[10] Палеографическая экспертиза надписей была произведена М. В. Щепкиной, за что мы приносим ей глубокую благодарность.

[11] А. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV в.— первой половине XVI в. М., 1960, стр. 157—166.

[12] История русского искусства. III, стр. 486.

ными, другие испытывали воздействие со стороны Рублева или Дионисия. Тем не менее и в этом случае они нередко предлагали собственную интерпретацию, получавшую широкое признание.

Наряду со все возраставшей ролью московской школы живописи на местах нередко удерживались художественные приемы и формы более древнего времени. Наряду с этим появлялись и новые собственные оригинальные черты. Ростовский чин принадлежит к последней группе произведений. Его строгий тональный колорит и выразительность силуэтов фигур наделены большой эмоциональностью. Они должны были производить еще большее впечатление, когда все 15 икон деисуса стояли в одном ряду древнего собора. Характерные особенности живописи чина представляют большой интерес, поскольку на их примере удается более тонко проследить восприятие на местах тех художественных идеалов, которые рождались в Москве.

Предлагаемая публикация икон Ростовского чина [13], возможно, привлечет внимание к этому незаурядному памятнику и обогатит наши представления о русской живописи XV в., которые, по словам В. Н. Лазарева, представляют собой зияющий пробел между деятельностью Рублева и Дионисия [14]. Естественно, что для более глубокой оценки памятника необходимо завершить работу по расчистке икон всего чина и продолжить исследование.

[13] Впервые иконы воспроизведены в кн.: «Древнерусская живопись». Новые открытия. Альбом. М., 1965, стр. 32—33. Иконы Ростовского чина упоминаются также в каталогах «V выставка произведений изобразительного искусства, реставрированных Государственной Центральной Художественно-реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря», М., 1965 и «Ростово-Суздальская школа живописи», М., 1967.

[14] Там же, стр. 482.

Заметки

Ю. С. ГРИШИН

О НЕКОТОРЫХ ЗАБАЙКАЛЬСКИХ МЕДНО-БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЯХ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ)

Основная масса забайкальских медно-бронзовых изделий карасукских форм уже опубликована в литературе [1]. Однако среди неизданных изделий имеются отдельные вещи, которые заслуживают особого рассмотрения.

В Сретенском музее хранится большой меч (рисунок, *1*) длиной в 74 *см* и с наибольшей шириной на месте выступов перекрестий, которая равна 7 *см* [2]. Он найден в выселке Кузьмина Усть-Карского района Читинской области. Посредине клинка меча, заточенного с двух сторон и постепенно сужающегося к концу, проходит резко выделенная жилка. Рукоять овальная в сечении и орнаментирована в нижней части сплошным рядом горизонтально опоясывающих ее кольцевых валиков. В верхней части она изогнута и заканчивается навершием в виде головы барана, под которой имеется петля. От головы отходили рога. От них сохранились лишь небольшие округлые выступы. На рукояти, несколько ниже головки, следы их примыкания. Скульптурное навершие в виде головы барана выполнено реалистично, хотя и несколько упрощенно (отсутствуют уши). Ободки, выделяющие глаза, и подчеркнуто раздутые ноздри значительно выступают наружу, причем если первые соединяются друг с другом сквозным отверстием, то последние только несколько углублены. Рот барана, с сильно опущенными губами, несколько приоткрыт, а в нижней части головы, у места ее соединения с рукоятью, имеется полость. Судя по поверхности металла на рукояти около самой головы, приходится предполагать, что часть линейной формы для навершия была изготовлена отдельно, возможно по выплавляемой модели, и затем уже соединена с основной формой меча для отливки. На его поверхности во многих местах заметны следы полуды.

Спектральный анализ металла этого меча дал 92% меди и 7% олова, другие элементы присутствуют лишь в качестве естественных примесей, составляя доли процента (свинец, цинк, серебро, железо, никель и др.). Состав металла является вполне рациональным для оружия этого типа [3].

---

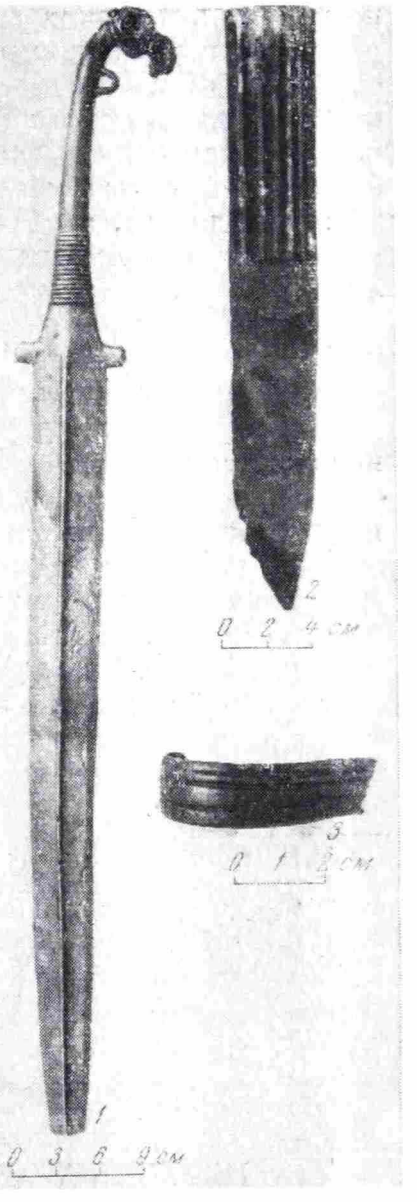
[1] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. IX, XXI—XXXIII.

[2] Сретенский музей, инв. № 53.

[3] Такой же состав металла, с наличием в сплаве от 3 до 6% олова и ряда мелких естественных примесей, обнаруживает и значительная группа забайкальских ножей карасукских форм, за исключением отдельных экземпляров, где олово присутствует лишь в долях процента, являясь, по всей видимости, естественной примесью. Этот факт (вместе с наличием полуды на мече) свидетельствует о хорошем знании свойств олова и о его сравнительно широком распространении у забайкальских племен среднего бронзового века, что может служить дополнительным аргументом в пользу предположения Г. П. Сосновского о разработках в это время в Забайкалье оловянных месторождений. См. Г. П. Сосновский. К истории добычи олова на востоке СССР. ПИМК, 9—10, 1933.

О монгольско-гобийском и северокитайских кинжалах подобной формы недавно писал В. В. Волков, причем кинжалы с пластинчатым перекрестием он отнес к позднекарасукскому времени [4].

Такая датировка представляется вполне приемлемой — она исходит из общей линии развития карасукских кинжалов, у которых лишь постепенно оформляется выступающее из тулова пластинчатое перекрестие. К этому же времени должен быть отнесен и рассматриваемый меч. Нет оснований сомневаться в его местном происхождении: ведь и кинжалы карасукского времени из Забайкалья представлены такой же формой, в том числе и более ранним типом с намеченными выемками под перекрестием [5]. Их сходство с рассматриваемым мечом гораздо больше, чем северокитайских и гобийского, и прослеживается не только в общей форме, но в наличии и одинаковом расположении таких деталей, как петелек на рукояти, а у кото-кельского кинжала, описанного М. П. Грязновым [6], и в орнаментации и в расположении рогов. Такие большие мечи, по времени близкие рассматриваемому, известны лишь из более северных таежных районов Сибири [7]. Поэтому забайкальский меч свидетельствует, по-видимому, о влиянии сибирских таежных племен бронзового века на забайкальские степные племена. При этом интересно отметить, что в кинжалах и мечах описанной формы, с навершием в виде головы животного, находит отражение и важная роль некоторых отраслей хозяйственной деятельности этих племен. У степняков-забайкальцев, как правило, изображается баран, в то время как на единственном кинжале, известном из лесостепного Канского района Красноярского края [8], скорее всего схематически изображен олень.



Бронзовые вещи карасукского времени из Забайкалья

1 — меч из Усть-Карского района Читинской области; *2* — нож из с. Улятуй Оловянинского района Читинской области; *3* — пластинчатый браслет

В Читинском областном музее хранится очень массивный однолезвийный прямой нож из золотистой бронзы, найденный в с. Улятуй Оловянинского района Читинской области [9] (рисунок, *2*). Его размеры: длина — 20,6 *см* (лезвие — 15 *см*) и ширина — 3,8 *см*. Рукоять ножа овальная в сечении, но значительно утолщена и уплощена с тыльно-обушковой стороны, а с лезвийной несколько сужена. При этом резким сужением по толщине двух ее широких боковых сторон, украшенных вертикальными валиками, обозначен переход к клинку. Последний одинаков по ширине с рукоятью и лишь в самом кон-

---

[4] В. В. Волков. Бронзовый кинжал из Гоби. СА, 1961, 4, стр. 260—262.

[5] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. I и XXIII, *1*, *5*.

[6] М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал с озера Кото-кель. Верхнеудинск, 1929.

[7] А. П. Окладников. История Якутии, М., 1955, рис. 47, *1*, стр. 149; его же, Бронзовый меч из Якутии, СА, 1959, 3, стр. 133—136; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, табл. XIX, *1*, стр. 51.

[8] Хранится в Канском музее.

[9] Инв. № 5848.

це заострен. Близких аналогий в самом Забайкалье и соседних районах рассматриваемый нож не имеет. Однако некоторые признаки указывают скорее всего на его местное забайкальское происхождение и датировку карасукским временем (XIII—VIII вв. до н. э.). Об этом свидетельствует плоское, как бы «срезанное» верхнее окончание рукояти, которое в основном отмечается у забайкальских ножей карасукских форм (около 10 экземпляров), а также и орнамент в виде сплошных вертикальных валиков по ее боковым сторонам, также известный на отдельных экземплярах [10].

Весьма примечательна находка в Забайкалье сломанного массивного пластинчатого браслета [11] шириною около 1,5 *см*, украшенного с наружной стороны горизонтальными желобками (рисунок, *3*). Он поступил в Читинский музей вместе с двумя литыми полушарными пуговицами [12], которые появляются в Южной Сибири в карасукское время [13]. Подобные браслеты, правда за немногими исключениями значительно более широкие, в основном известны в Минусинской котловине в карасукскую эпоху [14]. Находка указанного браслета в Забайкалье расширяет круг восточных аналогий инвентарю карасукской культуры Минусинской котловины.

Рассмотренные вещи увеличивают ассортимент и разнообразие форм забайкальских медно-бронзовых изделий карасукского типа. По сложности литейной техники и качеству мастерства они не уступают хорошо известным минусинским карасукским изделиям, что свидетельствует о сравнительно высоком уровне развития забайкальской металлургии в среднем бронзовом веке.

[10] Н. Н. Диков. Ук. соч., табл. XXIV, *3, 4*, XXVII, *43—48, 50*.
[11] Читинский областной музей, инв. № 634.
[12] Инв. № 635, 636.
[13] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА. 9, 1949, стр. 77—78.
[14] Там же, стр. 76.

А. Д. ПРЯХИН

ВОРГОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Быстрая Сосна (притока Дона) стали известны только в последние годы [1]. До недавнего времени ни на одном из них не проводилось значительных раскопок. Тем больший интерес представляют раскопки многослойного городища у с. Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области, расположенного на мысу левого берега р. Воргол. Длина городища около 140 *м*, ширина мыса в средней части 40—50 *м*.

Оно было обследовано студентами Воронежского университета в 1959 г., а в 1960 г. Верхне-Донской экспедицией здесь было заложено 17 шурфов. В 1961 г. на городище экспедицией Воронежского университета вскрыта площадь в 36 $м^2$ [2]. В 1964 г. этой же экспедицией на городище вскрыто 718 $м^2$.

Раскопками на поселении выявлен культурный слой толщиной от 20 до 50 *см*. На большинстве участков этот слой стратиграфически не разделяется. В нем встречаются материалы эпохи бронзы, раннего железного века,

[1] А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Новые данные о поселениях эпохи бронзы на Верхнем и Среднем Дону. В кн.: П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 194—199, 201—205.
[2] А. Д. Пряхин. Памятники боршевской культуры на реке Воргол. Сб. «Вопросы истории славян», 1, Воронеж, 1963, стр. 115—119; его же. К вопросу о локализации древнего Воргла. «Археологический сборник», Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции, Л., 1964, стр. 90—95; А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Ук. соч., стр. 194—197.

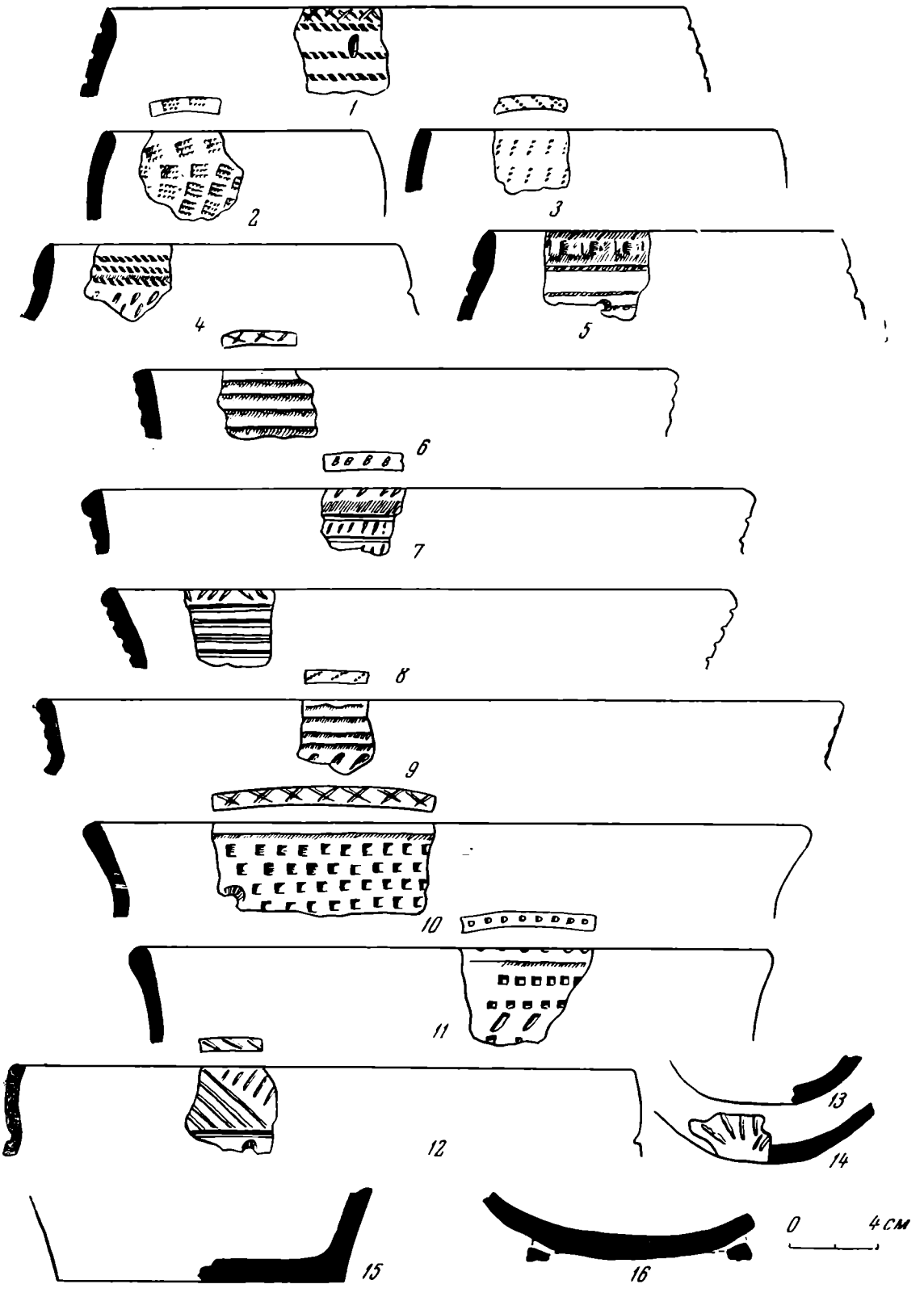


Рис. 1. Образцы керамики из слоя эпохи бронзы Воргольского поселения

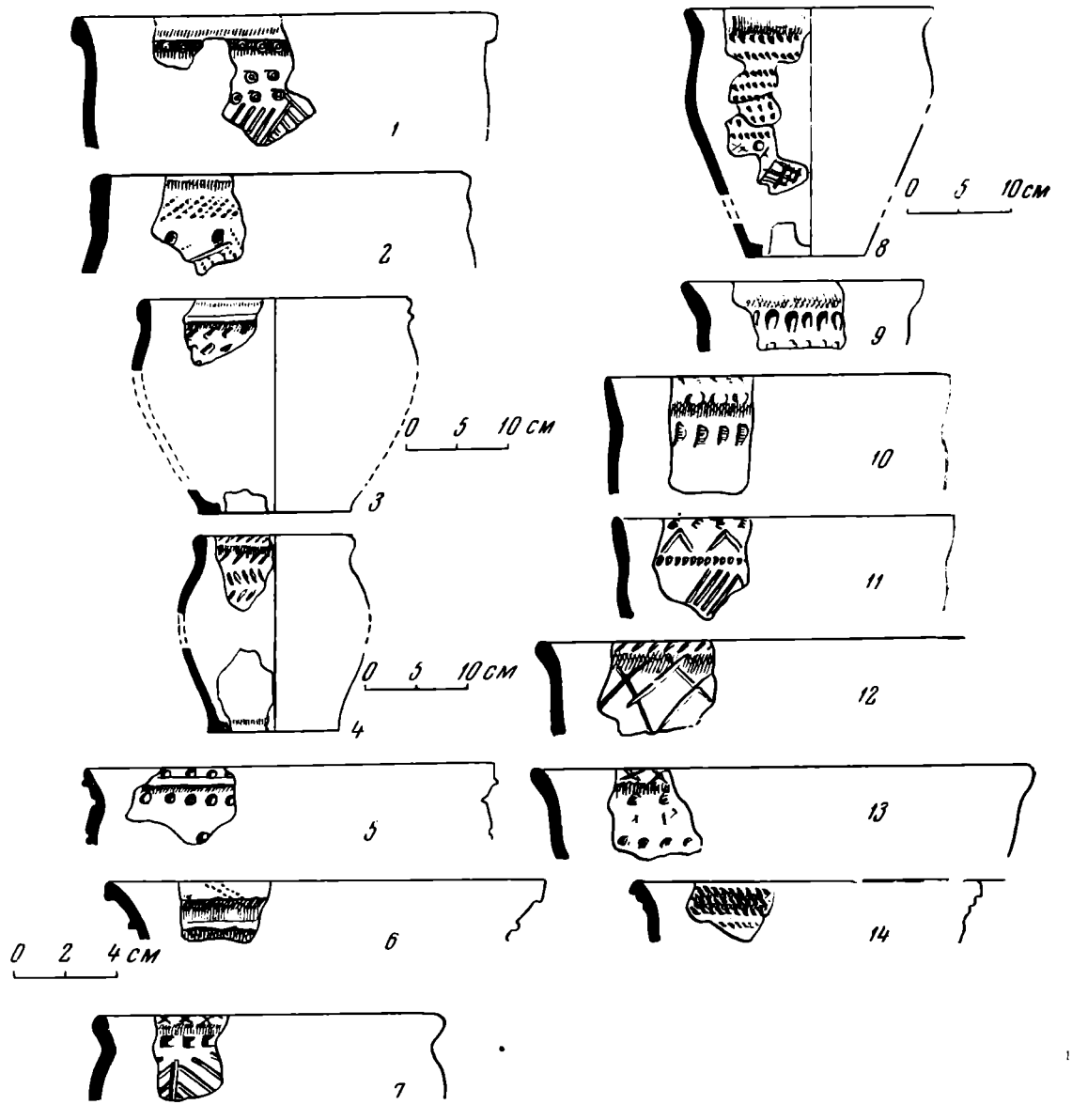


Рис. 2. Образцы керамики из слоя эпохи бронзы Воргольского поселения

боршевской культуры и более позднего времени. Только на некоторых участках нижняя часть культурного слоя, толщиной в 10—20 *см*, дает исключительно материалы эпохи бронзы.

Выяснено, что поселение эпохи бронзы занимает только конечную часть мыса. Наибольшее количество находок составляет керамика.

По форме керамику эпохи бронзы с поселения можно разделить на горшки, баночные и чашевидные сосуды.

Наибольшим количеством фрагментов венчиков представлены горшки, которые подразделяются на несколько типов. Одни из них имеют высокий, несколько отогнутый наружу венчик с почти прямым или несколько закругленным верхним срезом (рис. 1, *6—12*, рис. 2, *1—4*, *7*). Среди них выделяется фрагмент венчика от сосуда, верх которого несколько загнут вовнутрь. Внешняя поверхность сосуда этой группы орнаментирована прочерченными линиями, мелкозубчатым штампом, вдавлениями сбоку, насечками. В единичных случаях на сосудах этой группы встречаются двойные защипы, ряды глубоких наколов, круглые и бесформенные ямки. В композиционном отношении это горизонтальные линии, реже композиция из треугольников, горизонтальной и вертикальной елочки. На некоторых сосудах есть налепные валики. По верху венчика большинство горшков этого типа украшено пересекающимися насечками, вдавлениями штампа и боковыми вдавлениями. Наиболее близкой аналогией керамике

этой группы с рассматриваемой территории по форме является сосуд из Скорняковских курганов[3]. Такого типа керамика есть и на Левобережном Костенковском поселении срубной культуры[4].

Менее многочисленную группу горшков составляют сосуды с невысоким почти прямым венчиком с острым верхним срезом (рис. 1, *4,5)*. На этих сосудах, кроме приведенных выше орнаментов, широко представлены веревочные отпечатки. Эта форма сосудов также есть на Левобережном Костенковском поселении и некоторых других поселениях поздней бронзы Верхнего и Среднего Подонья.

В третью группу горшков входят сосуды с отогнутым наружу венчиком с острым обрезом и несколько выпуклым туловом (рис. 2, *5, 6, 8*). Эти сосуды украшены валиками, насечками, пересекающимися прочерченными линиями.

Баночные сосуды делятся на две группы. Одни из них имеют округлое тулово с острым или прямым верхним краем (рис. 1, *1—3*). Эти сосуды орнаментированы мелкозубчатым штампом, веревочными отпечатками, глубокими наколами. Кроме того, на одном из них есть отпечатки так называемого «вафельного штампа». Эту форму сосудов также можно встретить на наиболее ранних срубленных поселениях в Верхнем и Среднем Подонье. Вторая группа баночных сосудов имеет слегка отогнутый венчик (рис. 2, *9—11*). Орнаментация на них нанесена тем же зубчатым штампом, прочерченными линиями и различными наколами. Оформление верха сосудов необычно для срубных комплексов рассматриваемой территории. Намечающаяся колоколовидность в их форме, вероятно, свидетельствует о каком-то влиянии абашевской культуры.

Чашевидных сосудов на поселении мало. Примечательно то, что оформление их венчиков во многом тождественно венчикам первой группы горшков (рис. 2, *12—14*). Они украшены так же, как и остальные сосуды.

Среди собранных на поселении фрагментов днищ преобладают плоские (рис. 1, *15*). Встречаются и закругленные днища (рис. 1, *13*, *14*). Следует отметить фрагменты от четырех днищ с ярко выраженным поддоном. Одно из них удалось восстановить полностью (рис. 1, *16*). В верхней части поддона у этого сосуда есть четыре сквозных отверстия, которые, вероятно, были просверлены для скрепления лопнувшего сосуда.

Рассмотренная керамика с Воргольского поселения эпохи бронзы представляет единый комплекс по составу теста и степени обжига. В тесте сосудов значительная примесь песка, в единичных случаях — растительная примесь и толченая ракушка. У значительной части сосудов внешняя поверхность — серая или желтая.

В культурном слое поселения найден обломок глиняной лепешки с отверстием в центре (рис. 3, *1*) и обломок «ручки» (рис. 3, *2*), которые по составу теста, способу обжига и орнаментации аналогичны керамике поселения.

На поселении найдены бронзовые и кремневые изделия. Среди первых[5] интересны проушной топор (рис. 3, *3*) и обломки ножей (рис. 3, *4—7*). У топора довольно короткое массивное лезвие, немного расширенное книзу. Проушина топора округлая. На территории Верхнего и Среднего Подонья топоры такого типа найдены у с. Скакун[6] и с. Новоселицкого

---

[3] В. И. Спизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда. «Древности», 12, II, М., 1888, табл. Б.

[4] Материал из сборов с этого поселения хранится в кабинете археологии Воронежского университета.

[5] Спектральный анализ бронзовых изделий Воргольского поселения сделан Е. Н. Черных в лаборатории ИА АН СССР.

[6] В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, 60, 1959, стр. 22, рис. 8, *3, 4, 7*, стр. 23.

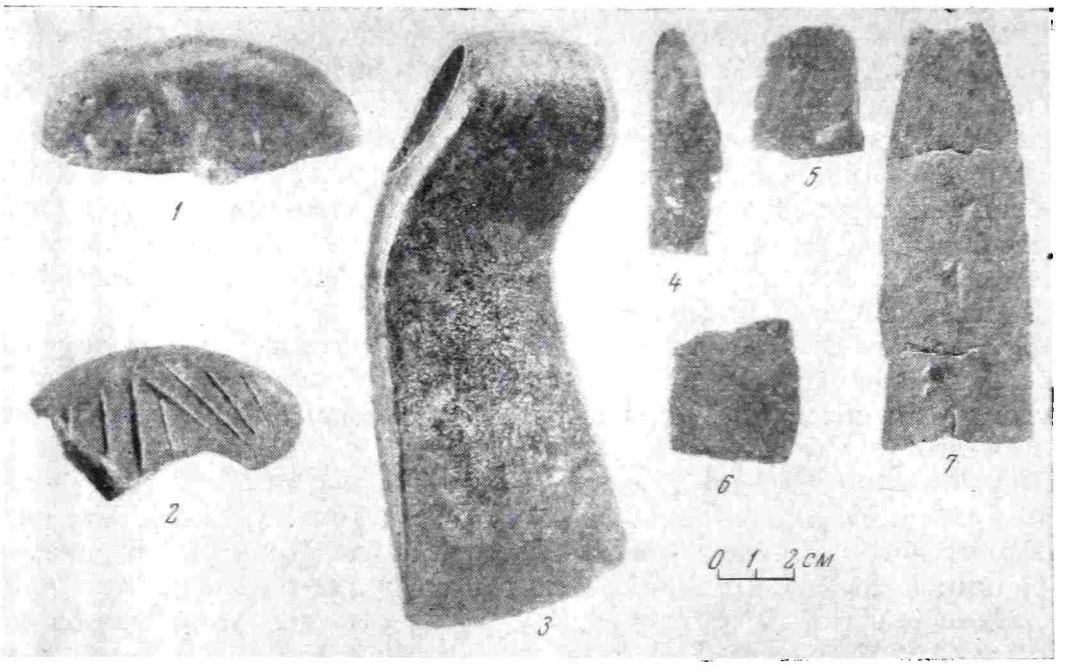


Рис. 3. Находки из слоя бронзы Воргольского поселения

Данковского района Липецкой области[7] и на р. Хопер[8]. Этот тип топоров довольно широко представлен на смежных территориях Восточной Европы[9]. По мнению Е. Н. Черных, металл этого топора по составу более близок к металлу катакомбной, а не срубной культур. На характеристике бронзовых ножей в обзоре находок из-за их фрагментарности вряд ли следует останавливаться. Заметим только, что состав металла большинства ножей, по мнению Е. Н. Черных, хотя и не противоречит в целом составу металла изделий у срубников Поволжья, но отличается значительным своеобразием.

Изделия из кремня в культурном слое встречены в значительном количестве. Они выполнены на отщепах или ножевидных пластинах. Это кремневый наконечник стрелы с выемкой[10]. Среди других кремневых изделий преобладают скребки. На поселении найден каменный пест от зернотерки, несколько каменных брусков и заготовки для изготовления массивных орудий. Ранее на поселении найден каменный шлифованный топор. Обилие каменных изделий на Воргольском поселении не является неожиданным для рассматриваемой территории. То же наблюдается и в матери-

---

[7] Топор хранится в Липецком областном краеведческом музее.

[8] В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 25.

[9] И. И. Артеменко. Неолитические стоянки и курганы эпохи бронзы близ с. Ходосовичи Гомельской обл. БССР. Сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964, стр. 40, рис. 5, *19*, стр. 41, рис. 6, *2*; О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963, стр. 179, рис. 115, *2, 3*; С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, 1960, 4, стр. 33, рис. 7; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века, МИА, 23, 1951, стр. 98, рис. 28, стр. 118, рис. 54; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 147; ее же. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 31, рис. 9, *10, 11*; Е. К. Максимов. Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 285, рис. 3, *4, 7, 8*; В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, 93, 1960, стр. 45, рис. 13, *5, 6*, стр. 120, рис. 50, *46*; А. Х. Халиков и Е. А. Халикова. Васильсурское поселение эпохи бронзы. МИА, 110, 1963, стр. 259, рис. 14, *14*; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 44 и др.

[10] А. Н. Москаленко, А. Д. Пряхин. Новые данные о поселениях эпохи бронзы, стр. 204, рис. 8, *2*. В публикации допущена ошибка — в контексте стрелы с Воргольского и Архангельского городищ перепутаны.

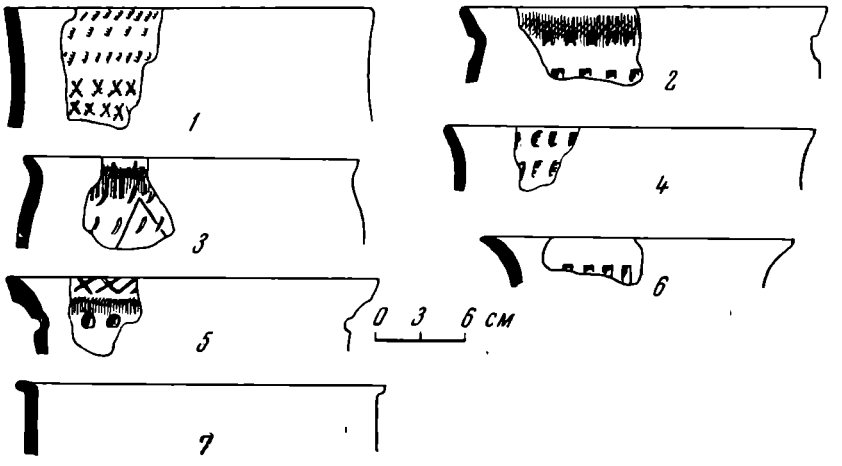


Рис. 4. Образцы керамики из заполнения жилища на Воргольском поселении

алах Левобережного Костенковского поселения и в кургане у с. Скорняково.

Интересен состав стада у населения, оставившего Воргольское поселение [11]. В отличие от других поселений поздней бронзы данной территории, где кости домашних животных решительно преобладают над костями диких животных [12], на этом поселении найдено много костей лося, косули, кабана, медведя, бобра. Необычный для поселений поздней бронзы относительно большой процентный состав костей диких животных с Воргольского поселения может быть объяснен облесенностью северных районов территории Верхнего Подонья. В костном материале представлены и кости домашних животных. На первом месте стоит лошадь, далее идет крупный рогатый скот и свинья (одинаковое количество костей). Последнее место занимают кости мелкого рогатого скота.

К поселению поздней бронзы относятся обнаруженные в основании культурного слоя остатки углубленного в материк жилища и 11 хозяйственных ям.

Жилая постройка выявлена в восточной части мыса городища. Она углублена в материковую глину на 15—25 *см*. Длина почти полностью сохранившейся западной стены — 13 *м*. По центральной оси постройки в материковом глиняном полу ближе к северной и южной ее стенкам находилось два скопления золы с обожженными очажными блюдцами под ними. Глубина их около 10 *см*. Диаметр одного — 90 *см*, размеры другого 80×15 *см*. Для реконструкции жилища данных недостаточно. Углубленная в материк часть жилища заполнена плотным черноземным слоем, в котором найдены фрагменты керамики, кости и некоторые поделки. Основная часть находок концентрировалась вокруг очагов. Фрагменты керамики из заполнения принадлежат горшкам, баночным и чашевидным сосудам (рис. 4, *1—7*). Это в общем те же типы сосудов, что и керамика из слоя эпохи бронзы поселения. Среди них особенно интересен один фрагмент венчика от горшка, украшенный вдавлениями мелкозубчатого штампа, аналогии которому следует искать в комплексах катакомбной культуры (рис. 4, *1*). В заполнении жилища найден целый глиняный сосуд высотой в 6,5 *см* (рис. 5, *3*) и обломки от двух миниатюрных сосудиков (рис. 5, *1—2*). Из других глиняных поделок в заполнении постройки обнаружены две глиняные поделки, орнаментированные ямками (рис. 5, *4—5*). Встретились два

[11] Анализы остеологического материала с поселения сделаны в лаборатории АИ АН СССР под рук. В. И. Цалкина.

[12] В. И. Цалкин. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 30.

целых и один обломок глиняных пряслиц (рис. 5, *6—8*). Из кремневых изделий в жилище найдены два скребка и один отщеп. Характер заполнения жилища тождествен материалам культурного слоя поселения эпохи бронзы.

Хозяйственные ямы, в которых встречена аналогичная керамика, располагаются на вскрытой части территории поселения небольшими группами. В каждой из групп по три-четыре ямы. Почти все ямы имеют округлую или яйцевидную в плане форму. Четыре из них с одной из сторон имеют приступку. Размеры их колеблются от 60 *см* до 2,4 *м*. Большинство

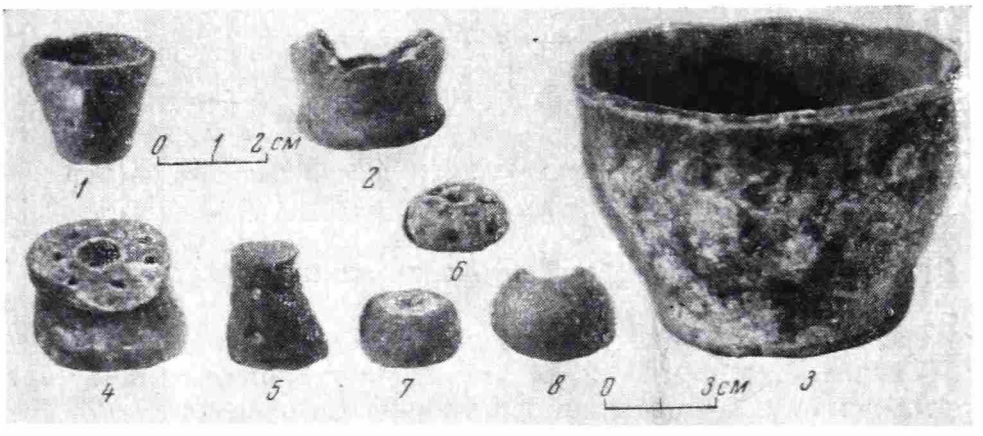


Рис. 5. Находки вещей из заполнения жилища Воргольского поселения

ям неглубокие. Только некоторые из них углублены в материковую глину до 90 *см*.

Есть все основания рассмотренное поселение эпохи бронзы связывать с носителями срубной культуры. Отмечавшиеся черты сходства керамики этого поселения с комплексами из Скорняково и Костенок позволяют определить дату его возникновения временем середины II тысячелетия до н. э. В пользу этого свидетельствуют и многие черты катакомбной культуры Верхнего и Среднего Подонья в керамике Воргольского поселения — наличие здесь горшков со сложным венчиком, орнаментация сосудов горизонтальными линиями, отпечатками веревочки, прочерченными линиями, пальцевыми защипами, вафельным штампом, украшение вертикальной елочкой. В каком-то отношении к «катакомбникам» находятся и налепные валики на керамике Воргольского поселения, известные по комплексам многоваликовой керамики катакомбной культуры. Можно отметить и такую деталь в украшении сосудов, как глубокие вдавления сбоку, образующие бугорки на внутренней поверхности. Ранним признаком можно считать и наличие красной поверхности у значительной части сосудов, что, между прочим, не характерно для других комплексов срубной культуры Верхнего и Среднего Подонья. В пользу столь раннего определения начальной даты поселения свидетельствует и обилие здесь каменных изделий. Этой дате не противоречит и находка бронзового проушного топора.

Небольшая мощность культурного слоя эпохи бронзы на поселении свидетельствует в пользу относительной непродолжительности существования рассматриваемого поселения срубной культуры. Но для определения верхней хронологической границы поселения данных пока недостаточно. Нам представляется, что вряд ли поселение могло существовать до начала I тысячелетия до н. э.

В. И. ЦЕХМИСТРЕНКО

КЕРЧЕНСКИЙ СКЛЕП 1961 г.

В 1961 г. группа студентов МГПИ им. В. И. Ленина под руководством автора этой заметки по предложению Керченского историко-археологического музея производила охранные раскопки склепа с уступчатым покрытием [1].

Курганная насыпь расположена в 300 *м* от крепиды Золотого кургана, азимут 75°, на первой террасе северного склона Митридатовой гряды.

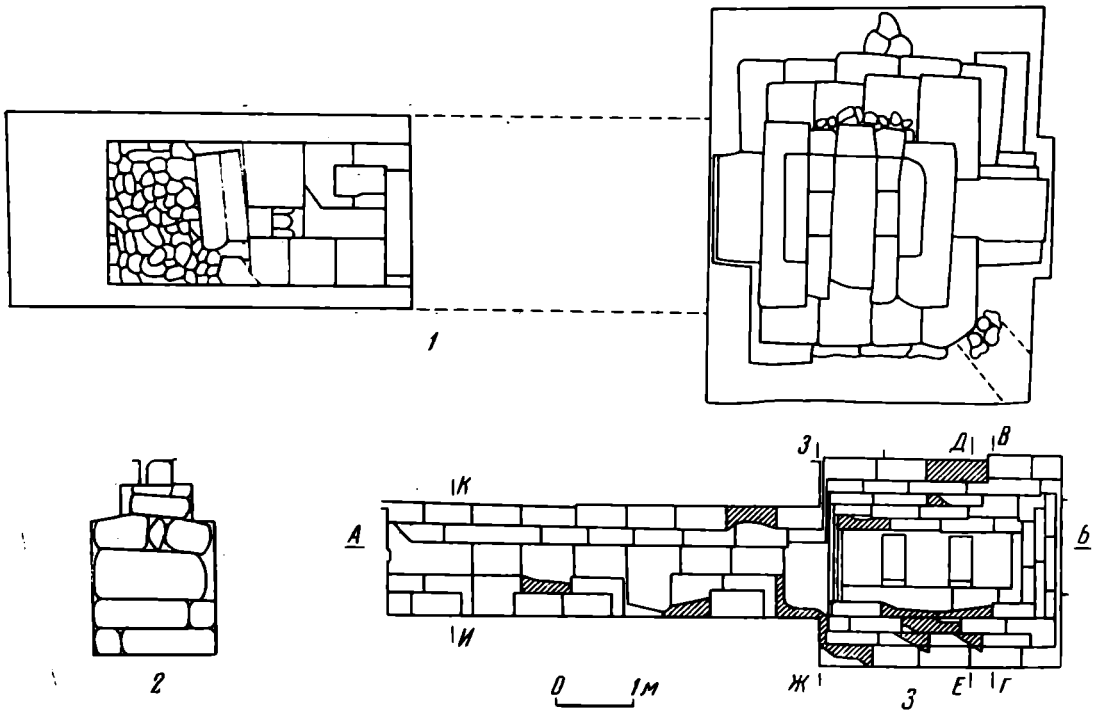


Рис. 1

1 — общий план раскопок склепа; *2* — фас восточной стороны заклада; *3* — план перекрытия склепа

Далее к северу, на второй террасе между склоном гряды, древним валом и железной дорогой видно еще несколько курганных насыпей.

Длина окружности кургана составляет приблизительно 120 *м*. Высота его была около 4 *м*.

Склеп расположен в северо-западной поле кургана, так же, как в кургане Большая Близница, где все склепы расположены в юго-западной поле кургана [2]. Это единственное погребальное сооружение кургана, не имевшее впускных могил.

Работы начались со снятия небольшого земляного холма (до 1 *м* высотой), насыпанного над склепом рабочими, открывшими его. Под ним были две каменные плиты, перекрывавшие отверстия, сделанные в потолке камеры.

Склеп состоит из квадратной камеры и дромоса, с уступчатыми покрытиями. Значительная часть камеры была заполнена землей, дромос засыпан почти полностью. В юго-восточном углу перекрытия на уровне

---

[1] Склеп был обнаружен при земляных работах 16 марта 1961 г. Предварительный осмотр его был произведен работниками Керченского музея Ф. Т. Гусаровым, В. Э. Куниным и С. А. Семеновым. После осмотра склеп был законсервирован (Архив Керченского музея, д. 4/61).

[2] Е. Г. Кастанаян. Обряд тризны в боспорских курганах. СА, XIV, 1950. стр. 127, рис. 2.

второго ряда уступов оказался пролом, через который в склеп проникала вода и земля. Склеп и дромос продольной осью ориентированы строго по линии восток — запад.

Для исследования склепа были заложены раскоп 1, размером 5×2,5 *м*, с целью открытия входа в дромос и раскоп 2, размером 5×4 *м*, для исследования перекрытия камеры склепа (рис. 1, *1*) [3].

Одновременно производилась очистка камеры и дромоса от заполнявшей их земли и чертежные работы.

Вход в дромос был заложен камнями различной формы и величины, положенными в шесть рядов (рис. 1, *2*; рис. 2). Нижние четыре ряда заклада располагаются между стенами дромоса, два верхних ряда — между уступами перекрытия. Перед закладом, с западной его стороны, вход в дромос завален бутом. Раскрыть весь вход, удалив бут, и обнажить фас входа в склеп не представилось возможным.

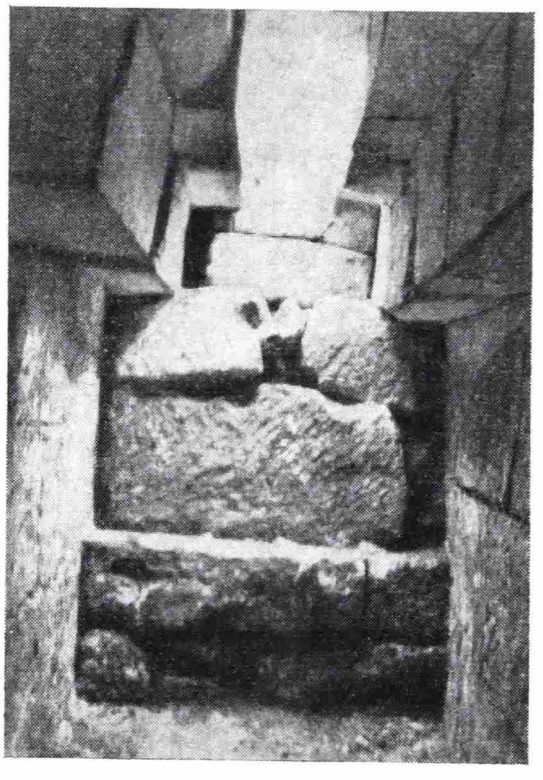


Рис. 2. Заклад входа в дромос. Фас восточной стороны

Склеп сложен из больших каменных плит. На некоторых из них видны следы инструментов каменотеса. Камни рубили, вероятно, топором, с дальнейшей подтеской теслом. Ширина тесла 8 *см* [4].

Общая длина дромоса 6,2 *м*, длина от заклада до входа в камеру по оси склепа 5,35 *м* (рис. 1, *1, 3*). Ширина дромоса у заклада 1,54 *м*, у входа в камеру — 1,06 *м*.

Стены дромоса сложены из трех рядов прямоугольных плит, постепенно опускающихся в направлении камеры склепа (рис. 3, *1, 4*). Высота стен дромоса у входа в камеру склепа составляет 1,75—1,76 *м*. Длина камней, образующих стены дромоса, колеблется от 1,11 до 1,41 *м*, высота от 0,51 до 0,65 *м*.

Покрытие дромоса состоит из двух рядов уступов с каждой стороны стены, перекрытых замковыми плитами (рис. 1, *2, 3*; рис. 3, *1, 3, 4*; рис. 4, *5*). Высота покрытия 0,8—0,9 *м*. Нижний ряд уступов с обеих сторон состоит из девяти камней и выступает над стенами дромоса в среднем на 0,3 *м*. Верхний ряд уступов также состоит из девяти камней, нависающих над нижним рядом в среднем на 0,2 *м*. Нижние грани первого и второго рядов уступов с обеих сторон стесаны.

Уступы покрытия дромоса перекрывались восемью замковыми плитами (рис. 1, *3*), причем первая от входа плита оказалась сдвинутой со своего места и поставленной на ребро, вторая совершенно разрушена. Средние размеры замковых плит: 1,36×0,34×0,66 *м*.

Камера склепа представляла помещение почти прямоугольной формы (рис. 1, *3*). Четкость линий нарушена из-за поспешной работы строителей

---

[3] Условия работы не позволили произвести вскрытие насыпи над дромосом и полностью обнажить склеп.

[4] М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, 4, 1941, стр. 80; В. Д. Блаватский. Строительное дело Пантикапея. МИА, 56, 1957, стр. 60; В. И. Цехмистренко и В. Э. Кунин. Склеп с уступчатым покрытием в районе Царского кургана близ Керчи. МИА, 69, 1959, стр. 252.

и последующих смещений, вызванных давлением насыпи кургана. Размеры камеры на уровне пола составляют: северная сторона — 3,03 *м*, восточная — 2,68 *м*, южная — 3 *м*, западная — 2,44 *м*. Камера была заполнена землей на глубину 1, 05 *м*.

Северная, восточная и южная стены камеры склепа (рис. 3, *1*, *2*, *4*) имеют высоту от 1,81 до 1,88 *м*. Каждая стена состоит из трех рядов плит. Западная стена камеры склепа образована торцовыми сторонами плит, составляющими северную и южную стороны дромоса. С северной стороны плиты у пола сильно наклонены (рис. 3, *3*). Поэтому ширина прохода из камеры в дромос составляет вверху 1,76 *м*, а внизу 1,06 *м*.

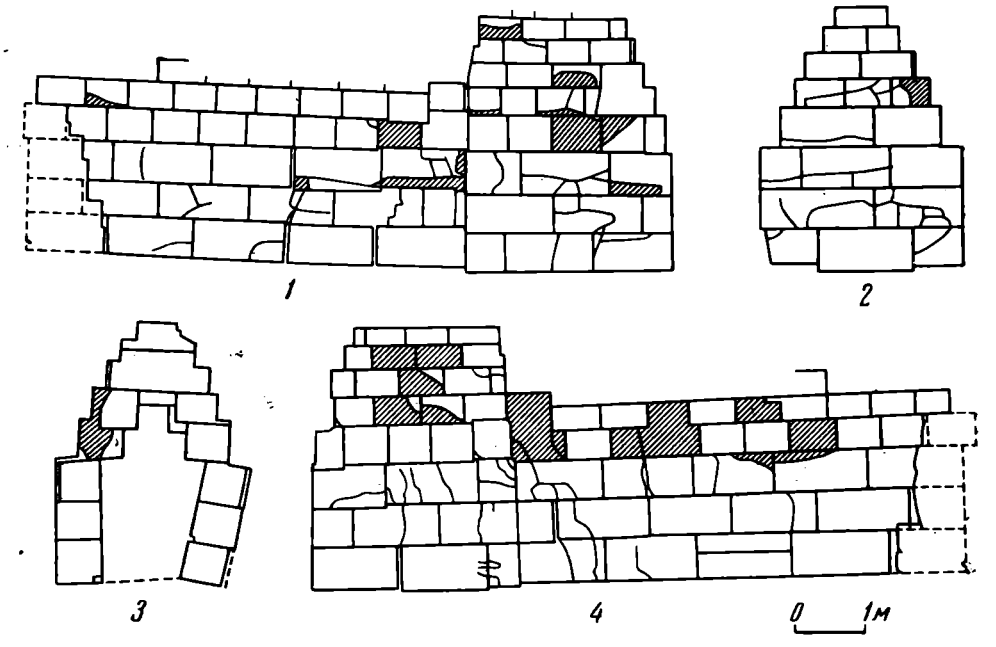


Рис. 3

1 — фас северной стороны склепа (камера и дромос); *2* — фас восточной стены камеры склепа; *3* — фас западной стены камеры склепа; *4* — фас южной стены склепа

Стены камеры опираются на каменный фундамент, состоящий из плит толщиной до 0,15 *м*. Пол камеры — материковая глина.

Покрытие камеры состоит из пяти уступов, последовательно нависающих друг над другом с трех сторон — северной, восточной и южной (рис. 1, *3*; рис. 3, *1—4*; рис. 4, *1—3*; рис. 5). Первый (нижний) ярус выдвигается над плоскостью стен на 0,3 *м* с северной и южной сторон и только на 0,06 *м* с восточной стороны; высота первого уступа около 0,58 *м*. Второй ярус выдвинут внутрь камеры на 0,14—0,18 *м* по отношению к первому, его средняя высота 0,41—0,43 *м*. Третий ярус имеет высоту 0,37—0,42 *м* и выступает над вторым уступом на 0,13—0,20 *м*. В северной части перекрытия на уровне второго и третьего уступов проделана сквозная ниша (рис. 3, *1*; рис. 4, *2*; рис. 5), имеющая ширину в основании 0,84 *м*, а вверху 0,6 *м*; высота ее соответствует высоте обоих уступов. Четвертый ярус имеет высоту 0,32—0,37 *м* и выступает над третьим на 0,14—0,20 *м*. Последний, пятый уступ нависает над предыдущим на 0,13—0,21 *м* и имеет высоту 0,24—0,32 *м*. Грани камней, образующих четвертый и пятый уступы, острые, на камнях нижележащих ярусов грани стесаны.

С западной стороны покрытие камеры не имеет уступов. Покрытие составляют две торцовые стороны уступов дромоса, над которыми лежат еще два камня (рис. 3,*3*). Нижний покоится на втором ряде уступов дромоса и является, таким образом, восточной замковой плитой покрытия

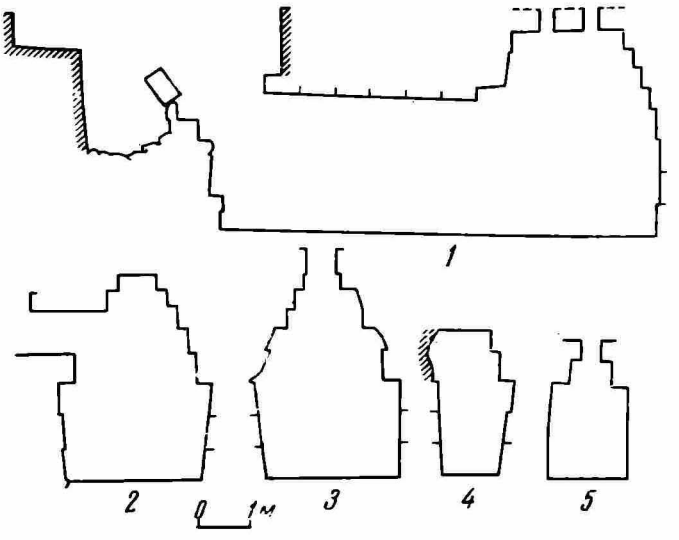


Рис. 4. Разрезы склепа

1 — по линии АБ; *2* — по линии ВГ (через нишу); *3* — по линии ДЕ (через восточный фонарь); *4* — по линии ЖЗ; *5* — по линии ИК

дромоса. На него опираются камни четвертого яруса покрытия камеры склепа. Верхний камень перекрывается первой замковой плитой покрытия камеры.

Некоторые камни уступов покрытия разрушены и обвалились частично или полностью с южной и северной сторон (на чертежах показаны штриховыми линиями), например, второй и третий камни четвертого уступа с южной стороны, третий камень первого яруса северной стороны и др.

Ниша в северной части покрытия (рис. 5) и грабительская мина в юго-восточном углу позволили сделать промеры длины камней уступов, видимых в камере только с торцовой стороны. Длина их колеблется от 1,1 до 1,5 *м*.

Общая высота камеры склепа от уровня пола до верхней точки последнего уступа 3,9 *м*. Общая длина склепа от заклада до восточной стены камеры равна 9,1 *м*.

Раскоп 2 позволил определить размеры замковых плит камеры склепа. Камера склепа перекрывается тремя массивными плитами, положенными на последние, верхние, уступы. Они лежат не вплотную друг к другу, а с некоторыми интервалами (рис. 1,*1*). С боков эти интервалы заложены небольшими плитами, так что между большими и малыми плитами оставлены два отверстия (фонари). Размеры плит следующие: восточная плита — длина 2,12 *м*, ширина 0,65 *м*, высота 0,48 *м*; размеры первого отверстия 0,57 × 0,29 *м*; средняя плита — 2,08 × 0,55 × 0,47 *м*; западная плита — 2,37 × 0,57 × 0,5 *м*. Размеры отверстий (фонарей): 0,57 × 0,29 и 0,54 × 0,28 *м*.

На всех замковых плитах часть поверхности подрублена для того, чтобы на подрубленной плоскости могли поместиться камни, перекрывающие фонари.

После окончания работ склеп был засыпан.

В склепе при выборке земли были сделаны следующие находки. Человеческие кости и фрагменты черепа найдены в различных частях склепа, в камере и дромосе. В камере найдены ручка чернолаковой пелики с пальметтой, фрагмент донца арибаллического ликифа, венчик пелики

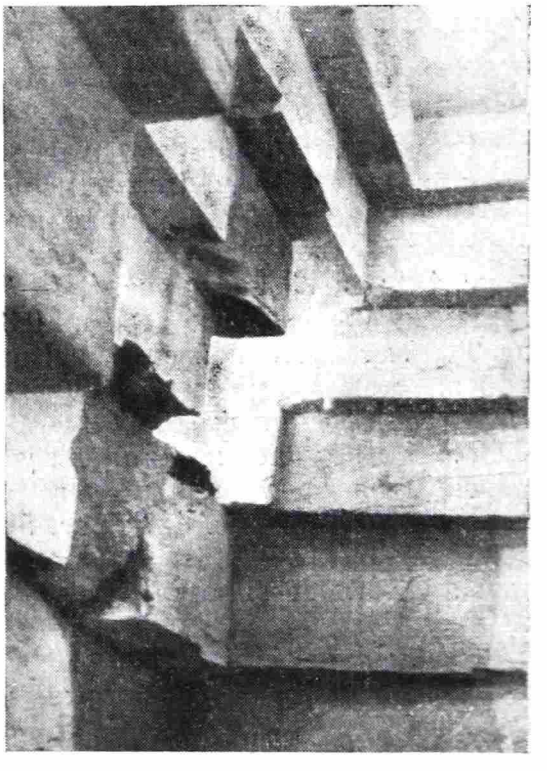


Рис. 5. Ниша на уровне второго и третьего рядов уступов

с овами, три бронзовых гвоздя, вероятно, от обивки деревянного саркофага. В дромосе у заклада найдены: рукоятка железного меча [5] (рис. 6), рукоятка железного ножа с костяной накладкой, имеющей циркульный орнамент (рис. 7), горло красноглиняной амфоры. Кроме того, на поверхности срезанной насыпи кургана найдены стенки остродонных амфор, ножка рюмкообразной амфоры, небольшие фрагменты чернолаковых сосудов, в том числе обломок стенки ойнохои с каннелюрами [6].

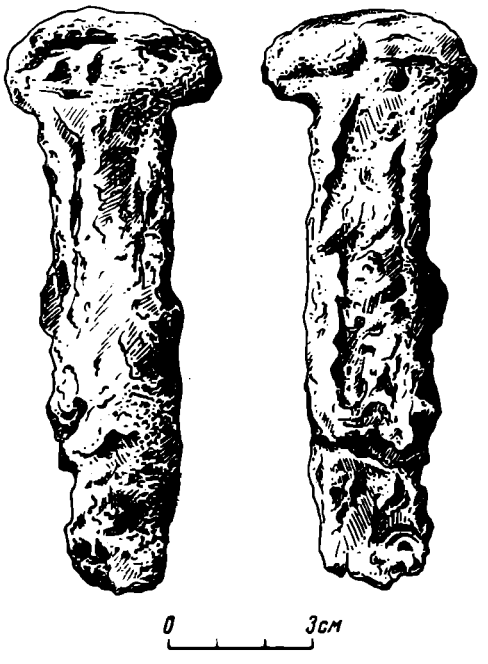


Рис. 6. Рукоятка меча, найденная в дромосе

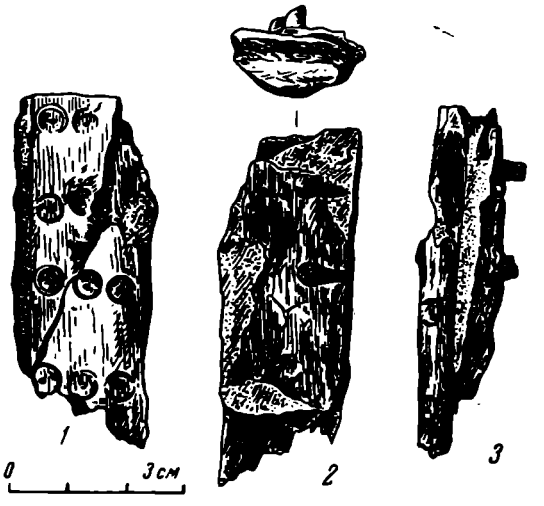


Рис. 7. Рукоятка ножа, найденная в дромосе

Публикуемый нами склеп можно отнести ко второй группе боспорских склепов с уступчатыми покрытиями, по классификации С. А. Кауфман [7]. К этой группе она относит склепы Золотого, Царского и Мелек-чесменского курганов. Вторая группа склепов характеризуется упрощением общей композиции, причем это упрощение сопровождается либо применением живописи, либо смягчением трактовки уступов путем скашивания граней и т. д. В нашем склепе также наблюдается стесывание граней уступов покрытия, как это было замечено в склепе № 50, где срезан нижний ряд уступов, в Большой Близнице, в склепе № 48, где срезаны углы уступов последней камеры, в первом Тарасовском склепе (пять срезанных рядов из шести), в третьем Тарасовском склепе, где косо срезаны не только углы, но вся выдающаяся внутрь поверхность плиты, так что плита имеет вид как бы примитивного карниза.

Некоторые детали отличают склеп 1961 г. от остальных сооружений этого рода. Во-первых, в северной части покрытия на уровне второго и третьего рядов уступов имеется отверстие, не заложенное плитами. Во-вторых, между замковыми плитами покрытия камеры имеются два зазора, которые образуют сквозные отверстия (фонари) в покрытии камеры. Эти зазоры были закрыты сверху особыми плитами (рис. 3), которые по существу и являлись самыми верхними плитами перекрытия. Назначе-

---

[5] Рукоятка меча найдена и в склепе Кекуватского (см. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1948, стр. 524, примеч. 43).

[6] С. И. Капошина. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. МИА, 69, стр. 124, рис. 18.

[7] С. А. Кауфман. Об уступчатых склепах Боспора. Сообщения Института истории и теории архитектуры, 6, М., 1947, стр. 9.

ние этих отверстий в покрытии камеры неясно. Впрочем, все боспорские склепы имеют индивидуальные особенности, которые отличают их друг от друга. Ни разу не встретилось еще два совершенно одинаковых склепа.

Что касается времени сооружения пантикапейских склепов с уступчатыми покрытиями такого типа, то они, судя по материалу, в частности, по монетам и керамическим клеймам, должны, вероятно, датироваться второй половиной IV в. до н. э.

Этому не противоречат и сделанные в Керченском склепе 1961 г. находки.

К. МАЕВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВЕ (БОЛГАРИЯ) В 1967 г.

Археологическая экспедиция Варшавского университета проводила исследования в западном секторе р. Нове в августе — сентябре 1967 г.,[1] на участке IV (рис. 1).

В восточной части IV участка исследовались квадраты III 341, 342, 343, 361, 362, 363, 364, 382, и 383, здесь расчищались стены восточной части помещения J. Западная часть этого помещения была открыта в 1966 г. Размеры всего помещения следующие: длина восточной стены 6,65 *м*, северной — 19,2 *м*, западной — 7,9 *м* и южной — 18,1 *м*, включая и дверное отверстие, открытое в восточной части этой стены. Дверное отверстие (ширина 1,65 *м*) было выявлено лишь на глубине около 2,1 *м*; там же с западной стороны открыты тщательно обработанные тесаные камни, проложенные кирпичными плитами, скрепленными известью. В юго-восточном углу этого помещения проведена шурфовка до глубины 2,6 *м*, и на глубине 2,5 *м* была открыта верхняя поверхность каменной ступени шириной 0,65 — 0,75 *м*. В этом шурфе мы не нашли следов вымостки, в то время как в этом же помещении на квадрате II 380 открыты в прошлом году остатки вымостки на глубине 2,7 *м*. В северной части помещения J открыта стена длиной 6,5 *м*, идущая с востока на запад, а также две плохо сохранившиеся поперечные стены (длиной 1,2 и 1,15 *м*), замыкающие удлиненное помещение (J_1), по всей вероятности, построенное позже, чем помещение J. Внутреннюю часть помещения J мы исследовали в 1966 г. в западной части (квадраты II 360, 380) до глубины 2,7 *м*, т. е. до уровня вымостки, а в полевом сезоне этого года открыта остальная часть этого помещения до глубины 1,7 *м*. В верхних перемешанных слоях земли в помещении J обнаружено несколько находок, среди которых кусок каменного ствола колонны со схематически вырезанным на нем контурным рисунком коня, каменная голова льва (рис. 2, *1*), значительно поврежденная, диск глиняного светильника, костяное острие, вероятно от гарпуна, железный умбон, а также обломок ионической капители.

К северу от помещения J, в квадрате III 341 выявились стены, идущие вдоль западного и северного краёв этого квадрата. В пятне гари встретился хорошо сохранившийся глиняный кувшинчик.

К югу от помещения J были проведены исследования в квадратах III 381, X 1 и X 22 от глубины 0,4 до 1,4 *м*. В квадрате X 22 работы были остановлены на глубине 0,4 — 0,6 *м*, на уровне, обозначенном толстыми

[1] Состав экспедиции: руководитель доктор К. Маевский, сотрудники — доктор Л. Пресс, доктор З. Сохацки, магистры — З. Табаш, В. Шуберт, Я. Цупас, Д. Александрович, Д. Трынковская, фотограф Т. Биневски и техник Б. Ковальчык.

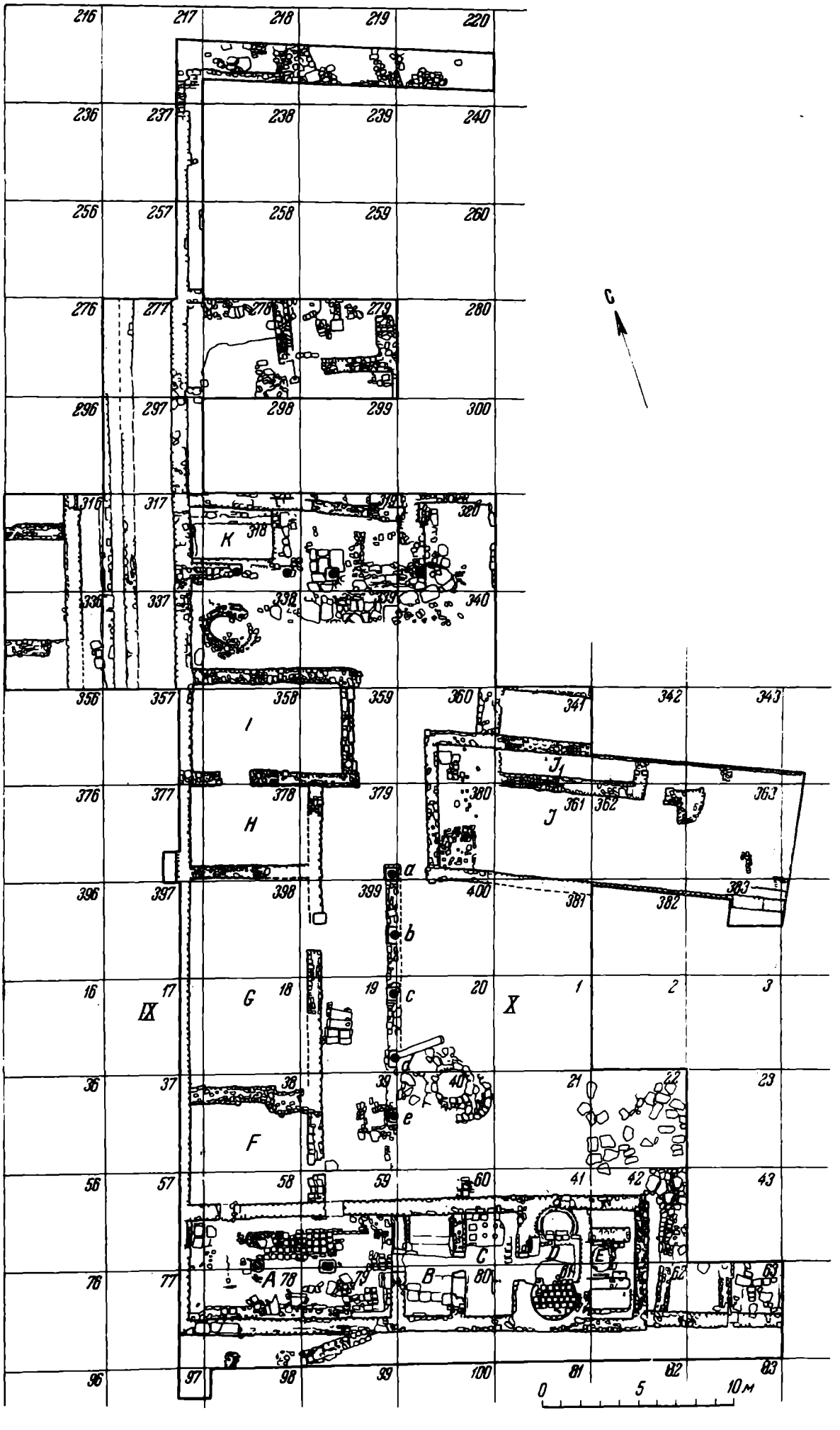


Рис. 1. План IV участка западного сектора в Нове

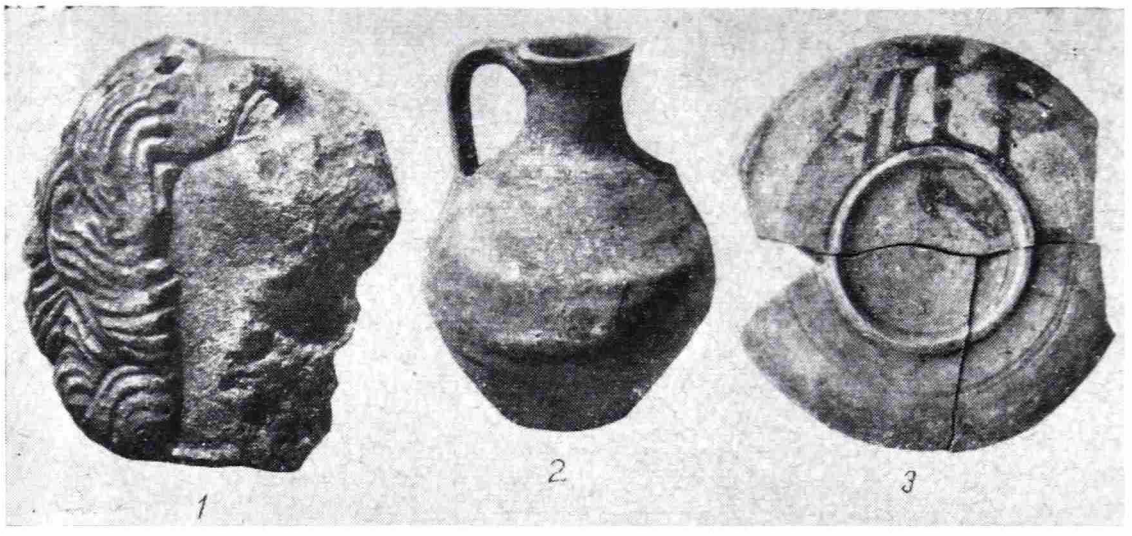


Рис. 2. *1* — каменная голова льва; *2* — глиняный кувшин; *3* — глиняная тарелка

каменными плитами неправильной формы. В верхних перекопанных слоях этих квадратов найдены среди многочисленных обломков керамики фрагмент глиняного светильника и костяные изделия, украшенные геометрическими орнаментами.

Кроме того, продолжались раскопки в помещении G до глубины 1,7 — 1,8 *м*. Среди находок, встреченных в исследуемых слоях, следует отметить кирпичный кружок с просверленным в середине отверстием, употребляемый в качестве рыболовного грузила.

Рис. 3. Канал под улицей, идущий вдоль западной стороны большой постройки на участке IV

В северной части IV участка окончено исследование квадратов II 318, 319, 320, начатое в 1960—1961 гг.; там, в квадратах II 317—319 на глубине 4,2 *м*, открыта стена, идущая с запада на восток, длиной около 11 *м*, западная часть ее ограничивает с севера помещение К, напоминающее прямоугольник размером 2,48—2,64×4,1 *м*. Помещение К исследовано до глубины 4,2 *м*. У северной стены были две каменные ступени, нижняя размером 0,3×0,5×4,1 *м* и верхняя размером 0,3××0,4×4,1 *м*. На нижней ступени был найден глиняный кувшин с двумя ручками; одна из них отбита (рис. 2, *2*), глиняная тарелка (рис. 2, *3*) и железный наконечник копья, воткнутого острием в раствор западной стены помещения К. В верхних перекопанных слоях, над помещением К, найдены золотое обручальное кольцо, украшенное ажурным меандром, и агатовая бусина.

Рис. 4. Фрагмент вотивной надписи

При шурфовке, проведенной в прошлые годы на квадратах II 237, 257, 277, 297 и в траншее, шедшей в северном направлении, в квадрате II 217 была обнаружена верхняя сохранившаяся часть лицевой стороны внешней стены, которая завершала с запада большой строительный комплекс с двумя портиками и колоннами. В квадрате II 217 был обнаружен угол этой стены, что позволило определить ее общую длину, равную 65 *м*. Обнаружив угол стены, провели 15-метровую траншею в восточном направлении, где в квадратах II 218—220 была раскрыта на протяжении 5 *м* верхняя часть лицевой стороны наружной северной стены, замыкающей упомянутый уже строительный комплекс.

В западной части IV участка велись работы в квадратах II 316, 317, 336, 337, а также было начато исследование квадратов II 277, 297. Здесь раскрывался водосток, шедший к западу от стены, замыкающей строительный комплекс с двумя портиками, и определялась лицевая сторона стен здания, расположенного на противоположной стороне улицы (cardo), и были сделаны попытки обнаружить остатки мостовой на этой улице. Стены канала сохранились на различную высоту. Он был раскрыт по длине на 20 *м*. Максимальная глубина его от поверхности 2,86 *м* (рис. 3). Восточная лицевая сторона его — это стена здания, расположенного вдоль западной стороны этой улицы, была открыта в квадратах II 316, 336 на 10 *м*. Подошва этой стены обнаружена на глубине 1,3 *м*. Нижний обрез с восточной стороны улицы был отмечен на глубине 3,30 *м*.

На этом участке среди других предметов найдены: бронзовая фибула, глиняное грузило от сети, несколько почти целых глиняных сосудов, среди которых бутыль и сосуд в виде кувшинчика, обломки глиняных светильников, несколько черепиц и кирпичей с клеймом LEG I ITAL, глиняный подвесной кружок тоже с клеймом LEG I ITAL и несколько бронзовых монет, определение которых возможно лишь после расчистки. В верхних перемешанных слоях земли на западной стороне участка IV найдено также много керамики, преимущественно относящейся к позднеантичному периоду. В верхних перекопанных слоях земли на описанном отрезке натолкнулись на барабаны ствола колонны (в квадрате II 277) и полуколонны (в квадрате II 316). При планировочных работах на территории Нове в западном секторе найден обломок ствола каменной колонны с остатками латинской вотивной надписи (рис. 4).

. . . . . E . .
[L] E G I I T A L
. . V S L M

Наконец, следует упомянуть, что до начала реставрационных работ в Нове Институтом охраны памятников в Софии проведено временное закрепление стен построек, открытых в прошлые годы в южной части участка IV.

П. П. ХОРОШИХ

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ БОЛЬШОГО КАДИНСКОГО ПОРОГА

В северо-западной части Иркутской области, в 45 *км* от устья р. Оки (левый приток р. Ангары) находился Большой Кадинский порог, где отвесно стоящие скалы, сложенные из серого траппа, и теперь тянутся вдоль левого берега Оки, на протяжении около 1 *км* (рис. 1). На гладкой поверхности этих скал, на высоте от 3 до 8 *м* над уровнем Оки, сохранились древние наскальные рисунки, впервые осмотренные в 1887 г. А. Пласковицким.

Рисунки на скалах у Большого Кадинского порога А. Пласковицкий зарисовал схематически и поэтому в описании их есть много неточностей [1].

Летом 1959 г. наскальные рисунки у Большого Кадинского порога были осмотрены участниками Ангарской археологической экспедиции Иркутского государственного университета им А. А. Жданова (руководитель — автор статьи), с них были сняты эстампажи, сделаны зарисовки и фотоснимки.

Сюжеты наскальных рисунков весьма разнообразны. На скалах группами или в одиночку видны изображения лосей, оленей, лошадей, водоплавающих птиц, антропоморфных фигур и т. п. Способ выполнения наскальных рисунков различный. Это глубокое высекание по контуру, протирка желобком по контуру, сплошная протирка всей фигуры, легкие удары по контуру фигур каким-то металлическим орудием. Отдельные фигуры покрывались по контуру или сплошь прокрашивались красно-бурой минеральной краской.

Среди многочисленных наскальных рисунков особого внимания заслуживают большие фигуры лосей (рис. 2—4).

Одна огромная уникальная фигура спокойно шагающего лося, оконтуренная глубоким вышлифованным желобком, поражает своей величиной и тщательностью отделки. Размер ее 1,2×1,6 *м* (рис. 2). Первобытный художник реалистически передал все характерные формы тела этого обитателя сибирской тайги. Изображение двух поводов, спускающихся с шеи лося, по-видимому, показывает, что древний художник хотел изобразить одомашненного лося. Лось, как известно, способен легко преодолевать таежные препятствия — завалы, топкие болота; он мог быть великолепным верховым и вьючным животным. Изображения одомашненных лосей встречаются на многих писаницах Сибири [2].

---

[1] А. Пласковицкий. Кадинская писаница. ИВСОРГО, XIX, 2, 1888, стр. 28—29.

[2] В. Н. Скалон и П. П. Хороших. Домашние лоси на наскальных рисунках Сибири. ЗЖ, XXXVII, 3, 1958, стр. 441—450. Редакция журнала «Советская археология» полагает, что предложенная автором заметки трактовка трех дугообразных линий, изображенных ниже морды животного, не обязательно свидетельствует о его «одомашненности».

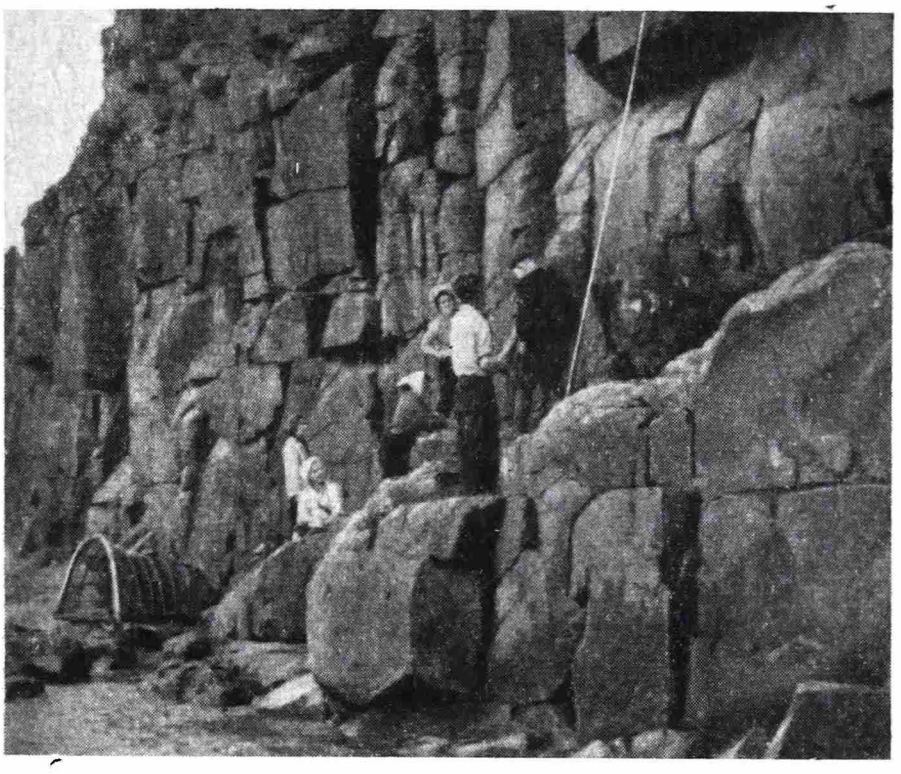


Рис. 1. Зарисовка наскальных изображений у Большого Кадинского порога

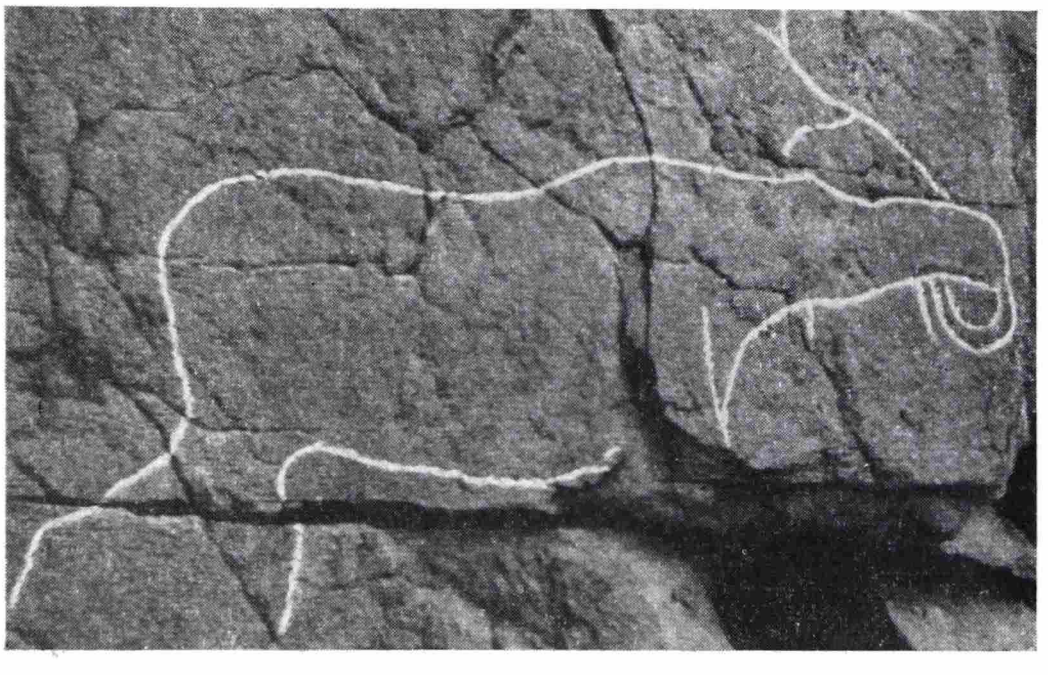


Рис. 2. Большая фигура лося, высеченная на скале у Большого Кадинского порога

Рис. 3. Фигура лося, высеченная на скале у Большого Кадинского порога

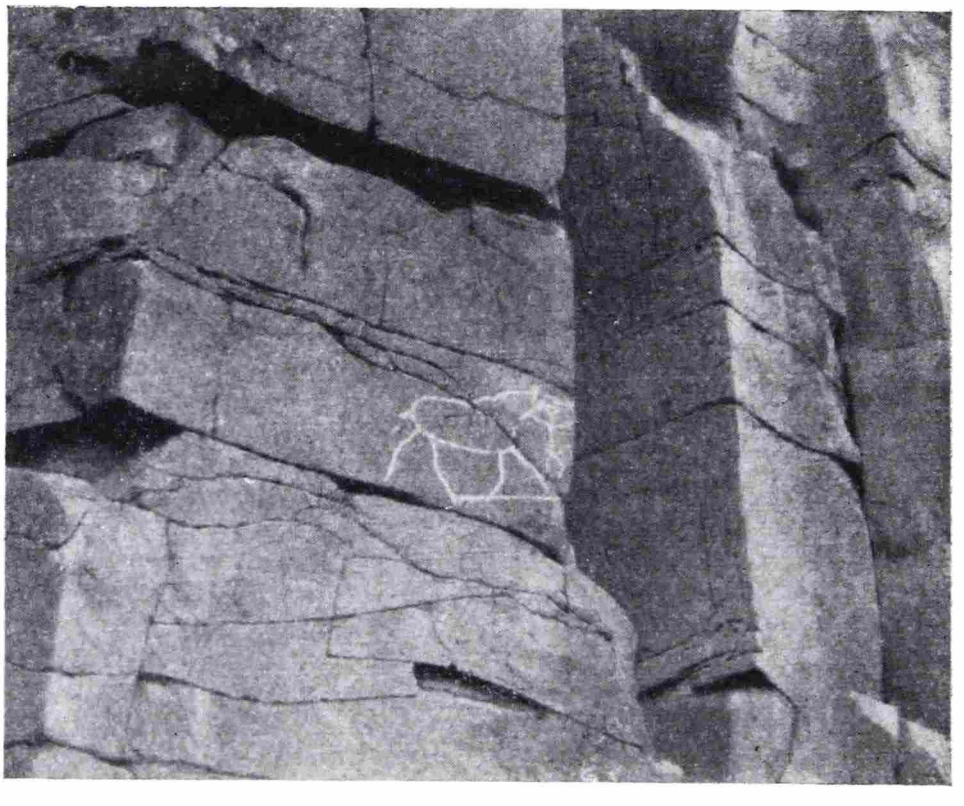


Рис. 4. Фигура лося и антропоморфная фигура, высеченные на скале у Большого Кадинского порога

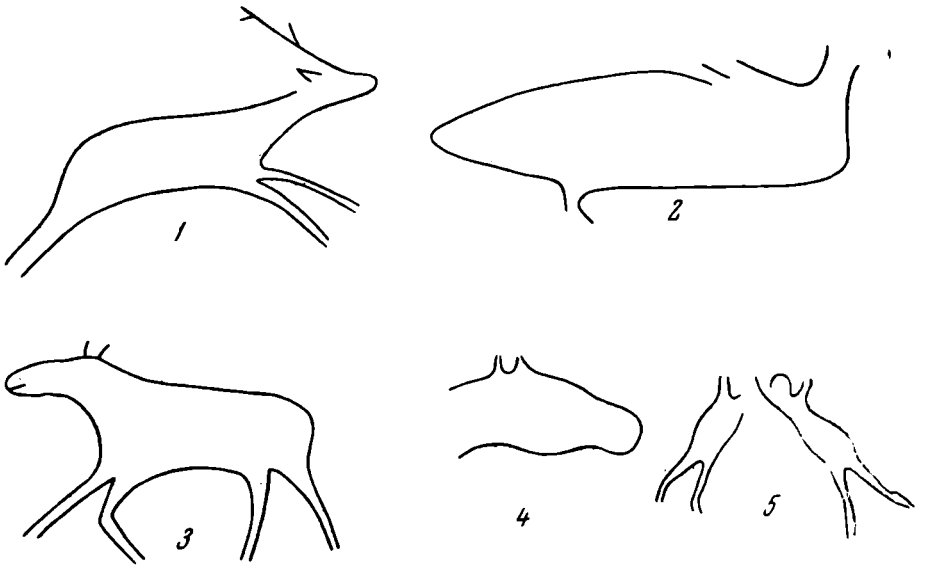


Рис. 5. Наскальные рисунки у Большого Кадинского порога

1 — олень; *2* — водоплавающая птица (гусь?); *3* — лось; *4* — голова лошади; *5* — борющиеся антропоморфные фигуры

Около одного изображения лосихи высечена небольшая антропоморфная фигура с поднятыми вверх руками (рис. 4), что, по-видимому, является символом молитвенного обращения к небу. Следует отметить, что, судя по технике исполнения, эта антропоморфная фигура более позднего происхождения, чем изображение лосихи.

На отдельных выступах скал у Большого Кадинского порога сплошной протиркой изображены: голова лошади (рис. 5, *4*), северный олень (рис. 5, *1*), фигура лошади (рис. 6), водоплавающие птицы (возможно, гуси) (рис. 5, *2*), лосихи (рис. 5, *3*), какое-то мифическое животное с удлиненной мордой и раскрытым ртом.

Антропоморфные фигуры переданы очень схематично, они высечены по контуру без соблюдения пропорций отдельных частей тела. Одна антропоморфная фигура с рожками изображает шамана. На одном из выступов скалы изображены борющиеся человеческие фигуры (рис. 5, *5*).

Рассматривая наскальные рисунки у Большого Кадинского порога со стороны техники исполнения, стиля, сюжетов и общей композиции, можно заключить, что давность их различна. К числу более древних наскальных рисунков относятся большие, реалистически высеченные фигуры лосей, которые по аналогии с такими же изображениями, сохранившимися на Оке и на Каменных островах Ангары, могут быть датированы эпохой неолита (примерно IV—III тысячелетием до н. э.) [3]. К этому же времени, по-видимому, следует отнести и большие изображения водоплавающих птиц, сделанные путем сплошной протирки (рис. 5, *2*). Они очень напоминают неолитического времени фигуры птиц на наскальных рисунках Карелии.

Датировка больших изображений лосей и водоплавающих птиц эпохой неолита подтверждается тем, что у подножия писанных скал, расположенных у Большого Кадинского порога и на террасе около зимовья рыбаков, в 150 *м* ниже порога, были обнаружены остатки

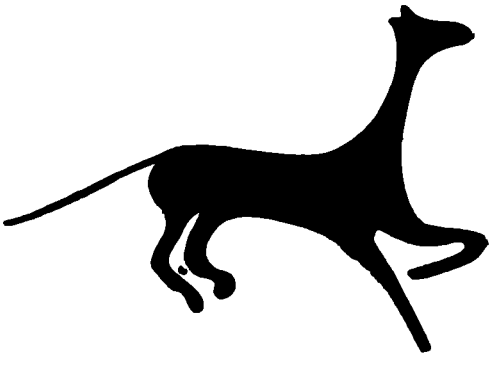


Рис. 6. Изображение лошади, высеченное на скале у Большого Кадинского порога

[3] Наскальные рисунки каменных островов на Ангаре. Иркутск, 1960.

культуры неолита в виде кремневых ножевидных пластинок, скребков, отшлифованного топорика и неолитической керамики [4].

Вторая группа наскальных рисунков у Большого Кадинского порога, изображающая фигуры лошадей, оленей и антропоморфные фигуры в различных позах, более поздняя и датируется, вероятно, первыми веками нашей эры.

Ныне наскальные рисунки у Кадинского порога затоплены водами Братского моря.

---

[4] З. А. Абрамова, А. П. Окладников, Е. Ф. Седякина. Археологические исследования в долине р. Ангары в 1956 г. ИИМК, 1959, 76, стр. 41; П. П. Хороших. Тысячелетние памятники изобразительного искусства. «Ангара», Иркутск, 1962, 3, стр. 113—116; П. П. Хороших. Тысячелетний памятник на р. Оке. «Иркутский университет», 1960, 36.

А. И. САЛОВ

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ В АНАПЕ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТЯХ

За последние годы в Анапский краеведческий музей поступил ряд археологических находок с территории района и города. Они существенно дополняют и расширяют наши знания об археологической топографии древней Горгиппии и ее округи.

1. В 1961 г. учитель Первомайской школы Анапского района В. А. Проценко передал в музей предметы, найденные учащимися этой школы. Среди находок — терракотовая статуэтка (инв. № 2397), встретившаяся при рытье погреба во дворе Третьяченко в с. Первомайское (рис. 1, *1*). Это фигура сидящего на земле мальчика, правая нога которого, согнутая в колене, поднята, левая нога, так же согнутая в колене, всей поверхностью касается земли, кисть левой руки касается колена; на голове мальчика остроконечная шапочка, верхняя часть которой утрачена. Статуэтка сильно оббита и затерта, она была покрыта оранжевой краской, которая местами сохранилась. В некоторых местах фигурка закопчена и заизвесткована. Терракота не пустотелая, как большинство

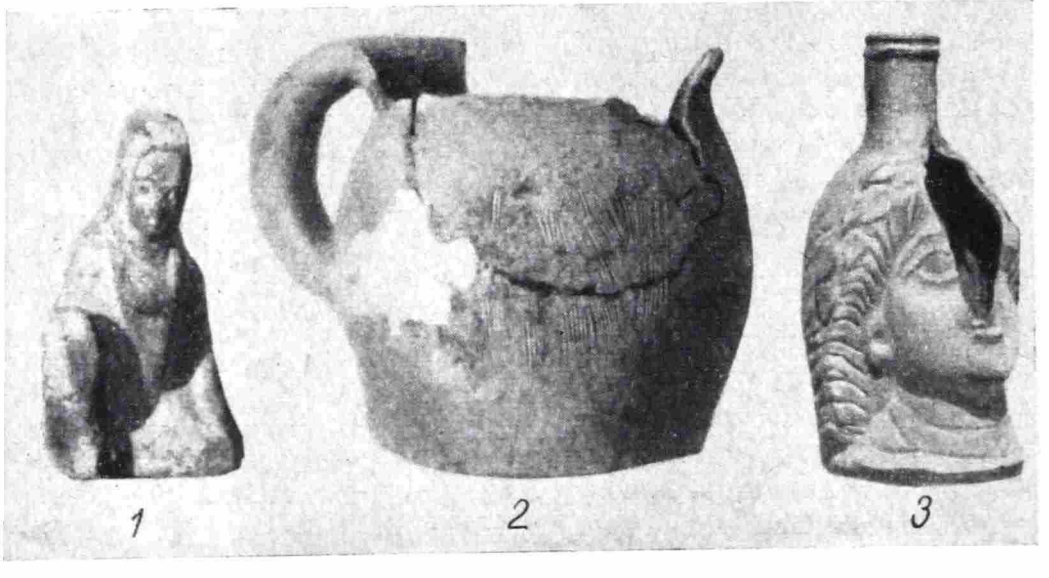


Рис. 1. Случайные находки из г. Анапы и Анапского района

1 — терракотовая фигурка мальчика из с. Первомайки; *2* — лепной сосуд из кургана у станицы Гостагаевской; *3* — фигурный сосуд из г. Анапы

статуэток. Высота ее 9,5 *см*, ширина 5,5 *см*. Схематичность в трактовке фигуры, застывшая поза изображенного говорят о ее культовом значении. Возможно, что она представляет собой изображение земледельческого божества из группы кабиров и относится к V в. до н. э. [1].

2. По сообщению В. А. Проценко, там же была найдена серебряная монета. На аверсе — голова императрицы Фаустины Старшей и вправо надпись: DIVA FAUSTINA. На реверсе — стоящая фигура прямо, голова повернута влево, в правой руке — факел. Надпись: AUGUSTA. Это денарий Фаустины Старшей 141 г. н. э. [2]. Диаметр диска монеты 18 *мм*, толщина 1 *мм* (инв. № 2398).

Вторую серебряную монету нашла на хут. Иванова ученица названной школы Лида Юхно. На аверсе голова императора Марка Аврелия вправо и надпись DIUUS · M · ANTONINUS, а на реверсе изображение орла с распущенными крыльями и надпись по окружности CONSECRATIO. Это денарий Марка Аврелия (161—180 гг.) [3]. Диаметр диска монеты 17 *мм*, толщина 1,7 *мм* (инв. № 2399).

Рис. 2. Мраморный торс Афродиты из Анапы

3. Ланцетовидный втульчатый наконечник копья был выпахан при подъеме плантажа под виноградник в с. Джигинка. Инв. № 2401. Наконечник сделан из красной меди, хорошо сохранился, хотя и имеет на себе поверхностные раковины. Втулка составляет $^5/_6$ всей длины предмета. Сбоку в ней имеется отверстие для прикрепления к древку гвоздем. Длина наконечника — 16,7 *см*, ширина — 3,6 *см*. Ширина лопастей — 1,1 *см*. Н. В. Анфимов относит предмет к VIII в. до н. э.

4. В 4 *км* от станицы Гостагаевской по дороге на Натухаевку был разрушен курган, в котором, как сообщил учитель Гостагаевской школы И. Ф. Собко, были найдены: пряслице, грузило и пантикапейская монета. Курган, по-видимому, издавна неоднократно разрушался, и сейчас население берет из него строительный камень. По окружности кургана идет полуразрушенная каменная обкладка толщиной до 2 *м*. Здесь же нашли раздавленный сероглиняный горшочек боченкообразной формы (инв. № 2300). Ручка его в сечении квадратная. Венчик сохранился лишь частично. На тулове снаружи следы заглаживания кистью или иным инструментом. Дно сосуда плоское. В изломах видны примеси известняка, гранита и др. (рис. 1, *2*).

5. В феврале 1960 г. ученик школы № 1 Юденко передал музею мраморную скульптуру (рис. 2), найденную им у входа на пристань. Это женский торс, размером 17,5×12,5×7,5 *см* (инв. № 2187) из белого мрамора. В задней части фигуры имеются обломы, которые свидетельствуют, что торс был частью высокого рельефа. Возможно, это часть изображения Афродиты [4].

---

[1] М. М. Кобылина. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961, стр. 38 и табл. III, *2* и *3*.

[2] H. Mattingly. Catalogue of Coins of the Roman Empire in the British Museum, IV, London, 1951.

[3] Там же, стр. 692, № 24, табл. 91, *13*.

[4] И. Т. Кругликова. Из раскопок в Анапе. «Искусство», 1963, IX, стр. 67, сл

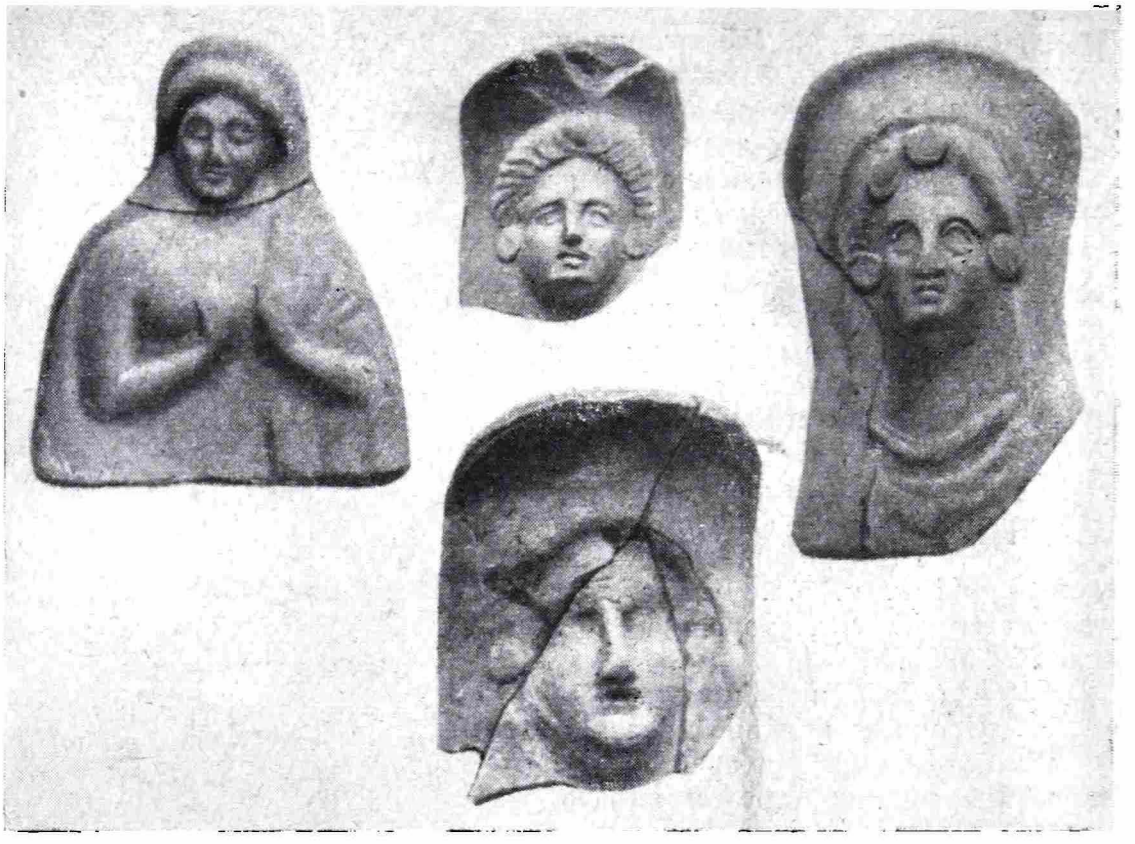


Рис. 3. Терракотовые протомы из Анапы

6. При земляных работах на строительстве Анапской районной больницы в марте 1959 г. был найден красноглиняный фигурный сосуд в виде головы женщины в лавровом венке (рис. 1, *3*). Хорошо выполненное лицо, к сожалению, испорчено: бо́льшая часть сосуда выбита и утеряна. На сохранившейся части видно широкое скуластое женское лицо с большими глазами. Хорошо выполнен лавровый венок и волосы, которые далее к затылку более схематичны собраны сзади пучком. Горлышко кувшина узкое, венчик мало заметен, слива нет. Ручка, стоявшая довольно высоко, отбита. Некоторые части сосуда даже на лицевой стороне отделаны небрежно. Изделие выполнено из тонко отмученной глины и хорошо обожжено. Размер его 18,5 × 10,5 *см* (инв. № 1918).

7. При земляных работах на ул. Протапова в 20 *м* от ул. Ленина 3 июля 1965 г. с глубины 1,5—2 *м* были выкопаны 22 терракотовых протомы, 7 чернолаковых канфаров, 5 глиняных горшочков, пантикапейская бронзовая монета IV в. до н. э. с головой молодого Сатира и пегасом на реверсе и некоторые другие вещи. Все они попорчены бульдозером. На месте находок осталось большое количество глиняных и чернолаковых черепков.

Три из найденных протом (рис. 3) изображали богиню с руками, прижатыми к груди (рис. 3, *1*). Все протомы оттиснуты в форме, и рельефы их недостаточно четкие. Одна из протом имеет преувеличенный выгиб вперед правой груди, а у другой почти полностью смазано лицо. Размеры протом: 9×12×0,5 *см* (инв. № 470).

Шесть очень хорошо оттиснутых в формах головок принадлежали протомам другого типа (рис. 3, *2*). Довольно четко видны черты лица, глаза, губы. Из-под калафа красиво выделяются волосы. На ушах — украшения. Все обломки носят следы старых сколов. Все они сделаны из хорошо отмученной глины с обмазкой. Размер самого крупного обломка 9,5×7,5 *см* (инв. № 4708, 4709).

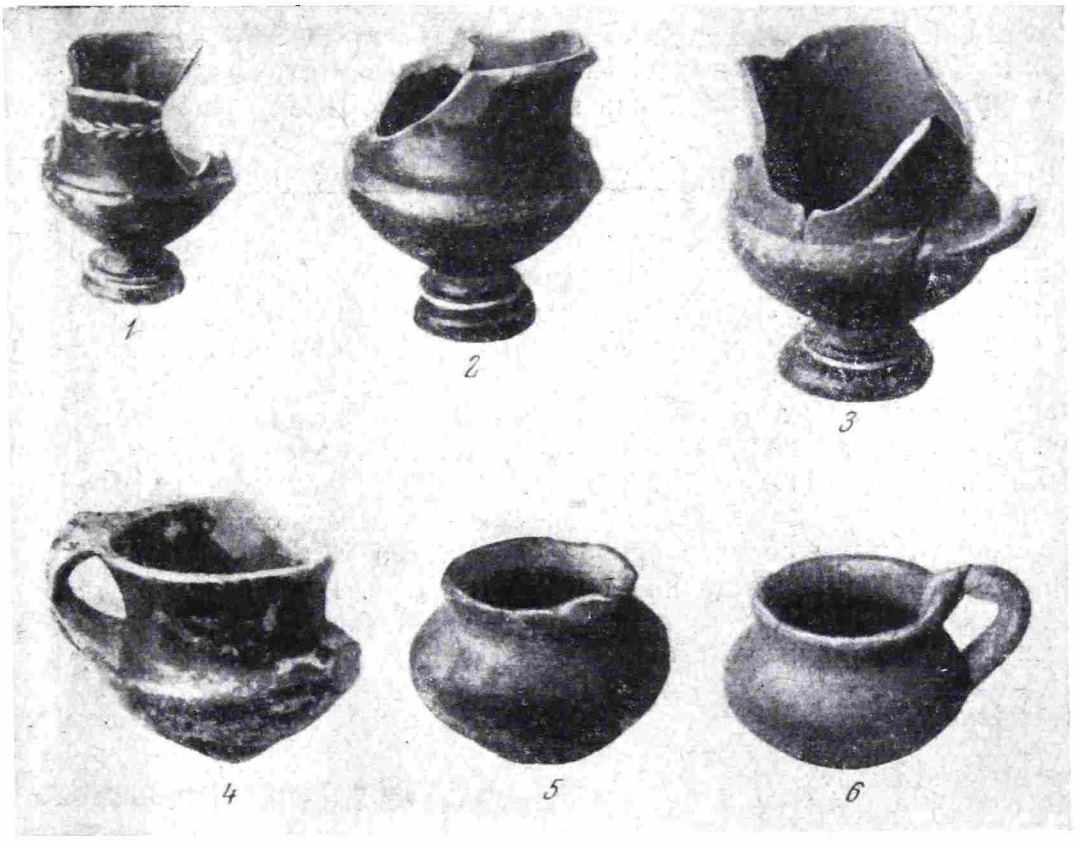


Рис. 4. Античные сосуды из Анапы

1—4 — чернолаковые канфары; *5, 6* — лепные сосудики

Несколько отличаются от этих протом еще две с тремя налепами на месте ушей и над лбом (рис. 3, *3*). Для придания индивидуальных черт изображению мастер усилил линии глаз, выявил, хотя и без лишней детализации, волосы. Изделия, видимо, не завершены и имеют шероховатости, царапины, заусеницы, трещины. Глина — оранжевого цвета. Обжиг хороший. Размер 9×14 *см* (инв. № 4705, 4706, 4707).

Еще четыре обломка головок в калафах — различного качества, из них наиболее удачен один. Видны подробности лица, нижняя часть которого, к сожалению, отбита. Хорошо и детально даны волосы. Производственным дефектом рельефа явилась плохая подготовка материала. Вероятно, отмеренного куска глины при лепке не хватило, и мастер завершал изделие, добавляя материал, заполняя пустоты. Это испортило общий вид вещи. Остальные три рельефа неудачны, лица смазаны. Глина оранжевая. Обжиг хороший. Размер: 9 × 7 *см* (инв. № 4710, 4711, 4711, 4712).

Есть три обломка протом, сделанных очень схематично. Это неудачное подражание протомам с тремя налепами. Глина оранжевая, обжиг хороший. Размер 9,5×9 *см* (инв. № 4713, 4714).

Два из найденных обломков сохранили следы производственного брака. На одном исковеркан и свернут в сторону нос, верхняя губа рассечена и левая ее часть утолщена, на месте правого глаза — впадина. Глина — розоватого цвета, тонко отмучена, обжиг хороший. Размер: 5×4,5 *см* (инв. № 4718). Второй рельеф изображает женское лицо с удлиненным носом, несколько свернутым влево, поджатыми губами, выдающимся вперед подбородком. В противоположность большинству изображений волосы здесь совсем не показаны, глаза не проработаны (рис. 3, *4*). Рельеф вылеплен по форме, и лишь на правой стороне калафа видны следы инструмента, где мастер пытался заделать трещину. Размер: 10,5×8 *см* (инв. № 4717).

Найденные вместе с протомами семь чернолаковых канфаров несколько варьируются как по формам, так и по размеру. Два из них покрыты хорошим блестящим черным лаком, остальные пять — матовым грязновато-черным лаком. Сохранились не полностью, имеют много оббитостей, в основном уже старых, заизвестковавшихся (рис. 4, *1—4*). Высота сосудов от 8,7 до 12,5 *см*, диаметр устья — 6,5—11,5 *см* (инв. № 4721—4727). Подобраны также чернолаковое блюдечко и донце с граффити AN (инв. № 4728, 4740). Кроме того, были найдены горшочки небольшого размера. Одни из них довольно изящной формы с отбитой в древности ручкой и половиной устья (инв. № 4730). Остальные четыре горшочка — упрощенных форм, без поддонов, два из них обгорелые. Размеры: 6,5×8,5 *см* с небольшими колебаниями (рис. 4, *4, 5, 6*) (инв. № 4731, 4732, 4733, 4734). Интересен фрагмент массивного толстостенного сосуда — подражание канфару. Ручки его отбиты, в ножке отверстие. Тесно и обжиг хорошие, высота 7,5 *см*^{3}, диаметр 8 *см* (инв. № 4735).

Массовое скопление протом в одном месте, а также их однотипность и небольшие размеры сосудов свидетельствуют о том, что здесь было святилище, вероятно посвященное богине Деметре. По внешнему виду протом можно утверждать, что они изготовлялись на месте; на их поверхности много всевозможных дефектов — заусениц, трещин, царапин.

И. И. САВЕРКИНА

ПАЛЬМИРСКИЙ ПОРТРЕТ СОБРАНИЯ ЭРМИТАЖА

Среди пальмирских портретов Эрмитажа находится замечательная женская голова — фрагмент надгробия [1]. Голова, как это обычно для пальмирских портретов, чуть меньше натуральной величины. Лоб женщины украшает налобник с орнаментом, поверх которого красивыми складками ложится головная повязка. Мягкие волнистые волосы подняты с боков и убраны под повязку. В ушах маленькие круглые серьги. У женщины продолговатый овал лица и правильные, почти классические черты. Для обозначения отдельных деталей применена гравировка: обведен контур губ, прочерчены брови, кружком обозначена радужная оболочка глаза (рис. 1).

Лицо неизвестной женщины поражает особой изысканностью, утонченностью облика. Это сказывается в удлиненном овале лица, плавной линии длинных бровей, изящно очерченных губах, миндалевидных с тяжелыми веками глазах. Иными словами, в портрете чувствуется обаяние индивидуальности.

Любопытно, что в этом портрете скульптор как бы соединил два разных подхода к изображению человека: в трактовке фаса лица он отдал дань классицистическим тенденциям, в рисунке же профиля подчеркнул индивидуальные особенности портретируемой — покатый лоб, ямочки в углах рта, маленький выступающий вперед подбородок.

Первоначально этот портрет находился в собрании известного коллекционера и путешественника С. С. Абамелек-Лазарева. Он и дал первую публикацию памятника в виде фотографии [2]. В работе А. И. Вощининой [3] портрет кратко упомянут как образец пальмирской скульптуры II в., в котором чувствуется элемент идеализации, идущий от традиций эллинистического искусства.

[1] Инв. № 3925.

[2] С. С. Абамелек-Лазарев. Джераш (Gerasa). Археологическое исследование. СПб., 1897, табл. XV.

[3] А. И. Вощинина. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947, табл. XXXVIII, стр. 75.

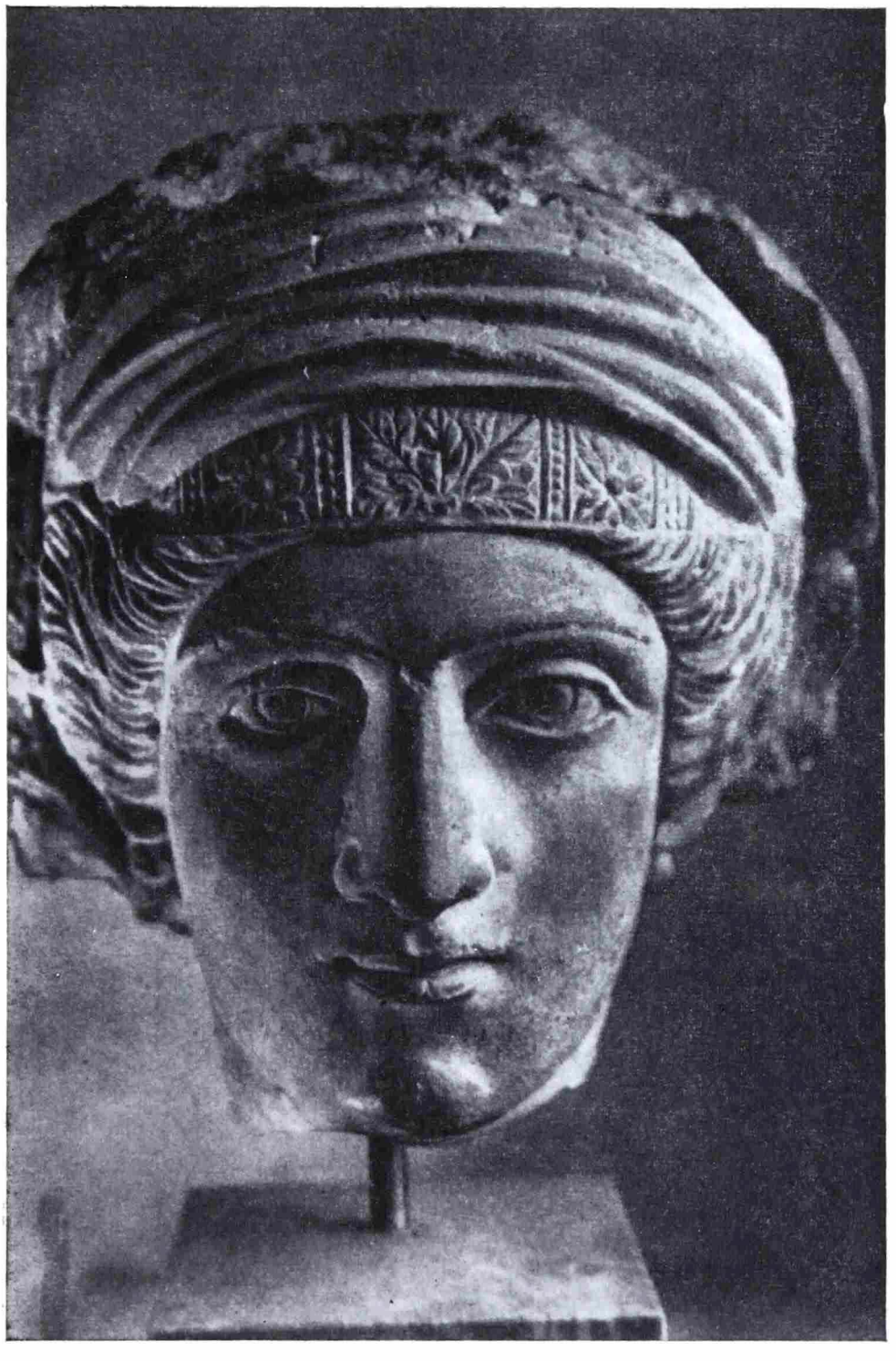


Рис. 1. Женская голова — фрагмент рельефа. Эрмитаж

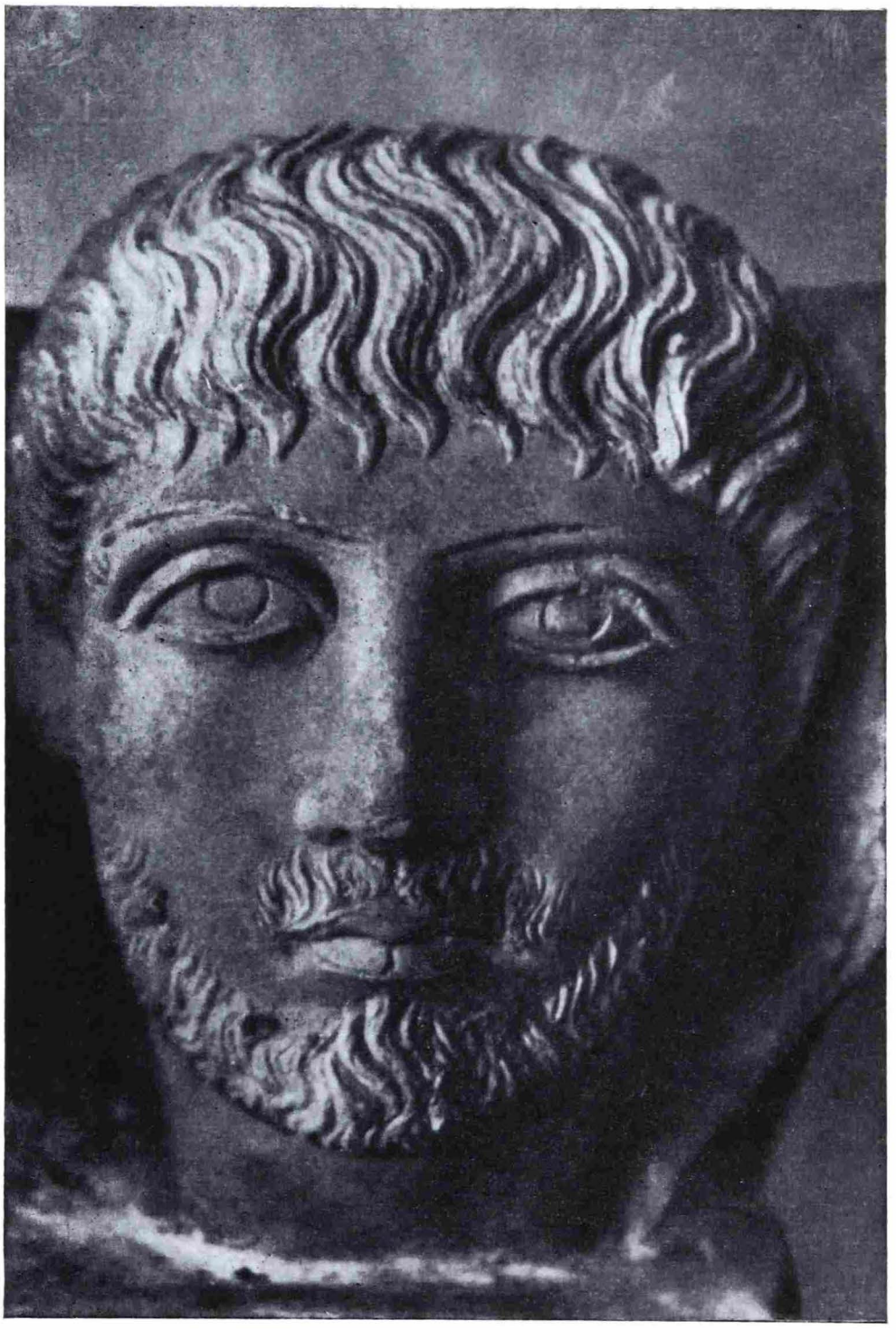


Рис. 2. Мужская голова — фрагмент рельефа. Одесса, Археологический музей

По своим высоким художественным качествам эрмитажный портрет заслуживает, как нам кажется, более детального исследования. Большое количество публикаций пальмирских памятников, появившееся за последние годы, позволяет нам попытаться датировать этот портрет более точно и выявить на его примере специфические особенности определенного периода в развитии пальмирского искусства.

Датировка эрмитажного портрета может быть дана на основании стилистического анализа памятника и его сравнения с другими пальмирскими портретами, датирующимися надписями.

Для сравнения можно привлечь два мужских портрета. Один из них, изображающий пальмирца по имени Нурбел, хранится в Metropolitan Museum в Нью-Йорке и датируется 181 г.[4]. Второй — портрет писца Хайрана — находится в Эрмитаже и относится к 189 г.[5] (рис. 2). Эти портреты очень близки к рассматриваемому нами женскому портрету. Одинакова их образная характеристика — одухотворенность и изысканность внешнего облика. Одинаковы и художественные приемы — плавно переходящие одна в другую плоскости лица, трактовка глаз, бровей, передача обведенного контуром рта. Общей чертой является и декоративная условность некоторых деталей лица и прически. Как портреты Нурбела и Хайрана, так и женский портрет отличаются исключительной технической законченностью, сравнительно редкой в пальмирском искусстве.

Все изложенное позволяет, как нам кажется, отнести эрмитажный портрет к 80-м годам II в.

60—80-е годы II в. можно рассматривать как отдельный этап в развитии пальмирской портретной пластики. Он характеризуется определенными чертами, обусловленными историческим развитием Пальмиры в этот период, и вносит новые качества в пальмирской портрет по сравнению с более ранними памятниками.

В портретном искусстве этого времени отчетливо прослеживается римское влияние. Объяснение этому надо искать в усилении связей между столицей империи и Пальмирой. Возобновились римско-парфянские войны, поэтому римская армия подолгу оставалась на территории Сирии. После войн Люция Вера в городе впервые был поставлен римский гарнизон. Начальники гарнизона считались гражданами Пальмиры и занимали высокие должности в системе городского управления. Можно предполагать, что римляне селились в Пальмире целыми семьями. Раскопками проф. К. Михаловского в 1962 г.[6] были открыты фрагменты скульптур из большого семейного погребения. Это десять портретов, которые датируются К. Михаловским второй половиной II в. Материал, техника и стиль исполнения не оставляют сомнений в том, что это работа местных мастеров. Но ряд особенностей, и прежде всего женские прически и отсутствие обычного женского головного убора, позволили К. Михаловскому предположить, что это погребение принадлежало римской семье, жившей в Пальмире. Римляне, обосновавшиеся в Пальмире, распространяли моду на господствовавший в римских официальных кругах стиль портретного искусства. Вероятно, и сами пальмирцы, купцы и воины римской армии, вернувшись на родину, продолжали следовать вкусам, воспринятым ими в столице империи.

Официальное направление в римском портретном искусстве времени Марка Аврелия находилось под сильным влиянием стоической философии. Некоторые этические стороны этого учения нашли свое выражение в новом подходе к изображению человека. Уход от действительности в самого себя, отказ от активных действий для пассивных размышлений,

---

[4] H. Ingholt. Studier over Palmyrensk Skulptur. København, 1928, табл. V, 2.

[5] Инв. № 8840.

[6] K. Michalowski. Palmyre. Fouilles polonaises 1962. Warszawa, 1964, табл. 124—134, стр. 97, 98.

провозглашение главной добродетелью бесстрастия выразили тот индивидуализм, который усилился в период кризиса. Напряженная внутренняя жизнь и внешнее бесстрастие — таков стал художественный идеал официального портрета. Потребность передать внутреннее состояние человека при сохранении спокойствия в чертах его лица вызвала появление новых приемов. Основным из них стала тончайшая моделировка поверхности лица, использование всех нюансов светотеневой игры. Сложная гамма человеческих переживаний на портретах римской знати всегда окрашена пессимистическим чувством, и это роднит между особой все произведения официального римского портрета.

Сходство между пальмирскими портретами и образцами римского портретного искусства времени Антонинов не сразу бросается в глаза, замаскированное целым рядом традиционных пальмирских художественных приемов. Но оно ясно сказывается в индивидуализации черт лица изображенных, в некоторой их идеализации, которая была свойственна искусству антониновского классицизма, и в общности образной характеристики. Нам особенно хочется подчеркнуть, что пальмирские мастера оказались восприимчивы именно к образной стороне антониновского портрета. Это было возможным благодаря высокому художественному и техническому мастерству, которого достигли пальмирские скульпторы к этому времени. Не копируя деталей, они воспроизводили в созданных местными художественными средствами портретах те настроения, которые выражало официальное портретное искусство Рима.

Однако в пальмирских портретах нет того пессимизма, который мы отмечали в римских портретах. В них не ощущается глубокого скепсиса, презрения к жизни, пресыщения, отразившихся в портретах римской знати. Жители Пальмиры еще не были захвачены идеологическим кризисом, который затронул уже столицу империи. Под внешними чертами усталости и разочарования легко угадываются люди большой энергии и острого ума.

Женский портрет в Эрмитаже является блестящим примером слияния местной художественной традиции с влиянием портретного искусства Рима. Высокое качество исполнения позволило показать на нем все те черты пальмирского портретного искусства, которые нам кажутся характерными для периода 60—80-х годов II в.

А. П. РУНИЧ

КАТАКОМБНЫЙ МОГИЛЬНИК VII—VIII вв. ОКОЛО г. КИСЛОВОДСКА

Характеризуемый в настоящей заметке катакомбный могильник находится на окраине Кисловодска между отстойником Кисловодского озера и бывшим подсобным хозяйством им. Луначарского, в 250 *м* на юго-восток от отстойника и примерно в 100 *м* на запад от хозяйства.

Катакомбы были обнаружены в верхней трети западной части возвышенности, состоящей из довольно мягких глинистых песчаников. Сверху эти песчаники прикрыты продуктами выветривания этой горной породы и тонким растительным слоем.

При помощи учащихся Кисловодской школы № 12 А. Агачева, С. Пьянкова и В. Сапожникова было исследовано 37 камер этого могильника, которые имели овальную форму и сферические потолки. Входные отверстия полукруглой формы во всех катакомбах расположены на 60—150 *см* выше ровного пола. Лаз в камеру закрывает плита или кладка без раствора. Дромосы в могильнике хорошо выражены, имеют ширину 60—80 *см* и длину от 120 до 315 *см*.

В преобладающем большинстве погребенные (как мужчины, так и женщины) вытянуты на спине, головами на запад. Иногда в одной камере вместе с вытянутыми костями лежат и скорченные (например, в катакомбе № 37) (рис. 1, *1*). Есть камеры, где костяки находятся только в скорченном положении (рис. 1, *2*), а также ориентированные головами на восток.

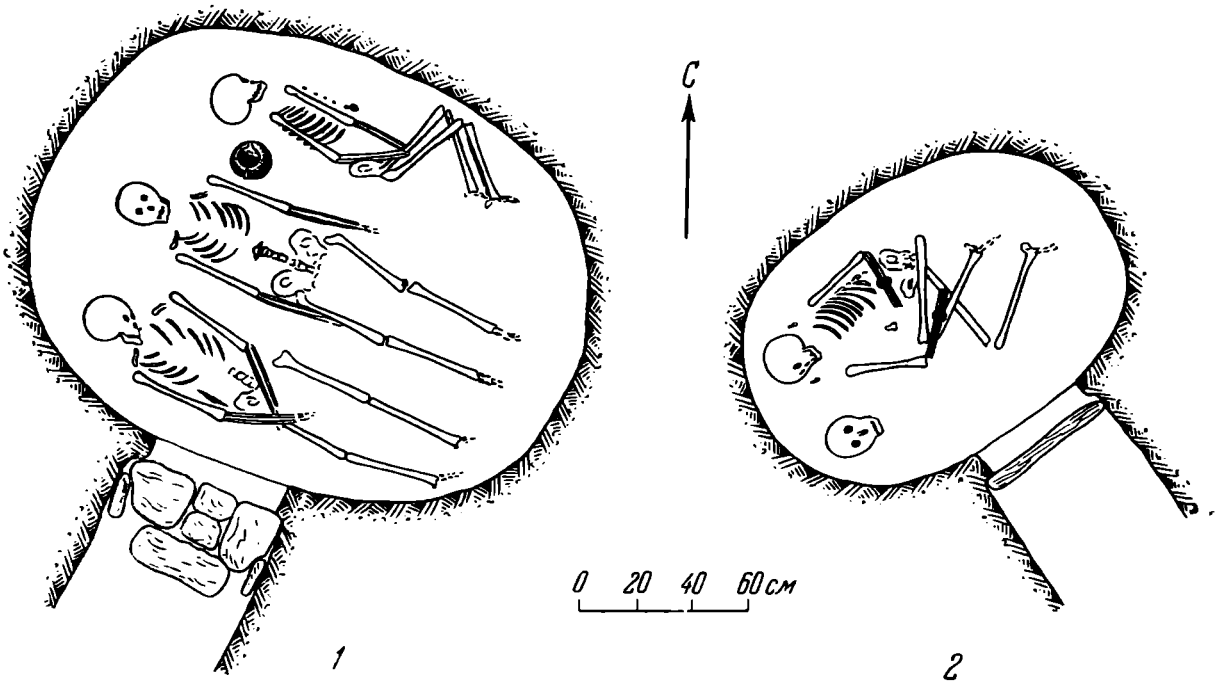


Рис. 1. Планы катакомб Кисловодского могильника
1 — катакомба № 37, *2* — катакомба № 29

Во всех камерах погребенные лежали без подстилки, но в некоторых камерах (№ 1, 11, 14, 22, 34) обнаружено небольшое количество древесного угля и следы от каких-то деревянных предметов.

Основная масса исследованных камер оказалась сильно поврежденной грабителями, видимо, еще в древности. Таким образом, проследить погребальные обряды и изучить погребальный инвентарь было возможно только по нескольким катакомбам, которые не вскрыли или слабо повредили грабители.

В камере № 1, овально формы, размерами 207 × 154 *см* и высотой 96 *см* были два почти полностью истлевших костяка, лежавших вытянуто головами на восток. Здесь находилась бронзовая фигурка всадника (рис. 2, *1*), у грудной клетки погребенных стояли два сосуда (рис. 3, *1, 4*). Кроме этого, в камере найдены бронзовые серьги со стеклянными вставками (рис. 4, *4*), подвеска в виде колесика (рис. 4, *8*), остатки от деревянных квадратных в сечении палочек размером 10×10 *мм* и круглых диаметром в 8 *мм*. Там же найдены бусы: две пастовые синие с красными глазками и желтым окаймлением (рис. 4, *12*), одна круглая из синей пасты с желтыми глазками, две стеклянные бочковидные желтого и зеленого цвета (рис. 4, *14*) и пять круглых сердоликовых диаметром в 5—7 *мм*.

Камеры № 2, 3, 4 ограблены, и кроме нескольких бус там ничего не сохранилось.

Катакомба № 5 — овальная размером 193×138 *см* и высотой 88 *см*. Костяки почти истлели и повреждены грызунами. По остаткам костяков установлено, что погребенные лежали вытянуто, головами на запад.

В западной части камеры стояли два сосуда (рис. 3, *3, 4*) и аналогичный с клеймом на дне (рис. 3, *6*). Здесь же найдены арбалетовидная фибула с железной иглой (рис. 3, *8*) и кусочком ткани, пропитанной окисью железа,

остатки от железной пряжки, а также шесть пастовых глазчатых синего и черного цвета бус с красными и черными глазками и белым окаймлением, шесть стеклянных круглых голубого цвета и одна сердоликовая круглая.

Камеру № 14 повредили грабители. Судя по остаткам, установлено, что здесь находились три костяка (мужской и два женских), и они лежали вытянуто головами на запад.

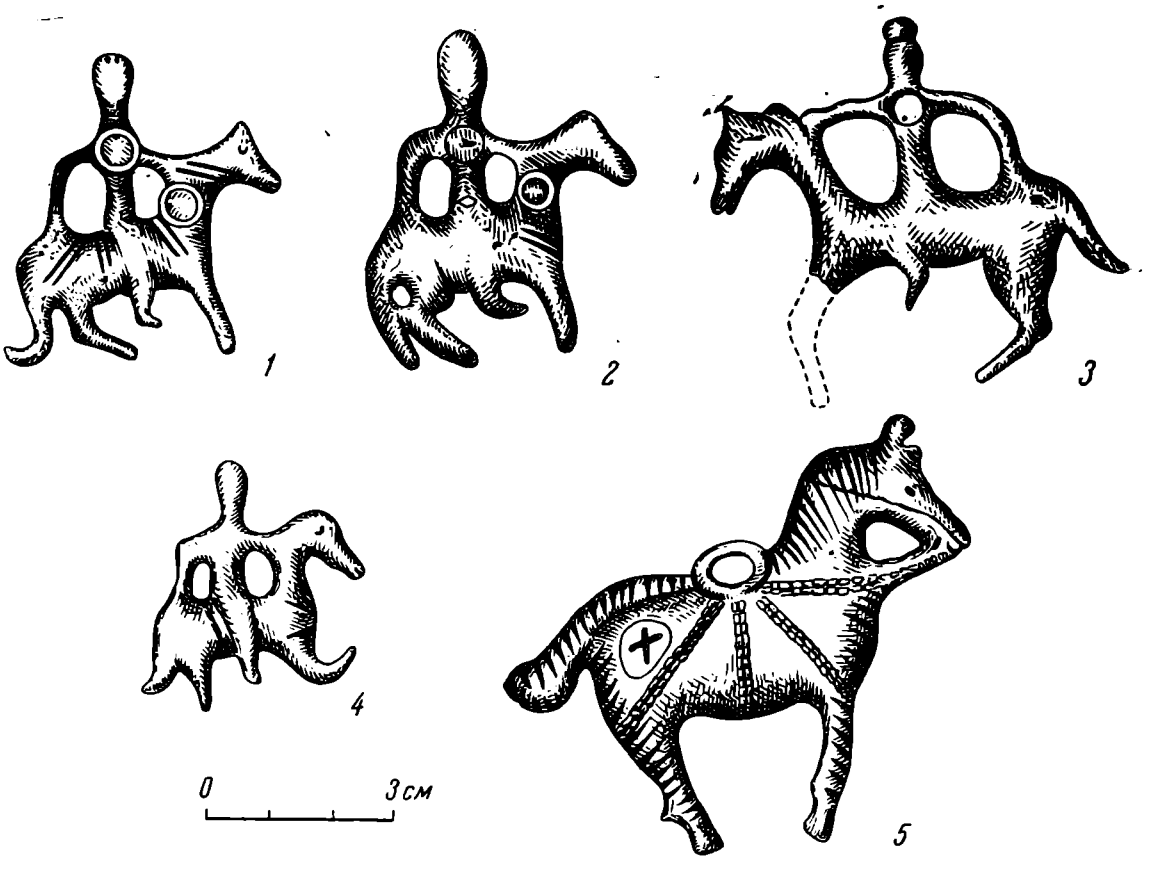


Рис. 2. Бронзовые фигурки коней и всадников из Кисловодского могильника
1 — катакомба № 1, *2* — катакомба № 32, *3* — катакомба № 21, *4* — катакомба № 14, *5* — катакомба № 21

Инвентарь состоял из бронзовой арбалетовидной фибулы с железной иглой (рис. 3, *9*), золотой серьги (рис. 4, *6*), двух проволочных браслетов, трех пуговиц в виде бубенчиков (рис. 4, *3*), железного «слитка», состоящего из колечек, фигурки всадника (рис. 4, *31*), двух бронзовых колечек, бронзового перстня с вставкой из зеленоватого стекла (рис. 4, *3*), бронзовой пряжки от пояса (рис. 3, *13*), деревянного гребня в железной оправе (рис. 3, *18*) и бус: 17 пастовых глазчатых, 8 стеклянных голубого, синего и зеленоватого цвета, 2 стеклянных серого цвета с синими «бородавками» (рис. 4, *19*), 4 стеклянных в виде цепочки (рис. 4, *17*) и 2 сердоликовых — круглой и бочковидной.

Камеру № 21 сильно повредили грабители и количество погребенных определить не удалось. Из инвентаря здесь сохранились две фигурки всадников (рис. 2, *3*), фигурка лошади (2, *5*), две бронзовые пуговицы (рис. 4, *31*), часть бронзовой серьги (как на рис. 4, *4*), бронзовый колокольчик (рис. 3, *17*), прямой железный нож, четыре стеклянных и одна пастовая глазчатая буса.

Остатки от костяка в камере № 22 отброшены к восточной стенке. Из инвентаря сохранились только 11 золотых индикаций, одна литая бронзовая пуговица, маленький прямой железный нож и бусы; одна цилиндрическая стеклянная и семь круглых, одна из аметиста и одна бочковид-

ная кирпичного цвета с желтоватыми вставками в виде цепочки (рис. 4, *25*).

В разрушенных камерах № 24 и 25 сохранился сосуд (рис. 3, *2*), золотая серьга (как на рис. 4, *6*), бронзовая пряжка от пояса (рис. 3, *15*), бронзовое украшение с изображением креста (рис. 4, *10*) и бусы из гагата — 10 каплевидных (рис. 4, *23*), 2 крестообразные с двумя отверстиями

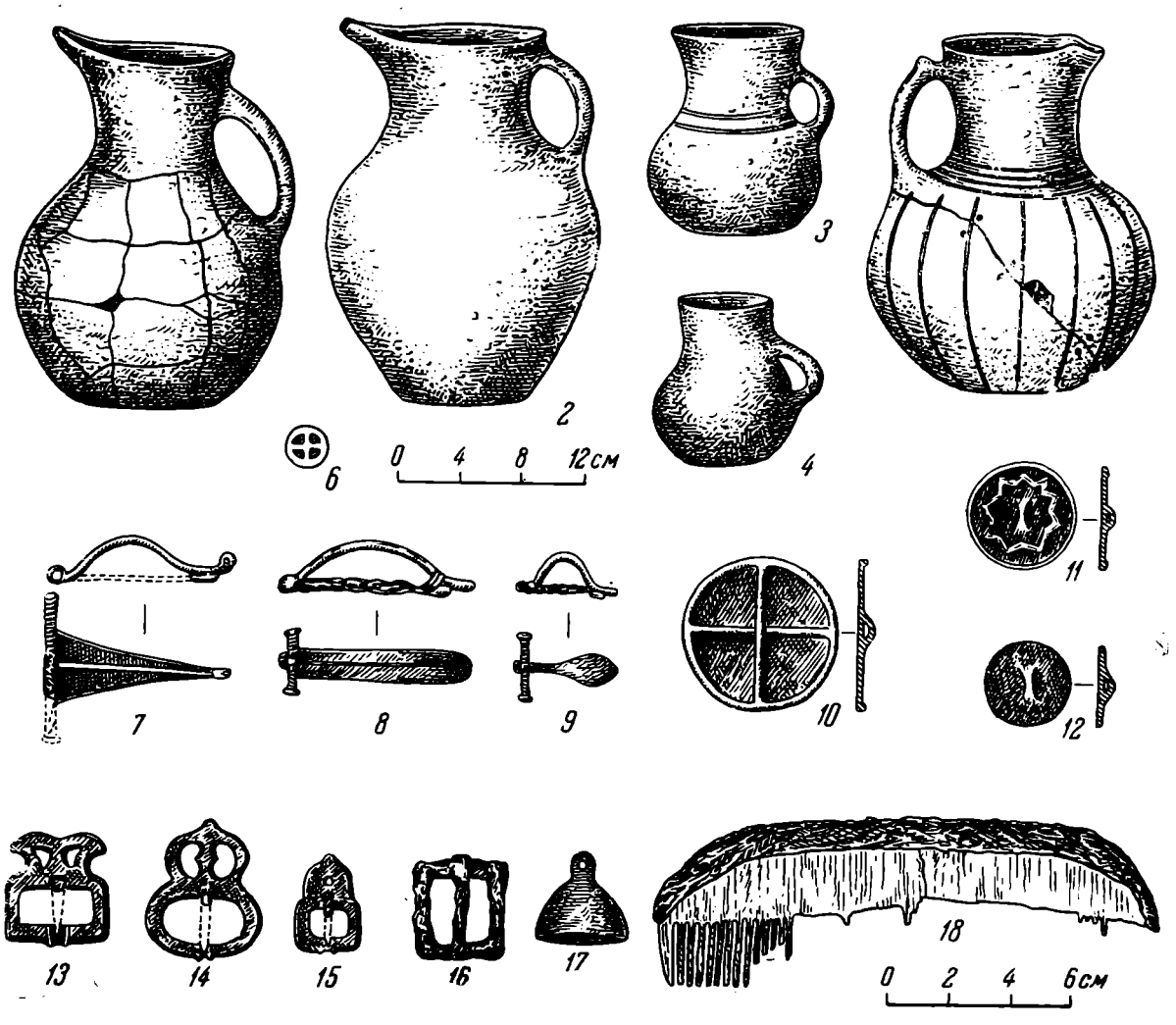


Рис. 3. Находки из Кисловодского могильника

1—5 — сосуды, *6* — клеймо на сосуде, *7—9* — фибулы, *10—12* — зеркала, *13—16* — пряжки, *17* — колокольчик, *18* — гребень

(рис. 4, *21*), в виде ромбиков (рис. 4, *22*), а также бусы из стекла и пасты.

В катакомбе № 29 костяк лежал в скорченном положении головой на запад, а от второго погребенного сохранился только череп (рис. 1, *2*). Погребальный инвентарь состоял из 2 бронзовых браслетов, 2 бронзовых серег (как на рис. 4, *4*), бронзовых пуговиц, бронзового колокольчика, бронзового перстня (как на 4, *3*), бронзового зеркала (рис. 3, *12*), «скалочки» (рис. 4, *11*), 57 пастовых глазчатых бус, 8 стеклянных бус и 5 сердоликовых круглых. Кроме этих бус, здесь находилась крупная буса или амулет из красного камня (рис. 4, *30*) и железная пряжка (рис. 3, *16*).

Нетронутой оказалась и катакомба № 37. В камере находилось три погребенных — мужчина, женщина и юноша. Инвентарь был очень скромный: кружка (как на рис. 3, *4*), бронзовые пуговицы, бронзовый колокольчик, бронзовая фибула (рис. 3, *7*) железный прямой нож и 15 глазчатых пастовых бус.

Остатки погребального инвентаря в остальных поврежденных камерах повторяют уже описанный.

Исключение составляют только железные браслеты (рис. 4, *2*), которые были найдены в катакомбах № 11, 27, 30, 32.

В состав этих комплексов входили: бронзовые браслеты (рис. 4, *1*), золотые серьги (рис. 4, *5*), бронзовые перстни (рис. 4, *3*), бронзовые зеркала (рис. 3, *10*, *11*), бронзовые и железные пряжки от пояса (рис. 3, *13*, *16*), железные ножи, а также пастовые глазчатые и стеклянные бусы.

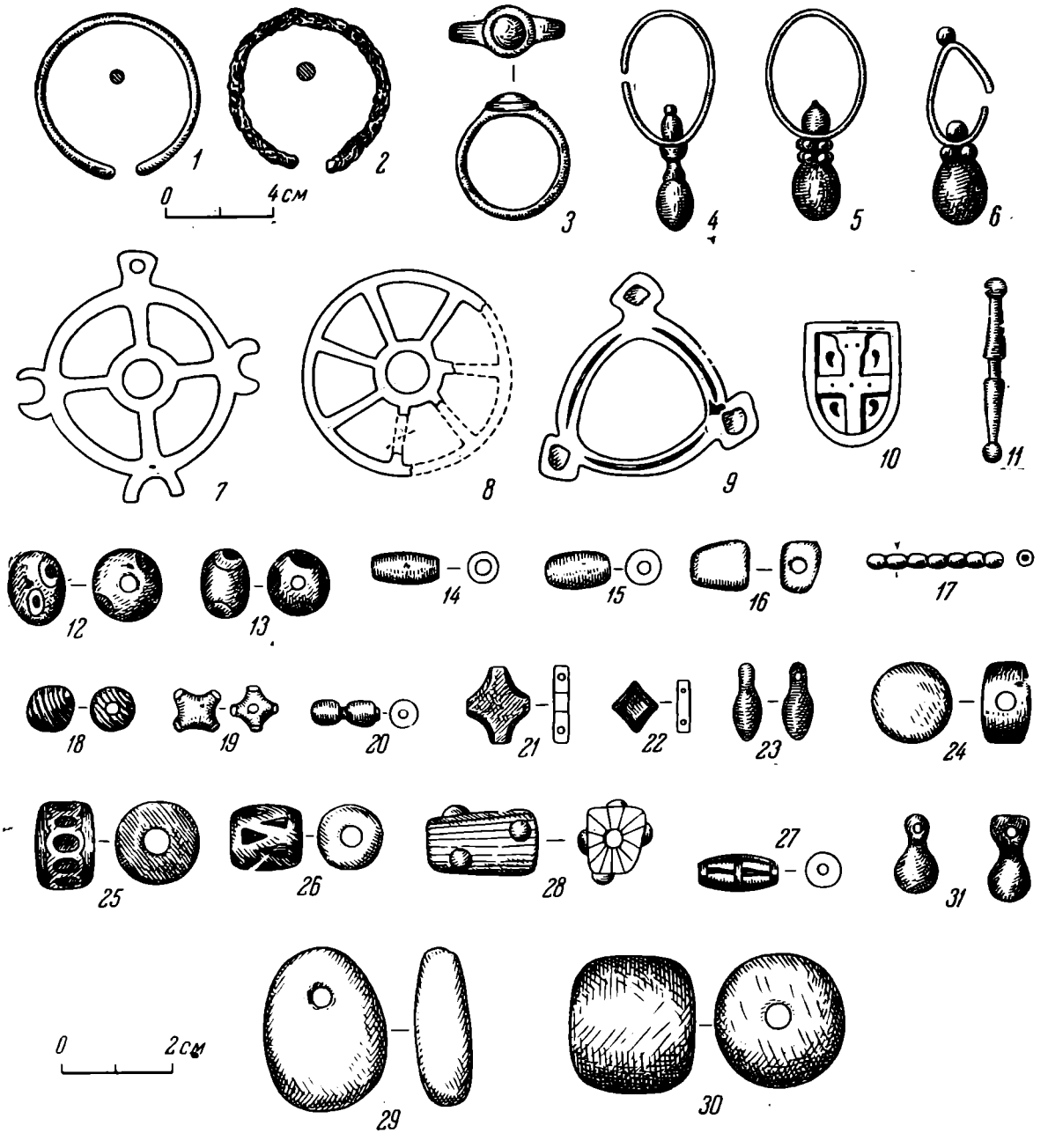


Рис. 4. Находки из Кисловодского могильника

1, *2* — браслеты, *3* — перстень, *4—6* — серьги, *7—9*, *11*, *31* — пуговицы, *10* — бляшка, *12—28* — бусы, *29*, *30* — амулеты

Оружие в этом могильнике очень немногочисленно и представлено только прямыми железными ножами общей длиной в 14—20 *см*.

О доспехах воинов и убранстве их коней наглядно говорят найденные здесь бронзовые фигурки воинов. Так, на фигурках, найденных в катакомбах № 1 и 32, мы видим на груди воинов круглые нагрудники, левой рукой они держат повод и круглые щиты. На голове воинов имеются, очевидно, шлемы (рис. 2, *1*, *2*). Довольно сильно отличается от них фигурка из катакомбы № 14, где у всадника нет нагрудника, щита и, видимо, шлема.

Интересные находки были сделаны в ограбленных катакомбах № 10, 13 и 14, где среди обломков костей и остатков погребального инвентаря мы нашли сильно каррозированные остатки кольчуг из колечек с внутренним диаметром 6—7 *мм*. На них видны и обрывки грубой ткани, пропитанные окисью железа.

Убранство коня особенно хорошо прослеживается на фигурке лошади из катакомбы № 21 (рис. 2, *5*). На голове коня изображен начальник, хорошо видны два повода, один из которых, очевидно, для трензеля. Круп лошади покрывает попона, на которой изображена эмблема с крестом в середине. Хорошо прослеживаются и другие детали конской сбруи. Хвост у лошади подвязан. Все эти фигурки рельефные только с одной стороны, другая сторона их плоская.

Керамика из могильника — черного цвета, слаболощеная, в основном без орнамента и ее можно разделить на два основных типа.

Первый тип керамики составляют довольно крупные кувшины с туловом яйцевидной формы (рис. 3, *2*), или почти шаровидным (рис. 3, *1, 5*), с одной ручкой, прикрепленной ниже венчика и с носиком-сливом. Бóльшая часть их без орнамента. Исключение составляет один кувшин, орнаментированный слегка вдавленными горизонтальными и вертикальными лощеными линиями.

Второй тип — это небольшие сосуды в виде кружек со слабоотогнутым венчиком, с ручкой, прикрепленной значительно ниже венчика и с почти шаровидным туловом (рис. 3, *3, 4*). На дне некоторых из этих кружек имеется крестообразное клеймо (рис. 3, *6*).

Разбитые сосуды того и другого типа иногда встречаются и в дромасах вместе с костями животных (в основном барана).

Бытовые предметы в могильнике представлены арбалетными фибулами с железной иглой (рис. 3, *7, 8, 9*), очень маленькими бронзовыми зеркалами без орнамента, с ручкой в виде петельки (рис. 3, *12*) и зеркалами большого размера с несложным орнаментом (рис. 3, *10, 11*). Довольно разнообразны бронзовые пряжки от пояса с железным язычком (рис. 3, *13, 14, 15*), а также железные (рис. 3, *16*). Интересны бронзовые литые пуговицы в виде бубенчиков (рис. 4, *31*), которые в X—XII вв. стали делать полыми (в виде маленьких погремушек) и часто применяли не только как пуговицы, но и для украшения одежды [1].

Кроме бубенчиков, найдены бронзовые колокольчики с железным язычком (рис. 3, *17*), а также деревянные гребни, некоторые из которых вставлены в железную оправу (рис. 3, *19*).

Много в могильнике и различных украшений: это браслеты, сделанные из бронзы (рис. 4, *1*) и железа (рис. 4, *2*), бронзовые перстни со вставками из зеленоватого стекла (рис. 4, *3*), различные бронзовые колечки и сферические бронзовые бляшки.

Интересны и серьги из этого могильника, сделанные из бронзы (рис. 4, *4*) и золота (рис. 4, *5, 6*). Их шаровидные части оказались полыми. Заслуживают внимания различные подвески (рис. 4, *7, 8, 9*) и особенно бронзовое украшение в виде щита с изображением креста (рис. 4, *10*).

К украшениям относятся и 11 золотых индикаций с монеты, найденных в ограбленной катакомбе № 22. У них по два отверстия и видимо они были пришиты к одежде или головному убору. По определению Е. А. Пахомова [2], они были сделаны с серебряной гексограммы Ираклия и Ираклия-Константина 613—641 гг., что подтвердило первое определение, сделанное И. Д. Малюженко. Интересно отметить, что золотые индикации с

---

[1] В. А. Кузнецов. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953—1957 гг. Орджоникидзе, 1961, стр. 116.

[2] Определение Е. А. Пахомова от 3/III—1965 г.

таких же византийских монет были найдены в катакомбах около сел Верхний-Чир-Юрт ДагАССР[3].

Многочисленны и разнообразны бусы из могильника. Преобладающее большинство их — это глазчатые бусы из пасты синего, голубого, желтого, серого, черного, зеленого и грязно-белого цвета с красными, черными, серыми, зелеными, голубыми и синими глазками и различного цвета окаймлениями (рис. 4, *12, 13*). Разнообразны и стеклянные бусы — желтого (рис. 4, *14*), зеленого (рис. 4, *15*) и синего (рис. 4, *16*) цвета. Бусы в виде цепочек (рис. 4, *17*), слоеные (рис. 4, *18*), бородавчатые, голубого, серого и желтого цветов с синими и голубыми «бородавками» (рис. 4, *19*) и спаренные бусы, покрытые позолотой (рис. 4, *20*).

Сердоликовых бус сравнительно немного. Они круглые, биконические и цилиндрические. Одна бусина была из аметиста. Интересны бусы из гагата в виде крестов с двумя отверстиями (рис. 4, *21*), ромбиков (рис. 4, *22*), круглые, каплевидные (рис. 4, *23*) и бочковидные (рис. 4, *24*).

Особое место занимают своеобразные пастовые бусы с довольно сложным рисунком и вставками (рис. 4, *25, 26, 27*), а также бородавчатые желтого цвета с более темными полосками и «бородавками» (рис. 4, *28*).

Кроме бус, найдены подвески-амулеты из речной гальки (рис. 4, *29*) и красноватого пористого камня (рис. 4, *30*).

Из приведенного погребального инвентаря могильника особого внимания заслуживают фигурки конных воинов. Благодаря этим находкам с уверенностью можно утверждать, что доспехи воинов, покоящихся в могильнике, состояли из нагрудных панцирей, шлемов и небольших круглых щитов, которые, видимо, были деревянными, обтянутыми кожей, почему и не сохранились в катакомбах.

В парадном убранстве коня очень интересна эмблема на конской попоне в виде щита с крестом в середине, а также наличие трензеля (рис. 2, *5*). Надо сказать, что аналогичные рисунки, похожие на щит с крестом, имеются и на бронзовых украшениях (рис. 4, *10*). Изображения крестов указывают на наличие христианства, которое, очевидно, было здесь нестойкими и сильно смешанным с язычеством.

Ценность этого могильника заключается еще и в том, что найденные здесь индикации с гексограммы Ираклия и Ираклия-Константина свидетельствуют о связях с Византией и хорошо датируют могильник временем позже 613 года и его надо отнести к VII—VIII вв.[4]

Н. В. МИНКЕВИЧ-МУСТАФАЕВА

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ РЕМЕСЛЕННОГО КВАРТАЛА БАЙЛАКАНА

Байлакан (городище Орен-Кала в Мильской степи) — первый из средневековых городов Азербайджана, где археологическими раскопками на юго-западной его окраине, за пределами крепостной стены и рва, был обнаружен ремесленный квартал.

Здесь были выявлены остатки гончарного производства, в виде разновременных обжигательных печей, конца VIII — начала XIII в. и кузнечниц XII—XIII вв.[1] В ремесленный квартал для производственных нужд были подведены водоводы, сооруженные в IX и в XII—XIII вв.[2]

[3] В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1959 году. Уч. зап. ИИЯЛ, ДагАССР, 3. Махачкала, 1957, стр. 162—164.

[4] Найденный в могильнике инвентарь передан в Кисловодский Народный музей, а золотые украшения в Гос. Эрмитаж.

[1] Н. В. Минкевич-Мустафаева. О ремесленном квартале Байлакана. СА, 1958, 4, стр. 96—106.

[2] Н. В. Минкевич-Мустафаева. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала Байлакана. Сб. «Археологические исследования в Азербайджане», Баку, 1965, стр. 159.

Неподалеку от обжигательных печей гончаров выявлены остатки сооружений, состоящих из взаимосвязанных бассейнов, чанов и четырехугольных помещений (рис. 1). Различаются два комплекса разновременных сооружений. Юго-восточная часть их более ранняя, а остальная поздняя, но разница во времени их использования, видимо, невелика.

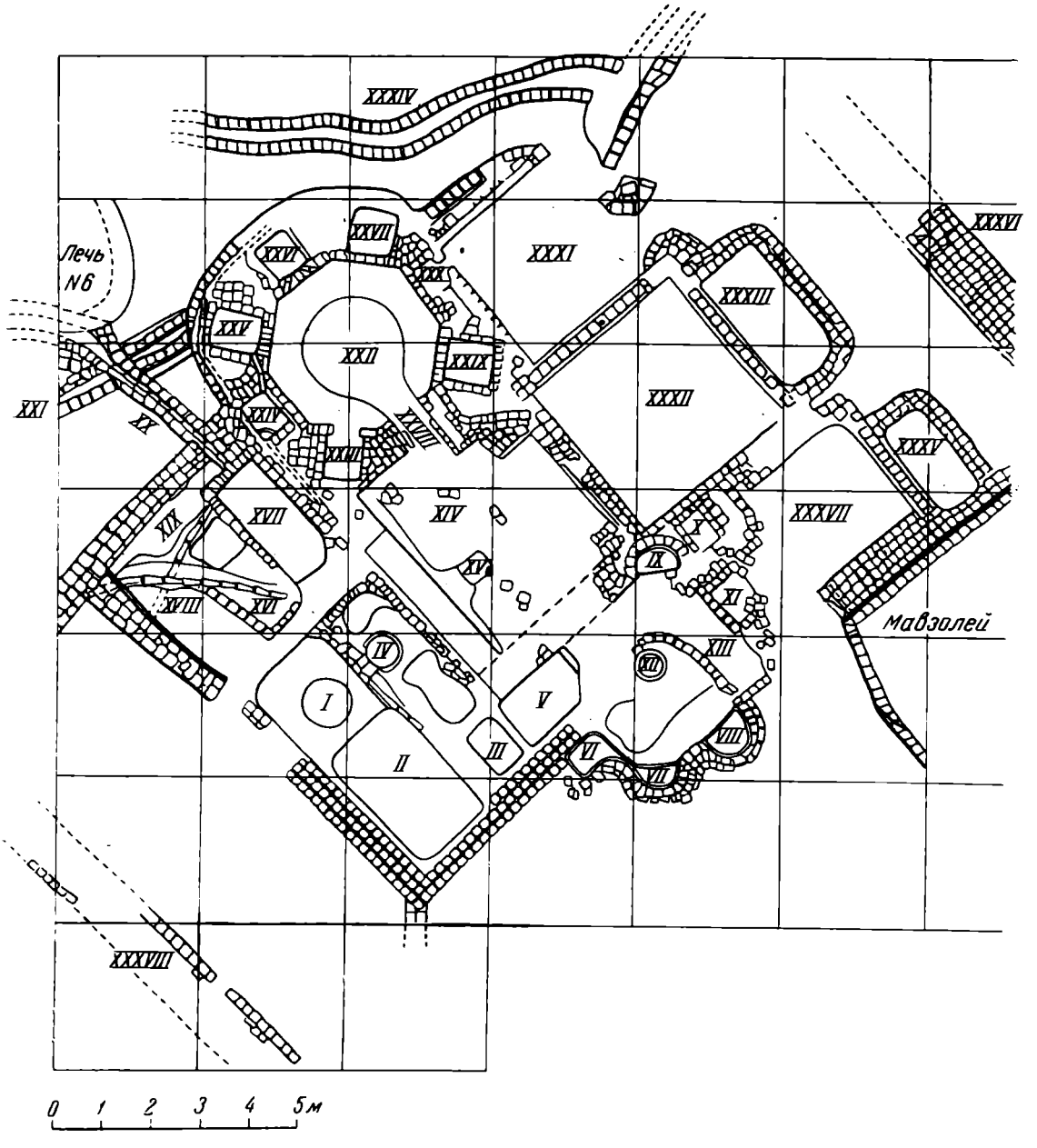


Рис. 1. План производственных сооружений в ремесленном квартале Байлакана

I, IV — колодцеобразные углубления; *II, XVII* — бассейны для хранения воды; *III, VI—IX, XXIII—XXVII, XXIX—XXX* — чаны; *X* — разрушенная кладка; *XI, XIII* — кирпичная обкладка могил; *V, XIV* — помещения давилен; *XII* — очажок; *XXII* — восьмиугольный бассейн-давильня; *XXXI—XXXIII* — бассейны; *XVI* — площадка чана (?); *XVIII—XX* — водоводы; *XXI, XXXIV* — отводы каналов

Возможно, что некоторые части более раннего комплекса пспользовались и позже, когда были построены сооружения более позднего комплекса.

Ранний комплекс сооружений включал чаны (*III, VI—IX*, см. план), четырехугольное помещение с наклонным полом и ступенькой (*V*); большой глубокий бассейн (*II*) и два колодца (*I* и *IV*). Пространство между *VI—IX* чанами и V помещением имело вымощенный кирпичом и дважды оштукатуренный пол, который был сильно разрушен (рис. 2).

Колодцеобразные углубления *I* и *IV*, чаны *VI—IX*, бассейн *II* были впущены в землю, а V помещение и пол между чанами расположены вы-

Рис. 2. Общий вид производственного сооружения в Байлакане. На заднем плане мавзолей второй четверти XIII в.

ше последних на — 40—80 *см*. Кладки стен всех сооружений сложены из обожженного кирпича, размером 20×20×4, 21×21×4 *см*. Оба колодцеобразных углубления, из которых *I* расположено выше соседнего *IV*, соединены протоком в стене и при помощи керамической трубы, лежащей в той же стене ниже протока. Из *I* колодца вода могла переливаться также в *II* бассейн, в северо-западной стене которого сохранились остатки водовода из керамических труб, по которому вода шла в направлении с северо-востока на юго-запад. В *VI* чан вода могла поступать по трубе, уложенной в стене на высоте 90 *см* от пола, из *VII* чана, где она была закрыта куском кирпича в виде пробки, и по узкому протоку, устроенному на уровне пола в общей для *VI* и *VII* чанов в стене. Из *VI* чана вода могла выливаться по водоводу, видимо ведущему в *III* чан. Одно колено трубы было обнаружено в стене между *III* и *VI* чанами. Как поступала вода в *VII—IX* чаны, установить не удалось из-за плохой сохранности верхних частей кладок стен этих сооружений.

Стены и полы *III*, *VI—IX* чанов были многократно оштукатурены, т. е. они ремонтировались по мере надобности. Цвет штукатурки в *VI—IX* чанах сероватый с явной примесью золы. В *III* чане, *I* и *IV* углублениях, а также во *II* бассейне и *V* помещении цвет штукатурки стен и полов розоватый, похожий на известковый раствор с примесью цемянки.

Промежуток между *VI* и *IX* чанами имел два разновременных облицованных белой штукатуркой пола, отделенных друг от друга слоем красноватой осадочной глины толщиной в 10 *см*. Такие красноватые осадки и в настоящее время наблюдаются в отводах системы им. С. Орджоникидзе, по которому вода идет из р. Аракса, размывающая около ст. Джульфы, выше по течению, скалы из красного туфа.

Второй комплекс сооружений состоял из восьмиугольного бассейна (*XXII*), семи чанов, расположенных в кладке стен (*XXIII—XXVII*, *XXIX—XXX*), протока в юго-восточной стене (*XXVIII*), трех четырехугольных бассейнов в восточной стороне (*XXXI—XXXIII*), продолговатого четырехугольного бассейна в юго-западной стороне (*XVII*), помещения с наклонным полом со ступенькой (*XIV*) и круглого глиняного

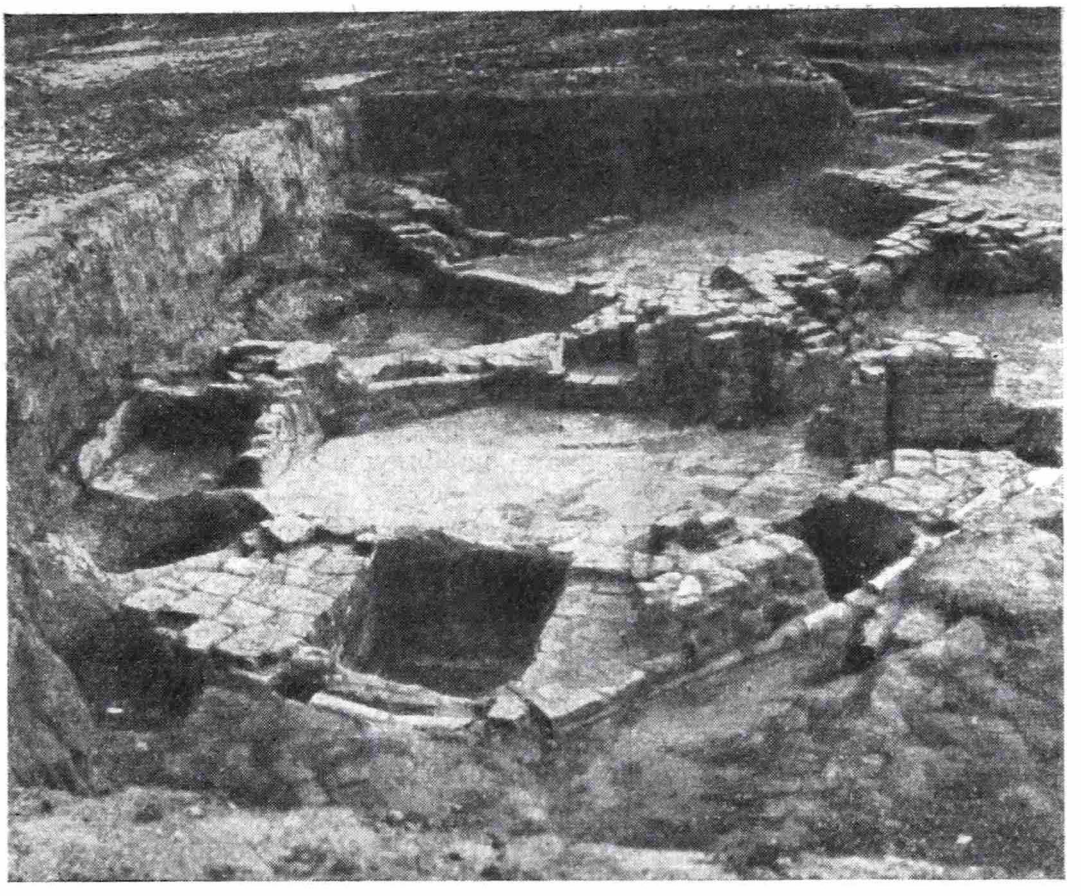


Рис. 3. Восьмиугольный бассейн с чанами в производственном сооружении. На заднем плане *XXXI—XXXIII* бассейны

очажка, расположенного на разрушенном полу между *IV—IX* чанами (рис. 3).

Пол восьмиугольного бассейна в середине понижается на 5 *см*, благодаря чему образовался сток, ведущий через отверстие, устроенное в юго-восточной стене бассейна (*XXVIII*) в соседнее *XIV* помещение. Четыре чана (*XXIII*, *XXV*, *XXII* и *XXIX*), глубиной около 1 *м*, имели полы на одном уровне с полом восьмиугольного бассейна, глубина которого сохранилась до 0,55 *м*, и могли сообщаться с последним через протоки в узких перегородках, которые можно было закладывать кирпичами по мере надобности. В *XXIII* чане проток был открытым. Три других чана (*XXIV*, *XXVI*, *XXX*), полы которых глубже пола *XXII* бассейна на 50—80 *см*, отделены от него глухими кирпичными стенками, но соединены друг с другом при помощи керамических труб. По трубам водовода, уложенного в верхней части кладки стены между *XXV* и *XXIV* чанами, вода поступала в *XXIV* чан, из которого уходила по трубам в северном углу в *XXV* чан. В южном углу *XXIV* чана перед отверстием выводной трубы, расположенной на высоте 65 *см* от пола чана, был устроен небольшой своеобразный «карман» из массы известкового раствора и крупных кусков кирпича, позволявший поднимать уровень воды в чане до 88 *см*, т. е. на 23 *см* выше отверстия трубы.

В северо-западной стене *XXVI* чана на уровне пола были отверстия вводной и выводной труб, уложенных под полом восьмиугольного бассейна. Вполне возможно, что выводная труба из *XXVI* чана вела в *XXX* чан, где выявлено отверстие вводной трубы. Вода из *XXX* чана уходила по протоку в северо-восточной стене в соседний *XXXI* бассейн. В кладке стен вокруг *XXIII—XXVI* чанов шел водовод из керамических

труб, где было выявлено два четырехугольных «гнезда» (12×16×20 *см*), в которых трубы не соединялись друг с другом. «Гнезда», тщательно оштукатуренные внутри и прикрытые сверху одним кирпичом, были расположены на расстоянии 2,25 *м* и, по всей вероятности, служили для прочистки труб.

Полностью выявить водовод не удалось, так как стенки около чанов сильно разрушены в верхней части. Одно колено трубы вело в *XIV* помещение с наклонным полом и ступенькой. В этом помещении на разрушенной кирпичной вымостке пола значительно позже был устроен простой очажок (*XV*), около которого были найдены зерна пшеницы, просверленные раковины с сургеа moneta и крупные голубые глазурованные фаянсовые бусины. Раковины и бусины обычно служили ожерельем-амулетом на шее верблюдов. По-видимому, очажок был устроен проходившими погонщиками каравана верблюдов уже после разрушения ремесленного квартала.

XVII бассейн к юго-западу от восьмиугольного бассейна, по всей вероятности, служил для хранения воды, выявленная глубина его равнялась 1,4 *м*, но он видимо был еще глубже, длина 2.5 *м* ширина 1,2 *м*, таким образом в нем можно было сохранять свыше 4,2 $м^3$ воды. На высоте 85 *см* от его пола в северо-западной стене было отверстие для вводной трубы водовода из 11 колен труб, уложенного в возведенной для этого кирпичной кладке. Вода в водовод (*XX*) поступала из узкого отвода канала, устроенного выше более раннего канала (*XXI*). В юго-западной стене *XVII* бассейна на высоте 90 *см* от пола было отверстие для выводной трубы другого водовода (*XIX*), от которого сохранилось несколько колен труб. Этот водовод шел резко под уклон и для него в более ранней кирпичной стене, расположенной неподалеку, было грубо пробито отверстие, уровень которого был на 70 *см* ниже отверстия выводной трубы в *XVII* бассейне. Видимо, при помощи этого водовода уходила вода из *XVII* бассейна, чтобы ее излишки не переливались.

Другие стены этого бассейна были разрушены, и где была устроена труба, через которую вода шла по водоводу в чаны, установить не удалось. Около *XVII* бассейна сохранился оштукатуренный пол и незначительных размеров кладка стен четырехугольного небольшого чана или бассейна, сооруженного раньше, так как этот пол был использован для укладки на нем части еще одного водовода (*XVIII*), шедшего в направлении с востока на запад и несвязанного с другими водоводами и бассейнами второго комплекса сооружений.

Стены *XXXI* бассейна, соединявшегося с *XXX* чаном, полностью не сохранились, но по выявленным остаткам кладок возможно, что он был связан с каналом (*XXXIV*), расположенным к северу от восьмиугольного бассейна, от которого шел небольшой отвод в сторону *XXXI* бассейна. В *XXXII* помещении около стен были выявлены остатки оштукатуренного пола, а в середине земля красноватого цвета, такая же, как и между *VI—IX* чанами. Стены соседнего, *XXXIII* бассейна, выявленного неполностью, сохранились частично; северо-западная, толщиной 40 *см*, сохранилась высотой до 1 *м*, а юго-восточная, толщиной 22 *см*, служила общей стеной для *XXXII* и *XXXIII* помещений и сохранилась в высоту до 30 *см*.

Первая группа сооружений была расположена немного глубже в земле чем вторая, и больше разрушена. Наличие на разрушенном полу между *VI* и *IX* чанами глиняного круглого очажка (*XII*) с керамической трубой для доступа воздуха позволяет считать сооружение первой группы построек раньше, чем второй, связанной с восьмиугольным бассейном.

Оба комплекса были сооружены в XII—XIII вв., что хорошо подтверждается находками характерной для этого времени глазурованной

полихромной керамики, с гравированными рисунками[3] и монетами атабеков ильдегизов Абу-Бекра (1191—1210) и Узбека (1210—1225)[4].

Назначение описанных выше сильно разрушенных комплексов не вполне ясно. При взгляде на план восьмиугольного бассейна и связанных с ним построек может возникнуть мысль о том, что это развалины бани. Такое мнение высказывали некоторые азербайджанские археологи и архитекторы. Но подобное предположение очень быстро отпадает, так как нигде в наружных стенах не было выявлено следов обогревательных каналов и отсутствовала топка, что является необходимым для здания бани. Размеры чанов площадью не превышают 1 *км*^{2}, также не соответствуют размерам помещений бань с центральным восьмиугольным залом[5].

Наличие водоводов из керамических труб, связывающих бассейны и чаны и таким образом позволяющих их промывать, наталкивают на мысль о том, что это был комплекс сооружений производственного назначения, где происходил процесс, требующий систематической промывки чанов и бассейнов.

В археологической и этнографической литературе мы не встретили сведений о подобном памятнике. Некоторые соображения об устройстве отдельных помещений возникли при изучении виноделен Крыма и Средней Азии. Мы указывали, что штукатурка, которой были обмазаны стенки и полы некоторых бассейнов (*II*, *XII*, *XXXI*, *XXXIII*), колодцеобразных углублений (*I*, *IV*) и помещений с наклонным полом (*V*, *XIV*), была розоватого цвета.

В Херсонесе Г. Д. Белов открыл четырехугольные винодельни II—IV и IV—VI вв., полы и стены которых были оштукатурены розоватым раствором известки с примесью мелко толченной цемянки. По мере износа обмазка раствором возобновлялась. Г. Д. Белов выявил до шести-семи слоев такого раствора[6].

Устройство давилен рядом с чанами или цистернами также наблюдалось в Херсонесе. *V* и *XIV* помещения с наклонным и ступенчатым полом похожи на давильни для вина VII—VIII вв., выявленные в Пянджикенте[7].

Расположение гончарных печей и неподалеку от них давилен для вина, а также остатки водоводов из керамических труб были обнаружены в Киргизии в рабадах средневековых городов Сарыга и Сулука, датируемых XI—XII вв.[8].

Тщательная многократная штукатурка стен и полов помещений и чанов рассматриваемых построек, наличие водоводов для их промывки, остатки извести на полу *XXV* чана, очажок рядом с комплексом восьмиугольного бассейна позволяют высказать предположение о том, что описанные сооружения могли быть остатками производства для изготовления изделий из фруктов и их соков (винограда, граната, инжира и др.).

Арабские авторы X в. Ибн-Хаукаль и Ал-Истахри говорят о богатых садах Байлакана[9]. Ал-Макдиси отмечал, что в Байлакане выделы-

[3] А. Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Оренкала). МИА, 67, 1959, стр. 254—256, группа 7А, стр. 262—264, группа 7В.

[4] Монеты из раскопок 1959—1964 гг. определены науч. сотр. Музея истории Азербайджана А. В. Рагимовым.

[5] Бани с восьмиугольными помещениями на Апшероне выявлены в сел. Балаханы XIV в. Маштаги XVII в. И. П. Щеблыкин. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943, стр. 32.

[6] Г. Д. Белов. Херсонесские винодельни. ВДИ, 1952, 2, стр. 227, 230, 232.

[7] О. Г. Большаков и Н. Н. Негматов. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 190.

[8] А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции Чуйская долина. МИА, 14, 1950, стр. 20, 28, 43—44, 90, 93—94, 97.

[9] Ибн-Хаукаль. СМОМПК, XXXVIII, 1908, 1, стр. 85—92; Ал-Истахри. СМОМПК, XXIX, 1901, 1, стр. 18—19.

вали отличные сладости [10]. В анонимном географическом сочинении XIII в. говорится о том, что в числе товаров города Байлакана были хорошие гранаты и виноград [11]. Эти сведения также могут подкрепить мнения о том, что раскрытые сооружения принадлежали производству по изготовлению изделий из фруктов (дошаба, бекмеза [12], варений, других сладостей) или вина. Восьмиугольный бассейн мог служить давильней. В чанах отстаивался сок ягод, их могли держать в известковом растворе до варки, что и теперь делают в Азербайджане при изготовлении варений из инжира и других ягод. На очажке в котлах варили ягоды и выварили до необходимой густоты соки. Чаны и бассейны, связанные с таким производством, должны были тщательно промываться, для чего и была устроена в кладках стен система водоводов из керамических труб.

В *XXXI* бассейне был найден бронзовый четырехугольный щиток от перстня с надписью арабскими буквами «Аллах Мухамед». Надпись содержала либо имя владельца печати Мухаммеда, раба Аллаха, или обращение к богу и его пророку Мухаммеду для благословления в делах владельца перстня [13]. Не исключено, что перстень принадлежал владельцу производства по изготовлению изделий из фруктов, сооружения которой отнесены нами ко второму, более позднему комплексу.

Назначение двух колодцеобразных взаимосвязанных углублений (*I—IV*), относящихся к первому комплексу, пока неясно. Чаны *III, VI—IX* могли служить отстойниками. Помещение *V* с наклонным ступенчатым полом могло быть давильней. Бассейн *II*, судя по размерам, скорее всего использовали для хранения воды. Кирпичные стены около *XVIII* и *XIX* водоводов сооружены были раньше второго комплекса сооружений, так как кладка, на которой лежит *XX* водовод, разрушила кирпичную северо-западную стену и на западном ее углу сохранились следы раствора, в котором были уложены трубы *XVIII* водовода, также несвязанного с более поздним комплексом сооружений производства для изготовления изделий из фруктов. Назначение этих стен также неясно.

Описанные сооружения, как и весь незащищенный рабад на юго-западной окраине, сильно пострадали во время нашествия монголов, разрушивших Байлакан в 1221 г. [14] Несмотря на возведение Тимуром новых стен на территории города, окружавших сохранившуюся его часть [15], рабад на юго-западной окраине не был восстановлен. На его месте образовалось кладбище с небольшими мавзолеями. Устройство могил и сооружение надмогильных мавзолеев на кладбище, выявленном в верхнем слое, еще больше способствовало разрушению производственных сооружений.

Мавзолеи и обкладка могил сложены из кирпичей, которые оставались в кладках разрушенных сооружений. Судя по декору найденных обломков арки входа в мавзолей глазурованными трехугольными, четырехугольными и трапециевидными плитками-вставками белого, голубого и черного цветов, а также по обнаруженным в верхнем слое монетам, чеканенным хулагуидами [16] и правителями династии Ак-коюнлу [17], можно полагать, что кладбище образовалось во второй четверти XIII в. и просуществовало до конца XV — начала XVI в.

---

[10] Ал-Макдиси. СМОМПК, XXXVIII, 1908, 1, стр. 9.

[11] Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Уч. зап. ИВАН, IX, М.— Л., 1954, стр. 202.

[12] Меда из сока винограда или тута.

[13] Надпись на печати прочтена А. В. Рагимовым.

[14] Ибн-ал-Асир. Тарих-ал-Камил, XII, 158, перев. под ред. А. А. Климова. Баку, 1940, стр. 140.

[15] Г. М. Ахмедов. О «Тимуровской стене» города Байлакана. СА, 1964, 1, стр. 273—278.

[16] Монеты хулагуидов чеканены в Тебризе от имени Абу-Саида (1316—1335).

[17] Монеты правителей династии Ак-коюнлу чеканены от имени Якуба (1479—1490).

М. Н. ФЕДОРОВ

ФЕРГАНСКИЙ КЛАД КАРАХАНИДСКИХ ДИРХЕМОВ 1034—1043 гг.

В 1940 г. на строительстве Северо-Ферганского канала (участок 7, пикет 56), на глубине 1,5—2 *м* был обнаружен клад из 243 целых и ломаных караханидских монет [1]. Находка была доставлена Т. Г. Оболдуевой, осуществлявшей археологический надзор на строительстве канала. В состав клада входят 242 низкопробных дирхема и 1 медный фельс. Сохранность монет оставляет желать лучшего, однако из 243 был определен 141 экземпляр. Остальные (по преимуществу обломки) определению не поддаются. По своему составу клад довольно однороден: 98% общего количества определенных монет составляет чекан Касана и Ахсикета и только три монеты принадлежат к чекану Узгенда, Ферганы и Ходжента.

Для удобства изложения сведения о составе клада, а также метрические данные монет и монетных обломков, поддающихся определению, сведены в табл. 1—3.

В кладе представлен чекан пяти городов. Монеты Касана и Ахсикета выбиты правителем с лакабом Моиз ад Доуле и куньей Абу-л-Музафар. В 427/1035—6 г. и 428/1036 — 7 г. он признавал себя вассалом Кадыр Хана, а с 430/1038—9 г. чеканил монету как независимый правитель. Фельс Ферганы выпущен от имени Насра б. Али; дирхем Узгенда выбит Азд ад Доуле Кич Тегином на правах вассала Кадыр Хана и дирхем Ходжента чеканен правителем Айн ад Доуле вассалом старшего сына Кадыр Хана — Арслан Хана II. Три обломка монет не сохранили ни даты, ни наименования места чекана, но имеют титулатуру правителя, от имени которого они выбиты: Тига Тегин и Тига Хан. И, наконец, один обломок монеты сохранил титул Султан ад Доуле; известно, что во второй четверти XI в. такой титул носил правитель Шаша и Тараза, второй сын Кадыр Хана — Богра Хан II [2].

Благодаря обилию нумизматического материала удалось провести полную реконструкцию штампов монет почти всех типов, за небольшим исключением. Например, не удалось восстановить первоначальный облик монет, битых в Касане в 427 г. х.

Описание монет клада откроем чеканом Ахсикета. Ахсикет 428 г. х. Л. ст. В поле в ободке из двух линейных кругов (в дальнейшем — л. к.):

Таблица 1

Состав клада

Город	Металл монет	Всего монет	Число монет по годам Хиджры									
			396	422	427	428	430	431	432	433	434	4..
Ахсикет	Серебро	53	—	—	—	5	4	12	5	8	—	19
Касан	Серебро	85	—	—	1	—	3	10	8	26	—	37
Узгенд	Серебро	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Фергана	Серебро	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ходжент	Медь	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—

[1] Уточненные данные о месте и времени находки клада мне любезно сообщила Т. Г. Оболдуева. Пользуюсь случаем, чтобы выразить ей свою признательность. Клад хранится в Институте истории и археологии АН УзССР.

[2] А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 261, № 433.

Таблица 2

Метрические данные монет касана

Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см
427	1,45	—×	433	3,93	2,7	433	3,87	2,7	4..	3,5	2,6
430	3,45	2,6		4,03	2,6		3,9	2,7		2,24	2,6×
	3,38	2,7		3,9	2,8		3,07	2,6×		3,73	2,6
	1,9	—×		4,37	2,6		3,4	2,7		1,05	—×
431	3,5	2,6		3,23	2,6	4..	3,85	2,7		1,25	—×
	4,25	2,7		3,7	2,6		3,6	2,7		2,25	2,6×
	3,55	2,7		3,4	2,7		3,77	2,7		2,4	2,6×
	3,45	2,7		3,53	2,7		3,93	2,7		1,35	—×
	3,5	2,6		3,33	2,6		4,17	2,6		3,59	2,6
	2,8	—×		3,87	2,7		4,6	2,7		1,75	—×
	3,3	2,6		3,64	2,7		3,33	2,7		3,93	2,7
	3,6	2,6		3,97	2,6		2,75	—×		3,95	2,7
	4,2	2,6		3,85	2,7		3,77	2,7		3,7	2,6
	4,2	2,6		4,23	2,6		3,57	2,7		2,55	2,6×
432	3,45	2,7		4,1	2,6		3,67	2,7		2,5	2,6
	1,75	—×		1,67	—×		3,93	2,7		1,75	—×
	2,85	2,7		3,9	2,6		3,45	2,7		1,2	—×
	3,75	2,7		3,65	2,7		3,48	2,7		0,9	—×
	3,65	2,6		3,9	2,7		4,37	2,6		3,87	2,6
	3,8	2,6		3,85	2,7		3,13	2,7			
	3,95	2,7		3,75	2,7		3,85	2,6			
	3,45	2,6		4	2,7		3,59	2,7			

Примечание. Здесь и в следующей таблице знаком «х» обозначаются ломаные монеты, знаком «—» обозначаются монеты, диаметр которых нельзя определить.

Таблица 3

Метрические данные монет Ахсикета, Узгенда, Ферганы и Ходжента

Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см	Год	Вес, г	Диаметр, см
	Ахсикет										
428	3,73	2,6	431	3,4	2,7	433	2,1	—×	4..	3,75	2,6
	1,42	2,5×		4,1	2,7		3,5	2,7		3,4	2,6
	2,6	2,7×		3,9	2,7		3,8	2,7		3,8	2,7
	2,35	2,6×		3,6	2,7		3,4	2,7		4,25	2,6
	1,6	2,6×		4,23	2,6	4..	3,7	2,7		4,3	2,6
430	3	2,7×		4,25	2,6		3,8	2,7		1,35	—×
	4,25	2,6	432	4,26	2,7		4,2	2,6		1,15	—×
	3,75	2,6		3,95	2,7		3,25	2,7		Узгенд	
	1,85	2,6×		4,2	2,7		2,8	2,6×	422	3,8	2,55
431	3,7	2,6		4,05	2,7		1,6	—×		Фергана	
	3,3	2,6		2,3	2,7×		1,4	—×	396	2,55	2,8
	3,7	2,6	433	3,4	2,6		2,05	—×		Ходжент	
	3,4	2,7		3,85	2,6		2,1	2,6×	434	4,05	2,7
	4	2,6		1,95	2,6×		1,3	—×			
	2,7	2,6×		2,17	2,6×		1,7	—×			
							2,87	2,6×			

В круговой легенде 33 стих IX суры корана:
لحق ليظهره على ى و دين بالهدمحد مرسول اللهارسلهالد ين كله و لوكره دالمشركون
Об. ст. В поле: ر/لااله‌الا/ الله وحده/لاشريك له/خاقان
По сторонам легенды в поле квадратом размещены выпускные сведения:
بسم اللهضر/ بهذاالدرهم/ باحسكت سنه ثمان/ و عشرين‌و اربعمايه

Ахсикет 430 г. х. Л. ст., как у монет Ахсикета 428 г. х., над круговой легендой по краю монеты идет ободок из 1 л. к.
Об. ст. В поле: عادل /لااله‌الا//لله‌احد/لاشريك‌له/٥اجل
По сторонам легенды в поле выпускные сведения:
سم الله ضر/بهذاالدرهم /با حسكت‌سنه / ثلثين واربع‌مايه

Ахсикет 431 г. х. Л. ст. монет 431 г. х. не отличается от монет 428 и 430 г. х. ничем, кроме даты, не отличается от об. ст. монет 430 г. х.

Ахсикет 432 г. х. Монеты Ахсикета 432 г. х. по размещению и содержанию легенд ничем, кроме даты, не отличаются от монет 430 г. х.

Ахсикет 433 г. х. Л. ст. В поле в ободке из 2 л. к.:
لله / محمد رسول الله / القايم بامر الله / الامير / الاجل معز الدوله / ملك
В круговой легенде 33 стих IX суры корана. Об. ст. монет 433 г. х., за исключением даты, обычно такая же, как и у монет Ахсикета 430 г. х. Иногда же на об. ст. над легендой в поле вместо слова عادل слово عدل, а слово /جل, помещенное под легендой в поле, опускается.

Чекан Касана. Касан 430 г. х. Л. ст. В поле в ободке из 2 л. к.:
لله / محمد رسول الله / القايم بامر الله معز/الدوله ابو المظفر/ملك
В круговой легенде 33 стих IX суры корана; над легендой по краю монеты идет ободок из 1 л. к. и отходящих вверх от него коротких прямых насечек.
Об. ст. В поле: / لااله‌الا / الله وحده / لاشريك‌له
По сторонам легенды в поле квадратом размещены выпускные сведения:
بسم‌الله ضر / بهذاالدرهم / بكاسان سنه / ثلثين واربع‌مايه
Касан 431 г. х. Содержание и размещение легенд на монетах 431 г. х. такое же, как и на дирхемах 430 г.х. Разница лишь в том, что на л. ст. над круговой легендой ободок из 1 л. к. с прямыми насечками, отходящими не вверх, а вниз от линейного круга, и на об. ст. дата 431, а не 430 г. х.

Касан 432 г. х. Л. ст. В поле в ободке из 2 л. к.:
لله / محمد رسول الله / القايم بامر الله الامير/الاجل معز الدوله / ملك
В круговой легенде 33 стих IX суры корана, по краю монеты идет ободок из 1 л. к. с отходящими вверх насечками.

Размещение и содержание легенд об. ст. такое же, как на монетах 430 и 431 г. х., за исключением даты.

Касан 433 г. х. Среди монет этого года можно выделить два типа. Монеты первого (очевидно, более раннего) типа ничем, кроме даты, не отличаются от монет 432 г. х. Монеты второго типа отличаются от предыдущих тем, что на об. ст. в поле, над легендой, помещено слово عادل

Итак, на монетах Касана 430 и 431 г. х. титулатура правителя дана в следующем варианте: معز الدوله ابو المظفر ملك В 432 г. х. титулатура становится более пышной: الامير الاجل معز , а в 433 г. х. на монетах Касана появляется новый эпитет правителя — عادل — «правосудный». На монетах Ахсикета 428 и 430—432 г. х., титулатура правителя — معز الدوله ابو المظفر ملك, и лишь в 433 г. х. появляется новый, более пышный вариант, введенный за год до этого на монетах Касана: الامير الاجل معز الدوله ملك Слова عادل — «правосудный», اجل — «превосходный» и حق — «истинный, справедливый», появившиеся на монетах Ахсикета с 430 г. х. и Касана с 433 г. х.— это почетные эпитеты, принадлежащие, очевидно, Аббасу бен Ибрахиму Моиз ад Доуле.

В 427 и 428 г. х. Моиз ад Доуле выступает как вассал Кадыр Хана, а с 430 г. х. как в Ахсикете, так и в Касане чеканит монету как независимый правитель.

Узгенд 422 г. х. Л. ст. В поле в ободке из 2 л. к.:
لله / محمد رسول الله / القادر بالله ناصر الحق / ملك المشرق قدرجان / كيچ تكين
В круговой легенде 33 стих IX суры корана. Об. ст. В поле:
عهد / لااله‌الا / الله وحده / لاشريك‌له / الدوله
По сторонам легенды в поле размещены выпускные сведения:
بسم الله ضر / بهذاالدرهو / باوزكند سنه اثنى / و عشرين واربع‌مايه
Здесь правитель Азд ад Доуле Кич Тегин выступает как вассал Кадыр Хана.

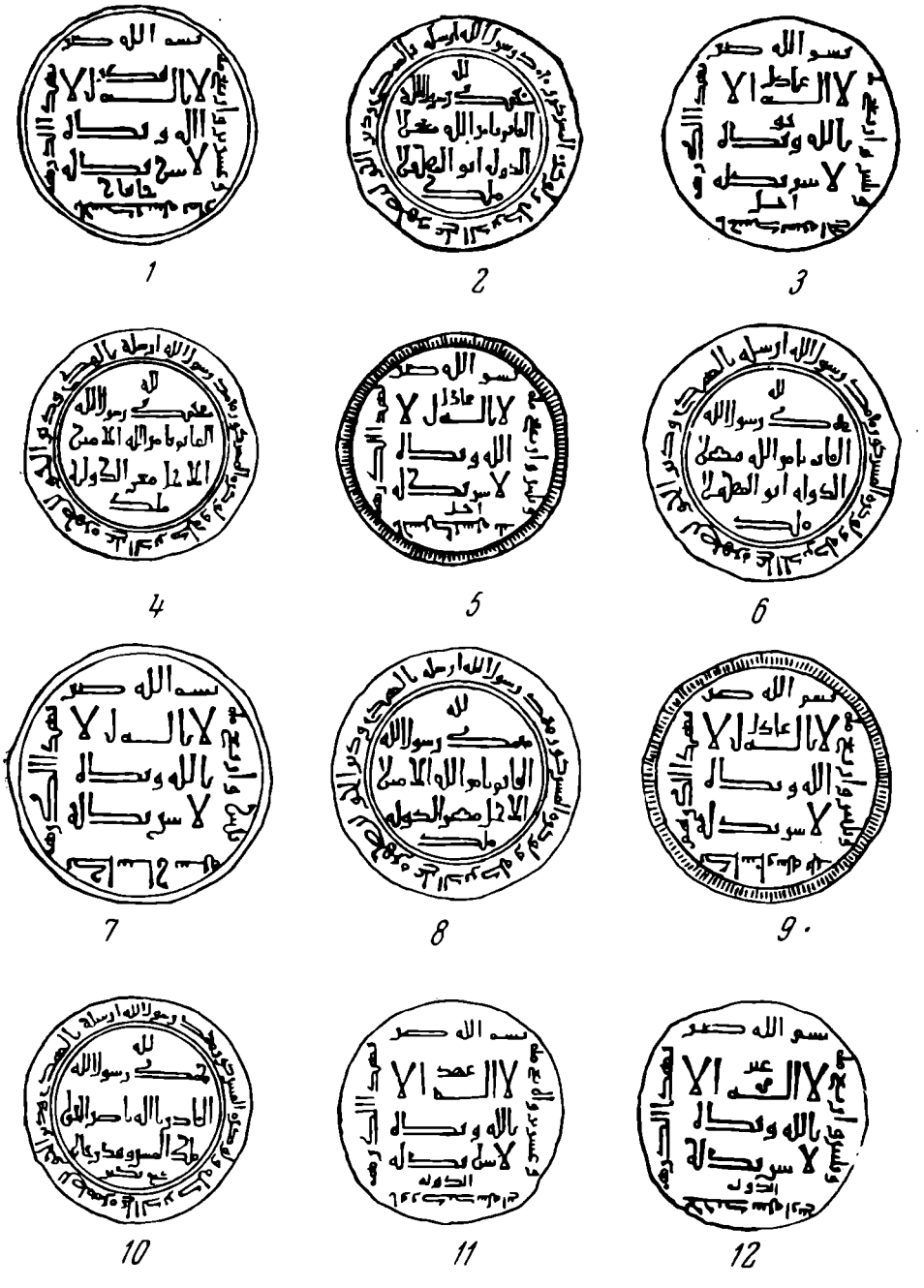


Рис. 1. Реконструкция штампов монет

1 — Ахсикет 428 г.х.— реверс; *2, 3* — Ахсикет 431 г.х.— аверс и реверс; *4, 5* — Ахсикет 433 г.х.— аверс и реверс; *6, 7* — Касан 430 г.х.— аверс и реверс; *8, 9* — Касан 433 г.х.— аверс и реверс; *10, 11* — Узгенд 422 г.х.; *12* — Ходжент 434 г.х.— реверс

Фергана 396 г. х. Л. ст. В поле в ободке из одного линейного и одного точечного круга: لله / محمد رسول الله / نصر بن علی / ایلک Круговая легенда: مما امر به الامیر المؤید العدل نصر بن علی Над круговой легендой по краю монеты идет ободок и 2 л. к. Об. ст. В поле в точечном ободке: لا اله الا / الله وحده / لا شریک له / Внешняя круговая легенда не сохранилась; во внутренней размещены выпускные сведения: بسم الله ضرب هذا الفلس بفرغانه سنه ست و تسعین و ثلثمایه Монета бита Насром б Али — основателем Караханидского государства в Мавераннахре.

Ходжент 434 г. х. Л. ст. В поле:

لله / محمد رسول الله / القایم بامر الله الملک / الاعدل ارسلان / خان

В круговой легенде 33 стих IX суры корана. Об. ст. В поле:

عین / لا اله الا / الله وحده / لا شریک له / الدوله

Выпускные сведения размещены по сторонам легенды в поле:
بسم الله ضر/ بهذا الدرهم/ بجند سنه اربع/ وثلثين و اربعمايه
Монета бита правителем Айн ад Доуле на правах вассала Арслан Хана II.

Описанный нами клад вместе с другими известными материалами дает интересные данные к истории Ферганы второй четверти XI в. Прежде всего встает вопрос о том, кто был правитель, носивший лакаб Моиз ад Доуле. Первоначально автор этих строк высказывал предположение о том, что этот лакаб мог принадлежать на определенном этапе Айн ад Доуле Мухаммаду б. Насру [3]. Однако дальнейшее изучение вопроса и поступление новых материалов позволило автору пересмотреть высказанное ранее предположение. В северной надписи из Варухского ущелья, датируемой первым вторником месяца Джумада Первого, 433 г. х. (29 декабря 1041 г.) правитель Моиз ад Доуле Арслан Тегин Абу-л-Фазл ал Аббас сын Мовейд ал Адля Илека сына эмира Насра сына Али Сейид Хана выступает как владетель Исфары. В настоящее время автор полностью согласен с мнением Б. А. Литвинского, который весьма убедительно показал, что из двух сыновей Насра б. Али отцом Моиз ад Доуле мог быть только Ибрахим б. Наср [4]. Таким образом, правителем, носившим лакаб Моиз ад Доуле, был Аббас б. Ибрахим б. Наср.

В летописях, сохранившихся от того периода, об Аббасе не приводится никаких сведений; однако нумизматический материал позволяет восстановить этот пробел в истории Ферганских караханидов второй четверти XI в. Впервые лакаб Аббаса появляется на монетах Ахсикета в 417 г. х. Здесь Моиз ад Доуле выступает как вассал правителя Туган Хана II[5]. Дело в том, что к 417/1026—7 г. правитель восточного Туркестана Кадыр Хан Юсуф и его сыновья вытеснили Туган Хана II из его удельной вотчины — Семиречья. Последний, отступив в Фергану, захватил Ахсикет, который незадолго до этого, в 415/1024—5 г., перешел в руки старшего сына Насра б. Али — Мухаммада, имевшего лакаб Айн ад Доуле [6]. Очевидно, чтобы придать своим действиям законный характер, Туган Хан II помещает на своих монетах лакаб Моиз ад Доуле, выступая как сюзерен и опекун Аббаса б. Ибрахима, который, будучи внуком Насра б. Али, также имел законное право на Ахсикет. Примерно год спустя Туган Хан II погиб. При каких обстоятельствах это произошло? В «Истории Мас'уда», написанной очевидцем событий второй четверти XI в. Абу-л-Фазлом Бейхаки, имеется одна очень важная и интересная фраза, почему-то выпавшая из поля зрения некоторых востоковедов. В летописи года 428 сообщается, что в 416 г. х. состоялось сватовство второго сына Кадыр Хана — Яган Тегина, который просил у Махмуда Газневидского руки его дочери Зейнаб и помощи для завоевания Бухары и Самарканда, находившихся в руках брата Туган Хана II — Али Тегина. Однако Яган Тегину было отказано в военной помощи под тем предлогом, что Махмуд готовил поход на Индию. Разобиженный Яган Тегин вернулся восвояси. Далее Бейхаки пишет, что после неудачного сватовства Яган Тегина произошло «наше (т. е. газневидов) возвращение из похода (в Индию), захват ими (т. е. Кадыр Ханом и его сыновьями) Ханства (имеется в виду ханство Туган Хана II— Семиречье, откуда он был вытеснен в 417 г. х.) и пришествие Кадыр Хана и его сыновей на войну с Али Тегином, когда его брат

---

[3] М. Н. Федоров. К истории Караханидов второй четверти XI в. Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1965, 3, стр. 53.
[4] Б. А. Литвинский. Северная надпись в Варухском ущелье. КСИИМК, 61, 1956, стр. 116—119.
[5] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 246, № 352.
[6] Там же, стр. 245, № 347.

Туган Хан пал» [7]. Таким образом, с помощью Бейхаки нам удалось установить, что укрепившийся в Ахсикете Туган Хан и его брат и союзник Али Тегин подверглись нападению со стороны Кадыр Хана и его клана и что в одном из сражений Туган Хан был убит. К сожалению, дата этого события в летописи не указана. Однако нумизматический материал позволяет нам точно установить эту дату и вот каким образом: в 417 и 418 г. х. Моиз ад Доуле выступает на монетах Ахсикета как вассал Туган Хана [8] и в том же 418 г. х. в том же Ахсикете Моиз ад Доуле выступает как вассал правителя Тангач Каана Илека [9]. Этот титул (Тангач или Тафгач), как нам удалось доказать, принадлежал брату Туган Хана — Али Тегину [10]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что гибель Туган Хана произошла где-то в середине 418/1027—8 г., и что Моиз ад Доуле остался лоялен правящему дому, к которому принадлежали Туган Хан II и Али Тегин. Именно то, что Аббас остался вассалом брата Туган Хана, подтверждает, что смена сюзерена была вызвана смертью Туган Хана. Если бы Аббас стал вассалом Кадыр Хана, можно было бы сказать, что в результате поражения коалиции Али Тегин — Туган Хан Ахсикет перешел к Кадыр Хану или Моиз ад Доуле сменил политическую ориентацию. Наоборот, тот факт, что Аббас остался лояльным дому Али Тегина, говорит что, несмотря на гибель Туган Хана, агрессия Кадыр Хана не принесла ему в 418 г. х. желаемых результатов, и Ахсикет остался в сфере влияния Али Тегина.

Однако позже, в 420 г. х., политическая обстановка в Фергане изменилась в пользу Кадыр Хана. Моиз ад Доуле, оставаясь правителем Ахсикета, признал себя вассалом последнего [11].

В 423 г. х. Моиз ад Доуле владеет Касаном на правах вассала правителя Мелика сына ملكان [12]. Кто такой ملكان? В 415 г. х. правитель Ахсикета Айн ад Доуле выступает как вассал Танфадж (т. е. Тангадж) [13] Каана ملكان. Мы уже установили, что Тангач Каан — это титул Али Тегина. Значит, слово ملكان , находящееся в прямой и непосредственной связи с титулом Тангач Каан, является одним из неизвестных (очевидно, тюркских) имен или почетных прозвищ Али Тегина. Следовательно, Мелик сын ملكان — это сын Али Тегина. Итак, в 423 г. х. Моиз ад Доуле нашел себе нового покровителя, принадлежавшего к тому же дому, что и Туган Хан II. Дело в том, что в 423 г. х. Кадыр Хан умер, а правитель Узгенда Кич Тегин Айн ад Доуле Мухаммад б. Наср (дядя Моиз ад Доула), воспользовавшись этим, начал проводить независимую и экспансивную политику. Опасаясь и, очевидно, не без оснований, за судьбу своих владений, Моиз ад Доуле прибегает к помощи правителя Мелика сына ملكان, признавая его своим сюзереном.

Нам неизвестно, удалось ли Айн ад Доуле Кич Тегину захватить Ахсикет в 423 г. х., во всяком случае в 427 /1035—6 г. Ахсикет принадлежал ему, и он чеканил там монету на правах вассала покойного Кадыр Хана [14]. Прием вообще-то не новый: признавая себя вассалом покойного Кадыр Хана, Кич Тегин избегал необходимости признавать себя вассалом кого-то из его наследников и, оставаясь фактически независимым, сохранял в то же время видимость лояльности к правящему дому.

---

[7] Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда. Пер. А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 466.

[8] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 246, № 352—353.

[9] Там же, стр. 247, № 357—358.

[10] М. Н. Федоров. К истории Караханидов второй четверти XI в. ... стр. 51.

[11] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 250, № 373.

[12] Там же, стр. 251, № 380.

[13] Тамгач или Тамгадж, Табгач, Тангач и даже Танфадж — это все разночтения одного и того же титула, который, будучи выбит на монетах без диакритических знаков, неизбежно влечет за собой ряд разночтений.

[14] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 253, № 385.

Клад, описанный выше, дает нам возможность продолжить историю Моиз ад Доуле до 433 г. х. В 427 г. х. он продолжает удерживать Касан, также выступая в качестве вассала покойного Кадыр Хана, т. е. фактически оставаясь самостоятельным. Трудно сказать, какими путями, но в 428/1036—7 г. Ахсикет снова оказался в руках Моиз ад Доуле.

В 429/1037—8 г. из плена от сыновей Али Тегина бежит отец Моиз ад Доуле Аббаса — Ибрахим б. Наср (впоследствии Ибрагим Тамгач Хан, правивший Мавераннахром до 460/1067—8 г.). Сначала он находит убежище в Фергане, но затем, под давлением своего брата Айн ад Доуле Мухаммада, вынужден был бежать в страну Кумиджиев.

Очевидно, Моиз ад Доуле так или иначе помогал отцу, и бегство Ибрахима б. Насра в Кумед должно было отразиться на положении его сына. Нам не известно ни одной монеты Моиз ад Доуле, битой в Касане или Ахсикете в 429 г. х. Естественно, напрашивается вывод, что Моиз ад Доуле либо ушел с отцом, либо остался в своих владениях, но положение его было таково, что он не рискнул выпускать монеты на правах независимого правителя.

Уйдя в Кумед, Бури Тегин Ибрахим б. Наср в скором времени захватил с помощью Кумиджиев Чаганиан и начал вооруженную борьбу с сыновьями Али Тегина, отец которых узурпировал в свое время Бухару и Самарканд. В 430 г. х. Ибрагим нанес своим противникам несколько поражений и отобрал у них значительную часть Мавераннахра. В 431 г. г. х. он чеканил монету в Кеше[15], а в 433 г. х.— уже в Бухаре[16]. Таким образом в 430 г. х. Бури Тегин представлял собой уже значительную политическую силу, с которой Айн ад Доуле вынужден был считаться. Этим объясняется тот факт, что с 430 г. х. Моиз ад Доуле Аббас сын Ибрагима снова начинает чеканить монету в Касане и Ахсикете, но уже в качестве независимого правителя. Надпись из Варухского ущелья позволяет нам утверждать, что в 433 г. х. Моиз ад Доуле, помимо Касана и Ахсикета, владел также и Исфарой. Дальнейшая судьба Аббаса б. Ибрагима Моиз ад Доуле нам пока неизвестна. Что касается Айн ад Доуле, то он в 434 г. х. еще был жив и владел Ходжентом.

Итак, клад дирхемов Северо-Ферганского канала вместе с другими нумизматическими материалами позволил нам прочитать еще одну страницу из истории Ферганских караханидов второй четверти XI в.

---

[15] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 255, № 396.
[16] Там же, стр. 256, № 399.

Н. В. ПЯТЫШЕВА

ВОСТОЧНЫЕ ШЛЕМЫ С МАСКАМИ В ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЕ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В Оружейной палате хранятся два шлема с масками, получившие в литературе название монгольских шлемов.

По описи 1677 г. в Оружейной палате числились два шишака с масками-личинами: 1) «Шапка железная с личиной, а шапка и личина золочена, попорчена. Цена восемь рублев» (рис. 1, *а*, *б*) [1]. 2) «Шапка железная латная с личиною, да наплечье. А та шапка и личина и наплечье золочены. Цена пять рублев» (рис. 2) [2].

---

[1] Древности Российского Государства. М., 1853, III, стр. 24, рис. 21 и 58.

В описях XVIII в., начиная с 1701 г., упоминались уже три шлема с масками-личинами. В пожаре 1737 г. все они сильно пострадали: сошла обильная позолота, отмеченная в 1677 г., стерлись чеканные орнаменты, у масок оказались порванными носы, утеряны щеколды, которыми маски прикреплялись к шлемам и т. д. В описи 1746 г. появляется отметка —

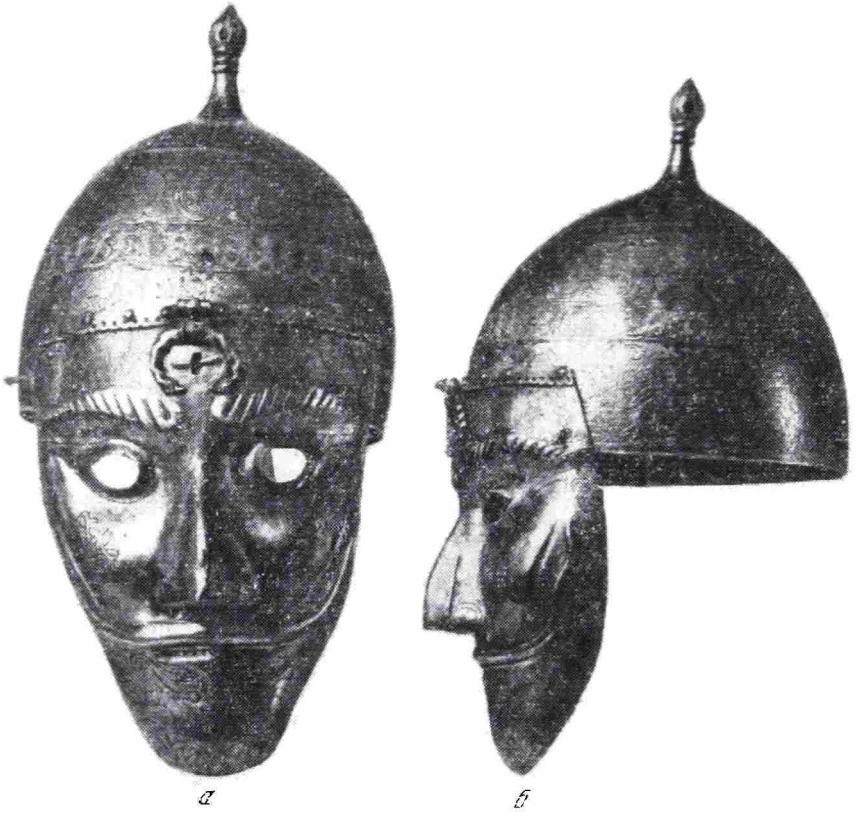


Рис. 1. Шлем с маской из Оружейной палаты № 4404

«погорела». Особенно сильно пострадала маска, позднее первых двух поступившая в Оружейную палату. В описи 1884 г., дословно повторявшей более ранние описи XVIII и начала XIX в., они названы «шеломами монгольскими с личинами XVI века» [3]. В этой описи впервые дан перевод арабской надписи, вычеканенной вокруг навершия шлемов. В надписях по-арабски написаны имена Аллаха: «Милосердный, Зиждитель, Владыко и Прибежище Мира». Очевидное несоответствие определения шлемов как «монгольские» в смысле Монголия и наличие на них арабской мусульманской надписи заставило сотрудника Оружейной палаты Вельтмана сделать примечание на полях описи, изданной в 1853 г. [4], что «шлем заключает в круге под шишкою арабскую, а не монгольскую надпись».

Шлем с маской под № 4404 был представлен на Мюнхенской выставке 1910 г. с этикеткой «Монголия, середина XVI века» [5]. Ныне в Оружей-

---

[2] Там же, III, стр. 24.

[3] Опись Московской Оружейной Палаты. III, 2. М., 1884 (с рукописными примечаниями, сделанными директором Оружейной палаты Д. Д. Ивановым). Рисунки и описи, табл. 342. Эта же маска имеется в описи 1701 г., л. 241, 2, в описи 1711 г., л. 319, 23. В описи 1727 г. л. 307, 22. В описи 1746 г. л. 393, 22 с отметкою «погорела». В описях 1763 и 1807 гг. не числится, а в реестре 1775 г. записана в числе погорелых шапок 23 и 153.

[4] Древности Российского Государства, III, стр. 24.

[5] Журнал «Старые годы», 1910, октябрь стр. 41. См. также: «München Ausstellung», 1910, стр. 230.

ной палате хранятся два шлема с масками под № 4404, 4405. Что касается третьей маски (по описи 1884 г. № 4406), то в 1873 г. она была передана в Артиллерийский музей в С.-Петербурге [6].

Привожу наше описание маски под № 4405. Размеры: ширина вверху (по краю лба) — 160 *мм*, внизу у бровей — 165 *мм*, общая длина 220 *мм*. Глаза миндалевидные, специально удлиненные врезанной линией от переносицы до висков. В выпуклом глазном «яблоке» сделаны отверстия длиной 27 *мм*, шириной 17 *мм*. Брови изогнуты широкой дугой, концы у висков слегка загибаются кверху. Лоб расчеканен растительным орнаментом, у верхнего края его сохранилась часть шарнира, скреплявшего маску со шлемом. Нос с горбинкой, внизу разорван по вертикали, носовые крылья обозначены врезанной линией, переходящей в растительные завитки, ноздри разделены перегородкой. Длина носа 65 *мм*.

Рис. 2. Шлем с маской из Оружейной палаты № 4405

Щеки впалые. Худоба их подчеркнута обтянутыми скулами, на которых вырезана виньетка, и узкой ложбинкой под ними длиной 65 *мм*, идущей от усов к вискам. Усы тонкие, длинные, загнутые кверху до висков. Рот под усами обозначен длинным, узким прямоугольным желобком, с вертикальными насечками, изображающими зубы. Длина рта 55 *мм*. Сквозного отверстия во рту нет. Подбородок длинный, плоский, орнаментально расчеканен. Длина 60 *мм*.

Шлем с гладкими краями без лицевого выреза. В отличие от навершия шлема № 4404, заканчивающегося трехлепестковым бутоном, навершие шлема № 4405 представляет собой срезанный сверху шпиль, опоясанный четырнадцатигранной обоймицей. Маска накладывалась поверх на нижнюю часть шлема и закреплялась на лбу. По бокам маски нет никаких отверстий для скрепления с бармицей. Маска и шлем выполнены в кованой технике с последующей детальной чеканкой и позолотой [7].

Все три маски сделаны по одному образцу и, за исключением разницы в орнаментальных деталях, очень похожи друг на друга. Ни одна из них не отличается индивидуальными чертами, но каждая дает представление об определенном этническом, отнюдь не монгольском, а тюркском типе, в котором чувствуется по изображению удлиненных к вискам глазниц известная примесь монголоидности, характерная черта для среднеазиатских тюрков в XIV—XVI вв.

Именно эта черта дала основание А. А. Бобринскому, первоиздателю железной кочевнической маски, найденной близ с. Рютмистровки на Украине, сравнить ее с масками Оружейной палаты и написать, что «эти три железные монгольские личины также сходны с моей маской» [8]. Однако,

---

[6] Опись 1884 г. явилась копией с предыдущей описи, но без сверки с описываемым предметом, так как в это время шишак и маска под № 4406 были уже переданы в Петербургский Артиллерийский музей, как о том свидетельствует особая запись. В примечании сказано: «Передан в С.-Петербургский Артиллерийский музей, см. отношение Московской Дворцовой конторы от 31 июля 1873 г. за № 3161».

[7] Должна выразить глубокую благодарность зав. отделом оружия Н. В. Гордееву и заместителю директора Оружейной палаты по науке В. Н. Иванову за большое содействие в работе по изучению фондов.

[8] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы: I, СПб., 1887, стр. 148.

маска из с. Ротмистровки представляет гораздо более монголоидный тип, чем маски Оружейной Палаты, и является в этом отношении исключением из всех четырех известных нам кочевнических масок, найденных на территории СССР [9].

Э. Ленц, издавая маску и шлем № 4404 (ошибочно дан № 4405), следует старому определению «монгольский» и дает без всякой аргументации новую дату — XV в. вместо принятой раньше — XVI в. [10]. Следом за ним А. Н. Кирпичников утверждает, что шлемы с масками были на вооружении монгольского войска и несколько таких наголовий XV в. хранятся в собрании Оружейной Палаты [11]. Ни один из авторов не приводит никаких доказательств в пользу такого утверждения.

Кроме типового этнического сходства, на масках Оружейной Палаты и на трех кочевнических масках, найденных в курганах у сел. Липовцы и Ковали в Поросье и на Херсонесском городище, имеются такие общие черты, как длинные загибающиеся кверху усы, горбатые носы, изображения зубов [12]. Известные нам четыре кочевнические маски принадлежали тюркам-половцам и бытовали в конце XIII — начале XIV в. [13]. Маски Оружейной палаты по времени позднее кочевнических масок, но могут вполне сравниваться с ними своими этническими чертами, определяющими в основном среднеазиатский тюркский тип. В современных инвентарных описях Оружейной палаты эти шлемы с масками отнесены к группе индо-персидских шлемов XVI в. Почему же в научной литературе они названы «монгольскими»?

Название «монгольский» идет из старых описей Оружейной палаты. В описи 1677 г. не упомянуто, у кого и при каких обстоятельствах куплены были маски. Называя маски «монгольские, XVI века», музейный работник XVIII в., по-видимому, исказил слово в описи их. Действительно, если мы пропустим букву «н» в слове «монгольский», то получится «могольский», и тогда все станет на свое место. Писец Оружейной палаты не случайно исказил это слово — ему представлялась правильной первоначальная транскрипция. Конечно же, в определении масок как «монгольские» имелась в виду Индия, империя Великого Могола, но отнюдь не Монголия. Династия Великих Моголов в Индии основана в 1526 г. ферганским выходцем Бабуром, по отцовской линии — Тимуридом. Поэтому европейскими современниками Бабур считался монголом, и династия первоначально называлась Монгольской, потом начала транскрибироваться как могольская, войдя под этим названием в мировую литературу.

Ничем не аргументированная дата шлемов с масками XV в. отпадает, потому что Империя Великого Могола в это время еще не существовала. Русский путешественник по Индии в XV в. Афанасий Никитин (1466—1472) неоднократно отмечал и описывал все особенности боевых и парадных доспехов индийцев, начиная с алмаза на шишаке султана и унизанных драгоценными камнями его золотых доспехов, до лука и стрел в руках голых пеших воинов. От его внимательного взгляда не укрылась бы такая заметная деталь парадного снаряжения, как железная маска. Но, очевидно, в его время этой детали не было [14].

Если в XV в. еще не существовало Империи Великого Могола, то и определения шлемов с масками как «монгольских» (могольских) в описях Оружейной палаты не могло быть.

Нижней датой появления подобных шлемов с масками является время основания Империи Великого Могола — 1526 г. Верхняя дата — время за-

---

[9] Н. В. Пятышева. Железная маска из Херсонеса. М., 1964, табл. II, стр. 12.

[10] E. Lenz. In Russland gefundene Frühmittelalterliche Helme. Berlin, 1924, 16, стр. 12.

[11] А. Н. Кирпичников. Русские шлемы. СА, 1958, 4, стр. 61.

[12] Н. В. Пятышева. Ук. соч., табл. I, IV—VII. Особенно характерна маска из с. Липовцы.

[13] Н. В. Пятышева. Ук. соч., стр. 34.

[14] Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472. М., 1960, стр. 13 сл.

писи Оружейной палаты — 1677 г. В промежутке, равном 150 годам, могли появиться наши маски.

Бабур, тесно связанный со среднеазиатскими тюрками, пришел в Индию в окружении своих людей. Связи со среднеазиатскими кочевниками, особенно с половцами, у Индии были давними [15]. Вот почему железные «могольские» маски отразили этот этнический тип. Арабские надписи на тулье шлемов с масками воспроизводят обычную формулу славословия Аллаху и свидетельствуют о бытовании этих шлемов в среде индо-мусульманского войска, так как в империи Великих Моголов господствующей религией был ислам. В то же время в собственно Монголии распространялся буддизм ламаистского толка, и подобных надписей там быть не могло.

Если учесть, что после 1565 г. новое нашествие мусульман оставило неизгладимый след в истории Индии, то мусульманская формула славословия Аллаху естественнее всего могла появиться вскоре после этого времени. Между пришельцами были афганцы, персы, многочисленные представители тюркских племен, нашедшие вторую родину в Империи Великого Могола и слившиеся с местным населением.

Именно это этнически смешанное население создало блестящее искусство, получившее название «могольской школы» в архитектуре, живописи, многих отраслях прикладного искусства. Многочисленные пережитки «Могольской школы» до сих пор сохранились в народном творчестве Индии [16]. Если мы обратимся к таким деталям шлемов, как навершия и мотивы чеканного орнамента, то хронологические рамки возможного появления их сузятся еще больше. Они могли появиться на рубеже XVI—XVII вв, вплоть до середины XVII века.

Так, навершие шлема, заканчивающееся трехлепестковым бутоном, поразительно похоже на навершие центрального купола знаменитого мавзолея Тадж-Махал в Акре, построенного при Шахджехане (Хуррам-Шихаб-Уд-Дин, 1628—1658 гг.), при котором империя Моголов достигла наибольшего расцвета. В малых формах пример подобной аналогии мы видим на навершии шлема (Mauradabad) [17].

Что касается орнамента, то он уводит к тому же времени расцвета Могольской школы середины XVI—XVII в.: формы листьев, цветов, вязи гирлянд и виньеток перекликаются с орнаметом на блюде из Джейпура, на доспехах из Дели [18], на орнаментации щита и блюд из Пенджаба [19].

Очень близки им орнаменты на миниатюрах Могольской школы того же времени (например, сцена борьбы акробатов при дворе, или «Джехангир на троне в саду» и др. [20]).

В индо-мусульманском мире эти шлемы с масками отнюдь не были «боевыми наголовьями», в качестве которых они абсолютно не годятся. Не являлись «боевыми наголовьями» и железные половецкие маски, бывшие ритуальным атрибутом культовой пантомимы [21], принадлежавшие племенной знати, представители которой являлись как воинами, так и жрецами. Ярким этнографическим примером, подтверждающим социальную значимость лица, носившего железную маску, служат мимические

---

[15] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 213. Известно, что половцы поставляли в Индию лошадей большими караванами, иногда до 6 тысяч голов.

[16] С. И. Тюляев. Памятники искусства Индии в собраниях музеев СССР. М., 1955. Раздел «Прикладное искусство».

[17] Maurice Maindron. L'Art Indien. Paris, 1898, стр. 235, рис. 96.

[18] Там же, стр. 231, рис. 94, стр. 273, рис. 124.

[19] Раздел: Indian Arms and Armour. «The Journal of Indian Art», VI, London, 1896, табл. 103, 104 и др.

[20] С. И. Тюляев. Ук. соч., раздел первый.

[21] Н. В. Пятышева. Ук. соч., стр. 31 сл.

представления у населения горного аула Кубачи в Дагестане: персонаж с железной маской, олицетворяет здесь иранского шаха [22].

В отличие от них «могольские» маски XVI в. служили лишь бутафорским аксесуаром в различного рода дворцовых церемониях и носились только солдатами или другими низшими военными чинами [23].

Возникает вопрос: как могли попасть в Москву эти индийско-могольские маски? Для характеристики отношений России и Империи Великого Могола в XVI в. приведу выдержку из статьи А. П. Новосельцева: «...остановимся на индийском вопросе в русско-иранских отношениях второй половины XVI в. Великие Моголы являлись союзниками Ирана против Бухары. Россия в XVI в. не имела дипломатических отношений с государствами Индии, но вела через Иран и отчасти через Среднюю Азию торговлю с нею и пыталась установить официальные отношения с крупнейшим индийским государством — державой Великих Моголов» [24].

Таким образом, становится ясным, откуда в Москве еще в конце XVI или в начале XVII в. появились железные индийские маски, купленные Оружейной палатой.

---

[22] Е. М. Шиллинг, подробно описавший эти представления, считает их отголоском старых домусульманских религиозных обрядов, но с более поздними чертами, отразившими борьбу народов Закавказья с шахским Ираном. «В этом отношении характерна театральная борьба с шахом, частое осмеивание и посрамление шаха, но вместе с тем подчеркивание силы шаха, его власти, богатства, пышности свиты». Последний цикл этих церемоний разыгрался еще в 1927 г. (Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.— Л., 1947, стр. 146—173, рис. 74).

[23] В Западной Европе в XIV—XVI вв. маски на шлемах в виде человеческих, животных и птичьих личин иногда надевались во время специальных церемоний, но составляли принадлежность нижних военных чинов. См. Auguste Demmén. Guide des Amateurs D'armes et Armures anciennes. Paris, 1879.

[24] А. П. Новосильцев. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. Сб. «Международные связи России до XVII века». М., 1961, стр. 460.

А. И. КОМЕЧ

ПОСТРОЕНИЕ ВЕРТИКАЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ СОФИЙСКОГО СОБОРА В КИЕВЕ

Изучение архитектуры Софийского собора в Киеве имеет полуторовековую историю. Наиболее значительные по своим результатам исследования были проведены в советское время. Работы И. В. Моргилевского [1] были продолжены Н. И. Кресальным, Ю. С. Асеевым и В. П. Волковым, результатом чего явился новый проект реконструкции собора [2] (рис. 1). Одновременно происходило выяснение историко-художественного значения памятника. В этой области трудами Н. И. Брунова [3] были выявлены многие особенности образного содержания и художественного языка архитектурных форм Софии Киевской.

В последние годы К. Н. Афанасьев поставил вопрос о роли пропорциональных соотношений в домонгольском зодчестве, он же, в частности,

---

[1] И. В. Моргилевский. Изучение собора св. Софии в Киеве (доклад об обмерах св. Софии). Сб. «Русское искусство». Берлин, 1923, стр. 86—89; І. В. Моргилевський. Київська Софія в світі нових спостережень. Київ та його околиця в історії і пам'ятках, XXII, Київ, 1926, стр. 81—108.

[2] Н. И. Кресальный. Софийский заповедник в Киеве. Киев, 1960, стр. 230—235, рис. 59—71.

[3] Н. И. Брунов. К вопросу о древнейшем виде древнейшей части Киевской Софии. ИГАИМК, V, л., 1927, стр. 135—138; его же. К вопросу об истоках русского зодчества. ВАН СССР, 1944, 6, стр. 44—67; его же. Архитектура Константинополя IX—XII вв. ВВ II, М.— Л., 1949, стр. 150—214; его же. Киевская София — древнейший памятник русской архитектуры. ВВ III, М.— Л., 1950, стр. 154—200.

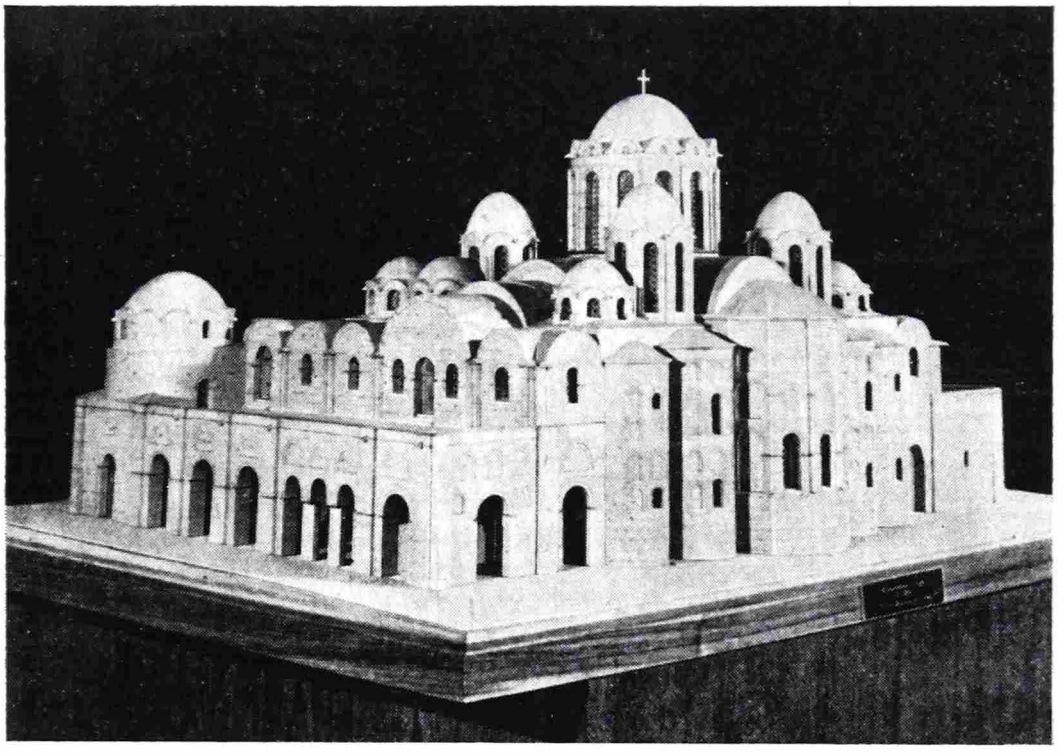


Рис. 1. Макет реконструкции Софийского собора в Киеве

провел анализ построения вертикальной композиции Софийского собора [1].

Однако ряд особенностей здания остается невыясненным до сих пор.

Основной задачей настоящей работы является выяснение конструктивно-типологических приемов построения собора и уточнения их роли в формировании архитектурного замысла.

Рассмотрим построение первого яруса собора (рис. 2). Его столбы несут арки, на которые опираются купольные и коробовые своды. Высота всех сводов и арок определяется расстоянием между их опорами. Их кривые всегда исходят из полуциркульной, почти никогда не совпадая с ней точно.

Своды ставятся непосредственно на перекинутые от столба к столбу арки. Нет никаких промежуточных массивов вертикальной кладки. Поэтому, если мы, исходя из какого-либо пропорционального соотношения, определим нижние точки — пяты арок, то тем самым мы сразу получим уровень шелыг сводов первого яруса, или, что почти то же самое,— уровень пола хор. Какие бы то ни было промежуточные пропорциональные построения оказываются излишними. Расстояние между пятами арок и уровнем пола хор — определяется конструктивно.

Мы исходили из пропорционального определения уровня пят арок. Но К. Н. Афанасьев показал, что высота хор соотносится с основным плановым размером храма — шириной его подкупольного квадрата. Этот вывод представляется бесспорным.

И тогда мы должны отрицать пропорциональную обусловленность выбора уровня пят первых арок, так как уровни пят арок и пола хор — одновременно пропорционироваться не могут. Основным был уровень хор, определявший и высоту храма в целом. Высота хор, подпружных арок, центральной главы — устанавливались с помощью пропорций. Размеры остальных форм определялись принятой конструктивной системой.

---

[1] К. Н. Афанасьев. Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М., 1961, стр. 57—61.

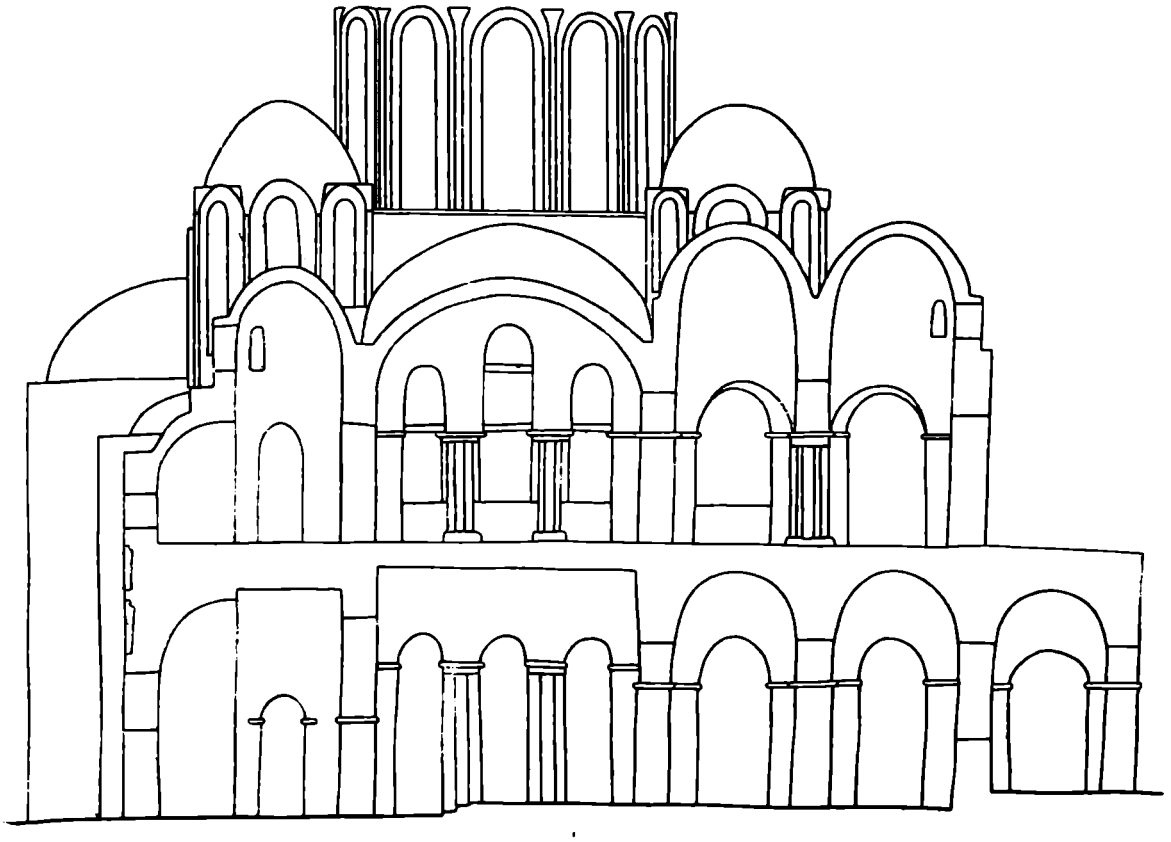


Рис. 2. Схематический разрез по крайнему северному нефу собора.

В Софийском соборе мы имеем и прямое подтверждение применения метода расчета высоты пят арок из уровня их шелыг, т. е. метода компоновки форм от какого-то заранее определенного уровня.

Все своды первого яруса Софийского собора перекрывают нефы равной ширины, поэтому они имеют равную высоту, незначительно изменявшуюся в каждом отдельном случае. Их пяты расположены в одном уровне. Эти своды опираются на арки, перекинутые между столбами; шелыги последних расположены на одной высоте.

Расстояние между восьмигранными столбами, находящимися в рукавах креста, меньше расстояний между столбами храма. Поэтому арки, опирающиеся на них, имеют меньшую высоту, чем остальные, опирающиеся на лопатки. И так же, как мы можем убедиться по данным обмеров, в одном уровне шелыг всех арок (высота шелыг от нулевой отметки колеблется в пределах +330—+350 *см*[5]), так и шиферные плиты, заложенные в кладку, отмечают разный уровень пят этих арок. Все эти размеры связаны между собой конструктивно и зависят лишь от уровня расположения хор. Поэтому чисто пропорциональные способы их нахождения будут являться надуманными.

Так же строится и система арок и сводов над хорами. Уровень отсчета определяется все тем же размером — величиной стороны подкупольного квадрата, отмеряемой от пола хор. Так рассчитывается уровень шелыг коробовых сводов, перекрывающих рукава креста над крайними нефами. Отсюда мы получаем и уровень пят этих сводов, отмечаемый шиферными плитами лопаток и столбов.

На этом уровне расположены пяты всех малых арок западной части храма, несущие малые и средние главы над хорами. Из-за этого строители вынуждены были прибегнуть к приему, больше не встречающемуся в соборе и крайне редкому в архитектуре домонгольской Руси. Малые арки над

[5] Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, высотные размеры даются от «0» обмеров (около 170 *см* над полом храма).

крайними нефами, находящиеся в западной стороне трансепта, врезаются в коробовые своды, ибо пяты их (и арок, и сводов) находятся в одном уровне. Подобная композиция распространена в памятниках Константинополя, в русских же постройках XI—XII вв. почти всегда применяется ступенчатое построение, при котором уровни пят арок и опирающихся на них сводов совпасть не могут.

И в данном случае мы видим ту же композицию, только усложненную. Храм имеет ступенчатое построение, его масса постепенно повышается к центру. И если пяты сводов над крайними ячейками рукавов креста находятся в одном уровне с пятами малых арок, то коробовые своды над ближайшими к центральному квадрату ячейками подняты на высоту малых арок, которые и служат им опорой. Высота шелыг малых арок определяет уровень опоры всех перекрытий западной части собора, кроме — как было отмечено — сводов над крайними ячейками рукавов креста.

Торцовые стены рукавов креста прорезаны тройными аркадами на столбах в обоих ярусах. Равная высота арок первого яруса объясняется наличием за ними коробового свода, которому они служат опорой. Разная высота арок второго яруса также обусловлена формой находящегося за ними коробового свода. Если мы посмотрим на них не из главного нефа, а со стороны хор, то мы увидим, что они как бы вписаны в полукружие примыкающего к ним коробового свода.

Тринадцать глав собора образуют сложную пирамидальную композицию. Чтобы разобраться в ее построении, необходимы точные обмеры храма, особенно разрезы по всем малым нефам. Но по крайним и всем поперечным малым нефам разрезов до сих пор не сделано. Однако кое-какие предположения можно сделать на основании уже имеющегося материала.

Барабаны глав на всю высоту прорезаны окнами, над которыми начинаются купольные своды. Поэтому высота барабанов, определяющая высоту глав, может быть приравнена к размеру окон.

Вокруг центральной главы собора размещены четыре средние. Окна в них начинаются в том уровне, где сооружение их реально становится возможным. Эти главы опираются на те же арки, что и примыкающие к ним коробовые своды рукавов креста. Кладка сводов и кладка барабанов сливаются внизу в один массив, расходясь только на определенной высоте. Здесь и начинаются окна в барабанах средних глав.

Примерно в этом же уровне кончаются окна малых глав собора, выше идут кривые куполов. Начальный уровень окон, как и самих малых глав, обусловлен высотой стен храма.

Начало барабана центральной главы определяется верхним уровнем кладки коробовых сводов, отмечаемым карнизом из шиферных плит в основании барабана. На этом уровне начинаются купольные своды средних глав. Таким образом, принцип соразмерности глав храма оказывается родственным ступенчатым приемам построения основного массива. Во всех этих построениях важна не идеальная точность совпадения уровней, а возможность выяснения метода расчета формы.

Перейдем к рассмотрению композиции фасадов собора.

Расчленение северного, западного и южного фасадов строго согласуется с внутренним построением храма. Эта обусловленность улавливается очень четко. Гораздо сложнее закономерности декорации апсид. На первый взгляд, членения восточного фасада не имеют никакого соответствия с членениями остальных фасадов собора. Ряды ниш отдельных апсид очень редко выходят на один уровень. И все же связь их с построением храма и между собой существует, хотя она и сложна.

Общее расположение ниш на апсидах прежде всего исходит из разной высоты последних. Поэтому на боковых апсидах они начинаются ниже, чем на центральной. Уровень начала окон центральной апсиды определялся, очевидно, устройством горнего места и алтарной преграды. Окна боковых апсид начинаются на 50—70 *см* ниже.

Шиферные плиты, заложенные в кладке окон центральной апсиды, находятся в одном уровне с пятами всех сводов первого яруса храма (уровень заложения плит — +339 *см*, шелыг арок, на которые опираются своды — +330 — +357 *см*) [6]. Высота арок окон от шиферных плит равна их ширине.

Второй пояс ниш на центральной апсиде начинается сразу над первым, лишь только выровнена кладка над окнами. Этот способ применяется в декорации всех апсид. Граница второго и третьего ярусов центральной апсиды определяется уровнем шиферного карниза апсид, разделяющего стены и конхи последних.

Ниши, расположенные на стенках апсид, окружающих центральную, в общем следуют порядку размещения ниш последней. Но вместо трех рядов ниш мы на них видим четыре, так как первому ярусу центральной апсиды соответствуют два боковых яруса. Четыре ряда ниш обусловлены построением крайних апсид. По числу рядов средние апсиды перекликаются с крайними, а по их расположению — с центральной, служа связующими элементами всей композиции.

Ни одно членение трех центральных апсид не находится на уровне пола хор собора. С ним совпадает лишь граница между двумя верхними ярусами крайних апсид. Это не случайно, ибо последние имеют внутри двухэтажное строение. Окна в верхнем ряду ниш освещают уже алтарные помещения, находящиеся на хорах. Шелыги арок этих окон находятся в одном ряду с шелыгами ниш третьего яруса средних и второго яруса центральной апсид (уровень этот колеблется от +770 до +810 *см*). И как раз здесь (высота +812 — +833 *см*) проходит уровень пят всех апсидных конх.

Построение крайних апсид тесно связано с основной системой арок и сводов всего собора.

Для большей ясности анализа возьмем ячейку, находящуюся в северном конце трансепта. Она перекрыта в первом ярусе коробовым сводом, опирающимся на тройную аркаду и стену храма. Арки в торцовых сторонах этого прямоугольного помещения не несут нагрузки свода.

Примыкающая к этой ячейке с восточной стороны камера также перекрыта коробовым сводом. Ничто не мешало мастерам расположить своды обоих помещений на одной высоте. Однако они расположены с разницей уровней примерно один метр.

Возможная высота положения разделяющей их арки лимитируется двумя границами: сводом, перекрывающим ячейку трансепта (верхняя), и аркой, находящейся с западной стороны (нижняя). Шелыга последней расположена в одном уровне с шелыгами всех арок нижнего яруса храма. И мастера, определяя уровень арки с восточной стороны трансепта, не посмели слишком резко поднять ее, хотя в данном случае никаких препятствий конструктивного порядка нет. Она поднята лишь на 0,6 *м*. Над ней со стороны трансепта стена высотой 1,7 *м*.

Со стороны же апсиды разница уровней свода и арки равна выносу лопаток (около 0,7 *м*), что совершенно аналогично типовому построению всех арок и сводов. Высота арки определяет форму и размеры перекрытия как апсиды, так и пространства перед ней.

Разбор построения крайних апсид дает ключ к пониманию системы размещения декоративных ниш на их фасадах. Нижний ярус ниш кончается в уровне пяты конжи нижнего алтарного помещения. Второй ярус расположен в уровне этого свода. Его верхняя граница расположена на высоте — 4,4 *м*, шелыга коробового свода перед апсидой имеет высоту примерно — 4,7 *м*. Третий ряд ниш, начинаясь на высоте пяти метров, про-

---

[6] Совпадение этих уровней может быть отмечено и в памятниках Константинополя — например, в южной церкви монастыря Пантократора.

должается до уровня — 6,5 *м*, на котором находится пол хор. Весь этот пояс внутри занят каменной кладкой. В Софии Новгородской между первым и вторым этажом восточных угловых ячеек расположены своеобразные тайники[7].

Верхняя граница четвертого яруса ниш крайних апсид выходит в уровень пят сводов над всеми апсидами, который тоже определяется объемным построением всего здания. Шелыга арки апсиды находится на одной высоте с шелыгой арки, отделяющей трансепт от алтарного помещения. Последняя служит опорой коробового свода трансепта, поэтому она выходит в один уровень с шиферными плитами лопаток и столбов (шелыга арки над крайним северным нефом находится на высоте +9,85 *м*, над крайним южным — +9,76 *м*, уровень капителей колеблется около +9,70 *м*). Таким образом, восточная часть храма поднимается до уровня пят сводов над крайними ячейками рукавов креста.

Пяты сводов всех апсид находятся в одном уровне. Поскольку все нефы храма равной ширины, постольку апсиды, завершающие их, должны были бы быть одинаковой высоты. Но зодчие, последовательно проводя принцип пирамидального построения всего объема, все-таки повышают апсиды, ближние к центральной. Это достигается небольшим подвышением завершающих арок, пяты которых остаются в прежнем уровне. Степень этого подвышения отнюдь не имеет характера точно соотнесенной с каким-либо модулем величины, она рождалась в процессе работы, опытным путем. Зодчие руководствовались непосредственными впечатлениями от реального здания, прикидывая на глаз соразмерность основных форм.

Особенностью центральной апсиды Софийского собора является стена, находящаяся между аркой апсиды и коробовым сводом вимы (на ней размещен мозаичный деисус). Ее появление обусловлено законами композиции всего здания. Рукава креста покрыты ступенчато понижающимися коробовыми сводами. И для центричности построения наружного объема восточный рукав тоже получает ступенчатое решение. Центральная апсида понижается настолько, насколько понижены крайние своды рукавов креста. В абсолютных размерах это составляет: +15,01 *м* и +14,63 *м* для высоты центральных прясел северного и южного фасадов собора и +14,43 *м* для высоты центральной апсиды (снаружи).

Высота шелыг арок в восточных частях крайних нефов совпадает с уровнем пят коробовых сводов рукавов креста. Для всех малых арок западной части храма этот же уровень является уровнем не шелыг, а пят. Поэтому вся западная часть оказывается выше восточной на высоту малых арок. Это приводит и к изменениям в построении глав и фасадов собора. Главы, ближние к центральной, начинаются на том же уровне, что и соответствующие им главы с западной стороны коробовых сводов. Однако с восточной стороны высота их барабанов значительно больше. Малые восточные главы начинаются еще ниже, поскольку крайние апсиды храма имеют наименьшую высоту. Эти главы находятся примерно на 1,2 *м* ниже малых глав, расположенных к западу от трансепта. Поэтому композиция северного и южного фасадов должна быть ассиметричной[8].

В последних вариантах реконструкции первоначального облика Софийского собора, выполненных Н. И. Кресальным, Ю. С. Асеевым и В. П. Волковым, эта особенность не нашла своего точного отражения. Одной из причин этого является отсутствие достаточно полных обмеров храма. Из-

---

[7] Н. Брунов, Н. Травин. Собор Софии в Новгороде. Сообщения института истории и теории архитектуры, вып. 7. Архитектура Софийского собора в Новгороде, М., 1947, стр. 13—18.

[8] Как уже говорилось выше, мы не располагаем разрезами по крайним нефам собора. Можно лишь в подтверждение наших наблюдений привести следующие цифры: окна малой северо-восточной главы начинаются на высоте — 5,12 *м* от пола хор, а малой северо-западной — на высоте — 6,33 *м*. Это видно и на фотографии. S. H. Gross. Mediaeval Russian Churches. Cambridge, 1949, рис. 2.

тридцати разрезов, которые надо было бы иметь, сделано лишь семь. Другой причиной является недостаточное внимание к выяснению древнейшего вида храма. Все реконструкции, кроме одного перспективного рисунка, представляют собор после обстройки его вторым поясом галерей и надстройки первого. Поэтому формы первоначальных фасадов заслонены на них гипотетическими композициями, которые не всегда считаются с реальными фактами.

Так, коробовые своды, которыми перекрыты помещения над первоначальными галереями, опираются, по данным этих реконструкций, на сложно профилированные лопатки. Если исходить из размеров реконструктивных чертежей и моделей, то высота этих лопаток (от пола хор) примерно равна 3,40 *м*. Сохранившийся же в натуре до уровня покрывающей его шиферной плиты фрагмент пилястры южного фасада храма имеет высоту 2,2 *м*.

В Спасо-Преображенском соборе в Чернигове лопатки подобного профиля кончаются в уровне пят внутренних арок храма. Хотя в Софийском соборе, на первый взгляд, это соотношение нарушено (высота пят арок над западной частью храма равна 3,3—3,4 *м* от пола хор), все же оно существует и здесь. Только высота лопатки определяется уровнем пят арок восточной части храма. Лежащий в этом уровне шиферный карниз апсид имеет высоту как раз около 2,2 *м* над полом хор.

Вопросы о расположении глав собора в разных уровнях, о вытекающей отсюда асимметрии южного и северного фасадов, о вариантах покрытия второго яруса галерей — можно будет окончательно разрешить лишь после полных обмеров памятника.

Подводя итоги нашего исследования, можно утверждать, что принятой системой конструктивного построения храма является система арок и опирающихся на них сводов, несомых столпами и столбами храма. Уровни пят арок и опирающихся на них сводов никогда не совпадают. Пяты сводов находятся выше шелыг арок и опираются непосредственно на эти арки, без каких-либо дополнительных рядов кладки между ними. Этот конструктивный прием определяет размеры большинства отдельных форм храма. Лишь основные точки — высота хор, подпружных арок, центральной главы — определяются путем пропорциональных соотношений. Подобная точка зрения позволяет полнее выявить роль ремесленной, строительной традиции, столь важной в средневековой архитектуре. Она же дает возможность истиннее представить роль пропорций в формировании архитектурного замысла. Анализ конструктивной системы храма вскрывает особенности его композиции и четче выявляет характер изменения типовой схемы.

Из разбора построения фасадов ясна связь всех расчленяющих их форм с внутренней композицией собора. Решение фасадов не имеет самостоятельно-декоративных принципов своей организации. Строгость и целостность оформления наружного объема обусловлены соотнесенностью с основными уровнями построения интерьера.

Л. Л. ГАЛКИН

НЕСКОЛЬКО ИЗРАЗЦОВ ИЗ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

В 1966 г. на городище у села Селитренное Астраханской области раскопками была обнаружена гончарная мастерская конца XIV в., в которой изготовлялась поливная керамика. В начале XV в. она прекращает свою деятельность, и вскоре на этом месте размещается мусульманское кладбище. К последнему относится найденная в раскопе кирпичная кладка сооружения типа мазар. Основание этой кладки покоится на слое, состоящем из отходов гончарного производства.

Из находок, полученных при раскопках, наиболее примечательны три обломка изразцовой облицовки, принадлежавшей, вероятно, этому сооружению.

Самым любопытным из них является обломок изразца с изображением человека (рис. 1, *1*), а все три обломка (рис. 1, *2, 3*) представляют собой фрагменты звездно-крестообразного панно (рис. 2). Подобные изразцовые панно с изображением человека известны на погребальных памятниках Ирана XIII—XIV вв. [1].

Что касается золотоордынских памятников, то среди них изображения людей чрезвычайно редки. К ним можно отнести, например, рисунок тушью на лопатке быка из Нового Сарая [2], изображение человеческих лиц на сфероконусе Саратовского музея [3], анонимные монеты из собрания Исторического музея в Москве [4].

Публикуемый изразец пока не имеет аналогий. Но Ф. В. Баллод, ссылаясь на А. Терещенко, сообщает, что в церкви с. Дубовка (ныне г. Дубовка Волгоградской области) были «татарские изразцы в своде с изображением человеческих лиц» [5].

Можно предположить, что эти изразцы попали в церковь из развалин лежащего рядом с Дубовкой золотоордынского города Бельджимена.

Обнаруженные нами изразцы изготовлены на кашинной основе техникой, близкой к «минаи», с надглазурной росписью. Полихромную роспись изразцов дополняет золочение тонкими листками золота, закрепленными по краям рисунка красной мастикой. Такой прием характерен для золотоордынской керамики с золочением [6].

Рассматривая первый изразец, мы видим на белой глухой оловянной глазури, составляющей его фон, изображение в фас человека. Его платье и зубчатые листья слева и справа от него залиты почти прозрачным слоем бирюзовой поливы. Ярким пятном выделяется на белом фоне головной убор человека, исполненный зеленой поливой и оконтуренный мертвым краем — темной краской. Узоры на головном уборе, черты лица и волосы нанесены черной краской. Однако первые выполнены одновременно с мертвым краем, а последние — уже после обжига. Тонким слоем охры поверх глазури художник передал лицо «монгола». Оно лишено суровости, присущей изображениям монголов времени становления империи Чингисхана. Монголоидные черты сохранились только в разрезе глаз персонажа, лицо его несколько вытянуто, не видно выступающих скул. Это говорит о том, что к началу XV в. в среде золотоордынской знати уже трудно было встретить чисто монгольский этнический тип. Процесс растворения монголов в кипчакском этническом массиве зашел довольно далеко [7].

Ал-Омари еще в середине XIV в. отметил ассимиляцию кипчаками завоевателей-монголов. Он писал: «Кипчаки сделались их (монголов) подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали словно кипчаки. Как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы поселились на земле кипчаков, вступили в брак с ними и остались жить на земле их» [8].

---

[1] A. U. Pope. SPA, V, Oxford — London, 1935, стр. 706, 721—723; Mehdi Bahrami (Iran). Le reconstruction des carréaux de Damgan d'apres leurs inscriptions. Иранское искусство и археология. III Международный конгресс, 1935, М.— Л., 1939.

[2] Г. А. Федоров-Давыдов, И. С. Вайнер. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая. СА, 1963, 3.

[3] Ф. В. Баллод. Приволжские Помпеи. М.— Пг., 1923, стр. 113.

[4] ГИМ, Отдел нумизматики, № В-6634, В-6636, В-15443.

[5] Ф. Баллод. Ук. соч., стр. 113.

[6] Э. К. Кверфельдт. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947, стр. 89—90.

[7] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 66.

[8] Ал-Омари. В кн. В. Тузенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. I, СПб., 1884, стр. 235.

Однако если черты рассматриваемого нами лица далеки от типично монгольских, то в его одежде мы видим элементы, характерные для монгольского костюма.

На голову мужчины надет выполненный из металла легкий парадный шлем — «шанам» [9].

Он покрыт окрашенной в зеленый цвет кожей или тканью с тисненым или вышитым рисунком, шлем мог быть и кожаным [10]. Его украшает

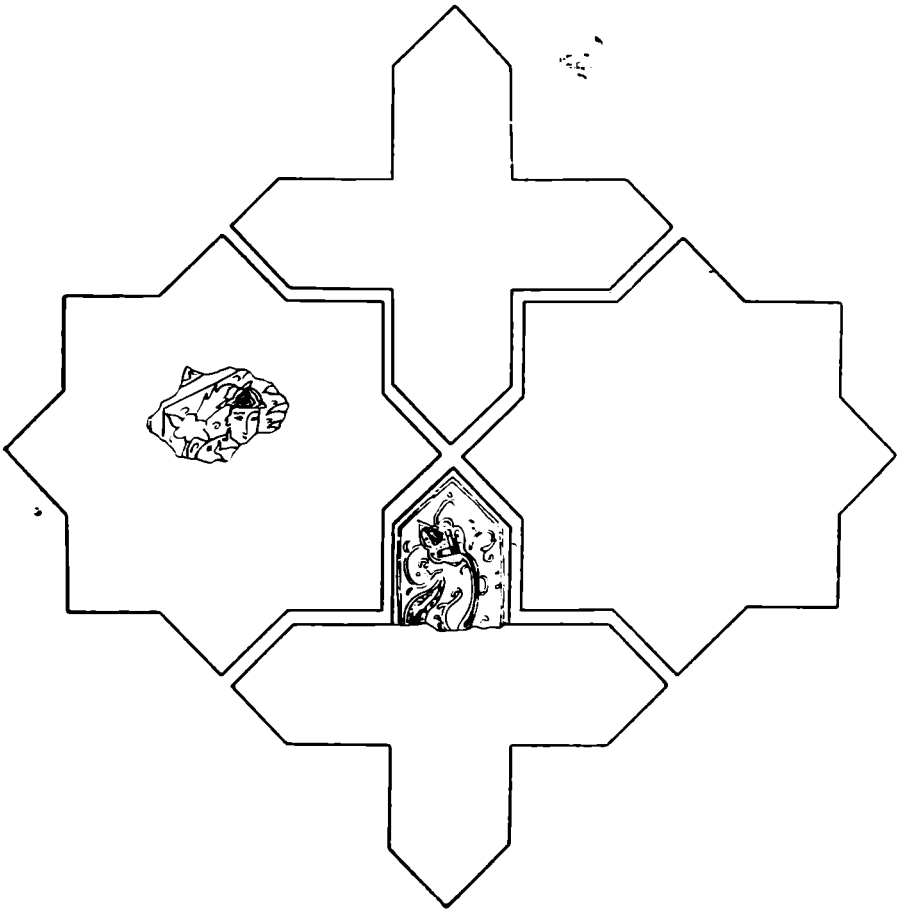


Рис. 2. Схема набора звездно-крестообразных изразцов

крестообразный узор, который, судя по этнографическим материалам, бытует еще до сих пор в орнаментике народов Сибири [11], Казахстана и Средней Азии. Это так называемый «облочный узор», он является символом неба, символом дракона и плодородия.

Арабские писатели сообщают, что «зеленый цвет, как отличительный цвет алидов» [12], был впервые установлен египетским султаном в середине XIV в. Зеленый цвет «шанама» мог означать, что его владелец вел свою родословную от пророка Али.

При первом знакомстве с изразцом предполагалось, что изображенный на нем головной убор следует рассматривать как войлочный «колпак», который живет и до сих пор среди народов Средней Азии и Казахстана [13].

---

[9] Характеристика «шанама» получена от аспиранта МГУ из Монголии Бадам Кхатана, которому приношу свою благодарность.

[10] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 35.

[11] Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.— Л., 1961, стр. 420, табл. 12, *20;* стр. 424, табл. 1, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 13, *x;* стр. 429, табл. x/*1, 5*/; табл. XI, *3;* С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири. М.— Л., 1963, стр. 389, рис. 264, 267.

[12] Адам Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 62, 130.

[13] О. А. Сухарева. Древние черты в форме головных уборов народов Средней Азии. «Среднеазиатский этнографический сборник», XXI, М., 1954, стр. 331—339, рис. 1.

Рис. 1. Поливные изразцы и керамика из Селитренного городища

1 — изразец с изображением человека № 3216А; *2* — обломок от того же изразца № 3216Б; *3* — изразец с растительным орнаментом № 3215; *4*, *5* — образцы поливной керамики

Такое предположение казалось правдоподобным еще и потому, что на одной из миниатюр можно видеть близкий по форме и цвету головной убор [14]. Но при более тщательном изучении пришлось отказаться от этого предположения, так как «колпак» имеет поля, разрезанные спереди и сзади и, кроме того, его подкладка в цветовом отношении составляет резкий контраст с лицевой стороной [15]. Эти особенности колпака хорошо видны на многих миниатюрах [16]. Наиболее наглядны они в китайско-монгольских миниатюрах XIV в. [17].

Нельзя думать, что на нашем изразце изображена женщина, исходя из известного наблюдения Плано Карпини: «Одеяние же как у мужчин, так и женщин сшито одинаковым образцом» [18].

Неоднократно засвидетельствовано, что монгольская женщина, а тем более знатная, носила головной убор, называвшийся «бокка». Бокка описана П. Карпини, В. Рубруком [19]. Ее изображение найдено на скале в Монголии [20]. Очень выразительна бокка на китайско-монгольских миниатюрах [21]. Археологический материал говорит о том, что в золотоордынском Поволжье бокка была широко распространена даже среди рядовых женщин [22].

Не подтверждает высказанное выше предположение и прическа рассматриваемого нами «монгола». Из-под шлема выглядывает прядь волос, и за правым ухом видна коса. Обычай носить косу у мужчин сохранился в Монголии вплоть до XX в. [23]. Обстоятельное описание мужской прически с косой дает Рубрук [24]. Прическу, соответствующую его описанию, очень напоминает прическа монголов на названных выше миниатюрах [25]. Женщины же убирали волосы в бокку [26].

Относительно платья «монгола» следует сказать, что по цвету и покрою оно близко к бытующему и до сих пор в Монголии кафтану «Del» [27]. Золотой узор, украшающий кафтан, позволяет считать, что в нашем случае изображено платье, изготовленное из парчи и расшитое золотом [28].

Трудно решить, какое отношение нарисованный художником человек имеет к погребенному в мазаре, со стен которого, по-видимому, происходит данный изразец. Несомненно одно, что перед нами изображение золотоордынского аристократа. Возможно, что запечатленный мастером его современник, судя по богатому костюму монгольского покроя, мог быть одним из тех феодалов, которые вели свой род от знатных монгольских родов. И в то же время он был мусульманином-шиитом, который, судя по цвету головного убора, с другой стороны, возводил свою родословную к пророку Али, о чем уже говорилось выше.

---

[14] J. Marek, H. Knižkova. The jenghiz khan Miniatures from the Court of Akbar the Great. London, 1963.

[15] О. А. Сухарева. Ук. соч., стр. 338.

[16] Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. по данным миниатюр. Тр. САГУ, LXXXI, 12, Ташкент, 1956. Стр. 89—92, 113, рис. 2, 5, 23.

[17] M. S. Ipşiroğlu. Saray — Alben. Wiesbaden, 1964, группа III, табл. VI, *10*; VII, *11*; XI, *13*.

[18] П. Карпини. История монголов; В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, стр. 5.

[19] П. Карпини. Ук. соч., стр. 6; В. Рубрук. Ук. соч., стр. 77.

[20] А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Уула. «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 70.

[21] M. S. Ipşiroğlu. Ук. соч., табл. VII, VIII, *11, 12*.

[22] А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности. Саратов, 1928, стр. 10; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники..., стр. 116.

[23] Badam Khatan. Mongolian Clothes and Dresses. Ulhan-Bator, 1959.

[24] В. Рубрук. Ук. соч., стр. 77.

[25] M. S. Ipşiroğlu. Ук. соч., табл. VI, *10*; VII, *11*; IX, *13*.

[26] В. Рубрук. Ук. соч., стр. 77.

[27] Badam Khatan. Ук. соч., табл. 3.

[28] А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 13; H. H. Hansen. Mongol Costumes. 1950.

Общеизвестно, что изображение живых существ ортодоксальными мусульманами-суннитами порицалось. Оно имело место у них только в книжной миниатюре. Напротив, шиизм, распространенный в Иране, допускал не только книжную миниатюру, но и декоративное искусство с сюжетами из жизни животных и людей. Только в Иране была создана мусульманская иконография [29].

Вот почему сам факт появления живописного изображения человека в городах Дешт-и-Кипчака, где преобладало суннитское влияние [30], довольно красноречив и отражает политические изменения, происходившие в жизни Золотой Орды в конце XIV — начале XV в.

Вероятно, в период борьбы с Тимуром традиционные связи с суннитской Средней Азией нарушаются. С потерей Золотой Ордой среднеазиатских владений сближение с Ираном становится, по-видимому, более тесным. Отсюда широкое проникновение в духовную жизнь уцелевших от разгрома золотоордынских городов идеологического и культурного влияния Ирана.

Становится понятным отсутствие аналогичных памятников в Булгарах и Новом Сарае [31]. В Булгарах влияние шиизма если и было [32], то настолько ничтожным, что не могло нарушить издавна установившиеся здесь суннитские ограничения в декоративном и прикладном искусстве.

Говоря о Новом Сарае и других городах Дешт-и-Кипчака, следует вспомнить почти непрерывную вражду золотоордынских ханов с хулагуидами, под чьей властью долгое время находилась Персия. Это, на наш взгляд, исключало какое-либо заметное проникновение шиизма в города улуса Джучи, процветавшие до разгрома их Тимуром в 1395 г. Даже несмотря на известную веротерпимость, отмеченную в них рядом арабских авторов [33], шиизм не переходил рамки, установленные суннитским мусульманством [34]. К таким городам, в первую очередь, относится Новый Сарай, так и не поднявшийся вновь после жестокого разорения.

Находку публикуемых изразцов следует рассматривать как подтверждение гипотезы, основанной и на других археологических материалах, что на некоторое время древняя столица Золотой Орды вновь становится крупным центром уцелевшей части улуса Джучи.

Рассмотренный выше фрагмент изразца некогда составлял одно целое с фрагментом, на котором сохранилась часть надписи. Для того чтобы зеленая полива эпиграфического пояса не натекала на буквы, оставленные резервом, мастер оконтурил их мертвым краем. Пояс ограничен с обеих сторон золотой каймой, закрепленной по краям красной мастикой. По одну сторону от надписи сохранился участок с темно-синей поливой, на которой выделяется золотой треугольник, выполненный в той же технике. Из-за фрагментарности надписи невозможно ответить, в какой связи она была с рисунком на первом изразце.

Это конец одного и начало другого слова. Надпись исполнена почерком «насх» довольно небрежно. Например, соединение первых букв второго слова не совсем обычно: بنی.

Язык надписи гадателен. Это мог быть и арабский и персидский, и совершенно не исключено, что кипчакский [35].

---

[29] Mehdi Diba (Iran). Quelques aspects de l'iconographie musulman en Iran. Иранское искусство и археология.

[30] Ибн-Батута. В кн.: В. Тизенгаузен. Ук. соч., стр. 284, 300, 311; Ибн-Арабшах. Там же, стр. 461.

[31] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951.

[32] А. П. Смирнов, С. А. Янина. Находка редких золотых перстней в Болгарах. СА, 1967, 3.

[33] В. Тизенгаузен. Ук. соч.; Ибн-Батута, стр. 306.

[34] В Эрмитаже хранится изразец из Сарая звездно-крестообразного типа с узорами и надписью из стихов иранского поэта Саади. Э. К. Кверфельдт. Ук. соч., стр. 90.

[35] М. Усманов. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая. СА, 1963, 3.

Если исходить из того, что зеленый фон надписи также обусловлен мусульманской геральдикой, то здесь следует предполагать религиозный текст. В таком случае это, скорее всего, выдержка из Корана.

В четвертой суре Корана «жены», в стихе 83 имеется близкое нашему написание конца одного и начала следующего слова: عِنْدَكَ بَيِّتَ[36].

Третий обломок изразца является крылом креста со скошенными краями. Он имеет кашинную основу, сплошь покрытую бирюзовой поливой, поверх которой нанесен растительный узор. Три золотых лепестка органически вписываются в кружево узора, придавая ему скромную нарядность.

В цветовом отношении крестообразный изразец резко отличается от звездообразного. Такая контрастность призвана была, наверное, оживить изразцовое панно. Подобное цветовое сочетание было характерным для иранских стенных изразцов[37]. Однако иранские крестообразные изразцы, в отличие от нашего, имеют сложные узоры или изображения животных в сочетании с надписями[38]. Необходимо отметить, что и в целом звездно-крестообразные изразцы из Сарая Бату как по сюжету, так и по технике исполнения значительно отличаются от иранских образцов.

Персонажами последних обычно являются мусульманские подвижники или герои «Шахнаме» Фирдоуси. В подавляющем большинстве головы их венчает нимб. По исполнению это, как правило, сочетание люстровых звезд и бирюзовых крестов.

Полагаем, что найденные на Селитренном городище изразцы представляют собой яркие образцы местного самобытного золотоордынского искусства[39]. Выросшее на богатой почве, насыщенной различными культурными влияниями народов, имевших тесные исторические связи с Золотой Ордой, оно было призвано удовлетворить, в первую очередь, запросы местной монголо-кипчакской аристократии, духовенства и купечества.

[36] Коран. Казань, 1907. Сура 4, стих 83.

[37] Э. К. Кверфельдт. Ук. соч., стр. 66; D. T. Rice. Islamic Art. New York — Washington, 1965, рис. 185.

[38] Л. Т. Гюзальян. Два отрывка из Низами на изразцах XIII и XIV вв. ЭВ, VII, М.— Л., 1953.

[39] В 1965 г. на Селитренном городище была найдена керамика, близкая изучаемым изразцам по технике и манере исполнения (рис. 1, *4*).

Р. Г. ДЖАДТИЕВ

СКЛЕПЫ ВЕРХОВЬЕВ р. ЛИАХВЫ

В 1966 г. автор был командирован Институтом археологии АН СССР и Юго-Осетинским НИИ АН ГрузССР для проведения разведок в верховье р. Лиахвы (Джавский р-н, Юго-Осетинской автономной области, ГрузССР)[1].

Древности Южной Осетии уже давно привлекают внимание археологов, историков, этнографов. Обилен и изучается богатейший материал эпохи бронзы и камня. Материал же средневекового периода крайне скуден.

Сохранившиеся до наших дней руины древних поселений, городища, многочисленные башни, склепы и могильники с каменными ящиками еще хранят в себе много неизведанного. Несомненна важность изучения этих памятников, которые могут пролить свет на малоизвестные страницы истории южной окраины Алании. Эта заметка вводит в научный оборот некоторые данные об архитектуре склепов горных районов Южной Осетии. Количество склепов в исследуемом районе явно уступает многочисленным сооружениям подобного рода Северной Осетии, хотя они и были отмечены

[1] В работе участвовал Цхинвальский краевед Р. С. Кочиев. Пользуюсь случаем и сердечно благодарю его за помощь.

в селах: Уаллаг, Ерман, Хсайнаг Ерман, Даллаг Ерман, Едыс, Ходз, Кабузта, Челиат, Бритат, Даллаг Сба (Дзаттиаты-кау), Хсайнаг Сба (Абайты-кау), Мидаккаг Сба (кугом), Згубир, Уаллаг Рук, Дзомаг, Тли, т. е. почти во всех селах, где пришлось побывать экспедиции. Нет склепов (во всяком случае они не обнаружены, а местное население не знает их) в селах Ханыкаты-кау, Ванел, Царит и некоторых др. При разведках встретились только полуподземные и надземные склепы. Все они расположены вблизи жилых построек, кроме одного (около с. Дзаттиаты-кау), да и там, в 30—40 *м* от них отмечены следы разрушенных строений. Все полуподземные склепы в плане имеют вытянутый прямоугольник, а фасадная часть всегда приходится на узкую сторону.

Длина камеры склепов колеблется от 2,8 до 5,6 *м*. Ширина — от 1,95 до 2,3 *м*. Высота камеры варьирует в пределах 2,3—3,5 *м*. Лазы в в склепах — это горизонтально вытянутые прямоугольные отверстия. Самый широкий лаз 0,5 *м*, самый узкий — 0,45 *м*. Высота боковых стенок лаза — 0,38—0,5 *м*. Потолки у склепов только сводчатые. Ориентация склепов сообразна с местностью, т. е. склепы фасадом обращены в сторону уклона горы, холма, на котором он стоит. Однако около Даллаг Ерман (рядом с усадьбой Шавлоховых) два полуподземных склепа врыты в один холмик, причем, один из них обращен лицевой частью на юг, а другой — на восток. Несмотря на то что внешне склепы кажутся плоскокрышими или с покатой засыпкой, стены их переходят плавно в потолок. Все склепы перекрыты шиферными плитами. (Шиферные плиты изготовлены из сланца, который повсюду встречается в изобилии.) Изнутри, а иногда и снаружи склепы обмазывались местней светлой глиной [2], но обмазка обвалилась и держится только в расщелинах. У лазов (обычно слева) отмечаются одиночные и парные шиферные плиты, выступающие из кладки, в некоторых из них — сверлины.

В камерах склепов имеются выступы, которые, видимо, служили полками, на которых покоились погребенные. Так, в одном из склепов с. Уоллаг Рук в задней стене на уровне 1,3 *м* выступает на 0,45 *м* плита, а в боковых стенах выступы меньше — 11—13 *см*, эти, видимо, служили не полками, а упорами для поперек уложенных деревянных досок, подобно приспособлениям в склепах Чечено-Ингушетии [3].

В этом же склепе в левой от лаза стене — маленькая ниша на уровне 1,4 *м* от дна и на расстоянии 1,08 *м* от ближайшего угла. Ниша, имеющая размеры 0,45 × 0,24 × 0,31 *м*, скорее всего служила местом для хранения ритуальной заупокойной пищи. Лаз этого склепа имеет характерную особенность: он расширяется внутрь. Снаружи лаз имеет ширину в 0,46 *м*, а внутри — 0,54 *м*. В другом склепе, у того же села, в задней стене на расстоянии 1,2 *м* от дна камеры из кладки выступает на 0,9 *м* каменная плита толщиной 0,19 и шириной 1,85 *м*. Детальный осмотр этих склепов нарушает представление кажущегося единообразия и позволяет выделить несколько разновидностей этих полуподземных погребальных сооружений.

Первая разновидность — самая распространенная. Типичным сооружением здесь является склеп из С. Ходз (рис. 1, *1*), представляющий собой строение, впущенное в склон горы. Наружу выступает только передняя, лицевая часть и части боковых стен. Склеп сложен из камней, уложенных наружу более или менее гладкой поверхностью, что придает им вид обработанных. На фасадной части влево от лаза, размеры которого 0,5×0,47 *м*, выступает шиферная плита. Подобные шиферные плиты отмечены и на склепах северного склона Кавказского хребта [4]. Ширина фасадной части —

[2] Этой глиной местное население до сих пор пользуется как побелочным материалом.

[3] А. А. Исмаилов. К вопросу о средневековых погребальных сооружениях в верховьях реки Чанты-Аргуна. Изв. ЧИНИИ, III, 1, стр. 135.

[4] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963; Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной

3,7 *м*, высота — 2 *м*. Выступающее перекрытие из шиферных плит образует карниз 15—20 *см*.

Вторая разновидность. Лучшей иллюстрацией может служить склеп с двускатной крышей из с. Кабузта (рис. 1, *2*). Склеп сложен из камня на известковом растворе. Скаты крыши засыпаны землей. Перекрытие, выложенное шиферными плитами, отделяется карнизом, тоже выложенным

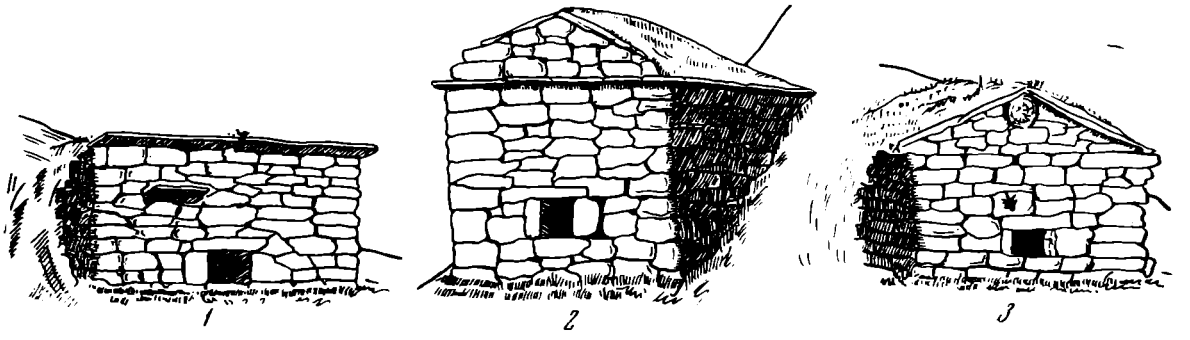


Рис. 1. Склепы верховьев р. Лиахвы

1 — склеп у с. Ходз; *2* — склеп у с. Кабузта; *3* — склеп у с. Хсайнг Сба

шиферными плитами. Высота склепов 4,1 *м*, ширина 4,35 *м*, длина — 6,6 *м*. Расстояние от земли до лаза — 1,35 *м*. Сам лаз имеет размеры 0,55×0,52 *м*.

Третья разновидность. Это склеп с двускатной крышей, но с продольной деревянной балкой из с. Хсайнаг Сба (рис. 1, *3*). Скаты, выложенные шиферными плитами, присыпаны землей. Шиферные плиты у стыка скатов опираются на продольно уложенное бревно, передняя часть которого выступает на 5 *см*, а задняя упирается, частично входя в нее, в противоположную стену камеры и, таким образом, выполняет роль несущей части перекрытия. Балка плохо сохранилась, но еще удерживает тяжесть плит и насыпанной земли. На камне, влево от лаза, выбитое изображение правой руки человека.

В с. Даллаг Бритат, на склоне горы, рядом со склепами и поздними могилами, было отмечено сооружение (рис. 2), имеющее форму усеченной пирамиды, оно сложено из необработанных камней, но не из плитняка, как склепы, а из пористых глыб. Основание сооружения 2×3 *м*, а высота 1,5 *м*. Возможно, это цырт (памятник), сооруженный в память погибшего вдали от родных мест местного жителя и не доставленного на родовое кладбище по тем или иным причинам, хотя осетины почти всегда их привозят на родину.

Своеобразие в архитектуру склепов Южной Осетии вносят два надземных сооружения у сел Уаллаг Ерман и Челиат. Уаллагерманский склеп (рис. 3) сходен со склепами из сел Лац и Даллаг-кау Северной Осетии [5]. Ступенчатая двускатная крыша, три выступающих плиты (верхняя плита просверлена в двух местах) и основательная кладка — вот что роднит описываемый склеп с северокавказскими. Но отметим интересную деталь. Гребень склепа образован вертикально поставленными шиферными плитками. Они как бы заканчивают устремленную ввысь кривую линию боковых стен. Склеп по своей форме напоминает нузальскую часовню XIII в. [6]. Размеры склепа: высота 5 *м*, ширина фасадной и тыльной стен у основания 3,35 *м*, длина 4,17 *м*, лаз 0,46 × 0,38 *м*.

Монументальным погребальным сооружением является надземный склеп в с. Челиат (рис. 4). Внушительные размеры этого уникального

Осетии. Владикавказ, 1928; В. А. Кузнецов. Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962.

[5] Г. Кокиев. Ук. соч., рис. 8, 10.

[6] Там же, рис. 35.

сооружения хорошо видны. Склеп двухэтажный, с двумя лазами и навесами из шиферных плит над ними, с семьюступенчатой двускатной крышей. Впрочем, о двускатности приходится говорить только из-за наличия огромных шиферных ступенек. В лазе первого яруса ясно видна деревянная рама дверцы, хотя лазы нигде не прикрыты ни камнем, ни деревянной дверцей, но в полуподземном склепе с. Хсайнаг Ерман лаз закрывался доской, которая ходила в пазах влево и вправо.

Трудно говорить о времени использования этих склепов, а особенно о нижних хронологических рамках[7]. Причина этого — хорошо известное исследователям подобных памятников отсутствие вещей. Склепы разграблены и инвентарь они дают довольно скудный. Во многих

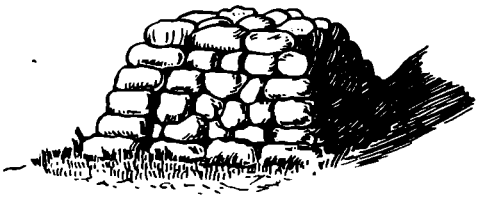


Рис. 2. Надмогильное сооружение у с. Даллаг Бритат

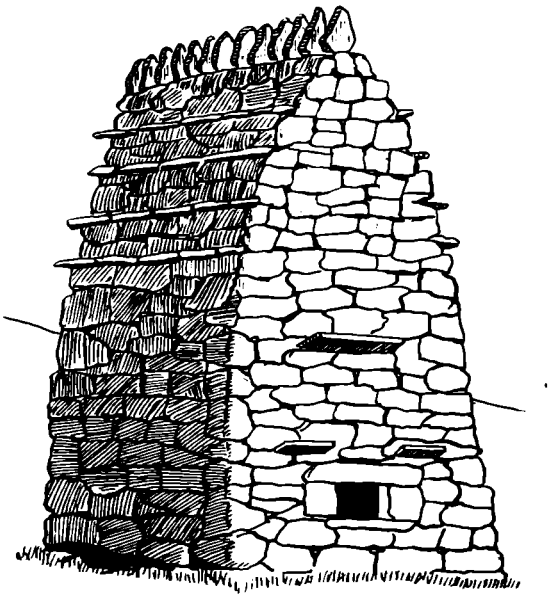


Рис. 3. Надземный склеп у с. Уаллаг Ерман

склепах обломки деревянных полок, остатки одежды, черепки глиняной, деревянной и стеклянной посуды перемешаны с многочисленными и разрозненными костяками погребенных. Некоторое представление о погребенных могут дать найденные предметы. В одном из склепов (склеп № 2, с. Даллаг Ерман) была обнаружена доска (рис. 5), представляющая собой боковую стенку от детского гроба[8]. Доска замечательна своим рельефом, вырезанным по всей поверхности. Рельеф представляет собой двухъярусную композицию. Верхняя часть — изображение благородных оленей, стоящих в ряд, один за другим и обращенных слева направо. Причем первые три — самки, а три последних — самцы. Нижний ярус рельефа — вереница всадников, вооруженных кинжалами или саблями, и опять три последних всадника сидят на жеребцах. Гроб, видимо, принадлежал мальчику. Об этом говорит и сам охотничье-военный характер рельефа. Кроме того, у осетин в средние века, да и в последующие времена, особенно ожидалось рождение мальчика, сопровождавшееся большими пирами. Рождение же девочки было нежелательным и не отмечалось никакими празднествами[9]. Можно думать, что и смерть мальчика переживалась острее и вызывала пышные поминки, и погребение тоже оформлялось соответственно. В. А. Кузнецов отметил на этом рельефе отражение двух художественных традиций: кобанской и аланской, соотнеся изображения оленей с кобанскими литыми фигурками оленей, а всадников на доске — с литыми подвесками аланских могильников[10].

---

[7] Склепы использовались до конца XIX в. А в 20-х годах XX в. в склепе с. Челиат был погребен старик по его же завещанию.

[8] В склепе был обнаружен детский череп.

[9] Автор это наблюдал неоднократно. См. об этом также Е. Г. Пчелина. Родильные обычаи у осетин. СЭ, 1937, 4.

[10] К. Бязров. Эрманский рельеф. Газ. «Социалистическая Осетия» от 22 января 1967 г.

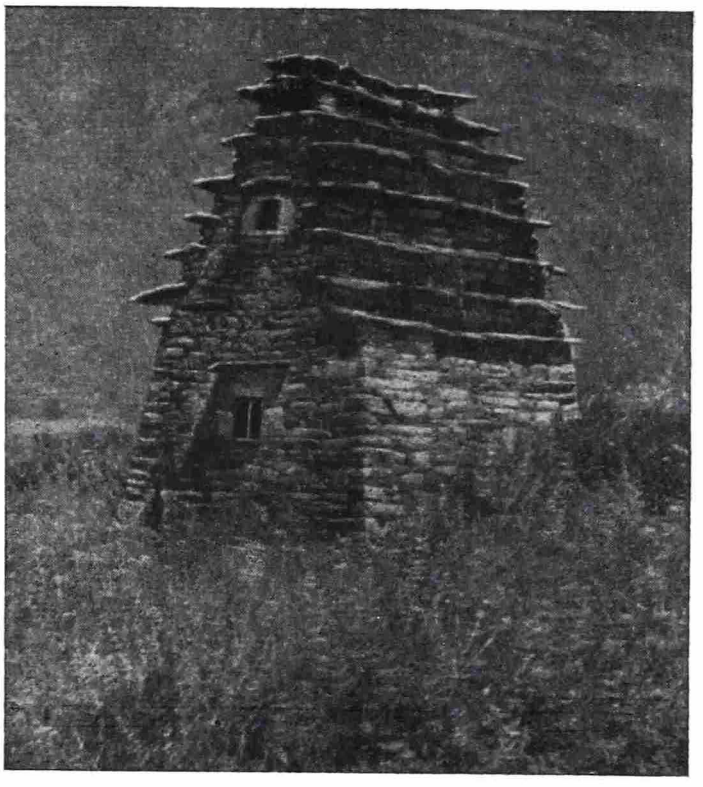


Рис. 4. Надземный склеп у с. Челпат

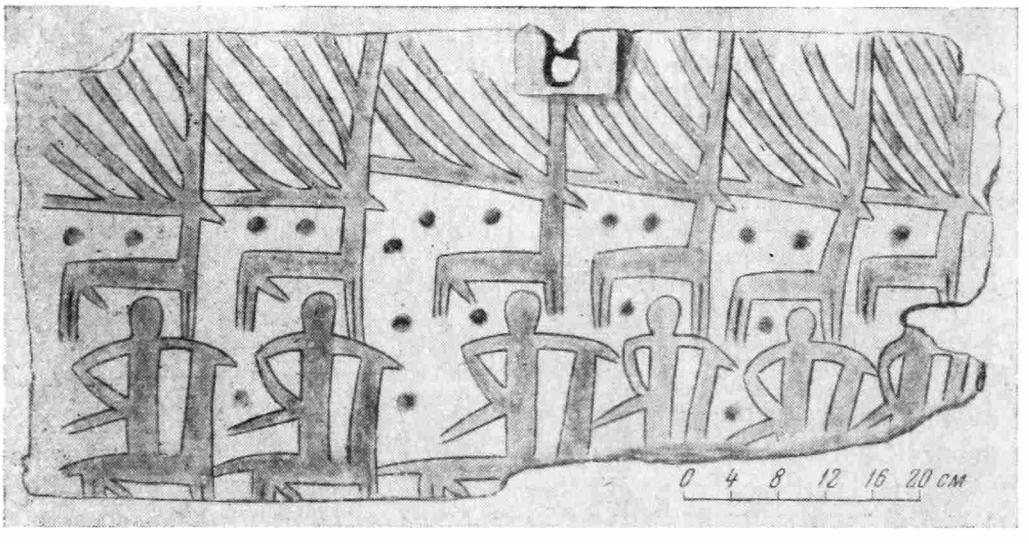


Рис. 5. Резная доска гроба из склепа № 2 у с. Даллаг Ерман

На двух склепах были отмечены изображения. На одном (в с. Хсайнаг Сба) — изображение правой руки человека, что, по-видимому, выполняло роль оберега, и на другом (с. Хсайнаг Ерман) изображение значка, возможно, родовой тамги (рис. 6).

Как не скуден описанный выше материал, но некоторые предварительные выводы на его основании можно сделать.

Склепы Южной Осетии проливают некоторый свет на время переселения ираноязычного населения края с северных склонов Главного Кавказского хребта.

Склепы, появившиеся и развившиеся на Северном Кавказе, систематизированы в работах Л. П. Семенова [11]. По его хронологической систе-

[11] Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1936; его же. Из истории работы музея краеве-

ме, они располагаются в следующем порядке. Самые древние — подземные, затем — полуподземные и позднейшие — надземные. Система эта никем не опровергнута и считается общепринятой. Отсутствие подземных склепов на территории Южной Осетии наводит на мысль, что они принесены были сюда в уже развитой форме переселенцами — осетинами. Разумеется, было бы неверным считать, что эти переселенцы оказались в чуждой им этнической среде, а не в среде одного из скифо-сарматских племен [12].

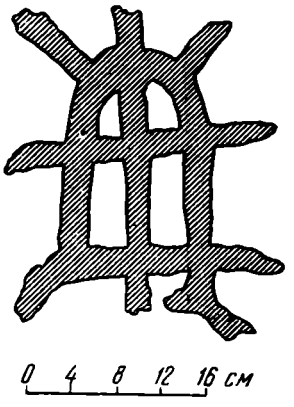


Рис. 6. Рисунок на склепе у с. Хсайнаг Ерман

Та же система Л. П. Семенова подсказывает и время этого переселения, а именно — XIII—XIV вв. Эта дата не противоречит мнению ученых, занимавшихся этим вопросом [13]. И хотя их датировки не совсем идентичны, но XIII—XIV вв.— это именно та общая дата, которая их объединяет.

В интересной работе Г. Р. Лазарашвили была высказана мысль о неоднократном переходе осетин (у Лазарашвили — миграции) с севера на юг через перевалы Главного Кавказского хребта [14].

И если переход в XIII—XIV вв. обрисовывается пока хоть бы в смутных чертах, то первые волны переселения еще не находят достаточного подтверждения, но это дело принадлежит будущим исследованиям.

дения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952.

[12] Еще Страбон отмечал к северу от иберийской равнины племена, родственные скифо-сарматам. См.: Страбон. География. М., 1964, XI, III, 3, стр. 474.

[13] Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947, стр. 5—8; Д. Гвритишвили. К вопросу об этнической принадлежности «двалов» и о переселении осетин в Картли (на груз. яз.), «Мимонхилвели», I, Тбилиси, 1949, стр. 118—119; Г. Д. Тогошвили. Из истории грузино-осетинских взаимоотношений. 1958 (на груз. яз.); В. Н. Гамкрелп. Двалы и Двалетия в I—XV вв. Тбилиси, 1961, стр. 113 сл.; З. Ванети (З. Н. Ванеев). К вопросу о времени заселения Юго-Осетии. Изв. ЮОНИИ, III, 1936, стр. 271, 273.

[14] Г. Р. Лазарашвили. О времени переселения осетин в Грузию. СЭ, 1966, 2.

А. И. ЛАВРЕНТЬЕВ

КУРГАНЫ И РЕЧНАЯ СЕТЬ ЮГО-ЗАПАДА ПРИКАСПИЙСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Современный объем знаний по палеогеографии юго-западной части Прикаспийской низменности не позволяет хотя бы в общих чертах восстановить дохвалынскую речную сеть этого района, так как вся территория до отметок +47 −49 *м* [1] была покрыта водами раннехвалынского бассейна.

Достаточно точно реконструируется речная сеть времени новокаспийской трансгрессии, распространявшейся, по П. В. Федорову [2], до отметки — 21 *м*. Период максимума трансгрессии — 2500—3000 лет назад — характеризовался повышенной влажностью климата, и низменность орошалась пресными реками.

[1] В. А. Николаев. Палеогеография западной части Прикаспийской низменности в четвертичное время. Тр. Прикасп. эксп. Геофака МГУ, «Геоморфология», 1958.

[2] П. В. Федоров. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря. Тр. ГИН АН СССР, 10, 1957.

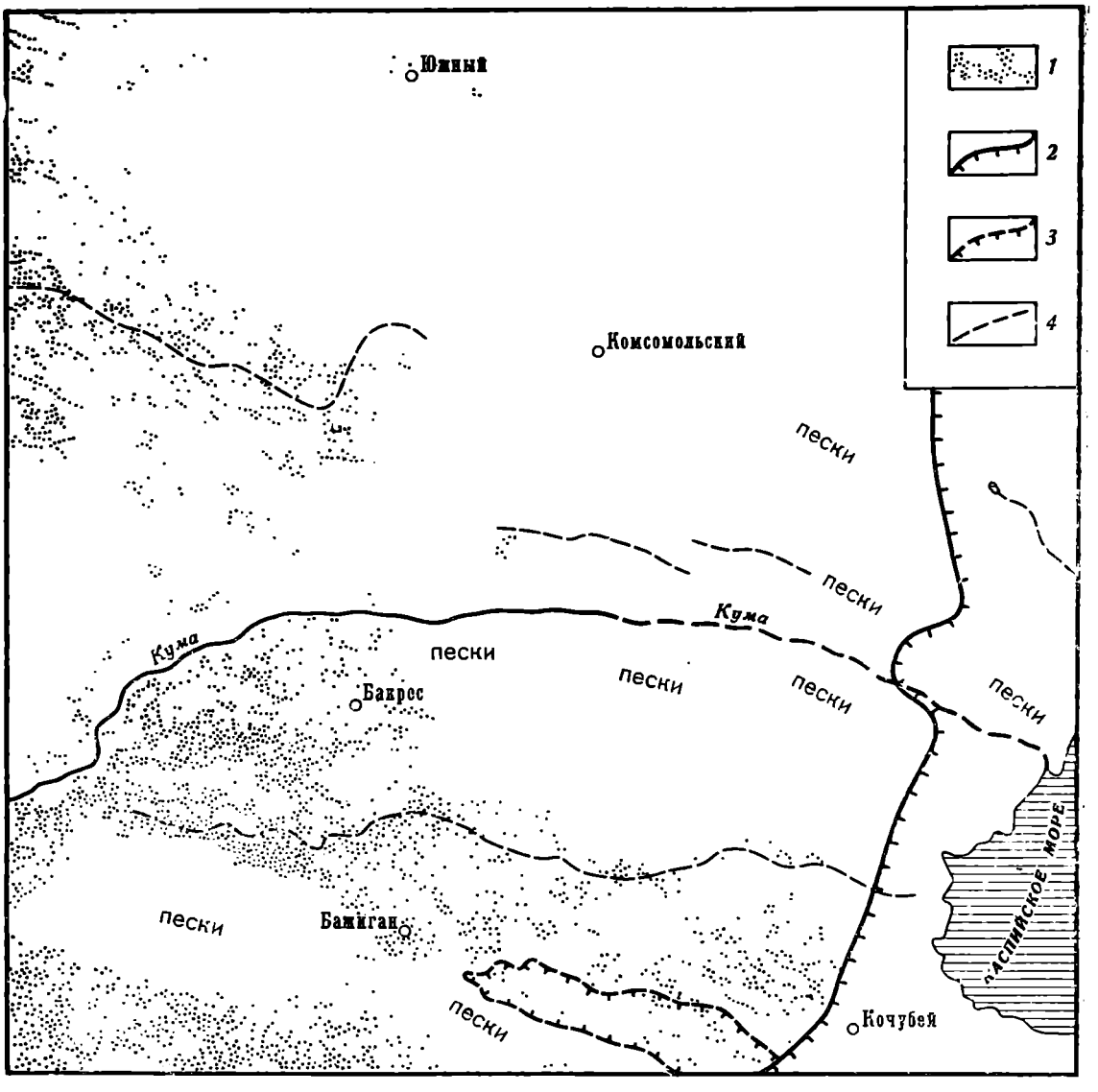


Схема распространения курганов в юго-западной части Прикаспийской низменности
1 — курганы; *2* — граница новокаспийской трансгрессии Каспия; *3* — древняя дельта Кумы; *4* — сухие русла

Для восстановления речной сети кроме «традиционных» методов были использованы результаты изучения размещения курганов, которые, будучи немногочисленными или вовсе отсутствуя на междуречных пространствах и вдоль коротких речек с местным питанием (Бургла, Светлый Ерик, Гайдук), отчетливо тяготеют к руслам древних рек (рисунок). Только в районе пос. Южный некоторая их концентрация объясняется иной причиной, а именно присутствием среди хвалынских толщ линз солоноватой и даже пресной воды, которую, по всей видимости, могли добывать и кочевники: глубина современных колодцев с пресной водой здесь всего 3—6 *м*.

Наиболее интересна связь между курганными группами и древними и современным руслами Кумы, дающая возможность в следующем виде представить геологическую историю реки.

В период максимума новокаспийской трансгрессии Кума от Нефтекумска текла на ЮВВ, разбиваясь в районе Бажигана на несколько проток (от них остались сухие русла) и образовывая длинную узкую дельту к западу от с. Кочубей. Видимо, эта дельта имела связь с лагунами новокаспийского бассейна, следы которых остались в виде многочисленных озер, саг (сага — местное название пересыхающего озера) и солончаков, расположенных к северо-западу от с. Кочубей, чем и объясняется большое количество курганов вокруг них. (Для простоты схемы озера, саги и со-

лончаки не показаны). Затем, еще до окончания трансгрессии, Кума покинула дельту и переместилась к северу, заняв русло, известное под названием Сухая Кума.

В настоящее время Кума от Нефтекумска поворачивает на север, чтобы постепенно принять направление на ЮВВ. Местное население называет этот отрезок реки Мокрой Кумой. Из типично русского характера названий обоих русел — Сухая и Мокрая Кума — можно заключить, что последняя миграция, или переброс [3], реки произошла уже на глазах русского населения.

В пользу недавней миграции говорит и невыработанность русла Мокрой Кумы, а также то, что она еще не «закрепилась» на новом месте: Кума иногда возвращается в Сухую Куму и свою древнюю дельту, становясь во втором случае притоком Прорвы — левого рукава дельты Терека. Но главное, на чем нужно остановить внимание, это почти полное отсутствие в нижнем течении Кумы курганов. (Может показаться, что причина отсутствия курганов кроется в развеивании песков. Однако развеиваемые пески располагаются изолированными массивами, занимающими к тому же только правобережье и самое низовье Кумы. Пески «мешали» кочевникам лишь к югу от линии Нефтекумск — Бажиган и к юго-востоку от Бажигана.)

Причина последнего переброса Кумы заключается, видимо, в тектоническом воздымании местности к востоку от Нефтекумска. Ставшая к этому времени уже маловодной, река была вынуждена обойти Озек-Суатское [4] поднятие с запада и севера.

Прилагаемый к данной заметке рисунок позволяет также сделать вывод о том, что Восточный Маныч, вопреки ранее высказанной нами точке зрения [5], никогда не был связан с озерами Большой и Малый Манычи в Ногайской группе озер и саг (к СЗЗ от с. Кочубей): если по курганам нельзя проследить продолжение Восточного Маныча даже до Мокрой Кумы, то вряд ли стоит ожидать, чтобы память людей сохранила названия за частями тысячелетия назад существовавшей реки.

Впрочем, нарисованная здесь картина не строго достоверна. Малочисленные раскопки курганов и несистематичные сборы поверхностного археологического материала не дают необходимых сведений для более точных представлений об истории речной сети. Поэтому с большой надеждой следует ожидать результатов новых раскопок, которые помогли бы также понять причину концентрации курганов южнее песчаных массивов района Нефтекумска и Бажигана: не исключено, что здесь когда-то протекала р. Сухая Горькая, впоследствии мигрировавшая к северу и ставшая притоком Горькой Балки. В свою очередь знание истории речной сети способствовало бы расшифровке особенностей неотектонического развития данного участка низменности, что имеет особый смысл в связи с поисками и разведкой нефтяных месторождений и мелиорацией земель.

Нельзя не заметить здесь же, что благодаря новым раскопкам удалось бы уточнить время новокаспийской трансгрессии, так как курганов ниже ее границы, за исключением района пос. Каспийского и дельты Терека, нет, хотя они встречаются над абразионным уступом и на островах трансгрессировавшего бассейна.

---

[3] А. И. Лаврентьев. О борьбе за водосбор и перестройку гидросети. ВМГУ, сер. биол., почв., геол., геогр., 2, 1959.

[4] А. А. Чистяков. Геоморфологические признаки новейших движений в северной части Ногайской степи. ВМГУ, сер. биол., почв., геол., геогр., 2, 1956.

[5] А. И. Лаврентьев. Ук. соч.

А. М. МИКЛЯЕВ и Н. Г. ГЕРАСИМОВА

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ФОСФАТНОГО АНАЛИЗА ПРИ РАЗВЕДКЕ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Разведка древних поселений на территории северо-запада Европейской части СССР затруднена из-за отсутствия подъемного материала на поверхности, что объясняется сильной облесенностью местности и задернованностью надпойменных участков и пойм современных озер и рек. Вероятно поэтому поиски памятников неолита и бронзы на территории Псковской области, предпринятые нашими предшественниками [1], оказались безуспешными, что дало основание Н. Н. Гуриной сделать вывод об отсутствии здесь поселений в III—II тысячелетиях до н. э.[2]

В 1962 г. Невельский отряд Псковской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа [3] обследовал окрестности пос. Усвяты (юг Псковской области). В результате трех недель работы было обнаружено 16 стоянок эпохи позднего неолита и бронзы [4].

Указанные выше трудности, порожденные своеобразием физико-географических условий Псковщины, чрезвычайно тормозили работу — приходилось закладывать многочисленные шурфы во всех местах, которые казались удобными для устройства поселений в древности. Когда же стоянку удавалось обнаружить, необходимо было шурфовать вновь и вновь, для того чтобы определить протяженность культурного слоя, его мощность в различных местах и, таким образом, отыскать участки, наиболее перспективные для раскопок. Все это требовало больших затрат времени и средств. К тому же усиленная шурфовка памятника имеет тот недостаток, что она разбивает целостную картину, предстающую глазам археологов при раскопках большими площадями.

В создавшихся условиях вполне закономерна мысль попытаться найти выход из затруднительного положения при помощи какого-то метода, отличного от традиционных археологических приемов. Наше внимание привлек фосфатный анализ почв.

В работах Л. Веллесте [5] и Г. Г. Штобе [6] было убедительно показано, что для исследования мест древних поселений в Эстонии и Латвии чрезвычайно целесообразным и экономичным оказалось применение метода фосфатного анализа культурного слоя.

В основе этого метода лежит тот факт, что почвы древних поселений и городищ за счет включений антропогенного характера в десятки и сотни раз богаче фосфором, чем лесные, полевые и приусадебные почвы. Таким образом, по данным содержания фосфатов можно определить наличие, мощность и протяженность культурного слоя.

Так как естественные условия Прибалтики (и в частности почвы) близки к таковым юга Псковской области, мы считали необходимым освоить фосфатный метод и применить его в нашей практике. Результа-

---

[1] А. Н. Ляуданскі и К. М. Полікарповіч. Археалогічныя даследы ў БССР ў 1933—1934 гг. Зап. АН БССР, V, 1934, Минск, 1936, стр. 210—216; Н. Н. Гурина. Результаты работы неолитического отряда Прибалтийской экспедиции, ВЭИНП, I, М., 1959, стр. 76—110.

[2] Н. Н. Гурина. Ук. соч., стр. 106.

[3] С 1964 г. Невельский отряд преобразован в самостоятельную экспедицию.

[4] А. М. Микляев. Отчет о работе Невельского отряда в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-12583.

[5] Л. Веллесте. Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК, XLII, 1952.

[6] Г. Г. Штобе. Применение методов почвенных исследований в археологии. СА, 1959, 4.

ты оказались успешными и, на наш взгляд, достаточно интересными, для того чтобы обсудить их в настоящем сообщении.

Пробы грунта, привезенные нами из поисковой экспедиции 1962 г., были проанализированы в химической лаборатории Государственного Эрмитажа. Для определения содержания фосфатов лаборатория воспользовалась методом, который был рекомендован научными сотрудниками ВНИИ методики и техники разведки Министерства геологии и охраны недр Г. С. Франтовым и А. М. Йерхо[7]. Геофизический отряд под руководством Г. С. Франтова с успехом применил этот метод при археологической разведке стоянки Вьюн (Сосновский район Ленинградской области), проводившейся Ленинградским отделением Института археологии АН СССР[8].

Вариант Г. С. Франтова и А. М. Йерхо очень близок к лабораторному методу колориметрического определения усвояемого фосфора в дерново-подзолистых и подзолистых почвах по А. Т. Кирсанову[9]. От метода Л. Веллесте он существенно отличается тем, что фосфаты определяются в солянокислой, а не в сернокислой вытяжке. В соляной кислоте растворяется большее количество фосфатов, чем в серной кислоте, поэтому цифры, полученные нами, как правило, значительно выше значений, приводимых Л. Веллесте. Фоновое содержание фосфатов (P_2O_5) в почвах тех мест, где мы проводили разведку, составляло от 1 до 15 *мг* на 100 *г* почвы.

На стоянке Удвяты-1, где почвенно-растительный слой уничтожен распашкой, а культурный слой сильно нарушен и перемешан с ним, химический анализ показал, что содержание фосфатов на глубине от поверхности до 20 *см* почти в десять раз превосходит нормальное. По мнению археологов, основной акцент в непотревоженной части культурного слоя приходится на глубины 20—40 *см* от поверхности[10]; химический анализ в этом слое дал максимальное (по сравнению с соседними слоями) количество P_2O_5 — 250 *мг*. В нижележащих слоях супеси и желтой глины в 1962 г. находок сделано не было; окончательное решение вопроса, что является в данном случае материком, переносилось на будущее время[11]. Анализы показали, что в слое 3 содержится 200 *мг* фосфатов, в слое 4 — 75 *мг* и только в слое 5 количество фосфатов незначительно (10 *мг* на 100 *г* почвы). Судя по этим данным, материком, по-видимому, мог быть только 5-й слой. Это предположение подтвердилось при раскопках той же стоянки летом 1963 г., когда было обнаружено, что слои 3—4 очень сильно обогащены линзами и западинами культурного слоя. Таким образом, лабораторным путем был разрешен вопрос, археологическое решение которого потребовало трех недель напряженного труда на раскопе.

Для поселения Романовское данные стратиграфии и химического анализа совпали, однако, последний как будто указывал, что следует отдать предпочтение нижней части культурного слоя. И в самом деле, при расширении шурфа в 1963 г. оказалось, что верхний отдел культурного слоя имеет слабую насыщенность находками и содержит весьма поздние культурные остатки, в нижней же части находок больше, и они не выходят по своей дате за пределы II тысячелетия до н. э. На глубине 80 *см* в 1962 г. находок сделано не было, что предварительно позволяло считать

---

[7] Подробное описание методики можно найти в книге: Г. С. Франтов и А. А. Пинкевич. Геофизика в археологии, Л., 1966.

[8] Г. С. Франтов. Применение геофизических методов в археологии. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965.

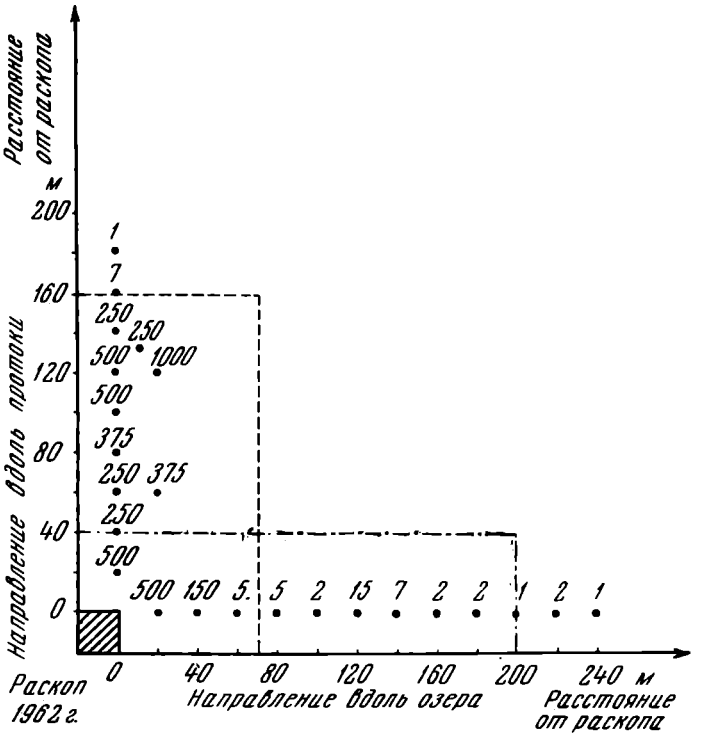
[9] А. В. Аринушкина. Руководство по химическому анализу почв. М., 1962, стр. 383.

[10] А. М. Микляев. Ук. соч., стр. 7.

[11] Там же, стр. 5—6.

этот слой материком. Однако темный цвет песка как будто противоречил этому. Химический анализ показал содержание P_2O_5 в этом слое до 50 *мг* на 100 *г* почвы, а в 1963 г. на этой глубине было найдено и небольшое количество кремневых отщепов. В 1962 г. на дне шурфа с уровня 80 *см* выступила вода, в жидкой грязи невозможно было отыскать культурные остатки, если они там имелись. Результат анализа (10 *мг* P_2O_5) позволял думать, что ниже 70 *см* от поверхности культурный слой не распространяется. В 1963 засушливом году шурф был доведен до глубины 1 *м*; культурный слой был исчерпан на глубине 80 *см*.

На стоянке Узмень мощность культурного слоя не вызывала у археологов сомнений. Химический анализ дал две цифры содержания в нем фосфатов: 250 *мг* на глубине 0,23 *м* от поверхности и 750 *мг* на глубине 0,60 *м*. В 1963 г. выяснилось, что в соответствии с данными фосфатного анализа именно нижний горизонт культурного слоя наиболее насыщен находками.



Содержание фосфатов в почве стоянки Узмень

точка — место взятия пробы; пунктир — граница стоянки; линии с точками — предполагаемая граница стоянки. Числа означают количество *мг* P_2O_5 в 100 *г* почвы

На истории исследования стоянки Узмень мы остановимся более подробно, так как допущенная археологом ошибка весьма типична, а роль фосфатного метода в этом случае очень убедительна.

В 1962 г., после того как здесь был зафиксирован культурный слой, последовало предположение, казавшееся весьма логичным, что стоянка располагается вдоль озера. Соответственно и планировались раскопки в следующем сезоне. В 1963 г. в составе экспедиции находилась химик-лаборант А. И. Поздняк, специально командированная с целью проверки возможностей фосфатного метода в полевых условиях. Проведенные ею анализы показали, что содержание P_2O_5 в образцах из озерной части берегового вала не превосходит естественного, тогда как в приречной части местами доходит до 1000 *мг* на 100 *г* почвы (образцы отбирались через 20 *м* с глубины 0,20—0,30 *м* — см. рисунок). Данные анализа образцов почвы, взятых дополнительно в приречной части вала вокруг выявленных точек с повышенным содержанием фосфатов, позволили предположить, что культурный слой стоянки распространяется не сплошь, а в виде отдельных пятен и линз. Многочисленные шурфы, заложенные нами вслед за тем на береговом валу, обнаружили, что: 1) стоянка локализуется не на озерной, а на приречной части вала; 2) культурный слой стоянки залегает в виде скоплений, между скоплениями он фактически отсутствует. Таким образом, данные фосфатного анализа помогли выбрать правильное направление раскопок.

Кроме того, нужно отметить, что анализ образцов почвы верхнего культурного слоя торфяниковой стоянки Удвяты-4 не только подтвердил установленную нами визуально стратиграфию, но и показал значительное

увеличение количества фосфатов в интервале 0,40—0,50 *м* от поверхности. При раскопках, проведенных позднее (1964 г.), оказалось, что именно на этой глубине залегает подавляющее большинство фаунистических остатков. Тогда же было обнаружено, что ниже материкового (5) слоя находится более древний культурный слой, что объясняет высокое содержание фосфатов в слое 5.

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов.

1. Имеет место полное совпадение данных визуальных археологических наблюдений с результатами химических анализов. Следует отметить, что содержание фосфатов в слоях каждого памятника индивидуально. Причинами тому могут быть: характер почв, топография памятника, долговременность его обитания, количество фаунистических остатков в почве и т. д. Тем не менее, содержание фосфатов в колонке каждого памятника дает возможность точно определить культурный слой.

2. В случаях, когда визуальные наблюдения над стратиграфией почему-либо затруднены, фосфатный анализ помогает решить вопрос о глубине залегания культурного слоя и его мощности.

3. Фосфатный анализ позволяет определить в плане границы распространения культурного слоя и места наибольшего скопления культурных остатков, что помогает выбрать место для раскопок.

Таким образом, наш опыт применения фосфатного анализа показывает, что его можно с успехом использовать при археологической разведке древних поселений. Как метод исследования культурного слоя фосфатный анализ имеет следующее достоинство: он позволяет детально разведать памятник, не прибегая к его шурфовке. Пробы грунта берутся отборником проб, буром Гиллера или при помощи малой саперной лопаты. Выполнение анализов не сложно и доступно любому археологу после небольшой подготовки.

Недостатком избранной нами методики с точки зрения ее применения в поле является значительный расход времени на проведение анализов [12]. Методика, предложенная Л. Веллесте, кажется в этом плане более экономичной. По нашему мнению, необходима дальнейшая работа по совершенствованию метода в этом направлении, а также по его стандартизации, с тем чтобы данные, получаемые различными археологами, могли быть сопоставимы.

---

[12] За две недели работы в экспедиции А. И. Поздняк смогла проанализировать около 70 проб.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967, 416 стр., на армянском языке с русским и английским резюме.

В 1967 г. армянское издательство «Мысль» («Митк») опубликовало объемистую книгу доцента Ереванского университета С. А. Сардаряна «Первобытное общество в Армении». Книга издана на прекрасной меловой бумаге, в суперобложке и хорошо оформлена.

Рецензируемая работа состоит из трех частей: «Древний каменный век в Армении», «Средний и новокаменный век в Армении» и «Медный век в Армении». Каждая из этих частей в свою очередь подразделена на главы и параграфы. Автор пытается «на основе своих многолетних исследований и раскопок... стоянок времен древнекаменного века, новокаменного века и эпохи бронзы... по-новому осветить историю первобытного человека и племен Армянского нагорья», «характеризуя жизнь первобытного человека, начиная с зари человеческой истории до разложения первобытного строя и появления классового общества» (стр. 10).

Не касаясь самого претенциозного тона, с каким автор формулирует свою задачу, ниже мы попытаемся выяснить как сущность этого «нового освещения», так и общий уровень, на котором выполнена данная работа.

Начнем с первой части. С точки зрения фактического материала она почти полностью повторяет книгу С. А. Сардаряна «Палеолит в Армении», изданную в 1954 г. Эта книга в свое время была подвергнута острой и обоснованной критике в рецензии А. А. Формозова [1]. Повторять ее нет необходимости. Укажем только, что С. А. Сардарян сознательно прошел мимо этой рецензии и совершенно не учел содержащихся в ней многих обоснованных замечаний. Указанные А. А. Формозовым серьезные недостатки книги «Палеолит в Армении» целиком присущи и рассматриваемой работе. Рецензент справедливо отметил, что «никакого обоснования выводов автора в книге нет» [2], что «вся его периодизация повисает в воздухе и вызывает чувство недоверия» [3], что «все попытки С. А. Сардаряна выделить разные стадии верхнего палеолита в сборах на горе Артин бездоказательны, а потому беспочвенны и общие заключения автора» [4]. Детальное ознакомление с книгой «Палеолит в Армении» дало основание рецензенту заключить, что «автор, по-видимому, недостаточно знаком с методикой археологического исследования и вообще с палеолитическим материалом», что он «не в курсе новейших исследований советских археологов» и «плохо ориентирован в тех общих вопросах, над которыми работают советские ученые».

С тех пор прошло более десяти лет. За это время по палеолиту вообще и Кавказа в частности накоплен значительный новый материал, появилась большая специальная литература как в нашей стране, так и за рубежом. Но С. А. Сардарян игнорировал не только обоснованную рецензию на свою книгу, но и многочисленные новые данные в области палеолита, полученные в минувшем десятилетии. Следовательно, ни о каком «новом освещении» древнейшей истории и культуры Армении в рассматриваемой работе С. А. Сардаряна не может быть и речи.

«Новое» здесь, вероятно, заключается в том, что материалы древнекаменного века из сборов С. А. Сардаряна 20-летней давности представлены в описаниях и характеристиках, взятых из широко известных трудов советских и зарубежных авторов. Подобные «заимствования» в данной работе составляют не единичные факты. Списанные с чужих работ целые абзацы, а иногда и отдельные страницы, параграфы и главы разбросаны по всей книге. Чтобы не быть голословными, мы приведем ниже ряд фактов. Например, некоторые абзацы на стр. 31, 43, 44, 47 рецензируемой работы почти буквально совпадают с абзацами книги П. П. Ефименко, учебника А. В. Арциховского и монографии М. З. Паничкиной [5].

[1] А. А. Формозов. Рец.: С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. СА, XXVII, 1957.
[2] Там же, стр. 307.
[3] Там же, стр. 308.
[4] Там же, стр. 309.
[5] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 7, 18, 107—108, 145; А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 26, 31, 32, 36; М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949.

Приведем конкретные примеры. В указанной книге П. П. Ефименко (стр. 14—15) мы читаем: «В соответствии с несложностью технического вооружения, с простым характером орудий труда, и источники существования человека на протяжении всего палеолитического времени остаются еще весьма ограниченными». «Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы,— это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой» — указывает Ленин» [6]. Данный текст в книге С. А. Сардаряна (стр. 31) буквально повторен, но при этом без ссылок как на В. И. Ленина, так и на П. П. Ефименко. Следовательно, мы имеем здесь факт двойного плагиата. Другой пример из той же книги П. П. Ефименко. На стр. 15 там есть такие абзацы: «Как известно, еще в своих ранних работах («Немецкая идеология», «К критике политической экономии» и др.) основоположники марксизма особенное значение в качестве основного вида производства (и первой формы кооперации) на начальной ступени человеческой истории придавали охоте и рыболовству. В замечательном очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [7]. Энгельс считает мясную пищу важнейшим условием формирования человека и первые орудия труда рассматривает как орудия, обеспечившие мясное питание. С этим он связывает и имевшее огромное значение «пользование огнем». Он справедливо указывает, что «исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, т. е. таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком не надежна» [8]. Действительно, известно, что даже народности севера, в жизни которых мясная пища, добываемая путем охоты и рыболовства, играет огромную роль, не могли бы существовать без растительной пищи».

Приведенные абзацы из книги П. П. Ефименко объединены у С. А. Сардаряна в один абзац (стр. 31, второй абзац), но при этом сняты указания Ефименко на «Немецкую идеологию» и «К критике политической экономии». Со второго абзаца П. П. Ефименко снято его указание на «Роль труда...» Ф. Энгельса и сняты кавычки с цитаты, приведенной П. П. Ефименко из «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, хотя цитата сама приведена буквально так, как у П. П. Ефименко. Таким образом, С. А. Сардарян приписывает себе изложение и мысли не только П. П. Ефименко, но и классиков марксизма. Укажем еще, что смысл последнего предложения в приведенном тексте из книги Ефименко искажен Сардаряном. Поскольку Армения — область южная, он выбросил оттуда слово «севера» и перевел указанное предложение П. П. Ефименко таким образом: «Известно, что народы, в жизни которых мясо добывалось путем охоты и рыболовства», и г р а л и о г р о м н у ю р о л ь, хотя они не могли существовать без растительной пищи».

Списанное таким образом «Введение» из книги П. П. Ефименко превращено С. А. Сардаряном в основополагающую главу о периодизации первобытного общества.

В тексте работы нет указания на «Первобытное общество» П. П. Ефименко, хотя в списке литературы она приведена С. А. Сардаряном иногда со сносками на страницы, но без увязки с соответствующими разделами книги.

Было бы несправедливо, если бы мы не указали на то, что в рецензируемом труде имеются интересные и ценные по содержанию страницы, посвященные памятникам древнего каменного века западных областей Армянского Нагорья (стр. 54—59, 70—71, 86). Но при первом же знакомстве с ними выясняется, что они как в текстовой части, так и в сносках почти целиком повторяет известную специалистам работу В. П. Любина «Палеолит Турции» [9], а 26 примечаний переписаны дословно, даже с повторением типографских опечаток, но ссылку на В. П. Любина С. А. Сардарян не дает. Таков уже «метод» его исследования.

Подобным же «методом» изложена и глава, относящаяся к периодизации первобытного общества (часть первая, глава II). Весьма любопытно, что параграф «Первобытная родовая община» списан у П. П. Ефименко столь «добросовестно», без упоминания источника, что пропущены лишь две скобки и «забытые» автором кавычки (ср. текст на стр. 35 в книге С. А. Сардаряна с тем, что написано на стр. 16—17 в книге П. П. Ефименко).

Устанавливается, что из 80 страниц первой части книги С. А. Сардаряна 29 составляют иллюстрации, 15 — компилятивные данные о природных условиях, флоре и фауне Армении, 18 — заимствования из трудов Ф. Энгельса, П. П. Ефименко, А. В. Арциховского, В. П. Любина и других авторов, а на остальных 18 страницах значительное место занимают описания древнекаменного века вообще и палеолитических материалов в частности, почерпнутые из работ отмеченных ученых. По существу, автору остаются «союзы» и вводные предложения для увязки чужих мыслей, взглядов и выводов, а также несколько высказываний о «мировом» значении палео-

---

[6] П. П. Е ф и м е н к о. Ук. соч., стр. 14.

[7] Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы. М., 1949, стр. 137.

[8] Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 21.

[9] В. П. Л ю б и н. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества, СА, XXVII, 1957.

литической культуры Армении, о весьма гуманных качествах не обнаруженного еще в Армении первобытного человека или человекоподобной обезьяны.

Рассмотрим теперь вторую часть книги — «Среднекаменный и новокаменный век в Армении». Она выгодно отличается от первой тем, что в ней автор впервые вводит в научный оборот материалы — орудия труда, оружие, керамику и другие данные — из некоторых новых памятников. Но в целом и эта часть грешит теми же недостатками, которыми страдает первый раздел книги. Она открывается главой «Современные историко-природные условия Армении» (стр. 17—106). Кроме того, в следующих двух главах есть специальные параграфы, посвященные характеристике природных условий Армении в мезолите и неолите (стр. 107, 123). Все эти страницы представляют собой весьма посредственные компиляции, загруженные для придания «учености» работе путаными латинскими названиями и терминами.

Что же касается сугубо археологических разделов данной части работы («Азильтарденуазская эпоха», «Население Армении в среднекаменную эпоху» и «Среднекаменный век в Армении»), то и они не отражают результатов самостоятельного исследования автора и почти все составлены путем списывания соответствующих страниц из чужих работ, зачастую без сносок и упоминаний авторов. В этом легко убедиться, если, например, сравнить текст на стр. 107—113 рецензируемой книги с тем, что написано на стр. 630—632 книги П. П. Ефименко «Первобытное общество», стр. 43—47, 53 учебника А. В. Арциховского «Основы археологии», на стр. 25—26 книги Б. Б. Пиотровского «Археология Закавказья» и на стр. 5 труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Во второй части работы небезынтересен параграф («Искусство населения Армении в среднекаменном веке»), в котором рассматривается незначительная группа наскальных изображений преимущественно со сценами охоты, обнаруженных в Гегамских горах и на Арагаце. Но автору не удалось доказать, что описываемые им наскальные рисунки относятся к каменному веку. Имея в виду одну из пещер в западной части Армянского нагорья, в которой были открыты петроглифы, С. А. Сардарян, ссылаясь на работу Е. Питтара, заявляет, что «пещеры, имеющие наскальные изображения, дали орудия среднекаменного и новокаменного веков» (стр. 118). Но если бы автору на самом деле была знакома указанная им работа Е. Питтара, то ему было бы известно, что единственная пещера с наскальными изображениями в Адамане никакого археологического материала не дала.

Надо сказать также, что в краткой справке о наскальных изображениях Армении автор без всяких оснований указывает в первую очередь на свои заслуги в их изучении, пытаясь тем самым умалить роль М. Смбатяна, М. Тер-Мовсесяна, Г. Капанцяна и других ученых, которыми высказано немало интересных суждений и хронологических оценок петроглифов Армении. Он даже не указывает на датировку наскальных изображений Армении, предложенную в 30-х годах Х. Самвеляном [10],— по-видимому, потому, что она совпадает с той датировкой, которую предлагает сам С. А. Сардарян. Наконец «забыт» приоритет открытия наскальных изображений в Гегамских горах (на Пайтасаре), принадлежащий покойному А. П. Демехину.

Как известно, неолит Кавказа вообще и Армении в частности изучен слабо. Данное обстоятельство, казалось бы, должно было заставить С. А. Сардаряна отнестись серьезно к изучению наличного материала по неолиту Армении, дать его полную публикацию и всесторонний анализ. Однако, к глубокому сожалению, ничего подобного в рецензируемой работе нет. Из 25 страниц, посвященных культуре новокаменного века, лишь восемь отражают итоги самостоятельных работ С. А. Сардаряна. Здесь автор описывает обследованные им позднеолитические и энеолитические стоянки, не давая характеристики культурных слоев и сравнительного культурно-исторического анализа добытых в них материалов. Автор пишет, что «вопрос абсолютной датировки этих памятников пока окончательно не решен» (стр. 154). Но он и не может быть решен при таком поверхностном подходе к изучению археологических объектов, который проявляет автор. Судя же по опубликованным в книге нескольким комплексам, находящим соответствия в ряде стратифицированных памятников сопредельных областей, некоторые из описанных С. А. Сардаряном стоянок могут быть датированы V—IV тысячелетиями до н. э.

В главе «Новокаменный век в Армении» имеются такие подглавы, как «Основные черты новокаменного века», «Переход к земледелию и скотоводству», «Развитый родоплеменной строй новокаменного века», «Культурные связи неолитических поселений Армянского нагорья и соседних стран» и др. Но все они лишены самостоятельности и изложены, как и отмеченные выше разделы, преимущественно в виде дословного повторения чужих работ, в особенности учебника «Основы археологии» А. В. Арциховского, но опять-таки без указаний источников. Для примера достаточно сравнить то, что написано на стр. 124—126 рецензируемой работы и на стр. 49—51, 55 книги А. В. Арциховского. Читатель, вероятно, не поверит нам, что известное почти всем описание американских ирокезов, данное Ф. Энгельсом, представлено здесь С. А. Сардаряном как новое слово о «развитом родоплеменном строе» в Армении.

[10] Сб. «Культура древней Армении», I. Ереван, 1933, стр. 160—163 (на армянск. языке).

Основательно в данной главе использована и статья П. П. Ефименко «Неолитический Мерсин» [11]. В этом нетрудно убедиться даже неискушенному читателю, несмотря на то, что С. А. Сардарян снабдил списанные из указанной работы целые абзацы и страницы «дополнением» в виде одного-двух предложений (ср. стр. 151—155 в книге С. А. Сардаряна и стр. 291—299 этой работы). Целиком почти повторен и весь аппарат статьи П. П. Ефименко, но также с отдельными дополнениями автора. Кстати, при сверке последних выявились настоящие курьезы. Так, говоря о неолитических орудиях из Мерсина, С. А. Сардарян ссылается на рис. 12 на стр. 27 книги Я. Гарстанга «Доисторический Мерсин» (стр. 369), где, однако, речь идет об архитектуре. Второй пример: упоминая неолитическое поселение Джармо, открытое в 1948 г. в Северной Месопотамии, автор дает ссылку на работу В. Остина [12], посвященную известному памятнику бронзового века Малой Азии — Алишар-Ююк.

Подобные примеры не единичны. Хотя в научном аппарате мы видим ссылки на значительное число работ на иностранных языках, однако ясно, что с содержанием большинства из них автор просто не знаком,— они взяты из других работ.

Наконец, рассмотрим последнюю часть рецензируемой книги — «Медный век в Армении», состоящую из пяти глав. Она посвящена преимущественно культуре Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. В ней речь идет о памятниках Армении, относящихся к культуре так называемого куро-аракского энеолита или просто, как ее сейчас называют, куро-аракской культуре. Следует отметить, что в том и другом случае название данной культуры является крайне условным. Дело в том, что эта культура распространена не только в куро-аракском междуречье, но и далеко за ее пределами. Ареал ее охватывает Закавказье, значительную часть Северо-Восточного и Центрального Кавказа, некоторые районы Малой Азии, а на юге достигает оз. Урмия в Иранском Азербайджане. Правда, С. А. Сардарян ошибочно считает, что эта культура распространена почти исключительно на территории Армении. Здесь действительно открыта значительная группа, точнее более 100 памятников куро-аракской культуры. Но много характерных памятников данной культуры исследовано также в Азербайджане, Грузии и даже на Северном Кавказе. Поэтому, разумеется, решить принципиальные вопросы, связанные с генезисом, хронологическим и культурно-историческим осмыслением куро-аракской культуры, можно лишь при условии использования материалов со всей территории распространения изучаемой культуры. Это, казалось бы, элементарное условие, необходимое при любом историко-археологическом исследовании. Но оно, как ни странно, в данном случае не соблюдено.

Это одна сторона проблемы культурно-исторического развития Закавказья и некоторых сопредельных областей в III тысячелетии до н. э. Другая же заключается в том, что в настоящее время установлено, что куро-аракская культура характеризует не переходный этап от каменного века к бронзовому — энеолит или медный век, как считалось до недавнего времени, а эпоху ранней бронзы Кавказа и, в частности, Армении. Это общепризнано сейчас специалистами, занимающимися исследованием кавказских культур III тысячелетия до н. э. Исключение, как выясняется из рецензируемого труда, составляет С. А. Сардарян, который по-прежнему рассматривает памятники Армении III тысячелетия до н. э. как относящиеся к медному веку. В результате неправильного хронологического осмысления памятников Армении в предложенной автором периодизации выпадает один из важнейших этапов в культурно-историческом развитии Армении, относящийся к эпохе раннего металла — энеолиту (V—IV тысячелетия до н. э.).

Чем объяснить, что автор, пытающийся дать «новое освещение» истории первобытного общества Армении, исходит с позиций науки «вчерашнего дня». Нам думается, что это объясняется главным образом незнанием автором огромного нового материала, накопленного в последнее десятилетие по древнейшим культурам Закавказья, в частности по куро-аракской культуре III тысячелетия до н. э. Ведь значительная часть этих материалов нашла отражение в большой серии опубликованных работ, в том числе монографических исследований. Большинство из них, в частности, такие работы, как обобщающие исследования О. М. Джапаридзе по истории Грузии на ранней стадии медно-бронзового века [13], как работа Т. Н. Чубинишвили о куро-аракской культуре Закавказья [14], как монографии, посвященные отдельным памятникам данной культуры (Кикетскому могильнику [15], поселению Квацхелеби [16]

[11] СА, 1959, 1. В рецензируемой работе читатель опять-таки не найдет ссылки на данную статью.

[12] V. Osten. The Alishar Hüyük, III. Chicago, 1937.

[13] О. М. Джапаридзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с русским резюме); его же. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз. с русским резюме).

[14] Т. Н. Чубинишвили. Древнейшая культура в двуречье Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз. с кратким русским резюме).

[15] Г. Г. Пхакадзе. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963 (на груз. яз. с русским резюме)

[16] А. И. Джавахишвили, Л. И. Глонти. Урбниси, I. Археологические раскопки, проведенные в 1954—1961 гг. на селище Квацхелеби (Твлепиа-Кохи). Тбилиси, 1962 (на груз. яз. с русск. резюме).

и др.), как ряд работ по отдельным вопросам, связанных с развитием культуры раннебронзового века в Армении [17], и т. д. Как это ни парадоксально, но ни одна из отмеченных работ не привлекла внимания С. А. Сардаряна. Просто поразительно, что ни одна из них даже не упоминается в рецензируемом труде, в то время как автор дает ссылки на многочисленные работы, особенно на иностранных языках, не имеющих отношения к теме исследования.

В связи с разбором последней части работы С. А. Сардаряна нельзя не указать на то, что в том же 1967 г. Издательство Академии наук АрмССР выпустило в свет монографию Э. В. Ханзадян, специально посвященную изучению культуры Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. [18]. Последняя во всех отношениях выгодно отличается от соответствующего раздела рецензируемого труда. Безусловно, работа Э. В. Ханзадян еще более выиграла бы, если бы автор имел возможность использовать в своей работе результаты новейших раскопок одного из самых выдающихся памятников куро-аракской культуры — Шенгавитского поселения в г. Ереване. Речь идет о результатах раскопок, проводившихся в течение последних десяти лет С. А. Сардаряном. Хотя материалы раскопок им совершенно не публиковались даже в виде отчетных информаций или кратких сообщений, но всем специалистам было известно, что ведутся стационарные исследования Шенгавитского поселения — памятника, положившего, собственно, начало изучению куро-аракской культуры. Материалы раскопок С. А. Сардаряна не были кому-либо доступны, в том числе археологам Армении. Специалисты с большим нетерпением ожидали выхода в свет работы, в которой были бы опубликованы данные, полученные в Шенгавите раскопками С. А. Сардаряна. Ведь до сих пор все исследователи, как в нашей стране, так и за рубежом, пользовались материалами первых раскопок Шенгавитского поселения, проведенных в 1937—1938 гг. Е. Байбуртяном. Трудно поверить и представить себе, что С. А. Сардарян в рецензируемой работе, претендующей на новое слово в науке, не приводит почти никаких новых материалов из Шенгавита, а оперирует давно изданными и много раз переизданными материалами из раскопок Е. Байбуртяна (см. табл. 48, *2, 5, 8*; табл. 49, *1, 3, 5*; табл. 56, *2—6*; табл. 57, *1—6*; табл. 58, *4, 5*; табл. 67, *3, 5, 6* и др.). При этом С. А. Сардарян даже не находит нужным отметить, что эти материалы давно сданы в исторический музей АрмССР Е. Байбуртяном, первооткрывателем Шенгавита.

Из рецензируемой работы мы узнаем, что Шенгавитское поселение является многослойным памятником, отражающим четыре последовательных этапа в развитии местной культуры — от неолита до поздней стадии медного века. Памятников, в которых слоям с материалами куро-аракской культуры предшествуют более древние культурные напластования, известно пока крайне мало (в Закавказье это, по сути дела, только Нахичеванский Кюль-Тепе, Бабадервиш и ряд других). Фактически, недостаточной изученностью именно таких многослойных памятников и объясняется то обстоятельство, что до настоящего времени не решены кардинальные вопросы, связанные с проблемой происхождения и генезиса куро-аракской культуры. Нужно ли доказывать, как тщательно должен был отнестись С. А. Сардарян к анализу стратиграфии Шенгавита, послойному описанию и характеристике материалов этого поселения? К глубокому сожалению, в рецензируемой работе ничего этого нет. С. А. Сардарян не дает даже ни одного разреза культурного слоя Шенгавитского поселения, без чего его утверждение о многослойности данного памятника, по существу, повисает в воздухе.

В соответствии со старым материалом в книге предлагаются давно известные, опровергнутые или взаимоисключающие точки зрения, которые ни в какой мере не отражают современный уровень знаний о культуре Закавказья и сопредельных областей в III тысячелетии до н. э.

Невзирая на то, что в ряде мест обнаружены металлические изделия и литейные формы V—IV тысячелетий до н. э., автор книги констатирует «факт наличия медных изделий местного производства в начале III тысячелетия до н. э.» (стр. 165). На основе подобных ошибочных представлений автор утверждает, что Армения являлась «древнейшим очагом металлургической продукции и готового

---

[17] А. А. Мартиросян. К предыстории древнейших этапов культуры Армении. Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1960, 1; его же. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964; Э. В. Ханзадян. Энеолитическое поселение близ Кировакана. СА, 1963, 1; ее же. Разведочные раскопки в окрестностях Кировакана. Изв. АН АрмССР, 1962, 10; ее же. Первые данные о металлургии Армянского нагорья в эпоху древней бронзы. Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1963, 3; ее же. О металлургии древнебронзовой эпохи в Армении. СА, 1964, 2; ее же. Керамика Шреш-Блура и Кюль-Тепы и ее искусство. Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1964, 3; ее же. Культура древнейших племен Армянского нагорья (III тысячелетие до н. э.). Автореф. канд. дис. Ереван, 1964; Л. Л. Карапетян. История гончарного производства древней Армении. Автореф. канд. дис. Ереван, 1966, и др.

[18] Э. В. Ханзадян. Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н. э. Ереван, 1967 (на армянск. яз. с русским резюме).

сырья», она воздействовала в направлении общего культурного подъема соседних цивилизованных областей и стран (стр. 166), в которых, даже согласно источникам, процитированным автором, начальное развитие металлургии относится к VI—V тысячелетиям до н. э. В другом же месте книги автор указывает, что «Армения находилась в ареале высокой культуры Передней Азии, речные долины южных районов которой еще в V тысячелетии до н. э. со своими племенами достигли высокого уровня культуры и общественного развития, создавая основу для всех древних цивилизаций Азии» (стр. 157).

Получается не просто противоречие, а полная бессмыслица: культура Армении «давила» на все страны, однако основой и первоначалом всего являлись южные страны Месопотамии; металлургия в Армении начала развиваться в III тысячелетии до н. э., но эта страна являлась древнейшим очагом металлургии, достижениями которой пользовалось множество стран, в которых, однако, древняя металлургия возникла на 2—3 тысячи лет раньше. А после всего этого автор заявляет: «Эти параллели медного века Армении в большинстве своем являются стадиальными подобиями и выражают одинаковый уровень развития металлургии» (стр. 168). Таких казусов в работе немало.

Не являются самостоятельными и не представляют научного интереса все главы и подглавы данного раздела. Совершенно не самостоятельна, в частности, глава, посвященная памятникам III тысячелетия до н. э. западной части Армянского нагорья (стр. 200—210). Отмеченные страницы почти буквально повторяют то, что написано в известных для специалистов трудах Т. Бартона-Брауна [19] и особенно Ч. А. Барнея [20]. Чтобы не быть голословным, приведем хотя бы один пример. На стр. 202—203 книги С. А. Сардаряна, например, полностью приведены следующие абзацы из работы С. Барнея: «Кроме нескольких тяжелых кувшинов из Гёкчели, которые могут относиться к Р. Б. (*раннебронзовому* — наше сокращение) I периоду, вся керамика Яйджи и Гёкчели двух поселений Р. Б. эпохи, обследованных на равнине Игдыра, принадлежат, по-видимому, ко II и III периодам. Рельефных орнаментов обнаружено не было. Яйджи, являющееся наиболее важным поселением, дало значительное количество чернолощеной керамики с желобчатыми орнаментами. Типичными для этих двух поселений являются довольно глубокие чаши с резко отогнутым венчиком, имеющим сходство с сосудами из Эрниса; эти сосуды имеют такую же форму, но украшены орнаментами (один из них шевронами и концентрическими кругами), выполненными широкожелобчатой техникой. Судя по ним, такие желобчатые изделия относятся к раннебронзовому II периоду: эти сосуды с отогнутым венчиком свидетельствуют о связи с Ванской областью» [21]. Переписывая у Барнея целые абзацы, С. А. Сардарян заменяет слова «ранняя бронза» выражением «ранний энеолит» (стр. 202) и тем самым искажает периодизацию Барнея. В других местах С. А. Сардарян изменяет в тексте Барнея дату, в частности указанная на стр. 204 работы Барнея дата — 2500 г. превращается Сардаряном в 2300 г. (стр. 307). Или же упоминаемое Барнеем название «Таврос» С. А. Сардарян изменяет на «Тарсус».

То же самое повторяется и в разделе «Крашеная керамика Армянского нагорья в эпоху энеолита» (ср. стр. 218—219 книги Сардаряна и стр. 161—165 отмеченной работы Барнея). Но здесь тревожит и другое — С. А. Сардарян без какой-либо научной аргументации крашеную керамику, хорошо датирующуюся V—IV тысячелетиями до н. э. и относящуюся к энеолиту, «переносит» в III тысячелетие до н. э.

В третьей части книги имеется еще и такая глава: «Культурные связи Армянского нагорья и соседних стран» (стр. 220—229). Казалось бы, в ней автор должен был касаться III тысячелетия до н. э. Между тем указанные там памятники в большинстве своем относятся к V—IV тысячелетиям до н. э. Глава содержит множество ошибочных и противоречивых мнений (стр. 221, 222, 223, 226 и т. д.), оценка которых заняла бы много места и времени. Тем не менее упомянем, что и здесь автор поддался искушению и привел на двух страницах как собственное заключение точку зрения английского археолога Вулли о культурных сферах междуречья и Египта.

В данной части есть и специальная глава, посвященная вопросам земледелия и скотоводства. В ней в невероятном искажении приведено множество данных из работ П. М. Жуковского, В. Л. Комарова, М. Г. Туманяна, В. Л. Менабде и др. о хлебозлачных культурах и того же рода данные о скотоводстве. Как ни странно, но автор от собственного имени излагает результаты исследований палеозоологических материалов Шенгавита (стр. 236—237, 240), игнорируя авторское право С. К. Межлумян, печатными и рукописными трудами которой он пользовался. В этой части автор делает допустимое предположение об автохтонном происхождении современных домашних видов животных Армении, однако для подтверждения собственного предположения ссылается на труд В. И. Громова, который посвящен Средней Азии и не содержит подобных мыслей.

---

[19] T. Burton-Brown. Excavations in Azerbajan. 1948. London, 1951.

[20] C. A. Burney. Eastern Anatolia in Chalcolitic and Early Bronze Age. AS, VIII, 1958.

[21] Там же, стр. 187.

Обсуждение материалов других специальных дисциплин, которых касается в работе С. А. Сардарян, конечно, нужно оставить представителям соответствующих наук, но при этом мы должны сказать, что имеются элементарные требования, выполнение которых обязательно для всех. Одним из таких требований является правильное списывание научных названий, имен, терминов, тем более что С. А. Сардарян сплошь и рядом приводит латинские названия растений и животных. Это должно было бы обязать автора к правильному списыванию латинских названий. К сожалению, мы должны отметить, что из приведенных на четырех страницах (102—105) 60 названий животных 40 напечатаны с грубейшими ошибками, число которых в каждом названии доходит до трех. А нередко на той же странице то же самое название повторяется несколько раз и в каждом случае в новой «орфографии» (см. стр. 105) [22].

Поскольку речь пошла о качестве представления материалов соприкасающихся дисциплин, добавим несколько слов и об использовании данных по растениеводству. Для выяснения общей картины мы обратились к соответствующим специалистам. Кандидат сельскохозяйственных наук П. А. Гандилян сообщил нам, что во втором и третьем разделах книги (стр. 127—130, 230—236) имеют место неимоверные искажения и ошибки; пшеница спутана с рожью, культурные виды хлебных злаков с дикими т. д. Латинские названия растений приведены подчас с такими искажениями, что зачастую невозможно понять, о каком виде или подвиде идет речь. И все это изложено от имени весьма популярных специалистов как вечная истина [23]. Подобного рода данные нам сообщила также Н. Х. Гохтуни, научный сотрудник Института ботаники АН АрмССР. На стр. 27 и рис. 8, *1—2* в качестве кедра показаны совершенно другие виды деревьев. Местность Годерзи упомянута как армянская (стр. 20), однако находится она в Грузии, флора Карахача спутана с Гортуни (стр. 211) и т. д. На такой шаткой основе автор предлагает картину социально-экономического развития скотоводческих и земледельческих племен указанного периода (стр. 341—345). И в данной главе С. А. Сардарян пошел по излюбленному им, но далекому от науки пути и без подобающих ссылок представил основную сущность маленького исследования Б. Б. Пиотровского («Развитие скотоводства в Закавказье». СА, XXIII, 1955, стр. 5—15) на трех страницах как собственное, не учитывая даже того обстоятельства, что упомянутая работа посвящена II тысячелетию до н. э., что она издана 12 лет назад и в каких-то своих деталях нуждается в пересмотре. Как мы видели выше, «глав» и «разделов», составленных по этому «методу», довольно много. Вероятно, было бы целесообразнее подобные части книги назвать «авторскими переводами».

В последней главе автор выступает как антрополог с претензией разрешить не только ответственную и сложную проблему древнего населения Армянского нагорья, но, якобы, и всей Передней Азии (стр. 249—258). Основное утверждение автора сводится к тому, что в шенгавитских погребениях III тысячелетия до н. э. обнаружены «короткочерепные» (брахицефальные) скелеты людей, которые «несомненно» принадлежат арменоидной расе, т. е.— армянам (стр. 253). Из этого следует, что прародиной армян изначально является Армянское нагорье, откуда путем миграции они распространились в Малую Азию, Палестину, Сирию, Иран, Ирак, Киликию, в Северное и Южное Междуречье, Кипр, Балканский полуостров, намного ранее появления семитских, индоевропейских, арийских племен (стр. 151, 227, 254—255). Все это очень смахивает на библейскую историю о потопе, о том, что ковчег Ноя остановился на вершине горы Арарат и на земле вновь возникла жизнь. В действительности же тип «короткочерепных» выдуман самим автором. По данным антропологов, для Армении этого периода характерна длинная форма черепов [24]. Это означает, что сопоставления с брахицефалами всего древнего мира, приведенные автором, лишены основания и потому совершенно безответственны.

Наконец, в разных частях работы, носящих отпечаток самостоятельности, имеет место ряд невероятных и странных ошибок, показывающих низкий исторический и общеобразовательный уровень автора. Это относится к разделам археологии, географии, истории. Приведем по каждому из них один-два примера. Автору кажется, что в новокаменном веке в Армении существовали поселения, построенные на основе «настоящих проектов» (стр. 142), что Киликия находилась на Армянском нагорье (стр. 133), Ван — в Персидской Армении (стр. 208—209), что знаменитый библейский город Иерихон назывался Джерихо (стр. 139 и др.), а известный месопотамский город Шуруппак — Шарапак (стр. 227 и др.). На 254 странице читаем: «...переднеазиатский антропологический тип встречается в ряде стран» также и в додинастическом (*т. е. в доклассовом.*— Курсив наш) Египте «не ранее середины II тысячелетия до н. э.». Если бы автор потрудился обратиться к учебнику 5 класса — «Исто-

---

[22] Приносим благодарность палеозоологу С. К. Межлумян, обратившей на эти факты наше внимание.

[23] См. также рецензию А. П. Гандиляна в многотиражной газете Армянского сельскохозяйственного института от 26 октября и 16 ноября 1967 г.

[24] Г. А з и з я н. О черепах из энеолитических погребений в районе Шенгавита. Историко-филолог. журнал, Ереван, 1963, 2, стр. 327—332; В. П. А л е к с е е в. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемой их происхождения. Автореф. докт. дис. М., 1967.

рия древнего мира», то узнал бы, что «в 4 тысячелетии до нашей эры в Египте возникли классы..., образовались государства..., в конце 4 тысячелетия фараон южного царства завоевал дельту Нила. Таким образом, примерно в 3000 г. до н. э. образовалось единое египетское государство» (стр. 36—38). Из подобных же источников автор мог бы узнать еще, что в северной Месопотамии, на исконной земле хурри-субарийцев, в III тысячелетии до н. э. образовалось мощное государство семитов, а автор же в своем «новейшем освещении» продолжает писать, что в III тысячелетии до н. э. здесь стали известны «хурри-субарские племена или их предки».

Все изложенное выше свидетельствует о том, что автор противопоставил себя огромному коллективу специалистов — археологов Армении, Закавказья и всего Советского Союза, не посчитался с авторитетными научными учреждениями и издал свою книгу без обсуждения и редактирования ее специалистами.

Вопрос издания книги, конечно, зависит не от одного автора. Совершенно очевидно, что нашлись покровители — «именитые специалисты», выступившие в роли издательских рецензентов, нашлись «ответственные» и «издательские» редакторы, которые содействовали выходу в свет книги столь низкого уровня. Вероятно, нашлись также кафедры, рекомендовавшие книгу С. А. Сардаряна к печати. Одним словом, нашлись все средства и возможности, чтобы под славным именем Ереванского государственного университета и издательства, носящего название «Митк» («Мысль»), издать подобный научный брак.

А. А. Мартиросян, Р. М. Мунчаев

Г. Н. Чубинашвили. Разыскания по армянской архитектуре. Тбилиси, 1967, 212 табл. иллюстр.

Зодчество средневековой Армении — одно из наиболее ярких и выдающихся явлений мировой культуры. Интерес к нему, естественно, проявился очень давно: изучать научно архитектуру Армении начали еще в конце прошлого столетия Т. Тораманян и Н. Я. Марр. Но особенно интенсивно изучение ее велось в советское время, главным образом в послевоенные годы [1]. И все же историю армянского средневекового зодчества и ныне нельзя признать достаточно разработанной. Только этим можно объяснить тот факт, что и теперь многие кардинальные вопросы в этой области возбуждают горячие споры.

Что это так, показывает недавно вышедшая книга Г. Н. Чубинашвили, объемистая и прекрасно иллюстрированная. Посвящена она армянскому зодчеству лишь «древнего» периода, преимущественно VII в. (вернее было бы назвать его раннесредневековым), относительно которого главным образом и ведется дискуссия, и зрелого средневековья — IX—X вв.

У нас нет возможности детально разобрать эту работу, содержащую описание и анализ множества памятников. Остановимся лишь на основных и принципиальных вопросах.

Уже давно миновали те времена, когда армянское зодчество провозглашалось гегемоном в художественной культуре Закавказья, определявшим зодчество и соседней Грузии. Это был ложный и тенденциозный тезис [2], умалявший и принижавший одну великую культуру средневековья сравнительно с другой, не менее замечательной. Можно утверждать, что армянская и грузинская средневековая архитектура развивалась в тесном взаимодействии и сотрудничестве, особенно в доарабское время (V—VII вв.), что объясняется, в частности, единством церковной жизни той эпохи (ведь речь идет преимущественно об архитектуре культовой). Не удивительно, что основные архитектурные идеи и решения, как и большинство форм, были тогда очень близки.

[1] Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946; его же. Архитектура Армении IV—XIV вв. Ереван, 1961; А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.—Л., 1950; В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951; А. Б. Еремян. Храм Рипсиме. Ереван, 1955; С. Х. Мнацаканян. Архитектура армянских притворов. Ереван, 1952; его же. Сюнинская школа архитектуры. Ереван, 1960 (на арм. яз.); К. Л. Оганесян. Зодчий Трдат. Ереван, 1951; А. Саинян. Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955 (на арм. яз.); А. Саинян, К. Оганесян, С. Мнацаканян и М. Бабаян. Очерки истории армянской архитектуры. Ереван, 1964 (на арм. яз.).

[2] В. В. Бердзе. Против искажения истории грузинского искусства. Тбилиси, 1949, стр. 12 сл., 20, 23, 24, 37, 41 и др. Автор справедливо указывал не только на несостоятельность концепции приоритета армянской архитектуры перед грузинской, но и вообще «противопоставления армянской и грузинской архитектуры для определения „преимуществ" одной из них» (там же, стр. 41).

Примером могут служить некоторые вполне выработанные и сложившиеся композиции, представленные целыми сериями близких друг другу архитектурных произведений.

1. Крестовокупольные базилики: храмы Гаяне (630—631), в Мрене (639), Багаване (639) — в Армении; церкви в Цроми (между 626 и 635 гг.) — в Грузии.

2. Центрально-купольные здания с промежуточными экседрами: храмы в Аване (конец VI — начало VII вв.), Рипсиме (618 г.), в Арамусе, Торгманчацванке, Сисиане (конец VII в.) — в Армении; Джвари (начало VII в.), Атенский Сион (VII в.), Дзвели-Шуамта (конец VI — начало VII в.), Мартвили (VII в., восстановлен в X в.) — в Грузии.

3. Крестообразные купольные храмы (VII в.): Кармравар в Аштараке, малая церковь в Талине, Лмбате, Арташаванке и др.— в Армении; Самцевриси, малая церковь в Атени — в Грузии.

Но это только примеры. Речь идет об определенной архитектурной общности, которая ясно и отчетливо прослеживается и на других архитектурных композициях, хотя, конечно, в пределах каждой из этих архитектурных групп и в каждом из памятников имеют место в той или иной степени выраженные особенности, которые, однако, говорят не об отсутствии общности, а лишь подчеркивают силу творческого начала в архитектурной среде обеих стран.

Ни один из исследователей армянского зодчества, судя по их печатным работам, не отрицает этой общности. Тоже относится почти ко всем исследователям грузинской архитектуры. Совершенно иную позицию занял Г. Н. Чубинашвили — в своей статье «Армянское искусство с конца IX и до начала XI в.»[3], затем монографиях «Памятники типа Джвари» (Тбилиси, 1948), «Архитектура Кахетии» (текст, Тбилиси, 1959) и, наконец, в развернутом виде в цитированной книге «Разыскания по армянской архитектуре» (Тбилиси, 1967).

Давно опровергнутому и тенденциозному предубеждению о зависимости грузинской архитектуры от армянской Г. Н. Чубинашвили противопоставляет не тезис о близости и общности обеих архитектур, а тезис о приоритете грузинского зодчества во всей художественной культуре Закавказья, и прежде всего Армении.

Правда, тезис этот не утверждается в книге прямо, но он проходит красной нитью через все упомянутые работы Г. Н. Чубинашвили: по поводу почти любого армянского архитектурного произведения читателю внушается мысль о неполноценности армянского средневекового зодчества, о его отсталости, а то и о зависимости от грузинского.

1

Г. Н. Чубинашвили даже признает «сравнительную близость в древнейшее время» обеих архитектур (речь идет о раннем средневековье — V—VII вв.), но объясняет эту близость «сознательной тенденцией на подражание» (стр. 6) — разумеется армянского зодчества по отношению к грузинскому[4]. Большие храмы в Талине и Аруче в Армении (которые автор переносит из VII в IX и X вв.), по его словам, «не могут претендовать на действительную художественность и величие», в то время как одновременные (по мнению автора) грузинские храмы (в Ошки, Кутаиси, Алаверди) «величественны и грандиозны — как по размерам, так и по художественности замысла» (стр. 134).

Тенденция эта проводится автором с первой же главы «Разысканий», посвященной крестовокупольным храмам с промежуточными экседрами; сюда входят храмы Рипсиме, в Аване и другие, но называется глава «Памятники типа Джвари», хотя говорится в ней о памятниках армянских: приоритет Грузии устанавливается самим заглавием.

В Таргманчац-ванке, принадлежащем тому же типу, автор видит лишь «не переступающие границы своего скромного дарования данные строителя» (стр. 16); храм в Адиамане (того же типа и времени) «представляет собой типично провинциальное повторение» (стр. 16). В храме в Аване автор усмотрел «набор каких-то тесных колодцев по углам здания (хотя и в других зданиях той же композиции — как в Армении, так и в Грузии — угловые помещения столь же тесны.— *А. Я.*), а снаружи — это два поставленных друг на друга нерасчлененных массива» (стр. 30).

Относительно храма Рипсиме (618 г.), которому автор уделяет особое внимание, он подчеркивает «вычурность», «неумелость» (стр. 23, 25), «разорванность и бессвязность», «беспокойную смену форм» (стр. 19), «чрезвычайную грубость», «разбитость» и «неудачность» фасадов (стр. 25) в противоположность «ритмическому чередованию,

[3] Сб. «Сасунский Давид». Тбилиси, 1939.

[4] Особенность эта, по Г. Н. Чубинашвили, свойственна зодчеству Армении не только раннего средневековья, но и более позднего, даже в XII—XIII вв., когда армянская архитектура переживала исключительный подъем (ее расцвет признает и Г. Н. Чубинашвили), в ней «особенно проявляется... использование иноземных новинок» (стр. 176). Этот взгляд давно опровергнут. См. И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. Сб. «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады», Л., 1939).

так блестяще осуществленному в Джвари» (стр. 19). Автор заключает: «в художественном отношении и в смысле художественного акта эти строения (Рипсиме и Джвари. — *А. Я.*) несоизмеримы» (стр. 37). Все армянские здания этой композиции, перечисленные выше, Г. Н. Чубинашвили вообще считает «очень посредственными художественными произведениями», обнаруживающими полную зависимость от грузинского Джвари (стр. 39), а потому почти все они (за исключением храма в Аване) переводятся им из VII в. (как они обычно датируются) в IX и X столетия.

Переходя (в гл. II) к следующей армянской архитектурной группе (единственной, которая не возбуждает у автора отрицательных эмоций),— к купольным храмам с четырьмя столбами (церкви Гаяне в Эчмиадзине, 630—631 гг.; в Багаване, 631—639 гг.; в Мрене, начатом в 639 г. и Одзуне), выражающей «новый архитектурный принцип», Г. Н. Чубинашвили и здесь дает понять зависимость этой группы от грузинского зодчества, ставя во главе новой композиции грузинский храм в Цроми начала VII в. (стр. 41), а в отношении храма в Одзуне (который он омолаживает на столетие, относя его к VIII в.) прямо говорит о грузинском влиянии (в пропорциях храма зодчий «намечает уже полностью национально грузинский подход» и «выявляет навыки, рамки композиционного решения грузинского, но не армянского» — стр. 54). Но храм в Одзуне — не менее армянское архитектурное творение, чем, скажем, храм в Мрене или Гаяне, и восходит он к композиции ранних базилик, окруженных галереями (типа Ереруйкской), но осложненной куполом; типологически это здание скорее предшествует храмам Гаяне и в Мрене, в которых протяженность (базиличность) сократилась и тем самым сильнее преодолена; композиция благодаря этому приобрела бо́льшую центричность, как и в грузинском храме Цроми, который ясно говорит о том, что тот же процесс имел место и в Грузии.

Следующая архитектурная группа — «малые купольные храмы» (гл. III) преимущественно в виде свободного креста (церкви в Мазарджух, Аштараке, Коше, Махмуджук, в Талине, Лмбате, две церкви на острове Севан). Все они, за исключением двух последних (IX в.), обычно датируются VII в., но Г. Н. Чубинашвили и эту группу также произвольно и почти целиком (за исключением церкви в Аштараке и, кажется, в Лмбате, хотя это неясно в тексте) переносит в VIII, а чаще в IX и X вв., сопровождая описание опять-таки отрицательными характеристиками: например, в Лмбате он отмечает отсутствие плавности перехода к конхе, что порождает «впечатление чрезвычайного сдавливания пространства, наседания», противопоставляя в этом отношении здание грузинской церкви в Кисисхеви в Кахетии (стр. 87) [5]; далее отмечает «тяжесть, грузность» барабана в Лмбате, карнизов барабанного основания в Талине, Лмбате, Коше и т. д. (стр. 88). В Талине он усматривает черты «вычурности, нарочитости», «желание грандиозности и богатства в этой небольшой постройке» и отсутствие «строгого и спокойного благородства более древних эпох» (стр. 71). Но мы не видим в Лмбате ни вычурности, ни манерности; купол сплющенный (овальной в плане формы) — результат желания расширить западную и восточную ветвь креста; не манерность, а остроумное решение, говорящее не об упадке, а об изобретательности зодчего.

Столь же отрицательно относится Г. Н. Чубинашвили и к декоративному убранству раннесредневековых памятников армянской архитектуры. Здесь одно за другим следуют «нагромождение» и отсутствие в декоре «четкого живописного подхода и, конечно, линейного» (Аван) (стр. 90), хотя то и другое совершенно не раскрыто, «сухость, плоскостность» (Гаяне, стр. 93), «грубость» (Адиаман, стр. 102), «надуманность» (Махмуджук, стр. 101), отсутствие в орнаментике «силы, рельефности, доминирования» и «четкого линейного построения и исполнения декора» (Рипсиме, стр. 95, 96), что, по мнению автора, и заставляет отнести здание к «переходному времени», т. е. к IX в. (стр. 96). Очевидно, что все эти нападки, местами очень колкие, весьма далеки от объективного анализа памятников. Но беда в том, что только на этих оценках или им подобных и основывается передатировка автором армянских памятников зодчества.

Особенное раздражение Г. Н. Чубинашвили вызывает храм в Аруче, воспроизводящий композицию «купольных зал» Армении в их развитом виде — храм, обычно относимый к VII в. и также перенесенный автором в X в. Неприглядно выглядит это здание под пером Г. Н. Чубинашвили: «в архитектурном отношении (оно) вялое, без вдохновения» (стр. 105), в чем проявилось «отсутствие дарования у... архитектора» (стр. 105), далее отмечается «нагруженность и безвкусица» (стр. 106), «неритмичность разбивки окон», «вялость и бесхарактерность здания» (стр. 107), «а наряду с этим отсутствием вкуса — претензия на украшенность» (стр. 107), декор — «посредственной ремесленной работы» (стр. 108). Так изображает Г. Н. Чубинашвили один из наиболее замечательных памятников армянского раннесредневекового зодчества. Столь же категорично Г. Н. Чубинашвили говорит об отсутствии «дарования у строителя» большого храма в Талине — своеобразной по композиции крестовокупольной базилики, северная и южная ветви которой заканчиваются выступающими экседрами (аналогичный храм, начала VII в., открыт раскопками в Двине). О нем, по мнению автора, также нельзя говорить не только «как о выдающемся

---

[5] Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959, стр. 256.

строении, но хотя бы как о среднем» (стр. 133), особенно по сравнению с грандиозными кафедралами Грузии X в. (стр. 134).

Не меньше достается и другим группам памятников армянского раннесредневекового зодчества — купольным зданиям с экседрами с четырех сторон: храмы в Мастаре, Артике, Ариче (Харидже); они также датируются VII в. (за исключением Арича, X в.) и также перенесены Г. Н. Чубинашвили в X в. И здесь мы встречаем те же выражения: «унылое впечатление» (стр. 136), «неспокойствие, перегруженность» (стр. 139), чувство «неудовлетворенности, разбитости, размельченности» (стр. 141), «беспокойные, неуравновешенные формы» (стр. 143) и т. д., и т. д., и т. д. Та же картина и те же характеристики в главе, посвященной армянским тетраконхам и октогонам (стр. 153—162), где раннесредневековые здания этой композиции (Иринд, Егвард) также отнесены к X в.

Мало того, все многочисленные произведения армянской архитектуры, которые Г. Н. Чубинашвили отнес к IX и X вв.— к периоду, названному им «переходным к зрелому средневековью», «являются всего лишь районными (sic) постройками, сильно зависящими одна от другой. При этом заимствование отдельных элементов и включение их в совершенно иные композиции совершается без органической вработки (sic) в свою композицию, а компилятивным составлением разнородных элементов и мотивов» (стр. 161). Ко всем прочим порокам армянской средневековой архитектуры прибавляется, таким образом, еще один — компилятивность.

Как видим, Г. Н. Чубинашвили весьма мрачными красками рисует армянское средневековое зодчество. Он почти не видит просвета в этом мраке и не находит иных слов для характеристики памятников, как «унылый», «посредственный», «неумелый», «непродуманный», «неуклюжий», вообще «бездарный», «нехудожественный», компилятивный и т. п.

В этом потоке «критики», состоящем из эстетских и мало убедительных оценок, нет объективного анализа памятников. Зато почти на каждой странице остро ощущается раздражение автора и его стремление всячески принизить армянскую художественную культуру средних веков. Контрастом выглядит зодчество Грузии, которое выступает у Г. Н. Чубинашвили не как глубоко родственное равноценное и равноправное явление, а как своего рода художественный идеал, недосягаемый для зодчих Армении, способных лишь на «наивные, подчас беспомощные неудавшиеся попытки создать... новые архитектурные композиции». Вся армянская архитектура IX—X вв. (куда автор искусственно включает и бóльшую часть памятников VII в.), по его утверждению, «шла ощупью и радовалась, когда хоть что-нибудь удавалось создать» [6].

2

Но такого рода критика армянской архитектуры,— это лишь средство: она служит как бы оправданием массовой передатировки памятников армянского зодчества и переноса их из VII в. в IX—X вв. (обратного переноса в работах Г. Н. Чубинашвили мы не встречали). Таким путем перестраивается хронология армянских архитектурных памятников раннего средневековья, иначе говоря перестраивается вся история средневекового зодчества Армении. В результате соответствующие ряды грузинской архитектуры оказываются не одновременными, а предшествующими армянским, подтверждая тем самым приоритет грузинского зодчества.

Эту тенденцию можно проследить по всем группам раннесредневековой купольной архитектуры Армении (базиличной архитектуры Г. Н. Чубинашвили не касается).

1. Вся группа крестовокупольных храмов с промежуточными нишами, за исключением церкви в Аване (т. е. храмы Рипсиме, Арамус, Таргманчац, Сисиан), по мнению автора, выпадает из раннесредневекового времени и становится в ряд памятников IX—X вв. Соответствующая группа грузинских памятников (храмы Джвари близ Мцхеты, Атенский Сион, Дзвели-Шуамта, Мартвили — первоначально VII в.) остается раннесредневековой (в чем ни у кого нет сомнения), иначе говоря, становится предшественницей армянских, появление которых, следовательно, было обязано Грузии. Г. Н. Чубинашвили утверждает, что родоначальником всей этой группы центральнокупольных зданий Армении типа Рипсиме, «как ныне можно считать твердо установленным», является «строитель большой церкви Джвари Мцхетского в Грузии» (стр. 37). Но это утверждение ничем не доказано (ни в данной, ни в предыдущих работах) и уже давно вызвало справедливые возражения [7]. В самом деле, просто невероятно, что композиция Джвари, действительно столь выработанная и

[6] Г. Н. Чубинашвили. Армянское искусство с конца IX и до начала XI в. Сб. «Сасунский Давид», стр. 33, стр. 44—46.

[7] А. Б. Еремян. Храм Рипсиме. Ереван, 1955, стр. 20, где очень резонно говорится: «Для истории грузинской и армянской архитектуры никакого решающего значения не может иметь факт возникновения этого типа (т. е. типа Рипсиме.— *А. Я.*) впервые в той или иной стране... В цепи развития армянских и грузинских храмов она (форма храмов этого типа.— *А. Я.*) является лишь одним из звеньев... Важно то, что соседние страны сыграли свою роль в создании высокого искусства, отмеченного самобытностью при постоянном культурном общении».

сложившаяся, могла быть создана сразу, руками одного мастера; нечего и говорить, что столь сложные архитектурные композиции в условиях средневековья формировались постепенно, а выработанность форм Джвари именно и доказывает, что здание это — один из последних этапов в развитии данного типа, воплотившее в себе длительный опыт и искания. Общность типа грузинского Джвари и армянского Рипсиме убеждает в том, что в создании этой композиции зодчие Грузии и Армении шли рука об руку, а наличие на почве Грузии аналогичного храма в Атени (Атенский Сион), построенного зодчим-армянином,— лишнее доказательство этого содружества.

2. Группа купольных базилик с четырьмя столбами VII в. (храмы Гаяне, в Багаване, Мрене и Одзуне), в виде исключения, не подвергается передатировке и даже нападкам, но и эта композиция, следуя автору, также родилась в Грузии. Лишь храм в Одзуне, описание которого сопровождается интересным анализом, отодвинут в VIII в., хотя основания для этого остаются довольно туманными. Признаком более позднего времени являются, по мнению автора, двухэтажность восточных комнат, покрытие их не крестовыми, а коробовыми сводами, наличие хор (а почему то, другое и третье не могло появиться в VII в.?) и «некоторые другие частности, выключающие всю композицию в целом из рамок строго линейных установок и намечающие начальные барокальные установки» (стр. 62), которые, по-видимому, выражаются в различном оформлении галереи с северной и южной стороны, в «разном шаге продольных арок внутри» (там же). Но ведь и в хорошо известной Болнисской базилике конца V в. наблюдаются те же отличия в планировке северной и южной частей галерей (кстати, это говорит и против омоложения храма в Одзуне), а что касается «барокальных установок», то мы полностью отрицаем правомерность переноса категорий нового времени в раннее средневековье, мы против модернизации. Храм в Одзуне всем своим существом еще тяготеет к ранним базиликам, протяженность которых, несмотря на введение центрического начала (купол на массивных устоях), осталась основной чертой всей концепции храма в Одзуне. Здание это скорее предшествует церкви Гаяне и Мрену, чем наоборот [8].

3. Храмы типа купольных зал образуют небольшую группу. Сюда входят храм в Аруче, в Птгни и Ширакаване. Последний датирован концом IX— началом X в., другие два обычно относят к VII в.; Г. Н. Чубинашвили их значительно омолаживает: храм в Аруче датирует концом X в. (стр. 116), храм в Птгни считает одновременным Ширакаванскому, т. е. датирует концом IX в.

Если отвлечься от многочисленных «пороков» храма в Аруче, которыми в изобилии наделяет здание Г. Н. Чубинашвили (стр. 105 сл.), большей частью недоказуемыми [9], и обратиться к данным, хронологически показательным, то в пользу более поздней даты мог бы свидетельствовать только круглый барабан и переход к нему через паруса, а не тромпы, но и это обстоятельство не имеет решающего значения, так как паруса уже в VI в. в соседних областях Византии были широко распространены, а в самой Армении были применены в Звартноце. Все остальные формы здания очень типичны именно для VII в., в чем согласно большинство исследователей [10]. Что касается письменных источников, то, как известно, они единогласно говорят о постройке храма Григорием Мамиконяном в конце VII в. [11], а надпись 670 г., по мнению И. Орбели, была позднее искажена при переписке [12]. Обоснование же датировки Птгни IX в. по существу вообще отсутствует (см. стр. 117—118). Г. Н. Чубинашвили делает при этом одно справедливое замечание: композиция купольных зал (Птгни, Аруч) дана в этих зданиях уже «в готовом виде» (стр. 105). Это действительно не экспромт: композиция купольных зал (и плановая, и пространственная) здесь вполне развита. Очевидно, она складывалась в течение предшествующего времени. Следовательно, формирование композиции купольных зал, даже если на минуту принять поздние даты, приходится не на IX—X вв., а на раннее средневековье.

4. Столь же неубедительна и поздняя датировка (третья четверть X в.) большого собора в Талине с экседрами с трех сторон [13]. В этом здании Г. Н. Чубинашвили также видит они недостатки (стр. 126—134). Элементы собора, как считает автор, «не дают цельной композиции, и наоборот, в разных направлениях получа-

---

[8] Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., 1961, стр. 100.

[9] Насколько необъективна критика Г. Н. Чубинашвили показывает его замечание о «грузности» и «неуклюжести» пропорций здания (стр. 107), без учета того, что оно более чем на 2 *м* вросло в землю.

[10] Возражения Г. Н. Чубинашвили относительно датировки здания см.: В. М. Арутюнян. По поводу датировки храма в Аруче. Сб. «Труды Ереванского политехнического института», 2, Ереван, 1946.

[11] И. А. Орбели. Багаванская надпись 639 г. и другие армянские ктиторские надписи VII в., ХВ, II, 1, 1913, стр. 139—140.

[12] Там же, стр. 141.

[13] Эта дата была выдвинута Г. Н. Чубинашвили еще в 1928 г. G. Tschubinaschwili. Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens. BZ, XXVIII, 1928, стр. 89; его же. Die grosse Kirche von Thalin in Armenien. BZ, XXIX, 3—4, 1930, стр. 261.

ется впечатление здания, как бы составленного из отдельных несвязанных частей» (стр. 133). Только этим впечатлением (весьма субъективным) и руководствуется автор при датировке здания. Вполне документированная ранняя дата (начало VII в.) однородного храма в Двине, который мимоходом упоминает Г. Н. Чубинашвили, ставится им под сомнение (стр. 133, примеч.).

5. Очень своеобразна группа памятников армянского зодчества в виде кубов с четырьмя экседрами, в которых внутреннее пространство целиком объединено под широким куполом. В основе эта группа зданий, как обычно признается, также раннесредневековая. Сюда входят храмы VII в. в Багаране, Мастаре, Артике (только в Багаране, 631 г., еще применены внутренние столбы, в остальных зданиях они отсутствуют) и Воскепаре, где эта композиция дана в сокращенном воспроизведении, притом с некоторыми архаическими чертами; и два храма X в.— в Ариче (Харидже) и Карсе.

Г. Н. Чубинашвили все раннесредневековые памятники этой группы (за исключением Багарана, 631 г., который датирован надписью и которого он вообще не касается) переносит в X в.: выходит, что именно в это «переходное» и «безотрадное» время (так его называет Г. Н. Чубинашвили) создается столь смелая и принципиально новая для Армении композиция (ср. стр. 160).

Описание и этой группы памятников наполнено весьма нелестными отзывами о качестве архитектуры и способностях зодчих; но, по признанию самого Г. Н. Чубинашвили, «фактических оснований» для датировки он «не нашел» (стр. 140). Дата Мастары и Артика устанавливается им, исходя из близких по композиции храмов в Арче (970-е гг.) и Карсе (первая половина X в.), а с другой стороны, «тем новым художественным подходом, который был проанализирован относительно Аруча и Талина, Адиамана, Сисиана и ц. Рипсиме» (стр. 150), в частности, «такими деталями, как форма и разбивка барабана купола, убором свода его крестом из лучей, как применение ниш на фасафах и их оформление» (стр. 150), т. е. деталями, несколько усложняющими облик здания, но столь типичными, вопреки Г. Н. Чубинашвили, именно для VII в. Для доказательства новой даты Мастары ему приходится ссылаться на еще далеко не доказанные даты других памятников. А храм в Артике — «подчищенная копия — повторение Мастары» (там же), т. е. также, по его мнению, памятник X в., что, с другой стороны, подтверждает более раннюю дату храма в Мастаре, который поэтому Г. Н. Чубинашвили относит к IX в. (стр. 151). Таким образом, Мастара датирует Артик, а Артик подтверждает дату Мастары. Думается, что такие взаимные ссылки не усиливают убедительность датировок. Правда, Г. Н. Чубинашвили признает наличие в Мастаре целого ряда элементов раннесредневековых, но лишь «как переживание» (стр. 151), объясняя это тем, что композиция зданий типа Мастары только зарождалась в IX—X вв.— в эпоху, когда армянская архитектура только «налаживалась, шла ощупью» (стр. 150, нач.). Но это опровергается бесспорно датированным памятником VII в., храмом в Багаране, 631 г., в котором основная архитектурная концепция всей данной группы уже вполне выражена. Поэтому и обобщающий тезис автора, что «самый характер типа отвечает именно этой (IX—X вв.) эпохе» (стр. 151), оказывается не обоснованным, ибо тип этот возник еще в VII в.

Что касается небольшого храма в Воскепаре, который большинство исследователей относит также к VII в., то Г. Н. Чубинашвили видит в нем чуть ли не родоначальника («начальный образец») композиции храмов типа Мастары (стр. 149), своего рода модель, в которой выражена лишь идея композиции и которую строители Мастары не сумели развить в полном масштабе (стр. 149—150). Но эта мысль совершенно неправдоподобная и произвольная, основана лишь на «художественном впечатлении» автора, и ни на чем другом.

Таким образом, ничего определенного в пользу своих передатировок Г. Н. Чубинашвили так и не привел; новые даты, омолаживающие памятники на 200—300 лет, повисают в воздухе.

6. Группа небольших храмов-тетраконхов, т. е. крестообразных в основе, ветви креста которых (кроме западной стороны) заканчиваются конхами (внутри и снаружи или только внутри),— состоит преимущественно из памятников IX—X вв.: в Зариндже, Гневанке, Ваневанке, Айриванке (на Севане) и многих других; к ним, возможно, принадлежат и церкви в Парби и Ошакане, снаружи крестообразные, хотя некоторые исследователи их также относят к VII в.[14]. Но к IX в. Г. Н. Чубинашвили присоединяет и тетраконх в Агараке (стр. 155), в котором мы, однако, не находим ни одной черты, свойственной специально этому времени[15]. Единственное основание для передатировки — это «ближайшее родство с Мастарой и Адиаманом», а также «типичные для того времени окна с бессистемной разбивкой их и нехорошее расположение наверший» (стр. 155). Но эта передатировка остается столь же необоснованной, поскольку остается недоказанной и поздняя дата Мастары.

---

[14] Н. М. Токарский. Архитектура Армении IV—XIV вв., стр. 112.
[15] Там же, стр. 80, 111, 112.

X веком Г. Н. Чубинашвили датирует и два многоконховых храма Армении — в Егварте и Иринде. О первом из них известно, что он построен Григорием Мамиконяном (вторая половина VII в.), второй — по своим формам вполне примыкает к раннесредневековой архитектуре, и всеми признается как памятник VII в.

После описания обоих храмов, сопровождаемого, как обычно в книге, замечаниями о «грубости» или «мало приятном впечатлении» от тех или иных деталей (стр. 158—159), автор неожиданно заключает: оба храма «вполне типичные своей беспомощной наивностью памятника эпохи перехода начинающегося — еще очень туго — возрождения армянской архитектуры..., которым далеко еще до нахождения значительных творческих, художественно новых форм» (стр. 160). Но если в обоих храмах нет новых форм и в VII в. (их в Армении еще не было), то откуда армянские зодчие X в. их заимствовали? Ответ на этот вопрос в книге отсутствует. Может быть, автор имел в виду Грузию (Кахетию), где в VI—VII вв. действительно знали эту композицию — центрический храм — тетраконх с промежуточными округлыми (снаружи) помещениями (его датируют VI в.) в монастыре Ниноцминда [16]. Но такое решение отпадает: архитектурное творчество в Грузии и Армении — это процессы одновременные и тесно связанные, в которых мы не можем выделить сторону, только дающую или только берущую.

Перенос же даты храмов в Егварте и Иринде из VII в X в. Г. Н. Чубинашвили основывает только на сходстве отдельных форм их с храмами в Адиамане, Мастаре и др., которые им омоложены на два-три столетия. Утверждение, что в Иринде «ни одной черточки нет от постройки времени Григория Мамиконяна (662—685)», может лишь удивить, ибо основные черты этих зданий — компактность и монолитность композиции, лаконичность форм, предельно ясно выражающих внутреннюю структуру, аскетически скромное убранство, всецело подчиненное архитектуре — так типичны именно для армянской (как и грузинской) архитектурной классики VII в. Зодчество же IX—XI вв. все более и более отходило от заветов старины, как это наглядно показывают армянские многоконховые храмы действительно времен зрелого средневековья: церковь рода Абугамренц в Ани (конец X в.) и церковь Спасителя там же (1036 г.), столь близкие по разработке фасадов к Анийскому собору рубежа X и XI вв., зато резко контрастирующие своими формами с храмами в Егварте и Иринде.

7. Наконец, довольно многочисленная группа небольших крестообразных церквей Армении. Г. Н. Чубинашвили привлекает несколько таких памятников: церкви в Мазарджухе, Коше, Аштараке, Гневанке, малую церковь в Талине, в Махмаджуке (Пемзашене), Лмбате — это те, которые обычно датируются доарабским временем; и две церкви на острове Севан IX и X вв. Но Г. Н. Чубинашвили не находит среди названных зданий раннесредневековых памятников, за исключением церкви в Аштараке: выходит, что крестообразная композиция мемориальных церквей с восточными угловыми помещениями или без них была незнакома доарабской Армении.

Так, ранняя дата малой церкви в Талине уже заранее подвергается сомнению на том основании, что имя ктитора ее Нерсеса Камсаракана встречается не только в VII, но и в VIII в. А далее «оправдывается» эта более поздняя дата: «слишком явно в ней (церкви) какая-то нарочитость в совершенно собственно обыденных простых моментах» (стр. 70), выражающаяся в «овальности купола» (его «вычурности») (а нам, повторяю, это представляется удачной находкой зодчего), «особом уступе бемы», в наличии «двух входов почти рядом» (в западной ветви креста), «внешних формах исполнения» (стр. 70). Вот и вся аргументация! Эти особенности Г. Н. Чубинашвили объясняет историческими условиями эпохи, избранной автором для этой маленькой церкви, именно VIII в.: «Эпоха политического гнета арабами требовала по контрасту создания построек с подчеркнутой роскошью от местных феодалов... Но наличные в культуре страны творческие силы не стояли тогда уже на должной высоте более, сильный уклон к манерности проявлялся во всем еще с середины VII в. примерно и потому Талин с желанием грандиозности и богатства в этой небольшой постройке не смог уже, конечно, соединить строгого и спокойного благородства более древних построек» (стр. 71) [17]. Значит, отсутствие «строгости и спокойного благородства» — вот единственное основание для передатировки (ср. стр. 100) — основание явно недостаточное.

В дальнейшем тексте малая церковь в Талине становится хронологическим эталоном: так же датируется основная постройка в Гневанке, которая «созвучна церквам в Талине, Лмбату, Кашу и др.», т. е. VIII—XI вв. (стр. 78) и то же, в сущности, без малейшего обоснования. Далее — крестообразная церковь с восточными угловыми помещениями в Махмуджуке (Пемзашене), которая «отличается надуманностью как в декоре, так и в самой архитектуре» (стр. 101); в ее декоре будто бы ощущается «дух чрезмерного нагромождения» (стр. 81) (а декор

---

[16] В. Беридзе. Грузинская архитектура. Тбилиси, 1967, стр. 31, табл. 14.

[17] Во всех цитатах мы сохраняем стиль автора — крайне тяжелый. Кстати сказать, и вся книга написана очень трудно читаемым языком; некоторые пассажи так и остались непонятными; редакторской правке книга, видимо, не подвергалась.

ее на самом деле очень простой и скромный), а это, по мнению автора, служит достаточным основанием «удалить» (памятник) еще по времени от строгих форм ц. Гаяне» (стр. 101), т. е. от VII в., и перенести в VIII—XI вв. Церковь в Лмбате, также крестообразная, но со скругленными вверху боковыми ветвями, т. е. завершенными конхами; эта особенность здания приводит автора к заключению, что и оно «тоже очень усложненный пример церкви изучаемого типа, уже по плану» и «со всеми ними разделяет страсть к отделке» (стр. 88), которую мы, однако, усмотреть не можем. Этим и исчерпывается все обоснование передатировки.

Надо сказать, что совершенно аналогичные крестообразные небольшие церкви имеются и в Грузии (церковь в Самцевриси и малая церковь в Атени), но они незыблемо датируются VII в. Таким образом, и в этом сравнительно простом виде мемориальных церквей, если верить датам Г. Н. Чубинашвили, Армения также значительно отстает: общая «установка» книги сказывается и здесь.

Книга Г. Н. Чубинашвили посвящена, по сути дела, почти сплошной передатировке памятников купольной архитектуры раннесредневековой Армении. Из массы таких памятников, отражающих огромное композиционное разнообразие и богатство, Г. Н. Чубинашвили оставляет в доарабском периоде только церкви в Аване, Гаяне, в Мрене, Багаране и Звартноц, а из малых церквей — только Аштаракскую. Остальные 30 разбираемых им раннесредневековых памятников он частью переводит в VIII в. (т. е. в период арабского ига), но больше всего — в IX и X вв.

Во всех этих передатировках, которые мы лишь кратко проследили, бросается в глаза общая методика и общая тенденция.

Документальных оснований для таких перестановок дат у Г. Н. Чубинашвили нет, если не считать позднюю переписку надписи на стене храма в Аруче и явную перестройку верхней части храма Рипсиме с поздними башенками. В своей аргументации автор исходит исключительно из *качества* архитектуры. В этом суть его методики: чем строже архитектура, тем она древнее; чем сложнее (в архитектуре или в декоре) — тем позднее. Кроме того, в любом недостатке — архитектурном или декоративном (неправильность в плане, тот или иной просчет или промах зодчего, та или иная ошибка или неудача зодчего, тот или иной недостаток в декоративной резьбе) Г. Н. Чубинашвили видит неоспоримый признак более позднего времени. Так строятся хронологические ряды памятников.

Но такая методика датировки весьма упрощенна.

Во-первых, далеко не бесспорны отрицательные эстетические оценки, которыми Г. Н. Чубинашвили в изобилии наделяет почти каждый памятник армянской архитектуры и которыми он затем руководствуется. Он видит в них беспокойность (это ощущение особенно часто посещает автора), наивность, неуклюжесть, унылость, вялость, а то и беспомощность, сухость, дробность, бессвязность, даже убожество, провинциальность, несамостоятельность, безвкусицу, грубость и т. д.— там, где, наоборот, мы видим мастерство, выдумку, находчивость и художественный такт (что не раз отмечалось выше).

Во-вторых, странно то, что эта лавина недостатков концентрируется именно в IX—X вв.— в эпоху возрождения Армении, в эпоху интенсивного развития городов, развития ремесла, бурного монастырского строительства, огромного подъема всей культуры страны, включая и художественную. Вместе с тем армянскую архитектуру доарабского времени (V—VII вв.) Г. Н. Чубинашвили, видимо, считает свободной от подобного рода недостатков: она выглядит безупречной. Но ведь и в эпоху армянской архитектурной классики, т. е. в ранее средневековье, как в Армении, так и в Грузии зодчие, очевидно, также обладали различной степенью одаренности; и в то время, очевидно, архитектурные творения приобретали индивидуальные черты с различными (удачными или неудачными) отклонениями от принятых норм, с теми или иными неудачными решениями. Безупречность армянской архитектурной классики призвана, видимо, оттенить «безотрадную» картину зодчества Армении эпохи ее возрождения, о чем так много говорит автор: эту мысль он настойчиво внушает читателю.

В-третьих, Г. Н. Чубинашвили создает своими передатировками совершенно загадочную ситуацию. Если храмы типа Рипсиме, храмы в виде купольных зал в Птгни и Аруче, храмы в Талине, Мастаре и многие другие, которые до сих пор считались армянской архитектурной классикой и относились к VII в., действительно созданы были в IX и X вв., то как же объяснить резкое отличие, вернее контраст стиля их и тех архитектурных памятников, которые бесспорно созданы в X в.? Такие здания, как собор в Талине (по Г. Н. Чубинашвили — середина X в.) и Анийский собор (989—1001 г.) слишком *различны*, чтобы быть почти одновременными, ибо это произведения различных стилей и, следовательно, различных эпох художественного развития. Не могут быть одновременными храм Рипсиме (по Г. Н. Чубинашвили — IX в.) и храм на о. Ахтамар начала X в. (915 г.), хотя композиция последнего исходит из типа Рипсиме, однако весьма переработанного: стилистически это совершенно *разные* явления. Два других сопоставления приводились выше: это церковь в Егварте (по Г. Н. Чубинашвили — X в.) и церковь Абугамренц в Ани (конец X в.); церковь в Иринде (по Г. Н. Чубинашвили — также X в.) и церковь Спасителя в Ани (начало XI в., 1036 г.). Архитектурным контрастом выглядят храмы в Талине, Птгни, Аруче и др. по сравнению с храмами наверняка X в. в

Ахпате и Санаине. Число таких контрастных сопоставлений можно было бы, конечно, увеличить.

Одно это показывает, насколько искусственны и натянуты передатировки Г. Н. Чубинашвили. Они несостоятельны и неминуемо будут отброшены [18]. Но вместе с ними рушится, словно карточный домик, и вся концепция автора.

Суть этой концепции — в резком изменении всей хронологии армянской раннесредневековой архитектуры и, тем самым, в коренном изменении всех наших представлений о ходе ее развития. Изменения эти, в конечном счете, ведут к обеднению ее. Все своеобразие, все принципиально новые архитектурные решения, созданные армянским художественным гением еще в VII столетии (например, купольные залы), послужившие своего рода закваской для возрождавшегося в IX в. зодчества и, в сущности, определившие не только возрождение, но и расцвет его в IX и X столетиях, по Г. Н. Чубинашвили, «не выходят за пределы среднего грамотного дарования» (стр 126). В книге поражает это сильно выраженное пренебрежительное отношение к великой культуре братского грузинам армянского народа [19], которое, однако, ни на йоту не приближает нас к пониманию армянского средневекового зодчества, а мало подготовленного читателя может только дезориентировать.

Передвижки дат ведут к созданию новых хронологических рядов, в которых грузинские памятники значительно опережают армянские. Автор нигде этого прямо не говорит (исключая тип Джвари относительно храма Рипсиме и ему подобных), но несамостоятельность, подражательность и отсталость, вообще неполноценность армянского зодчества — лейтмотив всей книги, ее основная тенденция. Это — концепция принижения и умаления достижений армянских зодчих, внешне выражающаяся в непрерывном и навязчивом напоминании о их средней или слабой одаренности, а то и вовсе бездарности.

Г. Н. Чубинашвили в начале своей книги даже теоретически оправдывает свои перемещения дат, имеющие целью, по его словам, дать (верней воспроизвести содержащуюся в других его работах) «картину постепенного развития армянской архитектуры без длительного двухсотвекового перерыва» (стр. 11). Но ведь эту постепенность развития нарушили не историки армянской архитектуры, а арабское завоевание, начавшееся в середине VII в., предавшее цветущие области Армении огню и мечу, надолго остановившее развитие страны. Этот перерыв постепенности был вынужденный, невольный, а заполнение перерыва, предпринятое Г. Н. Чубинашвили,— искусственное.

И вот еще одно оправдание книги, помещенное также в ее начале: исследователи армянской архитектуры, по мнению Г. Н. Чубинашвили, «усиленно втискивают все интересные новые решения купольных храмов в VII в. Будто недостаточно для раннего периода таких блестящих примеров, как церковь Гаяне, Мренский собор, Багаранский, и Звартноц, как древние базилики?!» (стр. 11). Но такого рода растягивание истории архитектуры ради равномерного распределения памятников по векам — носит кабинетный и столь же искусственный характер, оно методологически несостоятельно, как несостоятельно и все построение автора.

А. Л. Якобсон

---

[18] Кстати сказать, и в западноевропейской литературе передатировки Г. Н. Чубинашвили остались не принятыми. См., например, A. Khatchatrian. Armenia. Reallexikon für byzantinischen Kunst. I, 2, 1963, стр. 312—313. Малоубедительной считают и передатировку храмов в Талине: см.: R. Krautheimer. Early Christian and Byzantine Architecture. London, 1965, стр. 347, прим. 50.

[19] То же пренебрежение сказывается в отношении Г. Н. Чубинашвили и к инакомыслящим: один — «не знающий предела восторга» (стр. 40), другой «силится доказать» (стр. 151), третий «поучает» автора (стр. 160, примеч.), четвертый «пытается изложить собственный архитектурный домысел» (стр. 40).

А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963.

История науки знает немало сенсационных «открытий», которые потом оказались плодом наивной фантазии. Они мешали культурному прогрессу общества, так как до своего неизбежного разоблачения успевали вводить в заблуждение доверчивых людей и отвлекали научные силы на вынужденную полемику с авторами и апологетами этих «открытий».

Иногда с подобными печальными фактами приходится встречаться, к сожалению, и в наши дни. Примером этого могут служить «открытия» в области дешифровки эпиграфических памятников, а также в области древней и средневековой истории Северного Кавказа, которые сделал экономист А. Ж. Кафоев. Уже в своей ранней газетной статье он заявил, что, занимаясь историей народного хозяйства Северо-

Западного Кавказа, ему удалось сделать важные открытия в изучении эпиграфики и этнической истории. Он утверждал, что средневековая аланская надпись на известном Зеленчукском камне написана не на древнеосетинском, а на кабардинском языке, и что «по реке Б. Зеленчук и, возможно, восточнее ее в древние времена жили не осетины, а адыги, т. е. кабардинцы» [1].

В дальнейшем А. Ж. Кафоев предложил свой вариант чтения по-кабардински Этокской надписи, которую и до него неудачно расшифровывал при помощи кабардинского языка Г. Ф. Турчанинов [2], а также усмотрел кабардинский текст в надписи на фресках одного из храмов в Карачае. Зачислив указанные три надписи в разряд кабардинских эпиграфических памятников и отобрав из фольклора нужные ему сюжеты, А. Ж. Кафоев нарисовал такую картину этнической, политической и культурной истории Северного Кавказа и Восточной Европы, которая в корне расходится с тем, что известно из исторических источников.

Так, он утверждает, что кабардинцы являются аборигенами нынешней Кабардино-Балкарии [3], что дорийцы и ионийцы, до переселения в Грецию, обитали в Северном Причерноморье [4], что средневековое население верховьев р. Кубани являлось «прямым потомком» племени синдов [5], известных в античное время у Таманского полуострова, что женой и убийцей Атиллы была кабардинка «сестра восьми сыновей Тауо (Дауо)», которым в Кабарде, по мнению А. Ж. Кафоева, был воздвигнут Этокский памятник [6], что кабардинцы входили не только в Аланский, но и Антский союзы племен [7], что аланы — это всего лишь иноземное название разных народов Северного Кавказа, именовавших себя антами [8], что русские произошли от южных славян [9], что уже с V в. у кабардинцев существовала своя письменность, «заимствованная у южных славян» [10], что «крымские ханы частью были выходцами из Черкесии» [11], что легендарный прародитель кабардинских князей Инал и одноименный с ним мамелюкский султан, который в XV в. управлял в Египте,— это одно лицо [12] и т. д. и т. п.

Несостоятельность большинства перечисленных утверждений А. Ж. Кафоева слишком очевидна, чтобы на них останавливаться. Отмечу только менее известное широкому кругу читателей обстоятельство, мешающее безоговорочно сопоставлять кабардинского и мамелюкского Иналов. Дело в том, что тюркское по происхождению имя Инал не принадлежит к уникальным. Оно было распространено у разных народов в разные времена, в том числе и до XV в. Например, в монгольской хронике XIII в. есть место, где говорится: «Тогда к Чжочи явились киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин» [13]. Значит созвучие имен не достаточно для заключения, будто султан Инал, после своего свержения, покинул Египет и стал родоначальником кабардинских князей.

Пытаясь воссоздать историческую обстановку на Северном Кавказе в V в. н. э., А. Ж. Кафоев опирается на фольклор. При этом он заявляет: «Мы считаем, что опираться на предания, тем более зафиксированные, не является зазорным. Достаточно здесь вспомнить хотя бы мифы Гомера и раскопки Трои» [14]. Таким образом, А. Ж. Кафоев считает одинаково достоверными, с одной стороны, «Илиаду», записанную через 300—400 лет после Троянской войны, и с другой — кабардинские предания, записанные через полторы тысячи лет после событий, о которых они, якобы, повествуют. Непонимание этой разницы приводит А. Ж. Кафоева к фантастическим выводам. При этом он отбирает из фольклора только то, что можно согласовать с его собственной концепцией, и не обращает внимания на то, что ей противоречит. Так, он просто замалчивает неугодные ему предания о переселении кабардинцев из Прикубанья. Некритически следуя за Ш. Ногмовым, он возводит самоназвание адыгов («адыгэ») к имени средневекового славянского народа «анты» [15], а в «Адиле», т. е. р. Волге, упоминаемой старинными кабардинскими песнями, видит вождя гуннов Атиллу [16].

---

[1] А. Кафоев. О чем гласит Зеленчукская надпись? Газета «Университетская жизнь», г. Нальчик, 1959, № 23.

[2] Г. Ф. Турчанинов. Эпиграфические заметки. Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка, 1947, VI, 6, стр. 513—518.

[3] А. Кафоев. Адыгские памятники. Нальчик, 1963, стр. 94, 103.

[4] А. Кафоев. Тайна одной надписи. Газета «Московский университет», 1960, № 44. Более туманно эта же мысль выражена и в его книге «Адыгские памятники», стр. 135.

[5] А. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 93.

[6] Там же, стр. 80.

[7] Там же, стр. 89, 94—96.

[8] Там же, стр. 95.

[9] Там же, стр. 94.

[10] Там же, стр. 93, 94.

[11] Там же, стр. 114.

[12] Там же, стр. 110.

[13] С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.— Л., 1941, стр. 174.

[14] А. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 97.

[15] Там же, стр. 69—78.

[16] Там же, стр. 71.

Не лучше обстоит дело у А. Ж. Кафоева и с его собственным толкованием разных терминов. Так, название р. Баксан он предлагает производить либо от кабардино-тюркского «Пакъ и сын», т. е. «памятник Паку», либо от кабардино-латинского «Пакъ и сан», которое он переводит как «святой Пак», хотя, по нормам латинского языка, полагалось бы иметь «санкт Пак». В обоих случаях А. Ж. Кафоев считает, что первоначально название это, видимо, относилось к памятнику некоего Пака, которого могли почитать святым, а позже стало, очевидно, означать реку, на берегу которой этот памятник, возможно, стоял. Этот недоказуемый вывод подкреплен у А. Ж. Кафоева следующим недоказуемым соображением: «Если этот памятник до сих пор не обнаружен, значит, он или разрушен, или его не искали» [17].

Имя мифического Пака А. Ж. Кафоев «вычитал» в разных средневековых надписях Кабарды и Карачая и произвел его в исторического деятеля Кабарды, будто бы жившего в V в. Хотя не подлежит сомнению, что в имени средневекового осетинского вождя Ос-Багатара вторая часть является такого же монгольского происхождения, как и русское слово «богатырь», А. Ж. Кафоев видит в нем кабардинское «Пакъэ-тхьэр», что, согласно его утверждению, будто бы, означает «богоподобный Пак», а на самом деле, это значит «бог Пак» в определенном падеже. Пака же усмотрел он даже в имени мифического древнегерманского вождя Оспака, воевавшего с норманнами, причем о частице «ос», которой начинаются имена Оспак и Ос-Багатар, А. Ж. Кафоев говорит, что «это древнее название северокавказских народов», в том числе будто бы и кабардинцев [18].

Казалось бы ясно, что русское слово «кабардинцы» происходит от самоназвания «къэбэрд-ей», оформленного русским окончанием «инцы». Но А. Ж. Кафоев с этим не согласен. Он пишет: «Кабардинцы место паломничества(хадж) мусульман называют „кааба", ... а религия — „дин" и вот „из названных двух слов должно было образоваться сложное слово „кабардин" — „кааба-р-дин"» [19]. Считая, таким образом, что этническое название кабардинцев будто бы содержит указание на принадлежность к исламу, автор не учел, что мусульмане никогда не называли свою религию «религией каабы» и что «къэбэ» в имени «къэбэрдей» не увязывается лингвистически с «кааба» [20], тем более, что звук «къ» задненебный, а «к» — передненебный.

Не только кабардинцы, но и кабары, народ, обитавший в средневековой Хазарии, были названы, согласно А. Ж. Кафоеву, «по почитаемой ими религии — религии „каабы"» [21]. Но автор, очевидно, не знал, что кабары были язычниками [22].

Трудно понять, почему понадобилось А. Ж. Кафоеву возводить к «каабе» и слово «къубэ» в названии «Инал-къубэ», под которым было известно кабардинцам и абазинам место погребения князя Инала. Арабское слово «кубба» [23], означающее «свод», «купол», постоянно употреблялось в мусульманских землях в значении «мавзолей», поэтому Инал-къубэ» — это «Иналов мавзолей».

Серьезные возражения вызывает методика А. Ж. Кафоева для исследования эпиграфических памятников. Известно, например, что для чтения древних текстов недостаточно знания современного языка, но А. Ж. Кафоев совершенно не учитывает выводы, сделанные лингвистами по истории адыгских языков и, тем самым, неоправданно игнорирует эволюцию этих языков. Не считается он и с общеизвестным фактом, что однородные памятники, относящиеся примерно к одной и той же территориальной и хронологической группе, имеют между собой много общего. Знание этого часто помогает эпиграфистам понять, что было изображено на несохранившейся части памятника. Но А. Ж. Кафоев не признает аналогий, и поэтому даже характерный для средневековых христианских надгробий «мальтийский» крест, изображенный рядом с инициалами Иисуса Христа, автор не считает христианской эмблемой и в доказательство ссылается при этом на мою статью [24], где говорилось нечто совсем иное. В эпитафиях Этокского и Зеленчукского памятников он не нашел ожидаемых обращений к богу об отпущении грехов покойнику и вообще не нашел никаких религиозных формул, столь обязательных для эпиграфий того времени, причем не только христианских.

Неубедительной оказалась попытка А. Ж. Кафоева начисто отвергнуть мнение многих ученых, считавших, что надпись на Зеленчукском памятнике составлена на аланском, т. е. древнеосетинском языке [25]. В частности, нельзя согласиться с А. Ж. Ка-

---

[17] А. Ж. Кафоев. Адыгейские памятники, стр. 52—54.

[18] Там же, стр. 87, 88.

[19] Там же, стр. 120, 121.

[20] Используя кабардинское правописание, это арабское слово можно передать так: «кэіэбэ».

[21] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 122..

[22] М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 330.

[23] В кабардинском правописании — «къуббэ».

[24] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 61.

[25] В. Ф. Миллер. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. МАК, III, М., 1893; В. И. Абаев. Поправки к чтению древне-осетинской Зеленчукской надписи. САН ГрузССР, 1944, V, 2; его же. Осетинский язык и фольклор. I, М., 1949. стр. 260—270; Б. В. Скитский. Очерки по истории осетинского народа. Изв. Сев.-Осет. НИИ, XI, Дзауджикау, 1947, стр. 35; его же. Хрестоматия по истории Осетии. I, Орджони-

фоевым, будто в этой надписи нет осетинского слова «фурт», означающего «сын», так как «в тексте надписи слово „фоурт" состоит из пяти знаков, тогда как в осетинском слове „фурт" их всего лишь четыре». Но сам А. Ж. Кафоев тут же признает, что слово «фурт» написано «при соблюдении греческого правописания», согласно которому звук «у» мог быть передан сочетанием двух букв ου (т. е. «оу») [26]. А ведь именно слово «фурт», четырежды встречающееся в надписи, заставило ученых признать ее текст древнеосетинским, так как остальная часть основного текста ее, состоящая почти исключительно из собственных имен, труднее поддается этническому определению.

Начальные четыре буквы Зеленчукской надписи ΙΣ ΧΣ, обозначающие «Иисус Христос», А. Ж. Кафоев прочел по-кабардински «и-щхьэ-щ», т. е. «его голова есть» [27]. Это написано будто бы для того, чтобы все знали, что памятник стоит в головах, а не в ногах покойника?! При этом А. Ж. Кафоев явно грешит против истины, когда уверяет читателя, будто «в древние времена люди фиксировали на могильных памятниках (плитах) слова, показывавшие, где поставлен памятник — у ног или у головы погребенного» [28]. Так как в имени Νικολαος первая буква оказалась полустертой, то А. Ж. Кафоев сочинил версию об особой букве, которая отсутствовала в греческом алфавите и будто бы, была изобретена для передачи звука «я». В результате он превратил имя «Николай» в кабардинскую фразу «Якъуэ лIа уэс», т. е. «их сына умершего идущая снегом природа». Понимая, что получилась бессмыслица, он три последних слова заменил словом «светлого» [29]. Не зная, куда деть греческую букву ι в 7-й строке, А. Ж. Кафоев объявил ее разделительным знаком [30], но не объяснил, почему разделительный знак встречается в надписи только один раз и почему поставлен в конце строки, где он менее всего нужен? Но недоумение вызывает и содержание предлагаемого А. Ж. Кафоевым текста. Например, почему умершего Пака христианская эпитафия дважды именует «богом»? Представляется неоправданным упоминание в эпитафии какой-то Хубс, которая «сложив (стих) воспевала Пако бога». Не свойственны средневековым кавказским эпитафиям и обращения к покойнику, вроде следующих: «Пако богом ты был, умер, ты, кантазыр, славно... Лежи, не грешен ты!» [31]. Надуманность всех этих построений лишь подчеркивает неубедительное чтение А. Ж. Кафоевым текста Зеленчукской надписи.

Не лучше обстоит у него дело и с чтением эпитафии на Этокском памятнике. Она плохо сохранилась и поэтому еще в XVIII в. ее не могли разобрать, а в XIX в. Г. Д. Филимонов с сожалением констатировал, что «в настоящее время от нее не осталось и следа на памятнике» [32]. Однако крупнейшему специалисту по греческой эпиграфике, акад. В. В. Латышеву все же удалось прочесть первую половину надписи, в которой оказалось написано по-гречески: «Успокоился раб божий Георгий грек, 130(?) года, 12 марта». Продолжение этого текста настолько пострадало от времени, что, по словам В. В. Латышева, «не поддается восстановлению» [33]. В справедливости этого может убедиться каждый посетитель Исторического музея в Москве, где теперь экспонирован Этокский памятник. Не обращая внимания на этот очевидный факт, сперва Г. Ф. Турчанинов, а затем А. Ж. Кафоев, каждый по-своему, «прочли» погибшую половину надписи и заявили, что она написана будто бы на кабардинском языке. При этом получилось, что один сплошной текст эпитафии, высеченный на памятнике в одно и то же время явно одним мастером, составлен будто бы на двух языках в честь совершенно разных лиц, принадлежавших к разным народам, а именно: на греческом языке в честь грека Георгия и на кабардинском языке в честь кабардинцев «восьми сыновьям Тауо, сына молочного сына Паку, погибшим в сражении с утами (гутами, готами, готфами)» [34]. Почему так получилось, А. Ж. Кафоев не объясняет. Ясно, что жалкие следы погибшей надписи представляют широкие возможности тому, кто желает прочесть их на любом языке!

Кабардинский текст усмотрел А. Ж. Кафоев и в греческих буквах по обе стороны от лика Николая Угодника среди остатков фресок в средневековом храме на р. М. Зеленчуке. Его не смутило, что эти буквы остались известными только в копии,

---

кидзе, 1956, стр. 27; Г. Ф. Турчанинов. Эпиграфические заметки. Изв. АН СССР. Отд. лит. и языка, 1948, VII, I, стр. 80, 81; его же. Эпиграфические заметки. ЭВ, XII, 1958; Б. А. Алборов. Новое чтение надписи на Зеленчукской надгробной плите. Уч. зап. Сев.-Осет. ГПИ, XXI, 2, Орджоникидзе, 1956; З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. Сталинир, 1959, стр. 169.

[26] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 15.

[27] Там же, стр. 18, 60, 65.

[28] А. Кафоев. Тайна одной надписи.

[29] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 18, 20, 21.

[30] Там же, стр. 18.

[31] Там же, стр. 20, 21.

[32] Г. Д. Филимонов. Древние каменные изваяния в Пятигорске. «Вестник О-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее», М., 1876, 11—12, стр. 76.

[33] В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, II, 1, Нов. сер., СПб., 1886, стр. 47.

[34] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 48.

сделанной неспециалистом в начале XIX в., когда надписи и фресковая живопись этого храма были уже в плохой сохранности. Буквы принадлежали надписи, которая, конечно, относилась к лику Николая Угодника, однако А. Ж. Кафоев составил из них невразумительную кабардинскую фразу, присутствие которой на фресках храма трудно объяснить. Вот перевод ее, сделанный А. Ж. Кафоевым: «Ты мной воспитан исп, великий Патрос» [35]. Как и в других случаях, А. Ж. Кафоев усмотрел здесь необычное для эпиграфических памятников того времени упоминание человека во втором лице. Совершенно непонятно присутствие в фразе выражения «исп», т. е. «его карлик» (?!), хотя А. Ж. Кафоев, оставив его без перевода, ограничился примечанием: «Слово это встречается в тексте адыгского нартовского эпоса».

Могут спросить: как же практически удается все-таки читать по-кабардински то, что написано на других языках, особенно если речь идет не о произвольно восстановленном тексте погибшей надписи? Ответ содержится в специфических особенностях абхазо-адыгской группы языков, к которой принадлежит и кабардинский язык. Они богаты короткими словами, состоящими из одного открытого слога, который можно выразить двумя-тремя, а при желании и одной буквой. Кроме того, этим языкам свойственно особенное богатство согласных звуков, намного превосходящее число согласных букв в греческом и других алфавитах Запада и Востока. Эти две особенности позволяют сравнительно легко подбирать к неизвестному тексту желательные кабардинские слова. Например, греческая буква λ может выражать три разных кабардинских звука (л, лI, лъ), а буква κ даже четыре (к, кI, къ, кхъ) и, кроме того, такое же число соответствующих им лабиализованных звуков. Две греческие буквы λι означают, по А. Ж. Кафоеву, два кабардинских слова «восемь мужчин» (от лIы — «мужчина» и «и» — «восемь»), но с таким же успехом эти две буквы можно читать и как «(один) мужчина» или как «лы», т. е. «мясо», «тело» или, наконец, как «лъы», т. е. «кровь». Греческое κο можно принять не только за «къуэ» — «сын», как это делает А. Ж. Кафоев [36], но и за «овраг» или «ущелье» (которые по-кабардински тоже «къуэ»), а также за «куэ» — «бедро», «кIуэ» — «иди» и «кхъуэ» — «свинья». Кроме того, можно увидеть в этом и «ку» — «середина» или «къу» — «рукоятка». Подобных примеров можно привести много.

Заканчивая эту статью, пытаюсь припомнить в книге А. Ж. Кафоева хоть что-нибудь полезное для науки, но перед глазами стоит, к сожалению, одно лишь нагромождение ошибок.

Л. И. Лавров

---

[35] А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники, стр. 26.
[36] Там же, стр. 80.

М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). Київ, 1964, 355 стр., 89 рис.

Книга М. Ю. Брайчевского — давно ожидаемое обобщение исследований памятников культуры полей погребений черняховского типа, правда посвященное только социально-экономической характеристике памятников римского времени. В этом отношении книга М. Ю. Брайчевского перекликается своим построением и тематикой с работой Е. Веловейского [1], но украинский исследователь решает поставленные проблемы на широких территориях, с привлечением большего круга памятников. Области распространения черняховских памятников охватывают территории, на которых с VII—VIII вв. прослежены явные следы славянской культуры — прямого предка культуры великой Киевской державы.

Учитывая широкую территориальную протяженность культуры полей погребений, влияние на нее соседей и предшествовавших ей разноэтничных объединений, представлялось необходимым рассмотреть эту культуру на фоне всех памятников юго-восточной Европы того времени. Автор рецензируемой работы, не ограничиваясь анализом локальных вариантов черняховской культуры (на Украине и в Молдавии), широко привлекает в своей работе близкие или аналогичные культурные явления в областях Польши, Чехословакии, Румынии и Болгарии. Список использованных М. Ю. Брайчевским работ превышает 800 и представляет ценность, как почти исчерпывающая библиография по данной тематике. Конечно, при подходе к черняховской культуре как к определенному этапу культурно-исторического и социально-экономического развития славянских племен имеется много спорного. Однако необходимость именно такого исследования очевидна, поскольку это позволяет, как нам кажется, опровергнуть появляющиеся в последние годы мнения об отсутствии якобы общности культуры черняховского типа во всех областях ее распространения от Северного Донца на востоке и до Польши и Румынии на западе. При рассмотрении на столь

---

[1] J. Wielowiejski. Przemiany gospodarczo-spoleczne u ludności Południowej Polski wokresie późnolateńskim izymskim. Materialy starozytne. VI, Warszawa, 1960.

широком фоне отдельных явлений культурного развития выясняется их близость в удаленных друг от друга областях. Такой подход помогает прояснить сомнительные явления, известные в одной из областей с помощью лучше разработанного и выясненного процесса развития подобного же явления на другой территории.

Итак, можно признать правомерным общее рассмотрение пусть даже разрозненных, но синстадиальных в своем развитии племен Восточной Европы, живших в одних природных условиях и связанных с провинциально-римской культурой. Но нельзя все же все такие племена объединять под названием «черняховские» даже в «широком понимании» этого слова, как это делает автор (стр. 313). Так, например, не следовало бы М. Ю. Брайчевскому включать в черняховскую культуру подкарпатские курганы, сарматские памятники типа Бокан в Молдавии или, наконец, области Силезии.

Тем не менее отдельные ошибки автора ни в коем случае не ставят под сомнение правильность подхода М. Ю. Брайчевского к исследуемому им материалу как к источнику для изучения экономической и социальной структуры черняховских и соседних с ними племен. В книге ставятся вопросы о заселенности огромной «черняховской» территории, выявляются источники существования населения, виды производства и ремесел, производится анализ уровня социального развития общества и торговых связей, вопроса консолидации племен и зарождения элементов государственности на землях славян. Книга полностью соответствует своему заглавию, подводя вплотную к тому периоду истории, который надежно зафиксирован в летописях и других письменных источниках.

В этой связи хочется остановиться на утверждении автора об отсутствии письменных источников для исследуемой культуры (стр. 6), на основании чего автор книги исключает их из рассмотрения и не вносит древних авторов даже в список использованной им литературы. Действительно, для III—IV вв. круг письменных источников крайне ограничен[2]. Однако сведения греческих и римских авторов I—II вв. позволяют возводить к этому времени первые упоминания о славянах-венедах и примерно очерчивать границы их распространения. Известия более поздних историков и писателей помогли осмыслить некоторые стороны предшествующих периодов развития разных народностей. Так, Иордан в VI в. попытался дать ретроспективную историческую картину и чрезмерно преувеличил в прошлом могущество готского племенного союза, с которым многие неудачно пытались связывать этапы существования культуры полей погребений черняховского типа. М. Ю. Брайчевский в тексте книги не раз проявляет свою полную осведомленность о письменных источниках и неоднократно использует сведения древних авторов, говоря об отдельных сторонах социальных отношений и материальной культуры, к примеру, в разделе о неэквивалентной торговле римлян с варварами (стр. 244), о положении у них рабов (стр. 292) и пр. Коль автор так широко датирует черняховскую культуру и считает возможным говорить о ее распространении на огромных пространствах, то она попадает в те хронологические и территориальные рамки, которые охватывают труды Аммиана Марцеллина, Иордана, Прокопия из Кесарии и др. Мы согласны с М. Ю. Брайчевским, что прямых сведений о племенах лесостепной Украины позднеримского времени почти нет и было бы неправильным распространять данные историков I—II вв. на более поздний период. Не нужно также слепо следовать и Иордану без серьезной проверки источника. Без данных археологии, только базируясь на скудных сведениях античных и раннесредневековых писателей, невозможно воссоздать историю местных племен. Однако письменным источникам нужно было уделить в книге гораздо больше внимания или объяснить, почему их сведения не могут быть приложимы к черняховской культуре и на чем же тогда базируется отнесение ее автором к антскому и склавинскому союзу племен.

Уместно упрекнуть автора и в недостаточном внимании к памятникам античной культуры и к позднеримским памятникам местных племен на юге, в областях Северного Причерноморья. На имеющейся в книге карте южные области бассейна Днепра и Южн. Буга не включены в границы черняховской культуры. Между тем раскопки на Нижнем Днепре и даже в Причерноморье показывают проникновение туда населения, оставившего культуру полей погребений с очень раннего времени. Ко II—III вв. относится могильник в Каменке-Днепровской, южнее г. Запорожья. Если бы М. Ю. Брайчевский уделил больше внимания сопоставлениям материалов черняховской культуры с южными находками, работа только бы выиграла. В то же время положение автора об основной зоне становления культуры и ее последующего распространения безусловно заслуживает внимания. Демографические заключения во II разделе книги являются гипотетичными, но сплошные обследования, проведенные Г. Е. Храбаном в Уманском районе, наши — в микрорайоне вокруг Журавки в Среднем Поднепровье, подтвердили густую заселенность отдельных местностей Украины в древности. Подсчеты М. Ю. Брайчевского о заселенности и плотности черняховского населения на 1 *км*^{2} скорее могут быть сдвинуты в сторону увеличения, чем уменьшения.

---

[2] А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954, стр. 7.

Третий раздел о земледелии является самой большой главой книги (33 стр.). Вслед за В. И. Довженко и другими авторами М. Ю. Брайчевский делает выводы о высоком уровне развития земледелия, исследует сельскохозяйственные орудия и способы обработки почвы. Автор допускает возможность появления здесь плуга в I в. (стр. 38). Хотелось бы только большей осторожности при отнесении некоторых орудий к черняховской культуре. В частности, единственное чересло из областей Поднепровья происходит с многослойного памятника в Коровинцах. Типологически оно отлично от других приводимых М. Ю. Брайчевским западных находок позднеримского периода. Эта неточность, впрочем, не влияет на общий вывод автора о вероятности существования в украинской лесостепи пахотного орудия, переворачивающего пласт, о чем свидетельствуют находки соответствующего типа наральников. Раздел IV посвящен обозрению оседлого скотоводства и различных промыслов племен культуры полей погребений. Любопытным представляется произведенное М. Ю. Брайчевским сравнение состава стада разных (степных и лесостепных) областей этой культуры.

При описании промыслов, известных черняховским племенам, сомнения вызывает определение глиняных пирамидальных грузил, как предназначенных для сетей (стр. 76, рис. 15). Между тем такие грузила нередко бывают плохо обожжены, и более закономерно предположение об их использовании на ткацких станах (стр. 76). На памятниках черняховской культуры имеются грузила другого типа, которые с большей вероятностью могли использоваться при рыбной ловле, как, например, каменные грузила из причерноморского черняховского поселения Викторовка-II.

В разделе V «О переработке сельскохозяйственных продуктов» автор описывает находки мельниц и жерновов. Реконструкция устройства ручных мельниц могла бы, по нашему мнению, быть более развернутой на основе имеющихся публикаций. В частности, надо было специально отметить ручные мельницы с нижним жерновом, имеющим сквозное отверстие, которые реконструируются совсем иным образом, не похожим на единственный приводимый М. Ю. Брайчевским (стр. 83, рис. 16). Автору следовало бы уточнить, учитывая профиль книги, что жерновов в каждом жилом доме не было. Находки специальных мельничных сооружений, по-видимому, подразумевают их коллективное использование группой членов общины.

Совершенно маловероятным представляется утверждение М. Ю. Брайчевского, который следует за Е. Веловейским, о наличии специализированных печей для массовой выпечки хлеба (стр. 84—85). Это соображение противоречит достаточно убедительным археологическим фактам и совсем не дает М. Ю. Брайчевскому повода говорить об еще одной группе ремесленников — пекарей (стр. 217). Говоря в заключении раздела о ткачестве и шитье, автор напрасно называет обоюдоострые костяные проколки «стилями».

В следующем, VI разделе — «Добывание и обработка железа» — М. Ю. Брайчевский мобилизует большой материал. К сожалению, отсутствие находок горнов в восточных областях распространения черняховской культуры заставляет его намечать центры железоплавильного производства, основываясь лишь на находках шлаков. Между тем шлаки эти могут оказаться и кузнечными. Говорить о сходстве типов железоплавильных горнов Малопольши и Поднепровья пока преждевременно (стр. 107, 108). Нет для начальных периодов существования черняховской культуры на Украине также и комплексов находок кузнечного ремесла. Представление о них помогают составить приводимые М. Ю. Брайчевским западноевропейские и местные позднейшего времени находки. В настоящее время путем технологических анализов подтверждено изготовление в черняховское время стали в областях Поднепровья, как это зафиксировано Е. Пясковским для Малопольши и сопредельных районов (стр. 116).

Важный раздел VII, характеризующий гончарство, касается его организации, типологии керамики и технологии ее производства. Конечно, этот раздел нельзя считать исчерпывающим, да книга и не преследует подобной цели. На наш взгляд, нужно было бы только определеннее противопоставить промышленный округ в районе г. Кракова отдельным небольшим гончарным мастерским поселений черняховской культуры восточнее Днестра и Южн. Буга (перечень горнов автор приводит, но список уже сейчас может быть пополнен). В противоположность стандартной массовой серийной продукции гончарных мастерских западных областей, на востоке гончары каждой мастерской, по-видимому, имели некоторые свои традиции. Это подтверждают различия керамических комплексов поднепровских поселений, даже сравнительно близко расположенных, например, комплексов Черняхова, Ромашков и Журавки. Сбыт продукции небольших гончарных мастерских, естественно, охватывал более ограниченный район, чем, допустим, центр керамического производства в Малопольше. На такое разграничение важно было обратить внимание для более полной социально-экономической характеристики отдельных областей черняховской культуры. Наконец, насколько прав М. Ю. Брайчевский в признании существования у черняховских племен только ручного гончарного круга и отрицании применения ножного, покажут лишь заключения технологов. Особый интерес представляет подраздел работы, в котором говорится о развитии гончарства на землях, занятых черняховской культурой, где рассматривается вопрос об исчезновении или продолжении использования гончарного круга после потрясений политического характера эпохи переселения народов. Необходимо поддержать ранее уже высказанное автором положение, что нет и не может быть в большинстве районов лесостепи памятников середины I тысячелетия

н. э. с комплексами чисто лепной керамики. Находки на памятниках типа Пеньковки (урочище Молочарня) или Скибинцев (о. Мытковский) отдельных обломков лощеной гончарной посуды, по нашему мнению, являются свидетельством продолжения традиций изготовления сосудов на круге. Для западных областей сохранение круга доказано М. Ю. Смишко хотя бы на примере изучения керамики подкарпатских курганов III—VI вв.[3]. На востоке пока лучше изучены комплексы VII—VIII вв., чем VI в., что затрудняет решение вопроса. Раздел VIII о ювелирном производстве в черняховскую эпоху имеет для Украины существенное значение и некоторую предшествующую разработку в работах Е. В. Махно, А. Т. Брайчевской-Смиленко и др. Книга М. Ю. Брайчевского обобщает украинские материалы и зарубежные находки. Большую сложность представляет вопрос о ювелирных мастерских. Вполне возможно, что возле г. Канева в Грищенцах, как думает автор книги, была мастерская древнего ювелира. Об этом свидетельствует, по его мнению, большое число бронзовых вещей, найденных там. Но большое количество находок с такой же долей вероятности мы можем отнести и к неизвестному нам пока могильнику. Тем не менее автор, основываясь на разнообразном ассортименте ювелирных изделий, справедливо отмечает чрезвычайно высокий уровень развития ювелирного ремесла у черняховцев. На наш взгляд, весьма важным является поставленный в этом разделе вопрос о пальчатых и некоторых щитковых фибулах и возможности связать их с черняховскими комплексами. Неоднократно уже отмечались находки щитковых фибул в пунктах, откуда происходят материалы черняховского типа. Подобные находки с территории Украины приведены в книге М. Ю. Брайчевского. Типологический предшественник пальчатых фибул — щитковые фибулы с полукруглым верхним щитком и ромбической ножкой не раз находили в закрытых погребальных комплексах культуры полей погребений. В разделе IX о разных видах производства сначала рассматриваются деревообрабатывающие орудия, столярное и плотничье дело. При этом вполне убедительно звучит заключение М. Ю. Брайчевского о появлении на определенном этапе развития культуры полей погребений токарного станка и соответственно распространении точеной деревянной посуды (стр. 82). Может быть она заменила гончарную столовую керамику более раннего времени, чем и объясняется исчезновение лощеных форм? В подразделе об обработке кости специально рассматриваются многочастные гребни, требующие сложных и разнообразных приемов при их изготовлении. Здесь автору книги следовало бы упомянуть о находках рогов и костей со спилами. Судя по следам обработки, существовали тончайшие железные пилки и сверла, которые не могли дойти до нашего времени. В целом же следовало более определенно сказать о значении костяной индустрии в черняховскую эпоху. Ее удельный вес для культуры полей погребений нельзя преуменьшать. Число поделок из кости на поселениях иногда не уступает количеству железных предметов. Неоправданно мало внимания уделил М. Ю. Брайчевский изготовлению и путям распространения стекла у черняховских племен. Было бы неверно даже на настоящей стадии изучения согласиться полностью с тезисом книги о неразработанности типологии стеклянных изделий (стр. 187).

Раздел X о строительном деле принципиально важен. В нем прослежено сходство традиций в устройстве домов черняховских племен различных областей. Правильно, что автор книги не настаивает на противопоставлении наземных и углубленных в землю построек, хотя при этом он несомненно ошибается, утверждая, что характер черняховских построек был преимущественно наземным и что они лишь иногда были частично углублены в землю (стр. 189). Новые раскопки в различных областях Украины говорят о большом распространении на поселениях черняховской культуры полуземляночных жилищ. Большие же наземные дома, нередко лишенные печей, в ряде случаев оказываются постройками хозяйственного, производственного (Ягнятин) и общественного (Журавка) назначения. Надо было упомянуть в этой главе о существовании особых печей производственного назначения (Лука-Врублевецкая и др). В подразделе о хозяйственных сооружениях напрасно акцентируется внимание на примерах находок следов колодцев, которые не типичны для областей черняховской культуры. В лесостепной Украине они не были обнаружены даже в бедных пресной водой районах Причерноморья, на сельских поселениях позднеримского времени. Из-за отсутствия колодцев поселения культуры полей погребений черняховского типа всегда располагались у воды.

Общественное разделение труда в разделе XI проиллюстрировано в книге на примерах железоплавильного кузнечного и гончарного ремесел и др. Хотя гончарство рассматривается автором под особым углом зрения, прежде всего с точки зрения его социального значения, М. Ю. Брайчевский счел возможным остановиться и на других его сторонах. В книге говорится о появлении гончарного круга, возможно, уже в позднескифский период и о распространении его на западе в областях липицкой культуры. Отмечены большие масштабы гончарного производства на примере находок серий гончарных горнов под г. Краковым. В этой же части работы ставится вопрос о начале товарного производства и о зарождении товарных отношений (стр. 219). Такая постановка вопроса бесспорно имеет под собой почву и, так же как следующий

[3] М. Ю. Смішко. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960, стр. 138—139.

раздел XII, посвященный торговле, базируется на трудах классиков марксизма-ленинизма. Широко развитой торговлей объясняются массовые находки римских денариев, численность которых, по подсчетам М. Ю. Брайчевского, достигает на Украине 30 000. Этот важный раздел рецензируемой книги М. Ю. Брайчевского подкрепляется материалами из другой его работы, специально посвященной римским монетам на Украине [1]. Автор в рассматриваемой книге существенно пополнил сведения о находках монет, включив в нее сведения о новых находках римских монет как на Украине, так и в Молдавии, Польше и Чехии. Подробно рассмотрены монетные находки со времени их массового распространения в Лесостепи — в конце I—II в. до позднейших находок V—VI вв. Римские монеты, по мнению многих исследователей, являются «непосредственными следами торговли населения этих (неримских.— *Э. С.)* земель с Римской империей» (стр. 228). Перечень групп вещей, которые импортировались к черняховцам занимает в книге большое место. В него входит античная керамика, стекло, металлические изделия и пр. Автором отмечены места концентрации отдельных видов привозных вещей, но, к сожалению, без их картографирования. Высказывается мнение о возможном активном торговом балансе местных племен, показываются этапы развития торговых отношений и основные направления связей, говорится об условиях для возникновения внутреннего монетного обращения.

Возникновению монетного обращения посвящен раздел XIII. Разбирая разные возможные способы использования в древности монет — как сырья, как сокровища и т. п., автор правильно выделяет их первую и основную функцию — как предметов, необходимых при торговле. По мнению М. Ю. Брайчевского, римские монеты в ряде мест продолжали обращаться во внутренней торговле и позже времени их чеканки, о чем говорит состав некоторых кладов, содержащих ранние и поздние материалы. М. Ю. Брайчевский явно без достаточных оснований отрицает существование на Украине безмонетного периода в середине I тысячелетия н. э., хотя в доказательство может привести только находки римских монет в отдельных кладах IX—XI вв. Слабо обосновано автором утверждение о наличии попыток местного чекана монет в подражание римским денариям. Слишком невелик материал, который мог бы подтвердить этот вывод.

В разделе XIV, посвященном имущественному расслоению черняховцев для решения этого вопроса, привлечены погребальные комплексы, клады монет и вещей. Вполне вероятно заключение автора о том, что большинство кладов черняховского времени оставлено не воинами, а торговцами. Скорее всего клады, в особенности монетные клады, накапливались в результате активной торговли. Значительно более гипотетичными представляются нам подразделы, отведенные в книге землевладению, освоению свободных земель и имущественному расслоению внутри свободных общинников.

В разделе XV о социальном расслоении исходный пункт рассуждений автора — «община никогда не бывает однородной в своей структуре» (стр. 284) — обеспечивает правильный подход к конкретному археологическому материалу. Так, например, на сопоставлении размеров разных жилых домов удается проследить семейную организацию. Расположение поселений группами позволяет высказать предположение о принадлежности их к кровно-родственным объединениям, расселившимся из одного центра. Мы бы добавили сюда наблюдение о групповом расположении домов на черняховских селищах, в миниатюре отражающем тот же процесс расселения внутри поселка.

Рецензент присоединяется к ранее высказывавшемуся М. Ю. Брайчевским положению о возможности связывать Змиевы или Траяновы валы с черняховской эпохой. Только такой вывод о наличии групповой обороны местных племен (стр. 291, 311) может объяснить повсеместное отсутствие укреплений на поселениях первой половины I тысячелетия н. э. в лесостепной и степной Украине и Молдавии.

В книге подробно обсуждено возможное применение рабской силы и признаки будущих феодальных отношений, насколько позволяют осветить эти проблемы археологические и письменные источники. Рассказывая о социально-обособленной верхушке внутри местного общества, автор подробно перечисляет богатые, так называемые «княжеские» погребения. В их число почему-то не включено давно опубликованное яркое захоронение «вождя» с нижнеднепровского могильника у овчарни совхоза «Приднепровского» в районе с. Гавриловки. Это богатое погребение в деревянной камере следует признать гораздо более типичным для памятников черняховской культуры, чем трупоположения на Волыни, а тем более в Силезии (стр. 296—297). Последний раздел книги посвящен межплеменным объединениям и, на наш взгляд, неоправданно короток, поскольку он итоговый. Однако на находках оружия на памятниках черняховского типа автор останавливается весьма подробно. Список предметов черняховского вооружения производит внушительное впечатление, особенно если учесть недавнюю почти полную неизученность оружия этой культуры. Племенам черняховской культуры было известно разнообразное оружие, и военный потенциал их был по тому времени высоким, как, вероятно, была развита и организация вооруженных сил общества эпохи военной демократии. Предпосылки создания межплеменных

[1] М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959.

объединений, вопросы о «варварских державах» и предполагаемые локальные варианты черняховской культуры рассмотрены очень кратко. Именно потому они вызывают много замечаний. Локальные варианты связываются у М. Ю. Брайчевского преимущественно с бассейнами больших рек, и это в принципе закономерно. Однако исключение из областей черняховской культуры Левобережья, Надпорожья и Нижнего Поднепровья, не говоря уже об отдельных причерноморских поселениях и могильниках, на наш взгляд, совершенно необоснованно. Принципиально важный подход к выделению локальных вариантов не основывается у автора на детально разработанной источниковедческой базе. Впрочем, следует признать, что такая работа могла бы явиться задачей отдельного исследования. По той же причине, например, в таблице сравнительных форм лепной керамики, отражающей, по мысли М. Ю. Брайчевского, специфику отдельных областей черняховской культуры, сразу же бросается в глаза ряд недостатков (рис. 87, стр. 315). В таблицу включена керамика подкарпатских курганов, резко отличающаяся по форме от керамики основных областей черняховской культуры. В нее не включены нижнеднепровские и западные типы лепной посуды, плохо представлена керамика Молдавии и Волыни и пр. Заключительная часть работы — о постепенном сложении к III—IV вв. сильных племенных объединений — у рецензента возражений не вызывает. М. Ю. Брайчевского не смущает то, что в отдельных областях черняховским памятникам предшествуют разные культуры, повлиявшие на создание новой культуры (зарубинецкая, липицкая, пшеворская и др.). Такой подход правомерен. Только при взаимодействии разных культурных влияний мог происходить процесс формирования единой культуры антского и склавинского объединений (стр. 319). Дискуссионно, по нашему мнению, предположение о двух центрах сложения союзов племен — на Волыни и в Силезии. Археологическое обоснование высказанного М. Ю. Брайчевским положения более чем непрочное. Оно основано на перечне и сопоставлении «княжеских» захоронений из обеих областей. Предлагаемое же автором обращение к письменным источникам мало что дает в этом случае. Наоборот, если доверять локализации антов Иорданом, помещавшим их между Днестром и Днепром, на излучине Понта, то высказанное предположение о районировании главных центров славянских племен вступит в противоречие с историческими сведениями. Этно-культурные заключения автора должны быть более обоснованы.

Итак, основную ценность книги представляют, по нашему мнению, разделы, посвященные социально-экономической структуре общества черняховского времени. Они объединяют много археологических фактов, определенно их систематизируют и убедительно, в большинстве случаев, интерпретируют с точки зрения сложившейся концепции автора.

Э. А. Сымонович

М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен), К., 1964, 355 стр.

Большая часть научной биографии автора рецензируемой работы посвящена истории народов, живших на территории современной Украины в I тысячелетии н. э., изучению процесса, приведшего к образованию Киевской Руси. Предпосылки образования этого государства, источники его высокой культуры он видит в развитии племен черняховской культуры. В начале 50-х годов концепцию автора в той или иной мере поддерживали многие исследователи, не занимающиеся специально проблемами черняховской культуры.

При всей своей заманчивой стройности и кажущейся логичности эта концепция отличалась очень слабой аргументацией, а иногда и бездоказательностью, на что неоднократно обращалось внимание автора как при обсуждении его докладов и сообщений, так и в печати [1]. На все замечания такого рода автор или не реагировал вообще, или отделывался ничего не значащими фразами.

Сейчас М. Ю. Брайчевский выступил с монографией, которая подытоживает определенный этап его научной деятельности. В такой работе мы вправе ожидать, прежде всего, фундаментальной и всесторонней аргументации всех основных положений. Если допустить, что в своих многочисленных статьях, в силу ограниченности их объема, он не мог полностью развернуть все доказательства своих положений, то сейчас были для этого все возможности. К сожалению, такой аргументации в этой большой работе нет. Тут просто повторяются уже давно высказанные положения, и даже не делаются попытки обосновать их. Создается впечатление, что доказательность своих положений автор ставит в прямую зависимость от частоты их повторения.

[1] Э. А. Сымонович. О датировке поселений первых веков нашей эры в Луке Врублевецкой. КСИИМК, 57, 1957, стр. 28—32; Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Академии наук УССР. СА, XXII, 1955, стр. 258—261; Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. СА, 3, 1963, стр. 97—110.

Как это ни странно, в работе не только не использованы, но попросту замалчиваются многие новые и важные для темы открытия в области археологии. Читая книгу, получаешь впечатление, что за последние 10—15 лет в археологии ранних славян ничего не сделано, в то время как дело обстоит совершенно иначе. Именно в последние 10—15 лет стали широко известны такие археологические памятники VI—VIII вв., как Корчак, Лука-Райковецкая, Пеньковка и аналогичные памятники Южного Буга и Молдавии, памятники Канева и др. Все это памятники летописных племен, непосредственных предшественников Киевской Руси. Аналогичные памятники в это же время стали широко известны на всех славянских землях. Существовавшая ранее лакуна между памятниками черняховской культуры и памятниками Киевской Руси существенно заполнилась. Больше того, эти памятники захватывают и время существования (по автору) черняховской культуры — VII—VIII вв. Каково их отношение к черняховским памятникам? Ответа на этот вопрос нет.

В схему исторического развития, которой придерживается автор рецензируемой работы, эта категория памятников не вписывается. Казалось бы, такое положение еще в большей степени обязывает автора найти объяснение этому явлению, исходя из своих концепций. Вопреки здравому смыслу автор поступает иначе. Эти памятники он игнорирует или не замечает, хорошо зная их и зная, что этим памятникам придается большое значение всеми исследователями, занимающимися историческими проблемами I тысячелетия. Это не способствует укреплению позиций автора, а скорее свидетельствует о том, что и сам он чувствует шаткость основных своих положений.

Рецензируемая работа является синтетическим трудом, в котором автор попытался привести в стройный порядок все сведения, имеющиеся в историографии по черняховской и синхронным ей культурам Польши, Чехословакии и Румынии. На основании этих материалов решаются почти все вопросы социально-экономического развития племен черняховской культуры, которую автор толкует несколько иначе, чем все иные исследователи. В работе собран большой фактический материал, который автор знает очень неплохо, но трактует его по-своему и слишком произвольно. Построена работа логично, стройно, написана хорошим языком.

Не пересказывая содержания работы, разрешим себе остановиться на вступлении, в котором, собственно говоря, содержится кредо автора. Суть этого кредо в том, что автор считает возможным строить работу не на основании аргументированных положений и фактического материала, а на основании своего субъективного отношения к определенным фактам.

Так, очень важный вопрос о территории распространения черняховской культуры он даже не пытается рассматривать, декларативно заявляя, что все памятники первой половины I тысячелетия на территории «от Силезии до Надднепровья и от Западного Буга до Дуная» (стр. 4) есть черняховские. Совершенно не рассматривая археологический материал с точки зрения его этнокультурного единства на этой территории, он просто заявляет о его чрезвычайной схожести.

Существующее в науке мнение о наличии на очерченной им территории в первой половине I тысячелетия различных археологических культур он объясняет терминологической недоговоренностью и на этом основании считает себя вправе зачислять в памятники черняховской культуры такие, «которые черняховскими еще никто не называл» (стр. 5). Это значит, что одним росчерком пера, без всякого обоснования и аргументации перечеркиваются работы многочисленных инакомыслящих исследователей, собиравших и анализировавших фактический материал.

Мы считаем, необходимым особо подчеркнуть эту манеру автора, так как большая часть изложения построена по такому принципу.

Как же понимает автор рецензируемой работы общество, оставившее черняховские памятники? Существующее в науке мнение о какой-то роли римской цивилизации в создании черняховской культуры автор отрицает. Все ее проявления он объясняет внутренним, совершенно самобытным развитием. В носителях черняховской культуры он видит древних славян, игнорируя все другие племена и народы, исторически засвидетельствованные на территории распространения черняховской культуры. М. Ю. Брайчевский считает, что культура этих племен, достигнув своего расцвета во II—III вв., продолжает существовать и в последующее время вплоть до VII—VIII вв., когда она какими-то не совсем понятными путями трансформируется в культуру Киевской Руси. Общество, оставившее черняховскую культуру во II—V вв., достигает очень высокого уровня развития, становясь в ряд с мировыми цивилизациями. В этом обществе осуществлено полное выделение ремесла. Существует очень широкая внешняя (в основе которой лежит вывоз хлеба) и внутренняя торговля. Первая обеспечивает поступление на внутренний рынок большого количества серебряной римской монеты, которая повсеместно является средством обращения. Существующее в этом обществе личное землевладение приводит к сосредоточению в руках отдельных лиц больших богатств, что в свою очередь приводит к глубокому социальному расслоению населения. В черняховском обществе существуют различные формы эксплуатации человека человеком, есть тут большая прослойка рабов (которые используются, например, на мельницах).

Общество это имеет сильное централизованное государство, способное обеспечить неприкосновенность границ, для чего оно имеет специальную военную организацию («стражи»). Государство организовано так хорошо, что имеет возможность прово-

дить колоссальные оборонительные работы — насыпать змиевые и трояновые валы. Для этих работ используется рабская сила, находящаяся, надо думать, в ведении государства. Так рисуется в работе общество, которое оставило черняховскую культуру.

Для того чтобы эта стройная картина соответствовала действительности, необходимо, чтобы соответствовали исторической действительности три постулата, на которых построена работа.

1. Черняховская культура — это культура славянских племен.
2. Это единая культура существует во II—VII вв. и позже.
3. Единая черняховская культура занимает территорию лесостепной Украины, Молдавию, Румынию, Южную Польшу, Словакию.

Эти постулаты являются фундаментом, на котором построена вся работа, несправедливость хотя бы одного из них дает очень опасную трещину, а при несправедливости всех трех может оказаться, что работа построена на песке.

Как же обосновываются постулаты?

Специальных глав, посвященных этим вопросам, в работе нет. Отдельные замечания разбросаны по всему тексту книги. Понимая всю шаткость своего утверждения о славянстве черняховской культуры, во введении автор говорит: «Проблема этногенеза племен (черняховских,— *Д. Б.*), которые являются объектом данной работы, еще ожидает специального исследования, для успешности которого, очевидно, потребуется расширение истоковедческой базы» (стр. 5). Таким образом, с одной стороны, автор признает, что на современном этапе вопрос о славянстве черняховской культуры не решен и без дополнительных материалов решен быть не может, с другой стороны, все свое изложение он ведет, исходя из обратного.

В аннотации к работе он четырежды подчеркивает, что речь идет о древнеславянских племенах, вытекает это же и из названия работы.

Свое не высказанное прямо утверждение он считает возможным обосновывать ссылкой на то, что «большинство исследователей, специально занимающихся изучением черняховской культуры, и сейчас отстаивают тезис о ее славянской принадлежности» (стр. 10). Чтобы сделать это утверждение еще более веским, он пишет, что эта точка зрения находит свое отражение в большинстве обобщающих изданий. Дальше следуют ссылки на работы: В. А. Петрова «Нариси стародавньої історії Української РСР», «Очерки по истории СССР», Предисловие к МИА, № 84 и на статью Украинской энциклопедии — «АНТИ».

В статье В. П. Петрова «Давні слов'яни та їх походження»[2] в самом начале работы говорится следующее: «Славянство местного населения Среднего Поднепровья времен Киевской Руси и предыдущего докиевского периода подтверждается всей суммой исторической документации, имеющейся в нашем распоряжении. Совсем иначе обстоит дело при решении вопроса об этнической принадлежности населения этого же Среднего Поднепровья в более раннее время — носителей черняховской или зарубинецкой культуры» (стр. 37). Подытоживая основные положения своей работы, В. П. Петров пишет: «Этнические образования первой половины I тысячелетия и этнические образования второй половины того же тысячелетия не тождественны. Между ними существуют определенные связи, но они осуществлялись через коренные изменения, этнические катастрофы, которые для отдельных полос граничили с полным уничтожением. Распалась система связей, образовавшихся за время мирового господства Римского государства. Прекратила свое существование черняховская культура, возникли новые системы связей, когда Римское государство заменила Византия. Возникла новая материальная культура на месте черняховской» (стр. 44).

Как видим, тут нет утверждения о славянстве черняховской культуры, как нет и утверждения о культурной преемственности последующих за черняховской культур. Наоборот, говорится об этнических катастрофах, об исчезновении черняховской культуры.

В «Очерках истории СССР» раздел, на который ссылается автор, начинается так: «Автор данного раздела (Ю. В. Кухаренко) в настоящее время придерживается того мнения, что черняховская культура по своей основе является культурой скифского населения». Автор раздела дальше говорит: «...что известную роль в сложении этой культуры сыграли славяне, готы и сарматы, влившиеся в среду скифского населения» (стр. 64). Таким образом, и в этой работе прямого утверждения о славянской черняховской культуре мы не находим. Речь идет о том, что в числе ее носителей наряду со многими иными народами могут быть и славяне.

В предисловии к 92-му выпуску МИА, посвященному черняховской культуре, автор объективно приводит имеющееся в науке мнение об этносе черняховской культуры, не отдавая предпочтение какому-либо из них.

Ссылки на «Нариси стародавньої історії Української РСР» и статью «Анти» в Украинской энциклопедии мы рассматривать не будем, так как эти труды принадлежат перу автора рецензируемой работы.

---

[2] В. П. Петров. Давні слов'яни та їх походження. Украинский исторический журнал. 4, 1963.

Таким образом, оказывается, что «большинство исследователей, специально занятых исследованиями этой культуры» и считающих ее славянской, это в основном сам М. Ю. Брайчевский.

Утверждая, что черняховскую культуру оставили славянские племена, автор забывает, что на территории занятой этой культурой, в начале I тысячелетия жили многочисленные народы, хорошо зафиксированные историческими источниками, это те же скифы, сарматы, готы, геты, даки и многие другие.

Если все они не имеют никакого отношения к черняховской культуре, то куда они деваются? Трудно предположить, что мировая история не заметила какой-то катаклизм, при котором погибли все эти народы, занимавшие такую обширную территорию. Никакого катаклизма, конечно, не было, и все эти народы продолжали существовать и дальше и, весьма вероятно, под своими старыми именами. Культура их, подвергшись сильному нивелирующему воздействию Рима, изменилась, приняв черняховский облик.

Второй постулат — существование черняховской культуры в VII и последующих веках, т. е. почти до образования Киевской Руси, аргументируется наличием ряда черняховских памятников, которые якобы существуют до этого времени. Речь идет о тех памятниках, которые имеют в своем составе вещи круга пальчатых фибул (стр. 167, 168). На рассмотрение этого вопроса мы разрешим себе не останавливаться, отсылая читателя к нашей статье[3] «О датировке черняховской культуры».

Третий постулат обосновывается, как уже говорилось, проще всего — никак, а он, между прочим, основной. На нем зиждется вся работа.

В науке пока существует единое мнение, что такие памятники, как Подкарпатские курганы, польские памятники с «сивой керамикой», разнообразные памятники II—IV вв. Словакии к черняховской культуре никакого отношения не имеют. Это те памятники, которые, как утверждает сам автор, «черняховскими еще никто не называл» (стр. 5). Автор объясняет это терминологической недоговоренностью и предлагает с этого времени называть их черняховскими. Таким образом, вопрос о сути памятников, людях, их оставивших, подменяется вопросами терминологии.

Взяв на вооружение третий постулат, автор считает себя вправе все археологические явления от Северского Донца до Словакии рассматривать как единое целое. Так, утверждая наличие в Среднем Поднепровье сельскохозяйственных орудий типа плуга с горизонтальным ползуном, переворачивающим пласт земли, он иллюстрирует это находками наральников из Загайканы, Иголомли (стр. 34), т. е. материалами очень отдаленных территорий. Среди приводимых им примеров есть типичные римские плуги.

То же самое касается добычи и обработки железа, которое дается по материалам памятников Польши. Для любого исследователя совершенно ясно, что в первой половине I тысячелетия при любых обстоятельствах на такой обширной территории не могла существовать единая культура, если эта территория не была объединена единым мощным государством. Даже Римская империя не имела такого единообразия на всей своей территории.

Игнорирование этого приводит к тому, что очень интересное и заманчивое сопоставление и анализ археологических памятников Украины, Молдавии, Румынии, Польши, Словакии оказывается смазанным. Картина, нарисованная автором, во многих случаях нарушает историческую правду и фактическое положение вещей.

Таким образом, даже не предрешая справедливости или ошибочности постулатов автора, совершенно ясно, что в таком виде они приняты быть не могут. Если в науку вводятся новые определения и понятия, то они должны быть глубоко обоснованы. Если в одной работе все это сделать нельзя, но тогда ей должны предшествовать иные работы автора или других исследователей, где бы эти положения обосновывались. Насколько нам известно, таких работ пока нет. Поскольку это так, то многие положения работы, базирующиеся на этих допущениях, не могут считаться правомочными и приемлемыми.

Теперь разрешим себе остановиться на некоторых частностях.

В главе II автор определяет густоту заселения территории черняховской культуры в 10 человек на 1 $км^2$ и, исходя из этого, исчисляет количество населения. При своих расчетах автор не учитывает тот факт, что не все известные поселения существовали одновременно, точно так же, как не существуют одновременно на каждом отдельном поселении и жилища. Рассмотрим пример с тем же Неслуховским поселением, где было раскопано 18 жилищ. Значит ли это, что во все время существования черняховской культуры, т. е. весь период со II по VII в. (по автору), тут постоянно обитало 100—120 человек (18 жилищ × 6 человек)? Конечно, нет. Жилища черняховцев со стенами из лозы, обмазанной глиной, больше 20—25 лет простоять не могли. Если допустить, что они существовали одновременно, то поселение могло функционировать только 25—30 лет. Если же предположить, что поселение существовало все время существования культуры, то тогда в каждый краткий промежуток времени на нем было одно-два жилища и жило соответственно 6—12 человек.

Автор фактически подсчитал количество людей, живших на черняховских поселениях за все время их существования, но не учел, что люди смертны. В этот расчет

[3] Т. Д. Березовец. Ук. соч., стр. 97—110.

надо внести поправку, учитывая, что средняя продолжительность жизни не превышала 25 лет. Разделив время существования черняховской культуры на время средней продолжительности жизни — 25 лет, мы получим количество поколений. Принимая широко принятую датировку этой культуры II—V вв., а не II—VII, как предлагает автор, т. е. 250—300 лет, мы получим 10—12 смен поколений. Разделив на это число общую численность населения, полученную автором, мы узнаем действительное количество населения. При этом окажется, что плотность населения не превышала 1 человека на 1 $км^2$, что, по-видимому, близко к истине.

В главе, посвященной керамическому производству, затрагивается несколько принципиальных вопросов. Одним из таких является вопрос об исчезновении гончарной посуды и соответственно гончарного круга после V в. Автор это отрицает, обвиняя своих оппонентов, объясняющих это явление политическими и социально-экономическими моментами, в нелогичности. Он пишет: «почему, например, падение Западной Римской империи должно было заставить славян уничтожить все конкретные гончарные круги и опять возвратиться к формированию посуды голыми руками?» (стр. 147). Вместе с тем он прекрасно понимает, что гончарный круг — это не только технический прием работы, но и показатель определенного социально-экономического уровня развития общества. На стр. 213 он именно так объясняет появление его. Если это так, то определенная политическая ситуация, вызвавшая изменение в социально-экономическом строе общества, может быть причиной исчезновения гончарного круга.

Пытаясь утверждать, что гончарная керамика продолжает существовать в памятниках VII—VIII вв., автор ссылается на наличие гончарной керамики в памятниках типа Пеньковки, Волынцево, Луки-Райковецкой. Автор хорошо знает эти материалы и знает, что в них есть керамика салтовского круга, более совершенная, и очень примитивная своя. Оба эти типа керамики никак не могут быть выведены из черняховской. Это явление совсем иного порядка.

Говоря о ювелирном ремесле носителей черняховской культуры, автор зачисляет в их число вещи, никакого отношения к ней не имеющие, в частности комплекс пальчатых фибул. Тут автор допускает, мягко говоря, недозволенные натяжки. Яркой иллюстрацией таких натяжек может служить пример Пеньковки (стр. 168). Автор пишет: «Зооморфная фибула, найденная на поселении с черняховским материалом» и в примечании: «Раскопками 1958 года тут обнаружены остатки культурного слоя черняховской культуры (не опубликовано: материал ИА АН УССР)». В действительности на поселении в урочище Молочарня среди нескольких тысяч лепных славянских черепков, не имеющих никакого отношения к Черняхову, было найдено два донышка черняховских сосудов, которые, конечно, не могут определять культурный слой, тем более, что поблизости есть черняховское поселение. Кстати, материал этот опубликован в 108-м томе МИА и хорошо известен автору (108-й том МИА подписан к печати 19.III.1963 г.).

Совершенно непонятно, зачем автору понадобилось включать в работу вещи с выемчатыми эмалями (стр. 171—173), отношение которых к черняховской культуре, как утверждает и сам автор, более чем сомнительно.

Большое недоумение вызывают страницы, посвященные Змиевым валам (стр. 289—292). Автор не только определяет их как черняховские, но даже видит в этом доказательство применения в черняховском обществе в широких масштабах принудительного труда (вернее всего, рабского). Не понятен и пример с кладом римских монет, зарытых в Змиев вал у с. Перекоп (стр. 292). Почему это свидетельствует о том, что вал насыпался в черняховское время, а не в период бронзы или скифский?

Вопрос об имущественном и социальном расслоении общества освещен автором совсем неверно. На заведомо черняховской территории (УССР) нет ни богатых погребений (нельзя же считать «княжеским» погребение с восемью сосудами и двумя бронзовыми фибулами), ни вещевых кладов, ни погребений воинов, нет политических и торговых центров, нет мест обитания знати, нет городов. Ювелирные изделия чрезвычайно бедны по ассортименту (только фибулы и пряжки) и металлу, из которого они выполнены (нет золота, очень редко серебро, в основном бронза). Если сравнить по инвентарю черняховские погребения с погребениями предшествующего периода или последующего, то с точки зрения автора рецензируемой работы все рядовые скифские, славянские или салтовские погребения надо считать даже не княжескими, а царскими.

Если вдуматься и внимательно всмотреться в материалы, приводимые автором, и сравнить их с выводами, к которым эти материалы приводят, то сразу заметно явное несоответствие между первыми и вторыми.

И, наконец, нельзя не остановиться еще на одном вопросе. Это библиография и манера автора делать ссылки. Список литературы содержит 840 наименований, из которых 427 иностранных (польских, румынских, венгерских, немецких, болгарских, французских, английских, итальянских). Ссылок необычайно много. На отдельных страницах их бывает по несколько десятков. Очень много ссылок на всю работу без указания страниц. Так, на страницах 6—14 таких ссылок 325. Чтобы их проверить, читателю надо прочитать минимум 4000 страниц. Не слишком ли это много для девяти страниц изложения? По-видимому, автор тут перекладывает на плечи читателя ту работу, которую должен был сделать сам. Такого рода ссылки можно найти на любой странице, открытой наугад.

Очень много ссылок на себя. Это допустимо, когда речь идет о фактическом материале, но если автор говорит, что исследователи разделяют то или иное его мнение и в качестве этих исследователей ссылается на себя, то это нам кажется по меньшей мере, неудобным.

Часто ссылки неточны, формальны. Автор говорит о черняховских предметах, а в литературе, на которую он ссылается, написано, что это вещи эпохи переселения народов или римской. Каким образом автор устанавливает их связь с черняховской культурой, остается неизвестным. Он может писать, что вещи, найдены на Черняховском поселении, а в источнике, на который он ссылается, говорится, что вещь найдена не на поселении, а на противоположном склоне оврага (клад в Малом Ржавце, стр. 168), он пишет, что в Россаве клад найден в черняховском кувшине, на самом деле этого кувшина сейчас нет. Имеющееся описание очень неопределенно, вещи явно не черняховские. Таких примеров можно приводить очень много.

В результате, как это ни парадоксально, при огромном списке литературы в работе нет аппарата, которым можно было бы пользоваться, так как при проверке каждой ссылки надо проводить самостоятельное исследование.

К сожалению, многолетняя работа автора не внесла ясности в сложные проблемы черняховской культуры. Больше того, некоторые вопросы монография только запутала. Если специалист-археолог сможет выделить в этой работе рациональное зерно, то у малоподготовленного читателя, на которого она, по-видимому, и рассчитана, может создаться превратное представление о большинстве вопросов, рассматриваемых в книге.

В заключение уместно вспомнить выступление В. А. Энгельгардта на своем юбилейном вечере 4 декабря 1964 г., где он говорил о долге ученого.

«Его первый долг и обязанность — недоверие к собственным результатам, беспощадная проверка их, искание всевозможных путей, которые могли бы опровергнуть их. Легковерию, предвзятым мнениям нет места в научном творчестве».

Д. Т. Березовец

Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. v. XIII. The North Cemetery by C. W. Blegen, H. Palmer, R. S. Young. The American School of Classical Studies at Athens. Princeton, New Jersey. 1964.

Для изучения ранней истории Коринфа и хронологии расписной керамики большое значение имеют материалы раскопок Северного некрополя Коринфа, охватывающие период от среднеэлладского до Римского времени. Археологические исследования Северного некрополя проводились американскими учеными с перерывами с 1928 до 1965 г. Наиболее интенсивно велись раскопки в 1928—1930 гг., во время которых было открыто около 500 могил, относящихся в основном к архаическому и классическому периодам [1].

Рецензируемый том является первой полной публикацией материалов раскопок Северного некрополя Коринфа. В соответствии с распределением материала по периодам книга разделена на четыре части; в первой, небольшой по объему части публикуются находки в могилах Среднеэлладского периода (автор К. Блеген). В этой так же, как и в других частях работы, каталогу погребального инвентаря предшествует детальное описание расположения могил, погребального обряда, типов захоронения и наиболее интересных находок (стр. 1 сл.). В 1930 г. было открыто 13 среднеэлладских могил, входивших в небольшой некрополь. Захоронение совершалось в ямах глубиной 30—45 *см*, вырытых в земле и закрытых сверху каменными плитами. Восемь могил ориентированы с севера на юг, четыре — с востока на запад. Костяки лежали в скорченном положении. Наиболее интересной находкой в некрополе бронзового века является золотая диадема, аналогичная по стилю и форме более поздним диадемам из четвертой шахтовой гробницы в Микенах (стр. 3, рис. 1). Подавляющее большинство находок в могилах эпохи бронзы составляет среднеэлладская керамика характерных форм, аналогичная материалам из Аргоса, Азины и Фессалии.

Вторая часть книги представляет собой публикацию материалов Геометрического периода (автор Р. С. Янг). С XVII по VIII в. до н. э. территория Северного некрополя Коринфа не использовалась для захоронений; вероятно, жителей погребали в других частях города (например, могилы Геометрического периода были раскопаны

---

[1] T. L. Shear. Excavations in the Theatre District and Tombs of Corinth in 1928. AJA, 32, 4, 1928, стр. 490 сл.; его же. Excavations in the Theatre District and Tombs of Corinth in 1929. AJA, 33, 4, 1929, стр. 538 сл.; его же. Excavations in the North Cemetery at Corinth in 1930. AJA, 34, 4, 1930, стр. 403 сл.

на территории агоры классического времени) [2]. К Геометрическому периоду относится 49 могил, из которых 42 — это могилы прямоугольной формы, вырезанные в грунте (cist burials), 3 — детские погребения в саркофагах и 4 — погребения новорожденных в урнах-сосудах (стр. 14). Характерно полное отсутствие погребений с трупосожжением. Часть могил образуют группы, разделенные огораживающими стенами; вероятно, это погребения членов одной семьи. Костяки ориентированы головой к югу или востоку. Тела лежат в скорченном положении (на боку с согнутыми коленями и скрещенными на груди руками). Грунтовые могилы закрыты плитами мягкого красноватого песчаника, позже используются плиты из пороса. В некоторых могилах найдены уголь и кости животных (вероятно, следы тризны), а также сосуды для возлияний. На примерах различных типов погребений Геометрического периода можно хорошо проследить постепенную эволюцию от погребений в прямоугольных грунтовых могилах к захоронениям в каменных саркофагах (стр. 51). Интересно, что среди сосудов, использовавшихся в качестве погребальных урн, много кратеров; так, в мог. № 43, 44, 54 найдены кратеры, закрытые, подобно грунтовым могилам, поросовыми плитами (стр. 20).

Инвентарь могил с вазами геометрического стиля довольно беден: в основном это коринфская геометрическая и нерасписная грубая керамика, бронзовые булавки и фибулы, и несколько серебряных колец. В могилах нет привозных изделий и керамики других центров. Значительную часть раздела занимает каталог инвентаря могил и случайных находок. Отдельно описана керамика (33 сосуда, найденные в могилах Геометрического периода, и 12 сосудов, происходящие со всей территории некрополя; эти последние, вероятно, были выброшены из могил, потревоженных более поздними погребениями). Вазы классифицируются по формам (скифосы, гидрии, ойнохои, амфоры, кратеры и др.). Некоторые из них по форме и декоровке тесно связаны с более поздними протокоринфскими сосудами (позднегеометрические арибаллы, ойнохои, кратеры). Из позднегеометрических ваз середины — третьей четверти VIII в. до н. э. наиболее интересной находкой является неоднократно воспроизводившийся в литературе кратер с танцующими женщинами — редчайшее произведение коринфского фигурного стиля Геометрического периода (табл. 9, 47—1) [3]. По справедливому наблюдению Янга, к этому и подобным кратерам восходят по форме и расположению композиции раннекоринфские кратеры à colonnettes конца VII в. до н. э. (стр. 45—46) [4]. В росписи кратера использована белая накладная краска, что наблюдается также в более поздней протокоринфской вазописи. Стиль кратера тесно связан с аттической геометрической керамикой так же, как стиль аналогичного ему кратера из Аргоса.

Третья, небольшая часть книги (автор Янг) содержит описание 65 могил Протокоринфского периода (725—625 гг. до н. э. по Х. Пэйну — С. Вейнбергу). Бóльшая часть могил не имеет инвентаря и поэтому может датироваться только приблизительно (стр. 50 сл). Обряд погребения аналогичен обряду Геометрического периода. Захоронения производились в ямах, плитовых саркофагах [5] и гробницах, вырубленных из блока камня. Погребальный инвентарь беден и почти полностью относится к VII в. до н. э. (характерно полное отсутствие раннепротокоринфской керамики). Немногочисленные вазы относятся к позднепротокоринфскому и Переходному периодам (табл. 12). Вероятно, в этот период захоронения в Северном некрополе совершались редко, с перерывами, и наиболее широко эта территория стала использоваться в VI—IV вв. до н. э. Возможно, этим объясняется полное отсутствие в некрополе полихромной протокоринфской керамики. Характерно в то же время, что бóльшая часть крупных ваз геометрического стиля (кратеров) происходит с территории Коринфа; вероятно, в Геометрический период, когда связи Коринфа с другими центрами были слабыми, эти вазы шли только на внутренний рынок. В более поздний Протокоринфский период в Коринфе производилось много мелких полихромных сосудов (арибаллы, скифосы), вероятно, специально для вывоза на Запад.

Основную часть книги составляет четвертый раздел, посвященный некрополю Классического и Римского периодов (625 г. до н. э.— ок. 100 г. н. э.). Этот раздел (автор Х. Палмер) является наиболее интересным в работе. Инвентарь могил VI—V вв. до н. э. богаче и разнообразнее по сравнению с материалами более ранних периодов. Начиная с середины VI в. до н. э. коринфская керамика встречается в одних комплексах с аттическими вазами, что дает важные опорные моменты для уточнения относительной хронологии коринфской керамики второй половины VI—V вв. до н. э.

---

[2] Corinth, VII, 1. Harvard Un. Press, 1943, стр. 9, сл., 34 сл.

[3] T. L. Shear. Excavations in the North Cemetery..., стр. 411, рис. 5; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 64.

[4] Corinth, VII, 1. Nos. *188*, *233*, табл. 16, 32; H. Payne. Necrocorinthia. Oxford, 1931, стр. 300, 301; С. П. Борисковская. Коринфские кратеры архаического периода в собрании Эрмитажа. Тезисы доклада на научной сессии Гос. Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963, стр. 10.

[5] Ср. Е. Г. Кастанаян. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. МИА, 69, 1959, стр. 264, 265.

Раздел состоит из трех частей: в первой содержится описание некрополя, типов захоронений и погребальных обрядов (стр. 65—88). Изучение результатов раскопок показывает, что характер и типы захоронений и погребальный обряд тесно связаны с традициями предшествующих Геометрического и Раннеархаического (Протокоринфского) периодов. В конце VII—IV вв. до н. э. единственным способом погребения, за редкими исключениями было трупоположение (стр. 18, 69). Вплоть до середины VI в. до н. э. в Коринфе широко распространены скорченные погребения, существовавшие наряду с вытянутыми (последние впервые встречаются в начале VI в. до н. э.). В связи с тем, что черепа плохо сохранились, возраст и пол погребенных определяются по характеру инвентаря. Захоронение совершалось в саркофагах из блоков пороса, глиняных сосудах, урнах (детские погребения), а с начала V в. до н. э. в могилах, сложенных из черепиц или покрытых черепицами [6], а также в ямах, покрытых каменными плитами. В V—IV вв. до н. э. старые саркофаги часто использовались вторично для новых захоронений.

Бо́льшую часть погребального инвентаря составляет керамика (количество сосудов в могилах варьируется от 22 в мог. № 157 (табл. 23) до одного-двух). Реже встречаются бронзовые изделия (сосуды, зеркало, оружие, стригилы), терракоты, монеты, ювелирные изделия, куриные яйца, игравшие большую роль в погребальном культе, и раковины.

Во второй части раздела автор приводит описание погребального инвентаря. Классификация его дается по материалу, из которого изготовлены вещи (стр. 88 сл.). Бо́льшую часть раздела составляет описание керамики — коринфской, аттической и римского времени. Наибольший интерес вызывает публикация коринфских ваз. Нужно отметить, что коринфская расписная керамика из могил VII—V вв. до н. э. в своей массе маловыразительна по стилю, однообразно орнаментирована, особенно по контрасту с прекрасной полихромной керамикой, вывозившейся Коринфом в другие центры Греции и Западного и Восточного Средиземноморья. В то же время находки керамики в Северном некрополе незаменимы при изучении произведений массового керамического производства Коринфа периода его расцвета (конец VII — первая четверть VI в. до н. э.). Среди керамических материалов совершенно отсутствуют кратеры с многофигурными композициями и другие крупные вазы (амфоры, ойнохои) позднего полихромного стиля, мелкие арибаллы и алабастры раннекоринфского миниатюристического стиля (конец VII в.) и т. п. Вероятно, все эти типы художественной керамики изготовлялись в основном для вывоза в материковую Грецию, Сицилию и на острова Эгейского моря.

Среди находок в некрополе преобладают пиксиды, скифосы и ойнохои линеарного и черно-полихромного стиля, составлявшие, вероятно, основную массу коринфской керамической продукции. Некоторые вазы представляют собой интересные образцы вазовой живописи и могут быть приписаны определенным мастерам (ойнохоя «мастера Геладакиса», амфора «мастера Гонолулу», скифос «мастера Патрас», килик «мастера вазы из Брюсселя А 2182» и др.) [7]. Сопоставление круглой пиксиды из Северного некрополя (табл. Е, 141-*б*) с известным скифосом из ГМИИ позволяет нам приписать обе вазы одному мастеру («Московский мастер») и датировать его произведения началом VI в. до н. э. [8].

Среди коринфских ваз, найденных при раскопках Северного некрополя, имеются две пиксиды со скульптурными женскими головками, относящиеся по стилю росписи и пластических украшений к первой четверти VI в. до н. э. (157-m, X-131). Сравнение головок одной из пиксид с головками аналогичной пиксиды из коллекции Эрмитажа (по воспроизведению) привело Х. Палмер к выводу, что головки-украшения обеих ваз выполнены в одной форме (стр. 320, табл. С, *87*, X-*131*) [9]. Однако в справедливости этого наблюдения можно убедиться, только располагая для изучения оригиналами, а не воспроизведениями памятников. Обе пиксиды можно датировать по стилю исполнения головок концом первой четверти VI в. до н. э., а не началом VI в. до н. э., как предлагает Палмер. В числе коринфских ваз первой половины VI в. до н. э. можно выделить также кратеры, представляющие собой различные варианты формы кратера a colonnettes, особенно интересны два, у которых ручки соединены с венчиком не прямоугольными пластинками как обычно, а валиками (табл. 89, 135-*3*, X-135).

Установление точной абсолютной и относительной хронологии расписных ваз имеет большое значение для датировки могильных комплексов. Для комплексов конца VII — первой половины VI в. до н. э. основное значение имеют датировки коринфской чернофигурной керамики. Однако бо́льшую часть ваз в Северном некро-

[6] Одной из богатейших могил в некрополе можно назвать могилу 452, сооруженную из черепиц, украшенных прекрасной полихромной росписью (стр. 282, табл. 82, 452).

[7] Табл. А. 85 (155 — *а*, стр. 179), табл. 85 (141 — *5*, стр. 173, 174), табл. 83 (162 — *3*, стр. 187), табл. В (D 44-*в*, стр. 310).

[8] О скифосе из ГМИИ см.: W. Blawatski. Aus der Vasensammlung des Museums für bildende Kunst in Moskau. Arch. Anz. 1927, стр. 307, рис. 4; В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики, стр. 92; Н. Payne. Ук. соч., № 685, табл. 22, *2*; Античное искусство. Каталог ГМИИ. М., 1963, стр. 18, II *1б* № 14.

поле составляют сосуды линеарного и черно-полихромного стиля, время которых определяется только приблизительно по форме и орнаментации. К сожалению, Палмер часто повторяет встречающиеся в книге Пэйна слишком ранние датировки некоторых сосудов линеарного стиля (скифосов, пиксид) и пользуется ими при датировании комплексов (стр. 187—188, мог. № 163, стр. 194, мог. № 180 и др.). Создается впечатление, что автор датирует могилы не по наиболее поздним вещам, а по хорошо датирующимся ранним; так, например, Палмер датирует самую богатую могилу некрополя с 22 вазами не позднее 580—570 гг. до н. э. (стр. 181—185, мог. № 157) в соответствии со временем изготовления большей части чернофигурных ваз из этой могилы. Однако некоторые сосуды субгеометрического стиля из этого комплекса, как нам кажется, нужно датировать более поздним временем, так же, как два арибалла с четырехлепестковым орнаментом и розеткой на венчике, переданной контуром (табл. 23, *u*, *v*, *l*, *k*, *t*). Датировка этого комплекса серединой VI в. до н. э. кажется нам более убедительной.

С середины VI в. до н. э. и позднее наблюдается упадок коринфского керамического производства и деградация чернофигурного стиля росписи ваз. Растет объем привозной аттической керамики, которая к этому времени вытесняет коринфскую из многих центров, куда последняя широко вывозилась во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. (главным образом, Италия). Комплексы Северного некрополя прекрасно отражают эти изменения: немногочисленные мелкие сосуды расписаны в деградирующем силуэтном стиле без гравировки, бо́льшую часть находок составляют ойнохои черно-полихромного стиля, пиксиды, скифосы, леканы «шаблонного стиля», украшенные стилизованными растительными или геометрическими орнаментами. Материалы Северного некрополя, относящиеся ко второй половине VI—V вв. до н. э., представляют большой интерес, поскольку коринфская керамика этого времени изучена недостаточно. Встречающаяся в комплексах керамика дает яркую картину устойчивости форм и стиля росписи, восходящих к геометрическим традициям. В керамике из Северного некрополя встречаются различные, порой редкие варианты характерных коринфских форм сосудов — цилиндрические, вогнутые треногие пиксиды — табл. 32—35, 39, 41, 50, 52, разнообразные ойнохои, лекифы, леканы и др. (стр. 119 сл.). Керамический материал прекрасно отражает влияние аттического вазового производства, проявившееся в формах и стиле орнаментации некоторых сосудов, заимствованных коринфянами у аттических гончаров (формы и стиль росписи лекан, формы скифосов на кольцевой ножке, имитация аттических лекифов V в. с плющевым орнаментом, краснофигурные лекифы и т. д.).

Аттическая керамика, найденная в могилах второй половины VI—IV вв. до н. э., отличается однообразием стиля росписи. В ее декоре преобладают стилизованные растительные мотивы (пальметки, плющевая ветвь), часто встречаются чернолаковые сосуды. Наиболее распространены формы лекифов, скифосов и киликов (стр. 152, сл.). Особенно часто встречаются в могилах аттические лекифы с пальметками и плющевым ораментом. В конце VI—V вв. до н. э. эти лекифы помещались в могилы, вероятно, как замена коринфских арибаллов с растительным орнаментом в виде стилизованного цветка лотоса, часто встречающихся в могилах Родоса, Делоса, Сицилии во второй половине VI в.[10]. Привозная керамика, помимо аттической, представлена небольшим количеством ойнохой, возможно, аргосского производства, а также ионийским кратериском и родосским фигурным сосудом в виде сирены (табл. 90).

В 28 могилах римского времени (после 44 г. до н. э.— I в. н. э.) были найдены глиняные светильники и бальзамарии, терракотовые урны и монеты. Для захоронений часто использовались саркофаги из могил Геометрического периода (стр. 76—77).

Изучая собранный в книге огромный материал, охватывающий период от XVII в. до н. э. до I в. н. э., постоянно убеждаешься в том, что публикация его дает неоценимую пользу историкам архаической Греции, археологам, в особенности тем, кто изучает материалы из греческих колоний Северного Причерноморья. Сравнительное изучение обрядов погребения, инвентаря могил материковой Греции, Западного и Восточного Средиземноморья и Причерноморья должно дать интересные результаты. Северный некрополь не был единственным местом захоронения жителей Коринфа, и все же находки в его многочисленных могилах поражают бедностью, однообразием вещей, небольшим числом металлических изделий, украшений, терракот и почти полным отсутствием импорта. Интересно также, что в некрополе найдено мало коринфских чернофигурных ваз, особенно относящихся к периоду расцвета вазовой живописи. Вероятно, наиболее художественно выполненные вазы изготовлялись специально для экспорта, а на месте использовалась массовая продукция среднего качества (аналогичное явление наблюдается при изучении других могил коринфской области) [11].

---

[9] О пиксиде из Эрмитажа см. P. L a w r e n c e. The Corinthian Chimaera Painter, AJA, 63, 3, 1959, стр. 354 сл., табл. 90 сл.

[10] H. P a y n e. Ук. соч., стр. 320—321, № 1263, рис. 161.

[11] Ср., например, материалы из могил около диолка на Истме — N. V e r d e l i s Der Diolkos am Isthmus von Korinth. AM. 71, 1956. 1, стр. 57—59, табл. 40, 41.

Вещественный материал Северного некрополя не отражает, подобно находкам в святилищах Перахоры, многообразных торговых и культурных связей Коринфа конца VII — середины VI вв. до н. э. Однако в комплексах широко представлены изделия массового керамического производства Коринфа, что расширяет наше представление об этом виде художественного ремесла. Таким образом, публикация материалов из Северного некрополя позволяет более глубоко и разносторонне представить жизнь Коринфа в архаический и классический периоды [12].

Интересно, что на материалах раскопок некрополя, существовавшего от Среднеэлладского до Римского периода, можно проследить устойчивость и преемственность обрядов погребения, характерных для дорийцев Пелопоннеса: это отражается и в способах погребения (грунтовые могилы, ямы, погребения в саркофагах и урнах и т. д.), а также в положении костяка (скорченные погребения широко распространены вплоть до середины VI в. до н. э.), в характере погребального инвентаря.

Книга снабжена многочисленными таблицами, прорисовками, планами некрополей различных периодов и отдельных захоронений и указателями. Эта первая полная публикация материалов одного из крупнейших некрополей Коринфа несомненно окажет большую помощь в изучении истории Греции и колоний Северного Причерноморья в архаический и классический периоды.

С. П. Борисковская

---

[12] Археологические материалы как источник изучения истории Коринфа широко привлечены в монографии Э. Вилля (E. Will. Korinthiaka. Paris, 1955).

J. Herrmann. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Akademie Verlag, Berlin, 1966, 199 стр., 44 табл., приложение из 13 табл.

В работе публикуются результаты раскопок двух интересных славянских городищ второй половины I тысячелетия н. э., расположенных в Нижней Лужице. Оба памятника — Торнов и Форберг находятся в округе Калау (ГДР) и расположены недалеко друг от друга на берегах небольших речек Шраке и Добре, входящих в бассейн р. Шпрее. Раскопочные исследования под руководством И. Херрманна производились в течение трех полевых сезонов (1961—1963 гг.). В результате на городище Торнов была почти полностью изучена его внутренняя площадка и сделан разрез вала. Исследования Форберга ограничены траншейными раскопками, охватившими значительную площадь.

Раскопками установлено, что оба городища имели два строительных периода. Торновское городище А (нижний слой) имело в плане округлые очертания. Кольцеобразный девятиметровый вал имел внутри деревянные решеткообразные конструкции. Способ крепления крюковой. С внешней стороны вала был ров. С внутренней — хозяйственные постройки, рубленные из бревен толщиной 10—15 *см*. Диаметр городища равнялся 66 *м*, из которых 52 *м* приходилось на вал, ров и узкую берму (шириной 1,5 *м*). Ширина хозяйственных построек 2,16 *м*, диаметр внутреннего двора — 9,8 *м*. На внутренней площадке городища открыты остатки постройки размерами 2,2 × 5,0 *м*, выполненной в столбовой технике. Здесь был найден комплект жерновов, почему эта постройка названа мельницей. Здесь же в середине площадки изучены колодец и зерновая яма.

Для входа на городище в валу был сделан туннелеобразный прорез шириной около 2 *м*, укрепленный по обеим сторонам деревянными стояками и сверху бревенчатым перекрытием. Близ входа на внутреннюю площадку городища находилась жилая постройка удлиненно-прямоугольной формы.

В этом слое, кроме керамического материала, найдены железная сковорода, железный наконечник стрелы и жернова. В зерновой яме близ колодца и среди остатков постройки у ворот обнаружено большое количество зерна (рожь, пшеница и ячмень).

Подобную планировку имело и городище А (нижнее) в Форберге. Здесь также основу вала составляли деревянные решеткообразные конструкции шириной 4,8—5 *м*. Крепились они при помощи крюков или имели врубку. Высота деревянных конструкций 2,3 *м* при общей высоте вала в 4 *м*.

Оба городища погибли в результате пожаров. Костяной псалий, найденный в нижнем слое городища в Форберге, имеет аналогии среди аварских древностей VII—VIII вв. Эта находка и некоторые другие наблюдения позволили И. Херрманну датировать нижние горизонты культурного слоя Торнова и Форберга VII—VIII вв.

В конце VIII или начале IX в. на развалинах городища А в Торнове было построено новое городище (В). Его защищали мощный кольцевой вал шириной 10—14 *м* и ров шириной 5—8 *м*. Строители нового городища использовали старые внутривальные деревянные конструкции и дополнили их новыми сооружениями. Дополни-

тельные конструкции из вертикальных столбов и срубных венцов возводятся с внешнего края вала, со стороны рва и на берме. Туннелеобразный вход (шириной 1,5—1,6 *м*), как и в нижнем городище, был устроен с южной стороны.

С внутренней стороны вал был выложен камнем. И далее к валу примыкала кольцевая деревянная постройка, состоявшая из 19 секций. Оставлен был незастроенным лишь промежуток для входа на городище. Постройка сооружена при помощи срубной техники, комбинированной с вертикальными столбами. Размеры секций 4,5—6 × 2—4 *м*. Это были амбары для хранения продовольственных запасов. При раскопках были найдены глиняные ванны или деревянные ящики, заполненные обугленным зерном. Глиняные ванны-ларцы имели четырехугольную форму со слегка скругленными углами. Их размеры от 0,8 × 0,6 *м* до 1,05 × 0,98 *м*. Высота от 9,5 до 17 *см*. Кроме того, в амбарах были найдены жерновые камни, биконические глиняные пряслица, два железных серпа, два топора, части пояса. Автор допускает, что постройки № 4, 10 и 16 были жилыми.

Внутри городища оставалась свободной площадка 14—16 *м* в диаметре. Здесь располагалась центральная постройка и колодец. Центральная постройка состояла из двух камер (длинной и квадратной). Первая размерами 4 × 0,7—1,2 *м* была сложена из горизонтальных брусьев (20—40 × 6—10 *см*), которые удерживались при помощи столбов. Пол глинобитный. Вторая камера — сруб размерами около 2 × 1,2 *м*. В центральной постройке найдены два серпа, горшки, жернова и зерно.

Примерно в то же время было сооружено городище Б и в Форберге. Остатки прежнего вала были спланированы, на их место были сложены решетчатые деревянные конструкции и возник новый вал шириной около 13 *м*, высотой 6—8 *м*. Внешний кольцевой ров имел ширину 8—10 *м*. Как и в городище А, специального входа с воротами здесь не было. Внутри городищенской площадки вплотную к валу примыкали постройки, от которых сохранились лишь столбовые ямы. Число находок в слое городища В невелико. Кроме глиняной посуды, здесь обнаружены железные ножи, игла, обломки жерновов и остатки глиняных ванн для хранения зерна.

Если городище В в Торнове погибло вследствии пожара в IX в., то верхнее городище в Форберге существовало более продолжительное время. Внутренние деревянные конструкции вала здесь постепенно подгнили и в конце концов свалились в ров. Автор полагает, что это произошло уже в X столетии.

В период функционирования городища в Форберге за его валами на холме находилось открытое поселение. Его размеры 100 × 80—90 *м*, площадь около 0,9 *га*. При раскопках открыты многочисленные ямы от построек. Собрана керамика того же облика, что и на городищах.

Среди материала, собранного при раскопках в Торнове и Форберге, наибольший интерес представляет керамика. Глиняная посуда городищ А и городищ Б не различается между собой, поэтому И. Херрманн дает суммарную характеристику керамики. Формовалась она на гончарном круге, хотя в отдельных деталях обнаруживается подражание сосудам, сделанным вручную. На основании анализа отпечатков на днищах сосудов И. Херрманн определяет бытование ручных гончарных кругов трех типов. Из 470 реконструированных сосудов городища В в Торнове отпечатки гончарных кругов имелись на 252 днищах. Эти отпечатки принадлежали 69 гончарным кругам; таким образом, на каждый круг приходится от 1 до 17 горшков.

Наиболее распространенной формой керамики были биконические горшки. Таким образом, глиняная посуда из Торнова и Форберга принадлежит к кругу раннеславянской керамики, весьма характерной для северо-западной части славянского мира второй половины I тысячелетия (Польское Поморье, Хелмская земля, часть Силезии и примыкающие к ним области ГДР).

Среди торново-форбергской керамики И. Херрманн выделяет пять типов горшков, из которых четыре типа имеют биконическую форму, а пятый (форма Д) объединяет горшки с плавным профилем, но производным от тех же биконических очертаний. Сосуды двух первых типов, составляющие половину всего керамического материала Торнова (49,7%), автор предлагает называть керамикой торновского типа. Это — биконические горшки, место перелома стенок которых приходится на верхнюю треть. В верхней части этих сосудов обязателен орнаментальный пояс из нескольких рельефных полос. Впервые эта керамика была выделена в отдельный тип Г. Кнорре (бранденбургская форма).

Ареал торновской керамики обширен — от Заале на западе до Варты — на востоке, от Гамбурга — на севере до Верхней Лужицы — на юге. Но наибольшая концентрация этой керамики наблюдается на городищах Нижней Лужицы. Вне лужицкой территории распространены аналогичные по форме сосуды, но с иным орнаментальным поясом или с рельефным поясом торновского типа, но с неизвестными в Нижней Лужице проколами и украшениями по венчику. Однако на востоке находки торновской керамики известны далеко за пределами Нижней Лужицы. И. Херрманн подчеркивает малочисленность таких находок. Однако последнее обстоятельство может быть связано со слабой изученностью раннеславянских поселений в северной Польше.

Керамика торновского типа получила широкое распространение главным образом в VII—VIII вв. и бытовала в течение IX—X вв. Наиболее ранние экземпляры этой керамики происходят из Боникова (Силезия), где она встречена в нижних слоях,

датируемых VI столетием. И. Херрманн отмечает, что прототипы керамики торновского типа обнаруживаются на широкой территории в памятниках эпохи переселения народов. Исследователь полагает, что торновский тип сформировался в VI—VII вв. на территории Силезии и Лужицы на основе биконических сосудов более раннего времени.

К работе И. Херрманна приложены статьи по отдельным вопросам: 1) Х. И. Бауча о петрографическом изучении жерновых камней; 2) Е. Якоб с результатами пыльцевого анализа; 3) К. Д. Мёгера, исследовавшего ботанические находки на городищах; 4) Х. Х. Мюллера, проанализировавшего остеологическую коллекцию. С их помощью И. Херрманн пришел к выводу, что в первой фазе Торнов и Форберг были убежищами жителей близлежащих селений. В помещении у входа на городище жила одна семья, занимавшая доминирующее положение в деревенском коллективе. Городища второй фазы, по мнению исследователя, были уже раннефеодальными центрами. В постройке, расположенной в середине городища, жил хозяин. В трех из девятнадцати построек, расположенных по периметру городищенской площадки, помещались конные всадники.

С такой интерпретацией функционального назначения исследованных городищ не во всех деталях можно согласиться. По мнению И. Херрманна, городища Торнов, Форберг и им подобные нижнелужицкие укрепления возникли как результат социальных изменений, зарождения раннефеодальных отношений. Для такого предположения мы не видим никаких оснований. Автор отмечает, что в помещении, расположенном у входа городища в Торнове, найдены сосуды, изготовленные на 10 различных гончарных кругах. Из этого делается вывод, что в хозяйстве деревенской округи было 10 гончарных кругов. Гончары, работавшие на них, находились в какой-то зависимости от семьи, проживающей на городище. Однако остается невыясненным — одновременна ли вся керамика, собранная у входа на городище. Скорей всего этот материал не единовременен, а в таком случае 10 гончарных кругов могут распределиться по одному-два-три на поколение.

Весьма интересным представляется наблюдение о том, что зерновой материал из постройки у ворот происходит по крайней мере с четырех различных полей. Однако из этого не обязателен вывод о сборе налога с различных хозяйств, подвластных городищенскому обитателю. Вполне допустимо предположение, что на городище в домике у входа жил общинный сторож. Он не занимался хлебопашеством. Зерно ему поставляла община совсем не потому, что этот сторож занимал доминирующее положение.

Центральная постройка торновского городища В вряд ли была господским жилищем, как предполагает И. Херрманн (глава V). Это малоудобная для жилья, сравнительно легкая постройка, без деревянного пола, без отопления, скорей всего имела хозяйственное назначение. Находки двух серпов в этом помещении и его срединное положение не дают основания для предположения, что эту постройку занимал воин-всадник, которому были подвластны жители помещений № 4, 10 и 16 на том же городище и население окрестных деревень. Как и городище А, торновское городище В было общинным убежищем. Ни инвентарь, собранный в процессе раскопок, ни характер построек не дают никаких оснований для утверждения об имущественной и социальной дифференциации обитателей городищ. Совершенно такая же картина наблюдается и в Форберге.

Исследованные И. Херрманном городища не могут быть сравниваемы с раннефеодальными городищами. Последние были уже не убежищами, а местами жительства феодала с челядью и ремесленниками. Если искать параллели торновскому и форбергскому городищам на территории Восточной Европы, то ближайшими аналогиями им будут верхнеднепровские городища-убежища типа Колочина — Тушемли [1]. По времени последние синхронны нижнелужицким. По своему устройству и те и другие городища имеют много общего. Верхнеднепровские городища тоже круглые в плане и имеют кольцеобразную систему построек, примыкающих к внутреннему склону вала. Исследователь Колочинского городища Э. А. Сымонович отмечает, что, судя по концентрации керамического материала, постройки использовались в качестве кладовых, а в периоды опасности служили населению и жилищами.

Возникли нижнелужицкие и верхнеднепровские городища второй половины I тысячелетия в весьма сходных исторических условиях. Верхнеднепровские городища типа Колочина — Тушемли — Банцеровщины появились в среде балтского населения в период славянского расселения на этой территории. Городища-убежища стали строиться из-за практических нужд, обусловленных появлением иноплеменного населения. В первые моменты славянской колонизации отношения между пришельцами и местным населением не всегда носили мирный характер.

В Нижней Лужице городища-убежища также возникают не как результат развития внутренних социально-экономических отношений. Городища торновского типа строятся здесь в первые моменты славянского расселения. Вместе с появлением сла-

[1] П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, 4, стр. 170—186; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963; Э. А. Сымонович. Городища Колочин I на Гомельщине. МИА, 108, 1963, стр. 97—137.

вян возникают здесь и городища-убежища. Их появление, видимо, обусловлено опасностью, которой были подвержены славяне со стороны иноплеменного населения. До прихода славян эти районы Средней Европы не пустовали. И если под давлением пришельцев имело место частичное или даже полное отступление неславянского этнического элемента, то это не избавляло славян от опасности. Славяне с самого начала расселения в бассейне Шпрее вынуждены были строить убежища, где хранили свои продовольственные запасы. При приближении опасности такие городища становились оплотами и убежищами населения окрестных деревень.

В заключение нельзя не отметить прекрасное издание работы И. Херрманна. Публикация раскопок снабжена большим количеством иллюстраций, чертежей и таблиц, которые весьма удачно дополняют текст. Автор сумел донести до читателя все мельчайшие детали своих интереснейших полевых исследований.

В. В. Седов

Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии, Минск, 1965 г., 225 стр. с иллюстр.

Книга Э. М. Загорульского является первой сводной работой по археологии Белоруссии. Она охватывает все периоды — от палеолита до середины II тысячелетия н. э. Изданная как учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов республики, книга перерастает рамки учебника и является важным пособием для специалистов в области археологии всей средней полосы западной части Восточной Европы. Материалы по археологии Белоруссии автор дает на широком историческом фоне. В рецензируемой работе использованы не только опубликованные в печати материалы, но широко привлечены и неопубликованные данные. Каждая подобного рода работа имеет свои дополнительные трудности и во многих разделах неизбежно оказывается уязвимой, ибо должна отражать воззрения различных ученых, часто несовпадающие. Возможно, что к отдельным узко-специальным вопросам автор подходит не всегда достаточно критично, но в главном, на наш взгляд, со своей трудной задачей он превосходно справился. Важно, что рецензируемая книга написана о д н о й рукой, о д н и м автором, что обеспечивает ее целостность, стройность и равномерность в частях. Книга читается легко и с неослабевающим интересом.

Хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний, касающихся всей работы в целом. Нам представляется, что автор, пожалуй, слишком обобщенно характеризует культуры и исторические явления и не учитывает разницы развития северных и центральных районов Белоруссии, с одной стороны, и юга — с другой, прослеживающейся с каменного века и вплоть до средневековья. В результате отдельные положения автора оказываются не всегда справедливыми (например, о том, что земледелие становится господствующим занятием у населения на территории Белоруссии только во второй половине I тысячелетия н. э., что для юга Белоруссии абсолютно неприемлемо). Недостаточно четко изложены данные об общественном строе и социальных отношениях в древности. Хотелось бы, чтобы этим вопросам было уделено больше внимания, особенно учитывая учебный характер издания. В суждениях автора о распаде родовых отношений, и в частности о времени перехода от патриархальной большесемейной общины к сельской территориальной общине, отмечается некоторая непоследовательность. На наш взгляд, археологические материалы позволяют датировать начальные этапы этого процесса более ранним временем, чем полагает Э. М. Загорульский. Нельзя не пожалеть также об отсутствии в начале книги вводного раздела об археологии вообще — ее значении для истории, методах работы. Нет краткого раздела по методике раскопок археологических памятников. Сам автор, как известно, разработал интересную методику раскопок древнерусских городов (на примере раскопок Минска). Нет в книге также раздела историографии.

Книга состоит из четырех больших частей: I — каменный век, II — бронзовый век, III — железный век, IV — эпоха феодализма. Из восьми глав книги первые две ее части содержат по одной главе, III и IV — по три главы. Каждая часть и главы книги сопровождаются краткой библиографией, содержащей все основные работы по соответствующему периоду в археологии Белоруссии, а также сводные труды ученых. Издание снабжено значительным, но все же далеко недостаточным иллюстративным материалом. Основываясь на вещественных памятниках, археология значительно теряет в убедительности при малом количестве иллюстраций. Работа завершается весьма ценными сводными таблицами, характеризующими жилища, погребения и основные категории находок археологических культур бронзового и раннего железного веков Белоруссии.

Глава I — «Каменный век Белоруссии» — состоит из трех разделов, посвященных палеолиту, мезолиту и неолиту. Разделы написаны обстоятельно, когда это позволяет материал, накопленный археологическими исследованиями. Приведена характеристика основных раскопанных памятников, таких как Бердыжская верхнепа-

леолитическая стоянка, мезолитические стоянки Крумплево и Петровщина, неолитическая стоянка Сосенки, шахты по добыче кремня у Красного Села и др.

Отметим здесь несколько бросающихся в глаза моментов. Вызывает сомнение нижняя хронологическая граница мезолита в Белоруссии, определяемая автором как 10 000 лет до н. э. На основании последних исследований ее принято определять как 8 000 лет до н. э. Ошибка автора связана с отнесением им свидерской культуры к мезолиту, в то время как это поздний этап палеолита. В связи с этим незакономерно и употребление устаревшего на нынешнем этапе развития науки термина — свидерско-тарденуазская культура или стадия развития каменного века. С этим же связана неточность в хронологии стоянки Гренск, инвентарь которой сравнивается самим автором с мадленским.

Приведенная карта археологических культур конца III—II тысячелетия до н. э. представляет неолитические культуры и культуры бронзового века в центральных областях Восточной Европы. Обращают на себя внимание оставшиеся без определения значительные области Западной Белоруссии в неолите, что трудно ставить в вину автору, так как области эти до сих пор слабо исследованы.

Характеризуя днепро-донецкую культуру, автор приводит мнения Д. Я. Телегина о ее принадлежности племенам балтославян, не упоминая о сложности и нерешенности самой лингвистической проблемы отношений древних балтийских и славянских племен, в частности об отрицании многими лингвистами самого понятия «балтославянская общность».

Главе II — «Бронзовый век Белоруссии» — предшествует небольшой вводный раздел, содержащий спорное, на наш взгляд, положение автора о том, что появление бронзы не вызвало существенных изменений в развитии производства. Здесь автор противоречит сам себе, так как одновременно отмечает значительные перемены в хозяйстве и общественных отношениях. Ведь эти перемены свидетельствуют прежде всего именно об изменениях в производительных силах.

Глава содержит четыре раздела, в которых последовательно характеризуются среднеднепровская культура, сосницкая культура, полесская группа шнуровой керамики и тшинецкая культура. Все они распространены в основном на территории Южной Белоруссии. Бронзовый век Центральной и Северной Белоруссии, к сожалению, до сих пор изучен крайне слабо, и неосвещенность его в книге Э. М. Загорульского также нельзя ставить ему в вину.

Трудно переоценить роль проблем бронзового века Белоруссии в решении вопросов, связанных с древнейшими этапами славянского этногенеза. Так, тшинецко-комаровская общность племен рассматривается многими исследователями как праславянская. Польские и украинские исследователи включают в это единство также племена, оставившие сосницкую культуру, которую рассматривают как локальный вариант тшинецкой культуры.

Глава III. Железный век Белоруссии известен теперь хорошо. Основы его изучения были заложены еще А. Н. Лявданским, а теперь над его исследованием трудится группа московских и белорусских ученых. Таким образом, в руках Э. М. Загорульского здесь был довольно большой опубликованный материал, который он с успехом использует. Рассмотрев вкратце процесс обработки железа в древности, автор, естественно, переходит к производству в Белоруссии, рассматривает уровень развития производительных сил и производственных отношений. Он справедливо подчеркивает, что железный век «был временем сложения этногенетических процессов», что в отличие от эпохи бронзы теперь начинают преобладать «процессы объединения различных этнических групп — интеграция и ассимиляция...» (стр. 64). Однако вряд ли прав Э. М. Загорульский, следуя за П. Н. Третьяковым в утверждении о прекращении в железном веке «заметных перемещений больших масс населения» (стр. 64), что «сложившиеся границы между отдельными культурами оставались в общем постоянными». Этому тезису противоречит массовое появление в VI—IV вв. до н. э. на юге Белоруссии населения, оставившего памятники милоградской культуры, проникновение части этого населения в среднебелорусские земли и двумя-тремя веками позже — появление новой волны населения, оставившего памятники зарубинецкой культуры, также занявшей обширные земли всего юга Белоруссии и, наконец, исчезновение во II в. зарубинецких памятников или полное перерождение их. Большая стабильность характерна, насколько при слабой изученности памятников можно судить, в эту эпоху для центральных и северных районов Белоруссии.

Касаясь лингвистики, автору следовало бы упомянуть о точке зрения ряда ведущих советских и зарубежных исследователей (С. Н. Бернштейн, Ф. П. Филин, В. Р. Кипарский, К. Мошинский и др.) о вхождении территории Полесья в области славянской прародины или оговорить свою точку зрения. Упоминание о том, что археологическое выражение праславянского единства ряд ученых видит в тшинецко-комаровской общности еще в бронзовом веке далеко недостаточно, да оно и не обосновывается приводимыми автором данными. Касаясь гидродинамики, следовало бы отметить, что спор лингвистов о том, существовало ли в древности балто-славянское единство, и о времени его существования еще далеко не закончен. В случае, если таковое было, лингвистическая оценка гидронимии Полесья может быть резко изменена. Да и для сторонников так называемой «Теории контактов» вопрос о своеобразии

гидронимии Полесья, где балтийских гидронимов относительно немного, а славянские выступают в наиболее чистом виде, еще далеко не решен. Значительная роль территории Полесья в процессах формирования древнего славянства весьма вероятна, что следовало бы непременно оговорить автору рецензируемой работы.

Глава IV — «Археологические культуры Белоруссии в раннем железном веке» — содержит краткие и в то же время достаточно полные характеристики культур, ареалы которых в той или иной степени захватывают территорию Белоруссии. Правда, приложенная к главе карта не вполне точна: памятники милоградской культуры на Волыни известны. Есть они и на левобережье среднего и верхнего течения Горыни. На юге они заходят в верховья Южного Буга. Неточны и южная граница юхновской культуры, и северная граница лесостепной культуры скифского времени. Территория зарубинецкой культуры обведена по данным Ю. В. Кухаренко, в то время как из характеристики этой культуры в тексте видно, что автор не разделяет мнения этого исследователя. Недостаточная исследованность лужицкой и поморской культур в Белоруссии, естественно, не позволила автору дать всестороннюю характеристику их и лучше иллюстрировать раздел, посвященным им. Можно было бы дать несколько типичных форм сосудов и других находок лужицкой культуры со смежных территорий, увязав их с текстом.

Раздел о милоградской культуре дан развернуто и снабжен большим, часто неопубликованным иллюстративным материалом. Хотелось бы только снять два утверждения, основанные на досадном недоразумении. В противоположность мнению Э. М. Загорульского, в этой культуре не обнаружено следов рыболовства. Здесь не встречены длинные большие дома родовых коллективов. Единственная удлиненная постройка (8×1,5×3 *м*), найденная за валами Горошковского городища, не является жилищем. Именно отличия в характере жилищ резко выделяют милоградскую культуру среди других культур Верхнего Поднепровья. Эта культура рассматривается автором на широком фоне предшествующих культур эпохи бронзы, и он не чуждается споров о ее этнической принадлежности.

Среди археологических культур раннего железного века Белоруссии главное место принадлежит культуре городищ штрихованной керамики, занимающей бóльшую часть республики. Ее памятники стали известны еще из дореволюционных работ Л. Крживицкого, многократно затем исследовались, но в печати не появлялось не только описания культуры в целом, но и ни один ее памятник еще должным образом не был опубликован. Трудно переоценить значение раздела об этой культуре в книге Э. М. Загорульского, где четко и ясно, с проработкой в основном неизданного материала дается целостная картина жизни племен центральной Белоруссии в раннем железном веке. Здесь впервые публикуются чертежи и фотографии замечательных коллективных жилищ, раскопанных А. Г. Митрофановым на городище Малышки.

Приведенные автором данные о состоянии экономики у племен культуры штрихованной керамики свидетельствуют о резких отличиях от более высокого уровня экономики милоградских племен. Вряд ли правомерно привлекать к характеристике земледелия данные по остаткам зерен растений с городища Банцеровщина под Минском, где они скорее всего принадлежали к верхнему, более позднему слою.

Переходя к вопросу об этнической принадлежности «штриховиков», автор и здесь приводит точки зрения различных ученых (В. В. Седова, Ф. Д. Гуревич). Отметим, что теперь точка зрения В. В. Седова о балтийском их происхождении подкреплена им новыми аргументами [1]. В иллюстрациях к разделу хотелось бы видеть среди вещей и формы сосудов, в описание которых, на наш взгляд, вкралась ошибка, так как остроребериые сосуды характерны не для восточных, а для западных районов культуры, а для восточных типичны горшковидные формы с прямым и отогнутым венчиком. Жаль, что восточные формы, близкие как будто к милоградским, не отражены в свободной таблице в конце книги.

Следующий раздел о зарубинецкой культуре охарактеризован также достаточно обстоятельно. Важно и здесь широкое использование неопубликованных материалов по Чаплинскому городищу, и особенно могильнику, хотя местами оно сделано, может быть, и слишком описательно для учебного пособия. Отмечая широкое распространение зарубинецкой культуры (стр. 89, 90), Э. М. Загорульский оговаривает, что памятники Верхнего Подесенья и Смоленщины, близкие зарубинецким, датируются временем, когда собственно зарубинецкой культуры, так сказать, «в чистом виде», уже не было. Жаль, что в описании и иллюстрациях (в том числе в сводной таблице) отсутствуют типичные зарубинецкие сосуды, и прежде всего наиболее распространенный из них грубый кухонный горшок с вдавлениями по венчику. В этом автор следует за Ю. В. Кухаренко, у которого, кстати, эта форма также незакономерно обойдена.

Изложенное Э. М. Загорульским мнение П. Н. Третьякова (стр. 92, 93) о том, что при сравнении хозяйства «зарубинцев» с соседями выступает земледельческий характер экономики первых, нельзя относить только к зарубинецкой культуре. Все

---

[1] В. В. Седов. Рец.: Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. СА, 1966, 1.

показатели можно отнести, например, и к милоградской культуре, даже с еще большим успехом, поскольку она датируется в своей основе предшествующими периодами, когда своим ярко земледельческим характером, как и особенностями в развитии скотоводства, эта культура резко выделялась среди всех других культур лесной зоны Поднепровья.

Излагая мнение П. Н. Третьякова, что «племена зарубинецкой культуры не могли быть ни балтами, ни угро-финнами, которые обитали севернее и древности которых хорошо известны», Э. М. Загорульский, как и П. Н. Третьяков, не учитывают, что это целиком применимо и к милоградской культуре, так как она занимала ту же территорию и древности ее не менее далеки балтийским, чем зарубинецкие. Однако считают возможным при тех же условиях памятники милоградской культуры относить к балтам, что само по себе конечно не исключено, в такой же мере, как и для зарубинецких древностей.

В небольшом разделе главы IV, освещающем памятники послезарубинецкого времени в южной Белоруссии, автор коснулся черняховской культуры и связанных с ней проблем, без чего картина послезарубинецкого времени была бы неполной. Однако следовало бы более четко указать, что собственно на территории Белоруссии черняховских памятников мы почти не знаем. Характеризуя одновременные черняховским могильники типа Брест-Тришин, автор называет их, вслед за Ю. В. Кухаренко, гото-гепидскими. Учитывая иной характер материальной культуры этих памятников по сравнению с исконными готскими областями, лучше было бы подобные памятники называть оксывскими, как их именуют в Польше или, в крайнем случае, «так называемыми гото-гепидскими», что внесло бы необходимый элемент условности, поскольку вопрос об этнической принадлежности этих памятников в настоящее время еще далек от разрешения. С этим согласен и исследователь могильника Брест-Тришин Ю. В. Кухаренко, отмечающий этническую неоднородность населения, оставившего данный памятник.

Из следующего раздела главы IV книги Э. М. Загорульского мы получаем впервые цельное представление о так называемой «днепро-двинской культуре», в которую, по-видимому, закономерно объединены так называемые «западнодвинские» и «смоленские» городища с гладкостенной посудой. Имеющиеся до сих пор в науке характеристики этих памятников касались в основном территории Смоленщины. Привлечение белорусских, в значительной мере неопубликованных, материалов придает этому разделу особую ценность. К сожалению, раздел почти не иллюстрирован, а формы сосудов на сводной таблице в конце книги мелки, схематичны и выглядят чрезвычайно близкими изображенным здесь же формам сосудов культуры штрихованной керамики, в то время как между ними имеется существенная разница, судя, во всяком случае, по более известным смоленским материалам. Памятники днепро-двинской культуры, которые принято считать оставленными одной из групп восточных балтов, выделены только сравнительно недавно.

Глава V, посвященная археологическим памятникам Белоруссии середины и второй половины I тысячелетия н. э., содержит краткую общую характеристику периода и разделы о памятниках пражского типа (городище Хотомель) и синхронных им более северных поселениях (городища Колочин I, Банцеровщина, Замковая гора).

Имеются неточности и в общем введении к главе. Земледелие следует считать господствующей формой хозяйства в большей части Белоруссии, только со второй половины I тысячелетия н. э. Лишь на юге республики можно с уверенностью говорить о явном преобладании земледелия (к тому же в пашенной форме) в раннем железном веке. Зернотерки здесь встречаются чуть ли не в каждом жилище, много зерновых ям, железных, сильно изогнутых серпов, иногда с зазубренными лезвиями, характерными только для южных культур лесной зоны, тесно связанных со скифской лесостепью и не встречаемых севернее. Эта форма хозяйства, характерная для эпохи распада родовых коллективов, хорошо сопоставляется здесь с особенностями развития скотоводства и с ничтожной ролью охоты. На всей остальной части Белоруссии родовые коллективы существуют дольше, что, на наш взгляд, объясняется господством подсечного земледелия.

Хотелось бы, чтобы автор в следующем издании за счет сокращения материала по опубликованным раскопкам Хотомельского и Колочинского городищ, расположенным у самых южных границ республики, уделил бы больше места неопубликованным, но чрезвычайно важным материалам из городищ Банцеровщина и «Замковая гора» центральной Белоруссии, которым в книге отведено только по небольшому абзацу. Эти памятники крайне важны для понимания формирования там славянства и белорусской народности.

Хотелось бы больше узнать из книги и о памятниках роменско-боршевского типа в Белоруссии, представленных в раскопках селищ за валами Колочинского I и Чаплинского городищ, а также посоветовать автору использовать хотя и незначительный пока материал с поселения Барсуковка на Среднем Соже, керамика которого перекликается с западными раннеславянскими материалами Центральной Европы. Можно полагать, что памятники типа Барсуковки займут определенное место в древностях радимичей. Однако эти темы выходят за пределы поставленных нами хронологических рамок при рецензировании данной работы.

Четко написан раздел главы о восточнославянских племенах. Э. М. Загорульский и здесь не чуждается трудных проблем и спорных вопросов и показывает читателю

их в том виде, в каком они стоят в науке в наши дни. Это очень сильная позиция автора, крайне располагающая к себе читателя, который начинает ощущать науку как живую, логически развивающуюся мысль. Вполне естественно, что изложение строится в значительной мере на работах В. В. Седова, так как именно этому исследователю принадлежит пока последнее слово в специально изучаемых им вопросах. Однако следовало бы учитывать, что далеко не все в построениях В. В. Седова бесспорно. Например, его суждения о длинных курганах Полотчины основываются на раскопках Ф. В. Покровского, а последний копал на этнически смешанной территории, и раскопанные им длинные курганы, таким образом, для полоцких кривичей вряд ли типичны, на что уже указывали и указывают исследователи[2]. Ведь кроме одного опубликованного длинного кургана из раскопок А. Н. Лявданского (Горовые) и глухих указаний на раскопки этого вида памятников М. А. Цыбишева (близ Новогрудка) и А. Г. Митрофанова (Гурки)[3], мы о длинных курганах в Полотчине пока ничего не знаем.

Далее следует небольшой раздел о ятвяжских и литовских древностях, подробно рассмотренный Е. Антоневичем, почему мы и не будем его разбирать. Отметим лишь, что бóльшая часть претензий этого ученого относится не к Э. М. Загорульскому, а к В. В. Седову[4].

Четвертая глава книги рассматривает эпоху феодализма, что является специальностью автора, и написана им с большим знанием дела.

Автор разделяет средневековые археологические памятники с укреплениями на сельские («маленькие земляные крепостцы»), составляющие в IX—X вв. основную массу древнерусских укрепленных поселений, и поселения феодалов, распространившиеся с конца XI в. и постепенно перерастающие в замки-крепости и города (стр. 138—141).

Коротко и четко рассказывается о путях возникновения городов в Белоруссии. Здесь не сухое теоретизирование, на которое обычно в этом вопросе сбиваются исследователи, а конкретный и живой материал. Однако стремясь, вероятно, к доходчивости, автор несколько упрощает и тем обедняет, как нам кажется, тему. Жаль, что он не связал историю возникновения городов с той конкретной окружающей территорией, на которой они возникли. Известно, например, что знаменитый путь «Из варяг в греки» в его днепро-двинском варианте играл в истории Белоруссии первенствующую роль. В связи с ним, несомненно, возникли Витебск, Орша, Копыс, Друцк и Лукомль, может быть, также Изяславль и т. д. Однако о роли этого пути в происхождении белорусских городов в книге не упомянуто.

Рассматривая Минск как пограничный пункт Полоцкой земли, автор не учитывает, что многочисленные курганные группы, находящиеся поблизости и отражающие места поселений «минской волости», располагаются не к северу от города, а к югу, а «пограничный пункт», таким образом, оказывается далеко от границы.

Далее рассматривается топография средневекового города, устанавливаются его элементы — «детинец», «посад» и т. д. Попутно отметим, что в терминологии автор впадает в распространенную ошибку многих исследователей, называющих укрепленное поселение, примыкавшее к детинцу, «посадом» или «укрепленным посадом». С представлением о посаде следует ассоциировать демократическую, ремесленную часть города, часто неукрепленную, укрепленную же его часть, примыкающую к детинцу, правильнее именовать «окольный город», как это последовательно делает П. А. Раппопорт[5].

«Град окольний» — термин древний, зафиксированный Повестью временных лет под 1078 г. и соответствовал, как это можно понять из текста, именно этой части города[6]. В этом разделе автор опустил один из важных моментов топографии средневекового города — наличие курганных некрополей, выявление существования которых в древности помогает в изучении пределов домонгольского города, в установлении его кончанской структуры и т. д. Например, установление по письменным источникам несколько курганных могильников в Витебске позволяет говорить о его нескольких городских концах: Задуновском, Заручайском, Задвинском и т. д.

Глава о «Деревне» наименее подкреплена материалом, так как деревенские селища в Белоруссии еще не исследовались. Автор вполне прав, беря за основу и здесь работы В. В. Седова в соседней Смоленщине и привлекая некоторые городские материалы, которые, по-видимому, были идентичны деревенским (сошник из Полоцка, орудия из Минска и т. д.). В поисках белорусской специфики Э. М. Загорульский, между прочим, приходит к интересному наблюдению над оригинальной формой неко-

---

[2] Е. А. Шмидт. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. Материалы по изучению Смоленской области, V, Смоленск, 1963, стр. 112; Л. В. Алексеев. Полоцкая Земля. М., 1966, стр. 40, примеч. 60.

[3] Ф. Д. Гуревич. Древности белорусского Понеманья. М.— Л., 1962, стр. 72.

[4] J. Antoniewicz. Рец.: E. M. Zagorulskij. Archeologija Bielorussia. Minsk, 1965. «Acta Baltico-Slavica», 4, Bialystok, 1966, стр. 193.

[5] П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв. МИА, 105, 1961.

[6] ПВЛ, 1, М.— Л., 1950, стр. 133.

торых белорусских серпов (стр. 157). Текст главы написан живо и интересно и приходится только сожалеть, что автор вынужденно опустил многочисленный материал из деревенских погребений — курганов, который может дать довольно много.

Глава о городах, на наш взгляд, самая яркая и содержательная. Автор подробно знакомит читателей с древностями раскапывавшихся белорусских городов — Полоцка, Витебска, Минска, Гродно, Волковыска и Новогрудка. Особенно подробно излагаются материалы раскопок Минска, которые с таким успехом производил в течение ряда лет сам автор. Раскопки городов рассматриваются не суммарно, а последовательно, конкретно в отношении каждого города. Не боясь повторений, автор каждый раз рассказывает о планировке, постройках, усадьбах, материальной культуре и т. д. Это делает представление о городах более конкретным и полным. К тому же текст иллюстрируется не только фотографиями, но и убедительными реконструкциями (стр. 183, 184, 186). К сожалению, размеры учебного пособия не позволили автору достаточно подробно осветить работы и сведения по изучению городов. Так, одному из древнейших белорусских городов — Витебску (1021) уделено лишь пол страницы, не упомянуто об исследованном городе XI в.— Брячиславе (Браславе), не освещены древности Мстиславля, Турова, Пинска, Давид-Городка.

Книга не имеет специального раздела о культуре белорусских городов, и последняя рассматривается среди древностей каждого города в отдельности. Против такого построения можно и не возражать, но тогда здесь нужна заключительная часть, суммирующая все описанное. Таких «продольных» разделов вообще не хватает книге, что является, пожалуй, наиболее досадным пробелом этого интересного издания. Заканчивая чтение книги, читатель так и не узнает, сохранились ли какие-либо балтийские черты у местного населения в средневековье. Выяснив из последней главы, чем занималось городское население детинцев, посадов и т. д., читатель остается в неуверенности, кто же это делал? Свободные или несвободные ремесленники жили на детинце, на посаде? Есть ли сходство и различия в топографии белорусских городов между собой и по сравнению с остальной Русью, были ли там обычные для Руси некрополи и т. д.? Есть ли своеобразие в культуре городов западнорусских земель (нынешней Белоруссии), и в чем «яркость и самобытность» полоцкой архитектуры (стр. 174), в чем было «величие» полоцкой Софии (стр. 171) и кто ее строил и т. д. Здесь, кстати, отметим, что вряд ли можно говорить для XI в. (и тем более его середины) о «характерной манере русского зодчества» (которое еще тогда не сложилось).

Среди более частных замечаний нельзя не выразить сомнения в датировке автором минского храма концом XI в., что он делает, исходя из стратиграфических данных (стр. 187). Четырехстолпные храмы появляются на Руси только с 40-х годов XII в. Невероятно, чтобы маленький окраинный Минск опередил в этом Русь более чем на половину столетия. Можно думать, что предшественники Э. М. Загорульского по раскопкам памятника просто неверно определили его дневную поверхность, приняв за стены верхние части фундамента [7].

Сделанные нами замечания по книге Э. М. Загорульского «Археология Белоруссии» отнюдь не умаляют ее ценности. Белорусскую науку можно поздравить с хорошей и важной книгой, впервые объединяющей все разрозненные археологические исследования в республике. Можно считать, что автор умело и квалифицированно справился с работой.

---

[7] Л. В. Алексеев. Ук. соч., стр. 205, 206.

О. Н. Мельниковская, Л. В. Алексеев

Хроника

ВТОРАЯ МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

15 лет назад была созвана первая конференция по скифо-сарматской археологии[1]. В центре ее внимания стояли вопросы об этнической принадлежности скифов, о том, что понимать под терминами «скифы», «Скифия» и «скифская культура», о локализации на современной карте конкретных скифских и сарматских племен по археологическим данным; об участии скифских племен в этногенезе славян, об общественном строе и государственности у скифов. После обсуждения этих вопросов далеко не все исследователи пришли к единому мнению. Большинство участников конференции признало тезис, выдвинутый в докладе Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, о существовании двух культур скифского времени, одна из которых помещалась в степной, другая — в лесостепной полосе нашего юга.

Культура лесостепных областей Молдавии, Украины и РСФСР была отнесена к нескифским племенам различного происхождения.

Степная культура, распространенная на Нижнем Буге, Нижнем Днепре и в Приазовских степях, считалась принадлежавшей собственно скифским племенам. В Прикубанье и Восточном Приазовье выделялась культура меотских племен, а в Поволжско-Уральских степях — культура сарматов; сходство ряда признаков во всех четырех культурах объяснялось историческими связями между племенами (торговыми и культурными). Однако некоторые исследователи (П. Д. Либеров, П. Н. Шульц) продолжали придерживаться прежнего мнения о единой скифской культуре на территории степи и лесостепи Северного Причерноморья. В. А. Ильинская выделила из лесостепи область Сулы и Псла, которая, по ее мнению, была населена племенами генетически связанными с носителями срубной культуры.

А. И. Тереножкин и Е. Ф. Покровская убедительно показали непрерывную генетическую линию развития культуры скифского времени в лесостепном Поднепровье от местных культур эпохи бронзы, в отличие от скифской, возникшей на основе позднесрубной культуры. Впоследствии эта точка зрения была подкреплена А. И. Тереножкиным в его монографии[2], где он писал: «Совершенно точно установлено, что земледельческо-скотоводческое население лесостепи между Днестром и Днепром в скифское время (середина VII—III вв. до н. э.) по культуре и, очевидно, этнически имеет местное происхождение. Белогрудовка, Черный лес и культура скифского времени в лесостепи представляют собой лишь хронологически последовательно сменяющие одна другую большие ступени развития культуры одного и того же населения».

В решении вопроса о том, что представляла собой Скифия как политическое объединение — единого мнения также не было достигнуто. Предложенная Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой точка зрения, что Скифия была объединением только собственно скифских степных племен, была поддержана Б. А. Шрамко, И. И. Ляпушкиным, Н. Н. Погребовой, Е. Ф. Покровской и др. Однако А. И. Тереножкин возражал против этого и продолжал считать, что в скифское политическое объединение входили не только степные, но и лесостепные племена; последние подчинялись скифам на основе даннических отношений.

Нерешенным остался вопрос о времени возникновения государства у скифов и о том, можно ли считать скифское государство рабовладельческим.

За прошедшие 15 лет был накоплен большой археологический материал и высказан в печати ряд новых теоретических положений, которые необходимо было обсудить. В связи с этим и была созвана вторая конференция по вопросам скифо-сарматской археологии, которая проходила в Москве с 30 января по 2 февраля 1967 г. В ней приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Львова, Симферополя, Саратова, Кировограда, Запорожья, Воронежа, Краснодара, Грозного, Баку, Саранска, Алма-Аты и других городов Советского Союза. Было заслушано 44 доклада и сообщения.

[1] ВССА, М., 1953.

[2] А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском Правобережье. Киев, 1956, стр. 238.

Основными вопросами, обсуждавшимися на второй конференции, были следующие: 1. Что понимать под термином «скифская культура». 2. Происхождение скифов и скифской культуры. 3. Этническая принадлежность скифов. 4. Взаимоотношение культур степи и лесостепи, а также различных скифообразных культур со скифской и друг с другом. 5. Скифское искусство.

Первый доклад «Скифская культура» был сделан А. И. Тереножкиным. Если в докладе на первой конференции скифологов А. И. Тереножкин был сторонником выделения в особую группу культуры «скифов-пахарей» правобережной лесостепи «которые, как показывает их генезис, были скифами только по названию» и «единство которых не нарушалось вторжениями народов с запада или с востока с последующим оседанием их на месте» [3], то теперь он отошел от этой точки зрения и вернулся к господствующему до 1952 г. мнению о единстве скифской культуры на всей территории степи и лесостепи Северного Причерноморья.

В качестве основных признаков, определяющих скифскую культуру, А. И. Тереножкин берет предметы вооружения, конскую сбрую, звериный стиль прикладного искусства и курганный обряд погребения. В выступлении он добавил, что весь «металлический комплекс объединяет памятники раннего железного века Северного Причерноморья в единую скифскую культуру, осмыслению которой способствует наличие драгоценных письменных источников, заставляющих нас видеть Скифию не на узкой полосе степи, протянувшейся от Ростова до Бухареста, но и на всей прилегающей лесостепи». Определив культуру как понятие этническое, А. И. Тереножкин в докладе в то же время отказывается связать понятие «археологическая культура» с определенным этносом. Он говорит: «этнические старые группы, войдя в состав Скифии и подчиняясь культурному складу скифов, делаются тем самым носителями культуры скифской, но это вовсе не означает, что вся Скифия являлась этнически единой. В степи Причерноморья, где кочевые скифы стали господствующими, их предшественники киммерийцы как этническое явление практически исчезли, незначительные части племен были ассимилированы скифами. Но их вклад в культуру был. Правобережье в области Черного леса дало более крупный вклад, но все-таки и эта чернолесская культура была накрыта скифской. А вот... с меотами... другая картина — скифская культура налегла на культуру меотскую, но скифской ее не сделала».

По вопросу о происхождении скифов А. И. Тереножкин также пересмотрел свою точку зрения. Если раньше он считал, что скифы происходят от племен срубной культуры, продвинувшихся из-за Дона, то в настоящее время он полагает, что никакой генетической связи между культурой скифской и срубной нет, что скифы пришли в VII в. до н. э. с Востока и принесли скифскую культуру в готовом виде. Впоследствии она лишь несколько пополнилась за счет включения местных элементов.

Точку зрения А. И. Тереножкина поддержали П. Д. Либеров, И. В. Синицын, А. П. Смирнов.

По мнению П. Д. Либерова, А. И. Тереножкин прав, когда он «не видит... особенно большой разницы в этническом отношении, а в ряде случаев и в культурном между степью и лесостепью».

По поводу происхождения скифов П. Д. Либеров считает, что скифы пришли в VII в. до н. э. из Закавказья, однако пришли на свою коренную территорию, где они жили и раньше. А. П. Смирнов согласился с А. И. Тереножкиным о приходе скифов с Востока. Именно оттуда скифы принесли свою особую культуру в Северное Причерноморье, которая не связана по происхождению со срубной. Элементы последней, вошедшие в скифскую культуру, объясняются ассимиляцией скифами племен срубной культуры.

Э. А. Грантовский и Б. А. Шрамко также считают, что скифская культура по происхождению не связана со срубной, а принесена из Азии в середине VII в. до н. э. Б. А. Шрамко высказал сомнение в правильности называть весь тот комплекс признаков, который обычно вкладывается в понятие «скифская культура», скифским. Он думает, что «эта культура, впитав в себя многое характерное вообще для скифской эпохи, а не только для скифов, сложилась на юге Восточной Европы из слияния местных и привнесенных элементов». Поэтому важно установить соотношение сил в формировании этой культуры, тем более, что даже вещи так называемой скифской триады имеют своеобразные признаки в разных местах и распространение их значительно шире, чем территория, занимаемая скифами в любом толковании Скифии.

Возражая А. И. Тереножкину, М. И. Артамонов сказал, что скифы в Северном Причерноморье были, как говорил Геродот, древнейшим в мире населением.

Скифская культура вырастает при определенных исторических условиях на срубной основе, а последняя генетически связана с ямной культурой. В VII в. до н. э. скифы появились в Северном Причерноморье, как говорит Геродот, из-за Аракса (под Араксом не следует понимать Волгу). Это тот же Аракс, который и сегодня течет там, где он тек во времена Геродота... Говоря о приходе скифов из Азии, Геродот, очевидно, спутал рассказ о возвращении скифов из Передней Азии с легендами вообще о появлении скифов в Северном Причерноморье.

---

[3] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Приднепровье. ВССА, стр. 109.

Против точки зрения А. И. Тереножкина о существовании на территории степи и лесостепи единой скифской культуры выступили также Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, К. Ф. Смирнов, Б. А. Шрамко, И. В. Яценко. Основные возражения сводятся к тому, что: 1) А. И. Тереножкин исключил из понятия «культура» такие важные компоненты, как детали погребального отряда, керамику, хозяйственный уклад, характер поселений и жилищ, религиозные верования. В результате этого в скифскую культуру оказались объединенными памятники, отличающиеся друг от друга по этим компонентам, сложившиеся на разной культурной и этнической основе. 2) При определении культуры не учитывается генезис отдельных групп населения, охваченных этой культурой. 3) Не учитываются сведения Геродота о соседстве со скифами нескифских племен, имевших скифский быт и скифские обычаи, постоянно вступавших в какие-то отнюдь не даннические отношения со скифами. И. В. Яценко указала также, что ограничение собственно скифской территории степью логически вытекает не только из отличия культур степи и лесостепи, но и из данных письменных источников.

Опровергая тезис о внезапном появлении скифской культуры в готовом виде, А. И. Мелюкова указала на наличие в ней местных корней (керамика, наконечники стрел и копий, детали обряда) и необходимость разграничения местных и привнесенных элементов, появившихся в результате походов скифов в Переднюю Азию.

В. А. Ильинская, выступившая с докладом «О скифском Герросе времени Геродота», развивала положение о единстве скифской культуры в степи и лесостепи Северного Причерноморья. Она отметила малое количество скифских могил в степной полосе Северного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. Этот факт, по ее мнению, находится в противоречии с данными Геродота и Фукидида о многочисленности и могуществе скифов в ранний период их истории. Основываясь на указании Геродота, что область Геррос, где производились погребения скифских царей, расположена в отдаленной, скрытой от посторонних глаз местности, В. А. Ильинская считает возможным искать Геррос в лесостепи. Наиболее подходящей для этого областью ей представляется бассейн р. Сулы, где в VI—V вв. до н. э. находились курганные могильники, содержавшие в основном более или менее богатые погребения мужчин-воинов, скорее всего вождей и дружинников. Вместе с тем В. И. Ильинская не исключает возможности истолкования этих могильников как кладбищ, принадлежавших племенным вождям и дружинникам, обитавшим в бассейне рек Сулы, Сев. Донца, Псла и нижнего течения Сейма.

Высказанная В. А. Ильинской гипотеза не встретила поддержки у большинства участников конференции. Положительно отнесся к ней только А. П. Смирнов.

Серьезные возражения эта точка зрения вызвала у Б. Н. Гракова, Л. А. Ельницкого, Б. А. Шрамко, И. В. Яценко. Они сводятся к следующему.

1. При определении местоположения реки Герр, племени герров и области Геррос В. А. Ильинская в ряде случаев вольно трактует письменный источник, говоря, что Геродот помещает Геррос в северо-восточном углу Скифии; так она говорит, что он труднодоступен, в то время как слова Геродота переводятся «до него только судоходен Борисфен». 2. Отсутствие богатых могил в степи в VI в. до н. э. вряд ли можно объяснить местоположением Герроса далеко за пределами основной скифской территории. Скорее всего это было результатом потери сил и некоторого оскудения скифов после совершения больших военных походов. Близкая картина наблюдается, например, у кельтов, где в период кельтской экспансии и сложения латенской культуры отсутствуют богатые погребения на основной территории расселения этих племен. 3. Гипотезе В. А. Ильинской противоречит тот факт, что в степях Северного Причерноморья все же имеются погребения VI—V вв. до н. э. и некоторые из них довольно богатые. Царские скифские курганы IV в. до н. э., хорошо известные здесь, генетически связаны с более ранними памятниками этого же района. Связь с курганами Посулья в них не ощущается. Следовательно, нет оснований для того, чтобы предполагать, что в VI—V вв. до н. э. область Геррос находилась в Посулье, а в IV в. до н. э. царский некрополь был перенесен на Нижний Днепр и в близкие к нему районы.

Концепция, противоположная предложенной в докладах А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской, нашла наиболее полное отражение в докладе Б. А. Шрамко «К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии». Основные положения его следующие: 1) в степи и лесостепи существовали два особых этнокультурных массива, различающихся по происхождению, хозяйственным и культурным особенностям. 2) Вторгшиеся в VII в. до н. э. ираноязычные скифские племена заняли только территорию причерноморских степей. 3) Детальное изучение основных отраслей хозяйства племен степи и лесостепи показывает, что эти племена опирались на несходные традиции и что ими применялись различные технологические приемы в металлургии, гончарном деле и других производствах. «Многое из того, что считается характерным для скифской культуры, на самом деле не связано с собственно скифами и является общим для большого круга самых различных племен Восточной Европы», а «ряд элементов «скифской» культуры... характерен не для скифов, а для нескифских племен лесостепи» [4].

[4] Тезисы докладов и сообщений на Конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966, стр. 33.

Выступившая в прениях по докладу Б. А. Шрамко В. А. Ильинская возразила против возможности использования данных о технологии производства для определения этнокультурных общностей. При этом она оставила без внимания тот факт, что Б. А. Шрамко учитывает вместе с тем и происхождение, и особенности материальной культуры степных и лесостепных племен (керамику, характер поселений и жилищ, детали обряда и пр.) В. А. Ильинская отметила также, что при оценке скифской культуры следует иметь в виду, что в состав Скифии входили как кочевые, так и земледельческие ираноязычные племена, жившие не только в степи, но и в лесостепи (в частности, скифы-пахари, скифы-земледельцы, скифы-алазоны, которые, по ее мнению, не могут быть связаны с какими бы то ни было степными памятниками и их надо искать в лесостепи), они-то были создателями скифской материальной кульуры. Кроме того, она указала на отсутствие местных традиций в металлургическом производстве скифского времени (в частности от чернолесской культуры) в Правобережной лесостепи.

С докладом «Предскифский период в степях Северного Причерноморья», затронувшим один из основных вопросов скифологии — вопрос о происхождении скифов, выступил А. М. Лесков. Изучение памятников белозерского этапа срубной культуры позволило автору определить их хронологические рамки в пределах X — начала VIII в. до н. э. и принадлежность к киммерийцам. Сопоставляя группу богатых воинских погребений VIII—VII вв. до н. э. (Черногоровка, Камышеваха и др.) с белозерскими и раннескифскими, автор приходит к выводу о близости их к срубным, с одной стороны, и раннескифским — с другой. Этот вывод подтверждает мнение А. А. Иессена о принадлежности памятников VIII—VII вв. до н. э. как киммерийцам, так и скифам.

С поддержкой основных положений А. М. Лескова выступили Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов, В. В. Дворниченко. Б. Н. Граков при этом отметил, что появление погребений всадников типа Черногоровки следует рассматривать не как результат вторжения новых этнических элементов (как это делает А. И. Тереножкин), а как результат социального развития племен срубной культуры, а именно выделение всадничества.

В. В. Дворниченко привел ряд новых фактов, подтверждающих связь срубной культуры со скифской, в частности зарождение обряда погребения в подбоях и катакомбах в недрах срубной культуры.

К. Ф. Смирнов отметил, что очень значительным археологическим элементом, единственно прослеженным в скифской культуре с точки зрения этнографической и этнической, остается пока срубная культура.

В. И. Абаев в своем докладе, построенном на материалах лингвистики, показал исконность иранского этнического элемента в Южной России и счел возможным достаточно уверенно сказать об отнесении киммерийцев к тем же североиранским по языку племенам, к числу которых принадлежали скифы и сарматы, а также о существовании диалектных различий в скифо-сарматском языке уже в начале I тысячелетия до н. э.

Г. Ф. Дебец в докладе «Физические типы населения СССР в скифское время» пришел к выводу, что «в антропологических данных нет указаний на смену населения Украины в скифское время по сравнению с бронзовым веком».

В тесной связи с проблемой о скифской культуре на всей территории Северного Причерноморья стоит вопрос о локальных вариантах скифской и скифообразных культур.

Основываясь на исследовании памятников VIII — первой половины VII в. до н. э. в Закубанье, Н. В. Анфимов доказал непосредственную преемственность от них раннемеотских памятников конца VII—V вв. до н. э., опровергнув существовавшее ранее мнение (М. И. Артамонов, В. Д. Блаватский, Л. И. Лавров, В. И. Шилов) о связи последних с киммерийцами.

Населению западных областей Скифии был посвящен доклад А. И. Мелюковой. Детальное изучение памятников Нижнего Поднестровья позволило ей видеть в обитателях восточного берега Днестровского лимана каллипидов Геродота, расселившихся из более восточных районов Буго-Днестровского междуречья. Ею выяснены граница и характер взаимоотношений скифов с соседними гетскими племенами, а также причина гибели земледельческих поселений на Днестровском лимане в конце III в. до н. э.

Г. Т. Ковпаненко, изучая материалы раннескифского времени на Каневщине, пришла к выводу, что здесь прослеживается генетическая связь памятников этого времени с предшествующими, относящимися к чернолесской культуре.

Л. И. Крушельницкая, исследуя памятники скифского времени на Верхнем Поднестровье, установила, что они принадлежат населению, продвинувшемуся сюда в VI в. до н. э. из лесостепных районов правобережного Среднего Приднепровья... Вслед за А. И. Тереножкиным она относит это население к скифам-пахарям.

Вопрос о государственности у скифов специально не обсуждался на данной конференции. Лишь в докладе П. Н. Шульца «Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму» говорилось о позднескифской культуре, как о принадлежавшей к периоду существования государства у скифов, начало которого относится ко времени Атея (IV в. до н. э.).

В том же докладе П. Н. Шульца и дополнивших его выступлениях М. И. Вязьмитиной и Т. Н. Высоцкой была дана развернутая характеристика позднескифской культуры на Нижнем Днепре и в Крыму: разбирался вопрос о формировании культуры в условиях оседания кочевников на землю, прослеживались локальные отличия памятников на Днепре и в Крыму, подчеркивалась сложность этнического состава населения, роль различных влияний и исчезновение позднескифской культуры в III—IV вв. вместе с гибелью позднескифского государства и ассимиляцией скифов другими народностями.

Непосредственно смыкается с позднескифской тематикой доклад, прочитанный К. Ф. Смирновым, «О начале проникновения сарматов в Скифию». Докладчик относит начало проникновения сарматов на территорию Скифии к IV в. до н. э., ссылаясь при этом на псевдо-Гиппократа (конец V в. до н. э.) и Эфора (IV в. до н. э.), которые говорят о расселении сарматов в Европе, западнее Дона, а также на Псевдо-Скилака и Евдокса, рассматривая упоминаемых ими сирматов, поселившихся в Приазовье в IV в. до н. э., как часть савроматов.

М. И. Артамонов выступил с докладом «Основные этапы и направления в истории скифо-сибирского искусства».

По мнению докладчика, звериный стиль, возникнув на древней переднеазиатской основе, одновременно и независимо друг от друга появился в Причерноморье и в Сибири в VI в. до н. э. Своеобразие сибирского искусства при этом определяется традициями карасукского искусства. Существенные изменения в зверином стиле произошли в V в. до н. э. в результате контакта с ахеменидско-персидским искусством для Причерноморья и Сибири и греческим искусством только для Причерноморья. Эти изменения проявились в создании новых сюжетов. Начиная с IV в. до н. э., особенно интенсивно в Причерноморье, усиливается схематизм и орнаментальность, звериный стиль утрачивает связи с культом и получает чисто декоративное значение.

А. П. Манцевич в докладе «О происхождении предметов торевтики из курганов скифской эпохи по материалам Гос. Эрмитажа» продолжала развивать высказанную ею ранее мысль об изготовлении во Фракии многих золотых и серебряных вещей с изображениями в зверином стиле, найденных в курганах Северного Причерноморья.

Вопрос о материалах, ранее всего употреблявшихся для изготовления предметов в зверином стиле, в связи с его происхождением, разбирался в выступлении Н. Л. Членовой «Тагарская художественная резьба по кости». Новые образцы скифского и скифо-сибирского звериного стиля были продемонстрированы Н. М. Бокий и Я. А. Шером.

Ряд докладов и выступлений был посвящен этнической и племенной принадлежности населения отдельных областей Северного Причерноморья (П. Д. Либеров, И. С. Каменецкий); выяснению различных этнических элементов в сложном составе населения Крыма в скифское время (Д. С. Раевский, Э. В. Яковенко, В. И. Корпусова); вопросам хозяйств (В. И. Цалкин); отдельным категориям вещей (И. В. Яценко, И. М. Брашинский); античной литературной традиции о скифах (Э. И. Соломоник) и, наконец, взаимоотношениям с соседними племенами (Д. Б. Шелов, В. Б. Виноградов, Д. А. Халилов).

При обсуждении этих докладов также выявились различные, иногда совсем противоположные мнения. Выступавший по докладу П. Д. Либерова А. Д. Пряхин усомнился в правильности предложенной докладчиком датировки абашевской культуры и в возможности установления преемственности культуры раннего железного века на Среднем Дону от абашевской. По мнению А. Д. Пряхина, абашевские памятники в Подонье следуют за памятниками с многоваликовой керамикой и предшествуют срубным, что подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Кроме того, он считает преждевременным решение вопроса об этнической принадлежности населения Среднего Дона ввиду недостатка материалов для выводов. Приведенная П. Д. Либеровым карта мордовской топонимики, по его мнению, должна быть отнесена к средневековью, а не к раннему железному веку.

Необходимость тщательной консультации с языковедами при использовании лингвистического материала отметил и К. Ф. Смирнов в выступлении по докладу И. Д. Либерова.

Выдвинутая И. С. Каменецким гипотеза о меотском происхождении язаматов вызвала критические замечания В. Б. Виноградова со стороны источниковедческого анализа.

Кроме тематики, касающейся скифской и скифообразных культур Северного Причерноморья, в программу конференции были включены доклады, посвященные проблеме связей скифской культуры со скифообразными культурами Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Большие работы, проведенные в последнее время в Туве, позволили выделить на обширной территории от Центральной Азии до Казахстана широкий ареал курганов пазырыкского типа, делящихся на три локальных варианта: Средне-Енисейский, Алтайский и Центральноазиатский. Последним при этом «сопутствуют памятники монгунтайгинского типа, оставленные многочисленными этническими группами, населявшими эти территории с эпохи бронзы...» Об этом говорилось в докладе А. Д. Грача «Проблемы археологии Тувы и Алтая в скифское время».

К. А. Акишев в докладе «Древнейший этап сакской культуры Семиречья и Южного Казахстана» указал на существование ряда общих черт в культуре скифских, савроматских и сакских племен. Он объясняет это как факторами внутреннего развития, так и внешним воздействием (генезис и конвергентность, связи и влияния, миграции и военные походы). Отметив эту близость, К. А. Акишев вместе с тем пришел к выводу, что накопленный за последние годы большой фактический материал позволяет, основываясь не столько на материалах так называемой «скифской триады», сколько на погребальном обряде, керамике, предметах быта и украшениях выделить большие культурные общности, и в частности сакскую, внутри которой намечаются отдельные локальные варианты.

Один из таких локальных вариантов сакской культурной общности на территории Центрального Казахстана был продемонстрирован в докладе М. К. Кадырбаева «Центральный Казахстан в скифское время». По мнению докладчика, эта группа, характеризующаяся памятниками тасмолинской культуры, представляет собой этнографически устойчивую группу памятников, имеющую специфический погребальный обряд и керамику.

В докладах О. А. Вишневской и М. Я. Итиной «Ранние саки низовьев Сыр-Дарья» и Т. А. Трофимовой «Ранние саки Приаралья (по данным антропологии)» была выявлена вторая локальная группа сакских памятников.

М. П. Грязнов выступил с докладом «Тагарская культура и скифы», в котором он убедительно показал своеобразие тагарской культуры. Вместе с тем он подчеркнул, что ее история — это одно из звеньев единого процесса развития культуры степных племен скифского типа, сложившейся из ряда общих черт культуры различных племен, так что определить роль каждой конкретной группы не всегда возможно.

Конференция 1967 г. не решила, да и не могла решить большинство проблем, стоящих перед наукой о скифах. Однако она выявила точки зрения, существующие в настоящее время на основные вопросы истории и культуры скифов, и указала пути их скорейшего разрешения.

В принятой участниками конференции резолюции было отмечено, что за последние годы были достигнуты значительные успехи в освещении многих вопросов и теоретических решений скифской проблемы в части происхождения скифской культуры, искусства скифов, культурно-исторических связей, а также в разработке и освещении локальных групп культур скифского типа. Была отмечена дискуссионность таких коренных вопросов, как проблемы скифской культуры Северного Причерноморья, происхождения скифов и этнической принадлежности локальных вариантов Скифии.

В целях более полного и всестороннего изучения истории скифов и других народов Евразии, имеющих скифообразную культуру, конференцией было предложено усилить источниковедческую работу, подготовляя полные публикации археологических памятников, в частности хранящиеся в Гос. Эрмитаже, ГИМ'е и Киевском историческом музее, более тесно объединить скифологов Москвы, Ленинграда и Киева и создать объединенную скифскую экспедицию, призванную вести раскопки наиболее важных с историко-культурной точки зрения объектов. Необходимо усилить разработку вопросов происхождения скифов и саков Средней Азии и других культур скифского типа Евразии, выявив соотношение местных и пришлых компонентов при сложении этих культур, продолжать разработку вопросов по определению локальных вариантов культуры Скифии и их связи с племенными группами, указанными Геродотом. Нужно обратить больше внимания на проблему общественных отношений у скифов и их соседей, и в частности на историю скифского государства, и продолжить разработку периодизации истории позднескифского царства, выясняя взаимоотношения последнего не только с сарматами, и с носителями других культур — зарубинецкой, фракийской и др.

В. Г. Петренко

НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЕССИЯХ В ТБИЛИСИ

Уже 15 лет грузинские археологи собираются на ежегодных сессиях, посвященных итогам полевых исследований.

В конце мая 1966 г. в Тбилиси проходила 15-я научная сессия Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили АН ГрузССР, отразившая результаты раскопок 1965 г. по республике. В работе сессии приняли участие сотрудники Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили, Тбилисского государственного университета, Гос. музея Грузии имени С. Н. Джанашиа АН ГрузССР, Гос. музея искусств ГрузССР.

К сессии был выпущен сборник тезисов докладов.

Изучению памятников каменного века по рекам Ингури и Эрис-Цкали (западная Грузия), в связи со строительством ГЭС, был посвящен доклад Г. К. Григолия. На территории стоянки в сел. Энцери шурфовкой выявлен культурный слой мезолитического времени. Заслуживает внимания новая неолитическая стоянка Палури

(правый берег р. Ингури), на который собраны различные кремневые орудия и отщепы.

В зоне строительства Верхне-Алазанской (Кахетия) оросительной системы в 1965 г. работала большая экспедиция (К. Н. Пицхелаури, Р. М. Рамишвили, Д. Л. Мусхелишвили, Д. М. Тушабрамишвили, Ш. Ш. Дедабришвили и Т. В. Бугианишвили), выявившая несколько десятков разновременных памятников от древнего каменного века до позднефеодальной эпохи.

Экспедиция института и Государственного музея искусства ГрузССР (Т. Н. Чубинишвили, О. В. Санеблидзе, Л. Д. Небриеридзе и К. Д. Квижинадзе) в 1965 г. разведала древнейшие памятники оседлоземледельческой культуры V—IV тысячелетий до н. э. в южных районах Грузии (в нижней Картли и Месхет-Джавахетии). Расположенные на черных террасах, в седловине и на склонах гор поселения «куро-аракской» культуры раннебронзовой эпохи (III тысячелетие до н. э.) содержат культурные слои, относящиеся и к более раннему времени.

Раскопкам погребений среднебронзового периода и раннего этапа позднебронзового периода около г. Каспи (внутренняя Картли, восточная Грузия) был посвящен доклад З. Г. Шатберашвили.

В докладе К. Н. Пицхелаури и Ш. Ш. Дедабришвили излагались результаты археологических раскопок в Кахетии (восточная Грузия) — около с. Мелаани в местности «Мели-Геле» и около м. Ахмета на левом берегу р. Илто. В «Мели-Геле» раскопано святилище раннего этапа позднебронзового периода, где найдены миниатюрные глиняные сосуды, несколько женских бронзовых фигурок, а также сделанное на поверхности земли углубленное изображение животного и человека с луком (?), заполненное золой и обожженными костями овцы. На р. Илто изучено поселение, на котором обнаружен слой «куро-аракской» культуры и слой эпохи средней бронзы.

Раскопкам погребений раннеантичного периода в с. Асурети (Тетрицкаройский район) был посвящен доклад К. Д. Квижинадзе. В погребениях много глиняных изделий, бронзовых и железных предметов и бус.

Доклад О. Д. Лордкипанидзе, Н. Ю. Ломоури, М. Н. Мицишвили и Л. С. Сахаровой отразил результаты изучения археологических памятников г. Кутаиси (западная Грузия) и его окрестностей. Во время раскопок внутри древней цитадели города выявлены остатки жилых и хозяйственных сооружений среднефеодального периода. Толщина культурного слоя превышает 4 *м* и разделяется на три горизонта: первый — XVII—XVIII вв.; второй — XII—XIII вв.; третий — раннефеодальный (до X в.). В окрестностях города, недалеко от с. Чогнари, частично раскопано два холма: «Фарналис гора» (погребения IV—V вв. н. э., поселения V—IV вв. и VIII—VII вв. до н. э.) и «Насаджвареби» (поселения позднеэллинистическое, раннеантичное и VIII—VII вв. до н. э.).

Т. К. Микеладзе сообщил о результатах разведок в окрестностях г. Поти, где предполагается местонахождение античного города Фасиса, упоминаемого в письменных источниках. При раскопках выявлены остатки поселения начала античной эпохи, VI—V вв. до н. э.

Доклад Т. Ш. Карумидзе (Гос. музей искусств ГрузССР) «Архитектура основного строительства Уплис-цихе» был посвящен исследованиям территории пещерного города-крепости античного периода Уплис-цихе неподалеку от г. Гори (восточная Грузия). Это сложный архитектурный комплекс с высеченными в скале домами, культовыми сооружениями. При раскопках раскрыты площади, улицы, тоннель, ворота, оборонительный ров, сточные каналы и т. д.

О результатах раскопок позднеантичного города Пицунда доложили А. М. Апакидзе, Р. М. Рамишвили и Р. В. Путуридзе. В 1965 г. внутри крепости продолжалась расчистка главной улицы. На ней было раскопано здание с подпольной отопительной системой, а к северу от здания расчищены остатки сточных канав.

Коллективное сообщение А. Н. Каландадзе А. В. Бохочадзе, Г. И. Лежава, Г. М. Насидзе и Д. Ш. Амиранашвили касалось итогов 17-й полевой кампании Мцхетской археологической экспедиции. Экспедиция раскопала обнаруженную при строительных работах городскую стену IV—V вв. и остатки ворот.

Об исследованиях в Болнисском районе, на территории пос. Маднеули, доложили И. А. Гзелишвили, Д. Ш. Амиранашвили и Г. М. Насидзе. Экспедиция обнаружила мастерскую по выплавке железа и временное жилище ремесленников. В мастерской найдены шлак, древесный уголь и т. д. По керамике и монетам этот памятник датируется XIII—XIV вв.

Доклад В. В. Джапаридзе касался итога раскопок на Дманисском городище, которые возобновлены Гос. музеем Грузии имени С. Н. Джанашиа с 1960 г. Здесь раскопана печь (XII в.) для обжига посуды. Обнаруженный около печи обломок керамической подставки с прикипевшими фрагментами голубой фаянсовой посуды еще раз подтверждает наличие местного производства фаянса в средневековой Грузии.

Ш. Г. Чартолани рассказал о результатах раскопок могильника VI—IV вв. до н. э. в Ларилари (Сванетия).

Результатам пятого сезона раскопок в средневековой крепости Рустави (Кухетский) посвящен доклад Г. А. Ломтатидзе. Еще в эпоху раннего железа был заселен холм, на котором впоследствии возникла крепость раннефеодального города, достигшего расцвета в XII—XIII вв. К последнему периоду относятся выявленные при раскопках остатки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений и мно-

гочисленные находки. Впервые удалось четко разграничить (на трех участках) слой XI в. от слоя XII—XIII вв. Руставская крепость, разгромленная монголами, была возобновлена в XVII—XVIII вв.

Одно из заседаний сессии было посвящено итогам восьмилетних раскопок около с. Ховле (Каспский район, восточная Грузия), где работала экспедиция отдела исторической географии института, под руководством ныне покойного акад. Н. А. Бердзенишвили. На холме Ховлегора раскрыт мощный культурный слой, содержащий восемь строительных горизонтов древнего поселения, датируемого XV—IV вв. до н. э. Обнаруженные постройки, жилые и хозяйственные, керамические мастерские, остатки оборонительных стен и находки (керамические изделия, каменные орудия труда, бронзовое оружие, печати и др.) дают возможность характеризовать быт, хозяйство, ремесло и строительное дело древних ховлейцев. Этим вопросам были посвящены доклады: Д. Л. Мусхелишвили «Археологический материал с Ховлегора», Г. Г. Цкитишвили «Домашний быт и хозяйство ховлегоринцев», К. Н. Меликтаури «Строительное искусство в древнем Ховле по раскопочным материалам», Д. А. Хахутайшвили «Ремесленное производство по раскопочным материалам из Ховле».

* * *

В 1966 г. грузинский народ вместе с народами Советского Союза и всего прогрессивного человечества отметил 800-летие со дня рождения гениального поэта и мыслителя Шота Руставели. Грузинские археологи своими исследованиями помогают дополнить страницы истории средневековой Грузии — эпохи, когда жил и творил Руставели (XII—XIII вв.).

Юбилею поэта была посвящена 14-я научная сессия Гос. музея Грузии имени С. Н. Джанашиа, состоявшаяся в конце июня 1966 г. На сессии была представлена преимущественно археологическая тематика.

В. В. Джапаридзе прочел доклад «Раскопки городища Дманиси». Еще в 1936 г. в связи с юбилеем, посвященным 750-летию поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», под руководством Л. В. Мусхелишвили были начаты раскопки Дманиси. Они были продолжены в 1937 г., а потом прекратились. В 1960 г. музей Грузии возобновил изучение городища Дманиси. Как выявлено раскопками, территория городища была заселена еще в эпоху энеолита, а в XI—XIII вв. там был значительный город-крепость. Обнаруженные постройки, керамические мастерские и маслобойни, множество монет и импортной керамики свидетельствуют, что в средпефеодальном периоде Дманиси был процветающим ремесленно-торговым городом. В 1965 г. на Дманисском городище был найден клад XII—XIII вв., состоявший из височных подвесок, серег, браслетов и бус, изготовленных из золота и серебра. О его изучении сообщил В. А. Леквинадзе.

В хозяйстве средневекового Дманиси животноводство занимало значительное место, о чем свидетельствуют многочисленные костные остатки животных. Ведущими отраслями животноводства было скотоводство и овцеводство. Об этом говорила А. Л. Цицишвили в докладе «Костные остатки животных из городища Дманиси».

Д. Г. Капанадзе выступил с докладом «К датировке некоторых неопределенных грузинских монет эпохи Руставели».

Р. М. Долаберидзе в докладе «Стеклянные браслеты Грузии феодальной эпохи» дала классификацию браслетов VIII—XIV вв., изготовленных в местных стеклоделательных мастерских.

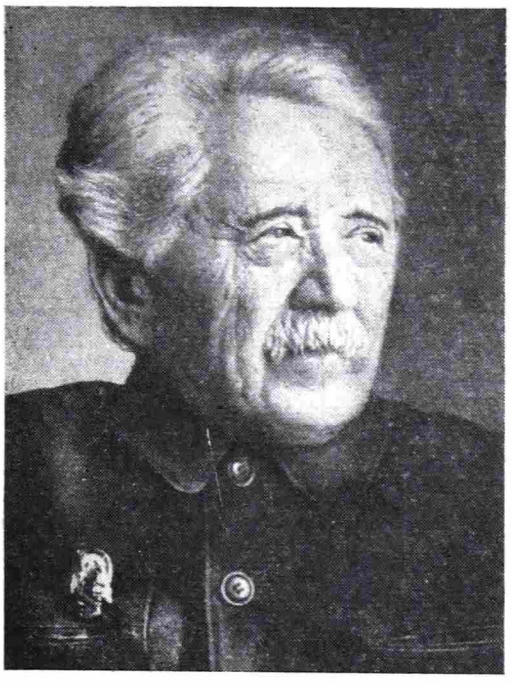
С докладом «Памятники эпохи Руставели из Ванис-кваби» выступил Г. М. Гаприндашвили. В 1964 г. спелеологическая экспедиция обнаружила ценные памятники XII—XIII вв. в пещерном монастыре Ванис-кваби (Месхетия, юго-западная Грузия). Среди находок — орнаментированные фрагменты алтарной преграды, архитектурные детали колокольни, три серебряные чаши и камень с грузинской надписью. В надписи упоминается джавахетский феодал Ичкит Гургенисдзе, который восстановил купольный храм в монастыре.

* * *

Институт истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили устроил в предъюбилейные дни сессию, на которой из археологов выступил Г. А. Ломтатидзе с обобщающим докладом «Археология Грузии эпохи Руставели». В нем были суммированы новые данные, которые были накоплены в результате интенсивных работ последних 30 лет (считая с начала раскопок в Дманиси). Были подытожены результаты изучения городов-крепостей, замков, селищ, развалин отдельных дворцов, монастырей и храмов. Особо были охарактеризованы успехи зародившейся сравнительно недавно производственной археологии, изучающей горнорудное дело, металлургию, кузнечное дело, стеклоделие и гончарное дело. Все это вносит значительный вклад в дело изучения той эпохи, в которую жил мыслитель и певец мирового масштаба — Руставели.

Сессии, состоявшиеся в Тбилиси, вызвали большой интерес среди научной общественности. Прочитанные доклады показали, что грузинскими археологами за последнее время вновь сделано много первоклассных открытий и важных обобщений.

В. А. Джорбенадзе



ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕСЕЛОВ

18 сентября 1966 г., в г. Керчи скончался Василий Васильевич Веселов, коммунист, общественный инспектор по охране памятников культуры, человек, страстно влюбленный в археологию, внесший большой вклад в изучение античных памятников Керченского полуострова.

В. В. Веселов родился в 1892 г. в г. Кременчуге. Окончил Киевский политехнический институт в 1918 г. по специальности инженера путей сообщений. Работал инженером на строительстве железнодорожных путей в Донбассе, начальником технического отдела Северо-Кавказской железной дороги и т. д. В 1956 г. вышел на пенсию, получив звание почетного железнодорожника.

В 1949 г., работая на строительстве железнодорожной переправы через Керченский пролив, В. В. Веселов увлекся археологией. Будучи человеком очень наблюдательным и образованным, он обратил внимание на большое количество античной керамики и развалин построек в районе строительных работ. Неутомимый пешеход и любитель природы, Василий Васильевич все свое свободное время стал отдавать разведкам археологических объектов и сборам подъемного материала.

С 1956 по 1964 гг. В. В. Веселов — постоянный участник Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИА АН СССР. Он принимал также участие в работах разведочного отряда Боспорской экспедиции ИА АН СССР (в 1956 г.), Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции (в 1957 г.) и Коктебельского отряда Крымского отдела археологии АН УССР (в 1959 г.).

В. В. Веселов с большой энергией и добросовестностью выполнял свои обязанности общественного инспектора по охране памятников культуры, постоянно информировал Керченский историко-археологический музей имени А. С. Пушкина и Городской исполнительный комитет обо всех неполадках в деле сохранения археологических объектов, он собрал вокруг себя актив из школьников, активно помогавших ему в археологических разведках, широко информировал общественность о всех археологических находках и раскопках, помещая заметки в местных газетах. Его статьи о разведках на Керченском полуострове и о найденных им памятниках неоднократно публиковались на страницах сборника и журнала «Советская археология» и в научных сборниках Государственного Керченского историко-археологического музея имени А. С. Пушкина. Большую коллекцию древних вещей, найденных им при осмотрах археологических памятников, В. В. Веселов передал в Керченский музей, а одна из обнаруженных им античных скульптур передана в ГМИИ имени А. С. Пушкина.

В. В. Веселов был хорошим инициативным работником, веселым и отзывчивым человеком. Советская археология потеряла в нем преданного друга и ценителя, неутомимого разведчика и искателя.

И. Т. Кругликова

ПАМЯТИ ЯНА ПЕТЕРСЕНА

3 марта 1967 г. в Осло скончался известный норвежский археолог Ян Петерсен (Jan Greve Thaulow Petersen). Его фундаментальные труды получили на родине автора и за ее пределами широкое признание и служат важным пособием и справочником для изучения истории Европы в средневековье. Специалисты, изучающие культуру эпохи раннего феодализма в Скандинавии и на всем европейском континенте, знают значение норвежских древностей второй половины I тысячелетия н. э., большинство которых введено в научный оборот, классифицировано и систематизировано Яном Петерсеном.

Ян Петерсен родился 20 октября 1887 г. в Тронхейме. В 1905 г. он окончил школу, а в 1914 г.— университет в Христиании (Осло). В том же году Петерсен получил место ассистента музея в Ставангере, а годом позже стал хранителем исторического музея при университете в Христиании. В 1923 г. ученый возвращается в Ставангер, но уже директором музея, и работает в этом городе до самого ухода на пенсию (1958 г.). В 1928 г. его избирают членом норвежской Академии наук. В период гитлеровской оккупации Норвегии Я. Петерсен был среди тех археологов, которые выступали против «нового порядка». Не раз, пользуясь своим служебным положением, Петерсен защищал интересы своих коллег.

Такова скупая внешними событиями, но наполненная неустанным творческим трудом жизнь Яна Петерсена.

Международную известность Я. Петерсену принесли исследования древностей викингов. Еще в год окончания университета Я. Петерсен представил магистерскую диссертацию «Игра на шахматной доске в доисторическое время в Норвегии». Спустя пять лет (1919 г.) была опубликована его докторская диссертация: «Норвежские мечи эпохи викингов». В этой работе Я. Петерсен систематизировал оружие из норвежских раскопок (главным образом около 2000 мечей VIII—XI вв.). Поскольку нигде в Европе не найдено такого количества клинков и поскольку мечи из Норвегии по своим рукоятям и отделке в большинстве оказались общеевропейскими, классификация и хронология Я. Петерсена с большими или меньшими поправками оказались приложимы почти ко всем мечам, найденным в разных странах Европы. Петерсоновской типологией мечей, копий и боевых топоров с ее буквенным обозначением и поныне пользуются археологи и оружиеведы многих стран. Работая с огромным количеством норвежского материала, Петерсен не позволил себе увлечься националистическими преувеличениями. При определении центров производства средневекового оружия Я. Петерсен лишь в наиболее вероятных случаях доказывал местное производство изученных им изделий. В этой и дальнейших своих работах Ян Петерсен, как правило, не стремился к обсуждению широких культурно-теоретических проблем, и читатели его трудов подчас ощущают недостаток в них исторического фона. Однако эту «вещеведческую» стадию обработки накопленного раскопками материала прошла, вероятно, археология каждой страны, и каждая из них выдвинула корифеев в этой области. Таким был и Ян Петерсен.

В 1928 г. вышла очередная крупная работа ученого «Украшения времени викингов». В ней детально проанализированы принадлежности костюма и прежде всего черепаховидные и иные фибулы. Я. Петерсен уловил их изменения и построил хронологию этих украшений иногда с точностью до четверти века. Книга об украшениях была издана очень малым тиражом и стала библиографической редкостью. Я. Петерсен подготовил ее переиздание, но осуществить его, к сожалению, не успел.

В 30-х годах Я. Петерсен отвлекся от темы, принесшей ему широкую известность, и опубликовал двухтомный труд «Старые усадьбы в Рогаланде» (1934—1936 гг.). В Норвегии высоко ценят произведенные Я. Петерсеном многолетние раскопки родовых поселений с большими домами времени позднего железного века, расположенных на юго-западе страны.

После выхода в свет книги о норвежских усадьбах Я. Петерсен возвратился к исследованию вещей конца I тысячелетия н. э. В 1951 г. выходит в свет его обширная работа «Орудия времени викингов». В ней рассмотрены молоты, клещи, долота, пилы, серпы, косы, ножи, сошники, мотыги, скобели, сверла, рабочие топоры, ножницы и т. д., но, впрочем, также шпоры, удила, гребни и многое другое, поэтому, может быть, ее название следует перевести на русский язык как «Утварь». Книга явилась целой энциклопедией материального быта не только древней Скандинавии, но, по существу и всей Западной Европы. Научная деятельность Я. Петерсена является примером точной и скрупулезной обработки источников. Благодаря этому его «трилогия», с учетом неизбежных дополнений и поправок, будет жить еще очень долго.

Ян Петерсен с большой силой показал важность исследования археологических источников. Он показал, что источниковедческая работа и в наше время имеет не меньшее значение, что только она является первостепенной фактологической базой для археолога.

Даже в последние годы жизни, несмотря на преклонный возраст, Ян Петерсен был щедр на советы. В эти годы, по словам одного видного норвежского археолога, он был, как старое дерево. Это могучее дерево оставило после себя обильный урожай и густую поросль новых всходов.

Ян Петерсен следил за русской археологической литературой. Книги Я. Петерсена хорошо известны в Советском Союзе.

Д. Авдусин, А. Кирпичников

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. И. Третьяков (Ленинград). Культура ямочно-гребенчатой керамики на севере и северо-западе Европейской части СССР 3
И. Н. Шарафутдинова (Киев). К вопросу о сабатиновской культуре 16
П. М. Кожин (Москва). Гобийская квадрига 35
Н. С. Белова (Ленинград). К надписи IosPE II, 8 43
Е. А. Цепкин, В. А. Могильников (Москва). Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа 54
О. М. Рапов (Москва). Знаки рюриковичей и символ сокола 62
В. П. Даркевич (Москва). Романские элементы в древнерусском искусстве и их переработка 70
Л. В. Алексеев (Москва). Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX—начале XX в. 85
В. И. Довженок, Ю. Н. Захарук, А. И. Тереножкин (Киев). К 60-летию С. Н. Бибикова 101
А. А. Быков (Ленинград). Р. Р. Фасмер (1888—1938) 105

Публикации

Е. М. Тимофеев (Москва). Усть-Куломская мустьерская стоянка на Вычегде 107
М. П. Абрамова (Москва). Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии 114
Ю. Ф. Буряков (Ташкент). Пскентские наусы 131
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Средний Зеленчукский храм 137
Ж. Н. Выжарова (Болгария, София). Памятники Болгарии конца VI—XI вв. и их этническая принадлежность 148
С. Н. Орлов (Новгород). Археологические исследования в низовьях р. Мсты 160
О. Д. Балдина (Москва). Две иконы ростовской школы живописи . . . 172

Заметки

Ю. С. Гришин (Москва). О некоторых забайкальских медно-бронзовых изделиях эпохи средней бронзы (карасукского времени) 180
А. Д. Пряхин (Воронеж). Воргольское поселение срубной культуры . . 182
В. И. Цехмистренко (Московская обл.) Керченский склеп 1961 г. . . 189
К. Маевский (Варшава). Польские археологические исследования в Нове (Болгария) в 1967 г. 194
П. П. Хороших (Иркутск). Наскальные рисунки Большого Кадинского порога 198
А. И. Салов. (Анапа). Случайные находки в Анапе и ее окрестностях . . 202
И. И. Саверкина (Ленинград). Пальмирский портрет собрания Эрмитажа 206
А. П. Рунич (Пятигорск). Катакомбный могильник VII—VIII вв. около г. Кисловодска 208
Н. В. Минкевич-Мустафаева (Баку). Производственные сооружения ремесленного квартала Байлакана 214
М. Н. Федоров (Ташкент). Ферганский клад караханидских дирхемов (1034—1043) 221
Н. В. Пятышева (Москва). Восточные шлемы с масками в Оружейной палате Московского Кремля 227
А. И. Комеч (Москва). Построение вертикальной композиции Софийского собора в Киеве 232
Л. Л. Галкин (Москва). Несколько изразцов из селитренного городища . 238
Р. Г. Джадтиев (Цханвали). Склепы верховьев р. Лиахвы 243
А. И. Лаврентьев (Новосибирск). Курганы и речная сеть юго-запада Прикаспийской низменности 248
А. М. Микляев, Н. Г. Герасимова (Ленинград). Опыт применения метода фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области 251

Критика и библиография

А. А. Мартиросян (Ереван), **Р. М. Мунчаев** (Москва). С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении 255
А. Л. Якобсон (Ленинград). Г. Н. Чубинашвили. Разыскание по армянской архитектуре 262
Л. И. Лавров (Ленинград). А. Ж. Кафоев. Адыгские памятники 270

Э. А. Сымонович (Москва). М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності 274
Д. Т. Березовец (Киев). М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності 279
С. П. Борисковская (Ленинград). Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. v. XIII . . . 284
В. В. Седов (Москва). I. Herrmann. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz 288
О. Н. Мельниковская, Л. В. Алексеев (Москва). Э. М. Загорульский. Археология Белоруссии 291

Хроника

В. Г. Петренко (Москва). Вторая московская конференция по вопросам скифо-сарматской археологии 297
В. А. Джорбенадзе (Тбилиси). На археологических сессиях в Тбилиси . . 302
В. В. Веселов 305
Памяти Яна Петерсена 306

SOMMAIRE

Articles

V. P. Tretiakov (Léningrad). La civilisation de la céramique ornée par creux et peigne au Nord et Nord-Ouest de la partie Européenne de l'URSS 3
I. N. Chrafoutdinov (Kiev). Sur la question de la civilisation Sabatinovienne 16
P. M. Kojine (Moscou). La quadrigue de Gobi 35
N. S. Belova (Léningrad). A l'inscription Iospe II, 8 43
E. A. Tsepkine, V. A. Moguilnikov (Moscou). La pêche chez la population de la région de forêt d'Irtych à l'âge de fer 54
O. M. Rapov (Moscou). Les signes des Rurikovitchs et le symbole de faucon 62
V. P. Darkevitch (Moscou). Elements romans dans l'art russe ancien et leur traitement 70
L. V. Alexéev (Moscou). Essai de l'histoire de l'archéologie de Biélorussie (fin du XIXe — commencement du XXe siècle) 85
V. I. Dovjenok, I. N. Zakharouk, A. I. Terenojkine (Kiev). An 60e anniversaire de S. N. Bibikov 101
A. A. Bykov (Léningrad). R. R. Fasmer (1888—1938) 105

Publications

E. M. Timophéev (Moscou). Station moustierienne Oust Koulomskia sur la Vytchegda 107
M. P. Abramova (Moscou). Sépultures nouvelles du temps des Sarmates de Kabardino-Balkarie 114
J. F. Bouriakov (Tachkent). Les «naousses» de Pskent 131
V. A. Kouznetsov (Ordjonikidze). Le temple moyen de Zelentchouk . . . 137
Y. N. Vyjarova (Sofia). Monuments de la Bulgarie du fin du VIe— de l'XIe siècle et leur appartenance ethnique 148
S. N. Orlov (Novgorod). Recherches archéologiques sur la basse Msta . . 160
O. D. Baldina (Moscou). Deux icônes de l'école de peinture rostovienne . . 172

Notes

J. S. Grichine (Moscou). Sur quelques articles de bronze de Transbaikalie de l'âge de bronze moyen (temps de Karassouk) 180
A. D. Priakhine (Voronej). L'établissement de Vorgol de la civilisation Sroubnaia 182
V. I. Tsekhmistrenko (Moscou). La crypte de Kertch de 1961 189
K. Majewski (Varsovie). Rercherches archéologiques polonaises à Novae (Bulgarie) en 1967 194
P. P. Khorochikh (Irkoutsk). Petroglyphes près du rapide Bolchoi Kadinski 198
A. I. Salov (Anapa). Trouvailles fortuites à l'Anapa et ses environs 202
I. I. Saverkina (Léningrad). Un portrait de Palmire de la collection d'Ermitage 206
A. P. Rounitch (Piatigorsk). Necropole à catacombes de VIIe — VIIIe siècles près de Kislovodsk 208

N. V. Minkevitch-Moustafaéva (Bakou). Edifices de production au quartier d'artisans de Bailakan 214
M. N. Fedorov (Tachkent). Trésor de dirhems des Karakhanides (1034—1043) trouvé à Ferghana 221
N. V. Piatycheva (Moscou). Casques orientaux à masques dans la Salle d'armes du Kremlin 227
A. I. Kometch (Moscou). Construction de la composition verticale de cathédrale de Sainte Sophie à Kiev 232
L. L. Galkine (Moscou). Quelques carreaux de faience du gorodichtché Selitrennoié 238
R. G. Djadtiev (Tskhinvali). Les cryptes de la haute Liakhvi 243
A. I. Lavrentiev (Novosibirsk). Les tumulus et les rivières de Sud-Ouest de la basse contrée près de la mer Caspienne 248
A. M. Mikliaév, N. G. Querasimov (Léningrad). Une expérience d'emploi de l'analyse phosphatée pendant la reconnaissance d'etablissements anciens dans la régien de Pskov 251

Critique et bibliographie

A. A. Martirosian (Erevan), **R. M. Mountchaev** (Moscou). S. A. Sardarian. Société primitive en Arménie 255
A. L. Iakobson (Léningrad). G. N. Tchubinachvili. Recherche sur l'architecture armenienne 262
L. I. Lavrov (Léningrad). A. J. Kafoev. Les monuments des Adygues . . 270
E. A. Symonovitch (Moscou). M. I. Braitchevski. Auprès des sources de la structure d'Etat slave 274
D. T. Berezovetz (Kiev). M. I. Braitchevski. Auprès des sources de la structure d'Eatat slave 279
S. P. Boriskovskaia (Léningrad). Corinth. Results of excavations conducted by the American School of Classical Stadies at Athens, v. XIII 284
V. V. Sedov (Moscou). I Herrmann. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz 288
O. N. Melnikovskaia, L. V. Alexéev (Moscou). E. M. Zagoroulski. Archéologie de la Biélorussie 291

Chronique

V. G. Petrenko (Moscou). Deuxième conférence d'archéologie des Scythes á Moscou 297
V. A. Jorbenadzé (Tbilissi). Sessions archéologiques à Tbilissi 302
V. V. Veselov 305
À mémoire de Jan Petersen 306

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки
АП — Археологічні пам'ятки Української РСР
БКИПЧ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАН — Вестник Академии наук
ВДИ — Вестник древней истории
ВАУ — Сб. «Вопросы археологии Урала»
ВВ — Византийский временник
Вит. ГВ — Витебские губернские ведомости
ВОКК — Вісник Одеської комісії краєзнавства
ВУАК — Всеукраінський археологічні комітет
ВЭИНП — Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГГУ — Главное геологическое управление
ГМИИ — Государственный музей изобразительного искусства
ГПИ — Государственный педагогический институт
ДАН — Доклады Академии наук
Зап. АН БССР — Записки Академии наук Белорусской ССР
Зап. ЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
Зап. ИРГО — Записки Русского географического общества
Збірник ДКІАМ — Збірник. Дніпропетровський краєвий історично-археологічний музей
ЗЖ — Зоологический журнал
ЗНТК — Записки наукового товариства. Київ
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИАИ [ИБАИ] — Известия на Българския археологически институт
ИАО — Императорское археологическое общество
ИВАД — Известия на Варненското археологическо дружество
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. АН СССР — Известия Академии наук СССР
Изв. АН АрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
Изв. АН УзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
Изв. ВНИОРХ — Известия Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного рыбного хозяйства
Изв. УзФАН СССР — Известия Узбекского филиала Академии наук СССР
Изв. ЧИНИИ — Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института
Изв. ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института
ИМАО — Известия Московского археологического общества
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОЛЕАЭ — Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии
ИРАИ — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО — Известия Российского археологического общества
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государств. археологического музея
ЛХМ — Летопись Херсонского музея
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАПП — Матеріали з археології Північного Причерномор'я
МАР — Материалы по археологии России
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
«Мимонхилвели» — Обозреватель (Грузия)
МинГВ — Минские Губернские ведомости
МинЕВ — Минские Епархиальные ведомости
МогГВ — Могилевские Губернские ведомости
ОАИЭ — См. ИОЛЕАЭ

ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистического общества
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
Пкн МинГ — Памятная книжка Минской губернии
Пол ЕВ — Полоцкие Епархиальные ведомости
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
САН Груз. ССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
САРАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
С/З ОИРГО — Северо-западный отдел Русского географического общества
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТГМ — Тобольский государственный музей
Тр. АС — Труды Археологического съезда
» ВлУАК — Труды Владимирской Ученой архивной комиссии
» ВитУАК — Труды Витебской Ученой архивной комиссии
» ВПИ — Труды Вишн. педагогически институт (Болгария)
» ГИМ — Труды Государственного исторического музея
» ГИН — Труды Геологического института СССР
» ИЭ — Труды Института этнографии
» ОВЭ — Труды Отдела Востока (Эрмитаж)
» ОППКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры (Эрмитаж)
» ПОКЭ — Труды Прибалтийской комплексной экспедиции
Уч. зап. ИВАН — Ученые записки Института востоковедения
« » ИИЯЛ ДагАССР — Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанской АССР
ХВ — Христианский восток
ЧИОНЛ — Чтения в Историческом обществе Нестора летописца
ЭВ — Эпиграфика Востока
AAH — Acta archaeologia hungaricae
AH — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Athenische Abteilung
AJA — American Journal of Archaeology
Arch. Anz. — Archäologischer Anzeiger des Deutschen Archäologischen Instituts
AS — Anatolian Studies
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities in Stockholm
BZ — Bizantinische Zeitshrift
ID — Inscription de Délos
JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts
IG — Inscriptiones Graecaeum
Ios PE — W. Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti euxini
PA — Pamàtky archeologické. Praha
PWK — Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädia der klassischen Altertumswissenschaft
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
SA — Slovenska archeologia
SAG — E. N. Minns Scythiaus and Greeks. Cambridge, 1913.
Syll — W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/IV—1968 г. Т-10666 Подп. к печати 23/VII—1968 г. Тираж 2300 экз.
Зак. 400 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆ Усл. печ. л. 27,3+2 вкл. Бум. л. 9³/₄. Уч.-изд. л. 31,9

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редколлегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2-х экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная. Сноски печатаются также через 2 интервала.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в 2-х экземплярах и краткое (10—20 строк) резюме на русском языке.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото-контрастные и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в 2-х экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в 2-х экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского и греческого алфавита, должны быть сдублированы на кальке для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

8. Рукописи в основном печатаются в журнале в порядке поступления их в Редакцию. На переработку статьи направляются авторам с отзывом рецензента. Рукописи, присланные после переработки рассматриваются как вновь поступившие.